Игорь Синицин

ВОСПОМИНАНИЯ О ВРЕМЕНАХ ОТТЕПЕЛИ И ЗАСТОЯ

АНДРОПОВ ВБЛИЗИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вокруг главного персонажа этих воспоминаний — Юрия Владимировича Андропова, посла в Венгрии, секретаря ЦК КПСС, председателя КГБ, члена политбюро, генсека — сложилось много мифов и легенд. Не делая окончательных оценок, автор предлагает новое видение этой выдающейся личности как человека, партийного и государственного деятеля, чекиста. Портрет «последнего большевика» рисуется на фоне событий 1970-х годов, деятельности генсека Брежнева и других кремлевских геронтократов. Читатель на основе некоторых малоизвестных фактов из жизни и функционирования советской верхушки может сделать свои выводы об Андропове и его времени.

- Игорь Синицин
  - Предисловие
  - Самый длинный день
  - Куда летел ржавый паровоз?
  - Андропов на фоне застоя
  - Тайная дипломатия Андропова
  - Андропов и КГБ
  - Борец с коррупцией
  - Самый загадочный генсек?
  - Приложение
    - Связной младшего допризывного возраста
  - Список источников
- notes
  - 1
  - 2

Игорь Синицин
Андропов вблизи. Воспоминания о временах оттепели и застоя

Предисловие

Сегодня по-прежнему не угасает интерес к личности Юрия Владимировича Андропова, оставившего заметный след в истории XX века. За три десятилетия, прошедшие после его смерти, не утихают споры об этом деятеле правившей в СССР Коммунистической партии и просто человеке. Опубликованы сотни и тысячи статей, десятки книг, вышли в эфир программы и даже телесериалы о нем. Много правды, полуправды, слухов и сплетен обрушилось на читателя и зрителя. О нем сложено много добрых и злых мифов, но Андропов для многих по-прежнему остается загадкой. Юный матрос на Волге, комсомольский вожак на Ярославщине и в Карелии, партийный функционер в Петрозаводске и Москве, дипломат, ставший известным всему миру как посол Советского Союза в Будапеште во время антикоммунистического восстания в Венгрии в 1956 году, он вышел на прямую дорогу к власти в одной из двух сверхдержав мира в конце 60-х годов XX столетия, когда с поста второстепенного секретаря ЦК КПСС по социалистическим странам был поставлен генсеком Брежневым во главе Комитета государственной безопасности СССР. В этой должности он пробыл пятнадцать лет, а затем, вопреки политическим обычаям в верхушке Советского Союза, где всегда смертельно боялись людей из госбезопасности, на пятнадцать месяцев стал генеральным секретарем ЦК КПСС и главой Советской державы.

Он сделал очень много для продления агонии коммунистической Системы СССР и его сателлитов по всей земле. Проживи он дольше, возможно, эта Система смогла бы найти «второе дыхание» или… весь мир был бы испепелен ядерной третьей мировой войной.

Но почему его имя снова и снова приходит к нам на слух в ту эпоху, когда вновь решаются судьбы России? Ведь уже подросло новое поколение молодых людей, значительная часть которых полагает, что Ленин — это только искаженное имя одного из «битлов» — Леннона.

Дело, видимо, в том, что Андропов оставил свой след в истории на переломе от советской империи к новой России. В его делах и намерениях было что-то созвучное нашим сегодняшним заботам и проблемам. Более того, многие наши нынешние беды и несчастья, которые больно ударили особенно по старшему поколению, уходят своими корнями в историю трех последних десятилетий Советского Союза. Не секрет, что политиканы, казнокрады, воры и бандиты, разграбившие великую страну и

развалившие ее, воспитывались в советских детских садах, школе, высших учебных заведениях, в комсомоле и партии, кончали университеты марксизма-ленинизма и кружки политграмоты.

Юрию Владимировичу не поставлены памятники в бронзе, граните или гипсе, как идолу нашей страны до сегодняшнего дня — Ленину. Только один скромный бюст открыт в 2004 году в столице Карелии Петрозаводске, где он работал двенадцать лет — с 1940 по 1952 год. Но основоположник всех наших бед и «побед», именем которого часто клялся и Андропов, стоит между тем до сих пор в каждом городе у здания бывшего обкома или райкома с рукой, указующей в смутное будущее, и задом, обращенным к резиденции нынешнего органа власти… Однако Андропов оставил о себе память в умах и сердцах народа, которая сегодня значит больше, чем идеи того, кто был «живее всех живых». Его планы были удивительно просты: это — просьба, с которой он, став генеральным секретарем партии, обратился к рабочему классу об укреплении дисциплины труда, к обществу — о необходимости борьбы с коррупцией, ложью и национализмом. Люди сразу поняли, что Андропов шел к власти и взял ее не для упоения ею, не для благополучия своих родственников или процветания клана, которого у него не было, а для того, чтобы вытащить страну из кризиса, создать народу достойную и зажиточную жизнь. Будучи полтора десятилетия во главе КГБ, он, как никто другой, знал, что государство и правящая партия гниют, экономика страны подошла к краху.

Вместе с тем это книга не только об Андропове. Это еще воспоминания и размышления о временах, которые называют «застойными», анализ тех фактов, которые в большом числе всплывают на поверхность в исследованиях историков и журналистов, в публикациях о темных и тщательно скрывавшихся деталях Системы. Бывшие руководители КПСС и Советского государства, в том числе и генералы КГБ, обнародовали уже устно и письменно так много примеров тому из документов с грифами «совершенно секретно» и «особой важности», что мои человеческие впечатления о закулисной стороне власти в Советском Союзе ни в коей мере не могут быть большей тайной, чем их откровения.

Еще несколько лет тому назад иностранные журналисты и ученые могли приобретать в российских архивах за большие деньги советские секретные документы и публиковать их. Некоторые второстепенные секреты обнародованы и в российских изданиях, например журнале «Источник». Но в принципе для наших исследователей основной массив «особых папок» оставался и остается закрытым. Только немногие «избранные» россияне

допускаются теперь в эти хранилища. К числу этих счастливчиков я не принадлежу и поэтому опираюсь в книге в основном на память. Мне повезло также и в том отношении, что в силу родственных и иных дружеских связей, с дошкольного возраста до пенсионных лет обычного российского социального пенсионера, я был знаком или близко знал очень многих персонажей этой книги. Прежде всего Андропова. Юрий Владимирович проявил желание регулярно общаться со мной, когда по его просьбе Суслов распорядился принять меня в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС особым решением секретариата ЦК в сентябре 1970 года. 23 апреля 1973 года Андропова избрали членом политбюро ЦК КПСС. На следующий день он пригласил меня работать с ним в качестве его помощника по вопросам политбюро. В этой должности я пробыл рядом с ним практически ежедневно около шести лет — до весны 1979 года, когда вернулся в журналистику политическим обозревателем АПН в ранге члена правления агентства.

Естественно, что за десять лет, с 1970 по 1980 год, моим самым главным и надежнейшим источником информации был сам Андропов. Много и откровенно делились со мной интереснейшей информацией, которая в те годы была совершенно закрытой, видные разведчики и генералы от разведки, дипломаты, ученые, военные, журналисты… Теперь, впрочем, я нахожу иногда подтверждение фактам, известным в те времена только крайне ограниченному кругу лиц, в открытой публицистике, научных и мемуарных трудах, особенно начала 1990-х годов, когда интерес к годам «оттепели» и застоя был особенно пристальным и предметным.

Я размышляю над «кремлевскими тайнами» вовсе не из эйфории по тем временам, когда был на три десятка лет моложе. Может быть, кому-то из нынешнего и будущих поколений мои воспоминания помогут глубже осмыслить причины краха Системы, одним из винтиков которой был и я. Новому поколению, возможно, будет интересно узнать, как мы жили и работали, ошибались и что-то упускали, переживали и ненавидели, боролись и искали свою дорогу к Храму…

После многих лет смуты Россия снова начинает путь вперед. На этой дороге ее ждут многие завалы, ямы и другие препятствия. Не повторять ошибок прошлого, которые привели Систему к краху, а великое государство — к развалу, — очень тяжелая, почти непосильная задача. Но сколько бы ее решение ни заняло времени и труда — альтернативы нет…

Самый длинный день

В конце апреля 1973 года в аудиториях и коридорах Академии общественных наук при ЦК КПСС стоял привычный гул. Выпускники АОН, регулярные занятия которых и выпускные экзамены закончились еще перед Новым годом, оживленно обсуждали вопросы защиты своих диссертаций и рассылки готовых авторефератов и то, правильно ли выбрали на кафедрах оппонентов, роль которых в защите кандидатских диссертаций оценивалась весьма высоко. Не менее заинтересованно муссировались и проблемы распределения на работу аспирантов, которыми уже пару недель занимался отдел науки ЦК КПСС. В первую очередь получали назначения молодые партийцы, направленные на учебу Центральными комитетами Компартий республик и обкомами партии. Многие должны были возвратиться с повышением в родные пенаты, а некоторым счастливчикам предстояло получить должности в аппарате ЦК, высоких московских организациях и учреждениях. Все это было настолько «горячо», что, как оказалось, резко усилился поток кляуз, доносов и анонимок на выпускников в ЦК КПСС, в том числе и с мест, где они работали раньше. Увеличилось и число кляуз самих аспирантов на своих товарищей…

АОН при ЦК КПСС на Садовой-Кудринской, задний двор которой граничил с Московским зоопарком, в общем, оправдывала свое бытовавшее среди либералов-острословов шутливое, но весьма двусмысленное и емкое название «Академия при зоопарке».

Москвичей-аспирантов — тех, кто не «подсуетился» заранее для получения какого-либо особо вожделенного места работы или не имел связей в аппарате ЦК КПСС, — распределяли в последнюю очередь — где-то в июне — июле. Но «личные дела» выпускников уже давно находились в отделе науки ЦК, пройдя все мыслимые в те времена проверки. Поэтому я не «дергался», будучи уверен, что в московской журналистике мест на всех новоиспеченных кандидатов наук хватит.

22 апреля был такой же день, как и все предыдущие, — те же разговоры вокруг тех же проблем. Только к вечеру по коридорам прошел слух, что состоялся апрельский Пленум ЦК КПСС и на нем были избраны три новых члена политбюро: Юрий Владимирович Андропов — председатель КГБ, Андрей Антонович Гречко — министр обороны и Андрей Андреевич Громыко — министр иностранных дел. Но все они казались такими далекими от нас «небожителями», что никто из аспирантов не стал это

всерьез комментировать. И так было ясно, что генсек Брежнев в очередной раз укрепил свои позиции в политбюро и ЦК.

На следующее утро я пришел в академию, как обычно, чтобы проследить за рассылкой автореферата моей кандидатской диссертации, и тут же услышал от Натальи, ответственного секретаря нашей кафедры, длинно называвшейся «теория и методы идеологической работы», сообщение, что мне уже несколько раз звонили из города, оставили свой телефон и просили срочно позвонить, как только я появлюсь.

Естественно, я тут же набрал указанный номер, назвал себя и услышал в ответ: «Игорь Елисеевич, не могли бы вы приехать к нам по поводу вашего возможного трудоустройства?» Я согласился, не спросив даже, куда я должен приехать, но захотел узнать адрес и время встречи. Мне было отвечено, что в четырнадцать часов тридцать минут у подъезда академии меня будет ждать автомашина «Волга» с таким-то номерным знаком, которая и привезет меня туда, куда надо. Затем в трубке раздался сигнал отбоя, и я стал ругать себя, зачем не уточнил, куда меня все-таки позвали. Чтобы не сглазить удачу, если таковая меня ждет, я не сказал ни Наталье, ни другим своим близким друзьям и приятелям, что поступил некий странный звонок.

Сообщение меня самого так заинтриговало, что я пребывал до половины третьего словно в тумане, механически уточняя адреса рассылки автореферата, листая в читальне свежие газеты, обедая в прекрасной и дешевой столовой академии, не чувствуя вкуса еды…

Двадцать пять минут третьего ноги вынесли меня к главному подъезду на Садовом кольце, а глаза стали искать названный номерной знак среди множества машин, стоявших у здания академии. Черная, чисто вымытая «Волга» с мосовскими, то есть «солидными», номерами нахально оказалась на самом почетном месте, отведенном для машины ректора академии Иовчука, то есть прямо напротив входа в АОН.

Я открыл переднюю дверцу машины, заглянул внутрь, поздоровался с водителем. Незнакомый мне солидный пожилой человек ответил на мое приветствие и сразу спросил:

— Как ваши имя и отчество?

Я назвал себя, и водитель со словами «Садитесь, пожалуйста!» открыл заднюю дверцу. Я уселся, дверцы захлопнулись. «Волга» тронулась. Я все пытался сообразить, куда же меня везут.

Машина обогнула площадь Восстания, выехала на Никитскую и пошла в направлении к Манежу. Там она сделала левый поворот и мимо Госплана пошла в горку к площади

Дзержинского. Обогнув памятник «железному Феликсу», автомобиль выехал на Сретенку и неожиданно повернул направо перед гастрономом на площади Воровского. Когда он остановился и дал гудок перед мощными железными воротами между старым и новым зданиями КГБ, у меня прошел легкий морозец по коже — я понял, что чем-то заинтересовал всесильное ведомство. «Был ли этот интерес благоприятным? Или?..» — пронеслось у меня в голове.

По кривому и извилистому двору, где слева возвышались мрачные стены бывшей внутренней тюрьмы НКВД, машина подъехала к малоприметному подъезду, стекла которого были затянуты зеленым репсом. Дверь открылась тотчас, вышел прапорщик в форме КГБ и распахнул мою дверцу машины.

— Вас ждут… — коротко сообщил он мне.

Я вошел в подъезд, стены которого были аккуратно покрашены бирюзово-зеленой краской. У распахнутой двери лифта старого образца стоял человек в штатском.

— Я вас провожу до места… — уточнил он и нажал кнопку третьего этажа.

Коридор, куда мы вышли из лифта, был покрыт темно-красной ковровой дорожкой, а его стены отделаны в рост человека темными деревянными панелями. Около двери лифта возле тумбочки с телефоном стоял прапорщик. Он откозырял, но документов не спросил. Значит, был предупрежден.

Мы прошли налево несколько шагов и остановились возле малоприметной двери справа. Офицер нажал на скрытую кнопку, изнутри дверь отворили, и я вошел в какое-то странное помещение. Прямо передо мной, в простенке между двумя окнами, выходящими на боковую часть магазина «Детский мир», стояло высокое зеркало. Перед ним — вращающееся парикмахерское кресло. Справа от меня, за высоким занавесом светлого тона, на высоких никелированных трубках, словно в массажном кабинете санатория, можно было заметить высокую кровать на металлических ножках. Что было по левой стороне, я не успел разглядеть, поскольку пожилая женщина в белом халате, по виду медсестра или официантка, открывшая дверь изнутри, показала мне на высокую дверь красного дерева в левом дальнем углу комнаты и сказала, нажимая на бронзовую ручку этой двери:

— Вас просили подождать в той комнате и спросить, будете ли вы пить кофе или чай?

— Спасибо, кофе… — машинально ответил я, все еще теряясь в догадках, с кем мне предстоит его разделить. «Очевидно, — думал я, — это будет кто-то из заместителей председателя КГБ». Хотя я до этого момента уже почти три года встречался с Юрием

Владимировичем Андроповым в неформальной, даже весьма дружеской обстановке, вся цепь сегодняшних событий как-то не связалась еще у меня в голове…

Комната была угловой, метров сорока площадью, с двумя окнами, выходившими на «Детский мир», и двумя — на памятник Дзержинскому. Темно-красный ковер покрывал почти весь пол. Перед крайним левым окном стоял письменный стол, на котором возвышалась стопка книг и брошюр, поверх которой был виден учебник английского языка Бонк с заложенными тетрадкой страницами. Пара рабочих тетрадей, обычный письменный прибор с перьевой авторучкой и часами. В полутора метрах от стола двустворчатая дверь красного дерева с бронзовыми ручками. За моей спиной стоял хороший западный телевизор, в углу — небольшая дверь, явно в душевую комнату.

Между малой и двустворчатой дверьми, у стены, обшитой, как и вся комната, панелями орехового дерева, возвышался большой стенной книжный шкаф, набитый энциклопедиями, собраниями сочинений классиков марксизма-ленинизма, публицистическими и художественными книгами. В метре от него стоял на косых ножках довольно простой мебельный гарнитур, состоящий из низкого квадратного кофейного столика полированного светлого ореха, а по четырем сторонам его — четыре кресла с косыми ножками, квадратными подлокотниками, крытые красной мебельной тканью. Я стоял как дурак посреди комнаты, озирался вокруг и понимал, что меня привели в так называемую комнату отдыха какого-то высокого кагэбэшного начальства.

Дверь из комнаты, через которую я прошел сюда, отворилась, и вошла официантка с подносом, тяжелым от фарфорового кофейника, сливочника, двух чашек и двух вазочек с печеньем и так называемыми цековскими сушками. Эти сушки всегда подавали в высоких кабинетах как неизменный атрибут задушевной беседы с посетителем.

— Да вы присядьте и попейте кофейку!.. — рекомендовала милая хозяюшка, уставляя поднос на столик. Ее добрый тон успокоил меня, и я понял, что меня не ждет критика за вольнодумство.

Уселся я в кресло лицом к двустворчатой двери и уже успел осушить чашку кофе, запивая им вкусное печенье.

Вдруг открылась одна из створок двери. Я чуть не подавился, вскочив с места, поскольку узнал в высоком и элегантно одетом человеке… Юрия Владимировича Андропова! Но я никак не мог себе представить, что это будет он, — уж больно огромная дистанция отделяла аспиранта АОН от новоиспеченного члена

политбюро, хотя и знакомых между собой.

— Здравствуй, здравствуй! — направился он ко мне, широко улыбаясь одной из своих обаятельных улыбок и протягивая крепкую мужскую руку для рукопожатия.

— Здравствуйте, Юрий Владимирович! И позвольте поздравить вас со вчерашним избранием в члены политбюро!.. — ответил я на рукопожатие и последовал его примеру, снова усаживаясь за кофейный столик.

— Оказывается, аспиранты академии еще и газеты читают — не только труды основоположников… — пошутил Андропов. Затем, посерьезнев, он продолжал, наливая себе кофе: — Спасибо за поздравление, но в этом есть и частичка твоих заслуг… После наших с тобой неформальных встреч и жарких дискуссий я иногда рассказывал о них Леониду Ильичу… Он кое-что из хода твоих мыслей одобрял и теперь разрешил мне предложить тебе вакансию, которая у меня образовалась в связи со вчерашним моим избранием, помощника по политбюро…

На несколько секунд я потерял дар речи. Действительно, после неожиданного утверждения меня в качестве аспиранта Академии общественных наук при ЦК КПСС в сентябре 1970 года уже спустя две недели после начала занятий специальным решением секретариата ЦК я почти три года, раз в месяц или два, в неформальной обстановке встречался, но никогда в его кабинете, с Юрием Владимировичем. Как выяснилось, Андропов очень любил беседовать в немногие свободные часы с учеными, журналистами, литераторами, молодыми партийцами. Так и я попал в этот круг. Произошло это по инициативе моего старого друга и замечательного журналиста Конрада Михайловича Смирнова, тогда обозревателя «Известий» и бывшего в годы культурной революции в Китае собкором «Правды» в Пекине.

Мы часто ездили с Конрадом по путевкам общества «Знание» в областные и республиканские города для чтения лекций на международные темы. Я рассказывал о Швеции, а Конрад — о Китае. Чуть позже я узнал от него, что он уже много лет неформально консультировал Андропова по китайской проблеме и частенько с ним встречался. Естественно, в поездках по стране и в Москве за рюмкой чая я рассказывал другу о своих злоключениях в АПН после моего возвращения из долгосрочной шведской командировки, о том, как председатель правления АПН невзлюбил меня из-за того, что я случайно столкнулся с фактом казнокрадства в Швеции, который стал детонатором большого коррупционного скандала в АПН. Вторично я «провинился» перед Бурковым тем, что вступил в резкий спор с его любимчиком, представителем АПН в Финляндии Огнивцевым. Бурков, как и все

самодовольные начальники, был чрезвычайно злопамятным человеком и в 1970 году всячески пытался не допустить меня в АОН, хотя я сдал туда и вступительные экзамены, и реферат на круглые пятерки.

Как-то в конце августа 1970 года я сообщил своему другу Конраду о том, что моей фамилии нет в списке принятых в академию, и почти забыл об этой истории, поскольку уже стало известно, что Бориса Буркова увольняют на пенсию и он вряд ли сможет продолжать гадить мне. Я перестал опасаться того, что всемогущий председатель правления АПН «дожует и выплюнет» меня за строптивость и неуступчивость.

Однажды в середине сентября все того же 1970 года среди зампредов АПН поднялся какой-то странный переполох. Вечером мне позвонили домой коллеги из редакции советско-финского журнала «Мааилма я ме», где я был уже пару лет исполняющим обязанности ответственного секретаря, без перспективы, из-за ненависти Буркова ко мне, лишиться обидной приставки и.о. Коллеги сообщили, что весь вечер несколько зампредов допытывались у них, где меня можно найти. Я испугался столь чрезвычайных поисков, поскольку ушел в этот день с работы сразу после обеда. Не остыв еще от схватки с Бурковым, решил, что тот, уходя, все-таки достал меня какой-то пакостью.

В полдевятого утра я стоял уже у двери, ведущей в приемную зампреда АПН, бывшего посла на Кубе и любимца Фиделя Кастро Александра Ивановича Алексеева, курировавшего теперь нашу редакцию.

Когда из лифта наконец появился «папа Алехандро», как ласково называл его Фидель и все АПН, и его лицо при виде меня озарила самая широкая из его улыбок, я понял, что служебного прокола все-таки не было.

— Иди в первый отдел и читай бумагу из ЦК о самом себе!.. — тут же скомандовал он.

В первом отделе долго гремели ключами сейфов, доставая из самого потаенного ящика листок бумаги.

Поверху листа шла жирная надпись: «СЕКРЕТАРИАТ ЦК КПСС». Чуть ниже и более мелкими буквами стояли стандартные слова:

«Выписка из протокола заседания Секретариата ЦК КПСС от 14 сентября 1970 года.

…

Пункт 35. О тов. Синицине И. Е.

Постановили: утвердить тов. Синицина И. Е. аспирантом Академии общественных наук при ЦК КПСС».

Внизу стояла размашистая подпись, сделанная от руки и

чернилами: «М. Суслов».

Потом «папа Алехандро» рассказал мне, что интерес всего апээновского начальства особенно возбудило то, что на бумаге из ЦК стояла не обычная печать-факсимиле подписи Суслова, которую они видели под многими решениями ЦК, а собственноручная, размашистая и чернильная. Оказалось, что никто такого в первом отделе АПН еще и не видывал.

Разумеется, я тут же помчался в соседнее здание «Известий», чтобы сообщить своему другу Конраду о происшедшем. Смирнов хитро улыбнулся и рассказал мне, что именно Андропов, услышав от него мою историю, обратился к Суслову с предложением исправить несправедливость и принять меня в академию. Конрад добавил при этом, что я могу передать свою сердечную благодарность Юрию Владимировичу через его помощника Крючкова. Телефон Крючкова он мне дал. Я не особенно оробел позвонить помощнику председателя КГБ потому, что однажды, за год до этого, мой стул оказался рядом с его на банкете в ресторане «Прага».

Владимир Александрович меня вспомнил, и я изложил ему просьбу передать глубокую благодарность Андропову за свершение моей мечты — фундаментально поучиться наукам.

Крючков спросил вдруг, а не хочу ли я поблагодарить Юрия Владимировича лично. «Конечно хочу», — немедленно отреагировал я. «Тогда я сообщу вам, куда и когда вы должны приехать», — обнадежил Крючков.

Через несколько дней он сдержал свое обещание. Так в сентябре 1970 года я впервые познакомился с Андроповым и стал с ним регулярно встречаться, когда ему удавалось выкроить для этого время…

Все это мгновенно промелькнуло у меня в голове, когда Юрий Владимирович принялся за свой кофе. Он отпил пару глотков, а затем внимательно посмотрел мне в глаза.

— Так хочешь стать моим помощником по политбюро? — серьезно спросил Андропов.

— Очень хочу! — не раздумывая выпалил я. Андропов даже слегка опешил от моей мгновенной положительной реакции.

— Я знаю, что ты смелый парень, но чтобы настолько безрассудно принимать неизвестное тебе предложение… — протянул он и добавил: — Ведь ты не знаешь, какая будет у тебя зарплата, какие условия труда…

— С зарплатой не обидите, наверное! — в ответ пошутил я купеческим тоном. Право на некоторую вольность мне давало то, что во время наших встреч мы часто вспоминали страницы книги Ильфа и Петрова «Золотой теленок», которую он и я обожали. —

А что касается условий труда, — дополнил я, — так готов рядом с вами работать днем и ночью… Здоровье пока позволяет.

Андропов вроде бы и не заметил моего тона. Он вообще ценил юмор, понимал его, любил пошутить сам и никогда не обижался на дружескую подначку. Единственно, чего он терпеть не мог, так это скабрезных и антисоветских анекдотов. Но в глазах его теперь мелькнуло что-то неуловимое, и я вдруг понял, что в стенах Лубянки, где я никогда доселе не бывал, открывается какая-то новая грань в наших многолетних отношениях.

— Ладно, — улыбнулся он слегка, а потом вернул мяч в мои ворота. — Если ты такой смелый и согласен, то скажи, когда ты можешь выйти на работу?

— Завтра! — также без раздумий ответил я.

Юрий Владимирович с сомнением покачал головой.

— Как же так, ведь ты заканчиваешь академию только в июле… — выразил он как бы недоумение.

— Это будет лишь формальный акт выдачи дипломов, — стал я горячо разъяснять ему ситуацию. — Все выпускные экзамены я сдал досрочно, диссертацию написал, автореферат подготовил и начал рассылать… Где-то в июне — июле мне надо будет два-три дня для защиты диссертации, и я вновь могу вернуться к работе…

— Да, я все это знаю, — неожиданно сказал Андропов. — Экзамены ты все сдал на пятерки, диссертацию твою хвалят на кафедре, а автореферат я даже с интересом прочитал… — кивнул он на свой письменный стол у окна. — К твоему сведению, мне доложили из ПГУ, что шведские социал-демократы также начинают критиковать своего теоретика Урбан-Карлссона и по тем же примерно параметрам, что и ты в своей диссертации сделал еще прошлым летом… Как будто сговорились, хотя ты со шведами и социал-демократами за прошлый год и не встречался! — проявил Юрий Владимирович большую осведомленность о моем благонравном с точки зрения КГБ поведении и об идейной борьбе в шведской социал-демократии.

Таких тонкостей знания дискуссий среди социал-демократов я не мог у него предположить.

— Ты знаешь, — задумчиво сказал он, — я-то заинтересовался финляндской и шведской социал-демократиями, еще будучи в Петрозаводске, когда на меня обратил внимание и практически спас от репрессий в связи с «ленинградским делом» выдающийся финский социал-демократ, а затем большевик Отто Вильгельмович Куусинен…

Я много раз слышал имя Отто-Вилли, как его ласково называли мои старшие коллеги по отделу стран Северной Европы Совинформбюро, знавшие его и как исполнительного секретаря

Коминтерна, ведающего вопросами коминтерновской внешней разведки, и как Председателя Президиума Карело-Финской ССР, и как секретаря ЦК КПСС… Догадывался я и о роли в судьбе Андропова Куусинена как Председателя Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР и одновременно заместителя Председателя Верховного Совета СССР как раз в те годы, когда на северо-западе нашей страны происходили массовые сталинские репрессии. Тогда одна группировка партийной верхушки уничтожала своих конкурентов из другой группировки. Отто Куусинен остался тогда в стороне от этой драки и сумел вытащить из нее своего любимца — молодого второго секретаря Петрозаводского горкома партии Юру Андропова.

Это признание Юрия Владимировича о роли Куусинена в его судьбе прозвучало для меня несколько неожиданно, поскольку в наших с ним неформальных беседах мы не раз касались и Швеции, и Финляндии, партийных систем и эпизодов истории этих стран, обсуждали художественно-документальные книги известного писателя Геннадия Семеновича Фиша, посвятившего свое творчество Северной Европе и Финляндии, но никогда за три года имя Отто-Вилли в них не прозвучало. Теперь я понял, что в глубине души Андропов все время хранил благодарную память об этом человеке, умершем относительно недавно — в 1964 году…

Андропов допил кофе, откинулся на спинку кресла и снова внимательно посмотрел на меня через линзы своих тяжелых очков.

— Теперь слушай, что тебе предлагается, — серьезно начал он. — Ты остаешься штатским человеком, работником аппарата ЦК КПСС. Организационно ты будешь числиться в общем отделе ЦК, у Константина Устиновича Черненко. Но подчиняться ты будешь только мне! И не только в ЦК, но и здесь, в комитете… Хотя тебя, возможно, кто-то и попытается «приручить»… Понял?..

Я согласно кивнул, а Юрий Владимирович столь же строго продолжал:

— Никакого воинского звания, как и я здесь, ты не получишь. Твоими задачами будут подготовка материалов к заседаниям политбюро для меня, обработка, то есть выделение главного, из всех документов ЦК — записок отделов и ведомств, проектов постановлений ЦК, которые ты будешь получать и докладывать мне. Есть и такая форма работы политбюро — голосование опросом между заседаниями по оперативным делам. Документы по голосованиям, предварительно выделив из них также главный смысл, вне очереди будешь докладывать мне. А остальное — технические мелочи… — закончил он и вдруг, широко улыбнувшись, по-отечески мягко добавил: — Учти, что мне

нужны прежде всего твои свежие мозги, а поэтому оставайся таким же спорщиком, как и прошедшие три года!

Он налил себе еще кофе, мне тоже и что-то прикинул в голове.

— Теперь о твоем материальном обеспечении… — снова улыбнулся он, вспомнив, видимо, мой первый ответ. — Очень не обижу… Твоя должность числится в высшей номенклатуре — политбюро, — и рабочая неделя не нормирована. То есть если надо работать, то и в субботу, и в воскресенье изволь оставаться на рабочем месте. За это тебе полагается следующее: оклад 450 рублей в месяц плюс тринадцатая зарплата к отпуску, кремлевская столовая, она же так называемая «авоська», Первая поликлиника и Центральная клиническая больница 4-го Главного управления при Минздраве, автомашина, дача в одном из дачных поселков ЦК или КГБ, путевки в санатории 4-го Главного управления при Минздраве со скидкой 80 процентов тебе и 50 процентов — твоей жене… В детском саде, как я знаю, ты не нуждаешься… Ну, там еще разные мелочи — это тебе хозяйственники объяснят…

Для меня это показалось неожиданно высокой планкой материального обеспечения, которая никогда раньше и не снилась, хотя я получал, как журналист, довольно высокую по советским временам зарплату — 300–350 рублей, вместе с гонорарами, в месяц. Но слышал, конечно, и про «авоську», и про кремлевскую поликлинику, хотя и не представлял себе, как и все советские граждане, что это такое — привилегии номенклатуры в реальности.

Теперь, вспоминая это, я нарочно для читателей, слышавших что-то об этих привилегиях, но незнакомых с подлинными фактами, которые тщательно скрывают высокопоставленные советские мемуаристы, бывшие номенклатурщики, подробно расскажу о материальном обеспечении тогдашнего высокого начальства. И старое, и молодое поколение наглядно могут их представить себе и сравнить с полунищей жизнью народа. Но те привилегии не идут ни в какое сравнение с новыми, во много раз расширенными, какие создала себе современная правящая верхушка, которая присвоила их, в том числе и с помощью грандиозного казнокрадства.

Вначале все эти материальные детали, высказанные Юрием Владимировичем, про которого я знал, что он лично — почти аскет и бессребреник, в его устах мне показались странными. Тем более что однажды он во время наших бесед высказывался о том, что подобные материальные привилегии следовало бы отменить. Но позже, в конце 70-х годов, когда я напомнил ему эту его

старую идею, он не стал возвращаться к ней. Видимо, назревала острая борьба за власть в Кремле, и даже простое озвучивание отдаленных планов такого рода могло лишить Юрия Владимировича поддержки той части номенклатурной верхушки, которая ему симпатизировала. Именно для укрепления опоры на высших партийных бюрократов, государственных чиновников, хозяйственных руководителей и военных верхов кормушка и прочие эксклюзивные блага были придуманы Лениным и Сталиным. Особенно Ленин стыдливо прикрывал в голодные годы после Октябрьского переворота негативный смысл слова «кормушка» благотворительным наименованием «столовая лечебного питания». Именно «вождь мирового пролетариата» ввел своим секретным распоряжением в голодном 1920 году совнаркомовские пайки. Сталин продолжил его заботу о номенклатуре расширением контингента тех, кто пользовался спецпайками и другими благами. Со своей стороны он ввел так называемые синие конверты для номенклатурных работников. Ежемесячно, в дополнение к должностному окладу, из которого вычитался подоходный налог и платились партийные взносы, партийные, военные, дипломатические и другие высшие чиновники, а также директора крупнейших предприятий получали в синем конверте вторую, точно такую же общую сумму, но из нее не вычитался налог и не требовалось платить партийные взносы. Хрущев, незадолго до своего смещения, отменил денежные сталинские синие конверты, но расширил другие привилегии номенклатуры.

С директором столичной «столовой лечебного питания», заведения, курируемого Девятым управлением КГБ, очень милым человеком, чуть старше меня, я позже познакомился. На мой стыдливый вопрос, как такая «авоська» может существовать при развитом социализме, когда для всех граждан должны быть вроде равные материальные условия, он спокойно разъяснил мне принципиальную основу заботы о номенклатуре: «Если профсоюзы на крупных предприятиях создают для своих работников удешевленные и диетические столовые, к каждому празднику готовят продуктовые заказы для них, то почему ЦК и правительство не могут делать того же для своего аппарата?» …В тот день все, что сказал Андропов о материальном обеспечении номенклатуры, казалось фантастическим и меня не касающимся. Он понял мое состояние, поднялся с кресла. Я сделал то же самое. Юрий Владимирович вновь протянул мне ладонь для рукопожатия и сказал:

— Ну, если согласен, то будем тебя оформлять!

Я что-то промямлил в ответ, и он исчез за двустворчатой

дверью, откуда уже доносился нестройный гул нескольких голосов.

Через другую дверь в комнату вошел Женя Калгин, верный адъютант Андропова, который иногда возил меня за эти три года на встречи с Юрием Владимировичем.

— Поздравляю! — сердечно сказал он. Затем провел меня тем же путем к внутреннему подъезду, усадил в ту же машину и вывез назад к академии. Меня распирала радость, но я ни с кем ею не поделился, опасаясь сглазить несделанное еще дело. Самый длинный день в моей жизни продолжился…

Я не знал, сколько времени — дней или недель — будет тянуться оформление на новую должность и закончится ли оно благополучно для меня. Передо мной стоял пример двух-трех моих друзей по академии прошлого и нынешнего выпусков, вот так же начавших оформляться на весьма ответственные посты в Москве, но из-за анонимок вынужденных покинуть столицу, вернуться в свои обкомы, хотя и с приличным повышением. Как я понял, в академии никто не знал о предложении Андропова мне, так что каверз с этой стороны можно было не опасаться.

Тем не менее я принялся вспоминать, какая цепь случайностей привела меня к запоздалому поступлению в академию и встрече с Юрием Владимировичем в сентябре 1970-го.

«Очевидно, — думал я, — все началось с моей долгосрочной командировки в Швецию, куда я прибыл заместителем заведующего бюро АПН в Стокгольме в июле 1962 года. До этого, поступив на штатную работу редактора отдела стран Северной Европы Совинформбюро в сентябре 1956 года, я успел в 1960-м поработать семь месяцев в Финляндии в качестве редактора представительства СИБа в этой стране».

За громким со времен Великой Отечественной войны названием Советское информбюро, от имени которого шли в посольства иностранных государств в Москве, на радио и в газеты ежедневные сводки с фронтов Великой Отечественной войны, которые своим потрясающим голосом зачитывал по радио Юрий Левитан: «От Советского информбюро!..» — к концу 50-х годов скрывалась маломощная контора внешнеполитической пропаганды. Но изначально Совинформбюро, по мысли Сталина и Молотова, было создано как «хитрое» ведомство в системе Министерства иностранных дел, в задачи которого входило оказание постоянного пропагандистского давления на союзников СССР по антигитлеровской коалиции, в результате которого увеличивались бы поставки Советам военной техники, военных материалов, продовольствия и медикаментов. О значении,

которое ему придавал Сталин, ясно говорил тот факт, что первым начальником Совинформбюро он назначил своего тогдашнего любимца, секретаря ЦК и Московского комитета ВКП(б) Щербакова. Затем, чтобы усилить сталинскую пропаганду среди американских евреев, Щербакова убрали из СИБа и начальником Совинформбюро был назначен заместитель наркома иностранных дел СССР Соломон Лозовский. Ему доверили сбор пожертвований еврейской общины США, направляемых на восстановление разрушенных немцами западных районов Советского Союза. В помощь Совинформбюро создали еще Еврейский антифашистский комитет, руководителем которого Сталин поставил гениального режиссера и актера Соломона Михоэлса.

Блеск Совинформбюро в первые годы холодной войны несколько потускнел, а в конце 40-х — начале 50-х годов, когда по СССР прокатились сталинские антисемитские кампании, и вовсе сошел на нет. В 1956 году, когда я пришел на штатную работу редактора в СИБе, мало кто слышал о нем не только среди читателей советской прессы, но и в широких журналистских кругах. Тем не менее государственная машина под названием СИБ исправно готовила и посылала за рубеж, в десятки стран мира, где к тому времени были открыты представительства Совинформбюро или «под крышей» советских посольств получили дипломатические должности представители СИБа, материалы советской и коммунистической пропаганды.

Занимался этим делом и я. Отдел стран Северной Европы, куда меня взяли на работу после нескольких моих очерков и репортажей, сделанных за предыдущий год, когда я числился внештатным автором отдела, направлял пропагандистские и журналистские материалы в прессу Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании и даже маленькой Исландии. Считалось большим достижением, особенно молодого редактора, заказать, отредактировать и выпустить в свет литературный материал — статью, очерк, комментарий или интервью какого-либо именитого автора. Моя карьера в Совинформбюро началась с того, что я созвонился первым из СИБа после выхода в свет повести «Оттепель» с ее автором, выдающимся писателем Ильей Григорьевичем Эренбургом, и заказал ему статью на любую тему по его усмотрению.

Старый боевой конь советской пропаганды Эренбург неожиданно откликнулся, и через день, к изумлению всего отдела Северной Европы, курьер принес мне «от самого Эренбурга!» двухстраничный материал о свободах, и в частности свободе творчества, в Советском Союзе. Такая свобода действительно появилась на некоторое, но весьма короткое время, в самом

начале «оттепели» в СССР. Редактировать в этом материале Ильи Григорьевича практически было нечего, но я по глупости, замешенной на идеологии недавно пройденных в высшей школе истории ВКП(б), диамата и истмата, нашел в статье Эренбурга, в одном из предложений, такое выражение: «…теперь у нас в Советском Союзе — свобода».

Я тут же позвонил сгоряча Илье Григорьевичу домой, застал его за работой и после самых нижайших извинений попросил у маэстро разрешения снять в его статье слово «теперь». «Ни в коем случае! — довольно резко ответил Илья Григорьевич, а потом, более милостивым тоном, добавил: — Через несколько лет, молодой человек, вы поймете, что это слово — ключевое в моем сегодняшнем комментарии. Ради этого слова я и написал вам материал… Через несколько лет ситуация со свободой творчества может измениться…»

Он как в воду глядел… Естественно, я сохранил в тексте Эренбурга слово «теперь» и до сих пор примериваю его к проблеме якобы «отсутствия цензуры» в нашем государстве.

Илья Эренбург был со времен войны почетным автором Советского информбюро. Но не всегда редакторам удавалось получить от него хоть малюсенький материал. Этот его краткий комментарий, выпущенный нашим отделом, был взят для «веерной рассылки» во все территориальные редакции СИБа.

Конечно, в первую очередь его опубликовала пресса Северной Европы, где особенно любили Илью Григорьевича за его участие в борьбе против фашизма в Испании, за его публицистику и огромный вклад в послевоенную борьбу за мир. Затем прошли публикации его материала и в других странах, в том числе и почти всех зарубежных изданиях Совинформбюро.

Соответственно в Хельсинки, Стокгольме, Копенгагене представительства СИБа издавали три журнала тиражом по тысяч двадцать экземпляров каждый и такого же тиража газету в Осло. Периодичность этих изданий в Северной Европе была у каждого один раз в десять — пятнадцать дней. Вообще же официальными и неофициальными посланцами СИБа издавались более чем в шестидесяти странах мира журналы и газеты, в которых от первой до последней строчки была именно советская пропаганда в чистом виде. Все издания, книги и брошюры печатались за немалую плату в типографиях «братских коммунистических партий» и за счет Совинформбюро рассылались местной почтой читателям совершенно бесплатно. Бесплатными подписчиками и интересантами были, как правило, коммунисты, левые социал-демократы и леваки интеллигенты. На почтовые расходы деньги с читателей также не взимались.

Так, в частности, все речи и выступления советских руководителей немедленно переводились на иностранные языки, срочно, телетайпами, отправлялись в зарубежные представительства СИБа и совпосольства, издавались ими огромными тиражами, в десятки тысяч экземпляров, в виде брошюр, книг, буклетов. Они бесплатно прилагались к сибовским органам печати, также бесплатно рассылались частным лицам, в школы, библиотеки и некоторые так называемые «прогрессивные» общественные организации. Надо ли говорить о том, что для европейских, особенно малых, и азиатских стран с неграмотным населением тиражи в сотни и десятки тысяч книг и брошюр были абсолютно непереваривaемыми.

Дальнейшая судьба этих изданий была плачевна. Десятки, а то и сотни тысяч экземпляров подобной макулатуры скапливались в подвалах советских посольств, торгпредств, других советских учреждений за рубежом, типа представительств «Аэрофлота», «Морфлота», «Союзпушнины» и т. п., каждое из которых было обязано помогать Совинформбюро в распространении их среди местных читателей. Но никто не хотел брать советскую пропаганду даже бесплатно, а тем более за плату. Только коммунисты из «братских» партий, официально именуемые в переписке с Москвой «друзья», потребляли незначительную часть от раздутых тиражей, да в самолетах Аэрофлота валялись десятками советские пропагандистские книжонки и брошюрки на иностранных языках, отнюдь не туристического содержания.

Годами эти пропагандистские издания в нераспакованных пачках копились в сырости подвалов. Но кто из советских послов осмелился бы поставить свой автограф на акте о списании и «уничтожении путем сжигания» или передачи в макулатуру речей и статей действующего в те годы первого или генерального секретаря ЦК КПСС?!

Именно такую картину я и увидел однажды в подвалах роскошного нового здания Посольства СССР в Хельсинки, когда был в Финляндии в многомесячной командировке в 1960 году. Даже страна, где число зарегистрированных членов Общества дружбы «Финляндия — Советский Союз» составляло полмиллиона человек, не могла потребить тонны этой советской пропаганды. Там же, в Хельсинки, на расстоянии вытянутой руки я впервые столкнулся и с первым лицом нашего государства. То был Никита Сергеевич Хрущев, который осенью 1960 года приезжал в Финляндию на шестидесятилетие президента Урхо Кекконена. По случаю его прибытия спецпоездом на перроне вокзала были выстроены, согласно дипломатическому протоколу,

сотрудники совпосольства, торгпредства и остальных советских учреждений в Хельсинки. Мое место как редактора представительства Совинформбюро было где-то в середине шеренги.

Вначале Хрущев взасос целовался с Кекконеном, хотя тот все пытался подставить слюнявым губам Никиты гладко выбритую щеку. Затем посол СССР Захаров, надутый человечек маленького роста, пошел впереди низкорослого Хрущева вдоль шеренги представлять верхушку советской колонии. Каждому демократичный первый секретарь ЦК КПСС пожал руку, следуя лучшим традициям российских монархов. Далее высокий гость отправился на переговоры с президентом и экскурсии. Из всех комментариев к увиденному в Финляндии «великим кукурузником Советского Союза» больше всего мне запомнилось его высказывание в советском посольстве на приеме в честь Урхо Кекконена.

Изрядно подвыпив, Никита Хрущев стал бахвалиться, что «коммуньизьм», как он произносил это слово с двумя мягкими знаками, через два-три десятилетия распространится на весь мир. Кекконен, который умел пить значительно лучше, чем его московский гость, и сохранять трезвую голову до конца, довольно резко заметил Хрущеву, что Финляндия не собирается коммунизироваться. Благодушно-пьяненький советский лидер за словом в карман не полез. Хохотнув, он пообещал: «Ну, тогда мы оставим вас капиталистическим заповедником в Европе! К вам будут приезжать туристы и вспоминать историю!»

Высокопоставленный турист и коммунистический пропагандист, делая это высказывание, забыл о том, что сам говорил за несколько часов до этого в зрительном зале посольского здания. Он подводил перед советским коллективом итоги своей поездки в Финляндию и учил: «Вы, советские работники, здесь внимательно изучайте опыт финнов. Ведь этот народ, имея далеко не лучшие природные условия, чем у нас в Псковской, Вологодской, Новгородской областях и в Карелии, создал среди камней, озер, болот и лесов развитое сельское хозяйство, процветающую и культурную страну!..»

В годы «оттепели» Хрущев, не без подсказки своего умного зятя Аджубея, решил преобразовать государственное пропагандистское учреждение Совинформбюро в якобы независимую «общественную» журналистскую организацию. В 1961 году несколько учредителей — «общественных» организаций типа Союза писателей СССР, Союза журналистов СССР, Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами и просветительского общества «Знание» — создали свой

«общественный» информационный орган — агентство печати «Новости». Но как и прежде СИБ, АПН полностью подчинялось отделу пропаганды ЦК КПСС. Немалые рублевые и валютные средства, выделявшиеся на внешнеполитическую пропаганду Советскому информбюро из государственного бюджета СССР, в еще более возросших количествах стали основой, из того же источника, валютных и рублевых финансов новой «общественной» организации. Я думаю, что суммы, пускавшиеся ежегодно на пропагандистский ветер через АПН, вполне сопоставимы с годовым современным бюджетом богатого российского региона.

При АПН было также создано мощное издательство со штатом первоклассных редакторов и переводчиков на иностранные языки, в том числе и редкие. Издательство АПН переняло функции СИБа в части издания книг и брошюр, расширив обязательный ассортимент официальных речей и статей вождей. Оно стало готовить и выпускать «теоретические» труды по социализму, в том числе толстый журнал на основных европейских языках «Социализм — теория и практика», публицистические книги и брошюры.

В штаты агентства печати «Новости» плавно перетекли все кадры страноведов-журналистов из Совинформбюро, а территориальные главные редакции АПН, преобразованные из отделов СИБа, как поставляли до реорганизации зарубежным СМИ свою продукцию — очерки, репортажи, комментарии, интервью, статьи и прочее, — так и продолжали эту работу, издавая более чем в шестидесяти странах мира советские журналы, газеты и бюллетени. Иногда, если законы страны пребывания не позволяли представителям АПН распространять советскую пропаганду напрямую, они действовали от имени пресс-отделов посольств, имея дипломатические паспорта «прикрытия», словно легальные разведчики. Впрочем, среди них бывали и таковые — под двойной «крышей» — дипломатической и АПН…

Костяк редакций агентства «укрепился» также за счет нестарых еще полковников-пенсионеров, отставленных и действующих работников КГБ и ГРУ, для которых новая «крыша» предоставила из-за ее широты и высоты большую свободу маневра и удобное «общественное» прикрытие.

Председателем правления АПН «учредители», то есть Хрущев и ЦК ЦПСС, назначили бывшего главного редактора «Комсомольской правды» во времена Шелепина и Семичастного, личного друга зятя первого секретаря Аджубея Бориса Сергеевича Буркова.

Надо отдать ему должное. Как и Аджубей в «Известиях» с

санкции Хрущева, Бурков резко улучшил работу нового пропагандистского органа партии. В частности, при нем значительно смягчились и либерализовались существовавшие в сталинские и постсталинские времена кондовые требования к авторам, журналистам и редакторам территориальных отделов СИБа, выпускавших материалы за рубеж. А до 1960 года одна запятая, поставленная не там, или случайный пропуск какого-то начальственного титула могли стоить невнимательному редактору партийного «строгача» или увольнения с работы.

Так было, например, с одним из моих приятелей юности, выпускником МГИМО Беником Бекназаром-Юзбашевым. После окончания Международного института он был принят на работу в популярную газету «Советский спорт». Почти сразу он стал в ней заведующим отделом международной жизни. Но через несколько месяцев работы Бекназара в этом органе печати всесоюзного значения цензура нашла опечатку в его статье, которую просмотрели и машинистка, перепечатывавшая материал, и автор, и редакторы, и корректор. В словах «советский спорт» вместо буквы «о» во втором слове стояла буква «и». Получилось вместо патетического словосочетания «советский спорт» нечто компрометирующее благородное занятие коммуниста и превращающее его в вожделенный объект вредной привычки болельщиков — алкоголически опьяняющий «советский спирт».

Цензоры сочли опечатку политической ошибкой. На второй день после инцидента Беник был уволен из «Советского спорта». Несколько недель он оставался штрафником-безработным. Только по высоким ходатайствам его приняли на самую низкую журналистскую штатную должность литературного сотрудника в отдел пропаганды городской молодежной газеты «Московский комсомолец».

Среди прочих органов внешней советской пропаганды, прямо подчиненных отделам аппарата ЦК КПСС, — иновещания Московского радио, Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), Издательства литературы на иностранных языках, журналов «Советский Союз» и «Новое время», газеты «Московские новости» и других более мелких организаций и международных отделов разных гражданских ведомств, обязанных заниматься внешней пропагандой, — агентство печати «Новости» было наиболее тесно связано с КГБ. И не только кадрово, но и организационно-творчески. В АПН функционировала главная редакция политических публикаций. Эта редакция имела тройное подчинение — международным отделам ЦК КПСС, КГБ и заместителю председателя правления АПН, направляемому в агентство «под крышу» с Лубянки.

Главная редакция политпубликаций территориально всегда находилась не в основном здании агентства, а по иному адресу. Режим охраны и пропускная система в помещении ГРПП велись многократно строже, чем в собственно агентстве, а конспирация в работе осуществлялась на уровне спецслужб.

Подавляющее большинство журналистов АПН не имели никакого представления о «творческой» деятельности этой главной редакции. Ее возглавлял в 60-х годах выдающийся человек — Норман Михайлович Бородин. Это была легендарная личность советской разведки. Он родился в США в 1911 году во время пребывания там его отца — функционера большевистской фракции РСДРП. После Октябрьского переворота в России и создания большевиками Коммунистического интернационала Михаил Бородин стал агентом Коминтерна в Америке. Двенадцати лет от роду Норман выехал из США вместе с отцом сначала в Москву, а затем, в том же 1923 году, в Китай, где его отец, Михаил Бородин, был назначен Коминтерном политическим советником великого китайского революционера Сунь Ятсена. Сын оставался с отцом в Китае до 1927 года, затем Норман вернулся в Москву, чтобы закончить среднее образование. Блестяще окончив московскую школу и в совершенстве владея иностранными языками, среди которых родным, пожалуй, оставался англо-американский, он поступил на работу в иностранный отдел ГПУ.

В 1931 году ГПУ направило его по чужим документам в Норвегию нелегалом, якобы студентом в одну из высших школ Осло. В Германии стал поднимать голову фашизм, и Нормана Михайловича из норвежской резидентуры перевели на нелегальную работу в Берлин. Когда к власти пришел Гитлер, успешного молодого разведчика Бородина перевели во Францию. Но тернисты судьбы советских разведчиков 20-х и 30-х годов. В 1934 году Нормана Михайловича отозвали из Франции и уволили из ГПУ. Но в том же году его снова зачислили в ИНО — тогдашнее наименование внешней разведки — и послали нелегалом в США. Из Америки его отозвали в 1939 году. В Москве продолжался период большой чистки кадров опытных разведчиков. За два года до возвращения Н. М. Бородина в СССР из Америки был отозван шеф Нормана Михайловича по нелегальной резидентуре Б. Базаров, осужден как «иностранный шпион» и расстрелян. Какую участь готовил Бородину Берия — неизвестно. Но Норман был снова уволен из внешней разведки НКВД и стал гражданским лицом. Началась Вторая мировая война. Берии, видимо, было не до молодых бывших нелегалов, тем более что с началом нападения Гитлера на СССР в 1941 году

кадровый голод советских спецслужб усилился как никогда. С началом Великой Отечественной войны Нормана Михайловича вновь мобилизовали на военную службу в НКВД.

Сталинско-бериевская система репрессий против разведчиков снова заработала после победы. Бородин был опять уволен из органов безопасности. На этот раз в МГБ по приказу Сталина началась новая кампания «очищения» от всех талантливых и опытных разведчиков, в жилах которых текла еврейская кровь.

…Когда Борис Бурков в 1966 году вверг меня в опалу и хотел изгнать из АПН, Норман Михайлович был главным редактором ГРПП. Я не знаю, числился он тогда в кадрах ПГУ или считался работником разведки в резерве, «под крышей». В поисках работы внутри АПН мне удалось с помощью общих знакомых пробиться к Норману Михайловичу. Симпатизировавший мне один из работников отдела кадров сказал, что если я найду кого-нибудь из главных редакторов, кто захочет взять меня в свою редакцию вопреки негласному указанию Буркова относительно остракизма смутьяна Синицина, то они смогут преодолеть мнение председателя правления и оставить меня в агентстве. Я перешел на другую сторону Пушкинской площади, где располагалась ГРПП, и поднялся на шестой этаж. Мои документы тщательно проверили вахтеры с военной выправкой, сверили данные с каким-то списком. Затем в сопровождении одного из них провели по лабиринту коридоров к кабинету главного редактора. Вместо секретаря женского пола, как было везде в АПН, в приемной сидел молодой человек отнюдь не богемной журналистской внешности.

Бородин вежливо встал, когда посетитель появился на пороге кабинета. Он оказался высоким, грузным, черноволосым человеком, без седины, с гладко зачесанной назад густой шевелюрой. Его улыбка чуть отсвечивала желтизной, причина которой была в том, что он постоянно курил трубку. По запаху я определил, что он курит популярный норвежский табак «Глан». Вначале он пригласил садиться, затем предложил кофе и показал на коробку сигарет «Мальборо», лежащую явно для посетителей возле пепельницы на приставном столике у его большого письменного стола. На широком красивом лице Нормана Михайловича ярко светились карие добрые глаза. Аккуратно подстриженные седоватые усы ближе к губам чуть желтели от табака. Это показывало, что он был заядлым курильщиком.

Сначала он спросил, что я умею в журналистике. Я перечислил жанры, в которых что-то мог, и вытащил из портфеля кипу опубликованных работ. В том числе был и сценарий художественного приключенческого фильма, который был

написан мною за десять лет до этого в соавторстве с двумя друзьями — капитаном ВВС Володей Безаевым и инженером Виктором Ильиным. Сценарий «Пламя на озере» был официально принят для съемок на Киевской киностудии имени Довженко и запущен в производство после того, как мой добрый знакомый, прославленный кинорежиссер Михаил Ильич Ромм, прочитал и одобрил его. Но фильм так и не был закончен. Дело в том, что, когда студия пригласила нас в Киев на худсовет, ее штатный работник, профессиональный киносценарист Григорий Колтунов, конфиденциально потребовал от нас включить его в число соавторов сценария, чтобы получить четверть будущих гонораров. Фильм обещал стать кассовым. Но мы, молодые дураки, не знали закулисных порядков в советском кинематографе и не хотели делиться славой.

— Раз вы не берете меня в соавторы, ваш фильм не пойдет! — заявил Гриша Колтунов безапелляционно.

Так оно и вышло. Съемочную группу через полгода распустили, съемки прекратили. Единственное, что осталось, — опубликованный капитаном Безаевым в какой-то крупной армейской газете текст литературного киносценария.

Бородина совершенно не заинтересовали сценарии художественного фильма, как и публицистической телеленты «Ленин в Швеции», который я написал в Стокгольме и привез из командировки. Зато он внимательно пробежал глазами две-три мои статейки. Подняв голову от текста и доброжелательно улыбнувшись, он выразил одобрение и спросил:

— А какими языками вы владеете свободно и на каких можете писать комментарии, статьи, заметки так, чтобы не был виден советский менталитет автора?

— Владею шведским, но не как родным, — с сожалением признался я.

Из его вопроса и последовавшей за ним беседы о приемах «белой», «серой» и «черной» пропаганды сразу стало ясно, какого рода журналистикой занимается ГРПП. От своего друга Конрада Смирнова, который работал тогда у Бородина, я позже узнал, что Норман Михайлович хотел меня взять в свою редакцию и искал самый «железный» аргумент для этого. Мой опыт, уровень знания шведского и немецкого языков, менталитета людей в Северной Европе и вообще за рубежом, видимо, удовлетворяли требованиям главной редакции политических публикаций. Однако, как намекнул Смирнов, КГБ, вероятнее всего в лице Федяшина, запретил Бородину брать на работу «штрафника».

Позднее, когда я уже работал у Андропова, наступила полная ясность в том, что ГРПП функционировала в качестве отделения

службы «А» 1-го Главного управления. Как сообщали многочисленные зарубежные публикации о КГБ, служба «А» занималась пропагандистским обеспечением некоторых акций спецслужб и дезинформацией.

В течение 60-х годов, хотя за «оттепелью» Никиты Хрущева вновь последовали идеологические «заморозки», вольности в АПН стилистического, но отнюдь не смыслового характера несколько расширились. Агентство стало издавать различные бюллетени для внутренней советской прессы — республиканских и областных газет. Здесь требования к редакторам тоже несколько либерализировались… Наконец, в середине 60-х годов при издательстве АПН был создан советский аналог популярного американского журнала «Ридерс дайджест» «Спутник». В нем, в сокращенном виде, публиковались самые интересные и пропагандистско-емкие материалы из советской прессы, а также произведения лучших фотокорреспондентов. Журнал делал знаменитый теперь, а раньше просто замечательный и талантливый журналист, обаятельный человек, приобретший славу одного из самых популярных ведущих российского и американского телевидения, Владимир Познер. Главным редактором считался знаток американской и канадской прессы, бывший заведующий бюро АПН в Канаде и тоже выдающийся журналист Олег Феофанов. «Спутник» стал очень быстро самым многотиражным изданием АПН. Он распространялся за океаном и во всем остальном мире. Маленькую часть тиража на английском языке давали и в московские газетные киоски. К сожалению, долгие годы «Спутник» оставался только англоязычным, поскольку статьи из советской прессы дайджестировались в нем иногда весьма специфично, с расчетом на то, что можно знать иностранному читателю, который у себя дома видит свободную прессу, но ни в коем случае — советскому…

Так вот в 1962 году, когда «Спутник» еще не родился, мне и было поручено создавать в Швеции новый имидж АПН, хотя я был всего-навсего заместителем заведующего бюро. Дело в том, что заведующий бюро, назовем его NN, не относился к профессионалам журналистики. У него были, как можно было понять еще в нашей редакции в Москве, где его совсем не знали, несколько иные основные функции, данные ему ГРУ.

…По удивительному совпадению большая барская квартира в солидном доме постройки начала XX века, где размещалось стокгольмское бюро АПН, оказалась тем самым помещением, где в 1944–1945 годах квартировал консульский отдел посольства СССР в Швеции, а шефом этого отдела и заместителем резидента советской внешней разведки в Швеции тогда работал мой отец,

носивший по диппаспорту псевдоним Елисеев. Жили мы в задних комнатах этой квартиры, отделенных капитальной стеной от присутственных мест.

Естественно, у меня в те годы была та же фамилия, что и у отца, и я словом не мог обмолвиться теперь о том, что Игорь Елисеев уже был в детстве в Швеции и жил в этом самом доме.

NN показал мне в день приезда мою будущую квартиру, которая оказалась также в очень знакомом мне месте. В доме напротив моего нынешнего жилья работала в годы войны маленькая советская школа для детей служащих советских учреждений в нейтральной Швеции. Нас было всего десятка полтора школьников на все классы десятилетки.

По случаю приезда своего заместителя заведующий бюро АПН собрал у себя в квартире для знакомства со мной всех советских журналистов, аккредитованных тогда в Стокгольме. Это были Юра Голошубов из «Известий», Юра Кузнецов из «Правды», Илья Мокрецов из ТАСС и еще несколько человек, которых я сразу не запомнил. Разумеется, журналистская братия решила разыграть новичка.

Поскольку пива явно не хватало на всех, мой шеф вызвался поехать за ним на машине.

— Ты, конечно, когда готовился к поездке, изучал карту Стокгольма? — обратился он ко мне с каверзным вопросом.

— Очень долго и внимательно, — серьезно ответил я, имея в виду, что в 1944–1945 годах я изъездил Стокгольм на велосипеде вдоль и поперек, знал его лучше, чем свою родную Москву с ее просторами. Но сказать правду об этом было невозможно по названной выше причине.

— Ребята, — обратился NN к гостям, — тогда разбейте наш спор с Игорем: я поеду сейчас за пивом, но сначала отвезу Игоря на его будущую квартиру в Ердет (так назывался жилой район за Олимпийским стадионом) и оставлю его там… Спор в том, что если он самостоятельно найдет за час дорогу от этой квартиры до моего подъезда, то я ставлю ему ящик коньяку… Если не найдет и ему придется звонить нам, чтобы мы его выручили, ящик коньяка он поставит на следующей коллективной рыбалке… Согласен?

— NN, вы меня пугаете! — притворно озаботился я. Но потом дал публично согласие на спор.

Минут за двадцать, нарочно петляя по хорошо знакомым мне улицам Стокгольма, шеф привез меня к дому, стоящему напротив школы, где я учился за двадцать лет до этого в пятом и шестом классах. Сделав мне ручкой, он отправился за пивом.

Я же, вспомнив стокгольмское детство, ринулся к его квартире практически по прямой, через скверы и проходные

дворы… Одним словом, я был у подъезда дома шефа ровно через пятнадцать минут, когда он еще не вернулся с закупок.

Коллеги открыли мне через домофон дверь, засекли время и подозрительно уставились на меня.

— Как ты так сумел? — задал вопрос Юра Голошубов. — Небось Саша высадил тебя рядом со своим домом?..

Я скромно потупил глаза.

— Я очень долго учил карту Стокгольма в Москве, а теперь ориентируюсь здесь, как птичка по магнитному полю Земли.

— Ну ты даешь, Синицин! — восхитился Голошубов. Надо ли добавлять, что выигранный у шефа ящик коньяка я так и не получил за все время моей командировки в Швецию. NN был вообще довольно своеобразным человеком. Хотя он имел большой чин и занимал высокооплачиваемую должность, с первого взгляда было видно, что из-за маленького росточка и тоненького голоса он страдает комплексом неполноценности. Обувь он носил только сделанную на заказ, с особо толстой подошвой и высокими каблуками. Везде он таскал с собой толстую папку, в которой, по идее, должны были лежать кипы деловых бумаг. Но папка была набита только макулатурой, и он подкладывал ее на сиденье автомобиля, прежде чем сесть за руль. Но даже и в такой позиции его голова еле-еле возвышалась над баранкой руля. Это дало повод пошутить одному из советников посольства о том, что он увидел на улице чудо — зеленая «Волга» ГАЗ-21, принадлежавшая бюро АПН, «ехала без водителя!..». Только вблизи этот дипломат убедился, что «под рулем сидел NN…».

Черты его лица были правильны и даже скорее красивы, чем неприятны. Но водянистые серые глаза почти все время были широко раскрыты, словно он удивленно таращился на мир. Прическа типа «заем», когда пук волос отращивают над ухом и пытаются прикрыть им лысину, причесывая его к другому уху, при его маленьком росте практически не приводила к маскировке ее, поскольку все смотрели на него сверху вниз и видели через набриолиненные редкие пряди блестящее белое темя. Приятный тенор, который в минуты его волнения срывался на детскую писклявость, и изрядная музыкальность позволяли ему в компании на какое-то время становиться центром внимания, когда он исполнял под гитару оперные арии и романсы. Женщины млели, а он любовно таращил на них свои водянистые глаза.

У NN было четыре дочери, и он сам шутил по этому поводу, что все пытался сделать мальчика, но теперь оставил эти попытки. Старшая, студентка на выданье, приезжала однажды в Стокгольм и была весьма мила. Самая юная еще училась в

младшей школе, но, закончив четвертый класс в посольской школе в Швеции, уехала с мамой в Москву, под крылышко старших сестер. Мой шеф был очень озабочен сбором для них, особенно старшеньких, приданого и потому отлично знал все адреса магазинов и сроки сезонных распродаж удешевленных товаров. Жена его на эти дни приезжала в Стокгольм, а остальное время проводила в Москве. Шеф давно, видимо еще в первой своей командировки, до Швеции, привык жить один и овладел многочисленными рецептами дешевого питания. Так, однажды на рыбалке он дал мне рецепт вкусного и питательного блюда. Имея в виду рыбную ловлю, которой усиленно занималась вся мужская часть советской колонии в Швеции, как и в других Скандинавских странах, лежащих на берегах богатых рыбой морей, не только для удовольствия, но в большой степени и для сокращения расходов на питание, NN говаривал: «Ведь что такое обед советского командированного в приморских столицах? На закуску рыба, потом уха, на второе — жареная рыба, а на третье — рыбный кисель… И тогда можно привезти домой автомобиль!»

Его рецепт состоял в следующем: не выбрасывать при ужении рыбы даже самую маленькую рыбешку. В стокгольмских водах ее ловилось несметное количество, так что рыбак был всегда с уловом. По дороге надо захватить из магазина лук, морковку и дешевую томатную пасту. Самую мелкую рыбешку не надо даже чистить и потрошить. Весь улов выкладывается в гусятницу, вместе с нарезанным луком и морковью, туда же добавляются томатная паста и чуть-чуть растительного масла. Гусятница ставится в духовку и, когда в ней забулькает, томится на самом маленьком огне не менее четырех часов. Через четыре-пять часов чешуя и рыбные кости делаются мягкими, а все блюдо — похожим на московские консервы «судак в томате». NN утверждал, что такая гусятница с рыбными консервами может стоять в холодильнике не меньше недели, а на столе всегда есть закуска и второе блюдо, особенно хорошее с горячей картошкой.

Первые дни я много ходил пешком по шведской столице, вместо курьера разнося почту по редакциям. Наш шведский экспедитор был в отпуске, а мне хотелось поближе познакомиться с уличным движением, тем более что оно было тогда в Швеции левосторонним, как в Англии до сих пор.

Я внимательно вглядывался в толпу на улицах, видел много раскованной молодежи, старичков, едущих по своим делам на велосипедах. Двухколесных машин, двигаемых мускульной силой, за минувшие два десятилетия стало в несколько раз больше, чем в военные годы, когда нейтральная Швеция испытывала большие трудности с горючим. Но и автомобилями

оказались забиты все центральные улицы. Особенно много было машин прославленной шведской фирмы «Вольво», которые уже тогда стремительно вышли на мировой автомобильный рынок.

Естественно, что эти и другие маленькие детали жизни Стокгольма несколько смягчили настороженное отношение к гордецам шведам. Начиналась вольная жизнь международного журналиста. С восьми утра до трех дня я корпел над материалами АПН в помещении бюро и тесно общался с переводчиками наших опусов на шведский язык, занятых в штате бюро. Они были поголовно членами Компартии Швеции. Это были замечательные ребята, в большинстве своем чуть старше меня. Они блестяще знали русский язык, некоторые провели по нескольку лет в Москве, работая переводчиками и шведскими дикторами на иновещании. В этом коллективе было очень приятно работать. Должен признаться, я и тогда уважал зарубежных коммунистов из неправящих партий значительно больше, чем многих своих начальников по КПСС. Ведь они жили и боролись за свои взгляды в условиях, как правило, враждебного окружения даже в самых демократических странах, таких, например, как Швеция. Они подвергались дискриминации при приеме на работу в государственные учреждения, частные фирмы и муниципальные учреждения. Уже тогда многие из них резко критиковали некоторые аспекты внутренней и внешней политики КПСС. Их взгляды стали позже называться «еврокоммунистическими». Но хотя шведская партия раскололась на две — верную Москве и еврокоммунистическую, наши сотрудники организационно остались в промосковской фракции, хотя их взгляды не всегда соответствовали официальной линии их ЦК.

Мои коллеги и друзья в бюро АПН, коммунисты, совершенно не стеснялись задавать мне каверзные вопросы и высказываться негативно о многих сторонах жизни в Советском Союзе, которые они знали не хуже меня. Приходилось иногда выкручиваться, а чаще соглашаться с критикой идиотизма советского начальства и «ленинской политики» КПСС.

После трех часов я ходил на пресс-конференции, которые не посещал мой шеф, знакомился с иностранной журналистской братией и иногда пропускал с приятелями по кружке пива. Обвинений на партсобраниях посольства в «несанкционированных контактах с иностранцами» я не боялся. При первом посещении скромного здания нашей миссии на Виллагатан, 17, представляясь советнику по культуре, который, как я после догадался, оказался резидентом КГБ, я получил от него оригинальное напутствие, совсем не в духе того подозрительного времени.

— Тебе, наверное, говорили в Москве, в выездном отделе ЦК КПСС, чтобы у тебя было как можно меньше контактов с иностранцами? — спросил он.

Я подтвердил его предположение.

— Так вот, — сказал он мне, — наплюй на это и забудь! Заводи как можно больше связей с коллегами-журналистами из других стран и вообще со шведами…

Его смелая рекомендация, из-за которой я его особенно зауважал, сыграла, видимо, в конечном итоге со мной злую шутку. Мое слишком свободное для советского человека поведение в Швеции, очевидно, привело контрразведку этой страны к ложному выводу о том, что я являюсь сотрудником какой-либо из спецслужб СССР. Во всяком случае, в международном списке сотрудников КГБ, опубликованном в известной книге американского автора Джона Баррона в 1969 году «КГБ», было проставлено и мое имя. Эту книжку на русском языке я получил в подарок от своего отца, крупного советского разведчика. Он очень смеялся надо мной, вручая эту книгу со списком: «Ха-ха! Я тридцать лет проработал в ПГУ на оперативной работе и не попал в книгу Баррона! А ты ни одного дня не служил в разведке и фигурируешь в его списке! Ха-ха!..»

Тем не менее исходный совет резидента сразу вызвал мою симпатию к нему и, вероятно, в дальнейшем усугубил подозрения шведской СЕПО — полиции безопасности. Я понял, что это умный и смелый человек. Несколько позже я сблизился с ним на почве рыбалки. Советник занимался этим благородным видом спорта для развлечения, но не ради пропитания, вместе с Юрой Брежневым, который в те годы работал заведующим одним из отделов торгпредства СССР в Швеции. Леонид Ильич еще не стал в те годы генсеком ЦК КПСС, и его сын не вызывал почти никакого внимания у посольской, торгпредской и шведской публики. Юра мне нравился, поскольку был скромным и непритязательным человеком, хотя его страсть к спиртному уже давала о себе знать. Во всяком случае, когда резидент и Юра спорили, на какое место ехать, чтобы больше поймать крупной рыбы, я всегда разбивал руки спорщиков, а призом победителю неизменно назначался ящик коньяка или виски.

Я знал несколько мест в стокгольмских шхерах, где на удочку ловились отличные, почти на полкило, полосатые окуни и даже угри. Кстати, в любой рыбной лавке Стокгольма можно было обменять живого угря на такого же по весу копченого, что мы частенько и проделывали, украшая воскресный стол. На эти уловистые места мы отправлялись втроем длинными северными летними вечерами или по субботам. Я даже на рыбалке не брал в

рот спиртного, и меня использовали как постоянно трезвого водителя.

Летом 1965 года в Стокгольме произошел забавный случай, связанный с именем Брежнева. Леонида Ильича избрали генсеком еще в октябре предыдущего года, но шведские журналисты как-то не связали этот факт с тем, что Юра по-прежнему трудился в торгпредстве. Только спустя много месяцев шведская желтая пресса, от своих коллег в Дании, узнала, что сын первого лица Советского Союза работает в стокгольмском торгпредстве. Комплекс зданий торгового представительства СССР, включающий многоэтажный жилой дом, незадолго до этого был сдан в эксплуатацию в аристократическом районе шведской столицы — на острове Лидинге. Жил там в двухкомнатной квартире, с женой и двумя малыми детьми, и Юра Брежнев.

В день, когда шведские журналисты узнали, что на Лидинге живет сын советского генсека, толпы фотографов из десятков газет, журналов и агентств буквально осадили жилой дом советского торгпредства. Большинство фоторепортеров установило на штативах дорогие широкопленочные камеры шведской фирмы «Хассельблад» с телескопическими объективами. В какой именно квартире жил Юра Брежнев, в торгпредстве им отказались сообщить. Тогда по архитектурному плану, хранившемуся в магистрате и добытому за мзду чиновникам самыми проворными из журналистов, фотобратия установила, что в доме было только две трехкомнатные квартиры. В одной из них жил торгпред Харченко, и это было известно шведам — клиентам торгового представительства. Зная наши порядки, репортеры решили, что вторую трехкомнатную квартиру обязательно должен занимать сын Брежнева. Поэтому почти все телеобъективы были нацелены на окна этой квартиры. Но в ней жил на самом деле заместитель торгпреда Иван Стройков. Это был белокурый богатырь с голубыми глазами и румянцем на щеках. Внешне Юра Брежнев был его полной противоположностью — маленький, худенький и чернявый…

В обеденный перерыв того дня, сытно откушав и пригубив чарку, Иван Стройков в белой рубашке, без галстука, подошел к распахнутому окну своей квартиры. Он с удовольствием вдохнул соленого морского воздуха стокгольмских шхер и радостно потянулся. Щелчки фотокамер слились в пулеметную дробь…

На следующий день все столичные газеты Швеции и крупнейшие провинциальные вышли с полосной фотографией Стройкова во всю первую страницу. «Сын Брежнева в Швеции!», «Сын советского вождя в Стокгольме!», «Сын советского генсека торгует со Швецией!» — захлебывались заголовки газет.

Без всякой связи с этим событием, которое невозможно было предвидеть, я заранее назначил на тот вечер заседание месткома, председателем которого был избран за год до этого. Во всех советских колониях за рубежом существовали тогда две «профсоюзные» организации. Первая из них, возглавлявшаяся «секретарем профкома», была конспиративным порождением ЦК КПСС. Со сталинских времен считалось, что про поголовное членство в Коммунистической партии всех советских работников, направленных в длительные командировки за границу — иначе не пошлют, — местная полиция знать не должна. Называть организацию, в которой ставились на учет члены партии, прибывшие из СССР, партийной — было запрещено. Разумеется, для местных властей это было секретом Полишинеля, но так приказала партия.

Поэтому партком на эзоповом языке назывался «профкомом». Он, помимо прочих стандартных партийных дел — идеологической накачки под видом партучебы, разбора склок и другой мелочовки, — занимался сбором партийных взносов в валюте и отсылом их в ЦК КПСС.

Местком же объединял настоящих членов профсоюза, в том числе и из членов семей загранработников. Именно местком проводил культурные и социальные мероприятия, в том числе и организацию летнего отдыха детей, экскурсий в музеи и другие города. Для этой цели собирались чисто профсоюзные взносы, которые и тратились на месте.

На то памятное для меня заседание месткома собрались все его члены, хотя явка в обычные дни не составляла и пятидесяти процентов. Моим заместителем был Иван Стройков. Я взял на заседание пару разных газет с его фотографией. Как оказалось, все члены месткома также взяли с собой по свежей газете.

Стройкова ждать долго не пришлось. Он один пришел без газеты. Когда мы расселись за круглым столом и я открыл заседание, от Зины Голошубовой, жены собкора «Известий», активной журналистки и профсоюзной общественницы, поступило предложение: включить в повестку дня первым, дополнительным вопросом обсуждение приветствия новому «сыну Брежнева». Серьезные дяди и тети, как выяснилось, все читали в книге Ильфа и Петрова «12 стульев» о высокой роли профсоюза. Они предложили теперь рекомендовать в «Ассоциацию детей лейтенанта Шмидта» почетным членом «сына Брежнева» Ивана Стройкова. Каждый отдал свой экземпляр газеты заместителю торгпреда и напутствовал его предложениями о том, что ему для поездок по СССР теперь не нужен внутренний паспорт. Как «сын Брежнева», он может спокойно путешествовать по Советскому

Союзу. Предъявляя эти вырезки в обкомах КПСС, он может получать больше бесплатного сервиса и даров, чем их имели Шура Балаганов и Остап Бендер…

Стройков вместе со всеми смеялся буквально до слез. Он был веселым, умным и добродушным человеком. К печали всех нас, кто его знал, он умер весьма молодым, примерно через год после памятного случая. Когда он возвращался из Стокгольма на Родину на пароходе «Балтика», буквально в видимости ленинградского порта его постиг сердечный удар. Рядом в каюте никого не оказалось…

Я тогда еще, как и вся КПСС, почти экзальтированно верил в Ленина, особенно после XX съезда партии и хрущевского доклада о культе личности Сталина. Поэтому я решил сделать своей главной журналистской темой как корреспондента советской печати поиски следов Владимира Ильича в Швеции. Здесь большевик номер 1 часто укрывался и даже благоденствовал на партийные деньги, а также часть генеральской пенсии своей матери. Кстати, именно в Стокгольме он виделся с ней в последний раз в 1912 году.

Шведские сотрудники бюро АПН вывели меня на старого коммуниста Отто Гримлюнда. Гримлюнд был тем самым молодым шведским социал-демократом, который в апреле 1917 года по поручению Фрица Платтена и левой шведской социал-демократии встречал в шведском порту Мальме паром «Кунг Карл» из немецкого города Засница. На этом пароме в «пломбированном» вагоне группа российских эмигрантов во главе с Лениным из нейтральной Швейцарии через воюющую с Россией Германию, а далее через Швецию и Финляндию, направляясь в Петроград, пересекла Балтику. Не буду описывать эту историю, поскольку она во всех тонах и видах изложена в исторической, публицистической и художественной литературе. После моих очерков и фотографий Отто Гримлюнда, несколько подзабытого в КПСС до той поры, шведский друг Ленина сделался важной персоной для посещений разного рода советских знаменитостей, приезжавших в Швецию. Так, я приводил в гости к Гримлюнду писателя Геннадия Фиша, кинорежиссера Марка Донского и его прославленного коллегу Григория Александрова, снимавшего тогда к столетию со дня рождения Ленина большой хроникально-документальный фильм о вожде во Франции, Англии, Швейцарии, Финляндии и Швеции. С Григорием Васильевичем мы за месяц его пребывания в Швеции довольно хорошо сблизились. Он приглашал меня и после моей командировки в Швецию навещать его в Москве и продолжать добрые отношения. К сожалению, из-за того, что после возвращения из Стокгольма в

глазах апээновского начальства я стал «штрафником», я психологически не мог продолжать дружбу с великим человеком. Но в Стокгольме у нас были очень теплые и сердечные контакты.

В благодарность за устройство знакомства с Отто Гримлюндом великий режиссер рассказал мне однажды многозначительную историю из швейцарской части своей поездки. Дело было так.

Александров и его съемочная группа разыскали в Цюрихе кафе, где вождь-эмигрант игрывал в шахматы. Они пришли к старичку хозяину этого кафе и попросили показать столик, за которым Ленин играл в шахматы.

— Не было здесь никакого Ленина! — резко ответил хозяин кафе.

Тогда ему показали фотографию молодого Ульянова.

— А этого человека вы помните? — спросил Григорий Васильевич.

— Конечно! — сказал старик. — Это же Вольдемар Ульянов!

— А вы не знаете, что Ленин и Ульянов — это одно лицо?! — продолжал спрашивать Александров. — И он совершил революцию в России!

— Вот никогда бы на него не подумал! — удивился старик. — Ведь Вольдемар Ульянов был такой приличный молодой человек!

Затем хозяин кафе высказался совершенно определенно:

— Вольдемар Ульянов никогда не играл здесь в шахматы, а сражался вот на том бильярде, — и показал на зеленый стол.

Григорий Васильевич высказал свое полное недоумение, на что старик ответил:

— Приходите завтра утром, я приглашу своих старых друзей, которые помнят Ульянова, и они вам докажут!..

На следующее утро Александров спозаранку был уже в кафе. Стали собираться аккуратные швейцарские старички, в бархатных жилетах, с галстуками-бабочками. Когда их набралось с десяток и все расселись в кружок за столом постоянных гостей заведения, хозяин кафе изложил суть спора.

После этого поднялся один из самых благообразных старичков и сказал:

— Вечно наш старый ворчун все путает. Ульянов играл действительно в шахматы вот за этим столиком, — и он показал за каким, — а на бильярде играл тоже эмигрант, тоже социалист и тоже лысый, кстати лучший друг Ульянова… Его фамилия — Муссолини…

Потом Александров узнал еще более потрясающую деталь: когда Ленин ездил с рефератами в итальянскую часть Швейцарии, переводил его речи с немецкого языка на

итальянский соратник и друг Ульянова итальянский революционер Бенито Муссолини. Идеологии основателя большевизма и основоположника настоящего фашизма были настолько близки, что оба стали закадычными друзьями…

До катастрофы КПСС в 1991 году эти исторические факты, установленные отнюдь не ученым или политиком, а великим кинорежиссером, оставались настолько крамольными и опасными, что Андропов, когда я пересказал ему однажды свои беседы с Григорием Васильевичем, замахал на меня руками и заявил, что эту болтовню ничем подкрепить нельзя. Тогда я спросил его о том, чем же можно объяснить тот факт, что именно фашистская Италия под руководством Бенито Муссолини была первым европейским государством, еще при жизни Ленина прорвавшим в 1921 году дипломатическую блокаду Советской России? Рим и Москва договорились тогда о том, чтобы обе стороны имели в Москве и Риме официальных уполномоченных. Юрий Владимирович тогда на несколько минут замолчал, видимо переваривая услышанное…

За три с половиной года моей работы в Швеции случился в это королевство и государственный визит Никиты Сергеевича Хрущева. Он чуть не стоил мне крупных неприятностей.

Поскольку я сам прилично фотографировал и направлял в АПН иногда свои фоторабoты, руководство агентства и посол Белохвостиков назначили меня ответственным за фотообеспечение визита. С этой целью бюро АПН в Стокгольме заключило официальный договор с одним небольшим фотоагентством в шведской столице. Шведы обязались оперативно проявлять фотопленки, которые я должен был приносить им два раза — утром и вечером, — в каждый день визита. Они также должны были немедленно делать с них контрольные отпечатки, а затем и указанный нами тираж фотоснимков, которые прямо из Швеции бюро АПН посылало авиапочтой в Москву и во все зарубежные наши представительства. Агентство, с моей санкции, могло также за плату распространять в прессе фото, которые не пошли у нас. Дело было простое. Вместе с делегацией Хрущева на теплоходе прибыл маститый фотокорреспондент АПН, допущенный к правительственным съемкам, Борис Рябинин. Я также аккредитовался в пресс-центре визита как фоторепортер.

Мой старый друг со студенческих времен Виктор Корягин, ныне покойный, был тогда заместителем заведующего протокольным отделом МИД СССР. За пару недель до приезда Хрущева он вместе с начальником 9-го управления КГБ полковником Чекаловым прибыл в Стокгольм для подготовки

протокольных мероприятий государственного визита. На совещании в посольстве он познакомил меня с шефом кремлевской охраны.

Снова приехав с Хрущевым в Стокгольм, Чекалов узнал меня и оформил мне допуск в резиденцию генсека, куда всем журналистам вход был запрещен.

На второй день визита, вечером, Хрущев принимал вместе с женой в резиденции, в домашней обстановке, делегацию Общества дружбы «Швеция — Советский Союз» во главе с профессором Евой Пальмер, дочерью покойного основателя общества профессора Пальмера. Встреча происходила на большой застекленной террасе особняка. Я заранее притулился вместе со своей фотоаппаратурой недалеко от диванной группы с креслами и низким столиком, вокруг которого и должна была проходить беседа. Чекалов предупредил меня, чтобы я не лез на глаза Никите Сергеевичу.

Пришла делегация. Хрущев радушно принял ее, рассказывал веселые истории. Все смеялись, я тоже и щелкал, и щелкал камерой, исполняя приказ — пленки не жалеть.

Делегация подарила Никите Сергеевичу драгоценный подарок — очень редкое издание произведений Льва Толстого на шведском языке in folio.

Потом члены Общества дружбы распрощались и ушли, я тоже решил сматывать удочки, ничего больше не ожидая. Хрущев не обращал на меня никакого внимания, словно я был абсолютно пустым местом.

Вдруг на террасе появился зять Хрущева Алексей Аджубей. Никита Сергеевич сидел развалясь и не в самом лучшем настроении после тяжелого дня, держа на коленях огромную книгу. Аджубей взял у тестя книгу. Он встал перед Хрущевым, раскрыв фолиант, и вытянулся, словно нерадивый ученик перед брюзгой-учителем. У меня оставалось в камере еще несколько кадров, и я щелкнул целую серию этой сцены. В тот же вечер я отвез пленки на ночную обработку и вернулся в фотоагентство только утром.

Меня встретили двое сияющих коллег.

— Игорь! Смотри, какой кадр ты сделал!.. — протянули они мне отпечаток 20 на 30 сантиметров. — Американский журнал «Лайф» просит тебя отдать им этот кадр на обложку номера, посвященного визиту Хрущева в Скандинавию… Они обещали заплатить тебе за этот снимок десять тысяч долларов!

Увидев, как на фотографии Аджубей вытянулся, словно двоечник перед классным руководителем, я похолодел. Публикация такого снимка в американской, да и любой другой прессе означала бы для меня автоматическое исключение из партии за дискредитацию вождя и навечное причисление к лику антисоветчиков. Мои шведские друзья, кажется, еще не поняли

угрозу, нависшую надо мной от их добрых намерений.

Для начала я сделал вид, что ничего особенного не случилось, и потребовал у шведов все негативы этой сцены вместе с отпечатками. Мне выдали целую проявленную, но не разрезанную еще пленку и стопочку из десятка фотографий. По их сконфуженному виду я понял, что что-то коллеги припрятали.

— Ну-ка, выкладывайте все, что утаили, — грозно ощерился я. — Я сам буду решать, кому что передать.

Мне выдали еще с десяток крамольных фотографий, и один из шведов бросил неосторожный взгляд на стопку из упаковок фотобумаги большого формата, лежащую высоко на полке. Я немедленно полез туда и нашел между пакетами еще десятка полтора злополучных отпечатков.

— Но, Игорь, это же десять тысяч долларов! — разочарованно протянул один из коллег.

Я молча засунул свои трофеи в атташе-кейс, взял его под мышку и показал друзьям-шведам тюремную решетку из пальцев.

— Вот что могут означать для меня эти десять тысяч долларов за одно фото! — Потом спросил дружелюбным тоном: — Точно больше ничего не зажали?!

— Честное слово! — поклялись оба. Они наконец все поняли.

Были и более приятные визиты соотечественников в Швецию. Выставка картин советской живописи, например, которую посетил король Швеции Густав VI Адольф, визит Юрия Гагарина и Валерия Быковского, гастроли балета Мариинского театра… Во время посещения королем советской выставки я пытался взять у его величества как крупного знатока искусства короткое интервью о его впечатлениях. Элегантный и стройный, старый господин только улыбнулся моему вопросу и кротко сказал: «Молодой человек, вы, наверное, еще не знаете, что короли не дают интервью…»

Я покраснел от стыда за незнание протокола. Шведская свита тактично сделала вид, что ничего не заметила. Но посол и другие советские чиновники, казалось, были готовы растерзать меня на месте за то, что я нанес оскорбление его величеству. Как водится, наши лакеи — самые низкопоклонные лакеи в мире!

Увидев мое жуткое смущение и агрессивную реакцию советской части свиты, король пожалел меня и сказал: «Вообще-то вы можете написать, что картины советских художников мне понравились!»

Несколько позже я узнал, что ответ Густава VI Адольфа советскому журналисту стал коронной фразой шифровки совпосла в Москву с отчетом об этом культурном мероприятии.

Из крупных международных событий в Швеции в памяти

больше всего остались Харпсундские встречи ведущих социал-демократов всего мира. Они проходили в загородном имении шведского премьера Таге Эрландера ежегодно.

Во время первой же встречи мой «москвич», на котором я передвигался по Швеции, явно не подошел по скорости и комфорту к семиместным черным лимузинам, арендованным правительством Швеции для передвижения важных персон по Стокгольму и в Харпсунд, у крупной похоронной фирмы. В Швеции, как и во многих богатых европейских странах, где только премьеру, министру иностранных дел и председателю парламента подается для казенных поездок служебный автомобиль, правительственного гаража отродясь не бывало. Именно поэтому я и получил место в одном из лимузинов, шедших в кортеже не на похороны, а в загородное имение, с министром просвещения Швеции, любимцем премьера Эрландера и всей социал-демократии Улофом Пальме. После Таге Эрландера он стал следующим премьером Швеции. Мы были почти одногодки и весьма интересно беседовали те два часа, которые длилась поездка до Харпсунда.

Потом я брал у него интервью и иногда вступал в короткие беседы на каких-либо протокольных мероприятиях и приемах. Он со всеми — коллегами, журналистами, в том числе и советскими, — был всегда дружелюбен и улыбчив. Он никогда не позволял себе говорить командирским тоном, как советские политики, или грубо-фамильярным — как американские. Когда я узнал о его убийстве, мне было искренне жаль этого выдающегося человека XX века. Это была огромная потеря не только для его семьи, партии, Швеции, но и для всего мира.

Вероятно, все эти встречи с «живыми» социал-демократами, а также вырезки, которые я во множестве делал из шведских газет и журналов, подвигли меня в годы учебы в Академии общественных наук заняться именно шведской социал-демократией. Повлиял на меня и высокий жизненный уровень страны, где социал-демократия, стоявшая у власти с начала XX века, с небольшими перерывами, смогла построить путем реформ действительно богатое и справедливое общество…

Три с половиной года без отпуска пролетели в Швеции незаметно. Мне уже полагалось возвращаться на Родину. Но тут произошел инцидент, который весьма серьезно сказался на моей дальнейшей карьере. Я случайно столкнулся с фактом казнокрадства моего шефа, заведующего бюро АПН.

Дело было так. NN ездил в отпуск в Союз, к дочерям, каждое лето, но в 1965 году почему-то решил отправиться в Москву в ноябре. До той поры я не имел никакого отношения к финансам

бюро АПН, то есть не вел финансовых книг и отчетов, не получал деньги в банке и не выплачивал их по счетам типографии «друзей» за печать и рассылку наших изданий. А их уходило много. Каждые десять дней выходил тиражом 20 тысяч экземпляров иллюстрированный журнал на шведском языке «Новости из Советского Союза». Почти каждый месяц многотысячными тиражами печатались пропагандистские книги, брошюры, буклеты и за счет АПН рассылались шведской почтой бандеролями по всей Швеции.

Хотя я и не передавал типографии коммунистов никаких денег, а оплата по счетам этой фирмы, называвшейся «План-трюк», была своего рода формой передачи материальной помощи КПСС шведской компартии, у меня сложились теплые, дружеские отношения с директором типографии Ларсом Бигандером. Коммунист Ларс был когда-то очень известным шведским боксером, хорошо разбирался в спорте, и я всегда консультировался с ним, когда получал из Москвы заказы на спортивные очерки и репортажи. Кроме того, мы оба любили прекрасные пирожные со взбитыми сливками, которые выпекались в кафе поблизости от типографии. Кофе там тоже был отменный.

Как раз в разгар отпуска NN, когда его не было в Стокгольме, директор типографии позвонил мне в бюро и сказал, что в связи с окончанием года компартия хотела бы уплатить свои долги. Поскольку наши выплаты ей составляли существенную сумму, он попросил авансом, в счет печати и рассылки следующего номера нашего журнала, 25 тысяч шведских крон.

Я сказал, что передам его просьбу в Москву и думаю, что деньги они получат. В тот же день я дал соответствующую телеграмму в АПН. Назавтра мне сообщили, что в шведский банк, куда поступали деньги АПН, направлена необходимая доверенность на мое имя и требуемая сумма.

Еще через день я получил деньги, созвонился с Ларсом и поехал передавать ему аванс. Его кабинет был отгорожен стеклянной стеной от шума остального помещения типографии. Я уселся на стул перед его письменным столом, вынул конверт с деньгами и пересчитал 25 тысячных купюр. Бигандер деловито выписал мне квитанцию на получение 25 тысяч крон, потом взял деньги, снова пересчитал, а затем вынул из этой пачки две тысячные банкноты и протянул мне.

Я оторопел.

— Чего ты, Ларс?! — спросил я друга и не взял деньги.

— Да NN всегда так делал… — ответил мне Бигандер. — Фактически стоимость журнала составляет двадцать три тысячи

крон…

Он протянул мне из своей папки фактуру с подтверждением этой суммы и добавил:

— А что, нам трудно, что ли, подписать счет на двадцать пять тысяч для Москвы? Ведь свои деньги мы получили, а твой шеф в первый раз, когда платил по счету за типографские расходы и бумагу, сказал, что ему дают по графе на представительские расходы слишком мало денег и он хотел бы иметь неподотчетный резерв. Так сказать, «черную кассу». Шведские фирмы часто это делают для постоянных клиентов. Мы, конечно, согласились… Москве сообщили, что стоимость наших услуг выросла на две тысячи за номер журнала… А раз ты не хочешь брать, то мы оставим до него…

Как и всякий нормальный советский человек, я слышал, что при «развитом социализме» была сильно развита и коррупция. Но прямое столкновение с казнокрадством меня просто ошеломило. Тем более что две тысячи крон составляли месячную зарплату заведующего бюро. А получал он эти деньги, как следовало из слов Бигандера, регулярно.

Я не спал всю ночь и думал, что мне делать. Писать шифровку в Москву Буркову было для меня нереальным, так как я по своей должности не был допущен к шифропереписке. Но возмущение мое столь крупным, регулярным и наглым казнокрадством, да еще разведчиком из ГРУ, разгоралось.

С кем я мог поделиться столь неприятным открытием? Единственно, что мне было доступно, так это пойти к послу, как моему прямому начальнику в отсутствие заведующего бюро, и рассказать ему всю историю. Я решил так и сделать.

Утром посол Белохвостиков, отнюдь не политический деятель, какими бывают сильные главы дипломатических миссий, а так называемый карьерный дипломат, смертельно боявшийся своего мидовского начальства, выслушал мое сообщение. Он, видимо, испугался крупного скандала, который мог бросить тень и на него. Трусоватый Белохвостиков почмокал губами, осудил NN, но просил меня ничего не предпринимать, а подождать возвращения заведующего бюро из отпуска, чтобы разобраться с этим делом. А я и не собирался больше ничего делать, переложив тяжелый груз подозрений с себя на подбитые ватой плечи дипломатического фрака «его превосходительства». Однако, как выяснилось позже, расслабляться мне было рано. Посол за моей спиной предпринял все-таки кое-какие меры, чтобы быстро перевести возможный коррупционный скандал без какого бы то ни было разбирательства в Швеции в Москву и «пустить поезд» на меня. Как оказалось, Белохвостиков дал в АПН, Буркову,

шифротелеграмму, в которой просил срочно вернуть в Стокгольм из отпуска NN, а Синицина после этого немедленно отозвать.

Заведующий бюро появился в Швеции уже в самом начале января, а спустя пару дней я получил обычную шифровку о том, что мне за истечением срока командировки разрешено вернуться в Москву. Я был рад, поскольку работал в Швеции три с половиной года без отпуска и мне столь длительная загранкомандировка стала приедаться. Сборы были недолгими, в середине января я уже был дома.

Беседы с Бурковым я не удостоился, хотя это было принято, но я не придал этому значения. Зато в редакции, из которой я уезжал в командировку, меня очень тепло встретили и старые друзья, и новые коллеги. Правда, тех, кто пришел в редакцию после моего отъезда за рубеж, я знал только заочно, по телефону, обменивался с ними материалами по телексу и приветствиями по нашим праздникам. Коллеги и друзья еще ничего не знали о случившемся в Стокгольме. Все, в том числе и я, думали, что командировка закончилась успешно, тем более что ответственный редактор объявил о двух благодарностях, которые вынесены были за литературные материалы и фото, подготовленные по ленинской тематике и визиту Хрущева в Стокгольм.

Сдавая на третий день после возвращения загранпаспорт в управление кадров, я получил на руки приказ об отпуске на три месяца — по месяцу за каждый полный год работы за рубежом. Меня такой отпуск обрадовал, я начал строить планы на него. Но, как говорится, «недолго музыка играла». В ближайший понедельник по домашнему телефону мне было передано приказание явиться на следующий день на закрытое собрание партийной организации главной редакции стран Западной Европы для обсуждения моего «персонального дела». Но я еще не понимал, какого «персонального»?.. Что я совершил?..

В шестнадцать часов следующего дня меня провели в самую большую редакционную комнату, где собралось человек сорок знакомых и незнакомых мне товарищей по партии. Секретарь партбюро явно ждал кого-то и не начинал собрания. Наконец, в комнату торжественно вплыли секретарь парткома АПН Женя Мельников и заместитель Буркова, курировавший нашу редакцию, Георгий Федяшин. Как выяснилось, им-то Бурков и поручил раздавить меня.

Председательствовал на собрании старый коммунист, воевавший еще с Фадеевым в том партизанском отряде, с которого был списан знаменитый роман «Разгром», Василий Петрович Рощин. После Гражданской войны он долго и успешно служил во внешней разведке, но в 1953 году был уволен в

отставку. Он давно был на пенсии, славился своей независимостью от мнения начальства, за что, вероятно, и был удален в расцвете сил и опыта из ПГУ. Много лет он работал в главной редакции стран Западной Европы и был ко времени моего возвращения на Родину уважаемым секретарем парторганизации ГРЗЕ. Василий Петрович и открыл собрание с единственным пунктом повестки дня — «Персональное дело бывшего заместителя заведующего бюро АПН в Швеции Синицина». У многих присутствующих с удивлением вытянулись лица, а некоторые с подозрением уставились на меня. Слово для доклада попросил секретарь парткома Мельников.

Не глядя мне в глаза, хотя мы проработали рядом в СИБе и АПН с десяток лет, он по бумажке прочитал какой-то короткий невразумительный текст, где без всякой аргументации утверждалось, что «в суровых условиях работы в капиталистической стране Синицин устроил склоку с одним из лучших заведующих бюро АПН — NN. Теперь он по просьбе посла Белохвостикова срочно выслан из Швеции!..». Мельников от имени парткома и руководства предложил немедленно, без прений, исключить меня из партии и уволить с работы. Я обмер, и у меня поплыли темные круги перед глазами. Федяшин еще больше подлил масла в огонь, призвав полностью поддержать решение парткома и руководства. Поскольку Федяшин был «засыпавшимся» где-то за рубежом советским шпионом и полуофициально представлял КГБ в АПН, многие члены партии, видимо, решили, что меня изгоняет из партии и АПН именно КГБ за какие-то антисоветские контакты в Швеции, возможно, и за дружбу с «еврокоммунистами».

Но тут поднялся с председательского места Василий Петрович Рощин, выпрямился во весь свой огромный рост и, сурово глядя на Мельникова, сказал: «Я почти пятьдесят лет в партии, но впервые слышу, чтобы партком и руководство пытались раздавить коммуниста, даже не дав ему слова сказать для объяснения!»

Потом он повернулся к собранию и спросил: «Ну что, дадим выступить Синицину?» Дружный хор голосов моих товарищей возмущенно проревел в адрес Мельникова и Федяшина: «Пусть Синицин расскажет о существе вопроса!»

Без всякой подготовки, поскольку «персональное дело» разразилось для меня как гром с ясного неба, довольно сбивчиво я рассказал о факте казнокрадства, свидетелем которого случайно стал. После этого я выразил предположение о том, что именно этот сор в начальственной избе АПН и стал источником грозы для свидетеля, то есть меня.

Собрание загудело. Один из коллег, которого я не знал лично, но часто обсуждал наши журналистские проблемы по телефону, поднялся и спросил Мельникова и Федяшина, знают ли они об этом случае коррупции в агентстве и какие меры решено принять к казнокраду. «Я давно слышал, что в АПН многие руководители нечисты на руку, а теперь увидел воочию, как хотят расправиться с человеком, вынесшим сор из избы!» — добавил он.

Один из редакторов, бывший военный разведчик, изгнанный из ГРУ за то, что был слишком строптив и принципиален, бросил со своего места реплику о том, что ведомство, где служил NN, уже поставило перед Бурковым вопрос об отзыве его из Стокгольма. Получалось, что Буркову для спасения милого ему казнокрада необходимо было «уничтожить» меня.

Прения были короткими, но бурными. Оказалось, что мнение моих товарищей и коллег о моей работе в Швеции было весьма положительным. А что касается заведующего бюро, коллеги выразили общее недовольство его отношением к апээновским делам.

После прений Василий Петрович Рощин подвел их итог, который и был записан в беспрецедентном по тем временам решении первичной организации, осмелившейся бросить вызов парткому и руководству: «Обязать партком и руководство проверить факт финансового нарушения, приведенный в отчете Синицина, для чего направить в Стокгольм комиссию по ревизии финансов бюро АПН. Только в том случае, если комиссия не подтвердит заявление заместителя заведующего бюро, парторганизация вернется к персональному делу Синицина!»

По сути дела, рядовые коммунисты спасли меня от гнева высокопоставленного начальства, покрывавшего коррупционера.

…Через десять лет после описываемого события я собирал исторические материалы для своего первого романа. Героем этой книги должен был стать разведчик Генерального штаба российской императорской армии, действовавший до Первой мировой войны против Австро-Венгрии и Германии. Тогда крупные суммы на разведывательную деятельность проходили через Военное министерство по секретной статье — «На известное его величеству употребление…». В силу особой конфиденциальности они не всегда подлежали строгой документальной отчетности.

Штудируя мемуары дореволюционного военного министра России Владимира Александровича Сухомлинова, изданные в 1924 году в Берлине, я натолкнулся на весьма характерный для менталитета тогдашнего русского офицерства пассаж. Однажды Сухомлинов, докладывая самодержцу о расходах на разведку,

заявил царю: «Ваше величество, если вы только даже во сне увидите, что кто-то из ваших генералов или офицеров запускает руку в казенный денежный ящик, очнувшись ото сна, немедленно гоните его со службы и под суд!..»

Увы! Читая теперь в газетах сообщения о том, что офицеры-интенданты крадут еду у солдат и те в тяжелом дистрофическом состоянии целыми подразделениями попадают в госпитали, генералы и офицеры продают в Чечне и на вывоз оружие и боеприпасы, которыми бандиты убивают наших мальчиков, офицеров и гражданских лиц, а адмиралы не просто разворовывают «по мелочи» флотское имущество, а с визами главкома ВМФ, целыми боевыми кораблями, включая огромные авианесущие крейсеры, вместе с новейшим и секретным оборудованием на них, продают за границу под видом «металлолома», — поражаешься полному отсутствию у очень многих нынешних высокопоставленных военных понятия об офицерской чести. Удивительна также «куриная слепота» у Верховного главнокомандующего, министра обороны, начальника генерального штаба, военной контрразведки, военных прокуроров, да и просто честных офицеров, на глазах которых хапуги в мундирах все эти преступления совершают.

…Три месяца отпуска пролетели незаметно, и я вернулся в АПН. Здесь я узнал от коллег из скандинавской редакции, что NN отозвали из Швеции и выгнали из ГРУ, поскольку в этой организации нечистый на руку человек мог принести значительно больший материальный ущерб, чем в АПН. Но Борис Бурков с той поры затаил на меня лютую злобу. Поэтому мне не нашлось места в территориальной редакции, а меня засунули на ту же должность, с которой я за четыре года до этого уезжал, — старшего редактора, — в самый захудалый тогда отдел в АПН — внутрисоюзной корреспондентской сети. В нем работали всего семь человек: три стенографистки, очень милые дамы, молодой редактор Марк Дейч, выросший сейчас в крупного и яркого журналиста, и два старших редактора — Гриша Харченко и я. Отдел возглавлял Сергей Миронович Хачатурян, один из близких людей к Буркову. Меня направили к нему явно для исправления.

Уже через пару месяцев после начала моей работы в его отделе добродушный Хачатурян сказал:

— Ничего не пойму… Борис Сергеевич говорил, что ты страшный склочник, и велел зажать тебя как можно сильнее… Но ты даже в ЦК не пошел жаловаться… А мы все видим (очевидно, он имел в виду маленький коллектив отдела), что ты вполне нормальный парень…

После этого признания начальник отдела предоставил мне

полную творческую свободу. Я воспользовался ею и начал писать в редком для советской журналистики жанре — международном фельетоне. Республиканские и областные газеты, получавшие «Вестник» нашего отдела, частенько стали печатать мои сочинения. Был и еще один приятный факт. Мой учитель в журналистике, когда я в студенческие годы работал в его отделе газеты «Московский комсомолец», Беник Бекназар-Юзбашев, бывший в описываемые времена ответственным секретарем АПН, привел к нам в агентство гостившего в Москве знаменитого американского фельетониста Арта Бухвальда. Когда Беник на встрече представлял Бухвальду некоторых из присутствующих, то попросил меня встать, чем привел в немалое смущение, и сказал Арту:

— А это растет ваш будущий советский конкурент — Игорь Синицин…

После того как ведущий американский колумнист не побрезговал нашим пропагандистским болотом, его сильно полюбило начальство АПН. Ему даже стали регулярно заказывать фельетоны для советских газет и выплачивать гонорар в долларах. Но эта неразделенная любовь прошла, когда агентство распространило к 50-летию Октябрьской революции среди своих зарубежных друзей и авторов анкету с единственным вопросом: «Каким вы видите СССР к следующему юбилею — 75-й годовщине Октября?»

Арт Бухвальд ответил так, что это навсегда исключило продолжение его романа с АПН. Он написал, что видит, как к 1992 году из Мавзолея на Красной площади вынесут мумию Ленина и положат вместо нее останки Бориса Пастернака. Гений американского фельетона правильно угадал общественные настроения в Москве, которые вспыхнули после путча ГКЧП.

К сожалению, прогноз Беника о моей конкуренции с Артом Бухвальдом не оправдался, хотя я потом и продолжал пописывать международные фельетоны. Однако эта рекомендация Бекназара-Юзбашева обратила на меня внимание замечательного журналиста Карла Непомнящего. Карлуша, как его называли за глаза любившие этого талантливого, энергичного и доброго человека коллеги, упросил своего приятеля Буркова перевести «штрафника» Синицина в главную редакцию международной информации, которую он возглавлял в АПН.

К огромному горю всех, кто знал его, Карлуша вскоре, в 1968 году, еще до начала советской оккупации Чехословакии 21 августа, погиб. Вертолет, в котором он вез из Лейпцига в Прагу печатавшуюся там на чешском языке советскую пропагандистскую газету «Тыденник актуалит», начатую в Чехословакии

представительством АПН по приказу ЦК КПСС во времена Пражской весны, был сбит неизвестными, упал и сгорел вместе со всем экипажем и пассажирами. Гибель Карла Непомнящего была огромной потерей и для его семьи, и для АПН, и для всей советской журналистики.

Недолго пришлось мне проработать в ГРМИ. В конце 1968 года в АПН был создан новый журнал. Он явился воплощением старой мечты Максима Горького — издания международного органа печати, который делался бы объединенной советско-финской редакцией и распространялся в наших двух странах. Бурков хорошо придумал, что этот журнал — «Мааилма я ме», то есть «Мир и мы» — по-русски, будет создаваться на базе ставшего суперпопулярным «Спутника», печатавшегося в Финляндии. В «Спутнике» отводилось 48 полос материалам московской редакции стран Северной Европы АПН. В виде дополнительной вставки в макет «Спутника» они посылались в Хельсинки, там переводились на финский язык. Хельсинкская редакция на месте определяла, какие материалы из англоязычного «Спутника» будут заменены на финскоязычные, «направленные» на Финляндию. Одновременно со «Спутником», вместе с оставшимися в нем материалами, на финском языке бюро в Хельсинки издавало наш журнал в одной типографии с ним, но под обложкой «Мааилма я ме».

К тому времени кадровая ситуация в АПН сложилась так, что в агентстве не оказалось опытных журналистов скандинавского направления. Буквально скрипя зубами от злости, как передал мне вездесущий и полюбивший меня Хачатурян, Бурков был вынужден подписать представление на меня в должности ответственного секретаря московской редакции «ММ», сделанное главной редакцией Западной Европы и новым зампредом, вместо ушедшего назад куда-то в свое шпионское ведомство Федяшина, — Александром Ивановичем Алексеевым. Александр Иванович был незадолго до этого послом СССР на Кубе и пользовался у Буркова большим авторитетом, ведь Алексеева очень любил и дружил с ним Фидель Кастро, ценили Хрущев, Брежнев и Андропов. Ко мне он отнесся очень хорошо. Но злопамятный председатель правления проставил в решении о моем назначении на новую должность унизительные буквы «и. о.», говорящие о временности этой работы для меня. Эта «временность» висела надо мной около двух лет, пока мне не пришлось вступить в новую жестокую драку с Бурковым.

…Мы делали довольно приличный журнал, который с успехом распространялся не только в Финляндии, но и в киосках Москвы, Ленинграда, Эстонии, Карелии… В Хельсинки

фактическим главным редактором «ММ» был представитель АПН Аркадий Огнивцев. Вскоре после появления в Финляндии он занял место первого фаворита Буркова и начал покрикивать на своих коллег в АПН в Хельсинки и Москве. Но к 1970 году выяснилось, что любимчик Бура сильно зарвался.

К столетнему юбилею Ленина наша редакция любовно приготовила свою часть макета «ММ», в которую вошли как публицистические, так и биографические статьи о вожде, включены редкие фотографии. Одну из таких, с дарственной надписью Ульянова Отто Гримлюнду, я вытащил из своего архива. Я тогда еще оставался в зомбированном Системой состоянии, восхищался Лениным и вложил в макет всю свою душу и душу моих сотрудников. Заблаговременно «праздничный» макет был направлен в Финляндию.

Спустя пару недель мы получили из Хельсинки пробный экземпляр «ММ» на финском языке и тут же принялись его листать. Рейма Руханен, наш финскоязычный редактор, начал читать статьи, подготовленные нами и теперь напечатанные на страницах журнала. Примерно через час у всей редакции волосы поднялись дыбом. Рейма обнаружил, что теоретические и другие статьи о Ленине были сокращены и переведены в Хельсинки так, что превратились в полную противоположность по смыслу и компрометировали вождя. Наш макет также был разрушен. Огнивцев сделал его по-своему, так, что, например, на одном из разворотов журнала полосное фото Ленина с дарственной надписью Гримлюнду смотрело на другую половину разворота, где была напечатана полосная реклама крупным планом роскошного, почти открытого бюстгальтера. Женские груди, чуть прикрытые прозрачными кружевами, были даны крупным планом. Соски смотрели прямо в глаза «целомудренному» Ильичу. А он ласково улыбался…

Теперь, зная о перипетиях любви Ульянова и Инессы Арманд, о венерической болезни вождя мирового пролетариата, я бы только с улыбкой отметил символический смысл такой рекламы. Мои коллеги, журналисты-пропагандисты, недалеко ушли тогда от меня в идеологической правоверности.

Возмущение охватило всю московскую редакцию «ММ». Я тут же сел и вместе с нашими редакторами, словно на картине Ильи Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», сгоряча написал докладную записку председателю правления АПН с разгромным анализом изменений в нашем макете, примерами переведенных с финского Реймой Руханеном некоторых особенно издевательских антибольшевистских пассажей из переводов наших статей. Документ получился страницах на двадцати.

Записку перепечатали, я подписал ее и отнес секретарю Буркова. К нему самому меня не допустили.

Буквально через час та же секретарь шефа, Татьяна Бовт, позвонила в редакцию и сообщила, что Бурков срочно требует меня к себе. Я ожидал всего, но не столь грубого и вздорного поведения умного и опытного политика — председателя правления АПН Буркова. Он, видимо, ни в грош не ставил людей ниже себя по должности, хотя старался казаться демократом. Как только я вошел в его кабинет и остановился у двери, он буквально метнул по длинному полированному столу, за которым по четвергам заседало правление, толстую записку так, что она, скользнув по столу, упала к моим ногам.

— Забери свою мразь! — злобно прорычал Бурков. — И убирайся!..

Я внешне спокойно поднял записку и вышел из его кабинета. Но меня всего трясло.

По удивительному совпадению в коридоре недалеко от своей комнаты я встретил Яниса Бролиша. Когда я работал в Швеции, Янис в посольстве неформально представлял Латвийскую ССР и занимался проблемами латышей-эмигрантов в Швеции. Мы тогда встречались и в посольстве на собраниях, и в клубе на разных мероприятиях. Не виделись мы с ним года четыре.

— Что ты здесь делаешь?! — изумился Янис.

— Работаю… — хмыкнул я и в свою очередь спросил: — А ты?

Мой старый знакомый с гордостью сообщил, что только что окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС и назначен инструктором в отдел пропаганды ЦК, где курирует АПН!

— Теперь вот я пришел сюда посмотреть на вас и узнать, как вы работаете… — сообщил Янис.

Я еще не остыл от хамства Буркова, и мне жгла руки докладная записка.

— Хорошо работаем!.. — с издевкой сказал я. — Вот можешь посмотреть как…

Я протянул Янису свою докладную записку. Он пробежал глазами начало текста, затем аккуратно положил в папочку, с которой был.

— Ну, бывай здоров! — сказал я Янису, не настроенный болтать с ним на общие темы.

Он откланялся, обещая позвонить.

Однако на следующее утро позвонил совсем не он, а кто-то другой из отдела пропаганды ЦК. Представившись, он спросил меня:

— Игорь Елисеевич! Вы могли бы еще раз подписаться под

вашей докладной запиской на имя Буркова?

— Хоть по три раза под каждой страницей… — довольно грубо ответил я, пребывая еще в дурном настроении после вчерашнего.

Собеседник словно не заметил моего тона и вежливо продолжал:

— А не могли бы вы прийти к нам, в ЦК, завтра в десять часов? Захватите, пожалуйста, фотокопию вашего макета юбилейного номера и материалы к нему на русском языке, которые вы отправляли в Хельсинки… Контрольные экземпляры журнала «ММ» мы уже получили из Финляндии… Пропуск вам будет заказан.

Говорящий, видимо, и не сомневался, что отказа с моей стороны не последует.

…В комнате, куда я пришел к десяти часам утра, уже сидели по одну сторону длинного стола для совещаний несколько человек. Некоторые из них по характерному типу лица явно были природными финнами. Мне предложили место в центре другой стороны стола и попросили фотокопию макета и копии подготовленных нами для номера литературных материалов на русском языке. Я все выдал, и началась работа. Один из финнов, видимо переводчик-синхронист высшего класса, читал из журнала «ММ» прямо по-русски перевод финских статей. Другой человек, как оказалось позже, начальник Яниса Бролиша, отмечал по тексту журнала и наших статей красным карандашом наиболее одиозно звучавшие пассажи. При этом было найдено в финских текстах контрольного экземпляра журнала раза в три больше ошибок и описок, чем это сделал Рейма Руханен.

Затем комиссия — я уже не сомневался в этом — принялась разглядывать постранично фотокопию нашего макета и контрольный экземпляр журнала «ММ». Всех поразил не только разворот с портретом Ленина на одной половине и весьма эротическим женским бюстом — на другой. Члены комиссии нашли много других погрешностей в замененных Огнивцевым фотографиях, бывших в нашем макете, в текстовках к фотографиям, на которые мы в редакции вовсе не обратили внимания. Попросив меня оставить им все наши материалы, комиссия любезно попрощалась со мной, а я пошел в ближайший цековский буфет, чтобы купить там настоящей колбасы и других яств, которых в московских магазинах было уже не найти. Выходя из здания, я заметил, что почти все посетители, как и я, выходили на улицу со свертками и сверточками.

В четверг на следующей неделе было назначено обычное заседание правления АПН. Но во вторник стало известно, что в

понедельник принято какое-то постановление секретариата ЦК, касающееся АПН. Коридоры и курилки загудели, но никто не знал содержания этого документа. Не догадывался и я.

С утра в четверг, как и намечалось, началось правление. Сразу прошел слух о том, что ЦК резко критикует АПН и у Буркова — неприятности. Около полудня раздался звонок внутреннего телефона. Голос Танечки Бовт, секретаря председателя, пригласил меня срочно явиться на заседание в кабинет Буркова.

Я вошел и попал в жутко наэлектризованную атмосферу. Молча встав у двери, я подумал: «Начинается!..» — и не ошибся.

Не здороваясь, Бурков поднял вверх руку с какими-то листками и самым хамским тоном, на какой он был способен, а способен он был на многое, заорал мне при всех:

— Почему постановление секретариата ЦК КПСС «О журнале «Спутник» целыми абзацами повторяет твою докладную записку?!

Меня взорвало его обращение. Не сдержавшись, я издевательски ответил председателю:

— Так вы ее все-таки прочитали?! Ну и принимали бы вовремя меры, а не ждали, пока вам надают по заднице!..

В кабинете среди членов правления от моего ответа в тон Буркову настала вдруг немая сцена, как в комедии Гоголя «Ревизор». Не дожидаясь, пока они опомнятся, я вышел из кабинета и спокойно закрыл за собой дверь.

— Что так быстро? — удивилась Танечка Бовт.

— Так надо! — брякнул я и отправился в свою рабочую комнату. По дороге я понял, что теперь-то уж Бурков сумеет расправиться со мной самым жестоким образом. Тем более что было много свидетелей нарушения мной субординации. В СССР, как теперь и России, начальник имел право хамить, а подчиненный должен был глотать хамство.

Я решил срочно бежать из АПН. Но куда? И тут я вспомнил, что недавно в каком-то партийном журнале читал на обложке объявление об очередном наборе в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС. В библиотеке снова нашел этот журнал и прочитал об условиях приема. Я решил, что академия может стать надежным убежищем для меня.

Еще со студенческих времен у меня был добрый друг, гораздо старше меня, профессор-литературовед Николай Пантелеймонович Карпов. Он славился как один из крупнейших специалистов по биографии и творчеству Маяковского. С его супругой Ириной мы давным-давно вместе трудились в многотиражной газете Педагогического института «Народный учитель», где она была ответственным секретарем, а я, студент,

писал заметки. Николай Пантелеймонович, как я знал, преподавал тогда в Академии общественных наук. В тот же вечер я отправился к Карповым в гости, рассказал им о передряге, в которую попал. Ира и Коля морально поддержали меня и согласились, что лучшим выходом из критической ситуации было бы бегство в Академию общественных наук и защита диссертации. Профессор дал мне подробные советы, как можно это сделать.

На следующее утро я отправился в партком и официально испросил у партийного секретаря Жени Мельникова необходимую первичную рекомендацию в академию. Женя до сих пор не смотрел мне в глаза после того собрания, где получил отлуп от моих товарищей. На удивление быстро, уже через полчаса, он подготовил и заверил печатью «Рекомендацию парторганизации АПН Синицину И. Е. для поступления в АОН при ЦК КПСС». Про вчерашний скандал на заседании правления ничего не было сказано.

Мне удалось за два дня оформить в нашем райкоме партии все остальные необходимые бумаги. В райкоме, в отделе пропаганды, ко мне хорошо относились, поскольку я безотказно выступал на общественной основе с лекциями о международных делах на предприятиях района. На третий день я уже подал заявление в приемную комиссию академии, сдал остальные документы, и мне было сообщено, что телефонограммой вызовут для сдачи приемных экзаменов, когда они начнутся. Пока же я должен был за неделю написать реферат по избранной теме. Я хотел поступить на кафедру журналистики и поэтому быстро подготовил сочинение на тему «Опыт издания советских журналов в странах Северной Европы». Через десять дней мне сообщили, что реферат оценен высшим баллом, но вызова на экзамены я не получил. Очевидно, Бурков со своими связями в ЦК сумел-таки нагадить и в академии. Но не до конца.

В предпоследний день приемной экзаменационной сессии мне поступила телефонограмма, в которой сообщалось, что если я в последний день экзаменов, то есть завтра, явлюсь в академию и сдам четыре предмета в объеме высшего учебного заведения — основы марксизма-ленинизма, политэкономию, теорию журналистики и иностранный язык, — то, возможно, останусь в списках конкурсантов.

Мне ничего не оставалось делать, как прийти на следующий день в АОН и бегать без обеда высунув язык с кафедры на кафедру, где у меня принимали экзамены изумленные профессора. К своему собственному удивлению, я получил по всем предметам пятерки.

Имея в экзаменационной карточке двадцать пять из

возможных двадцати пяти баллов, я спокойно уехал в отпуск на юг. Вернувшись в Москву 30 августа, я узнал, что в академию не принят. Тогда-то мой друг Конрад Смирнов и создал ситуацию, о которой я рассказал в начале этой главы и которая привела меня к первой встрече с Андроповым.

Наконец настал тот день конца сентября 1970 года, когда за мной в академию приехала черная «Волга». За рулем сидел красивый, сдержанный, с внимательными и умными глазами относительно молодой человек. Он выглядел как американский киноактер. Сейчас я бы сказал, что у него что-то было в облике от Кевина Костнера в фильме «Телохранитель». Молодой человек оказался личным адъютантом и телохранителем Юрия Владимировича Андропова Евгением Ивановичем Калгиным.

Женя, как он просил его называть, привез меня к какому-то солидному жилому дому в переулке возле Метростроевской улицы. Проводил к двери на первом этаже и нажал на кнопку звонка. Тут же он ушел.

Дверь отворилась не сразу. Чуть в глубине прихожей стоял знакомый по фотографиям Андропов. Это был высокий, но сутулящийся, седовласый и румяный человек. Очки с легкими дужками, карие внимательные глаза, радушная улыбка, отлично сшитый и отутюженный темно-синий костюм, вся манера держаться сразу же располагали к нему.

На улице было тепло. Я пришел в обычном костюме. Юрий Владимирович протянул руку. Мы поздоровались. Квартира, как я заметил, была большая, хорошо обставленная, но не его. Андропов пригласил пройти в комнату, где в центре стоял крытый скатертью круглый обеденный стол. На столе несколько разнообразных бутылок — коньяк, водка, какое-то марочное вино, хрустальный кувшин с соком, хрустальные бокалы и рюмки, ваза с фруктами и другая — с конфетами.

— Ты извини, что я принимаю не в своем кабинете, а здесь… — обвел он помещение рукой. — В комитете и около него очень много глаз, среди которых могут оказаться случайно твои знакомые и недоброжелатели… Я думаю, тебе совсем не надо, чтобы начались пересуды…

Я горячо поблагодарил Юрия Владимировича за помощь, оказанную им в связи с моим утверждением в академии, и заодно вполне согласился с желанием сохранить мое доброе имя, то есть чтобы никто не подумал, будто я — сотрудник КГБ.

Потом Андропов предложил поднять бокал за мое поступление в академию и спросил, показывая на бутылки:

— Водку, коньяк или коллекционное массандровское?

Я сказал, что, конечно, крымское легкое. Он, взяв бутылку,

хотел налить в большой фужер.

— Нет, нет! — взмолился я, закрыв фужер одной рукой, а другой подставляя Юрию Владимировичу маленькую рюмашечку.

— Что же, в академии перестали пить крепкие вина? — задал провокационный вопрос Юрий Владимирович.

— Нет!.. Просто я белая ворона среди журналистов и почти не употребляю горячительных напитков… — признался я.

— Да, с твоей нервной системой отъявленного драчуна употреблять горячительное было бы опасно… — пошутил Андропов, намекая на известные ему мои драки с Бурковым.

Юрий Владимирович налил себе сока из кувшина, мы чокнулись, и я пригубил из своей рюмки какой-то райский напиток.

Андропов, отпив с полфужера, поставил его и стал очень серьезен. Без предисловий он спросил меня:

— Ты слышал когда-нибудь о Шелепине и шелепинцах? — Очевидно, эта тема причиняла ему тогда беспокойство. Именно в самом начале 70-х годов шелепинцы усилили свой натиск на Брежнева.

— Конечно слышал, — сказал я. — В октябре шестьдесят четвертого они были главной силой, которая свергла Хрущева и хотела захватить власть.

Юрий Владимирович чуть склонил голову набок и с еле заметным удивлением снова спросил:

— А дальше что было?

Мне отчего-то, возможно от необычного вина, стало весело на душе, и я брякнул, не подумав, с кем говорю:

— А дальше… Лет этак через сорок в учебнике по истории партии напишут, что Брежнев очень вовремя выгнал Шелепина, снял с КГБ его дружка Семичастного, поставив на этот пост Андропова…

Юрию Владимировичу тоже стало весело. Он расхохотался. Отсмеявшись, он снял очки, протер их большим белым носовым платком.

— Мне Конрад Михайлович говорил, что у тебя нестандартное мышление, но ты что-то совсем распоясался… — сказал он серьезно, но глаза его продолжали смеяться. И добавил: — В ответ на твою откровенность я расскажу тебе, как развивалась ситуация в АПН начиная с апреля нынешнего года, с вашего юбилейного номера журнала «ММ».

Я насторожился. Было очень интересно узнать закулисную историю снятия Буркова.

Андропов, откинувшись на стуле, уже совсем бесстрастно начал рассказывать:

— Шелепинцы до сих пор не смирились со своим поражением и ищут опоры в ЦК и политбюро против Леонида Ильича. Бурков, без пяти минут секретарь ЦК, оставался при власти их главной пробивной и информационной силой. Некоторые заведующие отделами ЦК и даже более влиятельные персоны очень крепко его поддерживали. Михаил Андреевич Суслов, стоящий на стороне Брежнева, никак не мог найти приличный повод снять последнего самого высокопоставленного активного шелепинца — Буркова. Бурков вел себя исключительно осторожно. Но тут как раз появился ты, драчун, со своей докладной запиской о контрольном номере юбилейного журнала «ММ». Бурков так рассвирепел, что потерял всякую осторожность. Твою записку передали Суслову в тот же день, когда ее отверг Бурков. Ее читали и Михаил Андреевич, и Леонид Ильич, и я. Все мы поразились твоей смелости. И вот наконец появился желанный повод убрать Буркова. Так что твоя записка стала для него банановой кожурой на паркете…

Отпив глоток сока, Андропов продолжал:

— Немедленно была создана комиссия. Часть ее вылетела в Хельсинки и учинила финансовую ревизию Огнивцеву. Кстати, у него нашли точно такие же финансовые нарушения, как и у твоего бывшего шефа в Стокгольме… NN… кажется… Мне о твоей борьбе с казнокрадом из ГРУ и его московскими покровителями рассказывал когда-то Конрад Михайлович…

Я поразился памяти Юрия Владимировича — она удерживала столь незначительные для него, по моему мнению, факты четырехлетней давности. Очевидно, здесь играла свою роль и его патологическая ненависть к коррупции и взяточникам. Может быть, эта ненависть частично и привлекла его изначальное внимание к моей скромной персоне?

— А потом и появилось «Постановление секретариата ЦК КПСС о журнале «Спутник», сделанное на основе твоей записки. Хотя журнал этот, по правде говоря, очень нравится Леониду Ильичу и мне… Но чтобы вывести тебя из-под незаслуженного удара, Суслов распорядился пальнуть в Буркова не через журнал «ММ», а именно через «Спутник».

Мы проговорили еще минут сорок на разные актуальные международные и партийные темы. Я при этом робко вытащил из вазочки и съел одну за другой две чудесные конфеты. Это был чернослив в шоколаде, с миндальным орешком внутри, пропитанный ромом. Андропов встал, давая понять, что беседа окончена. Он еще раз похвалил меня за неординарность мышления и сказал, что хотел бы вот так, неформально, встречаться со мной раз в месяц или два, как получится, чтобы

подискутировать по разным проблемам.

— Я люблю беседовать с молодыми, у которых свежие мозги, — признался он.

Но прежде чем проводить меня до двери, он опорожнил почти всю вазочку с понравившимися мне конфетами в глубокие боковые карманы моего пиджака.

Следующая наша встреча состоялась месяца через полтора. Мне позвонил Женя Калгин и назвал время и адрес, куда я должен был прибыть самостоятельно.

Так начались мои товарищеские встречи — аспиранта АОН при ЦК КПСС и кандидата в члены политбюро ЦК, во время которых мы в свободной манере обсуждали разные проблемы. Я помню, как меня поразила одна из них.

Андропов вдруг заговорил о роли спецслужб внутри государства, о склонности к репрессивной и карательной политике некоторых наших бывших вождей. С большой горечью он вспомнил тот факт, что в некий год до смерти Сталина в нашей стране единовременно находилось за решеткой и колючей проволокой лагерей десять (!) миллионов заключенных. Я думаю, что он опирался на цифру, которую Хрущев привел в секретном докладе о культе личности Сталина XX съезду КПСС. В этом докладе, ставшем известным на Западе уже через несколько недель после его прочтения на закрытом заседании съезда в Кремле, тогдашний вождь, Никита Хрущев, заявил: «Когда Сталин умер, в лагерях находилось до 10 миллионов человек»[1] [1]. До краха КПСС в 1991 году сомневаться в истинности высказываний первого человека в партии никто из советских коммунистов не осмеливался под угрозой репрессий. Юрий Владимирович, формировавшийся как высокопоставленный партийный функционер именно в последние годы жизни Сталина и во времена расцвета публичных речей Хрущева, также явно не имел желания поставить под сомнение цифру из доклада XX съезду. Ведь это было бы великой крамолой.

Нынешние исследователи сталинских и хрущевских времен называют другие, не столь вопиющие, но не менее трагические цифры. Так, С. Кара-Мурза во второй части своей книги «Советская цивилизация» пишет, что Хрущеву в феврале 1954 года, то есть за два года до закрытого заседания XX съезда 25 февраля 1956 года, была представлена справка, подписанная генеральным прокурором СССР, министром внутренних дел СССР и министром юстиции СССР, содержавшая данные о числе осужденных всеми видами судебных органов за период с 1921 года по 1 февраля 1954 года. В ней якобы зафиксирована сумма в 1 727 970 заключенных. Но можно ли доверять статистике

прокуроров школы Вышинского, министров внутренних дел — учеников Ежова, министров юстиции — стражей революционной законности типа палача-матроса Крыленко? Не уверен в этом. Далее. Кто сосчитал миллионы советских военнопленных, сдавшихся во время войны немцам, выживших к 1945 году и из немецких концлагерей прямиком отправившихся в советские? Ведь только с июня 1941 года до декабря 1941 года в германский плен попало около трех миллионов советских красноармейцев и командиров. Все они автоматически были осуждены как «изменники Родины». А сколько было немецких военнопленных в СССР, сколько из них выжило и вернулось в Германию в 50-х годах, сколько сидело в советских тюрьмах и лагерях, как военные преступники?

Именно поэтому цифра в 10 миллионов заключенных, потрясавшая Андропова, представляется и мне вполне реальной. Его эта цифра коробила еще и потому, что он сам мог оказаться в числе этих миллионов, будучи расстрелянным или заключенным по так называемому «ленинградскому делу». Да и меня, создав ситуацию, при которой я вынужден был уйти из МГИМО после изгнания моего отца из внешней разведки в 1952 году, вполне могли отнести к категории ЧСИР, что означало «член семьи изменника Родины».

Поэтому Юрий Владимирович, как я полагаю, частенько задумывался над фундаментальной проблемой положения в обществе карательных и силовых органов. Суть его вопроса, который он тогда поставил, заключалась в том, что огромный спрут единой спецслужбы оказывал сильнейшее давление на власть. Я кое-что читал по этой проблеме и стал высказываться в том духе, что все спецслужбы страны не должны управляться одним человеком. У меня перед глазами стоял пример Семичастного, прямой подчиненный которого, начальник «девятки» полковник Владимир Чекалов, фактически арестовал Хрущева на Пицунде и вывез его под своим конвоем прямо на Пленум ЦК, отдав в руки заговорщиков. Я приводил в пример США, где ФБР — внутренняя контрразведка, ЦРУ — внешняя разведка, РУ МО — разведывательное управление Министерства обороны, АНБ — электронная разведка — все были независимы друг от друга, конкурировали между собой, и каждая подчинялась напрямую президенту США. Конкуренция только повышала качество информации. Мы обсуждали разные примеры, в том числе и монстра МВД при Берии, около часа.

Что касается внешней разведки, то его интересовал вопрос о том, как «чистые» советские работники за рубежом «вычисляют» тех, кто занимается разведкой? Ведь местная контрразведка

может это делать еще более успешно, ведя постоянное наблюдение, слежку, прослушивание, в том числе и в частной жизни членов советских колоний.

— Нет ничего проще, — ответил я Юрию Владимировичу. — Разведчиков легко можно распознать еще в Москве, во время их предотъездной стажировки в ведомстве прикрытия. Как правило, они лишь изредка появляются в редакции или отделе, высокомерно намекая, что занимаются более важными делами, чем какая-то работа по «прикрытию». За всю мою пятнадцатилетнюю бытность в СИБ — АПН только один работник ГРУ, некто С., честно и серьезно работал полгода в редакции и стал по-настоящему своим.

Затем я рассказал историю, случившуюся в 1963 году в Швеции, как раз во времена моего пребывания там. Юрий Владимирович был тогда заведующим отделом по связям с социалистическими странами ЦК КПСС и отношения к шпионской информации и шпионам не имел. Он с интересом выслушал мой рассказ об этом полузабытом случае.

— Это легко делают и местные контрразведки, — подтвердил я. — Тогда в Стокгольме служил военным атташе при посольстве СССР крупный профессионал военной разведки ГРУ генерал-майор Никольский. У него на связи много лет был выдающийся агент, носивший псевдоним Викинг, полковник шведской армии Стиг Веннерстрем. Как сообщали тогда шведские СМИ, а они муссировали тему Веннерстрема затем много лет после его разоблачения, он был завербован советской разведкой во время пребывания в Москве, где служил военным атташе Швеции. После Москвы он пребывал в такой же должности в Вашингтоне и был тайным офицером связи вооруженных сил нейтральной Швеции с США и НАТО. Несмотря на нейтралитет, у шведов были весьма разветвленные, деловые и благожелательные связи с Североатлантическим пактом, которые стали известны Москве благодаря Веннерстрему.

Веннерстрем занимал видное положение в обществе, имел широкие связи в военных, дипломатических, экономических и придворных кругах. Он состоял в дальнем родстве со шведским королем Густавом VI Адольфом и в молодые годы служил у него адъютантом.

Викинг имел неограниченный доступ к секретным документам международной важности, особенно США, Англии и НАТО. В начале 60-х годов он занимал очень высокое положение в вооруженных силах Швеции. Стиг Веннерстрем был начальником военно-воздушной секции командной экспедиции министерства обороны страны. Его звание полковника — одно из

самых высоких в компактной шведской армии, где генерал-майоров и генерал-лейтенантов было два-три и обчелся.

Официальная должность позволяла ему раз в неделю встречаться с советским военным атташе на мероприятиях, устраиваемых министерством обороны Швеции для зарубежных военных дипломатов и на раутах в иностранных посольствах.

— Но в один прекрасный момент, — рассказывал я Юрию Владимировичу, — из Москвы в совпосольство приехал новый первый секретарь, некто Б. Он был самоуверен и нахален. Говорили потом, что Б. был какой-то сильно блатной из ГРУ, которому покровители заранее в мундире вертели дырки для орденов за работу с Веннерстремом. Викинга отобрали у военного атташе и передали на связь первому секретарю советского посольства.

Но если у военного атташе была совершенно законная и легальная основа для встреч с полковником Веннерстремом, то у дипломата, да еще в среднем ранге — первого секретаря, официальных оснований для встреч не было. Дипломатическое прикрытие Б. плохо сработало. Но в отличие от других дипломатов и сотрудников советских загранучреждений, материальные блага и привилегии, которые он сразу получил, резко контрастировали с теми, которые имел «чистый» советский дипломатический персонал. Если обычные секретари посольства ездили на «москвичах» или дешевеньких «фольксвагенах», а советники испрашивали для служебных поездок посольские «Волги», то Б. купили сразу «мерседес» и отдали в полное и нераздельное владение.

Если другие дипломаты жили в обычных двух— или трехкомнатных квартирах, то для первого секретаря Б. сняли за большие деньги, несовместимые с его зарплатой, о размерах которой шведы знали хотя бы через прослушку, более роскошное помещение — четырехкомнатные апартаменты. Имелось в виду, что Б. будет давать светские приемы и обеды, на которых легко заводить связи с иностранными гостями. О подобной шикарной жизни в советской колонии до той поры вообще никогда не слышали. Даже дипломаты и начальники из советских учреждений в Стокгольме, как и в других дорогих для жизни европейских столицах, еле сводили концы с концами, пытаясь накопить кто на кооперативную квартиру, кто на автомобиль, а кто на женские тряпки. Больше того, к первому секретарю посольства за казенный счет стала приходить уборщица, которая стала у него чем-то вроде горничной. Такого вообще не бывало даже у советников. Только у посла Коллонтай была прислуга.

Разумеется, шведская контрразведка, одна из сильнейших в

мире, заподозрила в Б. не того, за кого он себя выдает. Шведы установили за первым секретарем очень плотное наблюдение. Довольно быстро им удалось засечь контакт советского дипломата с полковником Веннерстремом. Остальное было уже делом контрразведывательной техники.

Высокий штабной чин, полковник Веннерстрем жил в собственном особняке одного из пригородов шведской столицы. Хотя подчас в довольно обеспеченных шведских семьях нет постоянной прислуги, жена полковника, весьма светская дама, держала служанку.

Когда у шведской полиции безопасности СЕПО возникли подозрения по поводу Веннерстрема, в семью Викинга внедрили новую «горничную». Обыскав в отсутствие хозяев всю виллу, она обнаружила на чердаке хорошо запертое помещение.

Специалисты ловко вскрыли его и увидели великолепную фотолабораторию, в которой можно было проявлять микропленки и делать шпионские микроточки для дальнейшей их передачи связному. Однажды «служанка» увидела, как Веннерстрем принес с работы туго набитый портфель и уединился с ним в фотолаборатории…

Через несколько дней после новой тайной встречи первого секретаря Б. с полковником Веннерстремом начальник военно-воздушной секции командной экспедиции минобороны Швеции был арестован. Разразился один из самых громких шпионских скандалов в Скандинавии за десятилетия.

Советский военный атташе генерал Никольский и первый секретарь посольства СССР Б. были объявлены персонами нон грата. В течение суток, прячась от вездесущих фотокорреспондентов, на советском сухогрузе, случайно оказавшемся в стокгольмском порту, они покинули страну…

Помимо признаков, разоблачивших Б. в глазах шведов и советской колонии, я рассказал Юрию Владимировичу о том, что разведчики, работающие «под крышами» советских посольств и других представительств, в отличие от «чистых» дипломатов и сотрудников загранучреждений, получают неограниченные деньги на представительские расходы. Если я, например, на мою обычную зарплату советского журналиста за рубежом мог позволить себе сходить со своим шведским приятелем или коллегой в ресторан или кафе один-два раза в месяц, сотрудники спецслужб все вечера и дни проводят в злачных местах. Это, возможно, делается для того, чтобы в возможно большем круге их местных знакомых потерялись те, кто является настоящими агентами.

Вообще-то рядовые «чистые», как, например, я, совсем не

получают представительских денег, которые использует их начальство. Заведующий бюро не выделял мне никогда представительских, хотя и имел на это определенную сумму. Опять же мы, «чистые» журналисты, не обязаны ежедневно поутру ходить в посольство. Но разведчики каждый рабочий день, а то и по выходным вынуждены собираться в своих душных резидентурах, оборудованных спецтехникой против подслушивания. Они получают инструкции, пишут записи своих бесед, готовят шифровки и почту…

Все это заинтересовало председателя КГБ, и он сказал, что дело с машинами и представительскими можно поправить. Он переговорит в ЦК, чтобы и дипломатам, и другим «чистым» сотрудникам их учреждения выделяли больше денег на автомашины и походы за казенный счет в рестораны и пивные. Но вообще-то сотрудникам спецслужб надо бы держаться скромнее.

Я, однако, не уверен, было ли принято положительное решение на Старой площади по этому вопросу. Думаю, что при вопиющей скаредности партийной бюрократии на действительно важные для дела расходы и при фантастической щедрости ее на свои собственные никчемные заграничные командировки, выписываемые якобы для укрепления связей с братскими партиями, проблема представительских для «чистых» осталась нерешенной до самой смерти ЦК КПСС.

Юрий Владимирович был тогда лишь кандидатом в члены политбюро, и его отделяло от самой вершины власти столько препятствий, что он еще задумывался не о том, как прорваться наверх, а об укреплении позиций Брежнева. Мечтая вернуться в ЦК КПСС на должность секретаря ЦК и продвигаться дальше в верхушке партии, он, возможно, размышлял о том, как успешнее всего можно рассечь становившийся слишком влиятельным КГБ, уберечь генерального секретаря и других секретарей от возможных «случайностей». Тогда мы пришли к выводу, что самым оптимальным было бы разделение огромного КГБ на независимые друг от друга спецслужбы — контрразведку, политическую внешнюю разведку, электронную разведку, охрану правительства и обеспечение безопасности важнейших подземных объектов, военную контрразведку, службы подслушивания и наружного наблюдения. Совершенно отдельными от КГБ имелось в виду сделать пограничные войска, которые тогда входили в штатную структуру Комитета госбезопасности.

Я думаю, что Юрий Владимирович обсуждал эту проблематику и с другими своими молодыми друзьями в такой же неформальной обстановке, как и со мной.

К сожалению, когда он стал членом политбюро и

приблизился к вершине власти на расстояние протянутой руки, он забыл эту нашу дискуссию, а принялся всеми мерами укреплять и расширять КГБ, что и привело страну к ГКЧП в 1991 году… Кстати, через двадцать лет, с началом реформ, именно такой подход к монстру КГБ, который мы обсуждали с Андроповым, и был принят.

Другой темой наших постоянных споров была проблема колхозного строительства. Юрий Владимирович вспоминал и положительно, и отрицательно потуги Хрущева изменить советскую деревню. Я же, опираясь на опыт стран Северной Европы, ратовал за постепенный переход от колхозов к сбытовой и закупочной кооперации. Я рассказывал Андропову о том, что финские и шведские крестьяне объединяются в сбытовые кооперативы, небольшой аппарат которых занимается по заявкам хозяйств доставкой и сдачей молока на молокозаводы, заключает контракты с фирмами на поставку всякой другой сельхозпродукции, приобретает для своих членов кооператива по их заявкам и со специальной скидкой промышленную продукцию, то есть машины, удобрения, корма… В Финляндии действует по всей стране и большой социал-демократический потребительский кооператив «Эланто», вроде нашего тогдашнего Потребсоюза. Члены этого кооператива — горожане и сельские жители — получают каждый небольшую прибыль в конце года и товары в магазинах «Эланто» со скидкой…

Зная об интересе Андропова к Финляндии, я привел ему случай из пропагандистской практики Совинформбюро. В 1958 году крупнейшая и считавшаяся крайне реакционной газета «Ууси Суоми», дотоле почти не бравшая наших заметок хотя бы о спорте, вдруг на первой полосе опубликовала наш благостный очерк о колхозе «Путь к коммунизму». В нем, в частности, говорилось об огромном повышении надоев от каждой коровы с 1000 до 1500 килограммов молока в год.

Разумеется, наш начальник отдела, получив из хельсинкского представительства СИБа экземпляр газеты, немедленно помчался к руководству докладывать об историческом успехе. Однако вернулся он расстроенный. Оказалось, что, когда он перевел начальству с листа этот материал, наши коллеги в Финляндии, рапортуя, не заметили под сибовской публикацией в «Ууси Суоми» всего одну строчку собственного комментария газеты к статье Совинформбюро. Она гласила: «У нас бык больше дает!»

Я пояснил Юрию Владимировичу, что среднегодовые надои в Финляндии стабильно составляют 6000 килограммов от одной коровы, при жирности молока в четыре с половиной процента…

Выслушав эту историю, Юрий Владимирович грустно

посоветовал:

— Не рассказывай ее больше никому. Хотя это, судя по всему, и факт, но он больше похож на антисоветский анекдот…

Он терпеть не мог антисоветские анекдоты, видимо не только из-за их сути, ниспровергающей то, что для него было святым. Человек, приобретший жизненный опыт и политическое воспитание в кровавые 30-е годы, он хорошо представлял себе, что такой анекдот, рассказанный даже с глазу на глаз ближайшему другу, мог стоить не только карьеры, свободы, но и самой жизни. Так продолжалось до середины 50-х годов. Во всяком случае, когда я поступил в 1949 году в Институт международных отношений, мой отец дал мне единственное напутствие:

— Никогда не рассказывай никому и сам не слушай антисоветских анекдотов!.. А не то к тебе подведут агента, а таковым может оказаться твой лучший друг, и ты загремишь в лагерь по контрреволюционной статье…

Как я позже узнал, в МГИМО такие истории бывали. Хотя бы с будущим профессором-американистом, ныне покойным Николаем Яковлевым, сыном маршала артиллерии Н. Яковлева. Только то обстоятельство, что его отец был любимцем Сталина, спасло его, студента МГИМО, от репрессий за якобы антисоветские разговоры и «создание нелегальной антисоветской организации». Его не посадили, а только исключили из КПСС, и он стал на всю жизнь «невыездным».

В эту «организацию» входили, очевидно, те, кто его слушал. Всех наказали одинаково, за исключением одного — кто «настучал»…

Но возвратимся к Андропову. Он вообще поражал меня своей эрудицией, реалистическим подходом к жизни, умением ценить юмор и иронизировать. У него была мгновенная реакция на мысль собеседника. Тогда он был еще физически очень крепок. Женя Калгин рассказывал мне о Юрии Владимировиче, что он с утра занимается сорок минут физзарядкой, а поздно вечером, возвращаясь с работы, делал десять тысяч шагов самым энергичным образом по дорожкам сада, разбитого вокруг его дачи на высоком берегу Москвы-реки. Иногда дежурному «прикрепленному», как назывались в 9-м управлении персональные охранники, бывало трудно угнаться за председателем комитета.

Спал тогда Андропов каждую ночь на даче, в любой сезон, с настежь открытым окном. Полчаса, которые он ехал на своем ЗИЛе от дачи до первого подъезда на Лубянке, он сидел не в глубине машины, а на откидном сиденье при полуопущенном

боковом окне…

И вот такой человек пригласил меня теперь к себе в помощники по политбюро. Как можно было отказаться от работы рядом со столь необыкновенной личностью?!

Куда летел ржавый паровоз?

После сделанного Андроповым предложения, не скрою, я пребывал в несколько отрешенном от жизни состоянии. Прошел Первомай, отзвонили в тостах за столом бокалы на профессиональном празднике — Дне печати 5 мая, который сообща отмечали в академии все аспиранты-журналисты. Друзья по-прежнему обменивались мнениями по поводу удачного или неудачного распределения выпускников. Спрашивали и меня о том, где мне назначено трудиться, но я и сам ничего не знал. Уверенности в том, что я пройду все фильтры и барьеры для работы в аппарате, отнюдь не было. Поэтому только отшучивался — на наш век чернил хватит!

Наконец, 11 мая вечером мне позвонил домой адъютант Юрия Владимировича Евгений Иванович Калгин. Без долгих предисловий он задал вопрос: «Игорь Елисеевич, можете завтра выйти на работу? Решение состоялось…»

В душе что-то екнуло, и я ответил, что могу.

Калгин спросил еще, во сколько я хотел бы приехать в здание на площади Дзержинского? Я выяснил у него, что Юрий Владимирович приезжает к девяти утра, а мне, ответил я Жене, хотелось бы прибыть за полчаса до него.

— Тогда машина номер такой-то будет ждать у вашего дома в семь пятьдесят. Она доставит к первому подъезду. Там я вас встречу…

В половине девятого утра я входил в первый подъезд. Этот парадный вход в КГБ находится в самом центре единого здания, выходившего тогда на площадь Дзержинского двумя разными фасадами. Одна половина принадлежала дому, построенному в конце XIX века на Лубянской площади для страхового общества «Россия». В 70-х годах XX века он оставался еще в первоначальном купеческом образе и был грязно-серого цвета. Это здание и заняла ЧК в 1918 году. Встык к фасаду старинного здания был пристроен на целый квартал огромный новый дом сталинской архитектуры, спроектированный для МВД академиком Алексеем Щусевым. Он был возведен очень быстро пленными немцами в конце 40-х годов, после Победы над Германией. Я видел, как росла эта стройка в послевоенные годы, когда частенько проходил мимо нее в Политехнический музей, где у нас иногда проводились школьные занятия по физике и химии. Разумеется, у меня тогда и в самых фантастических снах не возникало диких предположений, что через двадцать пять лет в этом здании один из больших кабинетов с видом на площадь

станет моим рабочим местом почти на шесть лет.

Большой новый дом тянулся от старинного здания страхового общества «Россия» до Фуркасовского переулка и смотрел длинной стороной на Мясницкую улицу. Все три стороны его фасада были радостного желтого цвета, как у соцветий одуванчика. Это здание перекрыло собой ту часть Малой Лубянской улицы, которая идет параллельно Сретенке и выходит на Лубянскую площадь к водоразборному фонтану. Вместо фонтана в центре площади встал в 1958 году «железный Феликс» — памятник первому председателю Всероссийской чрезвычайной комиссии Феликсу Дзержинскому.

Первый подъезд, к которому 12 мая 1973 года доставил меня автомобиль, находился на стыке двух разных фасадов, и вид из него открывался прямо на бронзовую спину статуи Дзержинского. В 80-х годах XX века унылый серый фасад бывшего общества «Россия» был приведен в архитектурное соответствие и цветовое единообразие с творением великого русского архитектора Щусева. Не знаю, были ли расстреляны эти несчастные военнопленные-строители после завершения своей работы, чтобы не унесли они когда-нибудь в свою Германию поэтажные планы новой штаб-квартиры МГБ и МВД, ее подвалов. Во всяком случае, в те страшные годы даже своих невинных граждан обитатели дома страхового общества «Россия» в массовом порядке объявляли шпионами и отправляли в концлагеря при стройках секретных атомных предприятий.

Как обладателей особых секретов, по завершении строек атомных и других подобных объектов их вместе с солдатами и младшими офицерами строительных батальонов Советской армии — свободными гражданами, также участвовавшими в строительстве, — без суда отправляли десятками тысяч в самые глухие, тупиковые зоны ГУЛАГа на Колыме. Лишь немногие вышли оттуда живыми…

Разумеется, все эти тяжелые страницы нашей истории стали открываться мне, как и всей стране, только в годы гласности, особенно после провала путча ГКЧП. До того, даже работая в этом здании, было опасно интересоваться его мрачной историей.

…В то самое первое мое утро на Лубянке один из двух прапорщиков, стоявших внутри первого подъезда, помог мне отворить тяжеленнейшую дубовую дверь с декоративными решетками из литой бронзы. В каждой из двух створок двери было по оконцу, затянутому зеленым репсом. Через эти оконца прапорщики могли наблюдать, кто подъехал к зданию. Каких-либо дополнительных дверей или стальных подвижных решеток, страхующих блокирование входа на случай чрезвычайных

ситуаций или действий рвущейся в здание толпы, не было. После того, что показывалось в иностранных детективных фильмах о захудалых резидентурах и логовах Джеймсов Бондов, такая непредусмотрительность удивляла. В высоком мраморном зале, куда спускалась широкая дворцовая лестница с красной ковровой дорожкой, я сначала не заметил Калгина. Он сам приблизился ко мне из дальнего угла метрах в двадцати от меня.

После взаимного приветствия Женя сказал с еле заметной улыбкой: «А теперь начнем нашу экскурсию!»

Для начала он объяснил, что проходить через первый подъезд, расположенный в центре фасада здания на тогдашней площади Дзержинского, имеют право, кроме председателя и его заместителей, только четверо — начальник секретариата КГБ Павел Павлович Лаптев, помощник Юрия Владимировича по комитету Евгений Дмитриевич Карпещенко, помощник по политбюро, то есть я, и бывший главный помощник Андропова и начальник его секретариата Владимир Александрович Крючков. Крючков теперь был первым заместителем начальника внешней разведки Мортина, и все ждали, что он скоро займет место своего шефа, специально «подсаженный» для этого Андроповым в ПГУ. Разумеется, добавил Калгин, если к Юрию Владимировичу на прием приезжают члены ЦК, министры, послы и директора институтов Академии наук, то встречают их также в первом подъезде.

Справа от парадной лестницы оказалась дверь в лифт, сохранившийся, наверное, с времен страхового общества. Во всяком случае, кабина лифта была очень старого образца из художественного кованого железа, отделана внутри красным деревом и золоченой бронзой, огромным зеркалом и с красным бархатным диванчиком под ним. Мы поднялись в этом антикварном ящике на третий этаж, вышли из лифта налево и пошли в глубь здания сталинской архитектуры.

Мы прошли через длинный узкий зал с несколькими рядами стульев. Справа от нас оставалась глухая деревянная, из дубовых панелей, стена, длиной метров в тридцать.

Показывая на эту стену, Калгин пояснил:

— За ней — зал, где проходят заседания коллегии КГБ…

В конце стены и ковровой дорожки, идущей по малому залу, была дверь. Она выводила на просторную лестничную площадку у угловых помещений здания. За дверью, в большом пятиугольном вестибюле, было всего три двери, и под углом в девяносто градусов начинался длинный коридор, идущий в сторону Фуркасовского переулка. Здесь стоял пост, ограничивающий вход в особую зону, из которой мы только что вышли. Прапорщик,

рядом с которым была тумбочка с телефоном, отдал честь. Калгин повернул сразу направо, открыл ключом из большой связки высокую двустворчатую дверь, за ней вторую — внутреннюю.

Мы попали в просторный кабинет с двумя огромными окнами на площадь Дзержинского. Комната была обшита, как и стена зала коллегии, дубовыми панелями. По правой ее стене, в центре, заставленная большим книжным шкафом и диваном, находилась также высокая, но одностворчатая дверь, которая вела, по всей видимости, в зал коллегии. В самом углу, недалеко от дивана, полускрытая портьерой от кабинета, белела фарфором раковина умывальника и квадратное зеркало над ней. Рядом стоял обычный шкаф, куда можно было повесить верхнюю одежду.

Калгин рассказал, что за дверью, в нынешнем зале коллегии, в 1950–1953 годах располагался кабинет Берии, тогда заместителя председателя Совета министров СССР. Он уже не был официальным шефом госбезопасности, но в силу особых функций, связанных с созданием под его руководством советской атомной бомбы, сохранял определенное влияние в МГБ, МВД и внешней разведке. Помещение, где мы находились, было его комнатой отдыха.

Выходит, вспомнил я семейную историю, именно за этой дверью Берия в 1952 году грубо отчитывал моего отца, бывшего резидентом в Берлине. Его срочно вывезли из Германии на личном самолете Берии за крупный спор с другом Лаврентия Павловича Кобуловым и по кляузе влиятельного гэбэшного генерала К.

Суть спора была в следующем. Летом 1950 года отец приехал резидентом в Берлин, получив в Москве для связи в Германии десятки агентов, бывших немецких офицеров, находившихся в наших лагерях для военнопленных. Однако большинство этих якобы завербованных агентов, вернувшись в Германию, отказывались впредь сотрудничать с советской разведкой без объяснения причин. Некоторые из немецких офицеров прямо говорили о том, что согласились на вербовку только ради того, чтобы скорее вернуться домой и не быть наказанными в СССР как военные преступники.

Во время войны именно люди К., и он лично, работали в лагерях военнопленных. Именно они навербовали сотни «мертвых душ» якобы советских агентов, то есть, говоря на современном жаргоне, вместо работы «гнали туфту». Разоблачение этой «липы», о которой гордо отчитывался и получал ордена генерал К., могло стоить ему в сталинские времена не только карьеры, но и свободы. Общее руководство деятельностью К. в лагерях

военнопленных осуществлял друг и приближенный Берии Кобулов. Резидент осмелился покритиковать в 1952 году и Кобулова. Но в основном досталось за негодную работу главному вербовщику — К.

Богдан Кобулов был настолько близким другом и соратником Берии, что его расстреляли в 1953 году вместе с чекистом № 1. В 1952 году Б. Кобулов был фактически личным наместником Лаврентия Берии в Восточной Европе. Формально он возглавлял в Берлине советское отделение ведомства ГУСИМЗ — Главного управления советского имущества за границей. Это учреждение ведало всем трофейным имуществом — движимым и недвижимым, станками, изобретениями и чертежами, активами и финансами, — полученным СССР после Победы над Германией не только на ее территории, но и в странах, союзных с ней, — в Австрии, Венгрии, Финляндии, Румынии. Во времена Хрущева ГУСИМЗ было ликвидировано, а его активы были благополучно разбазарены по дешевке. Милым «социалистическим братьям» бесплатно перепадали жирные куски бывшей немецкой собственности, принадлежавшей осужденным Нюрнбергским военным трибуналом так называемым преступным организациям гитлеровской Германии — вермахту, СС, СА, абверу и т. п., законные имущественные права на которую перешли к СССР. Так, в финской столице Хельсинки представительство Совинформбюро помещалось в шестикомнатной квартире роскошного дома на набережной Финского залива, в аристократическом районе. Во время войны и до нее в ней проживал какой-то майор то ли вермахта, то ли абвера. После победы квартира перешла в собственность СССР.

До начала 60-х годов там квартировало хельсинкское представительство Советского информбюро. Но затем из Москвы пришел грозный приказ: передать это помещение бесплатно на баланс «бедного» посольства Болгарии в Финляндии. И передали! А сами стали арендовать за бешеную цену офис меньшей площади на другой улице. Такая щедрость и «доброта», как обычно, исходили от тогдашнего вождя — «нашего дорогого Никиты Сергеевича»…

Кобулов и генерал К. были крайне амбициозными личностями. А внутри спецслужбы кое-кто предпочитал сводить свои счеты с неугодными коллегами при помощи доносов и анонимных писем. Такие методы были довольно распространены. Я могу это утверждать потому, что и меня чаша сия также не миновала. Андропов получил среди прочих доносов на своих сотрудников от своих же работников донос и на меня. Но об этом в свое время.

К. занимался во внешней разведке НКВД работой с нелегальных позиций в Германии еще с довоенных времен. В разных очерках и книгах по истории НКВД и КГБ его фигуру теперь героизируют, хотя, по мнению некоторых старых разведчиков, именно он должен был бы нести серьезную ответственность также за провал «Красной капеллы» и агента из верхов гестапо — Брайтенбаха, то есть практически всей действовавшей в начале войны в Германии и Европе сети советской нелегальной разведки. Даже сама смерть генерала К. была загадочной. В 1961 году он был вызван из Берлина, где находился в длительной служебной командировке в качестве начальника Управления КГБ в Карлсхорсте, пригороде германской столицы. Но вызывал его не КГБ, а секретариат ЦК КПСС для какой-то серьезной беседы. После этой беседы, в подавленном состоянии, генерал отправился на корты «Динамо», где заранее договорился сыграть в теннис со своим другом и покровителем, бывшим председателем КГБ Серовым. В 1961 году Иван Серов еще оставался генералом армии, но уже был переведен Хрущевым на пост начальника ГРУ.

Якобы в самом начале игры К. умер на корте. Официальное заключение гласило: «разрыв сердечной аорты». Какие вопросы были закрыты этой неожиданной смертью генерала-теннисиста в расцвете сил? Кому она была выгодна?..

Итак, моим рабочим кабинетом стала комната, по соседству с которой Берия за два десятилетия до этого истошно орал на моего отца: «Как ты посмел открыть свой рот на моего друга Кобулова! Как ты вообще смеешь перечить начальству?! С подвалами познакомиться хочешь?!» Заместитель председателя Совета министров СССР стучал при этом кулаком по столу и грозно сверкал стекляшками пенсне. С криком «Вон отсюда!» Берия выгнал отца из кабинета, но, очевидно, забыл дать прямое распоряжение об увольнении и репрессии. Да он и не командовал тогда Комитетом информации, куда входила в те годы внешняя разведка. Приказ об увольнении резидента в Берлине подготовил и подписал у высшего начальства КИ генерал К. Отец после этого полгода лежал на кровати целыми днями и смотрел в потолок, а мы ждали по ночам, когда за ним придут. Но Берии уже тогда, за год до лета 1953-го, было, видимо не до какого-то строптивого резидентишки. Друзья из ПГУ устроили отца в начале 1953-го «под крышу» «Интуриста»…

Разумеется, за два десятилетия после этого инцидента и кабинет Берии, и его комната отдыха изменились, но, видимо, не случайно я ощущал тяжелую энергетику этих помещений. Зала коллегии я еще не видел, но мой кабинет был обставлен

достаточно по-спартански.

Слева в углу стоял огромный старинный двустворчатый сейф, в человеческий рост и метра два в ширину. Он остался еще с купеческих времен страхового общества «Россия» и пережил многих владельцев из ЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД — МГБ— КГБ, тоже занимавшихся специфическим страхованием — советской Системы. Только «страховки» они выплачивали не десятками и сотнями тысяч царских рублей, а миллионами человеческих жизней.

В центре комнаты, ближе к левой стене, находился большой полированный, светлого дерева письменный стол с перпендикулярно приставленным к нему почти таким же столом — для совещаний, и десяток массивных стульев. У письменного стола — мягкий, на пружинящей подвеске и колесиках, удобный рабочий стул. Между окнами блестел экран телевизора «Рубин».

По левой стороне рабочего стола, ближе к окну, виднелся приставной стол, весь уставленный телефонными аппаратами. Калгин принялся мне объяснять назначение каждого из них.

— Вот этот высокий аппарат цвета слоновой кости, с золотым гербом СССР вместо диска — кремлевская АТС, в просторечии — «кремлевка», — говорил Женя. — А это — справочник к нему, в котором по алфавиту перечислены все лица, у которых установлен такой же аппарат, и они имеют право связываться по нему хоть с самим Брежневым!..

И Калгин передал мне что-то вроде записной книжки темно-вишневого цвета, внутри которой на пружинках, чтобы можно было быстро заменять листы с новыми фамилиями, было меньше сотни страниц. Затем он продолжил свою лекцию о связи и показал на другой такой же слоновой кости, с гербом, но стандартного образца телефонный аппарат.

— Это — ВЧ-связь, или «вертушка», — сказал он. — По нему можно связаться с любой точкой СССР, где есть такой же аппарат, и со столицами социалистических стран, а также городами в них, где есть советские генеральные консульства или расположены штабы советских зарубежных групп войск… Однако не прямо, а сделав заказ у телефонисток. Но самый главный для вас — вот этот, серого цвета, с красной крышкой вместо наборного диска, — говорил Женя. — Это — прямой аппарат к телефонному пульту Юрия Владимировича. Если поднимаете трубку, то в кабинете председателя раздается звонок и мигает лампочка рядом с вашим именем. Минуя секретарей, председатель сам снимает его трубку. Если этот ваш телефон зазвонил, то бросайте все разговоры и бумаги — вас напрямую вызывает шеф… Остальные аппараты, — показал Калгин на целый ряд разноцветных телефонов, — это

аппарат оперативной связи КГБ со всеми территориальными органами и погранвойсками, внутренний четырехзначный коммутатор и два городских телефона — один с известным всем началом номера с цифр 224… а другой — обычный городской. По «кремлевке», оперсвязи и ВЧ можно говорить вполне в открытую, они защищены от подслушивания, а по остальным телефонам необходимо соблюдать конспирацию, поскольку от подслушивания они не защищены…

Я тогда поверил Калгину на слово относительно невозможности прослушивания «кремлевки», ВЧ и оперсвязи, хотя, как выяснилось значительно позже, зря. Подчиненный самому председателю, в КГБ существовал тогда так называемый 12-й отдел. Этот отдел возглавлял Юрий Сергеевич Плеханов, одно из самых доверенных лиц Андропова. Когда Юрий Владимирович работал секретарем ЦК, Плеханов был у него секретарем, то есть самым осведомленным из помощников. Теперь Юрий Сергеевич возглавлял отдел, занимавшийся подслушиванием не только обычных, подозреваемых в уголовщине абонентов, санкцию по которым давала Генеральная прокуратура. Тогда можно было предположить, а в 1991 году, после путча ГКЧП, окончательно стало ясно, что внутри 12-го отдела существовало специальное подразделение, которое подслушивало и «кремлевки», и ВЧ, причем самых высоких персон, включая членов политбюро, секретарей ЦК, членов ЦК, министров и прочих кремлевских вельмож. Я не удивился бы, если оказалось, что подслушивали и Брежнева… А уж его семью — вне всякого сомнения. Как писала в 1991 году, после краха путча ГКЧП, московская свободная пресса, 12-й отдел в это время возглавлял генерал Евгений Иванович Калгин.

Что касается советских высокопоставленных объектов подслушивания, то никто из них никогда и не сомневался, что все телефонные контакты номенклатуры тщательно фиксировались. А затем они изучались не только на предмет содержания в них «умысла» против Первого, но и того, кто с кем «дружит» и кучкуется и не опасно ли это станет в будущем.

Чтение детективных романов замечательных западных писателей Фредерика Форсайта, Тома Клэнси, Джона Ле Карре и других, которые сами служили в эффективных разведках мира, привело меня к уверенности, что не только советские спецслужбы занимались грязным делом подслушивания. Распространено было это по всему земному шару. Например, в скандалах после гибели принцессы Дианы открылось, что британские спецслужбы прослушивают Букингемский дворец и членов королевской семьи. Очень часто самые тесные союзники или сателлиты нагло

подслушивали друг друга. С такой практикой я сам столкнулся в конце 80-х годов в ГДР, будучи там заведующим бюро АПН. По делам мне часто приходилось звонить в советский Дом советской науки и культуры, расположенный в самом центре Восточного Берлина, на Фридрихштрассе. И всегда было удивительно, что после набора номера абонента в этом советском учреждении раздавались сначала обычные гудки вызова, но буквально за две секунды до того, как человек на другом конце провода подходил к телефонному аппарату и снимал трубку, раздавался короткий специфический сигнал. Однажды я спросил в шутку директора Дома дружбы космонавта Валерия Быковского, не записывают ли они все входящие звонки.

— Не мы, но записывают! — совершенно серьезно ответил он. — В том числе и наши внутренние телефонные и иные разговоры!..

— И кто же такой храбрый? — поинтересовался я.

— Недавно один из наших сотрудников как-то случайно попал из подвала нашего дома в коридоры под соседним, немецким жилым корпусом… — рассказал мне Валерий. — Он открыл там какую-то красную подвальную дверь, за которой оказался огромный зал телефонной прослушки. За длинными рядами столов сидело множество молодых и пожилых женщин в наушниках, а перед каждой из них в несколько этажей громоздились катушечные магнитофоны. Кстати, наши дорогие союзники — немцы слушали оттуда наверняка здания советского посольства и торгпредства, жилые дома для советских дипломатов и персонала советских учреждений, расположенные буквально в трехстах метрах от Дома советской науки и культуры. Штази очень хотела знать, о чем говорят дипломаты и другие советские функционеры со своими абонентами…

Классик мировой шпионской литературы Джон Ле Карре, в прошлом крупный британской разведчик, дал в своем романе «Секретный пилигрим» («The Secret Pilgrim») восхитительную картинку из жизни самых засекреченных сотрудниц спецслужб. Она типична для всех профессионалов таких дел.

«Из многих призваний, составляющих сверхмир разведки, ни одно не требует такой абсолютной преданности, как преданность сестринской общины слухачек. Мужчины для этого не годятся. Когда речь идет о чужих судьбах, только женщины способны на такую страстную отдачу. Обреченные трудиться в подвалах без окон, среди массы серых проводов и нагромождений магнитофонов стационарного образца, они занимают часть преисподней, населенную невидимками, жизнь которых им известна лучше, чем жизнь близких друзей и родственников. Они

никогда не видят своих подопечных, никогда с ними не встречаются, никогда не прикасаются к ним и не спят с ними. Но эти тайные любовницы испытывают на себе всю силу их личностей. Благодаря микрофонам или телефонам они слышат, как те уговаривают друг друга, рыдают, едят, курят, спорят и совокупляются. Они слышат, как те, готовя пищу, рыгают, храпят и волнуются. Они терпеливо выслушивают их детей, родственников и нянек, так же как сносят их телевизионные пристрастия. А в наши дни они уже ездят с ними в машинах, сопровождают по магазинам, сидят в кафе и у игровых автоматов. Они — тайные участники нашего дела» [2].

Кстати, пастырь этой сестринской общины в СССР андроповских времен Юрий Сергеевич Плеханов был во времена ГКЧП уже начальником 9-го управления, то есть шефом охраны генсека и высшего руководства. Видимо, он занимал этот пост при Горбачеве в силу своей прошлой, подслушанной «осведомленности» о личных и служебных секретах, переплетениях дружеских связей всей тогдашней советской элиты. Все это было интересно знать и Крючкову, тогдашнему прямому начальнику Плеханова, и Горбачеву, которого обслуживал, в том числе и «наушнической» информацией, начальник «девятки». Да и сам председатель КГБ Крючков, не сомневаюсь, широко пользовался прослушкой в своих придворных интригах…

Калгин передал мне связку ключей и перечислил:

— Этот от двери, этот — от второй двери, эти два — от сейфа… Этот маленький, очень сложной формы, — от специального замка, который надевается на замочную скважину сейфа, и его никто не сможет открыть… Сконструировал его старый великий медвежатник на основе своего полувекового опыта. «Экспертная комиссия», которая принимала его изобретение на практике, состояла из самых квалифицированных специалистов КГБ и собранных со всего Советского Союза домушников и медвежатников экстра-класса. Время у каждого из «членов комиссии» было не ограничено. Но ни один из них ничего не мог поделать с этим замком…

Как-то мне посчастливилось увидеть «изобретателя». Его творение надо было смазать, но разрешалось делать это только при мне. Он оказался маленьким, сухоньким и сгорбленным старичком, руки которого серебрились из-за десятилетиями въедавшихся в них молекул металла. Старик давно был на свободе и в штате Оперативно-технического управления КГБ. На вид ему было лет восемьдесят, но глаза его ярко блестели, как у молодых, творчески работающих людей…

Калгин продолжал меня наставлять премудростям работы с сейфом. Он выделил на связке ключей металлический кружок, похожий на медаль.

— Это — латунная печать с личным номером, — сказал он, — которая вдавливается в пластилин на дощечке с двумя шнурками при опечатывании сейфа… — Он показал мне, как это делается. — Вечером, перед уходом с работы, сейф следует опечатать, а утром обязательно проверить номер и сохранность печати…

Стрелки на больших настенных часах приблизились к девяти.

— А теперь пойдемте в кабинет Юрия Владимировича, он будет представлять вас своим заместителям… Совещание с ними назначено на девять пятнадцать, — завершил первую часть экскурсии Калгин.

Самостоятельно заперев двери первого собственного кабинета, я последовал за Калгиным по коридору в обратном направлении, мимо зала коллегии, в противоположный угол здания. Там располагался кабинет Андропова, его приемная с дежурными офицерами и кабинет начальника секретариата Лаптева.

В приемной стояла высокая стойка, за которой у пульта с сотней телефонных переключателей сидел дежурный офицер. Было видно, что председатель напрямую связан с огромным количеством кагэбэшных и пограничных начальников.

Напротив распахнутой двери кабинета Андропова была дверь начальника секретариата. Лаптев выходил как раз из кабинета Юрия Владимировича, он заносил туда перед приездом шефа первые кожаные папки с самыми срочными документами. В течение всего дня он носил их охапками. Начальник секретариата оказался довольно щуплым человеком маленького роста, узкоплечим, но с непропорционально большим задом, отросшим, видимо, от четверть-векового непрерывного сидения в аппарате. Его голова была продолговата и покрыта довольно редкими темными волосами, небрежно зачесанными на правую сторону. Глаза смотрели настороженно, даже когда любезная улыбка открывала два больших передних верхних резца, как у зайца. Он часто улыбался, но глаза его всегда смотрели холодно и испытующе.

Теперь он внимательно оглядел меня с головы до ног, поздоровался и протянул руку для знакомства. Ладонь у него была какая-то вялая и холодная. Выглядел он не только усталым, но и больным — под глазами явственно выделялись черные мешки.

Тренькнул звонок телефонного аппарата из первого подъезда.

«Председатель в здании!» — сообщил прапорщик от двери дежурному офицеру приемной.

Ровно в девять вошел в сопровождении «прикрепленного», то есть охранника, Юрий Владимирович. Председатель первым коротко поздоровался со всеми и, проходя в кабинет, бросил мне:

— Заходи вместе с зампредами!

Буквально через минуту в приемную стали собираться заместители председателя. Видимо, каждый получил сообщение от прапорщиков из парадного подъезда о прибытии Андропова. Первым вошел высокого роста, полный, идущий широко расставленными ногами, лысеющий блондин в штатском с добродушной улыбкой.

— Цвигун… — сообщил он мне, знакомясь. Я уже слышал, что он был одним из двух первых заместителей Андропова.

Следом вошел маленького росточка, с большой загорелой бритой головой, по которой разбежались мелкие веснушки и коричневые старческие пятна, с двумя глубокими морщинами по сторонам крупного носа генерал-полковник, со многими рядами орденских ленточек на мундире.

Он с интересом посмотрел на меня, но не подошел, а остался стоять близко к двери кабинета Андропова.

— Это Георгий Карпович Цинев, глава военной контрразведки… — шепотом сообщил мне Калгин и добавил: — Они с Леонидом Ильичом женаты на родных сестрах, то есть свояки…

Стали подходить и другие зампреды. Калгин шепотом называл их мне:

— Малыгин Ардалион Николаевич — зампред по хозяйству… Чебриков Виктор Михайлович — борьба с идеологическими диверсиями… Пирожков Владимир Петрович — зам по кадрам… Емохонов Николай Павлович — все технические подразделения…

У дежурного офицера раздался звонок серого аппарата с красной крышкой вместо диска, стоявший поверх пульта. Он мгновенно схватил трубку, выслушал два слова и сказал присутствующим:

— Юрий Владимирович просит заходить…

Первым вошел маленький Цинев, за ним, словно в кинокомедии, — громоздкий и высокорослый Цвигун, затем Чебриков, Пирожков, Емохонов, Малыгин. Таким образом сразу обозначилась иерархия среди зампредов.

Андропов сидел за своим письменным столом в глубине кабинета у стены, за которой, как я понял, находилась его комната отдыха, столь запомнившаяся мне две недели тому назад.

Зампреды встали по ранжиру у длинного стола для совещаний, стоявшего у окон. Я встал у стула в дальнем от председателя конце стола.

Юрий Владимирович положил в папку бумагу, которую держал в руках, и оставил ее на письменном столе. Выйдя из-за него, он скомандовал по-военному: «Прошу садиться!» Затем он направился ко мне, держа что-то красное в ладони.

— Для начала представляю вам своего нового помощника… — я так и остался стоять, — Синицина Игоря Елисеевича. Игорь Елисеевич будет вести мои дела по политбюро, он является сотрудником аппарата ЦК КПСС… Прошу любить и жаловать!.. Вручаю тебе, Игорь Елисеевич, служебное удостоверение!

Он сказал это торжественно и, словно орден, протянул маленькую красную книжечку из сафьяна.

— Спасибо! — ответил я спокойно потому, что на фоне всех сегодняшних переживаний церемония не произвела на меня особого впечатления.

Добродушно поглядев на меня, зам по кадрам Пирожков пошутил:

— Оказывается, не только мы посылаем своих людей «под крышу»… Теперь и под нашу «крышу» Центральный комитет прислал своего человека…

Все заулыбались.

— Воистину так… — поддержал Юрий Владимирович шутку, а потом дружелюбно сказал мне: — Игорь Елисеевич, зайди теперь к Пал Палычу, он введет тебя в курс дела…

Не успев как следует разглядеть кабинет Андропова, известный теперь многим по хроникально-документальным фильмам, я направился в комнату напротив. Единственное, что бросилось тогда в глаза в кабинете председателя, — огромная карта сбоку от углового камина, вделанная в нишу и закрытая от посторонних взоров полотняной шторкой. Глубина ниши была такова, что в ней могло быть скрыто много различных карт.

Рабочая комната Лаптева была довольно большая — метров сорок. Одну стену за письменным столом в глубине ее занимала огромная карта СССР. На правой стене — карта мира среднего размера. К письменному столу, за которым восседал Пал Палыч, был приставлен стол для совещаний. Места за ним по одну сторону занимали неизвестные мне люди в штатском. Лаптев представил их. Это оказались заместители начальника секретариата полковник Георгий Кириллович Ковтун, полковник Федор Михайлович Панферов, помощник Юрия Владимировича по КГБ Евгений Дмитриевич Карпещенко, еще несколько человек.

Во главе стола для совещаний, напротив Карпещенко, было оставлено свободное место. Я понял, что это для меня. Каждый из присутствующих кратко поведал о том, какие функции он выполняет.

Два молодых офицера оказались дежурными работниками группы «Особая папка». Группа размещалась в крепко охраняемых и блокированных помещениях секретариата, в особой зоне на третьем этаже. Круглые сутки в ней дежурило несколько офицеров. Оказалось, что все документы ЦК КПСС с грифом «совершенно секретно», проходящие через меня на стол Юрия Владимировича, подлежат хранению именно в этом подразделении. В моем сейфе они могли оставаться не более суток. Только бумажки с надписью «секретно» и «для служебного пользования» могли лежать сколько угодно.

Лаптев сообщил мне по поручению Андропова, что я буду получать кроме цековских документов и записок в политбюро и ЦК из разных ведомств также важнейшие шифровки послов для сведения, анализа и использования в материалах, которые будут готовиться мной для Юрия Владимировича к заседаниям политбюро.

— Но телеграмм резидентов и других исходящих и входящих документов КГБ вам даваться не будет… — елейным тоном, словно ожидая протеста с моей стороны, вымолвил Пал Палыч. — Так решил Юрий Владимирович…

— Меньше знаешь — крепче спишь, — ответил я начальнику секретариата старой пословицей и понял, что мне не следует совать нос в дела КГБ без специального на то приглашения. Реальность тут же опровергла теорию о малом знании. В кабинет Лаптева, постучавшись, вошел молодой офицер в лейтенантских погонах на мундире, с коричневым кожаным портфелем в руках.

— Извините, мне сказал дежурный, что товарищ Синицин у вас… — пояснил он.

— Игорь Елисеевич, это к вам фельдъегерская служба с документами, — кивнул на меня офицеру Пал Палыч.

Офицер подошел к столу, раскрыл свой портфель, достал оттуда два очень больших красных конверта, поверху которых стояло: «политбюро ЦК КПСС», а чуть ниже, мелким шрифтом: «совершенно секретно». На лицевой части под всеми этими строчками, в центре конвертов, крупным типографским шрифтом красовалось имя адресата — «Тов. Андропову Ю. В.».

Я проверил, как мне тут же показал Лаптев, сохранность больших сургучных печатей на обратной, заклеиваемой стороне конвертов, оторвал белые бланки расписок, подклеенных к той же стороне, проставил дату, время получения и свою подпись.

Офицер аккуратно сложил расписки в портфель, повернулся кругом и вышел.

— Если что не ясно, — любезно сказал мне начальник секретариата, — приходите, советуйтесь…

— Спасибо, — поблагодарил я его и отправился в свой кабинет вскрывать конверты и начинать работу.

Едва я уселся за стол и приготовился разрезать боковины конвертов очень длинными канцелярскими ножницами, заботливо приготовленными кем-то у письменного прибора, в дверь постучали. Вошел один из двух офицеров группы «Особая папка» и принес несколько сафьяновых папок разного цвета. В верхнем правом углу каждой из них золотом было вытиснено два страшных слова: «совершенно секретно».

На некоторых папках в центре красовалось крупными буквами: «Для доклада», «Голосования по политбюро», «К заседаниям политбюро». Офицер объяснил мне, в какие папки класть различные документы, которые будут приносить фельдъегеря. Кстати, в одном из только что принесенных конвертов, который я успел открыть после прихода офицера, оказалось постановление политбюро с грифом «совершенно секретно» и с красным штампиком сверху: «особая папка». Подписано оно было Брежневым. В этом документе говорилось примерно следующее: «Выделить компартии Италии 1 200 000 долларов. Передачу средств поручить Комитету государственной безопасности при СМ СССР».

До этого, работая в Совинформбюро и АПН, я слышал, что помощь братским партиям оказывалась и в других формах. Это была, например, завышенная по сравнению с действующей в конкретной стране плата за типографские услуги и бумагу при печатании наших изданий и других пропагандистских материалов, заключение с фирмами компартий экспортных контрактов по демпинговым ценам на советские товары и покупка через них потребительских промышленных продуктов — по завышенным ценам. Коммерческие посредники, разумеется, рекрутировались из видных функционеров, близких к руководству компартий. Они регистрировались в торговых палатах своих стран как «купцы», «предприниматели» и осуществляли свои «сделки» с официальными внешнеторговыми организациями СССР. В таких экспортно-импортных случаях советские представители действовали по указаниям партийных чиновников из ЦК КПСС. Частенько «коммерсанты»-посредники из братских партий неплохо лично наживались на поставках из СССР и в Советский Союз, пронося мимо партийной кассы в собственный карман часть прибыли. Так, один из моих знакомых

шведских коммунистов стал миллионером на подобных операциях. Начал он с того, что из Советского Союза получил за гроши несколько драгоценных породистых лошадей…

За шесть лет моей работы у Андропова документы из «особой папки», об оказании прямой финансовой помощи компартиям, приходили с определенной регулярностью. Суммы были только разные, в зависимости от численности партии или дислокации ее на стратегическом поле внутри «империализма». Помнится мне, что самые крупные дотации получали кроме итальянской французская, британская, ряд латиноамериканских партий. Удивляло, что объем помощи оставался неизменным, даже когда эти партии стали критиковать Москву и склоняться к еврокоммунизму… Разумеется, я тогда не подсчитывал общую сумму «выдач» КПСС братским партиям. Но когда в 1991–1992 годах эта тема прозвучала в демократической российской печати, мой опыт подсказал, что чисто финансовая помощь международного отдела ЦК на Старой площади компартиям составляла не менее двух десятков миллионов долларов в год…

…Я выложил эту первую в моей жизни бумагу политбюро перед молодым офицером. Он показал, в какую папку для визы Юрия Владимировича кладутся такие документы. Володя, который сразу вызвал у меня симпатию, проявил знание и другого предмета.

— Игорь Елисеевич, обратите внимание на разворот вашего удостоверения личности, — показал он на маленькую красную книжечку, лежавшую еще на столе, поскольку я только что предъявлял ее прапорщику, стоявшему у дверей из коридора в вестибюль.

Я раскрыл книжечку, и Володя М. показал мне на маленький овал, выдавленный на лаке, покрывавшем текст, и на пятиугольник такого же размера — около сантиметра в диаметре. В овале стояло «Общий отдел ЦК КПСС», а в пятиугольнике — цифра 3.

— Эти значки, — пояснил офицер, — дают вам право прохода во все здания ЦК КПСС и даже на пятый этаж первого подъезда, где находятся кабинеты Брежнева и Суслова… По ходу дела я буду давать вам пояснения по всем бумагам ЦК…

Офицер ушел. Я сломал сургучные печати на втором конверте, ножницами вскрыл и его. Там оказались проект какого-то «постановления ЦК КПСС, Совета министров СССР, Президиума Верховного Совета СССР и ВЦСПС» и пояснительная записка к нему для очередного заседания политбюро в ближайший четверг. За почти шестилетний срок работы в этом кабинете таких конвертов прошло через мои руки несколько

тысяч. Сначала я относился к ним с большим почтением неофита. Но, сознаюсь, года через три-четыре у меня начинало сводить скулы от многозначительной пустоты, многословия и скуки почти каждого документа, приходящего из ЦК. К сожалению, у меня не хватило силы ума, а может быть, и человеческой смелости, чтобы сразу осмыслить на этой основе все ускоряющийся развал Системы. Фактор зомбирования ослабевал, но все-таки оставался до 1990 года. Я просто плыл по течению, но семена разочарования в символах марксистско-ленинской веры, безгрешности и прозорливости партии и ее вождей, ведущих нас к коммунизму, видимо, именно тогда и начали пускать ростки у меня в душе. Чем больше я знакомился с механизмом работы аппарата ЦК, тем более убеждался, что коэффициент полезного действия верхушки партии и ее самого руководящего звена — политбюро ниже, чем КПД старого паровоза.

Все мое поколение — от октябрят до убеленных сединами ветеранов, за исключением, разумеется, миллионов узников ГУЛАГа, — по всем праздникам и массовкам обожало исполнять песню «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка…». Но после краха ГКЧП и последовавшего за этим бурного потока информации о лжи и многих грязных закулисных делах Системы, ее вождей, мне, как и большой части современников, стало окончательно ясно, что наш паровоз серии «ЦК КПСС» оказался изрядно ржавым, политым кровью и ведущим весь состав — 15 союзных Советских Социалистических Республик — СССР — не вперед, к коммунизму, а назад — к станции под названием «Крах».

Политическое бюро — политбюро, ПБ — венчало пирамиду правящей партии — КПСС. Этот высший партийный орган возник впервые в октябре 1917 года в столице России Петрограде, где Центральный комитет из двух десятков функционеров маленькой заговорщицкой партии большевиков, насчитывавшей в общей сложности чуть больше 80 тысяч членов, по инициативе Феликса Дзержинского принял решение захватить власть. В политбюро были включены Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий, Сокольников и Бубнов. Однако ПБ в исполнении этого решения участия не принимало. Руководил переворотом фактически Военно-революционный комитет Петроградского Совета, в который входили лишь некоторые члены политбюро. Формально политическое бюро было избрано из состава Центрального Комитета на VIII съезде большевистской партии. С 1919 по 1985 год в политбюро входило всего, сменяясь от съезда к съезду, около ста человек.

Одновременно с ним для ведения конкретной

организационной работы в Центральном Комитете было создано Оргбюро, которое функционировало параллельно с ПБ. Но Сталин очень быстро превратил политбюро в своего рода «группу поддержки» из своих самых верных друзей и сторонников, а сам орган — в высшую инстанцию правящей партии. Тех же членов ПБ, кто начинал вызывать его подозрения в неверности, расстреливали или убивали. Таковых было за сталинскую историю политбюро тринадцать человек. После смерти Сталина его ближайшими соратниками — Хрущевым, Маленковым, Молотовым, Булганиным — из президиума партии, как после XIX съезда стало называться ПБ, физически, то есть путем расстрела, был «исключен» из высшего органа КПСС только один опасный для партийной верхушки деятель, не добитый самим вождем, — маршал госбезопасности Лаврентий Берия. Со времен Хрущева неугодных политиков высшего ранга изгоняли либо в послы, либо на пенсию.

Звание члена политбюро было наивысшим в КПСС, после главной партийной должности — генерального секретаря. Партийную зарплату члены ПБ не получали, она выплачивалась им по месту основной работы, где они трудились в качестве глав ветвей власти или влиятельнейших крупнейших ведомств, а также на должностях секретарей ЦК КПСС и важнейших региональных партийных органов. Но их прочее материальное обеспечение было на самом высоком в СССР уровне. Члены политбюро при избрании сразу приобретали статус «охраняемых» лиц, коих в государстве было не более двух с половиной десятков. Для их охраны, материального, медицинского, дачного, курортного, транспортного и всякого иного обеспечения функционировало особо закрытое 9-е управление КГБ со своим собственным бюджетом.

В послесталинские времена в политбюро входили уже не дружки диктатора, а выбранные узким кругом руководителей партии и государства высшие чиновники и функционеры. Центральный Комитет КПСС после каждого съезда избирал в состав политбюро по должности главу Правительства СССР, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, ведущих секретарей ЦК КПСС, главу Комитета партийного контроля, первых секретарей ЦК Компартии Украины, Московской и Ленинградской партийных организаций. В 1973 году одновременно были избраны членами политбюро по рекомендации Брежнева и Суслова главы трех важнейших ведомств: КГБ — Андропов, Министерства обороны — маршал Гречко, Министерства иностранных дел — Громыко. До Андропова единственным первым чекистом, удостоенным при

Сталине избрания в ПБ, был глава советских спецслужб Лаврентий Берия.

Без санкции политбюро никакие важнейшие решения, в том числе кадровые, в СССР не принимались и не утверждались — будь то Совмин, Верховный Совет, партия и профсоюзы. Тем самым сохранялась видимость коллегиальности на самом высшем уровне.

Наряду с политбюро, собиравшимся на заседания, как правило, один раз в неделю — по четвергам, функционировал постоянно, с дореволюционных времен, еще один — рабочий орган Центрального комитета партии — секретариат. Вначале это был чисто технический штаб, главной задачей которого было ведение текущих дел организационного и исполнительского характера, ведение переписки с местными партийными организациями. В марте 1919 года секретариат состоял из ответственного секретаря и пяти технических сотрудников.

Через год, к X съезду большевистской партии, число работников секретариата превысило шесть сотен постоянных работников. Идя к власти в партии и государстве, один из внешне серењких и малозаметных на трибунах рабочих секретарей — Иосиф Сталин — быстро захватил руководящие позиции в секретариате, продвигал на должности секретарей ЦК своих друзей и сторонников. В результате он стал генеральным секретарем ЦК и получил еще больше рычагов власти в партийном аппарате. Он и все последующие генсеки ведали всеми вопросами, а остальные секретари — в зависимости от воли генерального — получали в свое кураторство какой-то участок работы — идеологию, партийно-организационную работу, оборону, промышленность, сельское хозяйство, связь с партиями стран социалистического содружества, «братские» партии мирового коммунистического и освободительного движения…

В партийном секретариате во все десятилетия складывалась своя иерархия. Несколько секретарей являлись одновременно членами политбюро. Они были, так сказать, первого сорта, но и среди них были более равные, чем остальные, в силу того, что стояли ближе к генеральному, являясь его личными друзьями и старыми соратниками. Другие секретари считаются в наивысшей номенклатуре деятелями второго сорта. Они не относятся к категории охраняемых, им подают не самые шикарные и громоздкие автомобили марки ЗИЛ, которые народ прозвал «членовозами», а чуть менее комфортабельные и не столь оснащенные радиотелефонами и другой связью, семиместные автомобили полумассовой сборки Горьковского автозавода на Волге — «чайки». В отличие от членов политбюро, которые за

свое «членство» заработной платы не получали, секретари ЦК КПСС получали, как и все сотрудники аппарата ЦК КПСС, заработную плату. Она составляла в 70-х годах 600 рублей в месяц. Из фондов 9-го управления КГБ секретари ЦК получали ежемесячно продуктов питания на сумму 250 рублей. Все остальные блага в виде роскошных персональных подмосковных капитальных дач с котельными, канализацией, холодным и горячим водоснабжением, с хозяйственными территориями в виде огородов, скотных дворов, фруктовых и ягодных садов, медицинского и санаторного обслуживания, летнего и осеннего отдыха на черноморских, кавказских, волжских и других государственных дачах секретари и члены политбюро получали одинаково щедро. Все оплачивалось как Управлением делами ЦК, так и «девяткой».

Через самую верхушку партии — ее Центральный комитет — ежегодно проходили сотни тысяч страниц документов, которые на словах формулировали якобы какие-то решения и новые подходы, призывали «углубить» и «усилить», а на деле практически никем не выполнялись. «Застой» потому и оставался застоем, что «наверху» никто, никогда и никого не спрашивал о невыполненных решениях и постановлениях. Ошибки, недобросовестность, вранье и ложь, недисциплинированность и даже преступления замалчивались, скрывались для того, чтобы не нарушалась «стабильность» в обществе и покой престарелых вождей.

В руководящих указаниях инстанции, как высокомерно назывался в СССР аппарат ЦК КПСС, поражала пустота директивного словечка «надо!». Оно буквально переполняло все партийные документы, речи вождей, передовицы газет, решения конференций и собраний. Но как «надо», в какой срок «надо», каким образом организовать и какому ведомству из многих поручить исполнение этого «надо», каким образом финансировать, кому за что отвечать, выполняя это «надо», — оставалось расплывчатым и неконкретным.

Принимались, например, постановления о возведении в Ростовской области завода Атоммаш, предприятия, которое должно было выпускать уникальное и громоздкое оборудование для строительства атомных электростанций. Но инженерные проекты были с дефектами, финансировались они недостаточно, не встраивались в систему народного хозяйства, а потому шли через пень-колоду. Через несколько лет после начала гигантской стройки вдруг оказывалось, что она спроектирована на тектонических разломах, в зоне землетрясений. По бетонным стенам этого завода-гиганта уже в начале 80-х годов поползли

трещины. На заседании политбюро, которым руководил тогда Юрий Владимирович Андропов, разразился грандиозный скандал, который показал новому генсеку полную недееспособность и безответственность и старцев из высшего органа партии, и их сверстников из Совета министров СССР.

Открывалась комсомольская стройка Байкало-Амурской магистрали, но не выполнялись решения о ее финансировании и снабжении строительными материалами, тяжелыми рельсами, которых металлургические заводы выпускали недостаточно даже для планового ремонта существующих железнодорожных магистралей. Один из важных нерешенных вопросов, остающийся актуальным до сегодняшнего дня, — автоматическая посадка пассажирских самолетов в крупнейших аэропортах Советского Союза в условиях плохой видимости во время туманов и в прочих нелетных погодных условиях. В записке, представленной «Аэрофлотом» к соответствующему заседанию политбюро в середине 70-х годов, сообщалось, что в США и Западной Европе подобные системы работают и хорошо себя зарекомендовали. У нас тогда тоже были аналогичные комплексы приборов для военных аэродромов. Однако Министерство обороны не хотело рассекречивать эти произведения военной промышленности. К тому же стоили они очень дорого, и политбюро не пожелало санкционировать высокие расходы ради безопасности и комфорта гражданских пассажиров.

Политбюро принимало десятки хозяйственных «решений ЦК КПСС, Совета министров СССР и ВЦСПС». Над каждым из них трудились как пчелки сотни сотрудников аппарата ЦК, перекидывая друг другу справки, проекты решений и постановлений. Аппаратчики привычно выхолащивали из первоначальных предложений специалистов промышленности, ученых и экономистов — как бы чего не вышло — все живое, острое, действительно могущее продвинуть решение данной проблемы вперед. Но жизненной, реальной оценки ситуации в экономике, на основе которой только и можно было принимать решения, партийные функционеры всех рангов боялись как огня. Они страшились вызвать неудовольствие острой постановкой вопроса у какого-либо секретаря ЦК или члена политбюро, особенно заинтересованного в принятии данного проекта. Повторяю — в принятии… А там хоть трава не расти!..

Что касается советских пятилеток и других помпезных экономических планов, то они практически никогда не выполнялись на сто процентов. Долгожитель на высших государственных должностях, председатель Госплана Байбаков, уже после горбачевской перестройки признавался в одной из

телепередач о своем друге и начальнике, председателе Совета министров СССР Алексее Косыгине, что он, докладывая шефу различные плановые показатели, регулярно врал ему, завышая различные цифры, а Косыгин не замечал обмана.

В Советском Союзе лгали регулярно «наверх», своим партийным и государственным начальникам, от самых малых до самых больших хозяйственных руководителей. Председатели колхозов и директора фабрик привирали в отчетах, завышая количество произведенной продукции, райкомы, обкомы и республики сводили в стройные таблицы фальсифицированные цифры, передавали их в Госплан, Совмин и ЦК КПСС, получая «сверху» дождь орденов и медалей якобы за выполненные и перевыполненные планы и «исторические решения» партии.

Поэтому в красных конвертах, которые приходили ко мне на стол с офицерами фельдъегерской службы, находились зализанные, обкатанные, банальные бумажки, консервирующие развал народного хозяйства, его милитаризацию — словом, все то, что теперь емко характеризуется словом «застой». Принимаемые политбюро «постановления» и «решения» по «обкатанным» аппаратом ЦК КПСС документам двигали страну не вперед, а толкали назад, иногда и в сторону сталинизма. Поэтому лавры создателей этого болота по-честному должны разделить между собой не только Брежнев, Суслов, Кириленко и другие члены политбюро, но и весь многочисленный аппарат ЦК КПСС.

Ежедневно на мой стол ложилась масса документов ПБ, присылаемых так называемым опросом на голосование Андропову. Это были рутинные бумажки о кадровых назначениях на высшие должности в СССР, входящие в так называемую номенклатуру политбюро. Круг этих людей был не очень велик. Военачальники, в чине от генерал-полковника, министры и их заместители, послы и советники-посланники, заведующие отделами аппарата ЦК КПСС и их заместители, первые лица в общественных организациях, секретари обкомов, председатели областных и крупных городских Советов депутатов трудящихся — всего, как я думаю, менее десяти тысяч человек. Это и был самый верхний слой номенклатуры. Но главное состояло в том, что еще до голосования членов политбюро все вопросы об этих кандидатурах уже были решены келейно Брежневым, Черненко, Сусловым, Андроповым и Устиновым. Голосование по ПБ сохраняло только видимость «партийной демократии» в принятии решений.

Регулярно приходили листы «голосований» о материальном обеспечении отправляемых на пенсию государственных деятелей, вдов, детей и других близких родственников умерших высоких

персон. Кому какую пенсию назначить, сохранить ли право на «столовую лечебного питания», то есть «авоську», какую поликлинику 4-го Главного управления при Минздраве СССР из трех существующих оставить, какую дачу и в каком поселке предоставлять, сколько дать часов пользования в месяц государственной автомашиной — обсуждалось на уровне политбюро. Бытовые проблемы, которые могли решить завхозы ЦК или Совмина, должны были освятить своими подписями члены высшего ареопага партии. Тем самым мелкие хозяйственные дела превращались в политические рычаги, напоминающие возможным строптивцам и критиканам, кто именно раздает блага и привилегии.

Следующий, более низкий слой составляла «номенклатура секретариата ЦК». Таковых было, видимо, десятки тысяч чиновников и управленцев. Голосование об их назначениях, отставках и пенсиях проводили «за повесткой дня» заседаний секретариата секретари ЦК.

Со своими относительно «свежими» журналистскими мозгами и некоторой «западной», социал-демократической закваской, которую вынес из многолетней работы в Скандинавии, я пытался как-то противостоять валу серых и пустых документов, готовя для Андропова свои комментарии к вопросам повесток дня заседаний политбюро. Что из этого вышло, я расскажу чуть ниже. Но в 70-х и даже 80-х годах, повторяю, я искренно верил в то, что Систему можно подправить разумными реформами сверху.

…С самого начала я настроился на самый суровый и продолжительный режим рабочего времени. Действительность оправдала мои ожидания, поскольку рабочий день Юрия Владимировича продолжался с девяти утра до полдесятого вечера или еще позже — по будням. По субботам он трудился с одиннадцати утра до шести вечера. Андропов приезжал на работу также и в воскресенье, с двенадцати до четырех, но в этот день он не занимался бумагами политбюро. Однако кто-то из нас — начальник секретариата Лаптев или я — все-таки должен был находиться на рабочем месте, если вдруг и в воскресенье шефу потребуется какой-либо документ из «особой папки» политбюро. Но самые продолжительные рабочие дни складывались у меня во вторник и среду, переходя иногда и в рабочие ночи.

Дело в том, что обычно во вторник, после регулярного заседания секретариата, приходила повестка дня заседания политбюро, назначаемого, как правило, на четверг, на шестнадцать часов. В повестку дня входило 12–14 вопросов самого различного свойства — экономических, военных, внешнеторговых, внешнеполитических и других. К большинству

пунктов заранее присылались из Общего отдела ЦК проекты постановлений, записки, приложения к запискам. Их можно было обрабатывать в течение нескольких дней, вычленяя главное из толстенных записок и проектов постановлений, готовя комментарии и контрсправки, если они требовались. Но документы к двум-трем вопросам повестки дня, как правило самым острым и актуальным, поступали только в тот же вторник, что и сама повестка. Для подготовки дополнительных справок по этим темам, если мне казалось это нужным, комментариев с моими сомнениями, предложениями и аргументами оставались только ночь со вторника на среду, среда и ночь со среды на четверг, поскольку сафьяновая папка красного цвета, в тон конвертам из ЦК, с широкой золотой надписью «политбюро», должна была быть положена на письменный стол в кабинете Юрия Владимировича не позже девяти часов утра в четверг.

Еще в годы неформальных встреч с Андроповым я понял кое-что о стиле его работы. Он был таков, что, если ты что-то критикуешь, или высказываешь сомнение, или отвергаешь, Юрий Владимирович обязательно задавал вполне конкретный вопрос: «А что ты предлагаешь?» Он принимал чужие соображения только после острой дискуссии, с тщательным взвешиванием всех за и против, а иногда отвергал, видя дальше и глубже своих помощников и сотрудников. При этом он объяснял им ход своей мысли.

Другим редчайшим качеством руководителя столь крупного калибра, каким был он, являлась его неизменная корректность. Он никогда и никого не унижал в глаза и не отзывался худо за глаза. Даже в узком кругу он никогда не говорил гадостей о самых дурацких выступлениях, предложениях или поступках других деятелей, даже явных его противников. Выражения типа «Что этот чудак городит?!» или «Что за чушь несет старый маразматик?!», распространенные в начальственных кругах о персонах равных или более высоких, были для него совершенно исключены.

В политбюро был, в частности, полный антипод Андропова в этом отношении — Андрей Павлович Кириленко. Он исполнял функции секретаря ЦК и был в крайне напряженных отношениях с Сусловым. Так вот, Кириленко в своих разговорах и с подчиненными, и на заседаниях секретариата и политбюро слова не мог сказать, чтобы не переложить его матерной лексикой. Всех людей, вступавших с ним в контакт, Кириленко называл каким-то особенно грубым тоном на «ты». В числе немногих он был на «ты» и с Брежневым.

Андропов терпеть не мог мата. Хотя он и быстро переходил с

подчиненными на «ты», но делал это по-дружески. Слово «ты» в его устах звучало сигналом доброго отношения. Но если он вдруг переходил на «вы», это означало высшую степень неодобрения им поведения данного персонажа, служило своего рода ругательным словом.

Однажды такое случилось и со мной, года через три после начала моей работы у него. Пришла записка А. А. Громыко «О возможности установления дипломатических отношений с Израилем». По своему содержанию она была сенсационна. Советская пропаганда ожесточенно ругала тогда сионизм, Государство Израиль — как бастион сионизма. В Советской стране, победившей европейский фашизм, скрытно тлел антисемитизм на бытовом и государственном уровне. В противовес еврейскому государству на Ближнем Востоке средства массовой информации СССР восхваляли арабских, ливанских и палестинских боевиков. Ведомства Устинова и Андропова по своим хитрым каналам поставляли, выполняя специальные решения политбюро, оружие и спецтехнику на Ближний Восток противникам Израиля.

Дипломатические отношения Москвы с Тель-Авивом были давно разорваны…

И вот теперь эта записка, разосланная суровым Андреем Андреевичем Громыко членам политбюро, явно с санкции самого Брежнева, поскольку исходила из общего отдела ЦК КПСС. В документе осторожно ставился вопрос о необходимости восстановления дипломатических отношений и других официальных контактов с Израилем.

Оформлена она была нарочито просто — без гирлянды подписей с согласованиями в комитетах, министерствах и ведомствах. Если обычно на такого рода документах стояли красные штампики «срочно» или «весьма срочно», «совершенно секретно» или «особой важности», то эта бумага пришла с самой низкой ступенькой конспирации общего отдела на Старой площади — грифом «секретно». Я подчеркнул в этом трехстраничном документе красным карандашом самое важное, вложил его в красную папку «Политбюро» и отнес в кабинет Юрия Владимировича, на его рабочий стол.

После отъезда Андропова вечером домой я взял с его стола эту папку и не увидел на записке Громыко росписи Юрия Владимировича, которую он ставил, прочитывая любой документ. До моей папки «Политбюро», видимо, не дошла очередь, решил я. На следующее утро я вновь положил папку с запиской Громыко на стол шефа и вечером вновь получил ее нечитаную. В те дни у Юрия Владимировича сплошной чередой шли совещания, во

время которых я мог вторгаться в его кабинет только с чрезвычайно срочными бумагами, имеющими штамп «срочно». На третий день история повторилась, и визы Юрия Владимировича на записке Громыко вновь не оказалось. Виноваты были опять сплошные и напряженные совещания у шефа. Зная это, на четвертый день я оставил с утра этот документ в своем сейфе вместе с папкой, в которую мне надо было вложить еще пару свежеприбывших бумаг.

Около полудня раздалась трель прямого телефона от Андропова.

— Игорь, есть у тебя записка Громыко? — спросил шеф.

— Есть… — ответил я.

Я не понял, что означала пауза, которую сделал Юрий Владимирович. Но вдруг он совершенно ледяным голосом приказал:

— Будьте любезны, принесите ее мне!

Никогда — ни до, ни после этого — я не слышал от него такого тона. Признаюсь, я струхнул и почти бегом отправился через весь длинный коридор в кабинет председателя. Юрий Владимирович сухо и холодно спросил меня:

— Почему вы солите у себя в сейфе очень срочный документ?! Мне звонит Леонид Ильич, спрашивает мое мнение о нем, а он, оказывается, болтается у вас!

— Юрий Владимирович! Эта записка лежала три дня на вашем столе в папке «политбюро», а у вас шли непрерывные совещания! — попытался я оправдаться.

— А почему вы не обратили моего внимания на срочность документа?! — уже не таким ледяным тоном продолжал допытываться шеф.

— Потому что на нем нет грифа «срочно», — показал я Андропову на ту часть бумаги, где должен был стоять такой штампик.

— Ну, хорошо… — почти миролюбиво сказал Юрий Владимирович, прочитав первые строки записки, из которых вовсе не вытекало, что она была действительно столь срочной.

Видимо, Юрий Владимирович сам перепугался простого вопроса Брежнева и, с присущим ему пиететом к генсеку, столь грубо отреагировал в мой адрес. Но чувство справедливости, которым он обладал, заставило его простить свой страх перед Брежневым и мой — перед ним и снова перейти на «ты».

— Ладно, иди работай и не допускай больше таких ляпов! — совсем нормальным тоном сказал Юрий Владимирович и углубился в содержание записки. Вечером я получил ее обратно, испещренную его чернильными пометками поверх моих

подчеркиваний. В принципе Андропов был того же мнения, что и Громыко, — Советскому Союзу следовало бы выходить из самоизоляции от Израиля, постепенно расширять с ним контакты, восстанавливать дипломатические отношения. Но «ястребы» в политбюро и ЦК КПСС стремились блокировать такое развитие. Они настаивали на усилении антиизраильской пропаганды, увеличении помощи арабам и ужесточении кампании борьбы с сионизмом в СССР. Брежнев, Громыко и Андропов были вынуждены прислушиваться к Суслову, Подгорному и другим сталинистам в политбюро. Как вопрос повестки дня заседания ПБ эта тема не ставилась, но перед одной из ближайших встреч членов ПБ записка Громыко оживленно обсуждалась, но, как я понял, без принятия какого-либо определенного решения.

…В первую же неделю моей работы Андропов спросил меня:

— А ты представлялся уже своему начальнику по Общему отделу ЦК — Константину Устиновичу Черненко?

Я ответил, что подумывал сделать визит к формальному начальнику всех помощников членов политбюро и секретарей ЦК на следующей неделе.

— Поторопись! — сказал Юрий Владимирович. — Чем дольше ты будешь тянуть с этим делом, тем меньшее уважение к нему ты покажешь в конечном итоге… Я бы советовал тебе поехать уже сегодня!

Вернувшись в свой кабинет, я тут же позвонил по «кремлевке» Черненко и получил его согласие прибыть к нему в течение ближайшего часа. Минут через десять я уже входил в первый подъезд здания на Старой площади. Штампики в моем удостоверении сработали безотказно, и еще через пять минут я очутился в приемной, где были две двери и сидели две секретарши. Одна из них работала с Константином Устиновичем, а другая — у его первого заместителя — Клавдия Михайловича Боголюбова, дверь кабинета которого была напротив двери к Черненко.

Секретарь Константина Устиновича скрылась за дверью к шефу, тут же вышла и пригласила меня к заведующему общим отделом ЦК КПСС. Я еще тогда не знал всей мощи и влияния этого отдела и самого Черненко на все партийные дела. В моем представлении общий отдел, по аналогии с такими же отделами в других учреждениях, рисовался просто большой канцелярией, где работники получают документы из подразделений собственного учреждения и других организаций. Затем перебирают бумаги и кладут их с одной стороны стола на другую, чтобы отнести их адресату. Мне тогда еще не было ясно, что ЦК правящей партии не мог функционировать без жесткого бюрократизма. Никто,

нигде и ничто в аппарате не решал без бумажки. Так бумажки и ходили — в ЦК, внутри ЦК, из ЦК… Главным регулятором этой лавины бумаг был Черненко.

Более того, он управлял процессом влияния генсека на других членов руководства через этот круговорот бумажек. От него зависело, быстро или медленно будут ходить «нужные» Брежневу документы, приторможено или даже совсем остановлено решение «ненужных» генсеку вопросов. И пока Брежнев оставался капитаном судна под названием «КПСС», Черненко «рулил» на капитанском мостике — в Общем отделе. Он также заведовал двумя главными архивами страны и партии — архивом политбюро, так называемым шестым сектором, и архивом секретариата, или седьмым сектором. Только Черненко знал фонды этих архивов и мог в любое время запрашивать из них описи дел и любые бумаги. Надо ли говорить, что в этих двух секторах Общего отдела концентрировались все секреты партии. Открытого доступа туда не имели ни секретари, ни члены политбюро ЦК. Таким образом, все, что они могли запросить из этих архивов, в том числе и компромат друг на друга для доноса генсеку, обязательно проходило через руки Черненко и с его санкции. Ему всегда было легко уклониться от любого запроса, заявив, что он должен согласовать просьбу с Брежневым… Но все это я понял лишь с годами работы у Юрия Владимировича. Что касается секретариата КГБ, выполнявшего в ведомстве функции Общего отдела, то роль его начальника, П. П. Лаптева, только внешне была похожа на черненковскую. Лаптев не мог ограничивать Андропова в количестве документов, которые ежедневно он прочитывал. Андропов в рабочий день поглощал и переваривал по 400–600 машинописных страниц и принимал по ним ответственнейшие решения. Весь этот колоссальный поток документов практически шел только через Лаптева и от меня. Я не помню дня, когда Лаптев был в отпуске или на больничной койке. Даже в те редкие недели, когда у Юрия Владимировича бывали отпуска или профилактика в кремлевской больнице, Пал Палыч всегда сидел на своем посту. Его рабочая нагрузка была чудовищна. Неудивительно, что он постоянно выглядел усталым и больным. Мне было немногим легче. Когда Андропов два раза в год по две недели — весной и зимой — находился на медицинской профилактике в Центральной кунцевской больнице или главной «кремлевке» на улице Калинина, как и все престарелые члены политбюро, спецкурьер Галкин возил ему на подпись только «самые, самые» важные бумаги. Фельдъегеря приезжали ко мне в эти дни значительно реже и доставляли только такие документы ЦК, которые могли без спешки

отлеживаться в моем сейфе хоть неделями. В такие короткие периоды можно было уезжать вечером домой около восьми часов, а в иные дни и позволить себе сходить с женой в театр.

Лаптева Андропов привел с собой в КГБ из аппарата ЦК КПСС, где Пал Палыч работал в отделе по связям с социалистическими странами. Он владел албанским языком, служил до аппарата ЦК по дипломатическому ведомству и был хорошо осведомлен о партийных интригах в СССР и социалистических странах. Память у него на документы, проходившие через него, была почти такая же феноменальная, как и у Андропова…

Итак, еще не обстрелянным в партийных кознях я прибыл представляться в их эпицентр. Я вошел в кабинет заведующего общим отделом ЦК КПСС Константина Устиновича Черненко, правой руки, глаз и ушей Брежнева. Первое, что увидел, — большой полукруглый письменный стол, занимавший четверть довольно просторной комнаты. Он был совершенно свободен от бумаг. За ним сидел человек с бело-седыми волосами, которые казались еще белее, поскольку скуластое лицо его было смуглым. Тонкий, немного крючковатый нос, темные, с небольшой монгольско-азиатской раскосинкой глаза, довольно тонкие бледные губы были неподвижны. Не вставая и не улыбаясь радушно, как это делал всегда Андропов, встречая посетителя независимо от его ранга, Черненко коротко ответил на мое приветствие и предложил садиться за маленький столик, приставленный к его большому столу. Человек он был малоразговорчивый, какой-то инертный. Несколько фраз, которые он сказал, сводились только к одному: «Надо хорошенько помогать Юрию Владимировичу!» На прощание Черненко порекомендовал зайти сейчас же к его первому заму, Клавдию Михайловичу Боголюбову. Он даже позвонил ему по прямому телефону, хотя Боголюбов сидел через комнату от него, указав принять меня.

Боголюбов оказался внешне полной противоположностью Черненко. Это был живой, чуть полноватый человек, с наголо бритой загорелой головой. Он улыбался, предложил стандартный цековский чай с сушками. Сушки он грыз смачно, крепкими белыми зубами. Внешне и по напористой манере разговора он напоминал Хрущева. Клавдий Михайлович знал, что я еще не окончил академию и предстоит защита диссертации. В этой связи он перевел разговор на творчество, похвалился своими успехами на ниве теории оргпартработы и участием почти во всех книгах Политиздата по этой тематике. На прощание он подарил с дарственной авторской надписью только что вышедший из печати

сборник статей об оргпартработе, где он был составителем и автором предисловия. В целом у меня осталось от посещения общего отдела впечатление, что ничего особенного в нем не происходит.

Между тем общий отдел, как я понял со временем, оказался главной пружиной в разветвленном механизме аппарата ЦК КПСС. Он был политическим подразделением наряду с секретариатом ЦК. Может быть, даже более влиятельным, чем секретариат. Внутри общего отдела существовал особо доверенный первый сектор. Именно в функции первого сектора входила адресовка и рассылка самых конфиденциальных документов партии. Вообще на каждом документе секретариата и политбюро с левой стороны, чуть дальше линии, по которой пробивает бумаги дырокол, вертикально стояла напечатанная мелким типографским шрифтом цитата из Ленина, в которой отец большевистской демократии приказывал сделать секретным и строго конфиденциальным любой партийный документ, строжайшим образом соблюдать конспирацию…

Находился первый сектор не в здании ЦК КПСС на Старой площади, а в Кремле. Те несколько окон под куполом с государственным флагом, видневшиеся за Кремлевской стеной с Красной площади, всю ночь ярко светились. В сталинские времена редкие ночные прохожие, пересекавшие площадь, глядя на эти окна, считали, что там работает сам вождь. За этими окнами действительно шла круглосуточная работа.

Именно там размещался первый сектор. Он занимался рассылкой по списку, даваемому каждый раз Константином Устиновичем, всех самых важных документов партии. В первый сектор они и возвращались с пометками и подчеркиваниями членов политбюро и секретарей ЦК, из которых столь опытный в интригах функционер, как Черненко, легко мог составить себе представление и о ходе мыслей адресатов, и об их настроении вообще. Результаты своего анализа Константин Устинович обязательно доносил Брежневу.

Вообще игра настроений у подчиненных привлекала большое внимание работников секретариатов, в том числе и секретариата Андропова. Когда кто-либо из посетителей Юрия Владимировича выходил из его кабинета, настроение и выражение лица точно фиксировались офицерами приемной, которые доносили об этом начальнику секретариата. Сам Пал Палыч, если посетитель затем заходил в его кабинет, также внимательно анализировал состояние души «подозреваемого». Он хитро ставил вопросы, выясняя по горячим следам отношение визитера к Юрию Владимировичу. Видимо, к вечеру, когда Юрий Владимирович

передавал ему, уезжая, бумаги со своего стола, Лаптев информировал председателя о том, кто и с каким настроением уходил от главы КГБ.

Но вернемся к первому сектору. Под командованием бой-бабы лет пятидесяти, бывшей в молодости, видимо, писаной красавицей, Марии Васильевны Соколовой здесь трудилось в три смены несколько десятков женщин. Насколько я был осведомлен, во всем секторе был только один мужчина, Виктор Галкин, с которым вскорости мне пришлось познакомиться. Его обязанностью было объезжать членов политбюро по их служебным кабинетам и давать им на ознакомление в его присутствии столь секретные документы политбюро, что они писались только в одном экземпляре, причем некоторые — от руки, или с рукописными вставками самого важного в них или цифр. Такими были, например, бумаги о состоянии золотого запаса и валютных резервов страны, их движении, о важнейших оборонных исследованиях и испытаниях новейшего оружия. Всякий раз о выезде Галкина к нам с вопросом о том, будет ли Юрий Владимирович на месте, звонила по «кремлевке» Мария Васильевна. Минут через пятнадцать появлялся и сам спецкурьер первого сектора с тонкой кожаной папочкой на застежке-молнии. Если было холодное время года, он оставлял верхнюю одежду в моем шкафу, и мы вместе шли в приемную Юрия Владимировича.

Галкин терпеливо ждал в приемной в том случае, когда у Юрия Владимировича в момент его приезда проходило совещание или он с кем-то беседовал. Затем Галкин заходил один и минут через пять возвращался с плотно закрытой папкой. Я ни разу не видел, что за документы приносил из ЦК столь высокопоставленный курьер первого сектора. Андропов тоже никогда не комментировал их. Только однажды, по косвенным признакам, мне показалось, что в «совершенно секретной, особой важности, весьма срочной» бумаге речь шла о золоте и золотовалютном запасе страны.

В современном мире, а особенно в политике, получает преимущество тот, кто обладает наиболее полной информацией. Черненко, будучи сначала лишь техническим сотрудником Брежнева, постепенно стал его правой рукой и даже частью мозга. Именно Константин Устинович с санкции Леонида Ильича определял в конечном итоге, какую и в каком объеме информацию направят каждому конкретному секретарю ЦК или члену политбюро, кандидатам в члены политбюро. Он решал также, сколько и какой информации получат члены ЦК КПСС в центре и на местах. Черненко, будучи «альтер эго» Брежнева, абсолютно точно представлял себе отношение генсека к каждому

из членов руководства партии. Верхушка всегда делилась на сторонников и скрытых противников Брежнева. Генсек сам и с помощью Черненко до последних дней абсолютно точно определял своей интуицией расклад всех сил.

Я полагаю также, что прозорливость генсека насчет всех его врагов и недоброжелателей дополняла информация какого-то особенно засекреченного подразделения в ЦК, которым, видимо, руководил молчаливый Черненко. И Брежнев, и Черненко, «выросшие» в руководстве партии из штанов Сталина, видимо, хорошо знали, что с конца 1925 года у «отца народов» и генералиссимуса была, помимо государственной, политической и военной, своя личная, весьма компактная неформальная разведка и контрразведка. Некоторые, особенно въедливые современные историки, во всяком случае, упоминают об этом. Они, в частности, считают, что компактное подразделение такого рода входило в штатную структуру Министерства государственного контроля, которым руководил верный сатрап вождя политкомиссар Мехлис. Мехлис не был подконтролен никому в ВКП(б) и Советском государстве, кроме Сталина. В число главных задач личной спецслужбы вождя входила пристальная слежка за руководителями партии и правительства, сбор компромата на самых высших партийных и государственных деятелей Советского Союза, углубленное изучение высших, в том числе и неформальных, лидеров стран — противников СССР и его соседей.

Когда вождь умер 5 марта 1953 года, комиссия ЦК КПСС по сталинскому наследию начала работу через две недели после его похорон. Партийные функционеры, назначенные членами комиссии, как и полагается, сначала пришли на основное рабочее место Сталина — в кремлевский кабинет. Всегда эта комната, по свидетельству лиц, побывавших в ней, была завалена бумагами и всякого рода литературой. Она круглосуточно охранялась его секретарями и сотрудниками. Но Жорес и Рой Медведевы, выпустившие в 2002 году фундаментальную книгу «Неизвестный Сталин», сообщают, что кто-то побывал в кабинете Сталина на несколько дней раньше комиссии и «очистил» его, включая главный сейф вождя. Неизвестно куда исчезли или были сожжены документы и письма Сталина, хранившиеся у него на дачах и в кремлевской квартире… Не там ли были и донесения личной сталинской разведки, папки с убийственными компроматами на его ближайших соратников и друзей? [3]

При Хрущеве такого «хитрого» заведения в ЦК уже, видимо, не было, за что первый секретарь и поплатился неожиданным снятием и изгнанием на пенсию в октябре 1964 года. К власти

пришел Брежнев. Его партийная карьера успешно развивалась еще при жизни «великого вождя и учителя». Брежнев лучше, чем Хрущев, усвоил уроки «хозяина» в борьбе за власть и ее укрепление. К тому же под маской добряка и весельчака он скрывал беспринципное и жестокое коварство. О его подходе к борьбе за власть можно судить по воспоминаниям бывшего при Хрущеве и в начальный брежневский период председателя КГБ Владимира Семичастного. Бывший комсомолец, лучший друг «железного Шурика», он оказался значительно порядочнее выдвигавшегося вслед за Хрущевым вождя. Когда трусоватый Брежнев, в 1964 году второй человек в партии и государстве и глава заговора, во время разговора с глазу на глаз с Семичастным предложил председателю КГБ физически устранить Хрущева, тот категорически отказался [4].

Когда Брежнев в октябре 1964 года пришел к власти, он, как коварный и опытный политикан, наряду с существовавшими спецслужбами, где сидели не «его» люди, спешно стал формировать собственную неформальную контрразведку и разведку. Я полагаю, что личным резидентом и руководителем персональной спецслужбы генсека был тихий и незаметный К. У. Черненко. Он, вероятно, и дирижировал исполнителями разных «несчастных случаев» и смертей, которые происходили в борьбе за власть во времена застоя.

Генсек Брежнев действовал против своих противников очень осторожно. Начиналось все с информации. Близкие союзники генсека получали от Черненко самый полный поток документов и предложений. К таковым принадлежали в 70-х годах Андропов, Суслов, Кириленко, Гречко. В конце 70-х годов, а точнее — в 1977 году очень крепкие позиции рядом с Брежневым и Сусловым, отодвинув Кириленко, занял триумвират — Андропов, Устинов, Громыко. Практически именно эти три члена ПБ решали со времени начала болезни Брежнева в 1977 году все главные вопросы в стране и партии. При этом Устинов и генштаб чрезвычайно активно вторгались во все сферы управления, особенно экономику. Они явно готовили страну к войне и усиливали мобилизационные резервы, милитаризировали промышленность. Громыко и Андропов сплоченным фронтом выступали в сфере международных отношений СССР, хотя довольно большую роль продолжал играть секретарь ЦК Пономарев, курировавший связи КПСС с коммунистическими партиями и национально-освободительными движениями.

Остальные секретари ЦК, члены и кандидаты в члены политбюро, то приближались, то отодвигались от генсека, словно фигуры на шахматной доске, в стремлении избежать шаха

королю. Соответственно они получали то больше, то меньше информации от Черненко. Иногда фигуры, могущие представлять угрозу персоне короля, по разным причинам сбрасывались с шахматного поля власти. Так физически произошло с секретарем ЦК и членом политбюро Кулаковым, первым заместителем министра внутренних дел Щелокова, бывшим влиятельным партийным секретарем в Подмосковье генералом Папутиным, а весной 1982 года — с особо приближенным к Брежневу первым заместителем председателя КГБ Семеном Цвигуном. Причины их загадочных самоубийств (или убийств?) не раскрыты до сих пор. Может быть, постаралась личная спецслужба Брежнева — Черненко? Кому они были выгодны? Я убежден — только не Андропову и КГБ.

А неожиданная болезнь и смерть Михаила Суслова, последовавшая спустя несколько дней после ухода Цвигуна? Она также не была выгодна Андропову, потому что при сложном раскладе сил в верхушке партии второй человек в КПСС поддерживал Юрия Владимировича.

С Андроповым Брежнев и его клика в конце концов поступили так же, как и с одним из его сильных предшественников на Лубянке — Шелепиным. В мае 1982 года Юрия Владимировича сняли с КГБ и лишили источника информации и влияния. Посадили его в цековский кабинет вовсе не вторым, а просто секретарем ЦК. Но об этом несколько ниже.

Примерно такой же сценарий действовал и в самом начале правления Брежнева. Первой, медленно, но верно, была сдвинута в сторону, а затем снята с доски фигура, представлявшая для нового генсека наибольшую опасность, — бывший председатель КГБ, а в 1964 году секретарь ЦК и член политбюро Шелепин. Сначала его, секретаря ЦК и члена политбюро, вложившего вместе с главным редактором «Правды» Михаилом Зимяниным всю душу в заговор против Хрущева, Брежнев «пересадил» из секретарского кресла в здании ЦК КПСС в кабинет ничего не решавшего в СССР руководителя главной профсоюзной организации страны — Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов. ВЦСПС всегда был хотя и материальной силой, но политически считался «приводным ремнем» партии в отношении рабочего класса. При советской Системе, жестоко боровшейся против главного оружия рабочих — права на забастовку, профсоюзы не играли никакой политической роли.

Зимянин же в благодарность за услугу, оказанную Брежневу и его соратникам, был сделан секретарем ЦК по пропаганде.

Генсек настолько опасался динамичного и жесткого

Шелепина, его многочисленных и горластых сторонников во всех звеньях партийного и государственного аппарата, что «железного Шурика» вскоре изгнали и из политбюро, и из ВЦСПС. Поводом послужили антисоветские и антишелепинские демонстрации против лидера профсоюзов СССР во время его официального визита в Англию. Размах этих демонстраций, обращенных против Шелепина как бывшего председателя КГБ, был необычайно широк. По мнению серьезных западных наблюдателей, масштабы общественного протеста в Англии, направленного против бывшего шефа КГБ, были совершенно необычны и несопоставимы с тогдашней второразрядной ролью Шелепина в мире в целом и в системе власти в СССР. Как намекали западные газеты, не обошлось без «руки Москвы»…

Брежнев умело воспользовался скандалом. Он снова понизил Шелепина. Лидера ВЦСПС убрали из политбюро и понизили на три-четыре должностные ступени вниз — до уровня заместителя начальника Комитета по трудовым ресурсам, то есть шефа системы профессионально-технического образования молодежи и рабочих. Но отставленного льва продолжали бояться и дальше. Точно в срок, оговоренный законом, — в шестьдесят лет, хотя средний возраст старцев в политбюро превышал семьдесят годочков, Шелепина отправили на пенсию. Слава богу, что в нищем и полуголодном Советском Союзе этому бывшему яркому и сильному политику сохранили и на пенсии номенклатурное материальное обеспечение. Он хотя бы не голодал и не стоял в длиннейших очередях за колбасой в старости, как миллионы стариков в коммунистической супердержаве.

Параллельно следовали отставки его сторонников, занимавших важные посты, — председателя КГБ Семичастного, главы ведомства внешнеполитической пропаганды Буркова, председателя Комитета по радиовещанию и телевидению Месяцева, некоторых других деятелей второго плана. Сначала всех их лишали информации в полном объеме, оставляли как бы в политическом вакууме. Затем медленно сдвигали по должностным ступенькам вниз. Друг и соратник Шелепина Месяцев, например, из министра, руководившего всем телевидением и радио в Советском Союзе, превратился во второразрядного дипломатического чиновника. Его назначили послом в далекую и ничего не значащую для Москвы Австралию.

Политиков высокого ранга, не обязательно шелепинцев, но членов ЦК, которые были заподозрены в критике, хотя бы даже и очень косвенной, первого лица в партии и государстве, также «ссылали» послами в разные страны. Характерным примером для номенклатуры стал в этом отношении первый секретарь

Московского городского комитета партии Егорычев. Умный, яркий, энергичный политик, он осмелился покритиковать на одной из партийных конференций руководителей Московского военного округа, особенно авиационных и ракетных начальников, за слабую боеготовность противовоздушной обороны столицы. Но все они были друзьями и ставленниками Брежнева. Верховный главнокомандующий обиделся за своих людей. К тому же ему нашептали на ушко, что главным объектом косвенной критики был он сам, как Верховный…

В результате Егорычев был отправлен послом в Данию. Надо отдать должное «доброму» Брежневу. Всех своих потенциальных противников он, как правило, отправлял на малозначительные, но номенклатурные должности или на такую же номенклатурную пенсию, оставляя им почти все привилегии.

Так без спешки и потрясений были «выщелкнуты» Брежневым из обоймы политбюро не только Шелепин, но и Подгорный, Мазуров, Полянский, Шелест… Это были отнюдь не самые старые и зашоренные деятели в Советском Союзе. Но своей активностью, амбициями и претензиями на первые роли они не вписывались в застой. Многие из них позволяли себе не только по разным углам и с друзьями-собеседниками под «прослушкой», но и открыто, так сказать, «по-партийному», на заседаниях политбюро, в ходе других встреч с генсеком возражать ему, критиковать брежневских клевретов.

Один из потенциальных претендентов во второй половине 70-х годов на пост генерального секретаря ЦК КПСС, энергичный и не старый, пользовавшийся большим авторитетом в партии Кулаков ушел при неясных обстоятельствах. Секретарь ЦК и член политбюро якобы застрелился у себя на даче, напившись и поругавшись с женой. Чтобы секретарь ЦК КПСС, член политбюро, крестьянин по происхождению, прошедший огонь, воду и медные трубы, оказался столь слабым человеком, неврастеником и подкаблучником, чтобы пустить себе пулю в голову в острый момент, когда назревал очередной раунд борьбы за власть в Кремле, а он был одним из фаворитов гонки, — в такую сказку верится с трудом.

Черненко, как хозяин главных секретов в партийных архивах, в потоке бумаг, конечно, выуживал немало и был организатором самых грязных и «серых» тайн партии и государства. Кроме прямой информации и сплетен из уст в уста, как руководитель личной спецслужбы Брежнева, он получал из КГБ и МВД много справок, докладов, спецсообщений и другой информации для Брежнева, читал важнейшие шифровки из-за границы, с мест, получал и размечал Брежневу и другим руководителям для

чтения важнейшие шифротелеграммы послов из МИДа, ему направляли свои самые большие секреты Министерство обороны, генштаб и Главное разведывательное управление генштаба, причем независимо друг от друга. Но все это носило бюрократический, раз и навсегда определенный своими рамками характер. Все, что знал Черненко, знал и Брежнев.

Единственный человек в Системе, который располагал большим, чем генсек, объемом информации, был председатель КГБ Андропов. Причем те секреты и тайны, которые проходили через его стол, носили не столь забюрократизированный и регламентированный характер, как входящие в ЦК КПСС бумаги. Они были живыми, ясными и реальными.

Некоторые публицисты писали, что чуть ли не с первых своих шагов в качестве члена политбюро Андропов начал плести интриги против Брежнева. В течение десяти лет я принадлежал к весьма узкому кругу его частого, а затем почти ежедневного тесного общения, понимал его с полуслова. Могу со всей ответственностью засвидетельствовать, что он во все годы, которые я был вблизи него, то есть с 70-го по 80-й, не давал никому, никогда и никакого повода делать такой вывод. Он совершенно искренно проявлял свою полную преданность Брежневу.

Он не скрывал от своих сотрудников той почтительности, которую испытывал — и, мне казалось, не из-за субординации, а чисто по-человечески, — к Леониду Ильичу. Когда по его прямому телефонному аппарату от генсека раздавался звонок и он поднимал трубку, его лицо и глаза становились добрыми, а голос мягчал, но не спускался до подхалимажа. Заговорщики и конкуренты так не реагируют в близком окружении на объект своей ненависти.

Весьма уважительно Андропов относился и к Суслову, а Михаил Андреевич отвечал ему тем же. У меня даже сложилось впечатление, что Суслов и Андропов скрывали от въедливых партийных стукачей-наблюдателей свои добрые, хотя внешне и чуть суховатые отношения. У них общей была память о начале 50-х годов, когда оба начинали делать высокую партийную карьеру, нелюбовь к «Маланье», как в верхушке партии называли жирного и женоподобного, с писклявым голосом, но крайне самоуверенного Маленкова. Их объединяла также любовь к Ставропольскому краю, где родился Юрий Владимирович и долго находился на партийной работе Михаил Андреевич. Хорошо известно, как эту любовь к Северному Кавказу и Кавказским Минеральным Водам, где ежегодно лечился Андропов и часто бывал Суслов, эффективно использовал в своих карьеристских

целях последний генсек ЦК КПСС, ставший, по сути дела, могильщиком СССР и правящей партии Михаил Горбачев. Он подлащивался и к Суслову, и к Андропову до тех пор, пока они не показали это юное партийное дарование на станции Минеральные Воды Кавказской железной дороги вылезшему для этого из спецпоезда Брежневу. Леонид Ильич следовал в Баку, чтобы вручить орден Ленина Азербайджанской Республике. Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Гейдар Алиев подготовил богатейший праздник в честь генсека, и Брежневу уже доложили сценарий этого торжества гостеприимства. Он был средневеково пышным и превосходил роскошью встречу в столице Азербайджана в конце XIX века суверена соседнего государства — персидского шаха. Леонид Ильич обожал праздники в свою честь. По этой причине у него было особенно хорошее настроение. Горбачев произвел благоприятное впечатление на генсека. Участь его была в принципе решена.

В конце 1978 года, после смерти секретаря ЦК и члена политбюро Федора Давыдовича Кулакова, Михаил Горбачев приехал в Москву на Пленум ЦК. Черненко устроил ему официальные смотрины у Брежнева, после которых он был избран секретарем ЦК вместо почившего Кулакова. Справедливости ради следует отметить, что только расторопность помощника Черненко Виктора Прибыткова, разыскавшего в Москве Горбачева по наводке из Ставрополя, на новоселье у его московских друзей-аппаратчиков ЦК, принесла Михаилу Сергеевичу желанный приз — должность секретаря ЦК. Не отыщи на исходе рабочего дня генсека Прибытков места, где поднимал бокал Горбачев, то буквально через десять минут Черненко представил бы Брежневу вместо него первого секретаря Полтавского обкома Компартии Украины Героя Социалистического Труда, бывшего председателя колхоза-миллионера Федора Моргуна. Моргун также прибыл на тот самый Пленум ЦК, но сидел у себя в номере гостиницы «Москва», осведомленный, вероятно, своими днепропетровскими друзьями о колебаниях Брежнева в отношении его и Горбачева. Благодарность «хозяев», то есть генсеков, не знает пределов ни вверх, ни вниз. После занятия Горбачевым трона Прибытков, который вовремя доставил Горбачева к Брежневу, исчез в нижних слоях номенклатуры.

Возможно, став генсеком, Горбачев прознал о том, что помощник Черненко больше хотел видеть на посту секретаря ЦК энергичного и деятельного Моргуна, чем велеречивого пустобреха из Ставрополя. Ведь наушничество и интриги были поставлены в аппарате на высочайший профессиональный уровень. Многие аппаратчики старались выслужиться перед начальством именно

на этой ниве, не зная хорошо никакой другой.

Таким образом, первичными крестными отцами «изобретателя перестройки», «гласности» и развала СССР можно считать по порядку Суслова, Андропова, Брежнева, Черненко и… Прибыткова.

Среди других высших членов руководства страной Юрий Владимирович несколько настороженно относился к Косыгину. Он знал о взаимной личной неприязни, об определенной конкуренции за авторитет в партии генерального секретаря и Председателя Совета министров. Андропов, безусловно, поддерживал Брежнева. И когда я пытался пару раз в подготавливаемых к заседаниям политбюро комментариях по экономическим вопросам добрым словом отозваться о проектах реформ Косыгина, то увидел, что Юрий Владимирович толстым синим карандашом, что означало у него негативное отношение к предмету, вычеркивал одобрительные пассажи. Разумеется, я все понял и более не стал раздражать шефа и общий отдел, в котором очень хорошо разбирались в цветных карандашах и почерках своих клиентов.

Внешне почтительное, но сугубо деловитое и сухое отношение было у Андропова к давнему другу Брежнева, секретарю ЦК КПСС и члену политбюро, человеку, возглавлявшему в аппарате всю линию военно-промышленного комплекса (ВПК), Андрею Павловичу Кириленко. Однажды состоялось и мое личное знакомство с этим грубияном и матерщинником.

Как-то, просматривая зарубежную прессу, я натолкнулся в популярном западногерманском еженедельнике «Штерн» на серию статей о неопознанных летающих объектах — НЛО. В США и СССР результаты конкретных наблюдений за «летающими тарелками» были засекречены. «Авторитетными» учеными, сотрудничавшими с властью, в общественное мнение внедрялся тезис, что все, кто верит в реальное существование НЛО, — полусумасшедшие. Ни в каких официальных выступлениях, научных статьях и документах неопознанные летающие объекты не упоминались. Но с большим успехом в СССР прошел историко-публицистический фильм швейцарского исследователя Эриха фон Деникена «Воспоминания о будущем», а в закрытых, но многочисленных аудиториях читали свои лекции о неопознанных летающих объектах и явлениях профессора Зигель и Ажажа. Мы, молодые журналисты Совинформбюро, в 50-х и 60-х годах не раз встречались с профессором Ажажей и слушали с интересом его гипотезы.

Статьи в журнале «Штерн» второй половины 70-х годов

показались мне весьма достоверными. Я продиктовал стенографистке на русском языке выжимку из них и вместе с журналами понес председателю. Правда, я опасался, что в духе того времени он высмеет меня или, что еще хуже, сочтет психику своего помощника по ПБ не совсем адекватной. Когда я положил свою записку и журналы перед Юрием Владимировичем, он быстро пролистал материалы. Затем внимательно рассмотрел каждую иллюстрацию в журнале. Немного подумав, он вдруг вынул из ящика письменного стола какую-то тоненькую папку. Было известно, что в этом ящике он хранит различные бумаги и журналы, которые содержали «информацию к размышлению». Со словами «Почитай-ка сейчас!» он протянул папку мне.

В папке оказался рапорт на имя председателя КГБ одного из офицеров 3-го управления, то есть военной контрразведки. На приложенном маленьком листочке справки об этом офицере сообщалось о том, что автор рапорта был переведен на работу в КГБ из бомбардировочного полка, где дослужился до должности штурмана эскадрильи. Таким образом, это был человек, знавший астрономию и всякие там профессиональные тонкости вроде курсовых углов, скоростей перемещения летательных аппаратов и прочее.

Он докладывал председателю об одном непонятном явлении, которое наблюдал во время отпуска. Отпуск свой офицер проводил в Астрахани и часто ходил в лодке с друзьями и родственниками в волжских плавнях на рыбалку. Однажды ночью они на большой моторной лодке вышли на широкий простор устья реки. Небо было безоблачным, мерцали звезды.

Далее контрразведчик писал о том, что одна из звезд вдруг стала разгораться все ярче и ярче, словно она стремительно приближалась к земле. И действительно, через несколько секунд эта звезда, но уже в форме ярко светящейся тарелки, вокруг которой был заметен вращающийся нимб, остановилась на высоте, определенной штурманом примерно в пятьсот метров над уровнем моря. Ее диаметр, как он полагал, составлял около пятидесяти метров, то есть размер НЛО был примерно в половину футбольного поля. Все рыбаки от страха попадали на дно своего суденышка, а офицер лежа продолжал одним глазом наблюдать странное явление. Он увидел, как из центра НЛО вышло два ярких луча. Один из лучей встал вертикально к поверхности воды и уперся в нее. Другой луч, словно прожектор, обшаривал пространство вод вокруг лодки. Вдруг он остановился, осветив суденышко. Посветив на него еще несколько секунд, луч погас. Вместе с ним погас и второй, вертикальный луч. После этого «тарелка» стала стремительно подниматься вверх и менее чем за

две секунды вновь превратилась в обычную звездочку на небе.

Мне особенно бросилась в глаза скорость перемещения этого объекта, описанная специалистом своего дела — штурманом. Сначала буквально за две секунды он превратился из маленькой звездочки в крупный летательный аппарат, а затем — столь же стремительный подъем явно за пределы стратосферы.

Андропов, заметив, что я кончил читать это письмо, отвлекся от очередной бумаги, которую просматривал, и спросил:

— Что ты думаешь об этом?

Я сказал, что офицер из 3-го управления, наверное, врать председателю не будет. Тем более что автор письма не испугался сообщить о всех обстоятельствах ночной рыбалки, которые показывают однозначно — компания явно браконьерила. Юрий Владимирович на мгновение задумался.

— Вот что, — решил он. — Я сейчас позвоню Андрею Павловичу Кириленко и изложу ему суть вопроса как председателю Военно-промышленной комиссии. Если он заинтересуется, то тебе придется отвезти ему всю эту подборку вместе с письмом.

Было часов семь летнего вечера. Зная привычку Кириленко отнюдь не засиживаться на работе, Андропов позвонил по «кремлевке» на дачу Андрея Павловича. Кириленко был уже дома. Председателя ВПК информация из уст председателя КГБ очень заинтересовала.

Положив трубку телефона, Юрий Владимирович распорядился:

— Поезжай на дачу Кириленко, отдай все это… Только сними ксерокопии материалов «Штерна» и письма и отправь их начальнику Оперативно-технического управления КГБ для сведения наших ученых и конструкторов в ОТУ…

Через «девятку» я узнал, как ехать на дачу Кириленко, и заказал туда пропуск. Приехав с Дмитровского шоссе к воротам дачи, километрах в трех от нынешней Московской кольцевой дороги, я вспомнил эту местность, известную до войны как «дача Ворошилова». Со времен 30-х годов, когда он был наркомом обороны, членом сталинского политбюро и личным другом вождя, до самой смерти в 1969 году на этой даче жил маршал Ворошилов. Абсолютно бездарный военачальник, вместе со Сталиным фактически проигравший Зимнюю войну 1939–1940 годов против маленькой Финляндии, слабый политик, но хитрый интриган, отличившийся только в постелях балерин Большого театра, Ворошилов и после смерти Сталина оставался членом политбюро и личным другом следующего вождя — Никиты Сергеевича Хрущева, который сделал Климента Ефремовича

Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Это, впрочем, не мешало Ворошилову плести интриги и против Хрущева. Он был бы рад оставаться после снятия Хрущева другом следующего генсека — Брежнева. Но осторожному Леониду Ильичу такой человек, дважды предававший свою холуйскую дружбу — со Сталиным и с Хрущевым, — был совершенно не нужен. Хрущев успел убрать маршала Ворошилова за интриги с поста формального главы Советского государства, коим была практически безвластная должность Председателя Президиума Верховного Совета, оставив в политбюро, и посадил на нее Леонида Ильича Брежнева. Брежнев в 1966 году изгнал Ворошилова и из политбюро, но дачу оставил. После смерти маршала, который побеждал только в боях братоубийственной Гражданской войны, его загородное поместье занял друг Брежнева Андрей Павлович Кириленко. Он входил в клан брежневских днепропетровцев.

Кириленко был большевик нового поколения. По молодости лет он не принимал участия в Октябрьском перевороте в 1917 году. Ему было тогда только одиннадцать лет. Но в принципах подхода к материальному благосостоянию он ничем не отличался от «старых» революционеров. Верхушка большевиков после Октябрьского переворота захватила в свое пользование все самое лучшее из наследства «проклятого царизма». Поселившись во дворцах и поместьях аристократии, на дачах купцов-миллионщиков и промышленников, женясь на дворянках, живя в буржуазном комфорте, коммунисты-ленинцы объявили: «Мир хижинам, война дворцам!» — и бросили в толпу еще один лозунг, который до сих пор вдохновляет российских мародеров, олигархов и их холуев чиновников, — «Грабь награбленное!». Так же поступили и демократы «разлива 91-го года», когда они взяли себе по примеру «старших товарищей» все самые жирные куски из собственности, которой пользовалась высшая советская номенклатура, — дачи, санатории, поликлиники, детские сады и т. п.

В окрестностях дачи на Дмитровском шоссе, которая восемьдесят лет служила «хижиной» членам политбюро Коммунистической партии, друзьям генсеков, на болотистых полях, во время войны нам, как и другим семьям сослуживцев моего отца, отвели участок в две сотки под картошку. Мы тогда старательно перекопали всю землю, посадили, как расписывалось в пособиях таким же огородникам поневоле, как мы, для экономии ценного продукта питания, не целые картофелины, а четвертинки с глазками или даже очистки. Затем ездили по выходным ее окучивать. К нашему удивлению, к концу августа все

выросло, и мы уже чувствовали во рту вкус свежей вареной картошки. В военные времена даже семьи офицеров внешней разведки жили впроголодь.

Урожай, должно быть, судя по количеству оставшейся на делянке картофельной ботвы, был хорош. Но вместо нас чуть раньше его собрал кто-то другой, несмотря на то что огороды эти находились в охраняемой зоне дачи маршала Ворошилова. У нас в семье по этому поводу была выдвинута криминально-романтическая версия. Мы подумали, что, видимо, злоумышленник был настолько голоден сам или голодала его семья, что он без страха пошел за добычей на глазах ворошиловских стрелков. Но в реальности чужой урожай, и не только у нас, снял для себя, пользуясь полной безнаказанностью в военное время, кто-то из охранников маршальской дачи…

И вот спустя три десятилетия снова представилась возможность побывать на территории подмосковного имения бывшего луганского слесаря-большевика и «красного маршала» Ворошилова, познакомиться с ее нынешним жильцом — Андреем Павловичем Кириленко. В своем загородном обиталище он, как и все члены политбюро, жил всей семьей, с чадами и домочадцами, безвыездно летом и зимой. Московские квартиры этих деятелей оставались только местом их прописки. Поэтому, когда писатели и публицисты описывают жизнь Брежнева и Андропова в их квартирах на Кутузовском проспекте в доме номер 26, они ошибаются. На самом деле и Брежнев, и Андропов, и вся остальная верхушка ЦК и правительства круглый год проживала на свежем загородном воздухе, в экологически чистых районах Подмосковья, пила чистую артезианскую воду из индивидуальных скважин, питалась экологически чистыми продуктами, доставляемыми из двух-трех специальных овощеводческих и мясомолочных хозяйств, расположенных в экологически благоприятных районах ближнего Подмосковья. Вожди, оказывается, значительно раньше своих подданных оценили ту пользу, которую приносит человеку экология. И мы видели этих румяных и упитанных человеков, когда они стояли во время парадов и демонстраций на Мавзолее Ленина на Красной площади в Москве и особенно радостно приветствовали с него тех своих товарищей по партии, которые несли в колоннах демонстрантов их портреты.

А что касается продовольствия, которое они потребляли, то экологически чистые продукты шли на дачи и кремлевскую кухню, в три кремлевские «столовые лечебного питания» и спецбуфеты в зданиях Кремля, ЦК и МК КПСС в районе Старой площади, Совета министров и Госплана — в Охотном Ряду. В КГБ

также имелся свой совхоз, в магазинчик которого в укромном дворе подле Лубянки по заказам верхушки чекистов поставлялись молочные продукты и цыплята за наличный расчет.

Пищу для кремлевских небожителей — членов политбюро, секретарей ЦК — привозили на завтрак, обед, полдник и ужин на дом, или на дачу, или к служебному кабинету в особых опломбированных термосах. Ее готовили на особой кухне, расположенной внутри Кремля. За качеством всех блюд здесь тщательно наблюдали санитарно-пищевые врачи. Все исходные продукты пропускали через сложнейшую рентгеновскую и радиометрическую аппаратуру, делали химические анализы. Дегустаторы отвечали не только за вкус еды, но и за то, чтобы в ней не было отравы.

Во время поездок и визитов Брежнева с ним вместе следовали его повара, поварята, тонны кремлевских продуктов и цистерны воды, к которой он привык. Вода при этом составляла очень важный компонент пищи. Всего санитарные врачи и диетологи насчитывают сто различных градаций чистейшей H_2O. Известно, что за английской королевой и другими главами государств возят по миру в серебряных цистернах именно ту спецификацию воды, к которой они привыкли. Также и каждому космонавту доставляли в те времена на орбиту именно ту воду, к которой тот привык. Иначе все системы организма будут работать со сбоями, особенно почки и желудок. А за больным, старческим организмом по имени Брежнев был особенно тщательный и заботливый уход.

Уж если я коснулся здесь бытового обслуживания членов политбюро и «номенклатуры», то сообщу еще несколько деталей, о которых существует превратное мнение у многих читателей.

Во-первых, к вопросу о социальном равенстве в Стране Советов: члены политбюро принадлежали к высшей категории граждан — так называемых охраняемых. На их питание 9-е управление КГБ выдавало по 400 рублей в месяц. На питание секретарей ЦК — по 250 рублей. Если эта сумма превышалась, то «объект», как их называли на своем специфическом языке охранники, должен был доплачивать из своего кармана. Сумма по тем ценам на продукты огромная, да и товар выдавался наилучшего качества и по себестоимости. Думаю, что никому из «объектов» доплачивать не приходилось, хотя вместе с ними питалась вся их семья.

Во-вторых, прочие «номенклатурщики» получали ежемесячно талонную книжку маленького формата, сброшюрованную из тридцати талонов. Каждый из листочков был поделен перфорацией пополам — на «обед» и «ужин». Всего по книжке выдавалось продукции — обедов и ужинов или

продовольственных продуктов на сумму в 140 рублей. Условный день, таким образом, «стоил» около 4 рублей 70 копеек. Обед или ужин соответственно 2,35 рубля. В обычных городских или учрежденческих столовых можно было в те годы неплохо пообедать одному человеку за один рубль, включая компот, или минеральную воду, или пиво. А здесь, в «кремлевских столовых», «навынос» — в судки, за 2,35 рубля отпускали обед из четырех блюд, которого вполне хватало на семью из трех человек. «Старожилы» Грановки вспоминали, что при Сталине, когда для народа были поистине голодные времена, пайки номенклатурщиков были больше. На один талончик «обед» могла хорошо питаться целый день семья из пяти человек.

При великом кормчем коммунизма — Сталине — «номенклатурные» работники получали вдобавок к официальной зарплате ежемесячно в конверте из плотной синей бумаги не облагаемые налогом и не включаемые в суммы, с которых платились партийные взносы, второй оклад, или примерно чуть менее или немного более чем дореформенные пять тысяч рублей. Хрущев в своем демократическом порыве «синие конверты» отменил. Тем самым он вызвал к себе злобу подавляющего большинства партийных и государственных функционеров, фактическая зарплата которых сразу уменьшилась в два раза. Безусловно, недовольство и мстительность номенклатуры негативно отразились на реформаторских попытках Хрущева. Чиновники партии и государства их саботировали. «Бескорыстные» большевики-ленинцы создали на этой основе дополнительный психологический фон для смещения Никиты Хрущева с его поста. Слава богу, хоть не убили!

В 70-х и 80-х годах счастливый обладатель талонной книжки должен был ежемесячно вносить в кассу кремлевских столовых половину ее стоимости, то есть 70 рублей. Другую половину — 70 рублей — доплачивали Управления делами ЦК КПСС, Совета министров СССР.

Обеды и ужины «кремлевки», особенно подаваемые в большом столовом зале старинного дворца, боком выходящего на улицу Грановского, были превосходны. Они состояли из любого количества овощных и иных салатов — по желанию посетителя, набиравшего их собственноручно по типу ресторанного «шведского стола». Первое и второе блюда, десерт заказывались по меню и приносились накрахмаленными с ног до головы миловидными официантками. Все виды лечебных и столовых минеральных вод, разливавшихся в бутылки в водолечебницах СССР, стояли на особом столе, наливались клиентами в неограниченном количестве бесплатно. Качество и количество

блюд было настолько высоким, а исходные продукты — настолько свежими, что ни в каком московском ресторане невозможно было получить подобную еду за многократно более высокую плату.

Многие «номенклатурные» деятели использовали время обедов и ужинов для бесед и обсуждения своих проблем, в том числе и личных, с другими «номенклатурщиками». Делали они это не только за столиками на четыре человека, крытыми белейшими крахмальными скатертями. После сытной еды многие покойно устраивались, словно в английском клубе, на мягких диванах и креслах в фойе, где самые старые из них иногда и не прочь были вздремнуть часок после сытного обеда. Туда, на диваны, можно было взять чашку кофе или чая, со свежайшей выпечкой, отменной на вкус. В общем, в основной «кремлевской» столовой была создана уютная атмосфера аристократического клуба. Я думаю, что она была также и неплохо микрофонизирована 12-м отделом КГБ, как и все помещения, где кучковались «сильные мира сего». Ведь они могли, расслабившись, бросить случайно неосторожное слово по поводу генсека или кого другого.

Вторая столовая «лечебного питания» располагалась в Комсомольском переулке, теперь — Большой Златоустинский, подле Лубянской площади. Третья — в печально знаменитом высокопоставленными жертвами сталинских репрессий Доме на набережной, на берегу Москвы-реки против нынешнего храма Христа Спасителя. В этом доме жила советская номенклатура, а теперь — «новорусская».

Как и все блага для «номенклатуры», три кремлевские столовые составляли три разных уровня продовольственного обслуживания. Первый — Грановка, где кормились и получали продукты питания действующие сановники, — чуть получше двух других. В Комсомольском переулке столовались, как правило, бывшие деятели, вышедшие на пенсию, и так называемые старые большевики, то есть пламенные революционеры, борцы за социальное равенство. Теперь они были поголовно персональные пенсионеры. И те, кто расстреливал, но дожил, и те из них, кого расстреливали, но выжили. Почему-то они очень редко попадались на Грановке. То ли им не рекомендовали туда ходить, чтобы не мозолить глаза новым хозяевам жизни, их бывшим выкормышам. Возможно, они и сами боялись встретить какого-нибудь своего могущественного врага, который еще при чинах и может сделать неприятность, если вспомнит, кто этот занюханный старикашка, попавшийся ему на пути.

В Доме на набережной отоваривались готовыми обедами и продуктами питания, как правило, члены семей

«номенклатурщиков», имеющих талонную книжку — «авоську».

В продуктовых буфетах-отделениях при трех «кремлевских» столовых на те же талоны «обед» и «ужин» номенклатура могла вместо приготовленных поварами блюд обедов и ужинов набирать продукты «сухим пайком» на стоимость этих талонов, то есть на 140 рублей в месяц. Колбасные и иные продовольственные изделия происходили из особых цехов предприятий пищевой промышленности, были высочайшего качества, но стоили столько же, сколько колбаса того же сорта, но изготовленная для народа. Красная и черная икра была всегда в наличии, как и сырокопченые колбасы, рыбные деликатесы, иностранные консервы… Спиртного на эти талоны получить было нельзя. Однако в начальственных спецбуфетах, которые имелись на группу в 15–20 руководителей в каждом крупном ведомстве и райкомах партии, продавались выписанные со специальной торговой базы Министерства торговли СССР дорогие водки, вина, коньяки и прочие бывшие редкими советские и импортные напитки, а также подарочные коробки конфет. Следует добавить, что к 70-м годам «номенклатура» так разрослась, что к прилавкам буфетов «кремлевки» стояли в обеденное время немалые очереди за продуктами. Перед праздниками эти очереди становились огромными и долгими.

Чтобы избежать пустой траты времени особо приближенной к верхам «номенклатуры», на Грановке неофициально был организован прием заказов по телефону. Имеющие на это право деятели просто диктовали в буфет пожелания, а затем присылали за заказом своего водителя. В редких случаях они приезжали сами, чтобы получить хорошо упакованный объемистый сверток с продуктами за несколько талончиков…

Но вернемся на дачу Кириленко. Водитель с машиной остался на площадке возле капитального гаража на несколько автомобилей. Начальник охраны встретил меня у ворот. Он показал на красивую кленовую аллею, метров двести длиной, которая шла к даче. «Только не сходите с дорожки ни вправо, ни влево — в траве стоит сигнальная спецтехника…» — предупредил он. Вокруг шумел тенистый смешанный лес, под которым росли травы, любящие сырость.

«Ну и комарья здесь, наверное, наплодилось…» — подумал я, но на всем пути ни один кровопивец не сел почему-то на меня. Видимо, вся местность была специально обработана химикалиями против комаров.

За поворотом в конце аллеи открылась бревенчатая двухэтажная, с мансардой и башенкой, красивая дача. Но это было не то здание дореволюционной постройки, которое

принадлежало какому-то крупному российскому магнату начала XX века. Тот дворец спалил по неосторожности одной спичкой после войны шаловливый маленький внук маршала Ворошилова. Особо приближенный к диктатору, любимый луганский слесарь, по свидетельству дочери Сталина Светланы, чрезвычайно «любил шик. Его дача под Москвой была едва ли не одной из самых роскошных и обширных… Дома и дачи Ворошилова, Микояна, Молотова были полны ковров, золотого и серебряного кавказского оружия, дорогого фарфора… Вазы из яшмы, резьба по слоновой кости, индийские шелка, персидские ковры, кустарные изделия из Югославии, Чехословакии, Болгарии — что только не украшало собой жилища „ветеранов революции“… Ожил средневековый обычай вассальной дани сеньору. Ворошилову, как старому кавалеристу, дарили лошадей: он не прекращал верховых прогулок у себя на даче, — как и Микоян. Их дачи превратились в богатые поместья с садом, теплицами, конюшнями; конечно, содержали и обрабатывали все это за государственный счет» [5].

После того как трехэтажный загородный дворец Ворошилова сгорел дотла, ему быстро построили такую же большую новую дачу и из государственных фондов обставили ее антиквариатом, собрали и привезли огромную библиотеку художественной и иной литературы, альбомы живописи и графики, картины, гравюры, произведения прикладного искусства. И до того, как загородное поместье занял Ворошилов, и после того, как он «погорел» на своем президентском посту, эту богатейшую виллу занимали последовательно виднейшие бессребреники-большевики, окруженные здесь многочисленной челядью, или «обслугой», как ее высокомерно называли сами «охраняемые объекты» и их жены. Метрах в двухстах за дачей виднелся обширный выкопанный пруд, где Андрей Павлович ловил, по слухам, специально запущенных туда крупных карпов и форель.

В отдалении от главного дома находились многочисленные хозяйственные постройки, плантации ягодников и яблонь, огороды… Весь урожай и другая сельхозпродукция — нельзя исключить, что молочная и свежая мясная убоинка с фермы, жавшейся к дальнему забору, — шли на стол «хозяину» и его семье.

Бревенчатые стены дачи были аккуратно покрыты зеленой масляной краской. Ближе к дорожке стояла огромная застекленная терраса, дверь которой была открыта.

— Сюда, пожалуйста… — сказал человек из прислуги, появившийся в дверях.

Андрей Павлович сидел внутри. Вся мягкая мебель была покрыта по-казенному светло-серыми полотняными чехлами.

Я подошел к глубокому креслу, в котором сидел председатель ВПК. Это был человек маленького роста, седовласый, с упрямым бульдожьим прикусом челюстей и высокомерным выражением лица. Не вставая, он протянул мне для рукопожатия твердую ладошку.

— Бери стул! — скомандовал он резким тоном, как будто заранее был сердит на меня. Может быть, так оно и было. Ведь я оторвал его от любимого дела — вечерней рыбалки. — Садись, показывай, что за… у тебя там!

Я передал ему все материалы. Сначала он прочел рапорт офицера, отложив в сторону написанные мной странички. Затем полистал один из номеров «Штерна».

— Вот это да!.. Интересно! — отреагировал он. — А статьи из журналов поподробней перевести можешь?

Я перевел ему с немецкого материалы из «Штерна». Кириленко слушал внимательно. В разгар чтения прибежали его внуки, он выпроводил их с террасы, но без матерных слов, и снова с интересом слушал о НЛО.

— Можешь мне все это оставить? — спросил он, когда я закончил переводить. Но больше всего он заинтересовался рапортом офицера 3-го управления, обнаружив некоторое знакомство с предметом наблюдений, изложенным в нем.

Кириленко не высказал и тени сомнений по поводу факта появления над плавнями Волги НЛО. Не стал отвергать с порога случаи появления «летающих тарелок», описанные в «Штерне». Он явно не придерживался точки зрения некоторых академиков, в том числе и оборонщиков, которые в средствах массовой информации пытались затемнить суть вопроса и перевести его в якобы случайную игру световых лучей в атмосфере.

— Так это не секретные документы? Я могу их оставить? — переспросил он.

— Юрий Владимирович для этого и послал меня… — ответил я.

— Ну, хорошо. — Из глубины кресла потянулась рука для прощания.

Слегка смеркалось, когда я шел по аллее к гаражу. Опять ни одного комара не село на кожу. «Девятка» хорошо работала и по комарам…

Возвращаясь домой, я вспомнил в машине связанную с НЛО историю, которую прочитал незадолго до этого в книге Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера», изданной в 1972 году в академической серии «Библиотека всемирной литературы». В части третьей книги, в главе «Путешествие в Лапуту…», Свифт дает почти точное описание появления «летающей тарелки»,

конструкции ее главного механизма — огромного магнита, установленного на алмазной оси… Заметим, что впервые книга Джонатана Свифта была издана в Англии в 1726 году. Но автор, например, сообщает в ней, что лапутяне на НЛО открыли рядом с Марсом вращающиеся вокруг него две маленьких луны. Одно это заявление Свифта носит сенсационный характер, поскольку словно предваряет открытие американским ученым Азафом Холлом в 1877 году, то есть спустя 150 лет после «Путешествий Гулливера» двух маленьких спутников Марса — Фобоса и Деймоса!

А вот как классик английской литературы, имевший также отношение к современным ему спецслужбам, описывает появление на его глазах НЛО: «…Я немного прошелся между скалами; небо было совершенно ясно, и солнце так жгло, что я принужден был отвернуться. Вдруг стало темно, но совсем не так, как от облака, когда оно закрывает солнце. Я оглянулся назад и увидел в воздухе большое непрозрачное тело, заслонявшее солнце и двигавшееся по направлению к острову; тело это находилось, как мне казалось, на высоте двух миль и закрывало солнце в течение шести или семи минут; но я не ощущал похолодания воздуха и не заметил, чтобы небо потемнело больше, чем в том случае, если бы я стоял в тени, отбрасываемой горой. По мере приближения ко мне этого тела оно стало мне казаться твердым; основание же его было плоское, гладкое и сверкало, отражая освещенную солнцем поверхность моря… На самой нижней галерее я увидел нескольких человек… Мне сделали знак спуститься со скалы и идти к берегу… С нижней галереи была спущена цепь с прикрепленным к ней сиденьем, на которое я сел, и при помощи блоков был поднят наверх…» [6]

Однако от увлекательной темы НЛО вернемся к человеку, поводом для знакомства с которым и послужили для меня «летающие тарелки». В начале 70-х годов Кириленко входил в руководящую четверку секретариата и политбюро. Это были Брежнев, Подгорный — председатель президиума Верховного Совета, Суслов — фактический второй секретарь ЦК, без которого не решались никакие серьезные вопросы, в том числе и кадровые. Четвертым был А. П. Кириленко, курировавший весь военно-промышленный комплекс СССР. Учитывая, что этот комплекс пожирал не менее половины лучших интеллектуальных ресурсов и около 80 процентов финансовых и материальных фондов страны, секретарь по оборонке был более влиятельным человеком, чем председатель Совета министров СССР. Тем более что предсовмина не вносил, как правило, от своего имени принципиальных народно-хозяйственных вопросов на решение, а

только исполнял проштемпелеванные политбюро постановления секретариата ЦК вместе с Минфином.

В гигантском хозяйстве Кириленко царил типичный советский беспорядок. Как выбрасывались здесь буквально на свалку колоссальные и первоклассные материальные ресурсы, мне рассказывал иногда мой друг, военный строитель. Так, когда строился один из военных объектов, на него было выделено Госпланом, Госстроем и Госснабом — ведомствами, которые распределяли по всей стране финансы и строительные ресурсы, — огромное, заведомо излишнее, количество строго фондируемых в стране материалов — нержавеющей стали, труб, кабелей, цемента высших марок. Они были почти недоступны гражданским строителям. Около трети этих дорогостоящих материалов, как обычно, не бывало использовано. Ведь рассчитывались они проектантами с запросом: а вдруг Госснаб что-то сократит!..

Казалось бы, оставшиеся неиспользованными сотни тонн этого добра следовало бы вернуть на склады. Но военно-промышленное начальство полагало, что если что-то будет показано лишним, то в следующий раз фондируемые материалы получишь впритык. Поэтому и в тот раз было принято соломоново решение: чтобы при сдаче объекта Военно-промышленной комиссии под руководством Кириленко секретарь ЦК не заметил излишков, их просто приказали завалить землей при помощи бульдозеров. Местность вокруг стройки сразу стала холмистой.

Специалисты, принимавшие объект, все-таки что-то заподозрили, но нарушить восторг председателя ВПК и других высокопоставленных ее членов, показав конкретный перерасход и уничтожение ценных материалов, не осмелились.

Или другой пример из того же источника. Когда мой друг работал на строительстве посадочной полосы для первого советского космического челнока «Буран», то приказано было сделать ее идеально ровной. Для этой цели закупили за рубежом особо совершенные бетоноукладчики. Эти машины могли успешно работать только при определенных марках бетона и четко определенных фракциях, то есть размерах, гранитной щебенки. Но с нашей российской расхлябанностью и бесконтрольностью на объект завезены были горы щебенки совершенно другой, более крупной фракции. Когда эту щебенку засыпали в бункеры машин и добавляли самые лучшие марки цемента, дорогостоящие импортные агрегаты выходили из строя или не давали необходимого качества.

Полоса была построена, но ее покрытие оказалось столь отвратительным, что никакой «Буран» не мог сесть на нее со

своей огромной скоростью. Тогда руководители военной стройки придумали, как исправить положение. Со всего Советского Союза были собраны ручные алмазные шлифовальные инструменты. Сотни рабочих под надзором десятков инженеров, днем и ночью при свете прожекторов, вручную шлифовали посадочную полосу, устраняя все мелкие неровности. Вот так выполнялось постановление политбюро ЦК КПСС о запуске в космос советского челнока «Буран». Многие другие решения ЦК и Совета министров претворялись в жизнь с такой же эффективностью, как и названные примеры.

В епархии Кириленко существовали десятки, если не сотни «закрытых городов», не имеющих имени на карте страны. Внутри этих городов и в крупнейших центрах СССР работали научно-исследовательские и проектные институты, названия которым заменяли обозначения «почтовый ящик номер такой-то» или «объект номер…». Это были все оборонные учреждения. В силу секретности и разобщенности многие дублировали друг друга, работали параллельно. Разработчики ракет в Днепропетровске не знали, что делают их коллеги в подмосковных Мытищах, и заново изобретали «космический велосипед». Естественно, что они без ограничений каждый использовали интеллектуальные, финансовые и материальные ресурсы. Вроде бы это создавало полезную для дела конкуренцию. Но ракетные, танковые, электронные и другие плоды их труда лишь незначительно отличались друг от друга.

Однако ни Кириленко, ни Отдел оборонной промышленности ЦК, ни Военно-промышленная комиссия под председательством Кириленко не стремились навести в этой сфере народного хозяйства элементарный порядок и устранить дублирование усилий. Я думаю, все дело было в том, что секретарь ЦК, член политбюро, ВПК и их аппарат подходили к делу формально, по-партийному, то есть бездумно, легковесно, будучи в принципе не специалистами своего дела, а всеядными «партийными» организаторами, облеченными высшей властью над «технарями».

За несколько лет работы в аппарате ЦК у меня сложилась общая картина, как этот механизм работал. Прежде всего, в отличие от Устава КПСС, предусматривавшего коллективное руководство, высший орган правящей партии принимал решения для всей страны, исходя из мнения трех-четырех членов партийного ареопага. Первичная инициатива исходила при этом от одного-двух секретарей ЦК, мнения которых далее не подвергались никаким сомнениям. Важным, но не уставным мотором аппарата был общий отдел, формально остававшийся лишь технической канцелярией Центрального комитета.

Далее к подготовке вопроса и решению его на секретариате подключался весь аппарат ЦК, который, в свою очередь, снова требовал бумаги от заинтересованных ведомств. Бумаги совершали свой оборот, обрастая визами заведующих секторами, заведующих отделами, министров, глав многочисленных ведомств, иногда по многу раз будучи переработанными. При этом партийные функционеры, не знавшие ничего, кроме словоблудия, пытались руководить крупными специалистами, часто навязывая им свою малограмотную, но идеологизированную точку зрения.

Затем «готовый», то есть приглаженный и беззубый, чтобы никого не обидеть или, не дай бог, выйти за рамки предполагаемого понимания этого вопроса высшим начальством документ передавался помощникам Брежнева, Суслова или Кириленко для определения реакции их шефов на возможное решение.

После этого проект решения и пояснения к нему ставились на секретариате. Там при обсуждении господствовала точка зрения тех же Суслова, Кириленко, а позже, в его бытность секретарем ЦК, Дмитрия Федоровича Устинова. Остальные секретари ЦК, как правило, «не возникали».

Политбюро оставалось чисто формальным органом, через который проводились уже принятые двумя-тремя деятелями решения. Как правило, на заседаниях ПБ партийные руководители только поддакивали докладчику. Лишь иногда вспыхивали стихийные недовольства какими-то мелкими аспектами обсуждаемого вопроса. Но Брежнев и Суслов, часто ведший заседание ПБ, этого не приветствовали. Особенно пустыми и формализованными сделались заседания политбюро в последние пять лет жизни Брежнева, когда его разум стали застилать разного рода недуги. Довольно живая дискуссия, которая, как я знаю, велась на заседаниях ПБ до 1976 года, превратилась в пятнадцатиминутные формализованные встречи членов политбюро за длинным столом, где за это короткое время сначала заботливо интересовались, как самочувствие генсека, говорили ему комплименты о том, как он хорошо выглядит, а затем, практически без обсуждения, только произнося вслух название вопроса из повестки дня, раз двенадцать — пятнадцать поднимали руки для голосования.

Такой стиль работы вызвал к жизни особый тип партийного работника в аппарате КПСС. Я узнал за три года учебы в АОН очень много аспирантов и молодых партийных функционеров с мест. Большинство из них было яркими, умными, энергичными личностями. Но как только они попадали на работу в аппарат ЦК

КПСС — их индивидуальности растворялись в сером болоте. «Инициатива наказуема!» — так звучал главный принцип работников высшего звена партии в эпоху застоя. Примеру аппаратчиков наверху с удовольствием следовали и функционеры более низких местных ступеней партийных комитетов. Эта нарочитая серость и конформизм особенно бросались в глаза, когда аппаратчики собирались где-нибудь в большом числе. Это были буфеты и столовая ЦК, кинозалы в дачных поселках Управления делами ЦК КПСС, скопища у многочисленных подъездов зданий ЦК на Старой площади, в Ипатьевском и Никитниковском переулках, когда они к девяти утра шли на работу, а ровно в шесть вечера возвращались домой.

Одетые в одинаковые серые костюмы, пошитые в одном и том же спецателье, из одних и тех же сортов тканей, чуть отличающихся оттенками серого цвета, в одинаковых белых рубашках, темных галстуках и черных ботинках, все эти разные, в сущности, люди превращались, в том числе и духовно, в серый монолит, который стоял на пути любых изменений в стране. Этот монолит и его верхушка отсутствием решений или осторожным поворотом к сталинизму, когда весь мир изменялся, тянул всю страну вниз, к политической и экономической катастрофе.

Только немногие осмеливались возвышаться над этой толпой прислужников у трона. Среди таких не могу не назвать Аркадия Ивановича Вольского — заведующего отделом тяжелой промышленности, которого Андропов сделал своим помощником, как только стал генеральным секретарем. Или ту же Марию Васильевну Соколову, заведующую первым сектором. Были и другие личности в аппарате, которые не скрывали своей яркости и индивидуальности. Но таким приходилось плохо. Аппарат старался их либо прогнуть, либо отторгнуть совсем.

А как Андропов относился к аппарату? Он пришел на Старую площадь в самом конце 50-х годов, будучи назначен заведующим отделом по связям с социалистическими странами. В 1961 году он стал членом ЦК КПСС, минуя переходную ступень — кандидата в члены. В бурные времена хрущевского волюнтаризма аппарат «кипел» вместе со своим первым секретарем — Хрущевым. «Интеллектуально бурлил» и отдел соцстран, которым руководил Юрий Владимирович. На этой волне Андропов создал в своем отделе группу консультантов, куда вошли незаурядные люди — Арбатов, Бурлацкий, Богомолов, Бовин, Герасимов и др. Юрий Владимирович позволял им в стенах отдела высказываться откровенно и творчески. Его опыт участия в подавлении революции в Венгрии в 1956 году и наметившееся явное сближение социалистических стран в начале 60-х годов, умение

лавировать среди капризных ставленников Кремля в Восточной Европе сделали Юрия Владимировича незаменимым сотрудником для Никиты Хрущева. Несмотря на явную нелюбовь первого секретаря к Андропову, Хрущев вынужден был его держать в членах ЦК и заведующих отделами.

В заговоре Шелепина и его пособников против Хрущева в октябре 1964 года Юрий Владимирович участия не принимал. В соответствии с канонами аппарата он вел себя пассивно, влиянием на аппарат в центре или на местные партийные органы не располагал. Заговорщикам он просто не был нужен. Но Брежнева он принял сразу и встал на его сторону в последовавшем затем противостоянии с открытыми и скрытыми противниками слабого, по их мнению, генсека.

Активные шелепинцы и их более умеренные союзники в аппарате, готовя смещение Хрущева, выбрали «промежуточную» фигуру — Брежнева. Они считали Леонида Ильича простоватым и недалеким временным руководителем ЦК, которого можно будет скоро отодвинуть в сторону. Полагали, что он не засидится в кресле генсека и легко уступит его Шелепину. Но Брежнев обладал хитростью, знанием психологии партийного аппарата и звериным инстинктом, мгновенно различавшим врагов.

В начале своей деятельности во главе партии Брежнев пытался делать что-то полезное для страны, но не мог преодолеть инерцию аппаратчиков. В его характере были не только хорошо прикрытое властолюбие, любовь к роскошной и спокойной жизни, которую дает власть. Его врожденное добродушие, перешедшее к старости в слезливую сентиментальность, вызывало у него желание того, чтобы приближенным к нему людям тоже было хорошо и спокойно. Но его клевреты постоянно портили ему настроение, донося, откуда можно ждать подлинной или мнимой опасности. Брежнев выслушивал всех доброхотов, но решения принимал сам. Генсек хорошо разбирался в людях и умел отбирать среди них тех, кто мог ему верно служить.

В первые годы после смещения Хрущева в аппарате внешне сохранялся дух неуемности, показного кипения, отдававший хрущевским волюнтаризмом и шапкозакидательством. Но постепенно паровоз серии ЦК стал все больше пробуксовывать на месте. Пара в котлах становилось все меньше, и он почти весь уходил в пропагандистский свисток. Проблемы экономики, вытекавшие из нищеты коммунистической идеологии, все явственнее давали о себе знать.

Когда начиналась эпоха застоя — во второй половине 60-х годов, — Юрий Владимирович пересел из полуспартанского кабинета заведующего отделом социалистических стран ЦК на

Старой площади в роскошные апартаменты председателя КГБ на третьем этаже бывшего страхового общества «Россия». Вид из окон этого кабинета на страну и мир был значительно шире и интереснее, чем узкий профессиональный взгляд на Восточную Европу и Юго-Восточную Азию.

Тот факт, что Андропов ушел из аппарата ЦК до начала его окончательного заболачивания, сохранил ему, очевидно, ясность мысли и понимание реалий нашей жизни. Размышляя теперь о его жизненном пути, полагаю, что все недостатки и слабости аппарата на Старой площади, интриги в верхушке партии были ему очень хорошо известны. Юрий Владимирович их умело использовал. Иначе он не удержался бы на скользком паркете лубянского кабинета на целых пятнадцать лет. Ему помогло, конечно, и то, что он был сдержанным и в высшей степени скрытным человеком по своему характеру и жизненному опыту. Я думаю, что эти качества, в сочетании с мудростью и жесткостью, сделали его выдающимся политиком своего времени.

Как-то раз в минуту откровенности он спросил меня: «Ты знаешь, какая была любимая поговорка товарища Сталина?» Естественно, я не знал. Тогда он сообщил ее: «Если не можешь свалить врага — не царапайся…» Пожалуй, эта мысль многое определяла в его стратегии политического выживания и выбора момента похода за властью.

Андропов на фоне застоя

Об Андропове написано много книг, сотни журнальных и газетных статей. Большинство авторов расценивают его пятнадцатилетнюю работу во главе КГБ как продуманную и долговременную стратегию на выживание среди кремлевских интриганов, а также как его заговорщицкие действия на пути к власти. Исходя из того, что за пятнадцать месяцев пребывания его на самой вершине Системы он не успел решить самые острые политические и экономические проблемы СССР, исследователи утверждают, что у него за душой не было никаких собственных взглядов на дальнейшее развитие страны, кроме как укрепление палочной дисциплины и усиление контроля трудящихся снизу вверх, а карательных органов — в верхних слоях советского общества. Другие публицисты считают, что именно Андропов успешно развивал социалистическое государство. На самом деле и до Андропова, и в бытность его рядом с вершиной, а затем — краткое время — и на самой вершине власти, как при предшественниках, так и при наследниках — Черненко и Горбачеве, Советский Союз являлся классическим полицейским государством с загнивающей сверху тоталитарной Системой. Эта Система шла все быстрее и быстрее к саморазрушению. Ее не могли бы спасти ни заклинания Хрущева о возврате к «лениньизьму» и движении к «коммуньизьму», который он ожидал к 1980 году, ни речи Брежнева о сохранении «стабильности». Андропов был также взращен этой Системой, стал ее плотью и кровью, но, как талантливый человек, в своей внутренней умственной лаборатории, зная о катастрофическом положении внутри страны и брожении в «лагере социализма», все-таки планировал свои корректировки курса к «настоящему» социализму. Однако болезни не оставили ему времени на претворение в жизнь задуманного. Он слишком поздно пришел к власти и слишком кратко пробыл на ее вершине. Юрий Владимирович, будучи весьма скрытным и осторожным человеком, хорошо понимал, с какими серыми и консервативными старцами в политбюро он имеет дело. Поэтому он отнюдь не прокламировал широко те идеи, которые вынашивал и продумывал. Располагая всей полнотой информации о своих соперниках, в том числе и прослушанной его людьми в 12-м отделе, собранной пронырливой агентурой КГБ в высших слоях общества и среди «обслуги» сильных мира сего, он мог продумывать свои ходы не менее чем на шаг вперед по сравнению с соперниками в борьбе за власть.

Очень сильным оружием в интригах во все времена и у всех народов было подслушивание разговоров и контроль переписки, так называемые «черные кабинеты». Как сообщает история, сбор компромата на первых и вторых лиц государства не является советским или чисто сталинско-бериевским изобретением. Даже в наши времена в странах устоявшейся европейской демократии спецслужбы подслушивают и подглядывают за своими премьерами и президентами. Весьма характерный скандал выплеснулся в 2002 году на страницы влиятельной французской газеты «Монд».

Как полагает «Монд», шеф подведомственной министерству обороны Франции генеральной дирекции внешней безопасности Жан-Клод Куссеран и шеф контрразведки Жан-Жак Паскаль занимались сбором сведений о «финансовых интересах президента (Франции, разумеется) в Ливане и Японии с целью скомпрометировать Жака Ширака». Внешняя разведка Франции также участвовала в сборе компромата на главу своего государства, сосредоточив внимание на японском финансисте Соиси Осаде. Французские шпионы подготовили два доклада о банкире, поддерживающем хорошие личные отношения с французским президентом. Один доклад живописал сомнительную репутацию Осады, а второй — детали краха его банка.

Идеология подслушивания в советские времена, разумеется, была основана на борьбе за власть в первую очередь. Лишь на втором месте стояли политические и идейные грехи. Лишь в-третьих компроматом считались коррупционные или аморальные связи государственных деятелей Советского Союза. Коммерческие интересы, полулегальное владение частной собственностью или тяга к ней приравнивались к уголовщине.

Формально, по закону, подслушивание и подглядывание в чужую переписку в СССР, как и во многих цивилизованных странах, могло осуществляться только с санкции прокурора. Председатель КГБ Андропов от всех своих сотрудников постоянно требовал безусловного исполнения законов.

Для подозреваемых в уголовных и диссидентских или заговорщицких деяниях лиц санкцию спецпрокурора было получить легко. Однако подслушивать верхушку общества?! Здесь вступали в силу подлые законы борьбы за власть и влияние, одинаково действовавшие как при капитализме, так и при социализме. В СССР, с его тоталитарным наследием, как и теперь в России, подслушивали всех, в ком видели потенциального заговорщика, соперника, политического врага. Впрочем, подслушивали и союзников. Номенклатуру, высоких чинов МВД,

Министерства обороны, собственных генералов и полковников в КГБ. Подслушивали даже членов политбюро и секретарей ЦК, сотрудников аппарата ЦК КПСС, которых по партийным законам подслушивать не разрешалось. Думаю, что тотальное подслушивание касалось обслуживающего персонала генерального секретаря Брежнева, членов его семьи, что продемонстрировала коррупционная история его дочери Галины. Не удивлюсь, если кто-то сообщит о том, что подслушивали и самого Брежнева, как подслушивали великого вождя Сталина.

Подавляющее число «объектов» обслуживалось 12-м отделом только периодически, поскольку технических возможностей и наличного персонала никак не могло хватать. При этом те, кто слушал, были несчастные люди. Мало того, они выступали в роли изощренных тюремных надзирателей, что нормальным людям всегда бывает противно. Как сообщалось в 1991 году в московских СМИ, в этом отделе работали в большинстве женщины. Они сами находились в положении полузаключенных. Они были связаны не только суровой воинской дисциплиной, но и различными подписками «о неразглашении», строгом соблюдении грифов «совершенно секретно» и «особой важности», которые ставились на все плоды их работы. Более того, им категорически был запрещен выезд не только в капиталистические страны или в социалистические государства на период их службы в отделе, но и на все времена. Даже в отпуск они могли ездить только в особые закрытые санатории и дома отдыха КГБ. В первую очередь страдала, конечно, семейная жизнь, хотя по тогдашним советским меркам их заработная плата и материальное обеспечение было чуточку выше, чем у прочих офицеров спецслужб. Горбачевская перестройка с ее продовольственным и товарным кризисом быстро «съела» эти грошовые преимущества.

Однажды я воочию столкнулся с семейной драмой, вызванной режимом особой секретности в 12-м отделе. Когда я работал на Лубянке вблизи Юрия Владимировича, ко мне с необычной просьбой обратился друг моей юности и журналистской молодости Юра А. Он стал к тому времени в агентстве печати «Новости» заместителем главного редактора главной редакции Латинской Америки. Он блестяще знал испанский и португальский языки, владел английским и французским. Как и всякий журналист АПН, он долгие годы ждал направления в длительную служебную командировку в какое-либо представительство АПН в своем регионе. Но его все не посылали и не посылали. Коллеги Юрия по редакции съездили в длительные командировки уже не по одному разу. Наконец предложили и ему. В управлении кадров АПН выдали

многостраничные анкеты для заполнения им и его женой. Когда обрадованный друг принес их кадровикам, продвижение дела вдруг застопорилось. Как чуть позже узнал у своего приятеля в управлении кадров Юрий, его командировку хотели отменить, хотя рекомендовал его за рубеж заместитель председателя правления АПН, крупный работник КГБ «под крышей» агентства Александр Иванович Алексеев. «Папа Алехандро» был резидентом КГБ на Кубе. Это его Фидель Кастро просил Хрущева назначить в Гавану еще и послом СССР. Алексеев был весьма влиятелен в кагэбэшных кругах, но даже он не мог помочь своему протеже поехать руководителем советского учреждения в одну из столиц Латинской Америки. Тогда Александр Иванович рекомендовал Юрию обратиться ко мне.

Мой друг рассказал, что причиной возможного отказа стало то обстоятельство, что его жена за пять лет до этого работала в 12-м отделе. Она знала порядки сохранения секретов и специально вышла заблаговременно в отставку, чтобы не мешать журналистской карьере мужа. Но даже тот формальный срок, после которого секретные «отказники» в СССР могли получать разрешение на выезд за границу, в данном случае не спасал положения. Юра просил меня переговорить с тогдашним начальником его жены, Ю. С. Плехановым, чтобы КГБ не препятствовал его поездке в Латинскую Америку хотя бы без жены, бобылем. Плеханов был нормальный, умный человек. Он согласился помочь талантливому журналисту-страноведу. Его люди дали соответствующий сигнал в управление кадров АПН.

В обстановке тотального наушничества и подглядывания друг за другом на верхушке коммунистического тоталитарного государства Андропов четко представлял себе, что для него либеральный подход к явлениям жизни советского общества или самые неопределенные высказывания на эту тему были особенно опасны. Кремлевские карлики видели в нем и так очень крупного потенциального конкурента. Они внимательно следили не только за ним, но и друг за другом, как говорится, «держали за рукав», не давая никому «высовываться». А Юрий Владимирович не только внутренней культурой, умом, деловитостью и работоспособностью, но даже и высоким ростом отличался от них. Поэтому на людях он старался как-то сгорбиться, стушеваться в толпе «выдающихся деятелей партии и государства», которых природа обделила ростом и способностями, кроме талантов в интригах. Он никогда также не лез на передний план в групповых протокольных мероприятиях и на фотографиях соратников «на память». Со временем это стремление внешне казаться меньше, чем он был на самом деле,

стало чертой его характера.

Кстати, знаток аппаратных душ М. А. Суслов со сталинских времен, имея еще более длинную и тощую фигуру, чем была у Юрия Владимировича, всегда давал тассовским ретушерам официальных коллективных фотографий руководства указание «снижать» его рост так, чтобы его голова не слишком возвышалась над головами соответственно Сталина, Хрущева и Брежнева…

Атмосфера застоя и сглаживания всех острых углов развития советского общества и народного хозяйства, социальной сферы, милитаризация страны, которые культивировались Брежневым и его «днепропетровской» группировкой, воздействовали и на Андропова. Тот факт, что он был хотя и членом политбюро, но занимал специфический пост председателя Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР, не давал ему прямой возможности вносить на секретариат и политбюро проекты, коренным образом меняющие основы основ заскорузлой Системы. Такие проекты, даже самого осторожного характера, были ему «не по чину» и немедленно вызвали бы отторжение и беспокойство кремлевских «бояр», боящихся любых свежих веяний. Это было бы воспринято ими как недопустимое вмешательство в их прерогативы и оценено как открытый подкоп под их положение. В известном смысле политбюро при Брежневе весьма напоминало Боярскую думу допетровских времен, в которой царило местничество, то есть жестокая борьба за то, кто из бояр главнее и сядет ближе к царю. Господствовало также внешнее абсолютное раболепие перед троном, полное согласие с царским словом, хотя в душах иных и кипели страсти, подстрекающие к заговорам.

Теперь я очень сожалею, что много лет жизни и работы под гнетом «особой папки» и грифа «совершенно секретно» не позволили мне вести хоть какой-нибудь дневник или делать записки, в которых можно было систематизировать сущность взглядов Юрия Владимировича на общество, политику и экономику. Я могу только вспомнить наиболее яркие, по моему мнению, вопросы, которые готовились к заседаниям политбюро, и дискуссии по ним с Андроповым. Такие споры велись мною с Юрием Владимировичем начиная с первых дней нашего знакомства в 1970 году и фактически закончились, когда я перешел на другую работу — весной 1979 года, хотя отдельные встречи с ним и короткие беседы продолжались до 1981 года, когда тяжелые болезни почти лишили его физических сил и возможности встречаться с людьми, бывшими за рамками его тесного служебного окружения.

Пожалуй, самым назревшим в 70-х годах вопросом была реформа экономической системы. Объективно решение этих проблем было в то же время и самым трудным, ибо военно-промышленный комплекс, включая армию, пожирал 70–80 процентов всех ресурсов страны и ни в чем не получал отказа. Тревожное состояние организации конкретного хозяйствования требовало новых подходов, в том числе и политических.

Весьма известной из всех предложенных в сфере экономики куцых реформ была идея ограниченного хозрасчета, выдвинутая председателем Совета министров Алексеем Николаевичем Косыгиным. Она получила поддержку в самых широких кругах общественности. Ее основу составляли экономия расходов, то есть прекращение выбрасывания на ветер финансовых и материальных ресурсов, денежное стимулирование результатов труда лучших работников. Реформа Косыгина обещала установление некоторой независимости субъектов хозяйствования от директивных органов, в том числе и партийных.

Алексей Николаевич Косыгин был одной из самых легендарных фигур советской истории. Ленинградец и выпускник Ленинградского текстильного института, он обладал ярким организаторским талантом и благодаря ему был замечен Сталиным. В возрасте тридцати пяти лет, в 1939 году, он был назначен народным комиссаром текстильной промышленности, по-современному — министром. Еще через год Косыгин стал заместителем председателя Совета народных комиссаров. С тех пор его заслуженная карьера развивалась по спирали только вверх. На нем даже не отразилось так называемое «ленинградское дело», которое затеял Сталин в конце 40-х годов, уже после Второй мировой войны, чтобы осуществить среди своих соратников древний принцип «разделяй и властвуй».

По своим талантам и даже несколько мрачноватым, скрытным и молчаливым характерам, личной порядочностью и честностью Косыгин и Андропов были весьма похожи. Оба были своего рода белыми воронами в политбюро. Косыгин был на десять лет старше Андропова и весьма опытным политиком. Его авторитет в государстве и партии был, пожалуй, даже выше, чем у генерального секретаря. Поэтому Брежнев с большой опаской относился к председателю Совета министров, беспочвенно подозревая его в умыслах на главный трон в Кремле. Андропов, учитывая ревность Брежнева и Суслова к Косыгину, был вынужден дистанцироваться от Косыгина и его идей экономической реформы. Кроме того, он сознавал ее ограниченность и возможные «теневые» последствия. В феврале 1974 года в

Югославии была принята новая конституция, которая провозглашала строительство социализма на основах самоуправления. Юрий Владимирович опасался, что после конца в Чехословакии 1968 года под гусеницами советских танков «социализма с человеческим лицом» социалистическое «рабочее самоуправление» в Югославии станет идейной основой для дальнейшего развития реформ Косыгина.

Тем не менее Андропов задумывался о том, как поднять и реанимировать передовую роль рабочего класса в полуразложившемся советском обществе. Обсуждать эту тему публично или хотя бы келейно с Брежневым и членами политбюро он не мог. Ее острота сразу возбудила бы у кремлевских старцев такую аллергию на Юрия Владимировича, какой у них не бывало ни на Дубчека, ни на Тито. Однако у Андропова были по поводу передовых рабочих свои соображения, которые он начал претворять в жизнь, как только получил власть. В числе его первых шагов был призыв к рабочему классу взять на себя некоторые функции контроля в экономике страны. Его наследники замотали эту идею, поскольку она ограничивала или заменяла руководящую и надзирающую роль правящей партии.

Некоторые критики Андропова заявляют о том, что он не был специалистом в экономике, не имел практики руководства экономическими структурами или отраслями народного хозяйства. Конечно, диссертаций на экономические темы Андропов не защищал и «Капитал» Маркса на каждом собрании не расхваливал, как это делали многие советские коммунисты-теоретики, не прочитавшие за всю свою ученую жизнь больше двух глав из главной книги основоположника. В отличие от многих своих оппонентов Юрий Владимирович очень неплохо знал труды Маркса и Ленина, хотя и не составлял такой картотеки цитат из них, какую собрал М. А. Суслов.

Что касается практики, как критерия истины, то Юрий Владимирович соприкасался с экономикой, будучи первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ и вторым секретарем ЦК Компартии Карелии, где особенно сильно развита лесопромышленная отрасль народного хозяйства. Андропов постигал и критически оценивал различные модели социализма в годы своей работы в качестве заведующего отделом соцстран ЦК КПСС, а затем секретарем ЦК. Наконец, будучи председателем КГБ, получавшим разнообразную информацию из всех уголков Советского Союза, он, как никто другой в стране, знал реальное положение в экономике и пытался корректировать его в лучшую сторону. О глубоком понимании Андроповым не только экономической теории, но и практики функционирования

народного хозяйства говорит тот малоизвестный факт, что он серьезно размышлял о ведущей роли банков в современном народном хозяйстве. Юрий Владимирович вынашивал определенные планы по отношению к ним. Несколько раз, готовясь к заседаниям политбюро, Юрий Владимирович обсуждал со мной идеи преобразования банковской системы СССР и превращения ее в главный, по сути дела, инструмент экономики. Он приходил к выводу, что промышленностью должны управлять не отделы ЦК КПСС, параллельные им отделы в Совмине и Госплане, а отраслевые банки. Каждая отрасль промышленности, по его мысли, должна была иметь свой головной банк, типа Промстройбанка или Сельхозбанка.

Юрий Владимирович полагал, что его план идет дальше реформы Косыгина, выводит предприятия из-под мелочной опеки райкомов, обкомов и отделов ЦК, может способствовать расцвету социалистической промышленности, сельского хозяйства и социального обеспечения. Вместе с тем Андропов думал о том, что подобные преобразования нужно тщательно готовить, проводить в жизнь осторожно, накапливая опыт сначала в некоторых отраслях промышленности, а затем перенося его на все народное хозяйство. Но он понимал также, что подобная реформа отнюдь не стыкуется с «руководящей ролью КПСС», о которой сам говорил в каждом докладе и выступлении.

Никаких записок Брежневу по этой проблеме Андропов не готовил, хотя для преамбулы и обоснования такого документа КГБ располагал более чем обширными критическими материалами по поводу бесхозяйственности, коррупции, обмана, приписок и массового движения так называемых несунов во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства. Таких людей, разворовывавших по мелочи государство, было бы точнее и правильнее назвать воришками и ворами. Но партийное лицемерие тех времен не осмеливалось называть вещи своими именами. Ведь социализм в основном был уже построен. А заклеймить широкие массы рабочих, колхозников и трудовой интеллигенции криминальной печатью пошлого воровства голос вождей и Агитпропа не поднимался.

Я не знаю, обсуждал ли Андропов свою идею о банках с Брежневым, стараясь посадить ему этого «жука в ухо», а затем поддерживать и рекламировать, словно это было гениальным изобретением самого Леонида Ильича. Так обычно старались действовать лишенные честолюбия реформаторы в России. Андропов знал этот прием чиновников разных уровней и в каких-то своих планах использовал его. Может быть, в случае с Брежневым столь глубокая и долгодействующая реформа не

могла быть воспринята прямолинейным и несколько примитивным мышлением нашего генсека. Она потребовала бы от него умственных усилий, которыми он не любил обременять себя.

Может быть, Юрий Владимирович понял, что его предложения способны напугать Брежнева и всех других старцев в политбюро, которых смущала даже не столь далеко идущая реформа Косыгина. Во всяком случае, после 1976 года я его соображений на эту тему уже не слышал. Думаю, что он оставил свою идею, как, наверное, и некоторые другие, до той поры, покуда власть не упадет в его руки.

В памяти остались и другие актуальные проблемы, обсуждавшиеся с Андроповым в процессе его подготовки к заседаниям ПБ и по некоторым отдельным поводам. Иногда, возвратясь с заседания политбюро и передавая мне «отработанные» документы ЦК и мои комментарии к ним, Юрий Владимирович делился со мной ходом обсуждения некоторых вопросов и принятыми решениями.

Так, однажды на заседании ПБ был поставлен вопрос о путях доставки сибирской нефти в Японию. В начале 70-х годов в правительстве и ЦК царила эйфория в связи с резким увеличением добычи нефти на Самотлоре и в других перспективных районах Севера и Сибири. Нефтедоллары текли рекой в Советский Союз, поддерживали одряхлевшую промышленность и транспорт страны, создавали не только ощущение богатства, но и сытости, поскольку резко увеличился импорт кормового и пищевого зерна. Министерство нефтегазовой промышленности искало все новые рынки сбыта нефти и обратило внимание на Японию как на потенциального богатого покупателя.

Однако емкостей советского и мирового танкерного флота было явно недостаточно, чтобы доставлять практически вокруг всего земного шара нефть в Японию. Тогда Совет министров СССР, Госплан и Министерство нефтегазовой промышленности через секретариат ЦК КПСС вынесли на обсуждение политбюро предложение о строительстве мощного нефтепровода от районов добычи нефти на севере Сибири до портов Находка или Владивосток, откуда танкерами можно будет гнать нефть в Японию по кратчайшему пути. Это была альтернатива доставке нефти по Транссибирской магистрали цистернами.

Надо сказать, что большую активность на всех заседаниях политбюро проявлял министр обороны маршал Гречко, а затем — после его смерти — Дмитрий Федорович Устинов. Аппарат министра обороны и генштаб давали свои комментарии и

вносили поправки практически ко всем вопросам повестки дня всех заседаний ПБ. Фактически в каждом из них проявлялся интерес МО и генштаба к укреплению обороноспособности страны. Активность военных часто превращалась при этом в безудержную милитаризацию жизни Советского Союза. Кремлевские старцы боялись возражать напористым министрам обороны Гречко и Устинову, видя за их спиной мощную армию с ее единоначалием. Брежнев также перманентно поддерживал все предложения военных.

Вот и теперь по отношению к строительству нефтепровода через всю Сибирь и Дальний Восток, как рассказал Юрий Владимирович, возобладала точка зрения министра обороны. При обсуждении этой проблемы Гречко указал прежде всего, что везти нефть железнодорожными цистернами по Транссибирской магистрали вполне возможно, но это при большом грузопотоке способно блокировать железную дорогу. Строительство нефтепровода, которое потребовало бы гигантских затрат, также не устроило Андрея Антоновича Гречко. В предложении Министерства обороны он использовал печальное обстоятельство, а именно то, что обстановка на советско-китайской границе в ту пору оставалась нестабильной.

«По нефтепроводу солдат в горячую точку не доставишь!» — заявил он и предложил вместо нефтепровода, по сути дела, за те же деньги построить вторую Транссибирскую магистраль, проходящую на достаточном удалении от советско-китайской границы. По этой новой стратегической железной дороге можно было бы пустить не только эшелоны сибирской нефти в цистернах и другие грузы по кратчайшему пути до Амура, но и в случае нужды доставлять военную технику и солдат до самого Тихого океана. Строительство Байкало-Амурской магистрали, как окрестили этот проект, позволяло ввести в хозяйственный оборот огромные богатства в малообжитых районах Сибири, создать вдоль БАМа и его ответвлений горнодобывающую, промышленную и жилую инфраструктуры.

Скрытых сталинистов в политбюро пленил и тот обнародованный Гречко факт, что накануне Великой Отечественной войны не только существовали подобные планы, но и кое-где было даже начато строительство магистрали силами заключенных. Поскольку к середине 70-х годов набрать в Советском Союзе необходимое для «Великой стройки коммунизма» количество зэков уже не было возможно без возврата к 37-му году, решили объявить проект БАМа Всесоюзной комсомольской стройкой.

Аналогичные замечания были сделаны министром обороны и

в процессе обсуждения на политбюро вопроса о том, как доставлять из горно-обогатительного комбината под Новым Осколом на Курской магнитной аномалии железнорудные окатыши в качестве сырья на Катовицкий металлургический комбинат в Польше, специально построенный Советским Союзом под это сырье и силезские угли. В записке Совмина на политбюро предлагалось возить окатыши по железной дороге до советско-польской границы, а на границе построить перегрузочную товарную станцию с широкой советской на узкую польскую железнодорожную колею.

Стратегические соображения Минобороны и генштаба возобладали и тут. Хотя строительство новой железной дороги с широкой колеей от советской границы в глубь Польши и требовало многократно увеличенных расходов, ПБ приняло решение строить такую дорогу за советский счет. Гречко убедил членов политбюро в том, что кроме железорудных окатышей в Польскую Народную Республику будет удобней, чем через Брест, где приходилось менять вагонные тележки на более узкие, доставлять танки, БМП и другую тяжелую военную технику для Европейского театра войны.

В то же время Министерство обороны крайне неудачно вторглось в решение вопроса о том, какие тракторы необходимы сельскому хозяйству СССР. В 70-х годах, как было решено еще при Никите Хрущеве, промышленность поставляла в деревню главным образом тяжелые тракторы типа «Кировец». А работники сельского хозяйства, небольших совхозов и агропромышленных предприятий требовали строительства малых универсальных гусеничных и колесных машин. Тяжелые тракторы «Кировец», говорили они, и их поддерживали публицисты в средствах массовой информации, сильно давят на пахотные земли, уплотняют их и вместо пользы наносят большой вред. Поэтому Министерство сельского хозяйства и сельскохозяйственная общественность обращались в ЦК с просьбой перевести многие тракторные заводы на производство малых и средних тракторов.

Подобное переналаживание производств тяжелой военной техники не устраивало Министерство обороны. Они опасались, что тракторные заводы, построенные в основном во время войны, которые выпускали и в дни мира огромное количество танков и сравнительно небольшое число тяжелых тракторов, в случае переоборудования не смогут быстро вернуться в кризисной ситуации к производству бронетехники. Между тем танковые войска еще со сталинских времен считались главным орудием стратегического прорыва и быстрого выхода моторизованных частей Советской армии к Ла-Маншу в случае войны с НАТО.

Милитаризация советской промышленности победила, хотя военная противотанковая техника и стратегическая мысль ушли далеко вперед и танки были признаны «одноразовым оружием» в современной ракетно-орудийно-минно-воздушной войне.

Политбюро приняло решение сохранить все как есть, но надевать на тяжелые тракторы очень широкие шины, чтобы хоть как-то уменьшить их давление на почву. А средних и малых тракторов как недоставало сельскому хозяйству, так и не стало больше — один Минский тракторный завод со своими великолепными тракторами «Беларусь», которые покупали даже в Канаде, не мог один насытить село техникой.

К этому вопросу примыкает и другой, тоже «тракторный». В то время в лицемерно-пропагандистских потугах увеличить производство потребительских товаров советской промышленностью и ответить таким образом на вызов легкой промышленности Запада из центральных партийных органов спускали на места разнарядки всем промышленным предприятиям — машиностроительным, авиационным, автомобильным и т. п. — указания производить определенное количество простейших хозяйственных товаров — лопат, граблей, кастрюль, сковородок и другой металлической посуды, детских игрушек…

В том, что это был чисто формальный подход серых чиновников из аппарата ЦК к делу повышения благосостояния народа, меня убедил один случай. В кулуарах XXV съезда КПСС я встретил случайно своего старого знакомого, которого любил и уважал со «шведских» времен. Это был Анатолий Анатольевич Житков, бывший советником по науке и технике советского посольства в Швеции в начале 60-х годов. Он был большой умница, энергичный и подвижный человек с обширными, энциклопедическими техническими знаниями и опытом. Мы с ним обнялись и отошли из толпы делегатов съезда в уголок поговорить без помех. Житков оказался к тому времени — марту 1976 года — главным инженером и заместителем генерального директора Волжского автомобильного завода в Тольятти.

Анатолий Анатольевич был явно чем-то озабочен, а потом рассказал чем. Оказывается, отдел машиностроения ЦК КПСС передал ВАЗу распоряжение о производстве в качестве товаров бытового назначения определенного количества садового инвентаря — лопат, мотыг, граблей, оцинкованных ведер и тому подобных изделий, которые способна была клепать любая артель. Количество этого товара было для волжского гиганта смехотворным. Он запросто мог выйти в передовики и завалить всю страну такой продукцией буквально за несколько недель.

Однако специалисты завода решили пойти другим путем, по-настоящему выполняя программу повышения благосостояния народа. Они предложили вместо скобяных товаров изготовить для продажи населению и колхозам мини-тракторы и мотокультиваторы, которые теперь столь широко рекламируют у нас японцы и итальянцы. В 70-х годах подобные легкие и сравнительно дешевые механизмы были и на селе, и в городе большой редкостью. Да и качество тех машин, вроде трехколесного грузового мотороллера «Муравей», оставалось безобразным. По расчетам тольяттинцев, их изделия были бы вполне доступными для любой семьи, которая занята сельскохозяйственным трудом или индивидуальным строительством. Масштабное производство недорогих мотоблоков, мини-тракторов, навесных орудий к ним и прицепов на самом современном по тем временам машиностроительном предприятии Советского Союза вполне можно было отнести к изготовлению ширпотреба, о котором так «заботилась» партия.

С горечью Житков рассказал мне, что он перед съездом обошел и министерства, и Госплан, и отделы ЦК, но везде остались глухи к предложению тольяттинцев, требуя от них только скобяные товары.

Я ничего не мог обещать Анатолию Анатольевичу, вместе с ним посетовал на тупость аппаратчиков и совминовских чиновников, но на всякий случай взял копию записки дирекции завода в Госплан по этому вопросу. Мертвые души Системы не желали облегчения труда крестьян и горожан, занятых в сельскохозяйственном производстве. Чиновники еще жили в атмосфере драконовских законов Сталина, которые запрещали русскому крестьянину иметь в индивидуальном хозяйстве лошадь. Даже Никита Сергеевич Хрущев, выдумка которого на различные сельскохозяйственные новации была необыкновенно богата, эту сталинскую хитрость, действовавшую против крестьянина, не отменил. Наоборот, он пошел еще дальше в ограничениях мелкотоварного производства, запретив жителям села иметь фруктовые сады и разводить крупный рогатый и молочный скот.

Закончился съезд. Как всегда, он автоматически проштамповал все резолюции, которые были заранее подготовлены в недрах партаппарата и согласованы на секретариате и политбюро. Никаких неожиданностей на нем не произошло, если не считать итогов голосования по списку членов Центрального комитета КПСС. Буквально единицы голосовали против Брежнева, Андропова, Косыгина и почти всех остальных членов политбюро. Необычным, но приятным для Брежнева

оказалось число голосов делегатов съезда, поданных против Николая Викторовича Подгорного, тогдашнего председателя Президиума Верховного Совета СССР, то есть формального главы Советского государства. Более четырех сотен делегатов, что оказалось наибольшим числом «достойнейших партийцев», принимавших участие в голосовании, показали анонимно «фигу в кармане» партийному руководству, поставив пометку «против» рядом с именем Подгорного в бюллетенях для голосования. Такое необычное голосование четырех сотен избранников партии, привыкших к покорному мнению — «одобрям-с», — весьма удовлетворило генерального секретаря, который уже некоторое время вынашивал планы, как ему освободиться от Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Брежневу и Черненко казалось, что Подгорный начал заметную конкуренцию с генсеком за влияние в государстве. Именно в это время начались разные болезни у Брежнева, которые постепенно сделали из этого человека практически живой труп, у которого остался лишь инстинкт сохранения власти.

На следующий год Председатель Президиума Верховного Совета СССР был ловко убран Брежневым со своего поста и из политбюро на пенсию. Основной причиной тому послужила зарубежная поездка Подгорного весной 1977 года по некоторым африканским странам. Ее маршрут был утвержден на политбюро, как и директивы ему, с кем и о чем говорить. Такой порядок был неизменным для всех, в том числе и для генсека, и для любого члена политбюро. Но Подгорный по своему желанию менял маршрут и выступал в гостеприимных африканских странах так, как если бы был действительным главой государства, а не его формальной тенью, второй после Косыгина. Импровизаторский и независимый характер поездки Подгорного обратил на себя внимание западной прессы, которая немедленно стала делать вывод, что Брежнев вскоре отойдет на второй план, а истинным главой СССР станет Подгорный.

Когда Андропов вернулся после съезда в свой кабинет и продолжилась его рутинная работа в политбюро, я изложил ему сокращенно, без экономических расчетов, записку тольяттинцев о выпуске не скобяных товаров, а мини-тракторов. Юрий Владимирович заинтересовался проблемой, обещал переговорить по этому вопросу с Кириленко. Именно Кириленко, в качестве секретаря ЦК и члена политбюро, курировал машиностроение и оборонку. Однако примерно через неделю, когда я вновь принес Андропову материалы к очередному заседанию политбюро, Юрий Владимирович беспомощно развел руками: «Звонил, говорил с Андрей Палычем, но уперся в глухую стену… Непонятно… На

всякий случай оставь этот документ. Может быть, удастся переговорить с Леонидом Ильичом…»

Очевидно, с Брежневым Андропову по этому поводу так и не удалось поговорить. А может быть, Брежнев и выслушал Юрия Владимировича, как это бывало при обращении Андропова к нему не по политическим, а народно-хозяйственным вопросам, но адресовал его снова к… Кириленко. Начиналась весенняя охота, генсек укатил в Завидово, потом усилились его болезни и сумеречные состояния. Затем он улетел в отпуск в Крым. Все вопросы в его отсутствие решались Сусловым и Черненко. Эти двое всегда ссылались на мнение генерального секретаря, изложенное им якобы по телефону. Обращаться к Черненко Андропов, видимо, считал бессмысленным. Время ушло. Страна так и не получила добротные, дешевые минитракторы и мотоблоки.

Весьма показательным примером отупения Системы, на мой взгляд, было обсуждение на политбюро вопроса о комбайнах «Дон», строящихся на Ростсельмаше. Я не помню уже, кто именно поставил этот вопрос, но в одной из записок к соответствующему пункту повестки дня заседания ПБ это изделие Ростсельмаша подвергалось резкой критике. Указывалось, что машина слишком тяжелая и уплотняет почву. А главное — при сборе зерна комбайн «Дон» давал потери, цифра которых была запредельна — чуть ли не половина всего зерна высыпалась на почву через огромные щели в бункерах комбайнов. Одновременно предлагалось рассмотреть вопрос о закупке комбайнов в ГДР, где они были более удачно сконструированы и выполнены. Немецкие комбайны назывались «Фортшритт», что по-русски означает «Прогресс», и на самом деле были на много шагов впереди «Дона». Они давали минимум потерь зерна, расходовали значительно меньше горючего, на единицу их производства уходило меньше металла, чем на наши громоздкие и тяжелые произведения. Они не выдерживали также сборки при помощи тяжелых кувалд, как это практиковалось на наших конвейерах. «Фортшритт» был более управляем и транспортабелен, чем «Дон».

При подготовке этого вопроса к политбюро я даже запросил 1-й главк (внешнюю разведку) срочно подготовить в его управлении в ГДР и прислать подробную справку о сравнительных достоинствах «Прогресса» и «Дона». При обращении к немецким комбайностроителям выяснилось, что они готовы за символическую сумму уступить советским коллегам лицензию и всю техническую документацию на производство «Прогресса» в СССР.

Однако и тут лобби аппарата ЦК, Ростовского обкома КПСС и

Министерства сельскохозяйственного машиностроения победило разум. Поскольку советские комбайностроители отчитывались не только за единицу продукции, но и за общий вес произведенного оборудования, что было весьма внушительно и по-сталински для посредственностей из политбюро, комбайн «Дон» опередил своего зарубежного конкурента. Кремлевским старцам было абсолютно все равно, сколько продукции теряет комбайн «Дон», сколько он жрет горюче-смазочных материалов, как быстро его надо списывать в утиль, «советское — значит, отличное!». Под этим лозунгом было отвергнуто предложение о «Прогрессе», которое могло бы сохранить стране буквально миллионы тонн зерна и сотни тысяч тонн нефтепродуктов. Теперь мне представляется, что вопросы о мини-тракторах и выборе комбайна были весьма принципиальны для советского сельского хозяйства и Системы в целом. Отсталая, грубая, тяжелая, неэффективная сельскохозяйственная техника, от которой так много зависит в производстве и сборе урожая и сокращении его потерь, столкнулась с изделиями, сделанными на основе иной, качественно более высокой технологии, культуры производства, труда и быта. По законам нормальной человеческой логики, «Дон» и «метизы» вместо мотоблоков не должны были победить в этом соревновании. Но извращенная логика коммунистической Системы отдала им победу, вопреки интересам собственного народа.

В конце 70-х годов Юрий Владимирович обсуждал со мной и самую острую, пожалуй, проблему народной жизни России — беспробудное пьянство. В 70-х годах алкоголизм стал проявляться в населении областей и республик СССР, где религиозные традиции ислама категорически запрещали употребление алкогольных напитков. Я получил от своих знакомых питерских журналистов записку лауреата Ленинской премии Ф. Г. Углова из Ленинграда о последствиях алкоголизма для демографической безопасности СССР. Официально она нигде не фигурировала и считалась чуть ли не диссидентским документом, порочащим линию партии на улучшение здоровья населения. Углов приводил в ней убийственные цифры. Так, если в дореволюционной России, в 1913 году, на душу населения употреблялось 2,3 литра чистого алкоголя, то к концу 70-х годов на среднюю статистическую душу, то есть на ребенка, женщину, мужчину, приходилось уже 8,5 литра алкоголя. Всемирная организация здравоохранения в 70-х годах установила, что при потреблении алкоголя более 7,5 литра на душу населения нация переступает считающийся опасным порог и начинает деградировать. Кстати, сейчас россияне потребляют уже по 15 литров чистого спирта на душу

населения.

Ленинградский ученый предрекал физическое и психическое вырождение не только славянских, но и многих других народов СССР. Записка эта произвела сильное впечатление на Андропова. По своему обыкновению, он спросил: «А что ты предлагаешь?»

Я рассказал ему об опыте борьбы с алкоголизмом в Швеции в начале XX века, когда эта страна была одной из самых «пьющих» в мире. Шведы потребляли тогда значительно больше алкоголя, чем финны и русские. Кстати, в Российской империи, куда на правах автономии входила и Финляндия, действовала государственная винная монополия. Кабаки и другие питейные, торговые заведения могли продавать спиртное, только если имели соответствующую лицензию и только законный подакцизный продукт. Санкции за нарушение государственной винной монополии были суровыми, а законопослушание массы населения — на очень высоком уровне. На этой основе возникали иногда курьезы. Крупный российский промышленник и купец Мальцев был решительным противником пьянства. Среди прочих предприятий он владел заводом по производству хрустальных изделий в городке Гусь-Хрустальный Владимирской губернии. Это было, как говорят теперь, градообразующее предприятие, то есть население всей округи трудилось на мальцевском заводе или в инфраструктуре Гусь-Хрустального. Чтобы предотвратить пьянство рабочих, промышленник Мальцев откупил у государства винную монополию на десять верст в округе от города. Он платил казне столько, сколько она могла бы получить от торговли спиртным в городских кабаках.

Совершенно отлучить русский народ от водки Мальцев все-таки не преуспел. Пьяницы обхитрили и его. Несколько рабочих скидывались и посылали за десять верст в ближайший кабак уполномоченного ими ходока с двумя десятилитровыми ведрами и коромыслом. Посланец наполнял ведра водкой, вешал коромысло с ними на плечо и плавной походкой, как ходят по сцене нынешние артистки из хореографического ансамбля «Березка», пускался в обратный путь. Как рассказывали мне старики в Гусь-Хрустальном 60-х годов XX века, одно из ведер обязательно перевешивало, и тогда ходок для восстановления баланса немного отпивал из него огненной влаги. Таким образом ходок несколько раз уравнивал уровни жидкости в обоих ведрах, но доносил основную часть ноши до алчущей компании…

В борьбе с алкоголизмом шведы пошли иным путем, чем русский купец Мальцев. Шведские социал-демократы в самом начале XX века создали мощное Общество трезвости. Оно повело повседневную пропаганду против пьянства, но не ограничилось

только словами. Общество трезвости открывало по всей Швеции дешевые кофейни с читальными залами, бильярдами и настольными играми, для того чтобы рабочие могли проводить в них время в тепле и уюте, стало развивать рабочий спорт и туризм по своей стране. Одновременно правительство и парламент ввели жесткую государственную монополию на продажу спиртных напитков, в том числе и пива, с содержанием алкоголя выше трех градусов. Бутылку спиртного, в том числе и алкогольного пива, можно было купить только в особых государственных магазинах монополии «Сюстем Булагет» («Системное акционерное общество»), где отечественная шведская водка «Аквавит» стоила относительно дешево. Но в одни руки не давали более двух бутылок. Магазины «Сюстем Булагет» торговали только с девяти часов утра до шести часов вечера в будни. В субботу и воскресенье, а также на праздники у них были выходные дни. В каждом магазине были вывешены списки людей, когда-либо попадавших в полицию в связи с пьянством. Этим «патентованным алкоголикам», как их называли в Швеции, был категорически запрещен отпуск спиртного, а специальная инспекция строго следила, чтобы не было нарушений в государственной системе торговли алкогольными напитками и в ресторанном бизнесе, где выдавалось ограниченное количество лицензий на право подачи спиртного гостям.

Таким образом, любители спиртного должны были заранее припасти бутылочку на выходные дни или праздники. Если покупатель, прикрепленный к конкретному магазину «Сюстем», появлялся в нем слишком часто, его включали в список «патентованных алкоголиков». Копии списков конкретного региона висели во всех магазинах монополии, в том числе и в соседних городах и поселках. Если туда обращался неизвестный персоналу покупатель, то продавец должен был потребовать от него какое-либо удостоверение личности, проверить фамилию по списку алкоголиков, и только при отсутствии гражданина в этом «черном списке» он мог приобрести не более двух бутылок спиртного, независимо от того, сколько градусов было в каждой бутылке. Детям до восемнадцати лет было вообще категорически запрещено отпускать крепкие напитки и пиво.

С введением государственной винной монополии цены на алкогольные напитки в кафе и ресторанах, которые далеко не во всех случаях получали лицензию на отпуск по вечерам спиртного по-рюмочно, были резко повышены. Например, рюмка водки стоила вечером в ресторане почти столько же, сколько приличный ужин. Единственное исключение было сделано для отдаленных северных районов. Здесь крестьяне и другие жители поселков

могли для своих нужд заниматься самогоноварением. Но категорически, вплоть до суда, многолетнего тюремного заключения и конфискации имущества, был запрещен сбыт самогона. Так Шведское государство боролось не только с конкуренцией государственной монополии, но и за здоровье своих граждан.

Аналогичные системы были введены и в других странах Северной Европы, в том числе и Финляндии. В Суоми функционирует подобная шведской государственная винная монополия «Алко». Правда, эти системы не могли полностью исключить спекуляции спиртными напитками, с которой полиция боролась жестоко. Но в Хельсинки, например, спекулянты, в основном цыганки, которые промышляли водкой в районе Западной гавани, тоже были не лыком шиты. Они подвешивали бутылки водки под свои широкие юбки так, что при ходьбе продавщица издавала весьма соблазнительный для алкашей звон, по которому ее и находили жаждущие.

Юрий Владимирович настолько заинтересовался такой системой борьбы с алкоголизмом, что просил меня получить через ПГУ от резидентов КГБ в Скандинавии подробные справки на эту тему с экономическими выкладками. Записку Углова и обобщенную справку по докладам резидентов, как я узнал позже, он показывал Брежневу и Суслову. Генсек, который был сам не дурак выпить, оставил ее без внимания, а Суслов проявил довольно поверхностный интерес. Но знакомство второго секретаря ЦК КПСС с документами, в которых высказывались конкретные предложения по созданию в СССР Общества трезвости и принятию реальной программы создания сети читален, спортивных объектов, малых предприятий общественного питания и прочих возможностей для замещения гипертрофированного потребления спиртных напитков, не имело никаких последствий. Ибо правящая партия за 80 лет своего руководства обществом как ничего не дала народу, могущего отвлечь его от пьянства, так и не собиралась делать это впредь. Ни работающего Общества трезвости, ни комфортабельного, чистого, ухоженного жилища, ни какой-либо пропаганды устройства интерьеров квартир и увеличения выпуска для населения мебели и бытовых приборов, ни уютных клубов, читален, спортзалов, бассейнов, других общественных центров с буфетами, дешевыми народными столовыми, чайными, кафе, где можно было бы выпить чашку чаю, кофе или стакан безалкогольного напитка, в России до сих пор не появилось. Сами слова «кофе», «какао», «шоколад» стали в устах пьющего и живущего в нищете народа ироническими и издевательскими. И

наоборот, пьянство приобрело благородное обозначение — «отдых».

Что касается Андропова, то в мае 1982 года, будучи еще председателем КГБ, Юрий Владимирович обратился-таки к Брежневу и в политбюро с запиской, в которой ставил вопрос о необходимости принятия партией постановления по усилению борьбы с пьянством. Прошло всего пять лет, как председатель «озадачил», то есть поставил задачу мощным, но «с холодной головой» идеологам-чекистам: подготовить соответствующую записку в ЦК КПСС.

Но как раз в 1982 году в Кремле началась «пятилетка похорон». Ее этапы крайне негативно сказались на обсуждении в партийном ареопаге этого коренного вопроса. В начале 1982 года умер Суслов, который был за борьбу с пьянством, а Андропов через несколько дней после внесения записки в «инстанцию» был избран безвластным секретарем ЦК. Для рассмотрения записки была создана комиссия. Ее возглавил престарелый председатель Комитета партийного контроля Арвид Пельше. К осени того же года комиссия Пельше представила политбюро свои соображения. Главная мысль в них совершенно правильная: административные меры и драконовские ограничения не способны искоренить пьянство, но, наоборот, являются источником тяги к алкоголю. В проекте за подписью Пельше предлагалось увеличение производства пива, слабо-алкогольных и сухих вин, расширение сети кафе, рюмочных, современных пивных павильонов и тому подобных заведений.

Но проект не успели обсудить до смерти Брежнева, который относился к документу весьма положительно. Ведь генсек сам пытался в 1972 году начать решительную борьбу с пьянством, но его отвлекла от этого благого дела вспышка борьбы за власть.

Комиссию по подготовке антиалкогольного законодательства, после последовавшей вскоре кончины Арвида Пельше, Андропов поручил новому председателю Комитета партийного контроля — М. Соломенцеву. Но в начале 1984 года умирает Андропов. За ним через короткое время следует генсек Черненко.

Духовными отцами окончательного постановления, принявшего образ преступно-шутовского «сухого закона», стали Горбачев и Лигачев. Хотя секретарь ЦК Николай Иванович Рыжков и возвысил на заседании политбюро свой голос против предложения, Лигачев, Горбачев и Соломенцев «дожали» принятие самого идиотского постановления за все времена заседаний ПБ.

Юрий Владимирович, идя к власти, очевидно, имел в виду принять живейшее участие в решении этой проблемы. Но

бюрократические партийные методы в аппарате, короткое время, отпущенное ему судьбой на вершине СССР, не дали ему возможности разрубить этот гордиев узел. Он успел начать только с конца — выпуска дешевой и доброкачественной водки, которая, по его мысли, должна была для начала вытеснить собой вреднейшую для здоровья «бормотуху» и одеколон, который частенько употребляли внутрь пьяницы. Новый дешевый сорт советской водки получил сразу же у народа любовное название «андроповка». Юрий Владимирович понимал, что одним ударом отрубить головы «зеленому змию» в России невозможно. Но начинать было надо, особенно при существующем у славянских народов крайне низком уровне законопослушания, бытовой культуры, привычек общения.

Продолжатели «дела Андропова» Горбачев и Лигачев принялись за дело борьбы с алкоголизмом столь рьяно, что спиртные напитки стали выдаваться по талонам и карточкам, а богатейшие виноградники повсеместно вырублены. Я был свидетелем такого безобразия во время одного из отпусков в Крыму, где ценнейшие и уникальные сорта виноградников знаменитого комбината «Массандра» были вырублены на глазах местного населения и отдыхающих, а запасы старинных выдержанных виноградных вин по приказу партии вылиты в канализацию. Естественно, народ проклинал таких руководителей, которые доводили самые благие идеи до абсурда. Перефразируя одного из недавних российских премьеров — «классика» русского языка, — «хотели как лучше, а получилось хуже некуда».

То, что не смогли похитить в Крыму и на Северном Кавказе немецкие оккупанты из-за того, что партизаны замуровали огромные бочки лучших вин в дальних пещерах, руководители КПСС уничтожили двумя росчерками пера — Горбачева и Лигачева.

В конце 70-х годов большой резонанс среди ближайшего окружения Андропова и Устинова вызвала аналитическая записка ЦРУ о демографической ситуации в СССР и ее вероятном развитии на ближайшие десятилетия. Насколько я помню, этот документ не был секретным в США, а широко обсуждался американскими политологами и политиками. Но когда он попал в Советский Союз, то сразу был засекречен. Произошло такое потому, что записка ЦРУ рисовала крайне неприглядную картину Системы. Кое-кто в Кремле и на Лубянке счел ее крупной акцией психологической войны против СССР.

Аналитики ЦРУ проанализировали открытые советские статистические данные о снижении рождаемости и росте

абсолютной и относительной нищеты славянских народов СССР. Эти процессы сопоставили с бумом рождаемости на фоне небольшого роста относительного благосостояния в мусульманских республиках советской Средней Азии, Поволжья и Кавказа. Записка главного противника КГБ на основании этих данных делала вывод о том, что дальнейшее ослабление главенствующей культурно-организаторской роли великороссов в стране будет прогрессировать, а разъедающий Советское государство национализм — все выше поднимать голову. К сожалению, ЦРУ не ошиблось. Так, в 1979 году среди восемнадцатилетних граждан Советского Союза было 48 процентов русских, 19 — других славян, 13 — мусульман, 19 процентов прочих. Прогноз американских аналитиков на 1990 год полностью подтвердился: число русских в той же демографической группе снизилось на 5 процентов и стало 43, других славян — 18 процентов, то есть на один процент меньше. Зато число мусульман выросло до 20 процентов, число прочих сохранилось на уровне 19 процентов, то есть осталось без изменений. И это только за одно десятилетие!

На эти данные заокеанские аналитики наложили ухудшение качества образования во всех республиках СССР и расистские соображения об органической неспособности мусульман к познанию точных наук, а также леность в жизни и учебе вообще. В аналитический коктейль были добавлены данные о росте алкоголизма и наркомании повсюду в СССР. На этой основе профессионалы аналитической службы ЦРУ сделали прежде всего вывод о том, что качество человеческого материала в Советской армии обречено на постоянное ухудшение. Призывники из числа азиатских и малых народов СССР не будут способны к обучению военным и особенно военно-техническим специальностям. Настанут такие времена, как указывало ЦРУ, когда в Советской армии будет остро не хватать солдат и младших офицеров, которые должны обслуживать ракетные войска, радиолокационные комплексы, технику ВВС и ВМФ… Аналогичные выводы делались в записке ЦРУ в отношении развития науки, перспективных промышленных технологий, экологизации промышленности и инфраструктуры.

Что касается политических сдвигов, вызываемых демографическими изменениями в СССР, то, как считал «главный противник», они пойдут в направлении усиления сепаратистских настроений и роста национализма среди граждан СССР нерусской национальности. Политический развал и национализм неизбежно поведут к экономической децентрализации и хозяйственному сепаратизму. Ученые-обществоведы ЦРУ оказались более

прозорливы, чем теоретики «самого передового учения в мире — марксизма-ленинизма».

Содержание этой записки было доведено Андроповым до сведения Брежнева, Устинова, членов политбюро и секретарей ЦК КПСС, некоторых руководителей правительства. Однако оно не было поставлено на обсуждение в каком-либо высшем органе власти Системы. Кремлевские старцы подобными «пустяками» не интересовались. Более молодое руководящее звено поговорило и забыло…

Среди проблем, которые я настойчиво ставил в комментариях к заседаниям политбюро и с постановкой которых вполне соглашался Андропов, было соотношение между культурой казенной, показной и показушной, вроде роскоши Большого театра и миллионов посетителей Эрмитажа, торопливо пробегающих по его залам на экскурсиях с детьми и авоськами, и культурой быта и поведения, которых издревле не хватало на Руси. Хамство, презрение к бытовой культуре сделались в России после февраля 1917 года признаком самого лучшего тона в отношениях между людьми. Пропасть между коммунистическим режимом и цивилизованными странами Запада в органическом сочетании культуры быта, труда, человеческих отношений все расширялась.

Одним из ярчайших контрастов такого рода являлись для меня еще до начала 70-х годов впечатления от довольно частого пересечения по прежним журналистским делам советско-финляндской границы. Как и десятки тысяч советских людей, я проезжал ее на поезде в районе станций Вайниккала — на финской стороне и Лужайка — на нашей. Последние финские впечатления, если поезд шел из Хельсинки в Ленинград, составляли аккуратное одноэтажное здание вокзала, построенное из красного кирпича, с широкими окнами и массой кондитерских и сувенирных киосков на перроне. Внутри вокзала аппетитно пахло кофе и сладостями из маленького буфета. Недалеко от него, в небольшом зале ожидания, дверь вела в стерильно чистые туалеты. На улице, возле стоянки поезда, дебаркадер и дорожки к нему вели от асфальтированной улицы поселка через аккуратно подстриженный газон. Они были вымощены мелкой плиткой. Чистота на них была такая, словно керамическую плитку ежедневно мыли щеткой с мылом.

Финские пограничники и таможенники, войдя в вагон, лишь вежливо спрашивали, нет ли у пассажира каких-либо запрещенных к провозу вещей. Слова «пожалуйста» и «спасибо» все время звучали в речи финского персонала — в кафе, киосках, в вагоне во время контакта с чиновниками таможенной и

пограничной стражи. Они быстро штемпелевали паспорта, и можно было еще несколько минут размяться на перроне.

Над этим типичным кусочком финской территории, на десятиметровом белом флагштоке с золоченой луковкой на макушке, гордо реяло белое с голубым крестом полотнище государственного флага страны Суоми. Казарма пограничников невдалеке и здание вокзала, совмещающее также почту и таможню, — обязательно украшены национальными флагами. Меня всегда восхищало то, как небольшие народы севера Европы — финны, шведы, норвежцы, датчане и исландцы — трогательно и трепетно любят свои национальные флаги и цвета. Не только официальные власти вывешивают их в будни и праздники на высоких флагштоках у административных, общественных, школьных и иных зданий в городах и поселках. На земле частных владельцев недвижимости, в хуторах, поместьях, перед фасадами вилл и скромных дач, в шхерах и на островах тысяч озер Скандинавии постоянно полощутся национальные флаги, поддерживая у граждан и подданных патриотическое чувство. Если на флагштоке в городе и за городом не вывешен флаг, это означает, что его владелец в данный момент здесь не проживает, а находится в отсутствии…

Но вот поезд медленно пересекает советскую границу, притормаживает у пограничного столба с гордой надписью «СССР». Сама линия советской границы выглядит из окна вагона, словно ограда концлагеря строгого режима: два ряда колючей проволоки и контрольно-следовая полоса. В вагон входят офицеры советской погранслужбы и таможенники. Офицеры без церемоний требуют паспорта пассажиров, подозрительно присматриваются к ним, резко приказывают выйти из купе. Сержанты-пограничники проверяют каждый диван, каждый уголок тесного помещения, где, казалось бы, не могла поместиться и кошка. Так ищут шпионов и диверсантов. Затем приступают к своей работе офицеры таможни обоего пола. Они в 50—80-х годах требовали открыть чемоданы и сумки. Иногда пересчитывали, по скольку пар колготок или плащей болонья везет в качестве сувениров «подозреваемый» советский гражданин.

Особенно допекала путешественников на советско-финляндской границе одна женщина — офицер таможни, которая самозабвенно рылась в чужих вещах. Однажды я вез из Хельсинки подарок финских друзей — национальный нож «пукко». Чтобы не вызвать ненужных расспросов этой дамы о происхождении ножа, лезвие которого было длиной около девяти сантиметров, то есть разрешенным к провозу, я на всякий случай сунул финку на дно

чемодана, а поверх грязного белья и рубашек разбросал несколько выразительных пачек презервативов. На долю нашего вагона досталась именно та самая дева-таможенник. Когда по ее требованию я поставил свой чемодан на диван и откинул его крышку, предметы мужской гигиены предстали перед ней во всей красе. Женщина-офицер густо покраснела, потом сказала мне «Фи!» и велела закрывать чемодан…

Три десятилетия подряд картина за окном вагона на советской стороне границы разворачивалась весьма типичная. На пригорке с левой стороны по ходу поезда, супротив вокзала, стоял одноэтажный деревянный барак, когда-то крашенный зеленой масляной краской, а теперь облупившийся пятнами. От него к железнодорожному полотну спускалась протоптанная по траве и грязи дорожка. Форсировать ее можно было только в резиновых сапогах. Пара окон в бараке были давно разбиты и прикрыты фанерой, но над ними криво торчала Т-образная телевизионная антенна и болтался выцветший, ставший розовым когда-то красный флаг. В канаве вдоль железнодорожной насыпи беспорядочно валялись оставшиеся от прежних ремонтов путей полусгнившие железнодорожные шпалы, вполне пригодные еще бетонные столбы, обрывки бумажек и различных упаковок.

По правой стороне на грязном перроне обычно сидели на мешках несколько граждан в темно-серой одежде и сапогах, ожидающие местную электричку до Выборга или Ленинграда. Женщины были в платках и неопределенного вида пальто или плисовых жакетах. Облупленные двери и фасад станционного здания, явно оставшегося без внимания ремонтников еще после боевых действий Второй мировой войны, с маленькими окошками и обвалившейся кое-где штукатуркой составляли разительный контраст аналогичному сооружению на финской стороне. Шагах в пятидесяти, если идти по жидкой грязи от станции к выщербленной временем и климатом улице пристанционного поселка, стоял небольшой кривой деревянный сарайчик с двумя дверями. На дверях криво, но заметной красной краской были выведены буквы «М» и «Ж». Как водится на российских станциях, войти в отделение «М» общественного туалета можно было только на цыпочках. При этом оставался риск поскользнуться на загаженном полу и измазаться о вечно липкие стены, на которых полосками в палец шириной засохли испражнения. Глядя на разрисованные стены, становилось ясно, что туалетная бумага никогда не попадала в это заведение. А некоторые посетители обходились даже и без такой роскоши, как клочки газет «Правда» и местных районных листков, воткнутых на ржавый гвоздь.

Иногда на перроне в пристанционной палатке торговали

бутылочным пивом, а к прибытию поезда Ленинград — Хельсинки обязательно привозили штабель ящиков с водкой, специально для следующих на родину гостей Советского Союза из Финляндии. Многие пассажиры-финны брали по нескольку бутылок, хотя в Суоми запрещалось провозить больше двух бутылок спиртного. Но они легко выходили из положения. Лишние бутылки коллективно потреблялись финнами прямо из горлышка перед пересечением границы. В багаже, естественно, у них находился полный разрешенный комплект крепких напитков. Как-то, отправляясь в Финляндию, я стал зрителем великолепного пира. Один из финских пассажиров поезда Москва — Хельсинки вез домой большую жестяную банку зернистой икры, более полутора килограммов весом. Разрешено же было вывозить из СССР только две стодвенадцатиграммовые стеклянные баночки. Советские таможенники запретили «экспорт» этой большой банки. Но гордый финн не сдался. Он объявил своим землякам-пассажирам, что приглашает их за умеренную цену совместно съесть всю черную икру, запивая ее русской водкой из «лишних» бутылок. Желающих нашлось много. Финн отложил разрешенные к вывозу две сотни граммов зернистой икры в чайный стакан, а остальную стал выдавать из банки столовыми ложками пирующим. Процедура пожирания черной икры и водки пассажирами продолжалась довольно долго. Таможенники не давали сигнала к отправлению поезда до тех пор, пока финны не съели всю икру и с блаженным видом свалились на диваны в своих купе.

В начале 80-х годов, когда я вернулся на работу в АПН, Социал-демократическая партия Финляндии, в региональных газетах которой я часто выступал с международными комментариями, пригласила меня в Суоми. Финские товарищи показали мне всю страну — от юга до севера и с запада до востока. Высочайший уровень культуры быта, труда не только в комфортабельных городских условиях, но и на лесоповале, стерильная чистота жилищ, школ, общественных и административных зданий, гладкость асфальтированных и грунтовых дорог, покрытых гравием, доброжелательность и вежливость людей в отношениях друг с другом снова, как и в 50-х, и в 60-х годах, очаровали меня. Когда я после этого возвращался домой, то глаза опять резанула нищая картина быта на советской стороне границы с Финляндией.

Не стерпев свинского образа нашей страны, открывавшегося иностранному путешественнику сразу после пересечения северной границы, я пошел к начальнику погранзаставы и с горечью высказал ему свои наблюдения. Полковник нисколько не

удивился. Живя десятилетия в родном беспорядке и наблюдая за мало меняющимся образом жизни, он, видимо, привык к обстановке, окружавшей его. Он сказал, что это дело путейских властей содержать в чистоте все, что находится в так называемой полосе отчуждения железной дороги, в том числе и сооружения вокзала, а пограничники отвечают только за то, чтобы не было нарушителей границы…

Горькие мысли о безысходной бедности нашего народа, жалкой материальной основе его жизни приходили в голову и во время других зарубежных поездок.

Время своего отпуска, которое совпадало с отпуском Юрия Владимировича, я, бывший журналист, привыкший к подвижному образу жизни, а теперь вынужденный одиннадцать месяцев в году по четырнадцать часов в сутки сидеть в четырех стенах кабинета, использовал, как правило, для автотуризма. На нашей старенькой 21-й «Волге» мы колесили с женой по дорогам СССР — на юг и в Ленинград.

Оформляя выездные документы в ВЦСПС для редкого тогда индивидуального автотуризма по соцстранам, удалось побывать в Польше и ГДР, Чехословакии и Венгрии. За четырехнедельный отпуск разнообразных впечатлений накапливалось так много, что их хватало на одиннадцать долгих месяцев в четырех стенах кабинета. Самыми яркими, памятными и обидными из них для нас, советских, становились воспоминания о поездках по дорогам братских социалистических стран.

…От Москвы до Бреста ведет прекрасная дорога. По ней мы проезжали 1100 километров до границы Польши за полтора дня, с ночевкой в Минске. Деревни, которые иногда попадались на нашем пути на территории великого и могучего Советского Союза, поражали своей нищетой, неухоженностью и грязью. Редко в каком палисаднике можно было заметить куст георгинов или золотых шаров. Жители мужского и женского пола, бредущие по обочинам шоссе в деревнях, иногда в нетрезвом состоянии, были одинаково одеты в серые ватники и кирзовые или резиновые сапоги. Картина была удручающая, особенно в дождливую погоду. Иногда попадались велосипедисты, на багажниках которых прямо под дождем и брызгами грязи от проходящего транспорта были укреплены без всякого укрытия хотя бы газеткой буханки черного или серого хлеба. Только Минск — нарядный, ухоженный, чистый — являл собой исключение из унылого зрелища. Почти сразу за Минском, в районе железнодорожной станции Негорелое, в 1939 году проходила государственная граница СССР. После нее начиналась Западная Белоруссия. Она жила под советской властью на два десятка лет меньше, чем остальная территория

Советского Союза к востоку от Негорелого. Сельский и поселковый ландшафт сразу чуть менялся в лучшую сторону. Дома были явно чище и ухоженнее, а дороги более гладкие. Аккуратные костелы и церкви оставались неразрушенными, хотя и не всегда функционирующими.

Но вот машина минует пограничный мост, ведущий через Буг на польскую территорию. Осталось позади большое табло с надписью на польском языке: «Граница Паньства». И сразу резко меняется картина приграничных деревень. Аккуратные домики, за которыми стоят такие же аккуратные хозяйственные постройки. Дорожки из цементных плит или асфальтированные ведут от калитки к дому и другим постройкам. Заборы и сараи покрашены. Палисадники полны ярких цветов. Серой, унылой грязи нигде не видно. Люди одеты по-разному: кто в пестром, кто в рабочей одежде, но опрятно и аккуратно. В сапогах только те, кто только что вернулся с поля. Те, кто на улицах, — в туфельках или ботинках.

Мы бывали внутри городских и сельских домов многих польских, венгерских, чешских и немецких знакомых, в том числе и тех, с кем я учился в Академии общественных наук. В их жилищах царили идеальная чистота и порядок, даже когда мы вваливались к друзьям неожиданно. Добротная мебель, красивая посуда стояли буквально во всех квартирах. Интересно, что в деревенских домах было больше изделий народного декоративно-прикладного искусства — кувшинов, тарелок, вышивки с ярким национальным декором, — чем в квартирах чиновников и интеллигенции. При этом у сельских жителей это были не украшения интерьера, а хозяйственные предметы, которыми ежедневно пользовались.

Отмечу, что в нашей стране, которую в журналистские годы изъездил вдоль и поперек, я нигде не видел столь высокого уровня культуры быта, как в странах Восточной и Северной Европы. Лишь на Украине мотивы национального искусства использовались в домашней керамике и повседневной одежде, и то по преимуществу на селе.

Лишь с конца 50-х годов, когда в суровом климате сталинизма слегка повеяло ветрами хрущевской «оттепели», в СССР начал выходить малотиражный и дорогой, но красочный журнал «Декоративное и прикладное искусство СССР». Академическое издание появилось в результате второй по важности для советского общества хрущевской реформы. Во-первых, Никита Сергеевич Хрущев выступил с критикой сталинизма и призвал реабилитировать незаконно репрессированных граждан. Во-вторых, он начал массовое

строительство пятиэтажных жилых домов, чтобы хотя бы начать решение жилищной проблемы в СССР. Квартиры в «хрущевских» домах были малогабаритные, а сами здания строились в большинстве своем наспех, из бетонных панелей по упрощенной технологии. Но сотни тысяч семей, в том числе и молодых, получили наконец отдельное жилье с газом, водопроводом, горячей водой, центральным отоплением, канализацией. Это привело страну к своего рода культурной революции в сфере быта. В городах и поселках городского типа избушка с удобствами во дворе стала постепенно уходить в прошлое, а люди — привыкать к цивилизованному образу жизни.

С широким размахом жилищного строительства вышел из подполья интерес миллионов новоселов к оформлению интерьеров, к живописи и графике, декоративным тканям, изделиям народных промыслов и дизайну в легкой промышленности… Раньше, до хрущевской «оттепели», коммунистические пуристы называли уют в доме, украшение своего жилища мещанством. В 50-х годах произошел ренессанс отношения к народному искусству, как это было в начале XX века в России. Серебряный век целиком не вернулся, но возродилась любовь общества к русским народным промыслам. Палех, Гжель, Хохлома, Жостово, шали из Павловского Посада и Оренбурга, другие торговые марки рукодельного ремесленного искусства продолжают уверенно развиваться и в наши дни в новой России.

К культуре быта относится и поддержание чистоты в жилых и нежилых помещениях. К сожалению, в нашей стране, из-за столетней нищеты ее граждан и полного пренебрежения к этой стороне жизни коммунальных властей, состояние жилищ, коридоров и подъездов домов доходит до антисанитарного, а иногда до омерзительного состояния. Меня поразила на всю жизнь внутренность одной крестьянской избы в деревне, стоящей на высоком берегу реки Вятки на севере Кировской области. Я побывал в Белохолуницком районе, где находился передовой колхоз имени Ленина, в составе группы лекторов ЦК КПСС, выброшенных пропагандистским десантом в Кировский обком партии. Шел 1962 год, был как раз пик сельскохозяйственных реформ Хрущева, и группа московских журналистов по команде Агитпропа отправилась по городам и весям страны читать лекции по путевкам обкомов и райкомов.

Секретарь Белохолуницкого райкома партии, куда мы направились из города Кирова прочитать несколько докладов партийному активу и населению, повез нас на катере вверх по реке показывать гордость района — колхоз имени Ленина. По сравнению с сельскохозяйственными предприятиями юга СССР,

которые я наблюдал во время творческих командировок, эта артель уже на первый взгляд выглядела убого и неопрятно.

День был жаркий. Мы шли по деревенской улице. Чуть пообочь стоял живописный колодец-журавель с устремленным в небо высоким коромыслом. Сразу захотелось испить чистой и прохладной колодезной водицы. Но ведра, однако, у колодца не оказалось.

— Наверное, опять украли!.. — с осуждением сказал председатель колхоза, разбитной вятский мужичок в добротных хромовых сапогах, как у секретаря райкома.

Партийный вождь смущенно прокомментировал столичным товарищам:

— Всего-то населения в деревне тридцать семей… Все друг друга знают, в родстве… а вот прут у родни все, что плохо лежит… Давайте зайдем в любую избу, — предложил председатель и повел меня к большому и добротному снаружи бревенчатому дому. Заскрипела низенькая, чтобы не выходило тепло, сбитая из двух слоев досок дверь. Я нагнулся и вошел в избу. Сразу за порогом жуткая вонь, смешанная с отвратительной кислятиной, не только шибанула в нос, но и стала есть глаза. В одной просторной комнате с плохо побеленной русской печью стояла нескладная самодельная мебель, сооруженная из струганых сосновых досок. Качалась подвешенная на веревке к потолку плетеная лубяная люлька с младенцем. Унылая женщина с серым лицом и льняного цвета длинными волосами качала люльку. Ребенок, укрытый живописными лохмотьями, как на картинах русских художников-передвижников, лежал на груде темных тряпок. Он сосал вместо латексной соски какой-то мешочек из марли. Потом оказалось, что содержимым мешочка был жеваный хлебный мякиш. На столе, также сбитом из строганых досок, лежал большой зачерствевший ломоть ржаного хлеба и стояла пустая глиняная кринка. Две грязные алюминиевые кружки, погнутая ложка из того же металла и россыпь хлебных крошек дополняли натюрморт. По столу стремительно, наперегонки, носились крупные, сантиметров по четыре-пять длиной, рыжие тараканы.

Я поздоровался, хозяйка безучастно ответила.

— Вот, Петровна! Товарищ из Москвы водицы просит испить!.. — сказал вошедший следом председатель колхоза.

— А может, кваску подать? — оживилась женщина.

Видя бойких тараканов, тряпки и нищету, я вздрогнул и отказался. Женщина перестала качать люльку, поднялась с табурета и оказалась довольно статной молодухой. Ребенок выплюнул мешочек и заорал.

— Молока у меня нету! — с горечью вымолвила крестьянка, и я не понял, имеет ли она в виду материнское молоко или коровье, для угощения гостя. Хозяйка взяла со стола одну из кружек, ополоснула ее в кадке, стоявшей на лавке у печи. Из другой кадушки, чуть меньше размером, она зачерпнула воды и подала мне с поклоном.

— Спасибо, милая! — испил я вятской водицы и вышел.

На улице аромат полей и лесов быстро вытеснил прелую кислятину, забившую нос и легкие. Дивный лесной ландшафт с синей рекой под высоким берегом расстилался впереди. Ясное солнце иногда закрывалось белыми барашками кучевых облаков. Все вокруг сияло северным летом. Но на душе, несмотря на всю благодать, было тяжело. В нашей стране я и до того видел много контрастов в жизни людей. Относительное благополучие у чиновников, военных и высших слоев интеллигенции — академиков, профессоров, кинорежиссеров, писателей, знаменитых артистов. Бедность и даже нищету у инженеров, учителей, врачей, рабочих и крестьян. Но такого бедного, серого и убогого существования, как у колхозников Белохолуницкого района Кировской области, я не встречал нигде. До сих пор я с содроганием вспоминаю избу в колхозе имени Ленина.

В том вятском сельце, как водится на Руси, на самом видном месте стояли руины церкви. Я заглянул в этот памятник старины. Внутри было темно и сыро — крыша текла, как решето. Окна заколочены деревянными щитами с остатками краски, видимо бывшими иконами из церковного иконостаса. Штукатурка снаружи и внутри обвалилась, фрески давно осыпались, сохранив только силуэты и малые фрагменты фигур святых. Кресты с куполов сбиты и покореженные валяются подле церкви. Колокольня обвалилась почти до основания…

Такие разграбленные, разрушенные, загаженные церкви и монастыри стоят до сих пор по селам и городкам всей России. Они стали приметами социалистических времен. И кажется иногда, что нищета и неустройство русского народа — это наказание Божье за революции, Гражданскую войну и коммунистические попытки преобразования человеческого духа в бездуховный атеизм.

Иная картина — в странах Восточной Европы. Граждане бывших «социалистических стран», коммунисты и социалисты, не занимались богоборчеством. В Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии, Чехословакии и ГДР ни один храм не пострадал ни от рук населения, ни от вандализма властей. Чистый, опрятный и ухоженный храм в городке или сельском поселке — это, как и жилище, признак высокой культуры духа, быта и общения людей.

Внимание туриста, пересекающего с востока на запад границу СССР, в городках и поселках Польши, Венгрии, Словакии обязательно привлекают внимание самые высокие и ухоженные здания. В XX веке это были отнюдь не средневековые замки, руины которых живописно возвышались чуть в стороне от дорог. Католические костелы и соборы были и остаются самыми красивыми и привлекательными сооружениями не только снаружи, но и внутри. На центры христианской культуры не осмеливалась подняться в этих странах ни рука иноземных оккупантов, ни собственных коммунистических режимов. Возникало новое уважительное чувство к этим странам, когда мы видели из окна автомобиля в поселках в час вечерней молитвы или по утрам в воскресенье, как к костелам тянутся вереницы празднично одетых людей целыми семьями, состоящими из трех поколений — детей, зрелых мужчин и женщин, стариков. Становилось понятным, как на перекрестках Европы, где столетиями бушевали войны и бесчинствовали армии татар, турок, шведов, немцев, французов и русских, могли сохранять свою культуру и идентифицировать себя относительно малые народы. Религия, вера были для них стержнем и оплотом.

Не будучи католиками или воцерковленными православными, мы с женой слушали с глубоким чувством праздничную молитву в главном храме Венгрии — в Эстергоме, где собрались тысячи мадьяр из окрестных городков и сел. Народ был разодет в яркие национальные костюмы, какие у нас увидишь только в этнографическом музее или на сцене, где выступает народный ансамбль. Но для них, мадьяр, это была просто праздничная одежда. Вокруг храма в тот день после общей молитвы зашумело народное гулянье, с палатками, полными сладостей и закусок, ремесленных игрушек для детей, бочек легкого молодого виноградного вина для взрослых…

В соборе Святого Креста в Варшаве, где в цоколе скульптурного памятника Шопену покоится его сердце, мы слушали органную мессу и проникались идеями мирового значения христианской культуры… В лютеранском Берлине, в кирхе Святой Хедвиги, побывали на органном концерте и видели умиротворенные лица людей всех возрастов. Среди них были и юные панки, с вычурно подстриженными прическами, выкрашенными в розовый, оранжевый и зеленый цвета. Они пришли группой и только в храме угомонились…

Несколько раз, направляясь в Чехословакию и ГДР, мы проезжали на автомобиле по Польше. Дороги Речи Посполитой от нашей границы к Варшаве становились все лучше с каждым десятком километров. Почему-то Восточная Польша выглядит

значительно беднее Центральной и Западной. Картина полей также разительно отличается от наших колхозных просторов. Поляки не приняли советскую колхозную систему. Основу землепользования у них, как ни старались советские экономические советники, присланные из Москвы и Киева учить поляков тому, как вершить социалистические преобразования общества, вдалбливать принципы коллективной собственности на землю, орудия и средства производства, — составляли частные сельские хозяйства. В Восточной Польше наделы на крестьянскую семью составляли по тридцать гектаров. В Западной Польше, на бывших землях Германии, ее отобрали у немецких помещиков и давали на фермерскую семью больше — по сто гектаров. Поэтому все пространство угодий между селениями и лесами было изрезано разноцветными — из-за различных выращиваемых культур, и разнокалиберными, в зависимости от достатка их хозяев, — полосками. Эти полоски почему-то нашему советскому взгляду сразу напоминали строки поэмы Некрасова: «только несжата полоска одна…», хотя вся польская земля была ухожена и удобрена.

Культура сельскохозяйственного производства в странах Восточной Европы и в социалистические времена была довольно высока. Например, свинарники на фермах ГДР являли собой эталоны чистоты и стерильности. Только персонал в ограниченном числе мог входить в эти добротные здания с водопроводом, центральным отоплением и септиками для сточных вод. Посторонним лицам категорически запрещалось даже приближаться к свинарникам во избежание попадания к свиньям какой-либо заразы.

В ГДР, Польше и Чехословакии средняя урожайность зерновых культур составляла 70 центнеров с гектара, а рекордными считались урожаи по 125 центнеров зерна с гектара. При этом поля засевались элитными гибридными сортами, выведенными в СССР, как правило мироновскими. В те же времена урожайность в колхозах и совхозах Советского Союза в лучшем случае доходила до 25 центнеров зерна с гектара. Разрыв результатов у наших и у восточноевропейских крестьян зависел и от разницы уровней культуры земледелия, и от того, сколько минеральных удобрений поступало на поля. Советское руководство гнало тогда за рубеж по дешевке «социалистическим братьям» миллионы тонн удобрений, отбирая их у собственного сельского хозяйства. Обнищание наших колхозов и совхозов из-за недобора продукции было, таким образом, одним из последствий щедрого «интернационализма» за счет собственного народа, который исповедовало политбюро.

По всем показателям сельхозпроизводства на душу населения и по производительности труда Советский Союз отставал от всех стран-сателлитов. Единственная степень превосходства, в которой мы были выше всех, — уровень пьянства населения. Во время туристских поездок можно было наглядно убедиться в этом. Правда, встречающихся выпивох, как и на дороге Москва — Брест западнее Бреста, тоже было достаточно. Но не было видно пьяных драк, ссор или валявшихся по обочинам, как у нас, местных жителей. Но пьяницы в Польше представляли все-таки угрозу для путешественника. Особенно опасны они были тогда, когда в сумерках или в ночной темноте на неосвещенном шоссе в свете фар вдруг возникала телега на резиновом ходу с лошадью, возница которой мирно спал пьяным сном. Керосиновый фонарь с красным стеклом, который должен был болтаться сзади телеги, либо вовсе отсутствовал, либо погас естественным путем. Причем телеги эти были добротные, на автомобильных шинах, а не те деревянные грохочущие колымаги, которые до сих сохранились кое-где в маленьких российских городках и поселках.

Из-за обилия конно-гужевого транспорта, двигавшегося даже по запрещенным для него автомагистралям, обочины дорог и даже полотно автобанов были усеяны подковными гвоздями, которые имели тенденцию вонзаться в покрышки автомобилей. Лошадей в Польше явно любили и считали, совсем не так, как власти в России, Украине и Белоруссии, необходимым подспорьем крестьянину. Государство, не так, как советское, не запрещало земледельцам иметь лошадей в любых количествах…

Километрах в двухстах от границы начинались пригороды Варшавы. Столица Польши, в отличие от Москвы, была залита электрическим светом с вечера до утра. Даже в полночь толпы горожан гуляли по центральным улицам, сидели в многочисленных уличных кафе и ресторанчиках, потягивая кофе или другие напитки. Звучала музыка. Дамы хотя и не в богатых, но элегантных платьях, часто из простого ситца, украшали собой толпу. Правда, до первого посещения Польши у меня было несколько превратное представление о польских женщинах — издали и в кино они все казались красавицами типа актрисы Барбары Брыльской. Беллетристика также создавала миф о необыкновенной красоте паненок и панночек. Но вблизи — на территории самой Польши — «прекрасные полячки» оставались только образом, а в реальности среди них было очень много толстушек или милых, но некрасивых тощих паненок… Я истратил немало роликов узкой кинопленки, чтобы для домашней кинотеки собрать наглядные опровержения некоторых подобных мифов в виде сюжетов о суперширокие бедрах,

выдающихся бюстах и животах молодых варшавянок в легких платьях.

На перекрестках центральных улиц, и не только Варшавы, но и провинциальных городов, стояли вазоны для цветов в форме больших белых железных тележек типа восточных арб, наполненных красной геранью и другими долгоцветущими растениями.

Выбор товаров в польских продовольственных и промтоварных магазинах был несколько богаче, чем в московских, но заметно беднее, чем в ГДР и ЧССР. Считалось, что поляки хуже работают и больше танцуют, чем немцы и чехи. Но даже за «недостаточными» товарами не изгибались хвосты очередей, не кипели страсти, как у нас. В магазинах, оторвав у входа от рулона из автомата талончик с номером вроде трамвайного билета, каждый покупатель терпеливо дожидался, пока на табло у продавца не появится его цифра. Чистые и опрятные кабачки и кофейни наглядно показывали свои преимущества по сравнению с горьким пьянством в подворотне «на троих», которое так услаждало мужские души в России. Впрочем, поляки, немцы, мадьяры, финны и разные прочие шведы, в домашних условиях, в гостях и в ресторанах, тоже не дураки выпить, особенно на халяву.

Но за все долгие годы моих путешествий за границей я видел на несколько порядков меньше пьяных, шатающейся походкой, без песен и брани, идущих по улицам маленьких городков и столиц, чем за один день, правда день выдачи зарплаты, в районном городке Белая Холуница на севере Кировской области. Пьяные там лежали веером: ногами — словно к эпицентру взрыва — к единственному магазину, торговавшему водкой, а головой — в сторону своего дома, куда почти все мужское население городка не могло добраться на своих двоих. Источником алкогольного поражения вятичей был магазин потребкооперации, где в день зарплаты перевыполняли месячный план, торгуя спиртными напитками. Он стоял между зданиями райкома КПСС и добротной, в два этажа, бревенчатой районной музыкальной школой…

Все это и многое другое составляло элементы культуры быта. «А почему у нас не так?!» — вертелся постоянно в голове вопрос и становился особенно горьким, когда вся заграничная кинолента впечатлений начинала разворачиваться от наших границ в обратном направлении — от Бреста к Москве. Справедливости ради следует сказать, что культура быта и общения людей в Западной Украине, Закарпатье, Западной Белоруссии и Советской Прибалтике, которые вошли в состав СССР только в 1939 году и

пережили вместе с нами все ужасы Второй мировой войны, но не основополагающего для нас в уничтожении культуры Октябрьского переворота в 1917 году, была значительно выше, чем в коренных районах Советского Союза. Кроме революции, народу сверхдержавы пришлось вынести на своих плечах «красный террор» 20-х и 30-х годов, коллективизацию, индустриализацию, Великую Отечественную войну, восстановление разрушенного войной народного хозяйства, «великие стройки» коммунизма и освоение целины в Казахстане при Хрущеве. И всякий раз новый этап развития советской Системы означал репрессии против самых активных и энергичных членов общества, щадя «социально близких» коммунизму лодырей, пьяниц, холуев.

Своими впечатлениями от зарубежных поездок во время отпуска, в том числе о нищете и беспорядке в советских деревнях и городках, я обязательно делился с Юрием Владимировичем. Ему, видимо, были довольно интересны наблюдения журналиста. Он, в свою очередь, как-то откровенно рассказал, как его поразила после нашей нищей Карелии, где он был вторым секретарем ЦК Компартии республики, культура быта и европейский уклад жизни в Венгрии. Он был назначен туда сначала советником-посланником, а затем и послом Советского Союза.

Я понял, что, несмотря на все ужасы кровавых событий 1956 года, которые ему пришлось там пережить, добрые чувства к мадьярам, глубокое уважение к их традициям и культуре, в том числе и культуре быта, навсегда остались в его душе. Он вдумчиво относился к нашим проблемам бытовой культуры, культуры труда и человеческих отношений, готовясь к заседаниям политбюро и секретариата, совещаниям и предвыборным встречам. В частности, Юрий Владимирович выслушал с большим вниманием рассказ о моей журналистской командировке в Ярославль в начале 60-х годов. Древний Ярославль — один из побратимов финского города Ювяскюля, и надо было подготовить к очередному юбилею очерк о культурной жизни города на Верхней Волге, где действовал самый старый в России городской драматический театр — имени актера Волкова, основавшего его. Но для меня самым памятным осталось посещение Ярославского моторного завода.

Показывал свое предприятие молодой главный инженер по имени Ашот, с которым мы сразу сблизились. После осмотра нескольких цехов и чистых, уютных столовых, здравпунктов, комнат отдыха для рабочих мы пришли на главный конвейер сборки дизельных моторов. Половину высокого и просторного

зала занимала медленно движущаяся лента конвейера. На плиточном полу другой половины зала рядами стояли сотни две собранных моторов.

Зрелище столь большого количества чистеньких движков было впечатляющим. Я схватился за фотоаппарат и стал искать точку съемки.

— Игорь, ты что, хочешь сфотографировать все это? — показал на ряды двигателей мой гид. Его лицо выражало крайнее удивление, смешанное с неодобрением. — Не делай этого, прошу тебя!.. — Главный инженер предостерегающе замахал рукой.

Пришел мой черед удивляться. Ашот разъяснил свой запрет:

— Это стоят бракованные моторы, которые не завелись на контрольно-испытательном стенде. В каждом какой-то дефект, который надо еще найти и устранить в начале месяца, когда нас не так поджимает план выпуска готовой продукции…

— Почему их так много? — спросил я.

Главный инженер прочел в ответ целую философскую лекцию о связи бытовой и производственной культур, производительности труда с культурой отдыха и пития алкогольных напитков, принимаемого на Руси за настоящий отдых.

Смысл высказываний молодого технического руководителя завода сводился к следующему.

Рабочий и средне-технический персонал предприятия, как и везде в Советском Союзе, проживал не только в самом областном городе, но по преимуществу в его пригородах, близлежащих деревнях и поселках. Такое место жилья называется «частным сектором». Обиталищем людей здесь служат деревенские избы, жалкие одноэтажные домишки и бараки. В таких домах, как правило, нет ни водопровода, ни канализации, ни горячей воды, а следовательно, ванны или душа. Думаю, что за истекшие четыре десятилетия в «частном секторе» мало что изменилось. Разве что отсутствие ремонта превратило в руины то, что было тогда еще пригодным для жилья.

Только несколько сот семей из многотысячного коллектива завода получили за годы хрущевского строительного бума панельных пятиэтажек тесные квартирки в домах со всеми удобствами. Но таких жилищ в старинном Ярославле в начале 60-х годов было очень мало. Избалованные благами москвичи иронически называли панельные дома «хрущобами», по имени Никиты Хрущева, который впервые за полвека истории коммунистической сверхдержавы приказал решить жилищный кризис, строя упрощенные дома.

— Что касается нескольких тысяч наших рабочих, живущих в

«частном секторе», — продолжал главный инженер, — то представь себе их будни. Рано утром, еще затемно, пробуждаются они ото сна. В избе — холодно. Человеку надо затопить печь, которая за ночь остыла, согреть воды для чая и бритья. Душем рабочий может пользоваться только на заводе, в бытовке, или в общественной бане в городе, которых мало и работают они с перебоями. О чистых и сухих комбинезонах и обуви в таких пещерных условиях можно только мечтать…

Вот наш труженик, уставший уже от утренних домашних дел, часов в шесть утра бежит на автобусную остановку — ведь ехать ему на старом и перегруженном автобусе минимум полчаса, а то и час. Таких, как он, сотни собираются со всей округи. На остановку автобус приходит переполненным. Работяга втискивается внутрь машины и в давке едет к проходной завода. Это тоже требует физических усилий. Он устает еще больше. Приходит на работу он уже усталым, а то и голодным, перехватив дома на завтрак кусок хлеба или картофелину и стакан жидкого чая. В бытовке он переодевается в свою робу, измазанную маслом, — вряд ли у него есть еще одна для смены, — надевает грубые, разбитые ботинки без шнурков, в которых ходит по цеху несколько лет, пока они совсем не развалятся…

Если он слесарь, то день начинает с того, что вынимает из железного стола или шкафа железный ящик с инструментами и другой такой же — с нормалями, то есть винтами, болтами, гайками и прочей мелочью. Ящики, как правило, грязные, закапанные машинным маслом и с кусками ветоши, которой изредка протирают инструменты, чтобы не скользили в руке. Шкаф или стол запирают в конце смены на висячий замок, чтобы коллеги из другой смены не «позаимствовали» без отдачи хороший гаечный ключ. Болты, гайки и тому подобную железную россыпь производит в соседнем цеху такой же бедолага. Он гонит так же много брака, как и его товарищи в других цехах. Наказать его рублем невозможно, так как закон этого не предусматривает, а профсоюзная организация и мастер не позволят. Главное — это план, который надо выполнять не по качеству, а по числу изделий и их весу.

Наш герой начинает работу уже уставшим. Поэтому он идет сначала покурить в отведенное для это место. Там собрались его коллеги и обсуждают вчерашнюю выпивку, футбол или хоккей, смотря по сезону. Осенью в число тем добавляется урожай картофеля и овощей на личных участках, так как овощных магазинов, равно и мясных, и рыбных, и бакалейных, поблизости нет. Люди живут продуктами, произведенными руками своей семьи. Если в магазинах на окраине появляются мясо, колбаса и

другие продовольственные товары, то качество их ниже, чем на центральных улицах города, а цены — такие же…

Как ты думаешь, может наш рабочий трудиться четко, споро и точно? Не даст ли он иногда по головке винта кувалдой, если тот не ввинчивается в предназначенное для него отверстие? Будет ли он аккуратно прилаживать, подгонять одну детальку к другой, словно в швейцарских часах или автомобилях «роллс-ройс»? И вообще, может ли быть у нас качество произведенных промышленных изделий выше или хотя бы на том же уровне, на каком оно в Европе и Америке? — задал риторический вопрос Ашот. — Вот тебе взаимосвязь культуры быта и культуры труда… — подвел он итог лекции. — Вот почему даже официальный уровень производительности труда в нашей стране на треть ниже американского. А на самом деле?.. На Западе вообще нет такого понятия, как производственный брак. Если брак появляется, то его устраняют с рабочего места вместе с тем, кто его произвел…

С горечью пришлось согласиться с Ашотом. Стало ясно, почему советские комбайны и автомобили, бытовые машины, электрические приборы и прочие изделия так часто выходят из строя, топорны и неудобны в пользовании, неэкономичны. Они в худшую сторону отличаются по потребительским свойствам от заграничной продукции. Низкая культура быта негативно действует на творчество конструкторов, дизайнеров и изготовителей бытовой техники, сказывается на результатах труда учителей, инженеров, ученых.

Слушая его, я вспоминал, как живут люди в «частном секторе» маленьких городов России, где мне довелось бывать. В таких убогих условиях, как в Ярославле, жили не только представители советского «привилегированного» рабочего класса, но и интеллигенция — техническая, медицинская, педагогическая…

Мои пассажи относительно казенной, официальной культуры страны и культуры быта, поведения ее граждан, начинающегося с воспитания в семье и в детском саду с ранних детских лет, которые я регулярно вставлял в комментарии к вопросам повестки дня заседаний политбюро, посвященным в том числе и финансированию культурной жизни СССР, получили однажды неожиданное продолжение. Они столкнулись с реальностями жизни в Советской стране. А дело было так.

Андропов был депутатом Верховного Совета РСФСР от избирательного округа, куда входили города Ступино и Серебряные Пруды. Во время очередной предвыборной кампании он поехал со своим официальным докладом к избирателям. В

один из вариантов текста выступления он включил примерно такой абзац: «Мы должны быть крайне осторожны в реформах. Самое трудное — сопоставить интересы каждого и интересы всех. И самое главное — уровень культуры: общей, политической, труда и быта, межнациональных отношений, общения. Здесь мы не в первых рядах, и это — самый главный наш недостаток…»

В программу поездки входило посещение города с романтическим названием Серебряные Пруды. После осмотра маленького городка, где не было даже хрущевских пятиэтажек, и посещения местного главного предприятия — молочного завода — в большом зале райкома партии собрался так называемый широкий актив для неформальной беседы с кандидатом в депутаты. Серебрянопрудцы с энтузиазмом встретили одного из самых авторитетных тогда деятелей СССР, и в зал набилось значительно больше народу, чем он мог вместить. Но всем хотелось увидеть и послушать председателя КГБ, который должен был представлять их в Верховном Совете. Завязалась живая беседа, причем избиратели не робели и ставили острые вопросы по поводу политики партии и правительства. Юрий Владимирович откровенно отвечал на них. Под конец, вспомнив, наверное, наши недавние послеотпускные разговоры о культуре быта, он сам, в свою очередь, стал критически отзываться об отсутствии канализации и водопровода в городе, о тропинках вместо тротуаров, которые в дождь превращаются в грязные лужи… Обращаясь к наиболее активной группе горожан, выступавших с острыми вопросами, он спросил, не пробовали ли они скинуться с каждого двора дополнительно к тощему бюджету города и построить водонапорную башню, провести водопровод, хотя бы только вдоль улиц, с водоразборными колонками, как в других городах, покрыть тротуары в центре и дорожки на окраинах цементом или асфальтом? «Надо самим приниматься за дело, а не ждать, что кто-то приедет и сотворит все нормальные условия для жизни в городе…»

Сначала зал замер, не привыкший к откровенной манере общения руководителя такого ранга с людьми. А потом стали прорываться голоса о том, что многие домохозяева пытались зацементировать дорожки вдоль своих усадеб и на подворьях, но в магазинах стройматериалов нет ни строго фондируемых водопроводных и канализационных труб, ни кирпича, ни цемента, ни других необходимых предметов типа водяных насосов и т. п.

Андропов всех выслушал, записал себе что-то в блокнот, а потом показал на меня и сказал: «Это мой помощник, он ведет мои депутатские дела. Я поручу ему помочь вам „выбить“ из Мособлисполкома все материалы, которые вам понадобятся для

того, чтобы решить проблемы культуры быта».

Я действительно вел депутатские дела Юрия Владимировича и принимал в приемной КГБ на Кузнецком Мосту людей из его избирательных округов. Но часто «к Андропову», зная, что он поможет, шли не только его избиратели, но и ходоки из других городов и избирательных округов. Юрий Владимирович охотно подписывал все обращения от его имени к местным властям, которые я готовил по записям бесед в приемной и письмам людей, нуждавшихся в помощи. Нельзя не отметить, что к депутату Андропову обращались также люди, которых отвергли в приемной ЦК и Президиума Верховного Совета, в прокуратуре и Верховном суде. Народ верил ему не как своему формальному избраннику, а как душевному и строгому человеку, способному помочь в беде.

Что же касается просьб серебрянопрудцев, то, когда я пришел к нему с большим списком фондируемых стройматериалов, которые после выступления Юрия Владимировича попросили ходоки из Серебряных Прудов, он хитро посмотрел на меня и сказал: «Видишь! Наш народ живет неопрятно не потому, что не хочет культуры быта. Местные бюджеты должны уделять больше внимания и выделять больше средств и материалов для обустройства городов и деревень. Пока что мы, увы, беднее поляков, чехов, немцев и венгров…»

Затем он снял трубку «кремлевки», его соединили с первым секретарем Московского областного комитета партии Конотопом. «Василий Иванович! — сказал он ему. — Если ты не очень занят, то к тебе сейчас приедет мой помощник Синицин Игорь Елисеевич… Если ты можешь, то посмотрите, чем можно было бы помочь Серебряным Прудам в смысле материалов…»

После просьбы Андропова стройматериалы, конечно, нашлись. Не так много их было и надо. Но Юрий Владимирович в тот раз в нашей дальнейшей беседе не стал вдаваться в причины нашей бедности по сравнению с нашими союзниками. Он, очевидно, понимал их тогда значительно лучше меня. Это явно были непомерные усилия в милитаризации страны, гонке ядерных и ракетных вооружений, а также в бесхозяйственности, которая пожирала огромные ресурсы. Я вспомнил тогда, сколько километров водопровода, канализации и дорог можно было бы проложить в маленьких городках из тех «лишних» материалов, которые ушлые военные строители заваливали землей, чтобы о них не «споткнулся» глаз членов приемочных комиссий оборонки.

Об отношении Юрия Владимировича к просьбам избирателей ярко говорит еще один факт. Андропов был избран депутатом Верховного Совета СССР от Новомосковского избирательного

округа Тульской области. Город Новомосковск — шахтерский, с тяжелой экологией и трудом горожан. Лет за пятнадцать до избрания Юрия Владимировича депутатом от новомосковцев несколько сотен шахтерских и других трудящихся семей получили от властей неподалеку от города непригодную территорию, по сути дела болото, для коллективного сада, где каждой семье было нарезано по четыре сотки. Некоторые поставили там шалаши, иные — фанерные домики и тому подобные легкие жилища. К середине 70-х годов там проживало несколько сотен пенсионеров с семьями, составлявшими в общей сложности несколько тысяч человек. Сады и огороды были ухожены, приносили большой урожай, и эти несколько тысяч могли кормиться собственными выращенными сельскохозяйственными продуктами.

Неожиданно ко мне в приемную КГБ, где я регулярно вел прием избирателей Андропова, приехала целая делегация садоводов из Новомосковска. Люди были крайне возмущены тем, что городской голова вместе со своими прихлебателями из горисполкома захотел согнать сотни семей с освоенных ими микроскопических участков, выкорчевать сады и развернуть на этом месте жилищное строительство. Делегация справедливо указывала на то, что в городе есть еще другие подходящие территории для застройки, а лишение садоводов и огородников их участков может физически убить многих пенсионеров, лишить их внуков мест летнего отдыха, сократить жизнь членов семей ветеранов-шахтеров в неблагополучном по экологии Новомосковске. Кроме того, такой шаг городских властей заставит довольно большую часть населения стоять в очередях и платить деньги из скромных семейных бюджетов за сельхозпродукцию, которую они могли бы вырастить сами.

Ходоки из Новомосковска сообщили мне, что уже обращались в Тульский облисполком и обком партии, к его первому секретарю члену ЦК КПСС Юнаку, но нигде их не желали слушать, в том числе и в обкоме КПСС, куда они попытались пройти на прием к партийному начальству. Жалобщиков, среди которых были старые члены партии, просто не пустили на порог обкома.

На следующее утро я доложил Юрию Владимировичу этот вопрос как весьма срочный и тревожный. Андропов мгновенно по-человечески вошел в положение новомосковцев, рассердился на городские власти и бюрократов из облисполкома. Хотя Юрий Владимирович по большому счету относился к частной собственности садоводов и дачников негативно, он распорядился, чтобы я немедленно выехал в Новомосковск, ознакомился на

месте с положением садоводов, от его имени потребовал от городских властей принятия мер в пользу членов садоводческого товарищества.

На следующий день я был в Новомосковске. Прямо с вокзала, где меня встретил начальник городского отделения КГБ, я отправился в горисполком. Городскому голове, которому пришлось для неожиданной встречи с представителем Андропова прервать какое-то пустопорожнее совещание, я изложил суть дела садоводов и огородников. Затем вместе с ним тут же выехал на место готовящегося преступления против заслуженных и трудящихся людей.

Прекрасный пятнадцатилетний сад начинался почти от самой нынешней городской черты. Все крошечные участочки были разделаны и обработаны, словно в Китае. Картофель, овощи, ягодники, яблони, вишневые и сливовые деревья были заботливо ухожены и обещали дать высокий урожай. Среди зелени, но далеко не на каждом участке, стояли сооружения, которые лишь с большой натяжкой можно было назвать летними жилищами. Они были грубо сколочены из остатков строительных материалов и мусора, крыты кусками старого толя и осколками шифера. Около большинства этих «дач» играли маленькие дети. Старики и старухи, а кое-где и садоводы среднего поколения гнули спины среди грядок овощей и картофеля. Картина нищего жилья советских ветеранов войны и труда, похожего на латиноамериканские фавелы обездоленных рабов, среди ухоженного сада была удручающей для меня, но не для председателя горисполкома. Городской голова уперся и категорически отказывался от своей мысли выкорчевать весь сад, снести хибары, а на пустом и голом месте построить несколько пятиэтажек.

Мы вернулись в горисполком и продолжали переговоры там. Я поражался, как руководитель города и его приближенные партийные и государственные функционеры могли столь упрямо отстаивать неправое дело, затеянное им против пенсионеров и тысяч горожан. Ведь это население буквально кормилось от своих маленьких огородов и садовых деревьев. Единственные аргументы, которые смогли сломить этого советского чинушу, представили мне вызванный тут же прокурор города и начальник отдела торговли горисполкома. У первого из них я спросил, сколько потребуется по закону выплатить компенсации владельцам вырубаемых плодовых деревьев и кустарников. Прокурор назвал примерную цифру. Она составила по крайней мере несколько годовых бюджетов города, идущих на благоустройство. Затем я просил завторготделом подсчитать,

сколько потребуется дополнительных фондов для города на картофель, овощи и фрукты, если несколько сот семей займут очереди в городских магазинах, которые и так поражали отсутствием каких-либо овощей и фруктов. Насыщены прилавки были лишь банками консервированных яблок и молдавской томатной пасты. Оказалось, что получить от областного управления торговли дополнительно к нынешним ничтожным фондам на сельхозпродукты для шахтерского города что-либо еще относится к области советской фантастики.

В результате мне удалось добиться от городского головы и прокурора обещания отменить противозаконное решение о сносе садово-огородного товарищества и даже продлить на одну остановку маршрут городского автобуса, чтобы нагруженным продуктами садоводам не надо было тащиться около километра по пустырю. Юрий Владимирович полностью одобрил мои действия и велел проконтролировать дальнейшие шаги городских властей. Это оказалось нелишним, поскольку через месяц мне сообщили из городского отделения КГБ о том, что власти Новомосковска положили под сукно свои обещания депутату Андропову и решили дальше гнуть свою линию. Тут уж я обозлился на советских чинуш и попросил Юрия Владимировича позвонить по ВЧ первому секретарю Тульского обкома Юнаку. Андропов тоже возмутился отношением местных властей к поручению депутата. Он немедленно выполнил просьбу о звонке и сам получил обещание Юнака контролировать дальнейшее развитие ситуации. Кстати, удалось через Юнака и несколько увеличить фонды на продукты для Новомосковска…

Год от года моя работа по подготовке материалов к заседаниям политбюро для Юрия Владимировича превращалась в нудную рутину. Сначала я был вдохновлен ответственным поручением партии, которой еще верил. Еженедельно ПБ на заседаниях рассматривало по 12–15 вопросов. Да еще между заседаниями, поименным голосованием, высший орган партии решал от 50 до 80 вопросов! Года через два-три, когда я немного вошел в курс дела, они стали поражать меня как журналиста своим «мелкотемьем». Вместе с банальными политическими — директивами советской делегации на сессию ООН или обсуждением итогов бесед Брежнева с кем-либо из высоких гостей от братских компартий или правительств многих стран мира, о бюджете на очередной, 1970-какой-то год или перемещениях высших военачальников и других деятелей «номенклатуры политбюро» — кремлевские старцы решали множество мелких и мельчайших вопросов, вплоть до производства поршней для завода КамАЗ или награждения доярок и свинарок передовых

колхозов.

Судя по протоколам заседаний политбюро, которые я регулярно получал для доклада Андропову, дискуссии по вопросам повестки дня на очных заседаниях ПБ практически не возникали. Механически штамповались «постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР» по разным хозяйственным вопросам, принимались решения о международных встречах Брежнева, Подгорного и Косыгина, одобрялись все тезисы для бесед Брежнева с главами иноземных государств, а затем его беседы слово в слово по этим тезисам, записи которых выносились в следующие за ними повестки дня. Регулярно, накануне летнего сезона, принимались постановления о приглашении на отдых в СССР лидеров коммунистических партий как стран социализма, так и других — капиталистических и развивающихся. Снова утверждались тезисы для бесед с ними Брежнева. Вопросы нашего генсека собеседникам и варианты его возможных ответов на встречные вопросы первых лиц братских партий или лидеров зарубежных стран иногда поражали своей убогостью и примитивизмом, хотя их готовили умные люди из ЦК КПСС, МИДа, МО, КГБ СССР, Госплана и других столпов мудрости Системы. Видимо, авторы всех этих записок и помощники генсека, окончательно редактировавшие их перед утверждением на политбюро, руководствовались не только низким мыслительным уровнем вождя застоя, но и заскорузлым старческим мышлением большинства его соратников.

К концу 70-х годов атмосфера в политбюро сделалась настолько затхлой и взаимоподозрительной, что кремлевские старцы перестали изрекать хоть какую-либо критику, даже если она могла сопровождаться конкретными предложениями для улучшения дела. Андропов ясно понимал это и не «возникал» на заседаниях ПБ с какими-либо острыми замечаниями или оценками.

Однажды, при предварительном обсуждении с ним вопросов повестки дня очередного заседания политбюро, касавшегося сразу нескольких аспектов импорта в СССР современного промышленного оборудования, я рассказал Юрию Владимировичу о вопиющем факте, которому стал свидетелем во время журналистской поездки в город Горький (теперь — Нижний Новгород) и посещения Балахнинского целлюлозно-бумажного комбината в его пригороде. Один из молодых инженеров, член парткома ЦБК, выступал в роли сопровождающего по комбинату. Он показал три действующие бумагоделательные машины, сделанные за полтора десятилетия до этого в Финляндии. Каждая из них была настоящим огромным цехом. Их производительность

была в два раза выше наших новейших аналогичных агрегатов, стоящих рядом. Могу ошибиться за давностью лет в абсолютных цифрах, но их порядок удивил меня. Если наши машины производили за единицу времени триста метров бумажного полотна, то финские — более пятисот метров за то же время. Но значительно больше поражал другой факт. Года за три до моего визита в Балахну финны поставили на ЦБК еще более производительную и совершенную бумагоделательную машину производительностью девятьсот метров бумажного полотна в ту же единицу времени. Четвертая финская машина за три года так и не была установлена, и многометровые ящики с ее деталями валялись на дворе комбината под открытым небом. Огромные валютные деньги были за нее уже заплачены.

Инженер рассказал, что прецизионные металлические части четвертой машины ржавели и потихоньку выходили из стоя. Но поскольку продукция, которую уже минимум два года эта машина могла выпускать, почему-то не была включена в план, ни обком партии, ни дирекция ЦБК и ухом не вели. Между тем газетная и книжная бумага была остродефицитным, высоколиквидным и валютным товаром, недостаток которого ощущался в СССР. Вернувшись из командировки, я написал для советского журнала, выходившего в Хельсинки, «Нэйвостолиитто тянаан» («Советский Союз сегодня») большой очерк о Балахнинском ЦБК, в котором в превосходной степени отозвался о финских бумагоделательных машинах, в том числе и о неустановленной.

Когда этот журнал вышел в Хельсинки, разразился маленький скандал, который, впрочем, не имел никаких последствий. На финском концерне «Вяртсиля», который строил все эти четыре машины, прочитали очерк и решили сделать большую любезность великому северному соседу Финляндии.

Правление концерна официально уведомило торгпредство СССР в Хельсинки, что бумагоделательная машина № 4 уже усовершенствована настолько, что ее производительность увеличена при тех же параметрах до 1100 метров в единицу времени. Первые три машины также слегка реконструированы, и в Финляндии производят по девятьсот метров бумаги. Финская сторона предложила бесплатно поставить новые агрегаты к машине № 4, чтобы увеличить выход ее продукции. Что касается трех действующих машин, то финский концерн, имеющий давние и прочные связи с СССР, за минимальную цену был готов прислать своих специалистов в Балахну с соответствующими новыми частями машин, чтобы увеличить и их производительность до девятисот метров бумажного полотна каждой. К полному изумлению финнов, которые приложили свои

расчеты о выгодности реконструкции и чуть ли не полугодовой самоокупаемости всех деталей и работ, советские чиновники так и не ответили на выгодное предложение.

Юрий Владимирович только хмыкнул, но не особенно удивился, услышав эту историю. Очевидно, когда он работал вторым секретарем ЦК Компартии Карелии, он не раз бывал свидетелем тупости и косности и низов, и верхов советских чинуш.

Немного поразмыслив, он все же спросил меня:

— А что ты предлагаешь?

— При обсуждении на ПБ вопроса, который навеял эту тему, — ответил я, — можно было предложить партийным органам, в частности отраслевым отделам ЦК, которым и так нечего делать, провести через партийные комитеты на предприятиях и в министерствах подробную ревизию неустановленного импортного оборудования, за которое уже заплачены большие валютные деньги… Затем поручить Госплану и Совмину принять срочные меры по его установке…

Юрий Владимирович подумал и подвел итог:

— Ты что, хочешь поссорить меня с Косыгиным и секретарями ЦК по промышленности? — Он откинулся в кресле и замахал руками, словно открещиваясь от предложения. — И не думай писать подобное в твоих комментариях к повестке дня… Если я только выскажусь в прениях на подобную тему самым деликатным образом, — сказал он, — Косыгин, Кириленко, заведующие отделами ЦК, министры сразу же начнут нашептывать Леониду Ильичу, что Андропов-де лезет не в свои дела, учит всех, как надо работать… Начнут обвинять и КГБ, что он стремится контролировать промышленность, не только диссидентов…

После этого разговора мне стало ясно, что принципиальность и энергия Юрия Владимировича в отношении его к экономическим проблемам социализма в Советском Союзе стали ослабевать. Осторожность и тщательный анализ того, как его предложения по острым хозяйственным вопросам отзовутся не только в практической политике, но и в отношениях с завистливыми и неумными в большинстве своем коллегами по политбюро, начинали преобладать в его подготовке к заседаниям высшего ареопага партии. Его осторожность стала возрастать по мере того, как старческая апатия геронтократов все больше охватывала страну. Особенно наглядно это было заметно в работе генсека, политбюро, других самых высоких органов власти СССР.

Брежнев серьезно заболел в конце 1976 — начале 1977 года, а старческие недомогания и леность мысли начали охватывать его

примерно за год до этого. И если хозяйственные вопросы и внутрипартийные дела еще как-то решались напором Косыгина, Устинова, Кириленко, а идеологию, общественные науки и культуру цепкой хваткой держал Суслов, то внешние дела, которые курировал генеральный секретарь, сразу приобрели более глухое звучание на таком относительно широком сборище, каким было политбюро. Вместо ПБ внешнюю политику более келейно стали обсуждать тройкой членов политбюро — Громыко, Андроповым, Устиновым, вкупе с двумя-тремя помощниками Брежнева по внешней политике — Александровым-Агентовым, Блатовым, Русаковым. Нарастающий вал еврокоммунизма не только в европейских коммунистических и социалистических, но и многих других братских партиях вызывал беспокойство Суслова и Пономарева. Однако никаких творческих предложений, кроме устройств очередных международных совещаний, то есть пустопорожних говорилен, от секретарей ЦК Суслова и Пономарева, подчиненных им отделов и научно-теоретических институтов, в том числе и «гнезда» высоколобых теоретиков, Института Маркса — Энгельса — Ленина (ИМЭЛ), не поступало. Одряхление марксизма-ленинизма и на этом направлении превратилось в смертельную для партии болезнь.

Те же вопросы, которые возникали спонтанно по совершенно секретным запискам МИДа, КГБ, Министерства обороны и Минатома, а затем вяло и сугубо формально обсуждались на заседаниях политбюро, обозначались как «за повесткой дня», в протокол заседания не вносились, а сразу же штамповались грифом «особая папка». Они направлялись не просто узкому кругу лиц для исполнения, а лишь двум-трем высшим чиновникам государства.

Я уже отмечал, мне приходилось готовить комментарии к вопросам повестки дня заседаний политбюро в срочном порядке, как правило, за двое суток. Необходимо было собрать к утру четверга все документы в специальную папку для Юрия Владимировича. Перед каждым вопросом вкладывался один лист с кратким изложением сути проблемы и лист моего комментария, иногда с приложением справки Аналитического управления внешней разведки, если вопрос носил международный характер и требовалось кратко изложить его историю. Когда Андропов возвращался с заседания, он обычно передавал эту папку мне. По его подчеркиваниям и другим пометкам на моих и чужих листках я видел, какие проблемы его больше всего интересовали или как он выступал по своим наброскам, сделанным на основе записок ЦК и моих комментариев.

Однако с течением времени, а точнее, к концу 1976 года я

стал замечать, что пометок и подчеркиваний Юрия Владимировича на моих листках становится все меньше и меньше. Наконец, настал день в начале 1977 года, когда я не увидел ни одной пометки — ни синим — отрицательным, ни красным — положительным толстыми карандашами. Меня это очень взволновало, и я в тот же вечер отправился в кабинет Юрия Владимировича для объяснений. Он был занят с каким-то зампредом, а потом принял меня. Это было перед самым отъездом его на дачу, часов в девять вечера.

Я сел на приставной столик у его письменного стола и протянул ему папку с материалами к заседанию политбюро. Юрий Владимирович явно устал в этот день больше обычного, настроение у него было не самым лучшим, и он тихим голосом спросил меня:

— Игорь, что-то не так?

Я ответил ему, что действительно моя работа идет, видимо, не так, как следует, если он перестал читать то, что я готовлю ему к заседаниям ПБ.

— Я хотел бы знать, — пояснил я шефу, — что мне нужно дальше делать? Может быть, я перестал удовлетворять вашим требованиям и мне нужно уходить?

— Что ты, что ты!.. — махнул слабо рукой Андропов. — Но я хотел бы тебя спросить: что ты мне все время пишешь такие критиканские заметки, что я не могу говорить это на политбюро? Ты что, хочешь, чтобы меня выкинули из ПБ за диссидентские мысли?

— Юрий Владимирович! — удивился я. — Какие диссидентские мысли? Ведь вы, когда брали меня на работу, сказали, что вам нужна свежая голова, мой философский взгляд на вещи и журналистский опыт… Если необходимость в свежей голове отпала, то я могу просто переписывать к заседаниям ПБ передовицы из «Правды»…

Андропов устало закрыл глаза, и я понял, что у него начались какие-то неприятности с Брежневым. Посидев так минуту, Юрий Владимирович снова открыл глаза. Теперь они у него снова задорно блестели.

— Ну ладно, — сказал он. — Продолжай писать свои соображения, как ты делал это раньше. Но это будет только для меня. Поэтому извини, если я не буду их высказывать на политбюро и подчеркивать карандашами… И сам осторожнее выделяй главное во всех документах ЦК, особенно синим карандашом… А то глупость некоторых наших бояр становится слишком видна…

Я понял, что общий отдел и Черненко, видимо, обнаружили

какую-то мою промашку, слишком откровенное неприятие дурацких предложений партаппарата, и донесли об этом Андропову.

Юрий Владимирович подтвердил мои подозрения.

— Иногда ты бываешь чересчур прямолинеен и не учитываешь всех тонкостей аппаратных интриг на Старой площади. Поэтому будь осторожнее, когда обрабатываешь документы ЦК, — еще раз посоветовал он.

О том, что именно в начале 1977 года «днепропетровская мафия» начала свою первую атаку на Андропова и к середине того же года Юрий Владимирович оказался на грани удаления его Брежневым из политбюро и из Комитета госбезопасности, я узнал от самого Юрия Владимировича только несколько месяцев спустя.

В начале 1977 года Брежнев серьезно и надолго заболел. Я видел его как-то проходящим в Кремле мимо меня и отшатнулся не только, чтобы пропустить генсека. В одном метре от меня механически прошагал манекен с пустыми глазами, отвисшей челюстью и покачивающийся так, что его охранники все время были настороже — нельзя дать публично упасть генеральному… Веющий мертвечиной восковой цвет лица и рук Брежнева дополняли стандартный образ вождя СССР, каким его можно было видеть в Музее мадам Тюссо или Мавзолее Ленина.

Ближайшие друзья и соратники Брежнева по Днепропетровску и Молдавии, в том числе Черненко, Кириленко, Тихонов, Щелоков, Цинев, весьма забеспокоились. Самым реальным соперником Леонида Ильича на главный пост в Кремле оставался в 1977 году 74-летний, но крепкий и энергичный формальный глава СССР — Председатель Президиума Верховного Совета Николай Викторович Подгорный. Среди немногих он был с Брежневым на «ты», держался довольно независимо от генсека. По слухам, он перетащил под свое влияние главный резерв Брежнева — украинскую парторганизацию. К тому же на фоне недугов Брежнева он совершил весной 1977 года «президентскую» поездку по странам Африки, где демонстрировал здоровье, напор и частичную независимость от директив политбюро относительно его речей и маршрута.

Клевреты Брежнева связали «волюнтаристское» поведение Подгорного в этой поездке, привлекшее внимание западной прессы и московских деятелей, которые получали рефераты этой прессы от своих помощников и аппаратов, с имевшей якобы место поддержкой Подгорного Андроповым. Разумеется, Андропов был и оставался верным Брежневу, однако в аппаратных играх слухи иногда становятся достовернее реальной ситуации. Андропов стал в глазах днепропетровцев слишком сильным, особенно если

он сблокируется с Подгорным, и его кое-кому хотелось «укоротить», разумеется политически, на голову, которая слишком возвышалась над кремлевскими карликами.

Я думаю, что Юрия Владимировича в большой политике спасло только то, что к этому времени он установил тесные дружеские связи с министром обороны Дмитрием Федоровичем Устиновым и министром иностранных дел Андреем Андреевичем Громыко. Этот триумвират, который окончательно оформился к началу 1978 года, фактически за полгода до этого стал оказывать решающее влияние на секретариат ЦК и политбюро. Суслов, активно враждовавший с Кириленко, вторым претендентом от днепропетровцев на власть после Брежнева, также исподтишка поддерживал Андропова. Но угроза удаления Юрия Владимировича из политбюро и КГБ, на мой взгляд, с середины до конца 1977 года все-таки оставалась вполне реальной.

Как я понял из протоколов заседаний политбюро за второе полугодие 1977 года, Юрий Владимирович вообще перестал выступать по обычным вопросам повестки дня. Ссылки на его замечания и предложения делались только по поводу решений «за повесткой дня», которые проходили вне протоколов, по разделу «особая папка».

На мой взгляд, именно к этому периоду его жизни Юрий Владимирович сильно изменился. Возможно, он был напуган 1977 годом, как когда-то 1950-м, то есть годом «ленинградского дела», могущего поставить точку не только в его политической карьере, но и самой жизни. Теперь самое большее, что ему угрожало, — изгнание на пенсию или послом в какую-либо страну, как произошло это, например, с Кириллом Трофимовичем Мазуровым, не принадлежавшим к брежневской клике.

Андропов перестал часто шутить, как делал он это с удовольствием до 1977 года. Его глаза за толстыми стеклами очков уже не блестели таким энергичным блеском, как раньше. Даже со своими ближайшими сотрудниками и зампредами Юрий Владимирович стал суше и официальнее. Видимо, опасность потерять все сконцентрировала его волю в кулак, и он именно в это время решил начать серьезную борьбу за власть, поскольку Брежнев угасал на глазах, а деятелей, могущих поднять страну и вывести ее из застоя, перераставшего в кризис, ни он, ни его друзья Устинов и Громыко в политбюро не видели…

На тесные отношения Юрия Владимировича с Андреем Андреевичем не смог повлиять даже вопиющий факт измены близкого сотрудника Громыко, представителя СССР в ООН Шевченко. Резидентура КГБ в Нью-Йорке неоднократно предупреждала Андропова, а через него — и Громыко о том, что

близкий друг семьи Андрея Андреевича, высокопоставленный чиновник МИДа, по-видимому, связан с американскими спецслужбами. Громыко только отмахивался от этой информации, а Юрий Владимирович, возможно, приберегал ее на «черный день», чтобы обеспечить поддержку Громыко в нужный момент. Во всяком случае, когда Шевченко сбежал к американцам, Андропов не раздул из этого скандал, а всячески пытался приглушить произошедшее. Конечно, Громыко остался благодарен ему за это и поддерживал, в свою очередь, Андропова во всех его начинаниях как местного, так и глобального характера, которые проходили через политбюро.

Тогда мне казалось, что это благо для страны, у которой наконец-то появились энергичные и квалифицированные руководители. Теперь же, анализируя историю двух последних десятилетий СССР с позиций сегодняшнего дня, можно сделать вывод, что триумвират Андропов — Устинов — Громыко не принес стране счастья.

Устинов, профессиональный оборонщик со сталинских времен, был фанатиком вооружения, довооружения и перевооружения Вооруженных сил Советского Союза новейшей техникой. Как политик и руководитель промышленности он сформировался в 40-х и 50-х годах военной и послевоенной гонки вооружений в мире, основанной на тотальном использовании материальных и интеллектуальных ресурсов для нужд обороны и ядерного противостояния. Полуголодное и нищее существование большинства народа, недостаток современного жилья его, видимо, не волновали. Он сам жил почти по-спартански, как комсомольцы 20-х годов, и заставлял так жить свою семью. Он был лично честен, как и Андропов. Но под его руководством, вкупе с оборонкой, армия пожирала до 80 процентов валового национального продукта. Страна нищала, гражданские отрасли промышленности разрушались, сельское хозяйство экономически проваливалось, хотя почти ежегодно происходило списание государством огромных долгов колхозов и совхозов. Социальная сфера, жилищно-коммунальное хозяйство, медицина и казенная культура постепенно хирели, не получая достаточного финансирования. Стагнировались наука и образование. Развивалось только то, что было хоть в какой-то степени связано с военным делом.

Андропов со своей стороны поддерживал во всех начинаниях Устинова, укреплял режим секретности в оборонной сфере, через возможности внешней разведки способствовал получению конфиденциальной научно-технической информации и дезинформации, подстегивающей гонку вооружений. ПГУ и его

люди, наряду с разведчиками ГРУ, добывали агентурным путем горы военных технологий из стран НАТО, образцы новых материалов и многое другое. Но главным детищем Юрия Владимировича была политическая разведка. К сожалению, ее курс под общим руководством Андропова, не без влияния Устинова и в конкретном исполнении его ближайшего многолетнего сотрудника Крючкова, вел не к разрядке, как в лучшие времена Хрущева и Брежнева, а к конфронтации и гонке вооружений. Вот интересные данные из документа КГБ, направленного в виде отчета в ЦК КПСС:

«Систематически добывались данные о враждебных замыслах и антисоветской деятельности спецслужб США и других иностранных государств, зарубежных центров идеологических диверсий…

Комитетом подготовлено и направлено в Инстанцию (так назывался конспиративно ЦК КПСС), министерства и ведомства свыше 8 тысяч информационных материалов, в том числе более 500 аналитических записок. Около 6 тысяч материалов направлено в ЦК КПСС и Совет министров СССР.

…Удалось решить ряд крупных задач по линии научно-технической разведки. Получены документальные материалы и образцы по важным проблемам экономики, науки, техники США, других ведущих капиталистических стран… По военно-промышленным вопросам реализовано около 14 тысяч материалов и 2 тысячи типов образцов».

В этом триумвирате Громыко осуществлял роль внешнего прикрытия и главного дипломатического борца. Не случайно западные средства массовой информации называли его «Господином Нет» еще с хрущевских времен. Андрей Андреевич своим авторитетом также весьма успешно поддерживал все инициативы Устинова и Андропова, выдвигавшиеся ими на политбюро и в узком кругу Брежнева вместе с секретарями ЦК. Больному генсеку, даже с помощью рати его ближайших днепропетровцев и помощников, среди которых был тайный симпатизант Юрия Владимировича Александров-Агентов, невозможно было сдержать политический напор триумвирата.

Чтобы не дать повода сталинистам на политбюро обвинить себя в реформаторских потенциях и проявлениях слабости к «врагам социалистического строя», Андропов все громче и «грознее» выступал на словах против небольшой группы смелых, умных и принципиальных людей, получивших название «диссиденты». Он не делал ни одного публичного выступления, чтобы не произнести в нем ритуальных торжественных слов в адрес большевизма и святости идей Ленина. Но в делах он был

значительно более мягок, чем его предшественники на посту председателя КГБ. Если первый председатель КГБ Иван Серов, назначенный Хрущевым, прямо продолжал палаческую практику Сталина, Берии и Хрущева; при председателе КГБ Шелепине в стране были тысячи политзаключенных и начиналась «судебная психиатрия»; при следующем председателе — Семичастном великого писателя Бориса Пастернака шеф КГБ сравнил на собрании литераторов со свиньей и продолжал жестоко преследовать «инакомыслящих», — то при Андропове репрессии против диссидентов-писателей и журналистов, молодых и старых свободолюбцев чуть-чуть ослабели. Хотя некоторые политики, Косыгин например, требовали заключить Александра Солженицына или Андрея Сахарова в тюрьму или отправить в ссылку в самую холодную местность Сибири, Андропов и Брежнев, под его влиянием, не сделали этого… Был разрешен, хотя и ограниченный, выезд евреев на историческую родину — в Израиль.

К середине 1980 года здоровье Брежнева неожиданно стало несколько улучшаться. И несмотря на то что личные отношения Леонида Ильича и «Юры», как ласково называл генсек председателя Комитета государственной безопасности, улучшились, «днепропетровской группировке» и примыкавшим к ней некоторым другим деятелям из политбюро, вроде Щербицкого и Гришина, удалось создать новый кризис для Андропова. В это время я уже работал политическим обозревателем АПН и питался информацией не из первоисточника, то есть от Юрия Владимировича, а из «вторых» уст, но надежных в смысле симпатий и близости к Андропову и большой информированности во внутрикомитетских делах. Результатом моего анализа я и хотел бы поделиться. В эти размышления входит гипотеза о причинах загадочной смерти первого заместителя председателя КГБ Семена Кузьмича Цвигуна, но она будет подробно изложена в главе пятой — «Андропов и КГБ».

К самому началу 80-х годов Юрий Владимирович Андропов, как председатель КГБ и член политбюро, опиравшийся на своих друзей-союзников Устинова и Громыко, представлял собой такую мощную силу, что прямым наскоком генеральный секретарь и его клевреты свалить Юрия Владимировича, то есть лишить всех постов, уже не могли. Днепропетровцам вместе с их союзниками и подголосками вроде Щелокова, Медунова, Мжаванадзе, Рашидова и кое-кого еще пришлось проводить длительную интригу, чтобы Андропов, как тогда говорилось, «слетел вверх». Имелось в виду перевести его на более «высокий» пост, чтобы

оторвать от КГБ и возможностей этой организации, разъединить с Устиновым и Громыко и постепенно свести на нет его влияние.

Но какой пост мог быть выше в СССР, чем пост председателя КГБ? Разумеется, только одна должность в ЦК КПСС, а именно секретарь ЦК, который в отсутствие генерального и по его поручению председательствует на заседаниях секретариата ЦК и политбюро, распоряжается главной каучуковой печатью ЦК КПСС для скрепления важнейших партийных, в том числе и кадровых, решений. И тут, весьма ко времени для Брежнева и его компании, 25 января 1982 года умирает второй секретарь ЦК Суслов. Днепропетровцы во главе с Брежневым, которого уже запугали ростом влияния Андропова и его борьбой с коррупцией, подобравшейся даже к членам семьи генсека, проводят рокировку. Андропова освобождают от должности председателя КГБ и избирают на вакантное место в секретариате ЦК.

В предварительном разговоре с Андроповым Брежнев обещает «Юре», что тот займет пост второго секретаря ЦК вместо Суслова. Андропов знает, что формально звания «второй секретарь» в партии нет, оно весьма условно и определяется только тем, кто председательствует в отсутствие «хозяина». Хитрый Брежнев заверяет его в том, что он займет место Суслова со всеми прерогативами этого бывшего «серого кардинала». Андропову ничего не остается, как согласиться. Но только в мае, спустя два с лишним месяца после смерти Суслова, его избирают на пленуме секретарем ЦК, и он получает фактически только… бывший кабинет Суслова на пятом этаже первого подъезда здания на Старой площади. А Брежнев опять болеет и редко появляется в своих кабинетах в Кремле и на Старой площади. Заседания секретариата и политбюро ведет по-прежнему его верный оруженосец Костя Черненко.

Сомневаюсь, что подковерная борьба в Кремле обострилась в те дни, как говорили, до такой степени, что Андропову угрожал арест Щелоковым или его первым заместителем, зятем Брежнева Чурбановым, которым генсек якобы выдал ордер на арест Андропова. Таким же мифом является и перестрелка спецназа МВД и охранников Андропова в районе дома номер 26 по Кутузовскому проспекту Москвы, где были прописаны и Брежнев, и Андропов, и Щелоков, якобы в то время, когда Юрий Владимирович выезжал из дома на работу, а спецназ МВД имел приказ Щелокова арестовать новоиспеченного секретаря ЦК КПС. Во-первых, Андропов в этом доме практически не жил, а квартировал на даче. Во-вторых, если он не ночевал в какие-то дни на даче, то находился в это время в особой палате Центральной клинической больницы в Кунцеве, где для него уже

тогда функционировал специальный блок. В-третьих, в окружении Брежнева, а тем более Щелокова и Чурбанова, в 9-м управлении КГБ оставались люди, преданные Юрию Владимировичу настолько сильно, что они не позволили бы провести в жизнь столь примитивный заговор против Андропова.

Его противники ясно сознавали это и пытались плести интриги более скрытно, оттягивая момент, когда Брежнев дозреет с их подачи до решительных действий в отношении «Юры». Черненко, Гришин, Щелоков, Медунов и другие деятели, ненавидевшие Андропова, собирались политическими методами остановить продвижение Юрия Владимировича на второй по значению пост в партии.

Звание «второй секретарь» в партийной иерархии весьма влиятельно, потому что он подбирает кадры и предлагает назначение их на высшие партийные и государственные должности, генсека. Брежнев опять болеет и редко появляется в Кремле и на Старой площади. Но он предупреждает рабочего секретаря ЦК по кадрам Ивана Капитонова, показывая во время одной из встреч на свое кресло: «Ты готовь кадры с таким учетом, что скоро в этом кресле будет сидеть Щербицкий!..»

Хотя Андропов и занял кабинет Суслова на пятом этаже первого подъезда ЦК, но председательствование на заседаниях секретариата и политбюро Брежнев и его кремлевские карлики оставляют за Черненко. Андропова лишают главных связей с КГБ. Он предлагает генсеку вместо себя шефом на Лубянку Чебрикова. Хотя Виктор Михайлович вышел из Днепропетровска и первоначально был назначен в КГБ на управление кадров именно днепропетровцами, он сохранил после пятнадцати лет совместной работы преданность и уважение к Юрию Владимировичу. Брежневу его порядочность не нужна. По подсказке своего родственника Цинева, занимавшего пост первого заместителя председателя КГБ и надзиравшего постоянно за Андроповым, Брежнев вызывает из Киева председателя КГБ Украины Федорчука. Военного контрразведчика, каким был и Цинев, делают председателем КГБ СССР — весьма тонкой и разветвленной структуры, в которой военная контрразведка является лишь одной из двух десятков составляющих. Не случайно прямолинейный солдат Федорчук сразу же берется за укрепление воинской дисциплины в КГБ СССР и перегруппировку кадров… Как мне рассказывали, от руководства самыми секретными подразделениями, в том числе 12-м отделом, то есть «прослушкой», и 10-м управлением, накапливавшим в своих сейфах компромат на всех, были удалены люди Андропова.

Андропова почти полностью отрезают от КГБ. Заседания

секретариата и политбюро ведет фактически Черненко. Если бы Брежнев продержался еще несколько месяцев, а не умер 19 ноября 1982 года, то нового секретаря ЦК задвинули бы куда подальше. Говорили, что Брежнев якобы распорядился в конце концов по телефону о том, чтобы на председательское кресло в секретариате и политбюро сел Андропов. Может быть, оно и было так, хотя столь важные вопросы не решают в насквозь бюрократизированной партии по телефону, хотя бы из опасения вызвать междоусобицу.

По свидетельству Михаила Горбачева, в один из дней июля произошел эпизод, поставивший все на свои места. «Обычно перед началом заседания секретари собирались в комнате, которую мы именовали „предбанником“, — писал последний генсек КПСС. — Так было и на сей раз. Когда я вошел в нее, Андропов был уже там. Выждав несколько минут, он внезапно поднялся с кресла и сказал: „Ну что, собрались? Пора начинать“. Юрий Владимирович первым вошел в зал заседаний и сразу же сел на председательское место. Что касается Черненко, то, увидев это, он как-то сразу сник и рухнул в кресло, стоявшее через стол напротив меня, буквально провалился в него. Так у нас на глазах произошел „внутренний переворот“, чем-то напоминающий сцену из „Ревизора“. Этот секретариат Андропов провел решительно и уверенно — в своем стиле, весьма отличном от занудной манеры, которая была свойственна Черненко» [7].

То, что описал Горбачев, действительно больше похоже на «бархатный» партийный переворот, чем какие-то указания немощного генсека по телефону. Никто, в том числе и Брежнев, не осмелились бы выступить своим старым и больным фронтом против таких авторитетных деятелей страны, поддерживавших Андропова, как министр обороны Устинов и министр иностранных дел Громыко. В тот день Юрий Владимирович, видимо, решил для себя: «Вчера брать власть было еще рано, а завтра может быть уже поздно!..»

Он оказался прав. До полной власти ему оставался только один шаг.

Тайная дипломатия Андропова

Старинное слово «дипломатия», означающее некую совокупность невоенных мероприятий, приемов и методов, которые применялись с древности странами и монархами для решения целей своей внешней политики, за последние три-четыре века приобрело еще один, новый оттенок или эпитет — «тайная». Тайную дипломатию, наряду с официальной деятельностью глав государств и правительств, министров и ведомств иностранных дел, дипломатических представительств и делегаций на международных и двусторонних переговорах, мог осуществлять по личному поручению того, кто стоял у власти, кто угодно, не обязательно профессиональный дипломат. Как правило, ею занимались разведчики, ученые, писатели. В том числе это были такие выдающиеся классики мировой литературы, как Карон де Бомарше, Даниэль Дефо и Джонатан Свифт.

Европейская дипломатия, как самая изощренная и коварная со времен Средних веков, несет в своей истории множество эпизодов тайных контактов между правящими кликами разных государств, подковерных схваток, к которым привлекались и дипломаты, и представители спецслужб под разными «крышами». Россия в этом порядке международной жизни отнюдь не является каким-либо исключением. Особенно активно московиты стали пользовать тайную дипломатию с конца XVII века, со времен Петра I. Его Великое посольство в страны Европы, в котором он сам принимал участие под псевдонимом Петр Михайлов, было и официальной делегацией, как сказали бы теперь, и многосторонней акцией тайной дипломатии и разведки.

На протяжении XVIII века тайными посланцами европейских монархов в Россию и корреспондентами властителей Российской империи были Вольтер и шевалье д'Эон, венецианский граф Калиостро и русский граф Толстой.

Одной из самых выдающихся операций российской тайной дипломатии в начале XIX века был визит в Швецию в декабре 1810 года флигель-адъютанта императора Александра I штабс-ротмистра кавалергардского полка графа Александра Чернышева. Поручиком гвардии Чернышев участвовал в сражении при Аустерлице, в других сражениях против французов. После Тильзитского мира он отправился в Париж с личным поручением Александра и очень понравился Наполеону. После эрфуртского свидания двух императоров двадцатичетырехлетний флигель-адъютант царя был снова послан в Париж на уникальную для тех времен должность личного военного агента русского императора

при императоре французов, то есть военным атташе. Обаятельный, веселый, богатый и щедрый, кавалергард расположил к себе весь Париж, начиная от Наполеона, его жены, его семьи и маршалов Франции и кончая мелкими чиновниками различных ключевых ведомств во французской столице. Эти люди среднего класса стали верными друзьями и агентами молодого русского разведчика-аристократа.

Добрую дружбу граф Чернышев завязал с одним из самых талантливых маршалов Франции — Бернадотом и его женой Дезире, бывшей еще не так давно любовницей Наполеона. Под маской верности своему императору и добродушия Бернадота молодой русский граф-психолог сумел разглядеть ревность к Бонапарту и недовольство его эгоистичным хамством по отношению к подчиненным. Совершенно неожиданно эта дружба обернулась великой пользой для России.

Случилось так, что осенью 1810 года в Стокгольме собрание высших чинов Швеции избирало наследного принца на шведский трон, который занимал бездетный король Карл XIII. Среди многих претендентов на наследование шведского трона из разных стран Европы взошла звезда французского маршала Бернадота. Он был избран наследником шведского монарха и приглашен в Стокгольм занять свое место во властной иерархии страны.

Той же осенью граф Чернышев побывал в Петербурге. Он прибыл туда для того, чтобы подтвердить секретными французскими документами, что император Александр и его генералы уже знали от тайных агентов графа, а именно: в Париже вынашивают стратегию похода Наполеона на Россию с привлечением к нему всякого сброда из мелких европейских государств в виде Великой армии. По каналам и официальной, и тайной российской дипломатии и разведки в Петербург приходили сообщения о подготовке Бонапартом коалиции европейских стран против России. Швеция, которая незадолго до этого пережила свою последнюю войну — с Россией — и потеряла в результате ее в 1809 году Финляндию, считалась французским императором самым естественным и сильным союзником Франции на севере Европы. Наполеон также полагал, что его маршал, ставший шведским наследным принцем, будет активно подстрекать шведов к войне с русскими, а мощная шведская армия с севера нападет на столицу России.

Но в Петербурге рассудили по-иному. Граф Чернышев, прибыв к царю с подробнейшим аналитическим докладом, в котором уже были данные о начале дислокации Великой армии Наполеона против России, весьма своевременно смог обсудить с государем складывающуюся ситуацию. За свою блестящую работу

в качестве военного разведчика и личного представителя императора Александра при Наполеоне двадцатичетырехлетний кавалергард был удостоен звания полковника. Царь, обладавший не только смазливой внешностью, но и изощренным умом, решил через своего флигель-адъютанта провести одну из акций тайной дипломатии, которая вошла блестящей страницей в историю России.

В декабре 1810 года новоиспеченный полковник отбыл из Петербурга в Париж. Но на этот раз не обычным путем — через Ригу, Гамбург и Амстердам, а через Финляндию, Стокгольм, Данию и Мекленбург. Буквально на третий день после отъезда с берегов Невы Чернышев прибыл в шведскую столицу. Однако дипломатический протокол запрещал посланцу российского императора видеться с кем-либо до того, как его примет король. Карл XIII дал аудиенцию флигель-адъютанту Александра буквально на следующее утро после прибытия графа Чернышева в Стокгольм. Уже в ходе первой встречи с посланцем царя шведский монарх высказал искреннее желание сблизиться с Россией и укрепить с ней дружбу.

Сразу после приема у короля Чернышев отправился к старому другу. Наследный принц раскрыл ему свои объятия, и они по многу часов проводили с глазу на глаз за те пять дней, которые полковник кавалергардов провел в шведской столице. Сердечная дружба принца Карла-Юхана, как шведы звали Бернадота, и флигель-адъютанта русского царя, а также общие стратегические интересы России и Швеции в Европе привели к тому, что наследник шведского престола от своего имени и по поручению шведского короля дал тайному посланнику русского императора честное слово в том, что Швеция не двинется при любых обстоятельствах против России.

В начале XIX века честное слово монархов и политиков было подчас более крепким, чем скрепленные на бумаге сургучом договоры о вечной дружбе и ненападении. Общеизвестно, что в походе 1812 года на Москву наполеоновской Великой армии, составленной из лоскутьев всей Европы, в том числе и Польши, шведская армия участия не принимала. Бонапарт долго подстрекал Швецию нанести синхронно с его походом удар по Петербургу с севера, через Финляндию, которую Россия стала числить своею лишь за три года до этого, вернуть себе эту колонию, а также русскую Прибалтику в состав королевства. Но мудрость и честность шведов отвергли его стратегические расчеты. Швеция осталась нейтральной и таковой пребывает до сих пор. Она не только не участвовала в малых войнах за последние двести лет, но хранила свой нейтралитет в годы

Первой и Второй мировых войн.

Таким образом, шведский наследный принц Карл-Юхан, положивший начало нынешней династии шведских королей Бернадотов, и русский военный разведчик, полковник граф Чернышев, построили основание дружбе России и Швеции и имели самое прямое отношение к тому, что самая мощная страна Северной Европы и сейчас оказывает своим нейтралитетом влияние на все мировое сообщество.

…Весьма активным поклонником тайной дипломатии был Иосиф Сталин. Вероятно, это отвечало не только тогдашним потребностям внешней политики Советского Союза, с которым из-за большевистской сущности его доктрин многие государства не хотели иметь прямых отношений. На скрытную дипломатию Москвы влияли также конспиративные привычки Третьего коммунистического интернационала и византийские черты коварного характера вождя.

Самым широко известным в мире продуктом тайной дипломатии Сталина было заключение в августе 1939 года советско-германского Пакта о ненападении и секретных протоколов к нему.

Поиски контактов с советским руководством, приведшие к подписанию сенсационных дипломатических документов, потрясших всю Европу, начались в Турции по инициативе германской стороны. Еще весной 1939 года немецкий посол в Анкаре искал встречи с заместителем наркома иностранных дел Потемкиным, находившимся тогда в командировке в Турции. Об этом почти одновременно сообщили в Москву резидентура советской разведки и полпред СССР Терентьев.

Терентьеву было поручено провести с германским послом фон Папеном серьезную беседу по стратегическим вопросам отношений между Берлином и Москвой. Германский посол в этой беседе упорно повторял, что нужно строить отношения на новых основах, а идеологические разногласия следует отставить в сторону. Москва дала согласие на встречу и беседы с фон Папеном не как послом, то есть чиновником высокого ранга, а прощупывала его позицию как бывшего канцлера Германии, сохранившего связи в высшем руководстве своей страны. После бесед советского полпреда с германским послом Сталину и Молотову стало ясно, что Гитлер дал фон Папену весьма широкие полномочия.

Дальнейшую тяжкую работу по формированию новых отношений с Германией в сфере тайной дипломатии Сталин переложил на плечи советника полпредства СССР в Берлине Георгия Астахова. Советник Астахов был не только дипломатом,

но и разведчиком. Именно он тайно поддерживал советско-германские отношения на неформальном уровне. Он готовил также все те договоренности, которые были подписаны в Кремле 23 августа 1939 года Молотовым и неожиданно появившимся в советской столице германским министром иностранных дел фон Риббентропом.

Судьба Астахова после парафирования документов, в подготовке которых он принимал участие по приказу Молотова и Берии, была трагична. Несмотря на то что он вел тайную дипломатию, о которой даже в Кремле, НКИД и НКВД знали очень немногие, был лично известен Сталину, Молотову и Берии, в феврале 1940 года по специальному указанию Молотова был обвинен в «двойной игре» и арестован. Видимо, Сталин и Молотов заметали следы своей грязной сделки с Гитлером.

В тюрьме Астахов держался мужественно, несколько раз обращался из заключения к Берии как своему непосредственному начальнику по политической разведке, но всесильный нарком внутренних дел не стал вступать в противоречие с Молотовым из-за «какого-то сотрудника среднего звена». И не такие высокие головы летели только по мановению пальца Сталина или Молотова. Военная коллегия Московского суда, штамповавшая тысячами в самый канун Великой Отечественной войны смертные приговоры строптивым или неугодным офицерам разведки, осудила и его. Астахов погиб в лагере уже после 22 июня 1941 года.

Предвоенный период 1936–1939 годов был особенно богат на тайную дипломатию всех европейских держав. Гражданская война в Испании, попытки Англии и Франции «канализировать» агрессию Германии на Восток, мюнхенский сговор Чемберлена с Гитлером, предательство Чехословакии и другие важные события тех четырех лет являют собой до сих пор не распутанный клубок дипломатических и разведывательных интриг, намеков и обещаний государственных деятелей, которые никто всерьез не принимал и не собирался выполнять. В постоянном изменении баланса интересов великих держав и разного рода политических сил — консервативных, левых, либеральных, националистических, троцкистских и коммунистических, играл свою глубоко законспирированную роль и Исполком Третьего коммунистического интернационала. Его штаб-квартира располагалась в Москве. Фактически Исполком Коминтерна являлся к концу 30-х годов весьма разветвленной спецслужбой Кремля.

Не стану углубляться в роль Коминтерна в тайной дипломатии XX века, отмечу лишь в связи с главной темой

нашего повествования — очерком деятельности и характера Андропова — одну из выдающихся личностей, бывших с начала 20-х до начала 40-х годов в числе руководителей разведки Коминтерна. Я имею в виду Отто Вильгельмовича Куусинена в связи с двумя обстоятельствами его жизни. Первое из них то, что он, будучи финским социал-демократом, а затем советским большевиком, имел особое отношение к тайной дипломатии Сталина на североевропейском направлении, особенно в связи с Финляндией.

Второе обстоятельство также весьма тесно связано с главной темой этих воспоминаний — образом Юрия Владимировича Андропова. О. В. Куусинен был именно тем влиятельнейшим, хотя и закулисным членом советского руководства, который с начала 40-х годов обратил самое благосклонное внимание на талантливого организатора и активного комсомольского функционера Юру Андропова.

Их знакомство началось с той поры, когда первый секретарь ЦК комсомола Карело-Финской Союзной республики стал в годы Великой Отечественной войны по своей должности еще и начальником штаба партизанского движения на оккупированной финнами территории Советской Карелии. Отто Куусинен в те начальные месяцы войны был одним из руководителей разведки Коминтерна. Будучи глубоким знатоком Финляндии, он, разумеется, помогал партизанской и разведывательной работе на Карельском фронте. Так что первые практические уроки подпольно-оперативной работы будущий председатель КГБ Андропов получил еще до сентября 1944 года, когда путем тайной дипломатии посол СССР в Швеции Александра Коллонтай, заместитель советского резидента в Стокольме Елисеев и советник совпосла Владимир Семенов склонили самого северного союзника Гитлера к сепаратному миру и организовали поездку в Москву финских представителей для подписания перемирия и изгнания немецких войск с севера Европы.

…Когда я приступил к написанию этой главы воспоминаний, мне самому стало удивительно, со сколькими выдающимися личностями, участвовавшими в тайной дипломатии СССР после 1938 года, я был знаком с детства, прямо или через отца, в молодые годы и до конца 80-х. Начать хотя бы с того, что в 1939, 1940 и 1941 годах мне давала уроки немецкого языка в Хельсинки финская коммунистка, дочь Отто Куусинена Херта. С ее отцом я дважды встречался по журналистским делам, когда работал в конце 50-х годов в Совинформбюро.

С Александрой Михайловной Коллонтай и ее семьей я познакомился в январе 1944 года, когда замрезидента Елисеев

прибыл в Швецию, чтобы работать там по финляндской линии. Это был мой отец. Александра Михайловна поручила меня, пятиклассника, товарищеским заботам своего внука Володи, тогда десятиклассника. И до сего дня я сохранил самые теплые дружеские чувства к Володе Коллонтаю и его семье. После Швеции я снова встретил его, когда в 1949 году поступил в МГИМО, а он уже окончил его и продолжил учебу в аспирантуре. Теперь доктор наук Владимир Михайлович Коллонтай — один из известных советских ученых-международников.

Мы дружили в Стокгольме 1944 года домами с семьей советника Коллонтай Владимира Семеновича Семенова. Его жена Евгения Николаевна преподавала в нашей маленькой советской школе при посольстве русский язык и литературу, в том числе и в моем пятом классе, где числилось два человека. Через тридцать лет мы с Владимиром Семеновичем встретились в кулуарах XXV съезда КПСС и сошлись на почве интереса к неформальной живописи и скульптуре.

В 1944 году в Стокгольме отец возил меня в советскую школу при нашем посольстве из пригорода Росунда, где мы квартировали, на трамвае. Иногда в наш вагон подсаживался обаятельный улыбчивый господин, с которым отец говорил по-немецки. В первую встречу в трамвае он представил меня этому пассажиру, и тот сказал, чтобы я звал его «онкель Вилли» («дядя Вилли»). Когда я был студентом в Москве в 1950 году, отец принес мне для языковой практики книгу на немецком языке. На ее обложке был изображен портрет «дяди Вилли». Оказалось, что наш трамвайный спутник в Стокгольме был выдающийся германский социал-демократ Вилли Брандт, находившийся в годы войны в эмиграции в Швеции. Отец, по прямому поручению из Москвы, советовал ему тогда в Росунде переехать из Стокгольма в Советский Союз, поскольку для эмигрантов такого калибра в Швеции было крайне небезопасно из-за обилия агентуры фашистских спецслужб. Гестапо, абвер, головорезы Скорцени, разведки Геринга и Риббентропа имели свои многочисленные базы в этой нейтральной стране, со всех сторон окруженной немецкими войсками. Была велика вероятность теракта против Вилли Брандта и его товарищей по СДПГ, которым шведы дали убежище во время войны. Но «онкель Вилли» был не трусливого десятка. Он хотел оставаться рядом с Германией и держать подпольную связь со своими соратниками, оставшимися под пятой Гитлера. Это было легче делать из Швеции. Кроме того, как понял отец, мудрый и независимый политик Вилли Брандт не хотел возвращаться на родину после победы над фашизмом в обозе Красной армии. Хотя к Советскому Союзу и его борьбе с

фашизмом он относился очень хорошо. Но он отнюдь не был агентом советской разведки, как хотели позже представить его политические враги в Западном Берлине и Западной Германии.

В 60-х годах, когда я был корреспондентом АПН в Швеции, я много раз встречал «дядю Вилли» во время Харпсундских международных встреч ведущих социал-демократов мира. Они ежегодно проходили в загородном имении шведского премьера Таге Эрландера Харпсунде. Но я побаивался тогда восстанавливать старое знакомство с «дядей Вилли», поскольку отец работал в Швеции в 1944 году под псевдонимом Елисеев, а я приехал в Стокгольм в 1962-м «чистым» журналистом под своей собственной фамилией Синицин. Привлекать интерес сразу нескольких спецслужб мира, в том числе и шведской, непонятным знакомством молодого советского журналиста с одним из крупнейших социал-демократов мира не хотелось.

Затем, в 70-х годах, когда я был партийным функционером у Андропова, читал регулярно шифровки послов СССР из ФРГ об их беседах с Вилли Брандтом и довольно часто встречался со Славой Кеворковым, который вел по поручению Андропова и Брежнева тайный канал связи советского и западногерманского руководства, в состав которого входил и канцлер ФРГ Вилли Брандт… Об этом тайном канале Андропова будет сказано чуть ниже.

Я хорошо знал, жил в 40-х годах в одной коммунальной квартире с крупным советским разведчиком Василием Романовичем Ситниковым, а в 80-х годах близко сдружился с ним. Василий Романович также принимал участие в тайной дипломатии Андропова и кое-что рассказывал мне о ней. Знал я и общался с выдающейся советской разведчицей Зоей Ивановной Рыбкиной-Ярцевой, которая стала широко известна в Советском Союзе после того, как была уволена из МГБ и стала популярной детской писательницей по ленинской теме, выступая под псевдонимом Зоя Воскресенская. За рассказы о большевистском вожде и его матери Зоя Ивановна получила Государственную премию по литературе.

Зоя Ярцева участвовала в тайной дипломатии Сталина, которую вел на североевропейском направлении в 1938 и 1943 годах по личному приказу вождя ее муж, полковник Борис Рыбкин-Ярцев…

Хотя приказ полковнику Рыбкину отдавал на проведение секретной политико-дипломатической операции сам Сталин, потребовав при этом абсолютной тайны от всех, включая советского посла в Хельсинки Деревянского и начальства Рыбкина по НКВД, я не сомневаюсь, что конкретные планы,

персоналии в Финляндии, с которыми должен был связаться «первый секретарь советского полпредства Ярцев», разрабатывались Отто Вильгельмовичем Куусиненом.

Весной 1938 года в Кремль, к Сталину, был вызван резидент НКВД в Финляндии, «прикрытый» должностью первого секретаря советского постпредства, Борис Аркадьевич Рыбкин. В его диппаспорте, впрочем, стоял псевдоним — Ярцев. Он получил из уст вождя приказ тайно связаться с руководителями правительства Финляндии и провести с ними секретные переговоры от имени Кремля. Цель переговоров — заключение между СССР и Финляндией договора о совместной обороне против любого агрессора, который посмеет вступить в Финский и Ботнический заливы Балтики, чтобы атаковать Финляндию или Советский Союз. При этом имелось в виду возможное нападение Германии на СССР. В рамках предлагаемого договора Москва хотела получить аренду куска финской территории на стыке вод Ботнического и Финского заливов для создания там военно-морской базы, аренду пары островов в Финском заливе для создания таких же баз, перенесения на несколько десятков километров севернее от Ленинграда советско-финляндской границы, которая проходила тогда на Карельском перешейке в районе станции Белоостров. Эта пограничная железнодорожная станция находилась тогда в трех десятках километров от Ленинграда. В обмен на уступки Сталин предлагал Финляндии большие территории в Карелии, поставки оружия и дешевого сырья из СССР.

Сталин приказал также Рыбкину держать переговоры в полной тайне и от советского полпреда в Хельсинки Деревянского, любых работников Наркоминдела и даже шефов разведчика в НКВД.

Рыбкин-Ярцев, вернувшись в Хельсинки, немедленно связался по телефону с финским министром иностранных дел Холсти. Он просил конфиденциального личного свидания с министром и получил его.

Секретные переговоры между Хельсинки и Москвой начались в апреле 1938 года и велись с перерывами до ноября 1939 года, когда финны окончательно отказались идти на уступки, хотя маршал Маннергейм призывал правительство Суоми к этому. В ответ в конце ноября Сталин приказал Ленинградскому военному округу начать давно подготовленный поход на Финляндию. Началась так называемая Зимняя война, в которой Советский Союз хотя и победил маленькую соседнюю страну, но его триумф явно выглядел пирровой победой.

Через несколько дней после 22 июня 1941 года финны,

союзники Гитлера, также вступили в войну с СССР и назвали эти свои боевые действия против Советского Союза «войной-продолжением». На этот раз они к началу 1944 года уже подошли к грани тотального поражения и оккупации — Сталин и Красная армия научились воевать. Но упрямые социал-демократические политики, не растратившие к тому времени своих антисоветских и антибольшевистских чувств, еще несколько месяцев продолжали лить на фронтах кровь во имя своих германских союзников. И снова потребовалась тайная дипломатия, на этот раз в столице соседней нейтральной Швеции, чтобы склонить руководителей Финляндии к подписанию капитуляции. Условия Москвы для прекращения войны на севере Европы были очень мягкими. В них даже отсутствовал пункт о возможной оккупации Финляндии, которого панически боялись финны и шведы, к границе с которыми тогда выходила Красная армия. «Доброта» Сталина носила вполне прагматический характер; политический советник Андрея Жданова, который руководил в 1944 году военным и политическим наступлением на Финляндию и выводом ее из войны сепаратным миром, резидент Елисеев, убедил секретаря ЦК Жданова в том, что при твердом и самолюбивом характере финского народа потребуется не менее миллиона солдат, чтобы установить в Суоми оккупационный режим. Жданов доложил это соображение Сталину, и два высших советских политика, которые в это время уже вели напряженную гонку с западными союзниками, в первую очередь американцами, кто первый захватит Берлин и пожнет плоды победы, согласились с советником в том, что отсутствие этого миллиона солдат, оккупирующих Финляндию, сильно затормозит гонку с советской стороны.

…Так получилось, что я был знаком и с разведчиком, работавшим «под крышей» АПН в США и участвовавшим в проведении важнейшей операции тайной дипломатии Никиты Хрущева в 1961 году в Вашингтоне. К сожалению, манера советских руководителей лгать по поводу и без повода своим западным партнерам привела к тому, что этот человек был скомпрометирован ложью Хрущева. Блестяще начатая им акция по тайной связи лидеров двух супердержав мира была закончена другим советским разведчиком в США, его коллегой. Но именно он, Юрий Большаков, представитель АПН в Вашингтоне, открыл тайный канал Хрущев — Кеннеди.

Судьба свела меня с Юрием, когда я в 1966 году вернулся из Швеции и искал себе работу в какой-либо из интересных главных редакций АПН. Я привез из Стокгольма сценарий публицистического телефильма «По ленинским местам Швеции».

Предстояла очередная годовщина вождя, и я решил предложить сценарий для съемок незадолго до этого созданной в АПН главной редакции теленовостей. Как рассказали мне осведомленные друзья в агентстве, эта главная редакция была создана специально для вернувшегося из США представителя АПН в Вашингтоне Юрия Большакова в благодарность за то, что он вел тайный канал связи Хрущева с Кеннеди. Зная, что я собираюсь предложить ему сценарий телефильма, мне по секрету поведали, что он вовсе не журналист, а бывший грушник, в сценариях не разбирается и что с ним вообще ухо надо держать востро, несмотря на все его внешнее добродушие.

Разумеется, сценарий я ему все-таки предложил, но, поскольку очень быстро после приезда из Стокгольма впал в немилость у председателя правления АПН Бориса Буркова, снимать телефильм так и не начинали. Тем не менее я довольно много общался с Юрием, мило беседовал с ним о Ленине в Швеции и иногда даже выпивал с главным редактором. Во время застолий он довольно быстро «набирался», глупел на глазах, кое-что выбалтывал из своих делишек 1961–1962 годов, смачно ругал Хрущева, подставившего его. Хрущев к тому времени был, впрочем, уже изгнан своими соратниками на пенсию и вреда Большакову принести не мог. Большой вред Юре причинял алкоголь. По слухам, он даже раньше времени сгорел из-за него.

А слава его началась с того, что с подачи одного из американских журналистов, близких к братьям Кеннеди, Юрий Большаков познакомился с Робертом Кеннеди, братом президента и министром юстиции США. С 1961 года Большаков передавал через Роберта личные послания советского руководителя президенту США и его ответные письма Хрущеву. Как приличествует тайной дипломатии, об этом обмене посланиями и устными поручениями знал самый ограниченный круг лиц в СССР и США. Достаточно сказать, что даже советский посол в Вашингтоне не знал об этом тайном канале. В течение года с небольшим представитель АПН и, как говорили в агентстве, полковник ГРУ Большаков успешно связывал Хрущева с Кеннеди. Хрущев в принципе стремился улучшить отношения с Америкой. Джон Кеннеди и его брат Роберт также вынашивали мысль о смягчении международной напряженности. Когда президент хотел что-то передать Хрущеву или отреагировать на его очередное послание, Роберт Кеннеди тайно встречался с Юрием Большаковым, и они беседовали прямо и откровенно, без обиняков и пропагандистских штампов. С каждым разом их общение, а следовательно, и неформальные отношения между Хрущевым и Кеннеди становились все более откровенными и

прямыми.

Однако все испортили двуличие и деревенская хитрость советского лидера. Под нажимом кремлевских «ястребов» и в силу собственной врожденной безудержной агрессивности Хрущев санкционировал доставку и установку советских ядерных ракет на Кубу. В октябре 1962 года, когда этот процесс шел уже полным ходом и американская разведка располагала большим числом аэрофотоснимков советских ракетных баз, готовящихся принять и поставить эти ракеты на боевое дежурство, другими материалами, в том числе и фотоснимками советских пароходов, доставляющих ракеты на Остров свободы, Роберт Кеннеди встретился в очередной раз с Юрием Большаковым. В тот день он был необычно сух и официален. На прямой вопрос министра юстиции США о Кубе толстый и добродушный «журналист АПН» высказал очередное послание Хрущева, в котором тот повторял свой заезженный тезис: «Советский Союз поставляет на Кубу только оборонительное вооружение, предназначенное для защиты кубинской революции…» Большаков, как он мне рассказывал спустя пять лет сам, ничего не знал, как и советский посол в США, о действительном ходе событий в Москве и Атлантике, где советские военные корабли сопровождали транспорты с ракетами, дабы американцы не потребовали их остановки и досмотра.

После этого ответа Хрущева президенту Кеннеди показали аэрофотоснимки строящихся на Кубе стартовых площадок советских ракет, сделанные разведывательными самолетами США У-2. Уже однажды такой самолет, сбитый в советском небе над Свердловском, стал причиной острого кризиса в отношениях между СССР и США. Разъяренный американским коварством, Хрущев отменил из-за этого предстоявшую буквально через несколько дней после инцидента встречу в Париже между ним и президентом Эйзенхауэром.

Теперь, благодаря тем же самолетам-разведчикам У-2, «страдающей стороной» выступала американская. Джон Кеннеди, увидев эти фото, почувствовал себя жестоко обманутым. В конце октября поверенный Роберта Кеннеди журналист Бартлетт пригласил Большакова и показал ему фотографии на Кубе, сделанные с У-2. Юрий сказал, что понятия не имеет, что там изображено. Хотя он и был военным разведчиком, самостоятельно дешифровать аэрофотосъемку он не мог. На следующий день фото стартовых площадок на Кубе были опубликованы с комментариями специалистов в американских газетах и вызвали в общественном мнении США антисоветскую бурю. Бартлетт снова позвонил Большакову и спросил: «Есть у вас ракеты на Кубе

или нет?»

— Нет! — ответил Юрий.

— О'кей! — сказал Бартлетт. — Бобби (Роберт Кеннеди) просил тебе передать, что они у вас там есть. Президент только что получил об этом телеграмму от Хрущева из Москвы!

Так Никита Сергеевич Хрущев сам дискредитировал собственного курьера на тайном канале и «сжег» многообещающее начало секретной дипломатии. Начался Карибский кризис, который день ото дня быстро подводил мир к грани третьей мировой войны. Мир спасла только новая тайная «горячая линия» между Москвой и Вашингтоном, установленная резидентом КГБ в американской столице Александром Феклисовым. Разведчик срочно и конфиденциально установил контакт с американским журналистом Джоном Скали, который был вхож в Белый дом. После нескольких драматических встреч между резидентом, поверенным Хрущева, и журналистом, представлявшим Джона Кеннеди, советский лидер заявил 28 октября, что стартовые площадки советских ядерных ракет на Кубе будут демонтированы. Со своей стороны Вашингтон обязался не вторгаться на Кубу и убрать из Турции американские ракеты «Юпитер», срок службы которых уже и так заканчивался. «Горячая линия» Хрущев — Феклисов — Скали — Кеннеди спасла мир от ядерной войны, но не восстановила дружественный «тайный канал», который мог бы привести к началу разрядки международной напряженности вообще.

Давно определено, что дипломатия, тайная и явная, есть искусство возможного. Судьба Юрия Владимировича Андропова сложилась так, что больше половины своей жизни он профессионально владел этим искусством, оставаясь лишь короткое время учеником, а затем стал маэстро дипломатии — сначала явной, а затем, до конца жизни, тайной, но весьма успешной. Его первым учителем и покровителем на этой ниве стал человек, вообще сыгравший решающую роль в его жизни, — Отто Вильгельмович Куусинен. Отто-Вилли, как называли его те, кто знал его очно или заочно, был личностью весьма неординарной.

Сын портного в Великом княжестве Финляндском, он закончил в юности русскую гимназию в Хельсинки с золотой медалью, а затем историко-филологический факультет Гельсингфорсского университета.

О его характере и взглядах подробно поведала его жена — Айно Куусинен. Она отсидела срок в сталинских лагерях в 30-х годах, когда ее муж был секретарем Исполкома Коминтерна, пережила его на много лет и в 1964 году принимала

соболезнования советских руководителей у гроба Отто-Вилли как секретаря ЦК КПСС. В 70-х годах она вернулась в Финляндию и написала там мемуары под характерным названием «Господь низвергает своих ангелов». Опубликованы они были, согласно воле автора, после ее смерти, в Петрозаводске.

Айно написала о том, что Отто Куусинен был крайне честолюбив и считал, что в мире нет человека способнее его самого. Он низко ценил данные Сталина и хотел его использовать, чтобы покорить Финляндию, которую всегда ненавидел. Однажды он признался Айно в том, что хотел бы сначала захватить власть в Финляндии, а затем оккупировать с помощью Красной армии всю Скандинавию и стать в ней советским гауляйтером.

Его близким другом был Николай Бухарин, но, когда Сталин начал расправляться со своими противниками в партии и государстве, он предал всех друзей и сочинял самые злобные речи против них. Отто-Вилли как-то признался жене, что «менял шкуру, как змея, семь раз»…

Куусинена отличали мудрая осторожность, скрытность, умение и желание действовать за кулисами, социал-демократическое равнодушие к почестям и наградам. Думаю, что известную долю этих качеств перенял и его лучший ученик — Андропов.

В финской социал-демократии Отто Куусинен с 1911 по 1917 год был председателем Исполкома. Когда Ленин подписал в декабре 1917-го формальный декрет о независимости Финляндии в расчете на то, что в этой стране произойдет такой же большевистский переворот, как в Петрограде, и сделает ее частью острова, с которого будет разжигаться пожар мировой революции, Куусинен был руководителем левого крыла финских социал-демократов. Он являлся одним из руководителей революции 1918 года в Финляндии, вспыхнувшей под влиянием Октябрьского большевистского переворота в Петрограде в 1917 году. В августе 1918 года, после разгрома финской революции, Куусинен перешел на нелегальное положение и стал одним из основателей коммунистической партии в своей стране.

До лета 1920 года Отто-Вилли работал в подполье и избирался делегатом конгрессов Коммунистического интернационала. Однако в силу географической близости Петрограда от столицы Финляндии Хельсинки не совсем ясно, в какой из столиц находилось это «подполье». С 1921 по 1939 год Куусинен был членом президиума и секретарем Исполнительного комитета Коммунистического интернационала. В Коминтерне, как и все иностранные его деятели, он занимался

разведывательными операциями и финансированием из Москвы классовых конфликтов, которые время от времени возникали в капиталистической Европе. Таким образом, он стал одним из руководителей организации, которая решала, вместе с верхушкой ВКП(б), в какой из стран и когда следует возбудить очередной путч ради мировой революции. Теперь уже не секрет, что то ли Коминтерн был филиалом ВЧК — ОГПУ, то ли ВЧК — ОГПУ были отделением Коминтерна. Как один из секретарей Исполкома Коминтерна, занимавшийся внешней разведкой, «активными мероприятиями», передачей денег компартиям и внутренней контрразведкой, Отто Куусинен по своим функциям был одним из предшественников своего ученика Андропова. Такого рода задачи требовали большого таланта и умения разбираться в людях. Куусинен владел этим искусством, поскольку удерживался на своем посту в Коминтерне по крайней мере восемнадцать лет.

В октябре 1939 года Сталин назначил Отто Вильгельмовича Куусинена главой так называемого «Териокского правительства» Финляндии. Это правительство получило свое название по имени первого финского города, захваченного Красной армией в первые дни после начала военных действий на Карельском перешейке в Зимней войне 1939–1940 годов. Оно должно было стать, по мысли Сталина, «истинным правительством» Суоми. «Териокское правительство» первым делом заключило с Советским Союзом Договор о дружбе и взаимной помощи. Придя к власти в Хельсинки на штыках Красной армии, оно должно было присоединить Финляндию к Карелии и прокламировать создание единой огромной Карело-Финской ССР. Новая союзная республика, а следовательно, и СССР одним махом выходили на границы Швеции и Норвегии. До незамерзающего Северного моря Атлантического океана от границы Карело-Финской ССР, то есть Советского Союза, тогда оставалось бы пройти через норвежскую территорию всего около пятидесяти километров. Таким образом, Сталин планировал расширить мировую революцию на Северную Европу.

Однако разгромить Финляндию и включить ее как шестнадцатую союзную республику в Советский Союз Сталину и его маршалам не удалось, хотя для политического решения этого вопроса и были сосредоточены к зиме 1939 года Вооруженные силы СССР.

Была и вторая стратегическая задача этой войны, которую также не удалось претворить в жизнь. Прорыв Красной армии к Ботническому заливу и Северной Швеции должен был сыграть важную роль в случае начала войны с Германией. Буквально через день после начала боевых действий против вермахта Красная

армия, нарушив по приказу Сталина нейтралитет Швеции, могла перерезать железнодорожные и морские коммуникации, по которым из рудников у города Кируна, на севере Швеции, в Германию поставлялись сотни тысяч тонн железной руды наивысшего качества. Эта руда обладала таким естественным набором присадок редких металлов и малым количеством шлака, что вместо чугуна из нее получалась высоко-качественнейшая знаменитая шведская сталь. Почти вся германская сталелитейная промышленность — основа военного производства — работала на шведской железной руде. В случае приостановки поставок Германии железной руды из Кируны вся военная промышленность Третьего рейха вынуждена была бы остановиться без стального сырья.

Но Зимняя война не принесла успеха Сталину. После неудачи авантюры в Финляндии и самоликвидации «Териокского правительства» запасливый на проверенные кадры и идеи «великий вождь пролетариата» сделал Куусинена Председателем Президиума Карело-Финской ССР, каковым он и пребывал до 1958 года. Одновременно циник, по словам жены, и убежденный коминтерновец и большевик, по мнению партийных товарищей, Куусинен оставался по своей должности главы союзной республики заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР. С 1952 по 1953 год и в 1957–1964 годах, вплоть до своей смерти, Отто-Вилли был в высшем партийном руководстве — членом Президиума ЦК КПСС, а в 1957-м был избран секретарем ЦК КПСС.

Излагая кратко биографию Отто Вильгельмовича Куусинена, его принадлежность к подпольной и разведывательной деятельности Коминтерна, направленной на разжигание мировой революции и беспорядков во всех странах мира, а затем его работу в верхушке ЦК КПСС, посвященной, очевидно, той же цели, я хотел бы обратить внимание прежде всего на то, что именно Куусинен был тем крупным, международного масштаба деятелем, который первым стал покровительствовать Андропову.

Куусинен, пользуясь своими скрытыми, но достаточно близкими отношениями со Сталиным, сумел вытащить Юрия Владимировича из «ленинградского дела», главные партийные фигуранты которого в Ленинграде и по всему северо-западу страны были расстреляны или репрессированы в 1949–1950 годах. Андропов остался в живых и стал вторым секретарем партийной организации Карело-Финской союзной республики. В этом проявилось то обстоятельство, что видный деятель КПСС и Коминтерна явно «положил глаз», что называется, на молодого и талантливого партийца Андропова. Он явно увидел в нем, как и

Сталин, достаточно перспективного деятеля. Юрий Владимирович был моложе Отто-Вилли на тридцать три года и стал любимым учеником Куусинена.

В 1952 году Куусинена переводят на работу в Москву. Почти сразу вслед за ним покидает Петрозаводск и Юрий Владимирович Андропов. Сначала, еще при Сталине, Андропова назначают инспектором ЦК КПСС в отдел организационно-партийной работы, что было тогда и осталось при всех генсеках признаком высшего доверия и скорого продвижения выше по службе в партийном аппарате.

Но получилось не совсем так. Сразу после смерти Сталина Хрущев и Президиум ЦК решили «укрепить» государственные органы партийными выдвиженцами. Заодно один из победителей в заговоре против Сталина, владевший ключами к аппарату ЦК, Маленков, решил почистить его от тех новичков, которых соглашался принять туда за два года до смерти сам «великий учитель и вождь». Поэтому неизвестного ему молодца из былинной Карелии Маланья, как называли Маленкова его друзья-соперники за женоподобный вид и писклявый голос, направил в Министерство иностранных дел. Бывший инспектор ЦК КПСС тридцатидевятилетний Андропов был назначен заведующим 4-м европейским отделом, курировавшим отношения со странами так называемой «народной демократии», то есть с сателлитами Советского Союза. При тогдашнем раскладе сил, когда Хрущев и Маленков перетрясали кадровое наследие Сталина, уход с партийной работы на дипломатическую периферию, да еще не крупным начальником, а руководителем среднего звена, означал почти что опалу и сокращение до минимума шансов на высокую политическую карьеру в дальнейшем. С Андроповым так не случилось.

Куусинен не оставил своего выдвиженца без внимания. Юрий Владимирович частенько навещал его и в цековском кабинете, и в квартире печально знаменитого Дома на набережной — элитарного комплекса зданий наискосок от Кремля, где жили «самые, самые» верхи Советского Союза. Но несколько раз по квартирантам этого дома прошлась сталинская метла «чисток» и репрессий. Она трагически затронула не только «подозрительных» для Сталина квартирантов этого дома, но и семьи репрессированных большевиков, изгоняя их с насиженных мест. Квартиры в Доме на набережной освобождались одна за другой со дня его постройки до года смерти Сталина — 1953-го. Дом на набережной считался в Москве одним из самых печальных и несчастливых зданий. На Отто-Вилли это, впрочем, не сказалось, как и на его ученике Андропове, хотя он часто бывал в

его стенах.

Вероятно, именно здесь Юрий Владимирович получил свои первые уроки дипломатии от Куусинена, когда стал сотрудником Министерства иностранных дел СССР. Вероятно, Отто Вильгельмович, как старый деятель Коминтерна, дал заведующему 4-м Европейским отделом МИДа подробнейшие персональные характеристики своим бывшим товарищам-революционерам, которые после Победы и фактического захвата Советским Союзом в свою орбиту стран Восточной Европы возглавили социалистические и коммунистические партии, государственные аппараты стран «народной демократии». Но в новом тогда здании МИДа на Смоленской площади Андропов надолго не задержался. Он был назначен в Будапешт в ранге советника-посланника и вскоре, в 1954 году, получил из Москвы верительные грамоты посла в Венгерской Народной Республике. Уроки дипломатии у талантливого, но скрытного учителя — Куусинена — продолжались. Но они были, очевидно, весьма специфическими.

Старый коминтерновец мог передать своему лучшему ученику необходимость постоянной скрытности, что в сталинские времена являлось залогом спасения жизни. Куусинен мог научить Андропова и методам, которыми действовал Коминтерн, управляя различными компартиями всего мира. Он мог многое рассказать молодому дипломату о тех деятелях Коминтерна, своих старых друзьях и товарищах, которые стали руководителями стран «народной демократии» или заняли место во втором эшелоне, вроде Имре Надя или Эриха Хонеккера. Одним словом, Куусинен мог научить молодого дипломата совершенно новой дипломатии — не партнерским международным отношениям более или менее равных стран на мировой арене, а ленинско-сталинской социалистической дипломатии — как управлять государствами-сателлитами с дипломатических и партийно-эмгэбэшных позиций.

Параллельно существовали и другие институты влияния ЦК КПСС и государственных органов СССР в странах, номинально союзных, но фактически подчиненных Москве. Это были так называемые «советнические аппараты» МГБ и Министерства обороны, Госплана и других центров власти СССР.

В этом смысле советское посольство в стране «народной демократии» являло собой совершенно иное учреждение, чем дипломатические миссии СССР в других странах мира, в том числе и развивающихся. Оно было в некоторой степени координирующим органом всех этих представительств. Посол Москвы играл ведущую роль, но не все «советники» были ему

прямо подчинены…

Кабинет главы дипломатического представительства СССР в старинном дворце на улице Байза Будапешта был весьма уютен и покоен. Однако обстановка в Венгрии после смерти Сталина постепенно начинала накаляться. В этой стране с послевоенных времен до 1956 года главным наместником Москвы и правителем был жестокий сталинист и деятель Коминтерна Матиаш Ракоши. Не исключено, что молодой советник-посланник Андропов, а через несколько месяцев — посол привез из Москвы вместе с верительными грамотами и личное послание старому товарищу Ракоши от его коминтерновского друга Куусинена.

Кроме Матиаша Ракоши, на венгерской политической сцене выступала еще одна крупная фигура из давно распущенного к тому времени Коминтерна. Это был Имре Надь. Возможно, старый коминтерновец Куусинен слишком хорошо знал Надя как человека и работника Коминтерна, которого не коснулись репрессии НКВД в те времена, когда иностранцев-коминтерновцев, по их доносам друг на друга и обвинениям в шпионаже, большими группами сажали в советские тюрьмы и концлагеря. До Матиаша Ракоши чекисты не добрались по одной, не зависящей от них причине — за шестнадцать лет до Второй мировой войны Ракоши, как руководитель мадьярской компартии в подполье, был арестован спецслужбами адмирала Хорти и находился в венгерской тюрьме.

Что касается Имре Надя, то последний председатель КГБ СССР Владимир Крючков прямо называл этого сотрудника Коминтерна агентом НКВД, выдавшим на расправу несколько десятков своих товарищей-мадьяр и имевшим кличку Володя. В последние годы появились свидетельства и того, что солдат австро-венгерской армии Имре Надь, попавший в 1916 году в русский плен, стал после большевистского переворота в октябре 1917-го ярым большевиком. Как новообращенный адепт этого вероучения, Имре Надь принимал участие в расстреле последнего русского царя, его семьи и слуг в Екатеринбурге в июле 1918 года. Официально, правда, этот факт никогда не фигурировал в биографии Имре Надя, возможно, потому, что участие, хотя и косвенное, в расстреле детей могло бы снискать ему аплодисменты разве что на Лубянке 1937 года, но не в демократических и монархическо-аристократических слоях венгерского общества…

Однако я не собираюсь писать историю венгерского восстания, а привожу некоторые факты из жизни Ракоши и Надя лишь для того, чтобы вычленить из событий, разыгравшихся в этой стране, четкую методологию, которую в связи с этим

кризисом разработал Андропов. Эта методология, в несколько измененной форме и с разными уровнями успеха, применялась им и позже — в Чехословакии, Афганистане и Польше.

То, что после Чехословакии 1968 года получило на Западе наименование «Доктрины Брежнева», имеет свои корни в Венгрии 1956 года, то есть появилось во времена «верного ленинца» Хрущева. Я нисколько не сомневаюсь, что Ленин в аналогичном случае действовал бы еще более жестоко и беспощадно, так, как он приказывал подавлять восстание, например, тамбовских крестьян. В Центральной России, осмелившейся в начале 20-х годов выступить против большевиков, практиковались массовые расстрелы населения целых деревень, расстрелы заложников, священнослужителей, в лесах восставших травили газами. Но после Второй мировой войны в европейских странах «народной демократии» уже невозможно было действовать по-ленински. Поэтому действовали в 1956 году по-хрущевски, а в 1968-м и 1979-м — по-брежневски…

Андропов в Будапеште в 1956 году был еще чиновником, хотя и высокого ранга, но относительно безгласным исполнителем противоречивых предписаний Москвы. Командовали тогда в Венгрии прибывший под чужим именем председатель КГБ Серов, друг Хрущева, тогдашнего хозяина Кремля еще с украинских времен, когда первый секретарь КПСС возглавлял парторганизацию Украины. По инициативе Хрущева на Украине проводились массовые репрессии, исполнителем которых был Серов. Серов был также конкретным исполнителем приказов Сталина о высылке в Казахстан целых «провинившихся сотрудничеством с немецкими оккупантами народов». Так что обоим было не привыкать к жестокому подавлению любого народного недовольства.

В 1956 году в Будапеште по многу недель бывали и другие посланцы Хрущева, члены политбюро Суслов и Микоян. Они оба как деятели КПСС и Советского государства сформировались во времена и под влиянием Сталина. Суслов и Микоян периодически появлялись в мятежном Будапеште, принимали решения на месте или докладывали свою точку зрения Хрущеву, политбюро, технически оформлявшим соответствующие решения. При этом Микоян, изучая ситуацию в Венгрии, был даже большим циником, чем Суслов. Так, мне известно от первоисточника, который присутствовал при том случае, когда Микоян, стоя над незакрытой еще братской могилой нескольких сот советских мальчиков-солдат, погибших на улицах Будапешта, «успокоил» офицеров, печально склонивших головы перед жертвами кровавых событий. Этот видный член политбюро, равнодушно

глядя на сотни трупов, сказал со своей широко известной кривой улыбкой: «Ничего, бабы еще нарожают!..»

Специализацией Суслова была идеология. Еще в 1948-м и более поздних годах Суслов резко выступал против главы Югославии, союзника СССР во Второй мировой войне маршала Тито. Для Кремля были неприемлемы идеи Тито и его соратников-коммунистов о рабочем самоуправлении, праве профсоюзов на забастовку и т. п. В коммунистической Югославии Тито узаконил разные формы собственности, разрешил свободный выезд своих граждан из страны, в том числе и на заработки в Западную Германию, не стеснялся критиковать политику и догматизм Москвы. Суслов, а с его подачи и кремлевское руководство усмотрели в событиях в Будапеште 1956 года козни Тито и югославских спецслужб. Их подозрения укрепил и тот факт, что премьер Имре Надь, смещенный в ходе боев в Венгрии со своего поста, укрылся в здании посольства Югославии в Будапеште и оттуда руководил борьбой с промосковскими силами и поддерживавшими их частями Советской армии.

Что касается методологии действий советской стороны в Венгрии, то она отрабатывалась следующим образом: послом велся активный поиск среди мадьяр политической фигуры, которая смогла бы притушить антисоветский пожар в стране, сохранить ее в Варшавском договоре и постепенно снова примирить с Москвой. В этом отношении велика была роль советского посла.

После того как Ракоши пошел на компромисс с ЦК КПСС и назначил после 1953 года Имре Надя в первый раз премьер-министром, Андропов оставался резко отрицательно настроенным к новому главе правительства Венгрии. Видимо, на это у него были свои причины. Может быть, он знал от Куусинена, какую стукаческую роль играл агент НКВД Володя в аппарате Исполкома Коминтерна. Возможно, председатель КГБ Иван Серов прямо сообщил советскому послу об этом факте для возможного оказания посредством его давления на Имре Надя.

Тем не менее брожение в Венгрии, почувствовавшей после смерти Сталина легкое дуновение свободы, усиливалось. Выражалось оно в росте требований об отставке Ракоши. Когда неизбежность движения навстречу этим требованиям была осознана Москвой, Ракоши пришлось покинуть Будапешт и укрыться в Советском Союзе.

Главой правящей партии в Венгрии стал слабый политик и сухой, молчаливый человек Эрне Гере. Для пылких и горячих мадьяр главный руководитель страны, не владевший ораторским

искусством и не могший зажечь массы, был неприемлем. При Гере правительство снова возглавил Имре Надь. В Москве очень надеялись на старого агента НКВД, но он с течением времени, как оказалось, превратился в скрытого антисталиниста и либерала. Не без его санкции и влияния в Венгрии продолжали протекать и расширяться революционные общественные процессы. Росла вражда и к «старшему брату» — СССР.

Мне вспоминается в связи с этим маленький эпизод из моей жизни, который мог стоить больших неприятностей. Я тогда только начал работать в штате Советского информбюро. Однажды, когда до меня дошла очередь брать в библиотеке СИБа толстую пачку листов полузакрытой, так называемой «для служебного пользования» информации ТАСС, я по дороге в отдел открыл подборку о странах «народной демократии» и успел прочесть несколько листов о событиях в Венгрии.

Дух свободы, которым повеяло на меня, молодого журналиста, от этих листов, вдохновил меня на громкое заявление. Едва войдя в нашу рабочую комнату, я положил перед начальником отдела Дмитрием Ивановичем Поповым пачку «тассовок» и громогласно объявил пятерым коллегам, сидевшим вместе со мной в этой комнате: «Ребята! В Венгрии — революция!..»

В помещении наступила гробовая тишина, Попов отреагировал на мой восторг первым. Он густо покраснел, что свидетельствовало о крайней степени его волнения. Затем он неожиданно тонким, срывающимся на фальцет голосом закричал на меня:

— Молчи, дурак, пока тебя не услышал кто-нибудь из наших сибовских стукачей!.. И думай, что говорить публично об этом событии впредь!..

Старые и травленые «волки» от журналистики, сидевшие вокруг, так же как и начальник отдела, очень не одобрили мое высказывание. По крайней мере, больше половины коллег, работавших в нашем общем кабинете, были «штрафниками» или «расстригами» — на нашем специфическом языке. Они были переведены в «отстойник» Совинформбюро из МИДа, ПГУ, ГРУ за вольнодумство, строптивость и другие мелкие грехи вроде грубости начальству или распитие в рабочее время с сослуживцами и на рабочем месте бутылочки коньяку. Тогда это все считалось криминалом, подлежащим наказанию в виде изгнания из «рая», которым считалась оперативная работа. «Штрафники» в большинстве своем также симпатизировали вольнолюбивым мадьярам. Прекрасные профессиональные аналитики, «задвинутые» серыми кадровиками и партийными

функционерами в клоаку вроде СИБа, они знали, что хрущевская «оттепель» позвенит весенней капелью и сменится жарким идеологическим летом с грозами и засухами. Слава богу, что среди них не оказалось доносчиков, которые припомнили бы мне легкомысленное и «ревизионистское» мнение, когда советские танки в Будапеште по приказу Хрущева, Суслова и Епишева начали расстрел толп народа, собиравшихся на улицах.

В то время, когда венгерские снайперы и пушки по приказу свеженазначенного Надем министра обороны Венгрии Пала Малетера стреляли по советским войскам и убивали собственных коммунистов, Москва, по совету посла Андропова, решила сделать ставку на двух мадьярских деятелей, оказавшихся лояльными Советскому Союзу и готовыми спасти свою страну от гражданской войны. Это были Янош Кадар и Ференц Мюнних. Оба ушли в подполье от разъяренных толп, побывали затем в Москве на «смотринах», фундаментально обсудили с советским руководством нынешние и будущие проблемы Венгрии. Выбор Хрущева и политбюро пал тогда на Яноша Кадара, которого особенно тепло представлял посол Андропов. Мюнних получил тогда важнейший пост посла в Москве.

Вполне возможно, что лично Андропов был особенно склонен рекомендовать Яноша Кадара по той простой причине, что Ференц Мюнних принадлежал по возрасту и политическому опыту к более старому и жесткому поколению партийцев-интернационалистов. После ухода Сталина в мир иной они теряли свою былую популярность, даже если их мозги оставались свежими. А судьба Яноша Кадара была Андропову значительно ближе хотя бы потому, что этот относительно молодой партийный лидер мадьярских коммунистов напоминал ему фактами своей биографии те ужасы, которые могли постичь его самого, если бы Отто Вильгельмовичу не удалось вытащить Юру Андропова из «ленинградского дела». Как раз в те годы, когда в СССР разворачивалась эта кровавая интрига, в Венгрии начинались сфальсифицированные процессы антисемитского содержания, инициированные из Москвы. Самый громкий из них происходил в сентябре 1949 года над министром внутренних дел Венгрии Ласло Райком и его ближайшими сотрудниками.

После казни Ласло Райка новым министром внутренних дел был назначен самый популярный и молодой член ЦК Венгерской компартии Янош Кадар. Но и он был снят со своего поста уже в 1950 году, а в 1951-м брошен в тюрьму и подвергнут жестоким пыткам. Палачи сдирали у него ногти на руках. Даже в 70-х годах Кадар стеснялся при посторонних класть на стол свои изуродованные руки.

Другой, несколько более поздний выдвиженец Андропова, словак Густав Гусак, также подвергался политическим репрессиям в то же самое время, что и Кадар. Тогда волна арестов и казней прокатилась по всем странам-сателлитам Москвы, как эхо кульминации сталинизма в Советском Союзе. Весной 1950 года в Чехословакии поднялась кампания борьбы с «буржуазными националистами». Один из лидеров КПЧ Рудольф Сланский был обвинен в оказании помощи сионистам и расстрелян. Густав Гусак был арестован и несколько лет провел в тюрьме…

Советский посол в Венгрии в 1955–1956 годах по-дружески встречался с Кадаром, до лета 1956 года бывшим деятелем второго эшелона венгерского руководства. Проведя много встреч и бесед с ним в разгар трагических и кровавых событий осени того же года, виной которых была Москва, посол сделал правильный вывод о том, что ради будущего своей страны этот венгерский лидер сможет преодолеть свое стойкое физическое и душевное отвращение к сталинской державе, представители которой в конце 40-х годов консультировали его палачей из венгерской службы безопасности. Посол стал «работать» с Яношем Кадаром и отдал именно ему предпочтение перед другими венгерскими деятелями, которых продвигали к власти Суслов, Микоян и Серов. Это укрепило на три десятилетия личную дружбу двух политиков.

Так складывалась, еще в зачаточном состоянии, методология действий Андропова и советского руководства во времена кризисных ситуаций на просторах империи Варшавского пакта. Ее стержень — поиск местных лидеров, пользующихся доверием своих народов в силу тех или иных причин и не враждебных Москве, для продвижения их к власти. Если необходимо — то и под защитой советских танков.

Опыт Андропова, накопленный в Венгрии, то обстоятельство, что он стал лично известен Хрущеву, Суслову, Микояну и другим влиятельным членам политбюро, привели его по окончании службы в Венгрии вновь в аппарат ЦК КПСС. На этот раз он стал заведующим одним из двух международных отделов — «по связям с братскими партиями стран народной демократии», который в бурные времена десталинизации в коммунистических и рабочих партиях выходил на передний план среди других идеологических и организационно-партийных подразделений аппарата.

На нового заведующего отделом, а затем и секретаря ЦК КПСС весьма сильно повлияло его пребывание в Венгрии. К его глубокой, врожденной внутренней культуре, которую он неустанно развивал самообразованием, прибавился лоск дипломата, умеющего носить рубашки с крахмальным

воротничком и хорошо сшитые костюмы, свободно держаться за столом, где слева от тарелки лежат три-четыре вилки, а справа такое же количество ножей, для хлеба и пирожков слева находится маленькая «пирожковая» тарелка, а перед носом возвышается четыре-пять фужеров и рюмок разного калибра для разных вин и напитков. Бывшему помощнику киномеханика сельского клуба и волжскому матросу восприятие бытовой культуры высших слоев западного общества оказалось вполне по плечу.

После своих трудных и опасных посольских лет, будучи секретарем ЦК, Юрий Владимирович часто навещал Венгрию, ездил по стране, знакомился с ее сельским хозяйством, пищевой и легкой промышленностью, бурно развивавшимися после прихода к руководству Венгерской компартией его друга Яноша Кадара. Два крупных партийных деятеля Восточной Европы вели, вероятно, достаточно откровенные беседы о путях «гуляшного социализма», как стали называть в 60-х годах экономическую политику в Венгрии. Главным образом оттого, что Кадар и его соратники не боролись с мелким частным предпринимательством, а, наоборот, развивали и поддерживали всех товаропроизводителей, благосостояние народа стало быстро расти. Андропов в Москве явно «прикрывал» от недругов усилия Яноша Кадара по прокладыванию «особого» пути Венгрии к социализму.

Советские же коллеги, даже в «реформаторские» хрущевские и постхрущевские времена, несмотря на заявления о том, что партия и государство должны повышать благосостояние народа, как огня боялись «мелкобуржуазной стихии» и всячески боролись против мельчайших ее проявлений. На селе, например, под руководством Хрущева доходили до того, что объявляли весь скот, принадлежавший личным владельцам, препятствием к общественному, коллективному труду. Крестьянский частный молочный и мясной скот уничтожался или вынужденно сдавался в колхоз, вводилось повышенное налогообложение тех колхозных дворов, где осмеливались сажать не только картошку, но и яблони. Таковы были задворки хрущевской «оттепели».

Венгрия шла по другому пути. В кратчайшие сроки она полностью решила проблемы сельского хозяйства. Уже к концу 70-х годов, когда мне довелось побывать автотуристом в этой стране, урожай зерновых повысился с 17 до 55–60 центнеров с гектара, кукурузы — с 26 до 70 центнеров. Производство мяса на душу населения превысило 160 килограммов, из которых половина шла на внутреннее потребление, а другая половина — на экспорт.

Андропов все это видел во времена своих наездов в Венгрию. Очевидно, в душе крепкого большевика возникали определенные сомнения в правильности сельскохозяйственной политики КПСС. Отсюда и его надежда в конце 70-х годов на молодого бывшего комбайнера Горбачева, которому он немало содействовал стать секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству…

В 60-х годах особенно рельефно проявлялась двойственность Андропова. С одной стороны, его сторонники и поклонники в партийном аппарате и обществе стали делать ему рекламу как либералу и доброжелательному политику, а с другой — в его официальных высказываниях и выступлениях неизменно звучала большевистская непреклонность и жесткость. Я думаю, что это нельзя назвать двуличием. Он был просто живой и сомневающийся человек, размышляющий над всем тем, что ему приходилось видеть и переживать. Его сознание подвергалось эволюции. Он еще не стал под влиянием своего позднейшего окружения и борьбы за власть, а также болезней упертым догматиком, каким казался после 1977 года, и то не до конца. Но об этом речь еще впереди.

Сейчас я хотел бы обратиться к его опыту и тайной дипломатии в месяцы Пражской весны и сразу после нее. Ведь к лету 1968 года он уже год находился во главе КГБ и начинал кое-что понимать в деятельности этой организации. Кроме того, он был абсолютно доверенным человеком генсека КПСС Брежнева, и от его информации, позиции на основе этой информации зависело очень многое в подходе советского руководства к «социализму с человеческим лицом», стремящемуся утвердиться в центре Европы.

Разумеется, в тоталитарной системе координат отнюдь не главе секретных служб принадлежало решающее слово. Также и так называемое «коллективное руководство» Коммунистической партией Советского Союза было весьма далеко от окончательных решений. Основная ответственность лежала на генсеке Брежневе. Со всех сторон на Брежнева наседали представители самых разных сил — от консервативно-милитаристских, интернационалистов сталинского толка, составлявших большинство в советском руководстве и возглавлявших тогда «братские социалистические страны» — типа Вальтера Ульбрихта в ГДР и Вацлава Гомулки в Польше, — до либеральных реформаторов, оставшихся от эры Хрущева.

Я не собираюсь излагать здесь полную хронологию событий 1968–1969 годов в Чехословакии и Советском Союзе. Мне хотелось бы отметить лишь методологию действий Андропова. Не претендуя на истину в конечной инстанции, сообщу лишь то, что

стало мне известно из первых рук — от крупных советских разведчиков. Одним из них был мой отец, тогда почти шестидесятилетний полковник Синицын[2], проработавший во внешней разведке к тому времени тридцать лет. Другим стал мой старый знакомый, известный разведчик, тоже полковник Василий Романович Ситников. Несколько выше я уже представлял его читателю.

Методология, которую применил Андропов, явно вытекала из его опыта работы в Венгрии в 1956 году и уроков старого конспиратора Куусинена. Тогда молодой посол пытался получить самую разностороннюю информацию о событиях и людях, обобщить ее и передать в Москву. Кроме него, информацию посылали советнические аппараты других ведомств, резидентуры КГБ и военной разведки — ГРУ.

Главная задача, которую ставил перед собой Андропов в Будапеште, было найти, изучить, рекомендовать Москве такого венгерского деятеля, который в интересах своего народа, опираясь на подлинный, выстраданный авторитет, мог бы принять на себя руководство своей страной и затушить пожар, грозивший перерасти в гражданскую войну с непредсказуемыми последствиями. Требовалось также вывести из игры лидеров тех враждебных СССР сил, которые могли спровоцировать в стране крупномасштабное вооруженное восстание. В условиях жесткого противостояния Востока и Запада события могли начать развиваться стихийно, вплоть до третьей мировой войны. И такой лидер был найден и выпестован именно Андроповым. Это был Янош Кадар. Время показало, что выбор Андропова оказался весьма удачен для всей Восточной Европы.

В конце 60-х годов, на новом историческом витке, у Юрия Владимировича было значительно больше власти и возможностей эту власть употребить. Брежнев возложил координацию всех советских усилий в отношении Пражской весны на Андропова. Но председатель КГБ 1968 года был значительно выше по всем своим качествам своего предшественника Серова, который сидел в Будапеште 1956 года инкогнито и своими распоряжениями только запутывал ситуацию. Андропова в Праге и Братиславе 1968–1969 годов не было. Но эффективность действий председателя КГБ от этого не уменьшилась.

Вместо себя он «выбросил» в ЧССР очень небольшой «десант» из весьма опытных профессионалов разведки. Кроме вышеназванных Ситникова и Синицына, было еще известных мне человека четыре или пять. Каждому из них было поручено вступить в контакт с определенным деятелем КПЧ или чехословацкого правительства, изучить его систему взглядов,

узнать характер, взвесить его реальный авторитет и перспективы, отношение к Советскому Союзу и странам социализма, их руководителям. Это были Й. Смрковский, О. Черник, Г. Гусак, В. Биляк, А. Индра и другие деятели Пражской весны.

В Чехословакии и в правящей компартии, как и в руководстве стран Варшавского договора, не было единства в отношении реформ Дубчека. Страна и партия разделились на правых, горячо проводивших либеральные реформы и дистанцировавшихся от Советского Союза, центристского «болота» и весьма активных левых, выступавших против Дубчека, но бывших в меньшинстве. Сам Александр Дубчек был колеблющимся и нерешительным человеком по характеру. Кое-кто в ЦК КПСС и высокопоставленной советской журналистике называл его «чехословацким Керенским» в память печально известного политического болтуна в Петрограде 1917 года. Происходил он из Словакии, где одно время работал лесничим.

Правых, то есть сторонников кардинальных реформ Дубчека, среди граждан страны было большинство, особенно в промышленно развитой Чехии. В Компартии Словакии, весьма многочисленной части КПЧ, сильны были левые, просоветские тенденции. Это происходило не в последнюю очередь потому, что две части федеративного государства — Чехословакии, основанной в 1918 году на обломках австро-венгерской монархии после Первой мировой войны, были не равны по экономическому развитию. Чехия была более развита в промышленном и социальном отношении. Словаки с известной долей справедливости считали, что благосостояние Чехии растет за их счет. Разумеется, подобные мнения бытовали на обывательском уровне, однако некоторое противостояние чехов и словаков на национальной основе отмечалось и в руководящих органах партии и государства.

…В начале лета 1968 года в Братиславу прибыл в командировку в советское генеральное консульство пожилой работник невысокого ранга, но с дипломатическим паспортом. Вместе с ним приехал второй шифровальщик, независимый от консульского криптографа. Новому сотруднику установили персональный телефонный аппарат ВЧ, по которому можно было связываться напрямую с Москвой, с самыми высокими правительственными кругами.

Пожилой, энергичный человек, умевший расположить к себе собеседника с первых слов, представился в ЦК Компартии Словакии как представитель ЦК КПСС, прибывший для изучения положения в стране. У него сразу сложились добрые дружеские отношения с Василом Биляком и Густавом Гусаком, другими

партийными руководителями Словакии. Вскоре он стал получать из первых рук информацию о том, что происходит в КПЧ и Чехословакии, о соотношении сил в руководстве страны, о планируемых партией мероприятиях. Нагрузка его шифровальщика увеличивалась день ото дня. Адрес телеграмм оставался один: Москва, Андропову. Почти все его шифровки докладывались и Брежневу.

Этот человек, изучив ситуацию в КПЧ и стране, готовую перерасти в гражданскую войну, привлек особенно позитивное внимание Москвы к Густаву Гусаку и Василу Биляку. Его коллеги в Праге, вероятно, также концентрировали усилия на изучении «своих» друзей и информировании Москвы с позиций этих деятелей.

Спустя несколько лет, когда я работал уже у Андропова, мне рассказывали, что твердая «левая» позиция Васила Биляка, его бескомпромиссное негативное отношение к реформам Дубчека сделали его неприемлемой фигурой на первую роль в тогдашнем руководстве ЧССР и в мнении Юрия Владимировича.

В то же время биография и позиция Гусака не вызывали столь бурного отторжения чехословацкого общества, как твердость Биляка в «словацком» национальном вопросе и его слишком теплое отношение к Москве и союзникам по Варшавскому договору. Васил Биляк опирался на большую группу видных деятелей КПЧ не только в Братиславе, столице Словакии, но и в Праге, главном городе республики, Чехии и Моравии. Именно у Биляка, не без подсказки Андропова, стремившегося не выглядеть в глазах мирового общественного мнения и будущих историков беспардонным агрессором, оформилась и была передана в Братиславу идея о создании и подписании официальными деятелями Чехословацкой компартии и государства документа, в котором содержалась бы просьба коммунистов КПЧ к СССР и союзникам по Варшавскому договору — подавить контрреволюцию в ЧССР. Такое письмо было подготовлено, подписано двумя десятками крупных деятелей КПЧ и передано в Москву генсеку Брежневу. Но оглашено оно могло быть только в чрезвычайной ситуации и по договоренности с товарищами, подписавшими его. Передано оно было в Москву Василом Биляком через члена политбюро ЦК КПСС Петра Шелеста, наблюдавшего события изнутри Чехословакии, 3 августа 1968 года, то есть за две с лишним недели до ввода войск стран Варшавского пакта в ЧССР.

Хотя это обращение с точки зрения международного права было ничтожным, сторонники Москвы в самой ЧССР, ГДР, Болгарии, Польше и в мировом коммунистическом движении, в

условиях ожесточенной идеологической борьбы и психологической войны НАТО в 60—80-х годах XX века могли бы принять его морально весомым аргументом в поддержку интернационалистической акции ленинско-сталинского типа. В те годы, впрочем, было еще далеко до аналогичных принципов мессианства Запада, когда даже без таких шатких аргументов и просьб изнутри страны западные генералы и политики готовы разбомбить Югославию или Ирак.

Васил Биляк передал упомянутый документ Петру Шелесту в силу того, что он был одним из первых кандидатов Москвы на продвижение к власти в Праге. Его особенно поддерживали «ястребы» в Москве. Другой вероятный кандидат, которого особенно поддерживал в силу называвшихся причин Андропов, был доктор философских наук Густав Гусак. Тогда он был пятидесятипятилетним политическим деятелем, ветераном коммунистического движения своей страны. Он вступил в КПЧ в 1933 году, а в годы оккупации Чехословакии гитлеровцами стал одним из руководителей Словацкого народного восстания против немцев в 1944 году. Это национальное восстание было одной из самых героических страниц в многовековой истории Чехословакии.

После войны, с 1946 по 1950 год, Густав Гусак был председателем правительства Словакии. На волне сталинских репрессий в странах народной демократии в 1950 году он был арестован и брошен в тюрьму по обвинению в буржуазном национализме. Его пытали в застенках, как и Яноша Кадара. После смерти Сталина Гусак был реабилитирован. Отношение к нему в Чехословакии было чрезвычайно уважительным. С апреля до августа 1968 года Густав Гусак работал в правительстве ЧССР в качестве заместителя председателя. В 1968 году был избран первым секретарем ЦК Компартии Словакии и членом Президиума ЦК КПЧ…

Представитель ЦК КПСС в Братиславе не только собирал информацию, анализировал ее и передавал Андропову. Он рассказывал своим словацким друзьям о том, что происходит в Москве, о реакции в советском руководстве на положение в Чехословакии — словом, делился с ними тем, что очень откровенно рассказывал ему председатель КГБ по прямому проводу во время длительных бесед с «представителем ЦК КПСС» в Братиславе.

…Однажды в середине августа 1968 года в столице Словакии вновь в кабинете «представителя ЦК КПСС» зазвонил его ВЧ-аппарат. Он услышал в телефонной трубке голос Юрия Владимировича:

— Елисей! Как ты считаешь, можем ли мы опереться по-настоящему на Густава Гусака? Будет ли он с нами бороться против правых?

Полковник подтвердил председателю КГБ, что он абсолютно уверен в Гусаке, его способности повести за собой не только словаков, но и чехов к победе левых в КПЧ. Андропов с минуту раздумывал. Затем спросил:

— Ты можешь пригласить к твоему аппарату ВЧ товарища Гусака, чтобы он был у тебя через час?

— Могу… — ответил «представитель ЦК КПСС».

Ровно через час в кабинете снова раздался звонок «вертушки».

— Елисей, товарищ Гусак у тебя? — спросил Юрий Владимирович.

— Да, у меня!.. — ответил абонент в Братиславе.

— Тогда передай ему, пожалуйста, трубку… — попросил Андропов.

Гусак взял телефонную трубку, ответил на приветствие Андропова, и они обменялись несколькими словами о положении в Чехословакии. Речь Юрия Владимировича звучала в мембране очень громко, и Гусак вдобавок неплотно приложил ее к уху, давая возможность московскому другу слышать то, что говорилось из Москвы.

Без всякого перехода Андропов вдруг сказал:

— Товарищ Гусак, с вами хотел бы говорить Леонид Ильич… Гусак удивился. В трубке зарокотал басок Брежнева.

— Товарищ Густав Гусак!.. — обратился к нему генсек ЦК КПСС. — Я знаю, как много вы делаете для своей страны, для предотвращения крупных внутренних и внешних потрясений. Хочу вас заверить, что мы целиком принимаем ваши позиции, но опасаемся ухудшения ситуации… Я хочу вас спросить, будете ли вы с нами в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств?

— Да, товарищ Брежнев! — спокойно ответил Гусак. — Я буду с Советским Союзом… Полагаю, что только вместе мы сможем стабилизировать обстановку в Чехословакии и избежать большого кровопролития…

Разговор Андропова и Брежнева по «вертушке» с Братиславой показал, что Москва сделала свой окончательный выбор и взяла курс на сотрудничество с Густавом Гусаком. Но в Кремле в то время были силы, которые стремились к «радикальному решению»: провоцированию гражданской войны и жесткой военной оккупации Чехословакии. Как предлог для такого поворота событий они выдвигали якобы «разгул сионизма» в Праге и возможный захват страны «экспедиционным корпусом» из

Израиля… Относительно «мирный», не как в 1956 году, ввод войск в Будапешт, приход в ЧССР подразделений стран Варшавского договора 21 августа 1968 года, отсутствие арестов и волны кровавых репрессий против «друзей и союзников на Влтаве», видимо, явился следствием компромисса между «ястребами» и «голубями» Москвы, Берлина, Варшавы и Софии. Ульбрихт и Гомулка с самого начала Пражской весны подстрекали Брежнева к жестоким мерам против чехов. Были такие деятели и в советском политбюро. К чести Андропова надо сказать, что он всегда отстаивал перед Брежневым необходимость политического и мирного разрешения этого кризиса в Варшавском пакте.

Путем длительных и сложных маневров, в том числе и при участии андроповского «десанта» в Праге, Дубчек был удален от власти. В 1969 году Густава Гусака избрали первым секретарем Компартии Чехословакии, а через несколько лет — президентом ЧССР.

Все это происходило на фоне вязкого сопротивления чехов оккупационным войскам СССР и его восточноевропейских союзников. Твердая позиция чехов и их отвращение к «старшему брату», возникшее после 21 августа 1968 года, привели, видимо, к тому, что и в Советском Союзе не только правозащитники стали понимать преступность подавления танками Пражской весны. Многие студенты и ученые, инженеры и представители творческой интеллигенции внутренне осудили практику подавления прав людей в Чехословакии при помощи танков. Но большинство граждан СССР еще не понимали этого.

Уже в конце 1968 года масштабы оккупации стали сокращаться. Первыми покинули территорию Чехословакии воинские контингенты Польши, Венгрии и ГДР. Затем и советские войска стали уходить из ЧССР. Была оставлена, согласно специальным договоренностям с чехословацким правительством, только одна крупная база советских войск под Прагой, рядом с местечком Миловице, и два-три мелких военных объекта на территории ЧССР. Они получили название «Центральная группа войск». Формально в их задачу входило не оказание давления на население Чехословакии, а союзнические обязательства по прикрытию страны от войск НАТО в кризисный международный период. Но, разумеется, иностранная военная база на территории суверенного государства, как это видно на примере американских военных баз, всегда оказывает влияние на политику правительства данной страны.

Все эти сложные и противоречивые явления, по которым сталкивались мнения Андропова, Брежнева, Косыгина и Суслова,

сводившиеся к «мягкому решению» ради сохранения социалистического строя в ЧССР, и «ястребов» в советском руководстве, типа Подгорного, Шелеста, маршала Гречко, Устинова, настаивавших на полномасштабном военном вмешательстве, как в Венгрии 1956 года, позднее получили название «доктрины Брежнева» или «доктрины ограниченного суверенитета».

Суть ее, как пояснял политику СССР, ПНР, ГДР и ВНР в отношении Чехословакии центральный орган КПСС газета «Правда» в сентябре 1968 года, в следующем: «…Коммунисты братских стран, естественно, не могли допустить, чтобы во имя абстрактно понимаемого суверенитета социалистические государства оставались в бездействии, видя, как страна подвергается опасности антисоциалистического перерождения».

Кто же брал на себя функцию окончательного суждения и приговора о степени «антисоциалистического перерождения» и необходимости в связи с ним введения войск стран Варшавского договора? Разумеется, Москва в лице политбюро ЦК КПСС и его «ленинского» руководства…

Осенью 1969 года, когда положение в ЧССР еще не стабилизировалось до конца, Гусак позвонил Андропову и просил председателя КГБ назначить полковника Елисея Синицына главой представительства КГБ и МВД СССР в Чехословакии. Юрий Владимирович немедленно согласился и предложил осуществлять через него обмен конфиденциальной информацией, то есть наладить тайный канал связи первого секретаря ЦК КПЧ с генсеком Брежневым. Г. Гусак и В. Биляк, видимо, также именно это и имели в виду.

Эмиссару Москвы еще до конца 1969 года пришлось выехать в Прагу. Он проработал в Чехословакии одиннадцать лет, до 1981 года, и все это время осуществлял прямую связь между Брежневым и Андроповым — с одной стороны и Гусаком — с другой. Советские послы в Праге об этом не знали… Что же такое тайный канал в современных международных отношениях и насколько он распространен?

По моему представлению, это исключительно важный инструмент внешней политики государств. «Тайным каналом» был и сам Андропов, когда вел конфиденциальные переговоры с Яношем Кадаром и Ференцем Мюннихом в обход официальных представителей венгерского правительства и многочисленных советских визитеров в Будапешт. Ведь надежность канала может быть достигнута лишь тогда, когда не допускаются утечки информации. Только в этом случае можно добиться того, что высшие руководители двух стран будут испытывать друг к другу

доверие, могут говорить откровенно, не ставя под угрозу свой престиж и положение в системе власти своей страны.

Классическим тайным каналом стала связь Андропова и Брежнева с Гусаком и Биляком в обход официальных послов, аппаратов Министерства иностранных дел, отделов ЦК КПСС. Шифровки из Праги, с мнениями руководителей КПЧ по самым острым вопросам, ложились непосредственно на стол Андропова и передавались им Брежневу из рук в руки. Таким образом, сохранялась не только полная конфиденциальность общения высших руководителей ЧССР и СССР, но и достигалась высокая скорость принятия решений по взаимным просьбам сторон.

Вероятно, Юрий Владимирович учел эффективность тайного канала между Москвой и Прагой, когда получал разрешение Брежнева на организацию доверительной прямой связи между руководителями СССР и Западной Германии. Произошло это в конце 1969 года, хотя сама идея информационного прямого канала с ФРГ возникла у Андропова в конце 1967 года.

В то время отношения между СССР и ФРГ были довольно сложными и даже неприязненными. Андропов, как талантливый политик, понимал, что пора начинать строить «общий дом — Европу», и полагал, что на Европейском континенте главным партнером Советского Союза в деле разрядки и мирного сближения государств может быть только Западная Германия. Он ясно видел перспективу развития внешнеполитических приоритетов СССР и стран Варшавского договора, понимал, что без решительного улучшения отношений с ФРГ политика конфронтации будет только возрастать.

После того как Андропов в 1967 году был назначен председателем КГБ, он произвел на основе информации, имевшейся как во внешних, так и во внутренних подразделениях этой мощной организации, оценку всех направлений внешней политики СССР. Один из выводов, который он сделал, заключался в том, что советскому руководству следует быстро, в течение года-двух, добиться установления совершенно новых отношений с Бонном. Это должен быть прямой, доверительный и честный канал к самому политическому «верху» в Западной Германии. Но такие конфиденциальные отношения между высшими руководителями двух стран необходимо было осуществлять в обход всех внешнеполитических ведомств и аппарата ЦК КПСС, которые были консервативны и малоподвижны, заражены германофобией.

Вторым условием организации такого канала было то, что немцы не должны были воспринимать его как желание вбить клин между ними и Америкой. Андропов понимал, что Бонн, разумеется, проинформирует Вашингтон, где без особого удовольствия будут воспринимать прямой контакт между руководством Советского Союза и ФРГ. В то же время нормальное функционирование такого канала должно показать и немцам, и американцам искреннее желание Москвы смягчить обстановку в мире после эскапад Хрущева, стучащего ботинком в ООН, и его угрозы развязать ядерную войну в случае попыток изгнать СССР с Кубы и раздавить Остров свободы в Западном полушарии.

Юрий Владимирович поручил эту деликатную миссию одному из самых талантливых людей в КГБ, с которым я познакомился, когда пришел работать на Лубянку. Это был относительно молодой генерал Вячеслав Ервандович Кеворков. Он работал в конце 60-х годов, когда начал везти этот тяжелый и небезопасный воз, во 2-м Главном управлении, занимавшемся не внешней разведкой, как, казалось бы, более приспособленной для международных операций, а внутренними, контрразведывательными делами. Молодой армейский офицер, получивший блестящее образование в знаменитом тогда ВИИЯ — Военном институте иностранных языков, Кеворков пришел в КГБ, когда Хрущев громил эту организацию и очищал ее от воспитанников Берии и Абакумова.

Кеворков был также одаренным журналистом и часто выступал в советской прессе в силу своего служебного положения под псевдонимом. Он был дружен со многими московскими «акулами пера», его часто можно было встретить в пивном баре или ресторане профессионального клуба московских работников печати — Доме журналистов на Гоголевском бульваре у Арбатской площади. В ресторане Домжура, как любовно называли его московские писаки, была одна из самых лучших кухонь Москвы 60-х и 70-х годов, над которой надзирал знаменитый мэтр по прозвищу Борода, поскольку он носил окладистую черную бородищу. Мэтра в 50-х годах переманили из ресторана Дома актера на Пушкинской площади, где Борода ставил кухню под руководством и при личном участии видного советского разведчика генерал-лейтенанта графа Алексея Алексеевича Игнатьева. Граф Игнатьев был военным атташе императора Николая II в Скандинавии, а затем в Париже. Известный гурман и кавалерист, граф встретил российскую Февральскую революцию 1917 года в Париже, за заслуги получил от Временного правительства звание генерал-майора. Когда совершился Октябрьский переворот, генерал граф Игнатьев не ушел в стан

белогвардейцев, а остался верен своей стране. Он сохранил огромную кассу, которая принадлежала еще царскому правительству, не позволил ее растащить на мелкие авантюры белоэмигрантских организаций. Он жил со своей женой-балериной в предместье Парижа в маленьком собственном домике, разводил в подвале плантацию шампиньонов, регулярно поставлял их на знаменитый парижский рынок «Чрево Парижа» и кормился лишь плодами собственного труда. Алексей Алексеевич еще перед Второй мировой войной официально сдал без единого франка недостачи казенный денежный ящик посольству СССР во Франции. В 30-х годах XX века он выполнял некоторые деликатные поручения советской резидентуры во Франции.

Когда он обратился с просьбой о получении советского гражданства, то получил его в числе первых эмигрантов из России. Его честь, патриотизм и профессиональные деловые качества очень высоко оценил Сталин. По возвращении на Родину граф Игнатьев был произведен в звание генерал-лейтенанта советской армии. Сталин тогда носился с идеей привить высшую аристократическую и профессиональную культуру хотя бы молодым поколениям советских офицеров. С этой целью и были созданы суворовские и нахимовские училища, куда особенно охотно принимали детей и внуков офицеров.

Генерал-лейтенант граф А. А. Игнатьев был назначен лично Сталиным начальником Управления военно-учебных заведений Министерства обороны СССР, которое руководило всеми этими, а также средними и высшими учебными заведениями советской армии. Начальник управления, в свое время окончивший Пажеский корпус в Петербурге первым среди выпускников своего года и служивший затем в гвардейском кавалергардском полку, несшем службу в дворцовых покоях русских царей, собственноручно вписывал многие забытые предметы в программы обучения суворовцев, нахимовцев, кадетов и курсантов военных училищ. Это были бальные танцы и основы этикета, верховая езда и фехтование, иностранные языки…

Я полагаю, что Вячеслав Кеворков постигал военно-дипломатические науки как раз в те блестящие годы советского офицерского образования. Слава свободно и в нюансах знал немецкий язык. Среди его знакомых были как советские журналисты-международники, так и корреспонденты западногерманских газет и журналов в Москве. Именно поэтому выбор Андропова пал на Кеворкова. Поскольку устройство тайного канала не позволяло генералу часто выезжать одному в Западную Германию, где его появление могло привлечь к нему нежелательное внимание прессы и многочисленных разведок,

Кеворков взял себе в партнеры известного московского журналиста Валерия Леднева. В некоторых случаях специальный корреспондент газеты «Советская культура», а затем «Литературной газеты» Леднев, часто бывавший по журналистским делам в командировках в Западной Германии, служил Кеворкову в ФРГ и Западном Берлине прикрытием от чужих любопытных глаз. Леднев не был сотрудником КГБ, но Андропов разрешил его участие в тайном канале под ответственность Кеворкова.

Я не буду излагать ход этой блестящей длительной операции, продолжавшейся до 1982 года, когда Андропов перешел из КГБ в ЦК КПСС. Отмечу главное в ней — эта неформальная секретная связь между руководителями в Москве и Бонне, возможно, сказалась на истории всего XX века, поскольку весьма ускорила позитивные процессы в Европе, приведшие к некоторому примирению между Россией и Германией, нормализации отношений между Западом и Востоком. Обо всей этой истории генерал Кеворков издал в Москве в 1997 году интересную и с большим юмором написанную книгу под названием «Тайный канал». В ней он рассказывает, как советскому руководству удалось выйти через него на контакты с канцлером ФРГ Вилли Брандтом. Вилли Брандт и руководство социал-либеральной правящей коалиции в Западной Германии поручили всю конкретную работу по организации тайных связей с Москвой одному из самых ярких политиков международной социал-демократии Эгону Бару, бывшему в те времена статс-секретарем ведомства федерального канцлера.

Не конкурируя с Вячеславом в описании психологических, политических, детективных и иных деталей секретных переговоров между Москвой и Бонном, хотел бы только дополнить его книгу некоторыми акцентами и фактами, о которых автор поведал весьма глухо в силу тех или иных причин.

Кеворков отмечает, что Андропову недолго пришлось убеждать Брежнева, а через него и премьера Косыгина в целесообразности такого канала. Справедливости ради следует сказать, что министр иностранных дел Громыко долго сопротивлялся осуществлению этой инициативы Андропова и требовал у Брежнева, чтобы все контакты с немцами велись только через официальных дипломатических представителей МИДа. Но Андропов был лучше, чем Громыко, осведомлен, видимо от Куусинена, об истории тайной дипломатии Советской России с Германией с 1917 года. Во всяком случае, именно в архивах его ведомства хранились секретные документы о Рапалльском договоре, о тайных связях с Веймарской

республикой в период послевоенной изоляции Германии в Европе, о военном сотрудничестве рейхсвера с Красной армией в 30-х годах, когда немцы, которым запрещалось любое перевооружение по Версальскому мирному договору, строили танки и боевые самолеты и испытывали их в СССР, работали над боевыми отравляющими веществами в содружестве с советскими химиками. Наверное, еще много и других тайн скрывается в этих архивах, включая и те, как НКВД выдавал гестапо немецких социал-демократов и коммунистов, бежавших в СССР от гитлеровской тирании…

Громыко долго пытался «перетащить германское одеяло» на себя, но тайный канал через Кеворкова и Андропова уже бесперебойно и успешно заработал. Брежневу это очень понравилось. Генсек и председатель КГБ действовали слаженно, министру иностранных дел пришлось присоединиться к мнению вождя и не подрывать усилий Андропова. Когда главное дело было завершено, документы в Москве, при участии Эгона Бара, и в Западном Берлине по инструкциям Брежнева и Андропова, с участием Кеворкова, были подготовлены, согласованы и подписаны, Громыко все не унимался. Он не оставлял попыток пристроить к этому тайному каналу своего информатора — дипломата-германиста Валентина Фалина. Амбициозный Фалин и сам все время старался проникнуть в секретные игры Кеворкова под руководством Андропова и как следствие к уху генерального секретаря. Но Юрий Владимирович почему-то терпеть не мог этого самовлюбленного карьериста. Даже когда умный Фалин в 70-х годах стал послом СССР в ФРГ и засыпал МИД довольно занятными шифротелеграммами в расчете на то, что Громыко будет давать их «по высшей разметке» читать только Брежневу, Андропов отнюдь не закрыл тайный канал связи с руководителями Западной Германии, а продолжал пользоваться услугами Кеворкова.

В силу специфики прямой связи именно с лидерами Западной Германии, к которой у большинства примитивных, как Хрущев, политиканов из политбюро господствовала германофобия, то есть ее особой конфиденциальности, Брежнев, Андропов и Громыко не информировали «ястребов» из высшего руководства партии о своих намерениях сближения с правящей в Западной Германии социал-демократией. Может быть, это происходило потому, что для кондовых коммунистов, воспитанных в сталинские времена, слово «социал-демократ» по-прежнему оставалось ругательным, а мировым фоном для доброжелательных контактов руководителей в Бонне и Москве служили такие акции, нагнетавшие международную напряженность, как разгром «социализма с

человеческим лицом» на Западе и настоящие военные действия пограничных войск СССР на советско-китайской границе в 1969 году.

Вячеслав Кеворков, к сожалению, не сообщает о том, как реагировали его коллеги внутри КГБ на то, что происходит в Чехословакии, и не появились ли уже тогда маленькие, но трещины в монолите спецслужб.

И еще один интересный момент, который выпал из удивительно откровенного повествования Кеворкова. Автор подробно рассказывает о том, что весной 1972 года в ФРГ вспыхнула острейшая политическая борьба по вопросу о ратификации подписанного в Москве в августе 1970 года в результате тайных контактов первого из восточных договоров — СССР — ФРГ. В связи с ратификацией договора в бундестаге в случае перевеса голосов против ратификации было бы автоматически проявлено недоверие правительству Брандта — Шееля. Тогда оно должно было бы уступить власть оппозиционным партиям, а договоры — потерять свое позитивное содержание. Не только оппозиция в Западной Германии, но и закостеневший коминтерновец Вальтер Ульбрихт, первый человек в ГДР, хотели бы подорвать Московский договор. Брежнев делал заявления о его пользе для обеих стран и мирового сообщества, Андропов выпустил на жительство в ФРГ большую группу советских немцев, которым давно отказывали в репатриации на историческую родину, — все было напрасно.

Политические противники Московского договора и многие обозреватели в СМИ ФРГ уверенно заявляли, что Брандту не хватит для ратификации по крайней мере одного голоса из собственных рядов. Называли даже сумму денег, за которую тайный сторонник оппозиции из либералов готов предать свою партию.

Кеворков вспоминает о своем разговоре по «вертушке» из Берлина с Андроповым, который поинтересовался у генерала, не собираются ли социал-демократы привлечь на свою сторону, тоже за плату, хотя бы пару депутатов от оппозиции.

Накануне этого разговора Вячеслав как раз имел беседу об этой ситуации с Эгоном Баром и задал ему такой же вопрос. Статс-секретарь ответил ему, что у социал-демократов нет таких денег, чтобы перекупать депутатов от оппозиции, а потому нет и соблазна прибегать к такому методу. Вероятно, цена депутатского голоса была действительно весьма велика. В СМИ Западной Германии назывались ее минимальные и максимальные величины — от 50 тысяч марок до полумиллиона. Скорее всего, она приближалась действительно к верхней шкале предположений.

И тут председатель КГБ, будучи московской стороной тайного канала, приступил к решительным действиям. Глава управления КГБ в Восточном Берлине генерал Иван Фадейкин вручил Кеворкову по поручению Андропова портфель с миллионом немецких марок для передачи его социал-демократам. Но Эгон Бар ушел на этот раз от контакта с Вячеславом, очевидно уловив финансовую подоплеку желания Кеворкова встретиться с ним. У статс-секретаря остались чистыми руки, а генерал вернул деньги в портфеле Ивану Фадейкину и тоже остался чистым в криминальном значении этого слова.

Не знаю, был ли осведомлен Кеворков о следующем или, может быть, предыдущем шаге предусмотрительного Андропова. Вероятно, он и не знал о нем, поскольку это мероприятие проходило не по линии 2-го главка, а проводилось 1-м Главным управлением, то есть внешней разведкой.

Председатель КГБ опасался возможного поражения социал-либеральной коалиции и конфуза с важнейшим договором тех времен. Он имел об этом информацию не только от Кеворкова. В преддверии ратификации он снова выбросил «десант» из самых опытных советских разведчиков, на этот раз в Бонн и Западный Берлин. Как мне рассказывал позже упоминавшийся ранее мой друг Василий Ситников, входивший в этот «десант», все легальные и полулегальные, старые и новые контакты в Западной Германии профессионалов этой группы разведчиков были энергично задействованы для того, чтобы оказать максимальное, хотя и не прямое, давление на депутатов бундестага для ратификации Московского договора.

Голосование по вотуму доверия Брандту в связи с ратификацией Восточного договора состоялось 26 апреля 1972 года. С перевесом в два голоса правительство социал-либеральной коалиции осталось у власти…

Тайный канал продолжал функционировать. Однажды я косвенно соприкоснулся с ним, когда 13 февраля 1974 года лауреат Нобелевской премии писатель Александр Солженицын был выдворен «компетентными органами» из СССР. Но задолго до этого аспирант Академии общественных наук, то есть я, и председатель КГБ Андропов во время одной из наших неформальных товарищеских встреч на служебной квартире довольно спокойно обсудили творчество опального писателя. И Андропов, и я очень высоко оценили первую опубликованную в СССР повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Именно в связи с этим произведением Юрий Владимирович выразил глубокую печаль из-за того, что на пике сталинских послевоенных репрессий в тюрьмах и лагерях Советского Союза

единовременно находилось десять миллионов человек.

Андропову, как и мне, очень нравился рассказ Солженицына «Матренин двор». Я находил его гениальным, а Юрий Владимирович слегка посмеивался над моей увлеченностью, но не отрицал силы этого произведения. Талант писателя был неоспорим и в других его творениях — «В круге первом», «Раковом корпусе». Мне прислали их с доверенной оказией из Праги, где они, в изданиях на русском языке зарубежных центров тогдашней психологической войны против СССР, легче распространялись и тайными путями вывозились в Советский Союз. Но меня предупредили, чтобы я, во-первых, не давал книги Солженицына никому читать, а во-вторых, ни с кем, даже самыми близкими друзьями, не смел обсуждать эту запрещенную в СССР литературу. Аргументировалось это тем, что в числе моих лучших друзей может оказаться какой-либо агент КГБ, который «настучит» на меня, и начнутся разбирательства моего антипартийного поведения на всех уровнях.

И невдомек было щедрому дарителю, что я не только презрел его опасения, но и поделился своим мнением о творчестве Солженицына с самым главным кагэбэшником Советского Союза. К чести Андропова, он не «настучал» на меня в 5-е управление, а лишь горестно сказал: «Я так и думал, что интеллигенция взахлеб читает Солженицына, а наши партаппаратчики не способны вдумчиво прочитать ни одной строчки этого писателя, чтобы понять — патологического антисоветизма у него нет!»

Когда я уже работал помощником Юрия Владимировича по политбюро, то мне было известно, что вопрос о разного рода репрессалиях против Солженицына стал предметом борьбы за власть в высшем руководстве Советского Союза. Подгорный, Косыгин и Суслов, то есть три следующих за генсеком лица в государстве, хотели ослабить позиции Брежнева в партии и на мировой арене. Именно поэтому они настаивали на жестоком наказании писателя — заключении его в тюрьму, высылке в отдаленные районы за полярным кругом и т. п. Чтобы одновременно скомпрометировать Андропова, набиравшего, по их мнению, слишком большую для них силу, его враги в политбюро постарались перевалить на председателя КГБ всю ответственность за публичные репрессии против Солженицына.

За рубежом авторитет лауреата Нобелевской премии по литературе за 1970 год только возрастал. Мировые величины культуры Генрих Белль и Мстислав Ростропович выступали за свободу творчества Солженицына и за его физическую свободу. Вилли Брандт, интеллигентнейший и добрейший человек, сам переживший эмиграцию в годы господства Гитлера над

Германией, несколько раз обращался по тайному каналу к Брежневу с просьбой отвести угрозу от писателя и дать ему возможность выехать на Запад. Андропов также был за осуществление этой идеи, хотя его и клевали «ястребы» на политбюро за либерализм и потворствование антисоветчику. Особенно старались Подгорный и Косыгин.

Точка зрения Андропова и Брежнева победила. Солженицына не посадили в тюрьму и не сослали в Сибирь. Договорившись по тайному каналу с Баром и Брандтом, Брежнев согласился выпустить писателя в ФРГ. С грозными, но фактически пустыми формулировками ТАСС и газета «Правда» сообщили, что 13 февраля 1974 года писателя выслали рейсом «Аэрофлота» Москва — Франкфурт-на-Майне в Западную Германию. Благодаря Андропову Солженицын получил возможность вскоре соединиться со своей семьей и получил разрешение на вывоз за границу своего огромного и ценного архива.

В день депортации лауреата Нобелевской премии и публикации Указа Президиума Верховного Совета СССР о лишении его советского гражданства произошла еще одна история, носившая скорее курьезный характер. Случайно, задолго до высылки Солженицына, на тот же день в самом почетном месте для деятелей культуры и политики — в Колонном зале Дома союзов, расположенного в центре Москвы, была назначена встреча читателей с очень популярным поэтом Евгением Евтушенко. Евтушенко славился своим вольнодумством. Вероятно, поэтому, опасаясь превращения вечернего сольного концерта поэта в манифестацию московской интеллигенции против утренней высылки Солженицына, 5-е управление КГБ через учреждения политической цензуры отменило вечернюю встречу Евтушенко с читателями.

Поэт узнал днем 13 февраля о высылке любимого писателя и отмене собственного концерта. Евтушенко был разъярен. Он позвонил по имевшемуся у него прямому номеру телефона в кабинет Андропова и выразил ему свое глубочайшее возмущение обоими фактами. Я стал невольным свидетелем этого разговора, докладывая Юрию Владимировичу очередные бумаги политбюро.

Андропов мрачно выслушал известного ему, видимо, не только заочно поэта. Настроение у него, понятно, в тот день было отвратительным. Но он любезно сказал Евгению Евтушенко: «Ну что ты, Женя! Если хочешь поговорить, то приходи ко мне сейчас!» На другом конце провода, видимо, не знали, что ответить на приглашение грозного председателя КГБ. В трубке раздались гудки отбоя. Юрий Владимирович продемонстрировал мне эту трубку с прерывистыми гудками и обиженно сказал: «И

что это он так испугался?! Я ведь действительно хотел с ним только поговорить!..»

Как я узнал на следующий день, Евтушенко тогда отнюдь не проявил храбрости. Он исчез из Москвы и спрятался где-то у друзей в деревне, опасаясь, видимо, недреманного ока КГБ. По этому поводу Филипп Денисович Бобков, начальник 5-го управления, только загадочно улыбался…

Намеревался Андропов повторить свой успешный опыт тайного канала в ФРГ и на главном направлении внешнеполитических усилий СССР — с Соединенными Штатами Америки. Он стремился к созданию такого климата в отношениях между супердержавами, чтобы легко пошли переговоры о сокращении гонки вооружений. Однако с американцами кремлевско-лубянская интрига дала сбой. В главные письмоносцы Юрий Владимирович выбрал лично известного Брежневу, своего бывшего консультанта еще в отделе соцстран ЦК Георгия Арбатова. Арбатов к середине 70-х годов был уже действительным членом Академии наук СССР, директором специально созданного «под него» Института США и Канады АН. Арбатов не только продолжал неформальные контакты с Андроповым, был вхож к генеральному секретарю ЦК и в круг его помощников-международников, но и часто принимал участие в коллективной подготовке докладов и выступлений Брежнева, других важнейших партийных документов в части, касавшейся отношений с Вашингтоном.

Юрий Владимирович ничего не делал с кондачка, особенно если это могло коснуться его коллег по политбюро. Организация тайного канала в Белый дом Вашингтона, тем более через Государственный департамент США, напрямую затрагивала Громыко, который считал себя американистом еще с тех пор, как при Сталине служил советским послом в Вашингтоне. Помимо Громыко, деятельность тайного канала обязательно вызывала бы острое недовольство еще одной влиятельной фигуры на советском внешнеполитическом олимпе — тогдашнего посла СССР в США Анатолия Добрынина, неизбежно ограничив его прямые контакты с верхушкой США. Отношения между министром иностранных дел, американистом, и послом в США, ведшим практические отношения с Америкой, были весьма напряженными и далекими от дружеских. Поэтому посол все время порывался напрямую выходить к уху генсека, но Громыко успешно пресекал его попытки, требуя от Добрынина субординации. Банальный нелюбовный треугольник дополнял первый заместитель министра иностранных дел Георгий Маркович Корниенко. Корниенко тоже считал себя

американистом и в действительности прослужил на главном фронте холодной войны сорок лет. Он был выходцем из разведки — молотовского Комитета информации начала 50-х годов. Громыко и Корниенко боялись умного и энергичного Добрынина, которого очень любил и ценил Брежнев. Поэтому министр и его первый зам старались как можно дольше держать Добрынина подальше от Москвы — в Вашингтоне. Талантливый дипломат, отозванный с главного направления, явно мог занять место одного из них.

Зная об этом сложном раскладе сил американистов на верхушке МИДа и желая проложить тайный канал в Вашингтон под эгидой КГБ, Юрий Владимирович через своего доверенного человека в аппарате помощников Брежнева — Андрея Михайловича Александрова-Агентова — подготовил Леонида Ильича к разговору о возможной линии секретных контактов с руководством США. Генсек дал осторожное согласие.

…Когда академик Георгий Арбатов в очередной раз приехал в специализированную научную командировку в Вашингтон, он побывал в Госдепе на беседе у одного из своих знакомых высокопоставленных дипломатов, вхожих в Белый дом. Советский академик, директор Института США, приближенный к Брежневу и, видимо, известный спецслужбам как друг Андропова, разумеется, был весьма подходящей кандидатурой для прямых, но скрытых контактов Вашингтона и Москвы.

Но когда Арбатов предложил себя на роль курьера тайного канала, американцы почему-то грубо отвергли его. Они знали от немцев о секретных связях Москвы и Бонна через генерала Кеворкова, были недовольны самоуправством социал-демократов, но ничего поделать с ними не могли. В вашингтонском варианте, возможно, сыграли свою роль симпатии американцев к обаятельному и мягкому Добрынину и ненависть к главному противнику — КГБ.

Госдеп поступил крайне бестактно. Он дал утечку содержания этого предложения академика Арбатова в американскую прессу. Добрынин послал в Москву по этому поводу очень резкую шифровку в МИД, Громыко, которую тот, прочитав, тут же, потирая руки от удовольствия, направил срочно Брежневу и Андропову… В Москве разгорелся скандал, в котором слегка пострадали Г. Арбатов и А. М. Александров-Агентов. К тому времени Андрей Михайлович, видимо измученный интригами среди помощников Брежнева, собирался сам проситься на пост посла СССР в США. После того как позиции Добрынина ослабнут в результате работы тайного канала, он потеряет свой вес в Кремле и Белом доме и будет тихо отозван в Москву…

Андрей Андреевич Громыко хоть и не затевал эту интригу, но праздновал в ней победу. Он понимал, что для всемогущего председателя КГБ прокол Арбатова был не более чем комариный укус в кремлевских игрищах. Сам министр был весьма осторожен и дальновиден. Поэтому почти всегда и во всем, даже в ошибках, Громыко поддерживал Андропова. Особенно дорого это обошлось Советскому Союзу в Афганистане.

После неудачной интриги Андропова с тайным каналом в Вашингтоне чутье на секретную дипломатию изменило Юрию Владимировичу еще дважды — в Польше и Афганистане. Но он в этом не был виноват. Первопричиной его двух последних ошибок послужило беспредельное доверие, которое он с годами стал испытывать к своему довольно серому «серому кардиналу» Владимиру Крючкову.

В начале 1973 года Андропов назначил Крючкова первым заместителем начальника ПГУ Мортина, имея в виду через несколько месяцев заменить слабого работника Мортина своим ближайшим помощником. Правда, Крючков не имел никакого опыта разведывательной или какой иной оперативной работы. Он был и оставался по уровню своего мышления аккуратным начальником секретариата шефа. Тем не менее в 1974 году любимец и многолетний спутник Юрия Владимировича Крючков был назначен Андроповым начальником ПГУ, то есть всей внешней разведки.

Как говорил мне отец и многие старые и опытные разведчики, с этого дня начался развал советской разведки, который затем, при восхождении Крючкова на пост председателя КГБ, привел к развалу этой советской спецслужбы и полному краху СССР.

В ПГУ в 70-х годах существовал отдел, руководивший всеми представителями КГБ в «братских социалистических странах». Они являлись по совместительству и главными резидентами советской разведки в этих странах. Формально представители КГБ и сотрудники их аппаратов шпионажа и подрывных действий оперативно-агентурными методами против друзей и союзников по Варшавскому пакту не вели. Не велось также и вербовки агентов, как и агентурной работы вообще. Они не крали со столов и сейфов коллег секретные бумаги, да и нужды в чисто шпионских действиях у них не было. Местные деятели, сводя свои счеты с земляками — своими противниками и конкурентами, старались, когда завуалированно, а когда и открытым текстом, сообщать «московским друзьям» для передачи в Центр самую конфиденциальную или компрометирующую их конкурентов информацию. Они доставляли по собственной инициативе

советским коллегам на просмотр оригиналы секретных документов и стенограммы речей своих руководителей, которые негативно высказывались в адрес Советского Союза, Брежнева или других руководителей СССР. Так бывало и на чисто идейной, принципиальной основе в борьбе просоветских и антирусских фракций в правящих партиях или чиновной среде. Иногда, похоже, некоторые нечистоплотные политиканы не брезговали и дезинформацией в карьеристских или провокационных целях.

В некоторых соцстранах, где не было спецслужб — полных аналогов КГБ, а департаменты разведки и контрразведки входили в структуры министерств внутренних дел, представители КГБ одновременно являлись и посланцами советского МВД. При необходимости они связывались не только с ПГУ, Андроповым, но и с министром внутренних дел СССР Николаем Анисимовичем Щелоковым. Служебные кабинеты у них были в зданиях министерств внутренних дел братских стран, где они могли повседневно общаться с высшими и средними чинами местных спецслужб. Но главными помещениями аппаратов представительств, где хранились секретные бумаги, были основные рабочие кабинеты представителей-генералов, рабочие комнаты сотрудников, технические службы резидентур, являлись целые этажи или анфилады комнат в особняках или дворцах советских посольств.

Среди представителей КГБ в социалистических странах были разные по характеру, способностям, темпераменту, уровню деловой активности, да и просто храбрости люди. Одни из них, слабые в профессиональном отношении чиновники от разведки, не обладали опытом, широким политическим кругозором, который полагается иметь разведчику, активностью и боевым темпераментом. Таких очень любил и поощрял начальник ПГУ Крючков, поскольку они своей инициативой не могли подвести его под критический разбор со стороны Андропова.

Такие полковники и генералы не хотели фундаментально разбираться в сложных процессах, происходивших в этих странах, не стремились, а иногда просто боялись и бегали как черт от ладана от завязывания доверительных контактов с политиками высшего эшелона власти. В беседах с послами Советского Союза в «своих» столицах они не стремились отстаивать свою точку зрения на кризисные явления, назревавшие или происходившие уже у них под боком. Особенно пугались они, хотя и не были подчинены послам, если она не совпадала с мнением посла, и тогда частенько не собирались делиться ею с Москвой…

Но большинство были смелыми, умными, хорошо знавшими род человеческий и имевшими не одну трудную вербовку во

время работы в капиталистических странах. Именно к числу таких лучших представителей спецслужбы и принадлежал генерал Виталий Павлов. Только благодаря ему Андропову удалось справиться с первой ошибкой в тайной дипломатии, которую председатель КГБ мог совершить в Польше. Виталий Григорьевич Павлов, назначенный в 1973 году представителем КГБ в Варшаву, лишь за два года и с большим трудом сумел преодолеть ошибочные представления начальника ПГУ о положении в ПНР, которыми Крючков пичкал Андропова и политбюро. Это произошло лишь после того, как Виталий Павлов приобрел в качестве друзей много добрых и понимающих положение в своей стране поляков, сумел сблизиться с генералом Ярузельским и одним из лидеров ПОРП Каней. Только тогда, вопреки Крючкову и ПГУ, он показал истинные масштабы политических и экономических ошибок тогдашнего первого секретаря ЦК ПОРП Эдварда Герека, развенчал того в глазах Андропова и Брежнева.

По сути дела, генерал Павлов усилиями своих друзей в Польше и с помощью выправленной им линии Москвы в отношении Варшавы предотвратил ввод советских войск в Польшу в 1981 году и привел к власти генерала Ярузельского. Но начнем рассказывать эту запутанную историю хотя и коротко, но по порядку… Здесь тоже имел место тайный канал между Ярузельским и Каней с одной стороны и Брежневым и Андроповым — с другой. И об этом эпизоде секретной дипломатии мне известно не только из документов и личных впечатлений, но и из бесед с его главными фигурантами — Юрием Владимировичем Андроповым и Виталием Григорьевичем Павловым.

Что касается польской стороны, то я был знаком только с второстепенными деятелями ПНР тех времен. Главными варшавскими адресатами тайных связей Андропова стали в первую очередь генерал Войцех Ярузельский, бывший министром обороны, премьером правительства, первым секретарем ЦК ПОРП и даже некоторое время президентом Польши. Вторым важным собеседником Москвы по тайному каналу был Станислав Каня, член политбюро, секретарь ЦК ПОРП и затем первый секретарь ЦК.

Необходимость конфиденциального канала связей с первыми лицами в столицах стран социалистического содружества, в том числе ПНР и ЧССР, вызывалась тем, что послы СССР в Варшаве и Праге были, как правило, не профессиональными дипломатами, которые внимательно изучают обстановку и личности в стране своего агремана. Они не принадлежали к числу кадровых

работников МИДа или каких-либо внешнеполитических ведомств. Опытные дипломаты, выходцы из главного ведомства по иностранным делам, весьма обстоятельно изучают страны своего пребывания, анализируют обстановку вокруг них, заставляют свой дипломатический персонал готовить информационные письма о политике, экономике, культуре, социальным и прочим делам страны для направления их в соответствующий департамент МИДа для изучения.

Профессиональные послы и посланники, как правило, дают в Министерство иностранных дел, а через него и руководству своей страны более объективную информацию, чем послы, бывшие до отъезда в чужие столицы партийными деятелями или высокими чиновниками правительства. Партийные деятели СССР, которых слишком часто назначали на должности послов в социалистических и союзнических странах по принципу детсадовского ругательства «посол в жопу», как правило, старались подлаживаться под то, что хотели услышать или прочитать их хозяева в Москве.

Часто это были опальные деятели — секретари республиканских ЦК или крупных обкомов, экс-члены ПБ, бывшие министры и другие «бывшие». Они надеялись своим приспособлением под вкусы Брежнева показывать только благостное и благоприятное в социалистических и иных странах, благодаря «хорошим новостям» выйти из опалы и снова взобраться на высокие кресла. Они также страшно боялись, что их критические взгляды на местные беспорядки не понравятся местным князькам и на них пойдут жалобы в Москву «самому генсеку». А это положит вообще конец их карьере. Редкие из них прислушивались к представителям КГБ в «своих» странах, если оценки разведчиков были негативными, а мнения послов по тому же вопросу — противоположными на сто восемьдесят градусов.

Было странно читать шифровки послов, составленные по принципу припева к популярной песне Леонида Утесова — «Все хорошо, прекрасная маркиза…», и одновременно знать из других источников, не только кагэбэшных, но и СМИ, от представителей АПН, с которыми я оставался дружен и после ухода в АОН, что положение во многих странах Варшавского пакта становится все более тревожным.

Это было видно даже на глаз во время моих ежегодных поездок автотуристом по Польше, Чехословакии, ГДР и Венгрии. Обычно недели три из каждого летнего отпуска мы с женой проводили в таких поездках. Во время частных автотуров почти инкогнито, официально оформлявшихся не по линии КГБ, а в отделе автотуризма ВЦСПС, мне удавалось встречаться со

старыми друзьями по АПН, ставшими заведующими бюро агентства в этих странах, с некоторыми представителями КГБ и работниками этих представительств, которые помогали с заказом гостиниц и посещением наиболее заполненных туристами достопримечательностей.

Во время откровенных бесед в «братских странах» мне давали столько новой и весьма отличной от содержащейся в шифровках послов информации, что это приводило меня в изумление. Представители КГБ и друзья-журналисты в Варшаве, Берлине, Будапеште очень часто имели диаметрально противоположные взгляды на ситуацию в этих странах, чем совпослы. Основываясь на фактах, известных им, кагэбэшники и журналисты считали, что партийные и хозяйственные руководители соцстран, особенно ПНР и ГДР, очень часто выдают Москве желаемое или мнимое за действительное. Естественно, что я делился после отпуска с Юрием Владимировичем своим недоумением по поводу различных кризисных явлений в соцстранах, которые советскими послами в своих телеграммах трактуются чуть ли не как великое благо. Иногда мои горячие речи очевидца помогали и Андропову скорректировать свое мнение об антисоветских процессах, проходивших в 70-х годах в европейских странах социализма под покровом «искренней» любви к Советскому Союзу.

Особенно информированным был, на мой взгляд, представитель КГБ в Варшаве генерал-лейтенант Виталий Григорьевич Павлов. Впервые автотуристом я приехал в Польшу осенью 1974 года. Тогда послом в Варшаве был бывший секретарь ЦК КП Белоруссии С. А. Пилатович, которого по каким-то причинам Петр Машеров, глава партийной организации этой республики, граничащей с Польшей, не захотел больше видеть в Минске. Пилатовичу дали «синекуру» в Польше. В Москве я почти каждый день читал его шифротелеграммы, поступавшие сначала в МИД СССР, а затем размечавшиеся Брежневу, Суслову и Андропову. Они были полны оптимизма по поводу положения в стране и восторга перед мудростью первого секретаря ЦК ПОРП Эдварда Герека. Пилатович изредка встречался с Гереком и двумя-тремя другими польскими руководителями, принадлежавшими к кругу друзей Герека. Затем то благостное, чем польский руководитель хотел успокоить Москву, Пилатович излагал в своих шифровках, абсолютно без критического анализа и конкретных предложений, выходящих за рамки просьб Герека. Фактически посол дезинформировал советское руководство, поскольку именно в начале 70-х годов, когда Пилатович приступил к работе, в Польше начинали зарождаться острые кризисы, разразившиеся в 1976 и 1980 годах.

Виталий Григорьевич Павлов, прибывший в Варшаву в 1973 году, как старый профессионал разведки, критическим глазом посмотрел на ситуацию в Польше, сблизился с польскими авторитетными деятелями, не разделявшими оптимизма Герека по поводу внутреннего положения в ПНР. В 1974–1978 годах, когда я каждое лето или осень гостил по нескольку дней проездом в Варшаве, Павлов рассказывал мне много интересного из того, что не получало никакого отражения в шифровках послов из Варшавы.

Многих аспектов польских кризисных явлений 70-х и 80-х годов удалось бы избежать, если б Москва не держалась столь упорно слишком оптимистических оценок посла Пилатовича. Брежнев и Андропов настолько верили в стабильность и хорошее экономическое положение в ПНР, что несколько лет практически не обращали внимания на тревожные сигналы представителя КГБ в Варшаве. Особенно вредную роль сыграл начальник разведки Крючков, который по должности да еще пережив рядом с Юрием Владимировичем два острейших кризиса в соцстранах — в Венгрии 1956 года и Чехословакии 1968 года — оказался не способен со всем аппаратом ПГУ увидеть, как накаляется обстановка в Польше. Целых три года центр политической разведки — до 1975 года — не хотел верить тревожным шифровкам и докладам генерала Павлова, убаюканный сообщениями предыдущего представителя КГБ в ПНР генерала Якова Скоморохина. А главное, как бывший партийный функционер, Владимир Александрович боялся усомниться в постоянной восторженной информации о Гереке, идущей из Варшавы от совпосла. Тем более эти сказки Пилатовича убаюкивали Брежнева и Андропова. Более того, с подачи Крючкова Юрий Владимирович однажды в резкой форме сделал публичный, хотя и в узком кругу, выговор генералу Павлову. Во время совещания о положении в Польше, на котором Виталий Григорьевич сделал в своем докладе негативные выводы об Эдварде Гереке и развитии социального кризиса в ПНР, председатель КГБ возмущенно заявил своему представителю в Варшаве: «Эдварда Герека не трогайте! Мы знаем его как хорошего коммуниста, и не смейте его критиковать!»

Примерно так же отвечал мне Юрий Владимирович, когда я по возвращении из отпускных туров через Варшаву, находясь еще под впечатлением откровенных бесед с представителем КГБ, рассказывал Андропову о впечатлениях от поездок и бесед с интересными людьми.

Лишь к 1976 году, когда герековское руководство чуть не довело поляков, польский рабочий класс, весьма организованный

и боевой, до вооруженного восстания из-за повышения цен на продукты питания, и особенно на мясо, Крючков и Андропов стали реагировать на острые телеграммы и информационные письма генерала Павлова.

Но нет худа без добра. После того как авторитет Виталия Григорьевича поднялся на недосягаемую высоту, Павлову, по сути дела, было предложено наладить тайный канал связи Брежнева и Андропова с генералом Войцехом Ярузельским и секретарем ЦК ПОРП Станиславом Каней. С подачи генерала Павлова Андропов решил опереться именно на этих, патриотически настроенных двух руководящих поляков. Они выделились в его глазах потому, что именно эти двое по-человечески дружили с Виталием Григорьевичем и всегда занимали принципиальную позицию во внутрипартийных и государственных делах ПНР. Трехлетний опыт отношений Павлова с Ярузельским и Каней показывал, что Ярузельский, как более сильный по характеру человек, и Каня — опытный лидер ПОРП — сумеют преодолеть кризисы, которые начинали сотрясать Польшу.

Виталий Григорьевич к этому времени, 1976 году, близко и по-дружески сошелся с Войцехом Ярузельским. Они даже встречались семьями на загородных виллах. Супруга генерала Павлова, Клавдия Ивановна, была не только дамой приятной во всех отношениях, которая, будучи женой разведчика, прошла «стажировку» в великосветских салонах Канады, Америки и Европы. Она была исключительно умной, тонкой, обаятельной и милой женщиной, весьма начитанной и знавшей тонкости советской, польской и мировой литературы, удивительно вкусно готовила и не могла не понравиться чопорному генералу и его супруге.

Однако упрямый и гордый поляк, генерал Ярузельский, не всегда оперативно использовал дружеские советы Москвы, поступавшие по тайному каналу. Иногда он явно использовал влияние Советского Союза и даже страх некоторых поляков перед «москалями» в своих политических целях. Так, я уверен, что связь Андропова — Брежнева через Павлова с Ярузельским позволила избежать военной оккупации Польши в 1981 году войсками стран Варшавского пакта, как это было в 1968 году в Чехословакии. Генерал Ярузельский ввел вместо этого в своей стране военное положение, которое контролировало само Войско польское, то есть вооруженные силы ПНР.

Ярузельский прекрасно знал заранее от Андропова, что никакого вторжения Советской армии в ПНР не готовится и не будет. Но генерал поддерживал и даже нагнетал эти слухи вместе со своим предшественником на посту первого секретаря ЦК ПОРП

Станиславом Каней. Эта версия была чрезвычайно выгодна самому генералу Ярузельскому, уже задолго до 1981 года вынашивавшему идею о введении в стране чрезвычайного положения и взятии власти подчиненной ему армией. Слухи о скором вводе в ПНР подразделений союзников по Варшавскому договору для предотвращения кризиса, чреватого сильнейшим общественным взрывом, как бы оправдывали необходимость введения самим польским правительством чрезвычайного положения, чтобы не подвергнуться, согласно «доктрине Брежнева», оккупации, как ЧССР в 1968 году. Но подчеркну еще раз, что Андропов, Брежнев и министр обороны Устинов неоднократно заверяли Каню и Ярузельского в том, что СССР ни в коем случае не пойдет на военное вторжение в ПНР. Более того, в самый канун введения Ярузельским 12 декабря 1981 года военного положения в Польше генерал Ярузельский разговаривал по телефону со вторым человеком в КПСС Михаилом Сусловым, а другой член политбюро ЦК ПОРП, близкий к генералу, с Андроповым. При этом, как засвидетельствовал Виталий Павлов, собеседник председателя КГБ задал свой вопрос с ведома первого секретаря ЦК ПОРП: готов ли будет Советский Союз, помимо экономической и финансовой помощи, в случае если после введения военного положения поляки не смогут сами справиться с ситуацией, ввести свои вооруженные контингенты?

Юрий Владимирович однозначно и твердо ответил отрицательно.

— Вы, — сказал Андропов, — в этом отношении должны рассчитывать только на свои силы.

Оба советских собеседника поляков откровенно сообщили им, что Москве достаточно одного Афганистана…

О своей работе в ПНР В. Г. Павлов издал в 1998 году обстоятельную книгу «Руководители Польши глазами разведчика». Я нашел в ней многое из того, о чем мы вели беседы с ним в 1974–1978 годах в Варшаве. Позже, в 1979–1986 годах, когда я работал в агентстве печати «Новости» политическим обозревателем, то ежегодно, один или два раза в год, мне приходилось выезжать в Польшу по журналистским делам. Это были командировки в Гданьск, где только начинала формироваться «Солидарность», в Варшаву, когда генерал Ярузельский вводил в стране военное положение, на различные журналистские симпозиумы и встречи. Каждый раз я поражался точности прогнозов и оценок генерала Павлова, его способности на много лет вперед предвидеть развитие событий.

Кстати, мне удалось познакомиться на одном таком международном журналистском семинаре с тогдашним главным

редактором популярного польского еженедельника «Политика» Мечиславом Раковским. Раковский был выдающимся публицистом и политиком. И генерал Павлов, и представитель АПН в Варшаве, талантливый журналист, пришедший в агентство из «Известий», Олег Строганов, близко знакомый с Раковским и высоко его ценивший, придерживались одинакового мнения о главном редакторе «Политики». Оба считали, что Мечислав Раковский оказывает сильное влияние на генерала Ярузельского. Он якобы был первым поляком, который подкинул генералу задолго до 1981 года идею с вводом в стране военного положения. В Москве Раковского считали злым гением Ярузельского. Крючков и советские лидеры, в том числе и Горбачев, опасались его склонности к социал-демократизму. Мне лично эти его взгляды весьма импонировали, поскольку свою докторскую диссертацию, защищенную им в 1957 году, Раковский посвятил, как и я спустя пятнадцать лет свою, социал-демократии, только западногерманской.

Олег также с большим уважением относился к Мечиславу Раковскому. Раковский не только стремился анализировать и описывать политику в своей газете, но и делал ее, имея большое влияние в руководстве ПОРП.

С помощью генерала Ярузельского, первого секретаря ЦК ПОРП, Мечислав Раковский был избран в 1986 году, то есть тогда, когда у власти в СССР стоял Горбачев и талдычил о перестройке, в состав польского политбюро. Затем он стал и секретарем ЦК, а в 1989 году, к сожалению на весьма короткое время, Раковский избирался даже и первым секретарем Польской объединенной рабочей партии.

По поводу Раковского мое мнение расходится с представлением генерала Павлова и ЦК КПСС о нем. Виталий Григорьевич считал, что Раковский нанес большой вред Польше своей позицией умеренной «открытости» в сторону социал-демократических стран Европы. Наверное, у генерала для формирования его мнения было значительно больше информации о процессах, проходивших в жизни Польши, чем у меня.

Но я теперь все больше утверждаюсь в своих мыслях о том, что официальная точка зрения советских идеологов на социалдемократию, выросшая из позиции Сталина и большевиков по этому вопросу, бывшая три четверти века доктриной СССР и Коммунистического интернационала, нанесла мировому социалистическому и коммунистическому рабочему движению непоправимый вред. Представления Коминтерна о социал-демократах как злейших врагах рабочего движения, навеянные Сталиным и сохранявшиеся в марксистско-ленинской науке и

политике до конца 80-х годов XX века, в начале 30-х годов позволили Гитлеру одержать победу на выборах в рейхстаг и легитимно получить власть в Германии.

Свою тайную дипломатию Андропов вел по всем азимутам. Она не была его единоличным достоянием, а всегда проводилась с санкции и на пользу генерального секретаря Брежнева. Представители Андропова брали на себя функции связи между руководителями развивающихся стран и национально-освободительных движений, некоторых стран Запада.

Послы СССР в тех странах, где проявляли подобную активность резиденты и представители КГБ, очень ревновали их к адресатам тайных связей, если они о них каким-либо образом узнавали. Послы жаловались своему министру Андрею Андреевичу Громыко, который несколько раз пытался переключить тайные каналы на себя. Но бюрократическая машина советской дипломатии не могла угнаться за оперативностью и влиятельностью разведки.

Однако не всегда тайную дипломатию Андропова ждал успех. Однажды специфика и консерватизм ПГУ, особенно личные качества его начальника, привели Андропова и правящие в СССР круги к фатальной ошибке. В 1978 году Юрий Владимирович доверился непрофессионализму Владимира Крючкова и под воздействием главы внешней разведки и созданных им «источников влияния» ПГУ в Афганистане позволил втянуть себя в военно-политические игры с этой страной.

Во время кульминации первичных трагических событий в Кабуле — коварной ликвидации по приказу Брежнева в конце декабря 1979 года законного главы союзного государства Амина, всецело доверявшего советским друзьям и неоднократно просившего ввести в Афганистан ограниченный воинский контингент Советской армии, — я уже не работал на Лубянке, а трудился в должности политического обозревателя АПН. Ежедневных шифровок послов и записок ЦК КПСС, МИДа и Министерства обороны по Афганистану я уже не получал. Однако большой объем совершенно достоверной секретной информации я получал от отца, который вышел в отставку только в 1982 году, а до этого был крупной фигурой в ПГУ. Старый разведчик Василий Романович Ситников, с которым мы дружили много лет, работал тогда заместителем председателя Всесоюзного агентства по охране авторских прав (ВААП), представляя в этом ведомстве КГБ. По долгу службы он часто бывал в ПГУ и 5-м управлении, имел там много друзей, которые делились с ним, а он со мной самой горячей и секретной информацией, а также аналитическими выводами коллег с Лубянки. Были у меня и

другие источники информации из первых рук — в ПГУ, аппарате ЦК КПСС, МИДе и даже один добрый знакомый из ближайшего окружения министра обороны Устинова. В свое оправдание перед «стукачами» скажу, что любой профессионал-журналист, а тем более политический обозреватель должен иметь разнообразные и неофициальные источники информации. Я явно не нарушал никаких законов о секретности, в противном случае давно бы уже пострадал от спецслужб. Я уверен в этом потому, что точно знаю — до смерти Андропова в 1984 году за мной пристально следили кагэбэшники, устраивая негласные обыски в моих бумагах, отслеживая при помощи «наружки» контакты с людьми, прослушивая телефонные разговоры не только мои, но и моих близких.

Весьма важными материалами для понимания событий, происходивших в мире, при тотальной закрытости советского общества от мировых информационных каналов, были американские, немецкие, шведские газеты и журналы, приходившие по подписке в фонд спецхрана библиотеки АПН и выдававшиеся лишь по утвержденному особому списку «допущенных» к ним. Западные журналисты, как правило, осведомлены о международных событиях не хуже разведчиков, но, в отличие от шпионов и значительно быстрее их, сообщают свою информацию не чиновникам от шпионажа, а общественности. При этом «журналюги», как теперь их называют недоброжелатели, стремятся еще обскакать друг друга…

Ежедневные подборки бюллетеней иностранной службы ТАСС и информационные письма его корреспондентов под грифом «для служебного пользования» я также получал, будучи подписан на свой собственный экземпляр, из которого пополнял личные досье по разным международным, страноведческим проблемам и персоналиям. В наше агентство приходили также так называемые сообщения-«перехваты» крупнейших телеграфных агентств мира — Рейтер, АФП, ДПА. Эти материалы поступали в особое помещение АПН, не подлежали оглашению, и читать их могли только зампреды, главные редакторы и политические обозреватели высшего ранга.

Сообщения иностранных телеграфных агентств, как правило, были точны, кратки, но содержательны, поступали буквально через несколько минут с места события. Аналогичные материалы ТАСС запаздывали на десятки минут по сравнению с сообщениями их зарубежных коллег. Ведь телеграммы корреспондентов ТАСС должны были быть переданы в главный оперативный центр Телеграфного агентства Советского Союза, пройти там некую цензуру, быть размеченными для срочной

посылки руководству страны и лишь тогда могли отправляться по телетайпам по адресам СМИ, подписанных на них. Кстати, руководители «всезнающего» КГБ, а возможно, и МИД СССР в дни острых международных кризисов и событий внутри большинства стран мира, мятежей, переворотов в неспокойных регионах получали самую быструю и точную информацию именно из «перехватов» иностранных информационных агентств.

К тому складывались вполне объективные причины. Дело в том, что самая «горячая» информация, передаваемая шифровками послов, резидентов КГБ и ГРУ с грифами «вне всякой очереди», неизбежно запаздывала на несколько часов или даже дней. Шифрованные телеграммы из посольств и резидентур, в отличие от сообщений информационных агентств, должны были сначала продумываться их авторами, чтобы угадать, какое мнение сложится у читающего начальника, не повредит ли оно данному автору, который, может быть, ровно за сутки до негативного события сообщал благостные вести о руководителях страны, свергнутых сегодня, или о вчерашнем положении в стране, диаметрально противоположном сегодняшнему. Затем требовалось время зашифровать телеграмму, передать ее в лучшем случае с посольского радиопередатчика, если он был, или доставить на телеграф, где местные власти могли ее попридержать.

В Москве процесс начинал идти в обратную сторону. Телеграмму надо было получить и зарегистрировать ее номер. Затем вне всякой очереди расшифровать и передать начальнику секретариата того ведомства, по линии которого она пришла, — начальника внешней разведки, или председателя КГБ, или министра иностранных дел. Следующей ступенькой вверх был председатель КГБ или министр иностранных дел соответственно. От них по главной разметке шифровка шла Черненко только для Брежнева, и генсек решал, кому ее дальше посылать. Затем были так называемые разметки в три адреса — Брежневу, Андропову, Устинову, если направлял Громыко. Если Андропов — то Брежневу, Громыко, Устинову.

После 1977 года, когда в верхах СССР сложился «триумвират» — Андропов, Громыко, Устинов, а Брежнев все чаще и дольше болел или «отключался» на охоту в Завидове или отпуск в Крыму, эта троица вершила все дела в стране, оперативно информируя друг друга, а через Черненко направляла информацию для Брежнева обычным путем. Самым динамичным из триумвирата был Устинов. Андропов осторожничал, а иногда просто побаивался последствий таких решений в узком кругу. Громыко, как правило, соглашался с Устиновым и Андроповым.

Даже самые срочные шифровки могли проходить к самым высоким адресам в течение часов. Если в стране, где происходило событие, бывали захвачены восставшими почта, телеграф и телефон, шифринформация задерживалась на сутки-двое.

Именно такая история и произошла с сообщениями о происходившем в Афганистане в апреле 1978 года государственным переворотом, получившим название Саурской революции. Эта страна с 20-х годов была мирным соседом Советского Союза, а ее король — настоящим другом СССР. Москва вполне благополучно торговала с Кабулом, кое-что строила для афганцев, готовила специалистов для соседей, помогала врачами, медикаментами и другой благотворительностью. Главным товаром с афганской стороны был природный газ. Для транспортировки его в советские республики Средней Азии был построен газопровод длиной в 175 километров. Для пополнения баланса голубого топлива в советской Средней Азии из Афганистана поступало по три миллиарда кубометров газа в год.

Сухие фрукты, изюм, каракуль из Афганистана также были нелишними для населения Советского Союза. Хотя Афганистан был практически полуфеодальной страной, а в кое-каких его провинциях господствовал еще и родоплеменной строй, в стране легально действовала Народно-демократическая партия Афганистана. После переворота в Кабуле, о подготовке которого не знали ни советские политические и военные разведчики, ни дипломаты и журналисты, лидер Саурской революции Нур Мухамед Тараки с гордостью заявил советскому послу Пузанову, что Афганистан, «следуя марксизму-ленинизму, пойдет по пути строительства социализма и будет принадлежать к социалистическому лагерю».

Для кремлевских старцев типа Суслова, Пономарева, Черненко, Брежнева, Устинова и всех догматиков в КПСС заявление Тараки стало елеем на их мощеобразные мозги. Андропов, как всегда, проявил осторожность, но его «серый кардинал» Крючков, будучи до мозга костей партийным функционером, «верным марксистом-ленинцем», воспринял заявление Тараки и одобрение его Сусловым как истину в конечной инстанции.

…В тот апрельский день события на третьем, начальственном этаже здания КГБ развивались почти паническим образом. Ведь вспыхнул грандиозный пожар у спокойной дотоле южной границы Советского Союза. Как полагалось, с утра мне принесли коричневую кожаную папку с шифровками МИДа. В них не было ничего экстраординарного.

Вдруг забегали офицеры в приемную и кабинет главкома погранвойск Вадима Александровича Матросова, расположенные дверь в дверь с моим кабинетом. Вскоре зашел ко мне и сам Вадим Александрович. Генерал армии выглядел весьма озабоченным.

— Игорь Елисеевич, а у тебя есть что-то о перевороте в Афганистане? Агентство Рейтер только что передало сообщение об этом… А в шифровках разведки погранвойск ничего подобного пока нет…

Я показал ему на папку мидовских телеграмм и сообщил соседу, что в них нет даже намеков на приближающийся переворот. Матросов покачал совершенно седой головой и печально сказал:

— А ведь это наша приграничная страна!..

Главком погранвойск отправился, весьма озабоченный отсутствием точной информации, к себе в кабинет, а я пошел к начальнику секретариата КГБ Лаптеву узнавать, что же произошло в Афганистане. Шифровок из резидентуры в Кабуле еще не было, как не было и свежих телеграмм от совпосла в МИД и по разметке Громыко — копии в КГБ. Поэтому офицеры секретариата дежурили в комнате на том же третьем этаже, неподалеку от приемной Юрия Владимировича, где стояли телетайпы от всех мировых агентств. Время от времени Пал Палычу приносили оттуда свежие листочки «перехватов», в которых сообщались все новые и новые детали мятежа в Кабуле. Лаптев собирал два-три таких листка, а затем шел с ними к Юрию Владимировичу. Возвращаясь от председателя, он отдавал их с подчеркиваниями и пометами Юрия Владимировича своим двум заместителям и помощнику Юрия Владимировича по КГБ Е. Карпещенко, которые трудились на этой основе над срочной обобщающей запиской для Брежнева.

Приехал на Лубянку из Ясенева начальник ПГУ Крючков с папками, в которых лежали подробные биографии всех руководителей НДПА и, видимо, другая специальная информация о них же. Сначала он зашел с этими бумагами к Юрию Владимировичу. Председатель быстро прочитал их и передал Лаптеву для включения фрагментов из них в обобщающую записку.

Целый день продолжалась беготня с листочками сообщений от международных агентств из Кабула, передача их сначала Лаптеву, а затем Андропову. Только поздно вечером пришла шифровка из афганской резидентуры, но она не принесла ничего нового по сравнению с информацией, которой «отстрелялись» уже телеграфные агентства. В ней снова были названы те же лидеры

переворота в Кабуле, о которых целый день сообщали агентства. Это были Тараки, Кармаль и Амин, отмечалось наличие в НДПА — двигателе мятежа — двух соперничающих фракций — «Парчам» («Знамя») и «Хальк» («Народ»).

Глава внешней разведки, хотя и не знал, видимо, ничего о готовящемся государственном перевороте, сразу был покорен его «социалистической» демагогией. Крючкова не смущал чисто феодальный характер общественных отношений в Афганистане, восточное коварство и непримиримость лидеров НДПА друг к другу, о которой должна была бы знать разведка.

По закону любой революции в победившей партии обязательно должна была начаться склока и борьба за власть. Так случилось и с НДПА. Буквально с конца апреля в Афганистане потекли напряженные дни. Судя по информации, которая теперь регулярно стала поступать в шифровках, поскольку кое-какая ясность уже была, вспыхнуло соперничество между фракциями «Парчам» и «Хальк». Парчамисты были представителями тонкого слоя национальной интеллигенции, а халькисты — решительно и националистически настроенными молодыми офицерами, за которыми шла армия.

Борьба двух фракций развивалась по чисто восточным канонам жестокости, убийств, подлости и коварства. Здесь не место анализировать историю рождения, жизни и гибели Саурской революции в Афганистане, краха НДПА. Главным предметом исследования этой главы является тайная дипломатия Андропова. Поэтому я хотел бы высказать кое-какие мысли лишь в этой связи. Главное, что обращает на себя внимание, — это то, что в 1978 году в целом ситуация в мире складывалась отнюдь не в пользу Советского Союза.

На верхнем этаже мировой политики — в Вашингтоне и Москве — соответствующие ведомства — дипломатические, разведывательные и военные — изощрялись в поисках аргументов, готовя директивы своим делегациям для переговоров и подписания основополагающего договора об ограничении ядерных вооружений двух великанов — США и СССР. Такой договор, ОСВ-2, был подписан генсеком Брежневым и президентом США Картером в Вене в июне 1979 года. Но он не решал никаких проблем, поскольку каждая сторона считала, что все преимущества по этому соглашению достались противнику. Не случайно, что ни Верховный Совет СССР, ни его правопреемники, Верховный Совет России и Федеральное Собрание России, этот документ до сего дня так и не ратифицировали. После подписания ОСВ-2 переговоры с американцами о ракетно-ядерном разоружении были продолжены

и шли в различных режимах — то в чисто дипломатическом, а то и выносились в параметры бесед глав государств.

На европейском этаже дипломатии для Москвы также ничего приятного не возникало. Более того, в НАТО развивались настроения в пользу развертывания в Европе американских ядерных ракет средней дальности. В Польше наружу выходил острый общественный кризис, вызванный неумной, но амбициозной политикой первого секретаря ЦК ПОРП Эдварда Герека. В Варшавском договоре румынский мини-диктатор Чаушеску политически хулиганил вовсю, оправдывая слухи, что в юности он был мелким карманником на ярмарках и попал в тюрьму. За решеткой к молодому криминальному дарованию явилась Фортуна в лице сидевшего в той же камере лидера румынских коммунистов Георгиу-Дежа. Смышленый юноша понравился крупному деятелю Коммунистического интернационала, и Георгиу-Деж стал склонять его в марксистско-ленинскую веру. Когда Георгиу после победы СССР над Германией в 1945 году и изгнания юного короля Михая из Румынии стал московским гауляйтером в Бухаресте, он сделал бывшего карманника Чаушеску шефом румынского комсомола и своим полуофициальным наследником. Ни Сталин с Берией, ни Хрущев с Шелепиным и Семичастным, ни Брежнев с Андроповым не сумели разглядеть в мелком ярмарочном жулике крупного балканского диктатора-афериста. Чаушеску умел искусно дистанцироваться от всех, кто вкладывал подаяние в его жадные ручонки. Он успешно оправдывал высказывание великого «железного канцлера Германии» Бисмарка. Бисмарк на вопрос: «Что за нация румыны?» — саркастически улыбнулся и заметил: «Румыны? Это не нация, а профессия смычка и отмычки!»

На Ближнем и Среднем Востоке к 1978 году все кипело и бурлило. В Иран неожиданно вернулся из эмиграции во Франции имам Хомейни, и вскоре, в декабре 1978 года, в стране грянула исламская революция. Шах с семьей бежал из Ирана, мусульманские фанатики обратили свой гнев на Америку. США в ответ направили в Персидский залив свой военно-морской флот. В Пакистане также рос исламский фанатизм, и там стали готовить большие отряды вооруженных моджахедов для засылки в Афганистан и борьбы с «социалистической» Саурской революцией.

ДРА, как стратегический плацдарм в центре Азии, где пересекались интересы многих держав, имевших с ней хотя бы малый отрезок общей границы, стала новым яблоком раздора между СССР и Китаем. Эти две крупнейшие в мире коммунистические державы уже много лет фактически вели

пропагандистскую и пограничную войны. Спор между ними был идеологическим и территориальным — из-за нескольких необитаемых островов на пограничной реке Амур. В эпизоде «горячей войны» между СССР и КНР дело однажды дошло даже до применения с советской стороны системы залпового огня типа «катюша».

В те годы советское руководство было весьма озабочено и демонстративным сближением Пекина и Вашингтона, получившим образное название «пинг-понговая дипломатия». На фоне такой тайной, а затем и явной дипломатии США на китайском направлении страх советского руководства увеличивался еще и оттого, что Китай и Афганистан имели участок общей границы. Она хотя и проходила по высокогорным хребтам, но вполне могла быть пробита туннелями и шоссейными дорогами с китайской стороны для доставки войск и амуниции.

Первое соприкосновение с информацией очевидца из первых рук после чтения шифровок из Кабула, тучи записок, которые готовили по поводу положения в Афганистане и рассылали по очень ограниченному списку отделы ЦК КПСС, КГБ, МИДа, специализированные институты Академии наук СССР, состоялось у меня летом 1978 года. В июле начальник ПГУ В. Крючков слетал на рекогносцировку в Кабул. В день его возвращения из ДРА Юрий Владимирович не смог принять его для доклада немедленно после того, как Крючков прибыл на Лубянку. Владимир Александрович зашел в кабинет к Лаптеву, чтобы там дождаться приглашения к шефу. У начальника секретариата случайно собралось в тот момент несколько человек. Крючков, видимо, решил потренироваться на нас перед докладом Андропову. Естественно, его рассказ был очень интересен и поучителен.

Учитывая, что НДПА в лице ее вождей Тараки, Кармаля и Амина провозгласила социалистические преобразования в республике, начиная от бесплатной раздачи помещичьей земли беднякам-дехканам, начала другие реформы, в том числе и борьбу с религией, революция вроде бы могла ждать поддержки от народа. Но феодально-племенной строй, господствовавший в большинстве провинций страны, оставлял в сознании людей такие представления о частной собственности на землю, когда она считалась еще более священной и неприкосновенной, чем при капитализме. Крестьяне очень часто отказывались от «чужой» земли. На этой почве у режима возникли крупные противоречия с населением и муллами. Борьба с всесилием мулл и фанатизмом населения, особенно вдали от Кабула, обернулась крупными провалами правящей партии.

Все это Крючков увидел в Афганистане. Он познакомился там с лидерами обеих фракций, между которыми уже началась борьба за власть. В этой борьбе первым был повержен Бабрак Кармаль, которого «выкинули» из руководства НДПА и сделали послом ДРА в Праге. Крючков приметил Кармаля и стал держать его как резервную карту в колоде КГБ. Но об этом не знал даже представитель КГБ в Чехословакии…

Вообще ПГУ, в отличие от ГРУ, делало свою ставку на более слабую фракцию «Парчам», тогда как военные и представители ЦК КПСС считали более перспективными во власти халькистов и Амина. Суслов, а также активный и упрямый второй старец-идеолог на Старой площади секретарь ЦК «по мировой революции» Пономарев, влиятельный в аппарате его первый заместитель Ульяновский были за строительство «социализма» в Афганистане. С их санкции в Кабул и Герат различными советскими ведомствами было посланы, как в восточноевропейские страны в 1945 году, толпы московских советников для помощи афганцам в создании колхозов и совхозов, всяческих других организаций, работающих на ниве просвещения в духе марксизма-ленинизма, организации парткомов и профкомов. Из АПН, в частности, был направлен для консультаций в сфере внутренней и внешней пропаганды, помощи в организации газет и журналов весьма опытный и боевой журналист Юра Волков.

К концу 1978 года верхушка советского советнического аппарата была четырехглавой. В Кабуле действовали представитель ЦК КПСС и лично Пономарева, партийный функционер Валерий Харазов. Дипломатическую линию и Громыко представляли посол Александр Пузанов и советник-посланник Софрончук. Главой многочисленного представительства КГБ являлся генерал-лейтенант Борис Семенович Иванов. Я встречался с ним в Москве, и мне он казался выдержанным, умным, интеллигентным, дальновидным и серьезным профессионалом разведки, который был на голову выше своего начальника ПГУ, но вынужден был выполнять его приказы и рекомендации. Устинова и Генштаб представляли два генерала — Горелов и Заплатин. Даже Щелоков прислал в ДРА своего советника — первого заместителя министра внутренних дел Виктора Папутина. Он получил задание создавать афганскую милицию — царандой — и институт участковых оперативников. Папутин побывал в рядах высоких партийных функционеров — он избирался вторым секретарем Московской областной партийной организации. Но хитрый первый секретарь подмосковных коммунистов Василий Иванович Конотоп постарался удалить его

с партийной работы в силу того, что Папутин пользовался большим авторитетом в партии и мог тем самым представлять угрозу для положения Конотопа. Первый секретарь лихо провел обычную интригу, и перспективный Папутин был рекомендован Брежневу как удачный кадр на выдвижение партийца в Министерство внутренних дел для укрепления его рядов. Папутин получил генеральское звание и стал первым заместителем, как и Юра Чурбанов, у Щелокова. Он находился в Кабуле не постоянно, а прилетал время от времени.

Ситуация в корпусе советских советников напоминала сюжет бессмертной басни Крылова о лебеде, раке и щуке. Шеф каждой из групп советников направлял в Центр шифровки с собственным анализом положения в стране. Но в Москве тоже не было полного единства по перспективам развития Афганистана — Суслов, Пономарев и Ульяновский желали строить там социализм; Громыко и его первый зам Корниенко хотели бы вести линию, как с Финляндией, то есть не вмешиваться во внутренние дела соседа и лишь помогать ему экономически, чтобы сохранить дружбу; военные делали ставку на халькистов, как реальную силу в сохранении стабильности в стране. Крючков после командировки в Кабул очаровался сладкоголосым Тараки и решил помогать, главным образом, парчамистам, поскольку те были наиболее управляемыми деятелями, послушными резидентуре КГБ.

Первоначально руководил представительством КГБ, которое сперва единственное, помимо совпосла, имело право сноситься с Москвой собственными шифротелеграммами, генерал Богданов. Он был переведен в Кабул сразу после Саурской революции из какой-то азиатской страны, где руководил резидентурой. Пэтэушники говорили мне, что он был большим поклонником Бахуса и иногда подмахивал шифровки не без его влияния. Очевидно, что, когда он убеждал Крючкова во время командировки в Кабул сделать ставку на фракцию «Парчам», Бахус также при сем присутствовал.

В тайной и явной дипломатии времен холодной войны политическая разведка часто играла первостепенную роль. От того, какая информация направлялась в Центр, от оценок разведчиками и шпионами государственных деятелей, их взаимоотношений, потенций, желаний и перспектив напрямую зависят те шаги и решения, которые главы государств принимают по отношению к своим противникам, союзникам или нейтралам. Если в самом начале алгебраических расчетов в политике в исходные данные вторглась ошибка по недомыслию, субъективизму или самодурству, то все дальнейшие формулы расчетов будут становиться шаг за шагом дефектнее, а решение

станет абсолютно ошибочным. Так и произошло в Афганистане. Резидент Богданов рассчитал неправильную вводную и предложил ее начальнику разведки. Тот, будучи зашоренным партийным функционером, опыт которого по руководству разведкой исчислялся всего в пять лет, при полном отсутствии стажа оперативной работы, без которой никакие курсы, лекции и книги успеха принести не могут, тут же схватился за ошибочную идею строительства социализма в отдельно взятой феодальной стране. Начальник ПГУ тут же сделал ее в своем мозгу главной извилиной и предложил председателю. Юрий Владимирович не усомнился в способности своего «серого кардинала» воспринимать и переваривать информацию. Он мог, например, счесть, что если генералу Павлову в случае с Польшей удалось поставить Крючкова на правильные рельсы, то и с Афганистаном у его любимца также наступит просветление мыслей.

Когда в Кабул выехал, вместо Богданова, генерал Борис Семенович Иванов, то новый главный представитель КГБ, очевидно, был уже запрограммирован начальником ПГУ и председателем на помощь парчамистам и Тараки и устранение с политической сцены ДРА Амина — тогда второго человека в НДПА.

Кстати, в трех других советнических группах — цековской, мидовской и военной — было более осторожное и позитивное отношение к Амину. Поэтому в Москву шла противоречивая информация. Как я теперь представляю себе, Крючков, чтобы сломить своих противников из конкурирующих групп советников, среди которых были высокие профессионалы ГРУ, имевшие давние и глубокие позиции на информационном поле ДРА, особенно в армии — вотчине Амина, пустился в дешевую провокацию а-ля 1937 год. Он объявил Амина, без каких-либо на то доказательств, американским шпионом, который хочет ввести в Афганистан американские войска. Единственным перстом указующим, из которого и было высосано это утверждение, оставался тот факт, что в молодости Амин учился некоторое время в США и был там избран руководителем землячества афганцев в своем колледже. Логика здесь поистине бериевско-ежовская. Ведь до сих пор, за четверть века, не появилось ни одного украденного подлинного, перевранного или сфальсифицированного документа о грехопадении Амина.

Шпионским байкам «великого разведчика» Крючкова самым прямым образом противоречат факты о том, что сначала Тараки, а затем и Амин много раз просили советское правительство и лично Брежнева ввести в Афганистан для защиты революции воинский контингент Советской армии. При всей своей хитрости

и восточном коварстве Амин не подозревал, что уже с середины 1979 года в ПГУ дебатировался вопрос о его физическом устранении, Андропова постоянно настраивали на это сначала из Кабула, поскольку такого поворота событий хотел сам начальник разведки.

Затем, потрясенный убийством своего «друга» Тараки Амином, на физическом устранении Амина стал настаивать перед председателем КГБ «добрый» Брежнев. Но Амин по-прежнему доверял только своей советской охране. Даже 27 декабря 1979 года, в день смерти, Амин был сначала отравлен поваром — работником КГБ. Но советский посол не знал об акции ликвидации по приказу Брежнева друга СССР. По просьбе Амина, который все еще доверял только советским друзьям, он прислал во дворец главы ДРА посольского врача, который спас жизнь афганскому диктатору. Только для того, чтобы тем же вечером, через несколько часов, быть убитым при штурме его резиденции элитным подразделением спецназа КГБ при поддержке боевой группы ГРУ…

Слава богу, что в самом Советском Союзе подобные азиатские методы борьбы за власть остались в прошлом — всего за два с половиной десятилетия до 1979 года, в июле 1953-го, в коммунистическом Кремле, а не полуфеодальной ДРА, произошла почти такая же восточная смертельная борьба за власть: группировка одних палачей, хрущевско-маленковских, арестовала и беззаконно лишила жизни другую группу палачей — Берии и его присных.

Но кабульская трагедия 1979 года имела, в отличие от московской 1953 года, три акта.

Акт первый: второй человек в ДРА, Амин, убивает первого — Тараки. Брежнев плачет…

Акт второй: «советские друзья» убивают Амина. Крючков улыбается, и на освободившееся место из Праги доставляется его креатура — Бабрак Кармаль…

Акт третий: наконец, Москва внемлет просьбам покойных уже Тараки и Амина и вводит свой так называемый ограниченный воинский контингент, который, разрастаясь и неся огромные потери, остается в Афгане целое десятилетие…

Но кто же из триумвирата в политбюро, фактически управлявшего страной вместо Брежнева, несет самый тяжелый груз фатальной ошибки в тайной и явной дипломатии СССР с Афганистаном?

Думаю, что разделить вину по справедливости должны два друга — Устинов и Андропов. При всем глубочайшем уважении к памяти Юрия Владимировича я не могу оправдывать то влияние,

которое он позволял оказывать на себя «ястребам» типа Крючкова. Андропова не извиняет в этом даже тот факт, что к концу 1979 года он тяжело заболел, а окончательно доконал его тайный визит в Кабул в 1980 году. Но об этом эпизоде его жизни будет сказано ниже.

Весной 1979 года, когда я еще находился на Лубянке, но уже не так часто видел Юрия Владимировича, как прежде, Андропов крайне негативно относился к просьбам Тараки и Амина о вводе советских войск в ДРА. Складывалась парадоксальная ситуация: представительство КГБ в Кабуле и Центр разведки в Ясеневе постоянно направляли Андропову крайне негативную информацию об Амине и халькистах, поддерживая более слабого руководителя Тараки. Но Юрий Владимирович твердо стоял на том, чтобы не вмешиваться нашим войскам во внутренние дела ДРА.

В то же время представители ГРУ и Генштаба давали весьма положительные шифровки об Амине, популярности его в афганской армии и ее офицерском корпусе. Но министр обороны Дмитрий Федорович Устинов, сильная личность и решительный политик, менталитет которого как государственного деятеля сформировался в годы сталинской диктатуры и боевого противостояния империализму, склонялся к радикальному решению — вводу советских войск в Афганистан. Я думаю, что именно конфронтационный подход бывшего сталинского министра вооружений Устинова в мировом соперничестве с Америкой и склонил окончательно чашу весов комиссии политбюро по Афганистану, председателем которой был Андропов, к принятию рокового решения. Секретная гирька ПГУ, которую все время пытался сунуть на негативную чашу весов «серый кардинал» председателя, сыграла свою в полном смысле слова убийственную роль.

Идеологи Суслов, Пономарев и Ульяновский, отстаивавшие светлую идею строительства социализма в темном феодальном царстве ДРА, также подстрекали комиссию политбюро и ее председателя к самым решительным военным мерам.

Эйфория социалистического настоящего и коммунистического будущего, господствовавшая в головах кремлевских старцев, позволяла восточным, средневосточным, ближневосточным и африканским деспотам под дымовой завесой строительства очередного «социализма» с азиатским, африканским или каким-либо другим лицом высасывать из СССР миллиарды долларов или технологичной продукции. Я часто вспоминаю в связи с тогдашними процессами строительства всех этих «масок социализма», особенно усилившегося во времена

Хрущева и Брежнева, беседы с моим старшим товарищем в ВИНИТИ Иосифом Львовичем Когиным. Я пришел туда на работу в конце 1955 года, окончив Педагогический институт. Иосиф Львович, старый и талантливый разведчик, был переведен «под крышу» ВИНИТИ с оперативной работы в ПГУ лет на пять ранее. Для профессионала разведки подобное беспричинное увольнение является страшным унижением и оскорблением. Случай с Когиным произошел в те времена, когда Сталин и Абакумов, в преддверии антисемитского «дела кремлевских врачей», «чистили» внешнюю разведку от работников, у которых в пресловутом «пятом пункте» биографической анкеты стояло слово «еврей». Большинство этих оперработников среднего звена, остававшихся еще в органах от предыдущих «чисток» по национальным мотивам, к началу 50-х годов увольняли. Некоторых, наиболее заслуженных и доверенных, в числе которых был и И. Л. Когин, пристраивали «под крышу» различных учреждений.

Иосиф Львович был мудрым и спокойным человеком, знал в совершенстве пять языков, в том числе фарси. Он входил в ту когорту чекистов, которую составляли разведчики старшего поколения — известный теперь генерал Иван Иванович Агаянц, Вениамин Семенович Гражуль, Норман Михайлович Бородин… В 70-х годах приятели в ПГУ рассказывали мне, что свою карьеру во внешней разведке Иосиф Львович был вынужден закончить в очень престижной и важной должности начальника британского отдела ПГУ. Под его руководством еще до Второй мировой войны проходила вербовка гениев разведки из «кембриджской пятерки».

Наше личное знакомство и его покровительство мне в стенах престижного научного учреждения, куда мне удалось случайно устроиться на техническую работу — разрывать толстые научные иностранные журналы на отдельные, помеченные учеными-консультантами особо содержательные статьи и раскладывать их по полкам различных переводческих редакций, — началось в буфете ВИНИТИ. Иосиф Львович, которого я сразу в коридорах института глазами выделил из общей массы работников по тому, как элегантно он одевался в серый английский твидовый пиджак, неяркий галстук, темно-серые, всегда идеально отглаженные брюки и до блеска начищенные коричневые ботинки, неожиданно подошел к барной стойке, где я упивался довольно приличным кофе. Лицом Когин был смугл, как араб или перс, его седеющие волосы аккуратно подстрижены, он был гладко выбрит и слегка надушен каким-то приятным одеколоном. Он попросил разрешения присесть рядом и заказал себе кофе покрепче. Он представился именем-отчеством и назвал редакцию, в которой

работал. Я сделал то же, но назвал только имя и фамилию, без отчества.

Ему подали кофе, он попробовал его, одобрил и вдруг обратился ко мне.

— Скажите, а вы не сын Елисея Тихоновича? — спросил он с лукавой улыбкой.

— Да, а что? — ответил я, чуть не поперхнувшись горячим кофе.

Иосиф Львович отпил из своей чашки, подумал и сказал:

— Передайте отцу самый сердечный привет от меня… И скажите, что я до глубины души рад, что Берия не успел его расстрелять, а теперь Елисея снова взяли в ПГУ…

С той встречи мы частенько пили кофе вместе, причем в его крошечном кабинетике и приготовленный по всем правилам Востока. Иосиф Львович долго работал в Персии, Ираке, Египте и кофе делал удивительно душистым. Ему было тогда, на мой взгляд, за пятьдесят, и, как пожилой человек, он любил делиться с молодежью, в моем лице, интереснейшими историями из мира спецслужб и «заграничной» жизни.

Одна из них как нельзя лучше характеризует советский научно-коммунистический подход к дружбе народов и помощи строительству «социализмов» при Хрущеве и Брежневе.

Иосиф Львович поведал, как его уже после увольнения из ПГУ в раннехрущевские времена Иван Иванович Агаянц, бывший одним из руководителей советской разведки, попросил съездить в одну из африканских стран на встречу со старым агентом, который хотел видеть и дать информацию только своему бывшему резиденту — Когину. В разведке так иногда бывает, что источник информации не желает сотрудничать после сдружившегося с ним офицера из резидентуры с каким-либо другим «ведущим» его сотрудником, особенно если «новенький» — хам, пьяница или просто несовместимый психологически с данным агентом человек.

Когин отправился в столицу этой страны с официальной командировкой Академии наук СССР, которой подчинялся ВИНИТИ. Ему был заказан номер в лучшем отеле города, и он спокойно делал дела для Академии наук, осматривался перед встречей со своим старым источником информации. Работал он автономно от резидентуры и советского посольства. После запланированной и успешно проведенной встречи у него оставалось еще несколько дней для выполнения заключительных заданий по научной линии.

В один из последних вечеров в баре своего отеля Когин встретил американца, которого знал как профессионального

разведчика. И коллега из США также ведал, чем промышлял долгие годы советский гость. Старые противники узнали друг друга, но, как это бывает с профессионалами, которые давно вышли из оперативных игр и не имеют конкретного поручения против встреченного случайно коллеги, добродушно приветствовали соседа по гостинице. Они уселись за один столик поболтать и заказали не по сорок граммов виски с содовой, как это принято в Европе, а целую бутылку и ведерко со льдом. Разговор потек плавно и вполне мирно. Чопорный американец быстро оттаял и примерно к середине бутылки решил, видимо, поучить товарища с партбилетом КПСС правильному ведению мировой политики.

— Коллега, — заявил он Иосифу Львовичу, — ваши советские руководители, особенно Хрущев, заявляют часто о том, что будут строить в бывших колониальных странах огромные промышленные предприятия и готовить для них сотни тысяч квалифицированных рабочих… Передайте, пожалуйста, в Кремль, что и то и другое будет стоить вашей стране миллиарды долларов… Но эти деньги вы выбросите на ветер. И не только потому, что ваши «квалифицированные рабочие» изначально абсолютно неграмотны и только за пять минут до вашего прибытия в их страну слезли с пальм… Для получения профессиональных навыков в современной высокотехнологичной промышленности Европе и Америке потребовалось не одно столетие цивилизации. Может быть, ваши коммунистические воспитанники, вылезшие из пещер и глинобитных хижин, и попадут с первого раза кувалдой по высокоточным шпилькам, которые осторожно ввинчиваются, когда собирают моторы… Нет! Дело совсем в другом!

Пока вы будете строить заводы и создавать местный рабочий класс в надежде на мировую революцию, мы будем действовать значительно дальновиднее!..

Иосифу Львовичу, секретарю партбюро ВИНИТИ и организатору политучебы широких масс уборщиц, машинисток, переводчиков и научных сотрудников важного института Академии наук СССР, сделалось очень интересно узнать, что же может быть дальновиднее, чем подготовка среди населения Африки и Азии миллионных отрядов для классовой борьбы с империализмом. Коллеги выпили еще по полстаканчика виски, и собеседник продолжал:

— Итак, вы готовите рабочий класс к классовым боям… А мы в это время отбираем в каждой стране, где вы разворачиваетесь, по две-три сотни смышленых и энергичных юношей из семей вождей или буржуазии. Затем на местном морском курорте

снимаем за гроши несколько зданий, присылаем полсотни своих профессоров и преподавателей и готовим из этих бойких учащихся сильных и проамерикански настроенных менеджеров. А других способных юношей мы возьмем в свои технические колледжи и подготовим из них инженеров. К тому времени, когда у вас будет готов примитивный рабочий класс, у нас начнут действовать в этих странах наши менеджеры и инженеры. Они и будут руководить в наших интересах бывшими вашими заводами и людьми!

Судя по горьким для советского народа плодам десятилетий 60, 70 и 80-х годов, события в Африке и Азии, в том числе и ее центре — Афганистане, развивались именно по элементам подобных сценариев, которые писались, как ни странно, не в Лондоне или Вашингтоне, а в Москве.

Самым последним из них был сценарий для трагедии под названием Афган. Целое десятилетие после ввода в эту страну «ограниченного воинского контингента Советской армии» Афганистан переполняли не ограниченные никакими разумными рамками полчища советников и консультантов из СССР. Они учили афганцев всем волшебствам социализма, начиная от идеологии до современной науки и техники. Специалисты из черноземной Украины показывали, как надо организовывать колхозы, преподавали методы агротехники в бесплодных горах. Учили декхан, как надо строить ирригационные каналы на безводных каменных плоскогорьях, купцов обучали политэкономии социализма, из которой начисто была исключена формула «деньги — товар — деньги», которая и кормила все немалое торговое сословие страны.

Тайная дипломатия Кремля в Афганистане и неуемная советская помощь привели довольно благополучную до 1978 года страну в Центральной Азии к гражданской войне, не прекращающейся до сего дня. Как выразился замечательный «творец» русского языка и «великий» дипломат, надувающий российским природным газом целую страну, ненароком получившуюся из куска СССР, «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Но повторюсь, на мой взгляд, это была ошибка в тайной дипломатии Андропова. И то сделана она была только потому, что в данном конкретном случае долговременная акция велась не индивидуально Юрием Владимировичем, как другие, описанные в этой главе, а коллегиально — всем Кремлем. Свою роль, конечно, сыграли не только попытка советников КГБ в Афганистане приспособиться к ястребиным взглядам министра обороны Устинова и сентиментальной слезливости Брежнева по поводу

гибели Тараки и непослушания Амина. За два десятилетия до этого жестокие казни коммунистов египетским диктатором Насером не помешали Хрущеву наградить его высшим званием СССР — Героя Советского Союза. Старческие болезненные амбиции Брежнева и триумвирата — Андропова, Устинова, Громыко — привели к афганской трагедии, продолжающейся по сей день. Слава богу — на этот раз — не в наших декорациях.

Андропов и КГБ

Каждое рабочее утро, включая субботнее, в течение шести лет в моем кабинете раздавался звонок дежурного офицера приемной председателя: «Юрий Владимирович на подходе!..» Как правило, я выглядывал в широкое окно, чтобы увидеть, куда с Театрального проезда направится тяжелый ЗИЛ шефа — к первому подъезду на Лубянке или, что бывало весьма редко, к первому подъезду здания ЦК КПСС на Старой площади. Первое, во что упирался мой взор, была бронзовая спина статуи «железного Феликса» работы знаменитого советского скульптора Вучетича, стоявшая с 1958 года в центре площади имени первого советского чекиста. Тогда меня совершенно не интересовало, откуда взялся культ Дзержинского. Но он был весьма масштабным — все кабинеты всех зданий КГБ и МВД в стране и спецслужб братских социалистических стран были увешаны его фото-, живописными, графическими портретами, украшены гипсовыми, бронзовыми и из других материалов мелкой пластики изображениями характерного портрета. Острый интерес к происхождению культа Дзержинского возник у меня только в тот момент, когда я в Берлине в 1991 году увидел на телевизионном экране сцены из Москвы, в которых под улюлюканье и восторг толпы «железного Феликса» подъемным краном снимали с его постамента и увозили в неизвестном направлении. Еще большее внимание привлекла и относительно недавняя дискуссия о возможном возвращении статуи Дзержинского на ее прежнее место на Лубянской площади. Хотелось разобраться самому в сути вопроса. Особенно после того, как один из коммунистических депутатов Государственной думы, сочетающий в себе довольно противоречивые свойства: борца за права колхозников и звание полковника ФСБ запаса, — в ходе общественной дискуссии сделал примечательное высказывание: «Прости нас, Феликс, что не уберегли тебя!..»

Тот, кто это сказал от имени крестьян, в том числе, видимо, и потомков миллионов погибших во время голода в Поволжье и на Украине, в годы разбоев продотрядов, крестьянских восстаний, раскулачивания, коллективизации от меча воспитанников Дзержинского, — явно не знал подлинной истории своей партии и ее спецслужб.

Сознаюсь, что и мне, профессиональному историку, было поначалу трудно аккумулировать хотя бы некоторые факты из биографии «железного Феликса». Ведь наша история соткана из легенд и мифов. Откуда же взялся в конце 50-х годов культ

Дзержинского?

Инициатива создания мифов о первом шефе первой советской спецслужбы в послесталинские времена принадлежала Хрущеву и, по-видимому, ставленнику первого секретаря ЦК КПСС в органах госбезопасности, его другу и соратнику генералу армии Ивану Серову. Чтобы прикрыть свои тылы от потенциальных противников и соперников, Хрущев разгромил сталинско-бериевские органы госбезопасности, негативно относившиеся к нему, остатки от них переименовал в Комитет государственной безопасности, понизив его статус от министерства до уровня комитета при Совете министров СССР, как какого-либо Комитета по делам физкультуры или кино. Иван Серов был назначен Хрущевым первым по счету председателем КГБ при СМ СССР.

Очевидно, амбициозному партийному вождю и его креатуре Серову срочно требовался новый «местночтимый святой», примером, портретами и изображениями которого можно было бы украшать служебные кабинеты и иные помещения в спецслужбах. До середины 1953 года, когда Хрущев и его команда совершили государственный переворот и физически ликвидировали всесильного первого заместителя председателя Совета министров СССР, министра внутренних дел маршала Лаврентия Берию, во всех кабинетах Лубянки и помещениях МВД висели портреты Берии. До него — его предшественника, палача Ежова. До Ежова — Ягоды, Менжинского и других «подручных партии», руководивших карательными органами. От всех этих деятелей на складе Хозяйственного управления КГБ сохранилось множество добротных деревянных рам, но не было ясности, чьи изображения следует в них вставлять. Не украсишь же кабинет следователя, или начальника внутренней тюрьмы, или начальника расстрельной команды портретом главного вождя КПСС Хрущева! Обвиняемые и арестованные ведь могут такой почет не понять и вспомнить, что на самом первом секретаре кровищи повыше локтей будет…

Никита Хрущев, генерал Серов и партийные идеологи, искавшие после лета 1953-го новый идеал чекиста, долго не задумывались, не заглядывали в прошлое и будущее страны. По малограмотности и незнанию истории собственной партии они назначили новым «святым» Феликса Дзержинского. Они явно недооценили всех «прелестей» его «революционного» послужного списка. А он был довольно интересным, хотя и строго засекреченным от историков и общественности. Но не от высоких функционеров ЦК, которые при желании могли легко с ним познакомиться…

Во-первых, мелкопоместный шляхтич, то есть нищий

польский дворянин, Дзержинский вступил в революционное движение в российской части Польши, но… в ряды русофобской польской партии социалистов. Ее возглавлял друг, единомышленник и вождь Феликса Дзержинского Юзеф Пилсудский, будущий маршал послеверсальской Польши. Он руководил своим боевым отрядом из австрийской Польши, из местечка Закопане. Пан Пилсудский щедро получал на антироссийскую деятельность субсидии от генеральных штабов Австро-Венгрии и Германии и, со своей стороны, крупные суммы передавал на подрывную работу российским эсерам и большевикам.

Кроме того, в Токио во времена Русско-японской войны 1904 года для проведения шпионской и диверсионной активности в тылу русской армии, в собственные руки пана Пилсудского были выданы 20 тысяч фунтов стерлингов (около 200 тысяч золотых рублей) [8].

Кстати, когда большевик Ульянов-Ленин во времена своей эмиграции в 1912 году обосновался на курорте Закопане рядом с Пилсудским, то получил от щедрот австрийских спецслужб через будущего маршала Польши довольно крупную сумму на подрыв России изнутри. По недоразумению австрийская полиция в первые дни после начала мировой войны посадила Ленина в тюрьму якобы как русского агента. Но Пилсудский и австрийская разведка с легкостью доказали обратное и переправили Ульянова в нейтральную Швейцарию.

После раскола ППС Дзержинский примкнул к социалистическому крылу интернационалистов Розы Люксембург, но и от русофобии ляхов не отказался.

Что касается послереволюционной работы первого председателя ВЧК, то Хрущев, наверное, не знал того, почему Сталин, при всей энергии и отменных организаторских качествах «железного Феликса», не пускал его в политике дальше исполнения карательных функций ВЧК, экономической самодеятельности в Высшем совете народного хозяйства и репрессий для налаживания работы железнодорожного транспорта в Наркомате путей сообщения. Сталину, видимо, хорошо были известны факты о взаимоотношениях в верхушках двух совместно правящих в России до 1918 года большевистской и эсеровской партий.

К числу общеизвестных и раньше, до начала 60-х годов XX века, исторических эпизодов относится, например, такой, что перед X съездом РКП(б) левый коммунист Дзержинский подписал составленную Троцким «платформу о профсоюзах», против которой был Сталин. Коба уже тогда вел с Троцким борьбу не на

жизнь, а на смерть. Память Сталина, в том числе и злая, была феноменальна. Председатель ВЧК, как лицо весьма могущественное, но поддержавшее хоть раз идеи Троцкого и других противников будущего главного вождя, до конца жизни становился его личным врагом. Дзержинский не раз и не два оказывался во внутрипартийной борьбе на стороне врагов, недоброжелателей и противников Сталина, его «учителя» Ленина.

Только в конце 80 — начале 90-х годов стали приоткрываться партийные и чекистские архивы, скрывавшие мрачные тайны большевистской верхушки. Некоторые документы изучил российско-американский историк Юрий Фельштинский.

В его книге «Вожди в законе», вышедшей в 1999 году, в одной из глав — «Убийство Мирбаха» — сообщается о том, как противники печально знаменитого Брестского мира Германии и России, который был заключен только по настоянию Ленина и отстаивался им в жестокой борьбе со своими коллегами по ЦК РКП(б) и верхушки партии социалистов-революционеров, организовали убийство германского посла в Москве графа Мирбаха для того, чтобы спровоцировать Германию на разрыв Брестского мирного договора. В ВЧК под руководством Дзержинского работала большая группа союзников большевиков во власти — левых эсеров. Глава ВЧК, как и соперники Ленина Троцкий и Свердлов, тайно поддерживал противников Брестского мира. Поэтому за спиной чекиста левого эсера Блюмкина, устроившего провокационное покушение на германского посла в Советской России, маячила фигура члена ЦК РКП(б), председателя ВЧК Дзержинского.

Правда, для большевиков-ленинцев это убийство оказалось худом не без добра. Воспользовавшись террористическим актом, который совершил левый эсер, Ленин, Троцкий и Свердлов объединились, разгромили верхушку очень популярной в народе партии левых эсеров и удалили ее из всех органов власти. Тем самым они на семь десятков лет установили в РСФСР однопартийную диктатуру большевиков.

В другой главе Ю. Фельштинский высказывает весьма аргументированное предположение о том, что председатель ВЧК Дзержинский и фактический генеральный секретарь РКП(б), номинальный глава РСФСР Свердлов после неудавшейся попытки разорвать Брестский мир организовали так называемое «покушение Фани Каплан» на Ленина, в результате которого Председатель Совнаркома был ранен. В вождя якобы по команде Дзержинского, тесно связанного в этом покушении со Свердловым, стреляли два сотрудника ВЧК — Семенов и Коноплева. Ленин об истинных организаторах узнал от «своих»

людей в Кремле, в частности близкого сотрудника, не брезговавшего сыском, Бонч-Бруевича.

В отместку вскоре последовала скоропостижная смерть Якова Свердлова якобы от гриппа-испанки, гулявшего тогда по России. Параллельно с этим в стране был развязан большевиками «красный террор», унесший жизни десятков, а может быть, и сотен тысяч заложников, взятых чекистами в среде демобилизованного офицерства, профессуры, других представителей интеллигенции и торгово-промышленного сословия [9].

В СССР, со времен «оттепели», ходили слухи о том, что Ленин умер не своей смертью, а был отравлен. Ю. Фельштинский подтверждает этот факт своим блестящим анализом источников. Он полагает, что ответственным за убийство вождя был вовсе не Сталин, как считалось ранее, а ближайший сотрудник и «человек» Дзержинского Генрих Ягода, будущий шеф ОГПУ, один из главных создателей и наполнителей ГУЛАГа, убийца великого писателя Максима Горького, его сына — функционера внешней разведки Коминтерна Максима Пешкова…

По материалам, собранным российско-американским историком, выходит также и то, что и Дзержинский умер не своей смертью. Из переписки осведомленных эмигрантских разношерстных партийных деятелей от 30-х до 60-х годов прошлого века следует, что первый председатель ВЧК был отравлен. Ю. Фельштинский приводит важное документальное свидетельство причины этого. 2 июня 1937 года Сталин выступил на расширенном заседании военного совета при Наркомате обороны с обширной речью о раскрытии военно-политического заговора. По поводу Дзержинского Сталин сказал следующее: «… Часто говорят: такой-то голосовал за Троцкого. …Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист, и весь ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось» [10].

В свете этого высказывания Сталина становятся понятны массовые репрессии, которые обрушил вождь на работников спецслужб, когда он обрел всю полноту власти. В них были уничтожены к 1939 году почти поголовно все создатели и руководители внешней разведки, репрессирован весь верхний слой ОГПУ— НКВД. Карающие руки Сталина дотянулись не только до Лубянки и Разведывательного управления Красной армии, но и почти до всех закордонных резидентур советских спецслужб, обезлюдив их. На рубеже 1938 и 1939 годов внешнюю

разведку и внутреннюю контрразведку в СССР пришлось создавать почти что с нуля. Таким оказалось на самом деле наследие Дзержинского и его соратников по ВЧК— ПУ — ОГПУ— НКВД…

Некоторые убийственные факты о деятельности первого председателя ВЧК появлялись даже в апологетических книгах о нем, выходивших в разгар культа Дзержинского в 60-х и 70-х годах. Так, в биографии первого чекиста, написанной А. Тишковым в 1977 году для популярной серии издательства «Молодая гвардия» «Жизнь замечательных людей», были опубликованы выдержки из документов, связанных с законодательным творчеством «железного Феликса». Они закрепляли репрессивную и террористическую политику партии большевиков против своего народа. Так, в Совете народных комиссаров, где председательствовал Ленин, 5 сентября 1918 года было принято постановление по докладу Дзержинского: «Совет Народных Комиссаров… находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью… что необходимо обезопасить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, „прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам, мятежам…“» [11].

Выходит, что именно «друг беспризорных детей», как его рисовал культ, «гуманнейший» председатель ВЧК был родоначальником идеи ГУЛАГа.

В феврале 1919 года Дзержинский от имени большевистской партии внес на рассмотрение Всероссийского центрального исполнительного комитета — высшего органа власти в РСФСР — проект о реорганизации чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов. Первый пункт проекта гласил: «Право вынесения приговоров по всем делам, возникающим в чрезвычайных комиссиях, передается реорганизованным трибуналам…» Все драконовские предложения Дзержинского были приняты в виде постановления ВЦИК, в том числе и разрешение Всероссийской чрезвычайной комиссии в административном порядке заключать в концентрационные лагеря господ, проживающих без занятий, тех, «…кто не может работать без известного принуждения». Эта позорная юридическая норма, принятая ВЦИК 17 февраля 1919 года, была плавно переведена Хрущевым после смерти Сталина в плоскость борьбы с так называемыми «тунеядцами», кто не имел работы в СССР или вел относительно свободный образ жизни. Она дожила до самого краха СССР. Под ее действие подпал в годы «оттепели»

даже замечательный советский поэт, не состоявший в Союзе писателей, лауреат Нобелевской премии по литературе Иосиф Бродский.

О лицемерии советских вождей и членов их семей, в том числе и Дзержинского, об их сытой и богатой жизни, полной яств, напитков и регулярных отпусков в Крыму и на Кавказе, охот в царских заповедниках, отдыха на подмосковных дачах — широкой советской публике бесцензурные СМИ стали сообщать только с конца 80-х годов. Но потрясающие бывших рядовых коммунистических зомби факты всплывают и теперь в прессе и на телевидении. В том числе и о председателе ВЧК— ГПУ. Так, 19 мая 2004 года, в 23 часа 20 минут, по телеканалу РТР, в своей передаче «Исторические хроники» Николай Сванидзе рассказал о подлинной жизни Феликса Дзержинского. Факты из этой передачи я привожу ниже.

Партийные пропагандисты рисовали образ Дзержинского исключительно самыми благородными красками. По их описаниям, этот «рыцарь революции» был особенно принципиален и аскетичен в самые тяжелые для страны первые годы после Октябрьского переворота. Дзержинский якобы был столь скромен в питании и быту, что чуть ли не падал в голодные обмороки и сутками работал в своем кабинете, отдавая ночному сну на кровати за ширмой только несколько часов. Так первый председатель ВЧК и спал в рабочие дни, поскольку собственнолично допрашивал арестованных, число которых исчислялось тысячами. Многих после его допроса вели прямо на расстрел.

Однако кроме кровати в кабинете этот «аскет» имел в Москве три квартиры, в Подмосковье — три дачи и регулярно ездил в отпуска и на охоту.

В Советской России после прихода к власти большевиков царил перманентный голод. Первый пик этого страшного голода пришелся на 1922 год. Тогда от недоедания вымирало население тридцати двух губерний европейской части России и юга Украины. Голодало 32 миллиона человек. В некоторых семьях убивали слабейших, чтобы съесть их мясо.

Но большевистские бонзы отнюдь не голодали. Более того, они вывозили зерно миллионами пудов за границу, чтобы получить живую валюту. Питались они лучше, чем расстрелянная ими царская семья в дни трехсотлетнего юбилея царствующего Дома Романовых в 1913 году.

Вот меню Дзержинского только на одну неделю. Врачи рекомендуют «железному Феликсу» питаться «белым» мясом: курица, индюшатина, рябчик, телятина, рыба деликатесных

сортов. Категорически избегать «черного» мяса. Потреблять больше фруктов, зелени, мучных блюд. Рекомендации выполнялись лучшими поварами Кремля:

понедельник: консоме из дичи, лососина свежая, цветная капуста по-польски;

вторник: солянка грибная, котлеты телячьи, шпинат с яйцом;

среда: суп-пюре из спаржи, говядина «булли», брюссельская капуста;

четверг: похлебка боярская, стерлядка паровая, зеленый горошек;

пятница: суп-пюре из цветной капусты, осетрина, бобы «мэтр д'отель»;

суббота: уха из стерляди, индейка с мочеными яблоками, вишней и сливой, грибы в сметане;

воскресенье: суп из свежих шампиньонов, цыпленок, спаржа [12].

Примерно так же питались Ленин и другие вожди Российской коммунистической партии (большевиков). Напомню, что «столовая лечебного питания» была учреждена именно «вождем мирового пролетариата». Находилась она в Кремле, дверь в дверь с одной из московских квартир председателя ВЧК, члена ЦК РКП(б) Дзержинского.

После краткого исторического экскурса в политическую и бытовую составляющую деятельности спецслужб Советской России в самом начале их существования будут яснее функции КГБ в то время, когда главное кресло на Лубянке занял в 1967 году Юрий Андропов. Каковы же истоки формирования его личности как самого успешного и долгого председателя КГБ СССР? Когда впервые молодой Андропов реально соприкоснулся с тайной войной, принял участие в секретных делах НКВД?

Полагаю, что это было в годы Великой Отечественной войны, когда Андропов работал первым секретарем ЦК комсомола Карело-Финской союзной республики. По своей партийной должности он стал одновременно одним из организаторов партизанского движения на территории Карелии, оккупированной финскими войсками.

Мало кто знал во время войны, да и после нее, пока не появились в печати откровения генерала Судоплатова, что партизанское движение, возникшее на оккупированных гитлеровцами и их союзниками западных территориях СССР, только в редких случаях и самом начале Отечественной войны было стихийным патриотическим протестом против жестоких оккупантов. По мере продвижения нацистов и их союзников в глубь европейской части СССР партизанское движение

разрасталось. Как и всякое масштабное дело, оно требовало организации и ресурсов. В первые же дни после начала войны НКВД создало Особую группу для ведения диверсионных, разведывательных и террористических операций на территории, занятой противником. Начальником этой группы стал генерал Судоплатов. При Особой группе было сформировано специальное войсковое соединение — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН НКВД). Среди задач этой бригады было ведение разведки против Германии и ее сателлитов, разжигание и организация партизанской войны, создание террористических боевых групп и агентурной сети за линиями фронтов, формирование и снабжение партизанских отрядов.

К началу лета 1942 года 1-е разведывательное управление НКВД разделилось на два. Внешняя разведка осталась за 1-м главком, а другим, внутренним подразделением, стало 4-е главное управление во главе с Павлом Судоплатовым. Оно должно было заниматься разведывательной и диверсионной работой, а также помощью партизанскому движению и группам подпольщиков, теперь уже не только на оккупированной советской территории, но и далеко за ее пределами. Одновременно был создан Центральный штаб партизанского движения во главе с крупным партийным деятелем Белоруссии Пантелеймоном Пономаренко. Начальник штаба, как и все политкомиссары в армии, получил генеральское звание. В этом штабе действовал разведывательный отдел.

Партийные и комсомольские функционеры, которые были назначены руководителями местных штабов партизанского движения, далеко не всегда получали, как комиссары, воинские звания, но полагались на конспиративное обеспечение своей деятельности военной разведкой и НКВД. Профессионалы спецслужб не только стали опорой военно-учебной деятельности партизан, но и организаторами их материально-технического снабжения.

Таким образом, когда двадцатисемилетний первый секретарь комсомола Карело-Финской ССР Юра Андропов был назначен руководителем штаба партизанского движения в оккупированной финскими войсками Карелии, он неизбежно был втянут в тесное соприкосновение с ГРУ и 4-м управлением НКВД. Но, очевидно, молодому руководителю микроскопического комсомола — из-за малого количества населения и доли молодежи в нем — «старшие» товарищи воинское звание не дали, хотя партийный шеф Юрия, первый секретарь Карельского обкома ВКП(б) Куприянов, стал генералом. На целых тридцать пять лет Андропов остался штатским человеком, до тех пор, пока самый

большой в истории СССР любитель звезд на погонах и на груди, Брежнев, не повесил на плечи председателя КГБ Андропова и заодно министра внутренних дел Щелокова погоны со звездами генерала армии.

В числе прочих задач в функции Андропова как руководителя партизанского движения в Карелии входил подбор кандидатов из карельских комсомольцев для подготовки их в качестве партизан, радистов и разведчиков. Учебными предметами партизанских школ были стрельба, минно-диверсионное дело, ходьба на лыжах, методы сбора информации и пропаганды среди населения оккупированных районов, а также один из главных — способы выживания в лесах и болотах Карелии…

В 70-х годах, когда я вел депутатские дела Юрия Владимировича, ко мне пришел с личной просьбой к Андропову бывший военный летчик, Герой Советского Союза, имя которого я, к сожалению, не могу вспомнить. Он воевал именно на Карельском фронте и звание Героя заслужил в том числе и за то, что перебрасывал карельских партизан на своем самолете за линию фронта. Изредка он вылетал в разведывательные полеты с руководителями штаба партизанского движения Карелии, среди которых был и Юрий Андропов.

Пилот рассказывал мне о том, что партизанское движение в Карелии было малорезультативным и несло огромные потери. В редких населенных пунктах, разбросанных на территории западной части этой республики, отошедшей по мирному договору СССР и Финляндии 1940 года к Советскому Союзу, жили еще финны, которых после Зимней войны должны были репатриировать в Финляндию, но советские власти так и не успели этого сделать. Советский Союз карельские финны и желавшие репатриироваться карелы яро ненавидели и либо сами жестоко расправлялись с небольшими партизанскими группами, либо выдавали их жандармским и военным подразделениям.

Кроме финнов, своими хуторами и деревеньками в Восточной Карелии, принадлежавшей до Зимней войны СССР, жили карелы и вепсы, малый народ финно-угорского происхождения. Коренных жителей на огромной территории Восточной Карелии, оккупированной финскими войсками, было всего около 85 тысяч человек. Они относились к финнам как к оккупантам. Часть русского населения, около 20 тысяч человек, были отправлены финнами в концентрационные лагеря для устрашения оставшихся. В финских концлагерях к военнопленным и гражданским заключенным охранники и надсмотрщики относились хуже, чем эсэсовцы в немецких. Жизнь остававшихся на свободе карелов, вепсов и русских в тяжелых природных

условиях Севера была голодной. Они ничем не могли помогать партизанам. В этих сложных военных, политических, экономических и психологических условиях стихийного партизанского движения в Карелии практически не существовало.

Но когда бывший комсомольский вождь Карелии Андропов стал генеральным секретарем ЦК КПСС, то холуи из Агитпропа ЦК задумали подготовить книгу об успехах партизанского движения в Карелии и его руководителе, первом секретаре ЦК карельского комсомола Юре Андропове. Подхалимы решили, что надо отличиться чем-то, что было бы аналогом «Малой земли», якобы написанной Брежневым. Узнав об этой «инициативе», Юрий Владимирович в резкой форме запретил даже статейки на эту тему в средствах массовой информации.

Летчик рассказывал мне, что Андропов очень переживал, когда приходил на аэродром отправлять партизанские и разведывательно-диверсионные группы за линию фронта. «Он горбился, как будто физически ощущал тяжесть ответственности, лежащей на нем, — говорил он. — Его глаза почти всегда были печальны, словно он заранее знал, что далеко не все молодые ребята, воспитанники комсомола Карелии, смогут вернуться на Большую землю. Так партизаны называли свой советский тыл…»

Нет сомнений, что Юрий Андропов хорошо запомнил на всю жизнь науку, которую преподавали разведчикам и партизанам профессионалы из НКВД и ГРУ. Он и сам бывал за линией фронта, летая туда на маленьком легком биплане По-2, который почему-то пилоты окрестили «кукурузником».

Я знаю также, что Юрий Владимирович тесно соприкоснулся с деятельностью спецслужб, когда во времена венгерских событий в середине 50-х годов был послом СССР в этой стране. Тогда он вынужден был действовать в полном контакте с личным представителем Хрущева, первым председателем КГБ генералом Иваном Серовым, который много недель проводил в Будапеште, руководя подавлением восстания мадьяр против советского господства. Весьма часто посол общался и с работниками представительства КГБ в Венгрии во время проведения, например, таких специальных операций, как выманивание Имре Надя и некоторых его сотрудников из югославского посольства и депортация их из страны. Мне рассказывали очевидцы, что эта акция проходила трудно. Командовал ею Иван Серов, тогдашний глава КГБ, а исполнителями были сотрудники представительства КГБ, работавшие в Венгрии, и оперативная группа, прибывшая из Центра на подкрепление.

Имре Надь подозревал ловушку и никак не хотел выходить со двора посольства Югославии, пользовавшегося

экстерриториальным статусом, чтобы сесть в автобус, который должен был доставить его на другую территорию с таким же статусом. В конце концов он вошел в автобус. Несколько членов мадьярского правительства, укрывшихся у югославов вместе с Надем, уже сидели там. Офицер КГБ, следивший за Надем с улицы, громко постучал жезлом регулировщика по кузову машины, чтобы закрыли дверь и отправлялись. Это был главный условный сигнал операции. Автобус немедленно тронулся и доставил Имре Надя не на свободную территорию, а в заключение на румынской земле, где он через несколько месяцев был судим и расстрелян.

Генерал армии Иван Серов стал в моих глазах первым из предшественников Андропова, о которых я слышал с молодых лет рассказы ветеранов спецслужб, а также моих друзей-журналистов, бывших кагэбэшников, не только знавших самого Серова, но и пострадавших от него. В годы моей работы у Юрия Владимировича многое о привычках бывших до Андропова председателях КГБ дополнили и действующие сотрудники, заходившие иногда ко мне в кабинет познакомиться с новичком на третьем этаже и поболтать. Даже стенографистки из секретариата Юрия Владимировича, с которыми мне было очень легко и приятно работать в силу их интеллигентности и высочайшей квалификации, рассказывали в короткие минуты кофепития в рабочих паузах кое-что о событиях на Лубянке после прихода к власти Хрущева и о прежних шефах КГБ. Особенно злыми словами они вспоминали именно Серова и несносные черты его характера.

Первый председатель КГБ Серов нормальным, но в абсолютной степени подхалимским русским языком общался только со своим хозяином Хрущевым. Как теперь среди чиновников России, так и прежде в сословии функционеров разных уровней в СССР были фантастически развиты низкопоклонство, пресмыкательство и грубый подхалимаж перед вышестоящими начальниками. Лизоблюдов и холуев никогда не смущало даже то, что на их лакейские выкрутасы с осуждением смотрят нормальные люди. Таким был и Серов. Но как только высокопоставленный хам и холуй в звании генерала армии обращался к подчиненным, его речь переходила в смесь визга и нецензурных ругательств. В секретариате Серова были лишь два или три человека, которые способны были переводить злобный визг и хрюканье генерала с нечленораздельных звуков в человеческую речь. Особенно тяжко было даже не генералам и офицерам на совещаниях у Серова, которые потом по крупицам собирали друг у друга то, что указывал и вещал председатель, а

стенографисткам. Девушки должны были записывать в форме речи совершенно нечленораздельные звуки и к концу совещания подавать расшифрованную стенограмму на стол шефа. Их спасало только то, что, как правило, рядом с ними садился один из «переводчиков» визга Серова на русский язык и шепотом излагал то, о чем высказывался шеф.

Аналогичный случай произошел в практике Советского государства три десятилетия спустя, когда Горбачев сделал великого комсомольского и партийного оратора Грузии Шеварднадзе министром иностранных дел СССР. Единственное, что отличало в лучшую сторону речь министра-грузина от речи русского чекиста, — это отсутствие матерных слов, насыщавших высказывания Серова. Но министр иностранных дел Советского Союза эпохи Горбачева то ли нарочно, из презрения к государственному языку страны, которую ему было поручено представлять на мировой арене, то ли по неспособности, вытекающей из отсутствия соответствующей части филологического интеллекта или музыкального слуха, выражал свои мысли на заседаниях коллегии МИДа и других совещаниях с таким чудовищным грузинским акцентом и на такой смеси русско-грузинского жаргона, что подчиненные и гости его не понимали и от этого впадали в страх и ужас. На Смоленской площади было так, как если бы в британском Форин офисе министр иностранных дел ее величества общался с дипломатическим персоналом не по-английски, а на смеси уэльского, шотландского языков и кокни. В результате при Шеварднадзе сделали карьеру в ведомстве несколько грузинских мальчиков-дипломатов из близкого окружения Эдуарда Амвросиевича, способных переводить на русский язык синхронно то, что пытался выразить русскоговорящим сотрудникам на своем варварском диалекте министр…

Главным в деятельности Ивана Серова после того, как Хрущев и группа его сторонников в верхушке партии перехитрили Берию и уничтожили его, были превентивный разгром всех спецслужб, созданных при Сталине и возрожденных на короткий срок после его таинственной смерти Берией, и изоляция всех их руководителей, которые когда-либо были так или иначе связаны с «великим вождем и учителем» и его чекистом номер 1. Серов делал это от души, по зову сердца и приказу первого секретаря ЦК КПСС Хрущева. Ему это было также необходимо потому, что тем самым он прятал концы в воду не только от следов массовых и жестоких репрессий, которые проводил Хрущев на Украине с помощью Серова и в Москве, но и собственных кровавых и грязных коррупционных преступлений, совершенных им еще во

времена Сталина, когда Серов при Хрущеве был министром внутренних дел в Киеве, а затем карателем НКВД СССР на Северном Кавказе и в Крыму.

Самым интересным в рассказах старых чекистов было то, как Никита Хрущев после прихода к власти начал проведение внутренней политики с того, что стал громить спецслужбы, наследовавшие сталинско-бериевскому МГБ. Мне рассказывали о памятном для всех ветеранов НКВД и МГБ совещании руководящего состава в Центральном клубе имени Дзержинского на Сретенке в феврале 1954 года. Председательствовал на нем первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев. Он представил тогда чекистам их нового шефа — Серова.

Каким образом Серов возглавил главную советскую спецслужбу? Его протолкнул на вершину карательных органов в смутные месяцы острой борьбы за власть после смерти Сталина самый ловкий интриган — Хрущев. Он сумел организовать создание вместо Министерства государственной безопасности, где сидели ставленники Берии и Маленкова, нового государственного органа — Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР, якобы не имевшего ничего общего со своими предшественниками-спецслужбами, перераставшими из одной в другую после Октябрьского переворота 1917 года и до расстрела Берии в 1953-м. Это были Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК); Государственное политическое управление при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР (ГПУ); Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР (ОГПУ); Народный комиссариат внутренних дел (НКВД); Народный комиссариат, затем Министерство государственной безопасности (НКГБ — МГБ); снова Министерство внутренних дел (МВД); опять МГБ.

…Первым собранием в первом КГБ руководил сам Хрущев, который выступил с довольно короткой и сумбурной речью. Своими спонтанными негативными высказываниями против чекистов он настроил против себя всех присутствующих. Хотя первый секретарь ЦК и плохо знал работу органов госбезопасности, он стал давать указания, как их надо организовать по-новому, в том числе и внешнюю разведку, в которой абсолютно ничего не понимал, но очень любил читать ее доклады, из которых затем пересказывал своему ближнему окружению международные сплетни о руководителях других государств.

Вместе с тем Хрущев совершенно правильно подчеркнул, что роль контрразведки и других карательных подразделений

центрального аппарата неимоверно раздута. Он говорил, что оперативная обстановка не требует таких огромных штатов, отметил, что даже во времена Николая II жандармский аппарат был на несколько порядков меньше, чем теперь, «при социализьме», как он говорил, когда в стране нет уже революционной ситуации. В Нижнем Новгороде, например, ссылался Хрущев на исторические факты, до Октябрьского переворота в жандармском отделении служило не более двух десятков сотрудников, хотя город и считался одним из революционных центров. А в областном управлении МГБ и МВД города Горького, как переименовал Сталин Нижний Новгород в честь пролетарского писателя, трудилось несколько сот офицеров.

Затем Хрущев постарался переложить вину за репрессии на Украине и в Москве, где он занимал посты первого секретаря партийных организаций и где по его приказу энкавэдэшники жестоко расправлялись в сталинские времена с сотнями тысяч людей, на тех руководителей НКВД, которые в те годы и в тех местах служили рядом с ним, выполняя его приказы, и сообщали «заявки» Хрущева Сталину на новые жертвы.

Но он ни словом не помянул подобные грехи генерала Ивана Серова, который, как все присутствовавшие хорошо знали, именно из-за дружеских отношений с Хрущевым был в начале 1954 года назначен председателем КГБ при СМ СССР. Теперь Серов сидел в президиуме собрания рядом с новым «хозяином» Кремля. Зато досталось другому «герою» НКВД на Украине, генералу Савченко, бывшему к февралю 1954 года начальником 1-го Главного управления, то есть внешней разведки. Сразу после того, как Хрущев обругал его с высокой трибуны клуба имени Дзержинского, Савченко освободили от работы в ПГУ и отправили на пенсию…

В мою задачу не входит жизнеописание трех предшественников Юрия Владимировича в кресле лубянского шефа. Я хотел бы остановиться лишь на некоторых деталях биографий и характеров этих деятелей, которые я почерпнул не только из рассказов моих знакомых — работников спецслужб, но и из архивных документов, ставших достоянием историков и гласности только после краха «старого», крючковского КГБ в 1991 году. Начну с первого председателя КГБ, бывшего до этого назначения заместителем министра внутренних дел Берии, генерала Ивана Серова.

Он был, как и сталинский нарком внутренних дел Ежов, человеком маленького роста и мелкого умственного развития. Чтобы казаться выше, носил специально сшитые для него сапоги с

толстой подметкой и накладными каблуками. В своей чекистской карьере он негативно проявлял себя везде, где служил, — на Украине с Хрущевым, Северном Кавказе и в Крыму с сатрапами Берии, в оккупационной советской зоне Германии с маршалом Жуковым, как палач, мародер и коррупционер. Характер у него был склочный и драчливый. В частности, он кляузничал Сталину на министра госбезопасности Абакумова как на мародера и разложившегося человека, а тот в ответ поливал грязью за то же самое Серова. При этом оба избегали четкого определения «мародер» в отношении друг к другу и пользовались уклончивым партийно-коммунистическим словечком «самообеспечение».

Сталину была выгодна склока между двумя руководителями спецслужб, ибо тогда они не могли объединиться против вождя. Поэтому оба, хотя и писали доносы Верховному на мародерские привычки друг друга, не были им наказаны за эти явные преступления. В какой-то степени пострадал лично от Сталина за мародерство только самый высокопоставленный грабитель в погонах, которому помогал заниматься грабежом Иван Серов, — маршал Жуков, бывший сразу после войны главноначальствующим советской военной администрацией в Германии…

Верховный главнокомандующий Генералиссимус Советского Союза Иосиф Сталин вообще-то понимал, что армия, стоящая за рубежами своей страны и занимающаяся мародерством, разлагается и теряет дисциплину. Поэтому он издал строгий приказ о наказании мародеров вплоть до расстрела. Известны случаи, когда офицеры спецслужбы Смерш («Смерть шпионам!») расстреливали несчастных советских младших офицеров и солдат в советской зоне оккупации Германии на месте, если бойцы отбирали без возмещения у немецких жителей велосипеды, наручные часы или какой-то домашний скарб. В то же время многие из расстрельщиков-контрразведчиков и генералов разных родов войск безнаказанно грабили население Германии и ее бывших сателлитов, где стояли советские войска.

Чтобы пресечь массовое мародерство, Сталин приказал создать на внешних границах СССР, где проходили потоки разного имущества из захваченных Советским Союзом Германии и ее стран-сателлитов, специальные «трофейные команды», которые отбирали у возвращающихся домой советских офицеров и генералов предметы, которые, мягко говоря, не могли быть ими приобретены за рубежом на законных основаниях. Еще в мои школьные годы, сразу после войны, один из моих друзей рассказал довольно печальную историю о семье своего соседа.

Какой-то армейский генерал-майор, возвращаясь со своей

дивизией в СССР, вез в разоренную и нищую тогдашнюю Москву большой багаж, среди которого внимание «трофейной команды» на границе привлек концертный рояль. «Трофейщики» конфисковали музыкальный инструмент у генерала. Военный обиделся и написал заявление Верховному главнокомандующему. В нем он изложил свое дело примерно так: «Дорогой товарищ Сталин! Я всю жизнь мечтал дать дочери музыкальное образование. Ради этого я вез из Германии рояль, но „трофейная команда“ отобрала у меня на границе инструмент. Прошу оставить мне рояль. Генерал-майор такой-то».

Диктатор любил демонстрировать своим соратникам черный юмор, который расходился иногда кругами по партийной, военной и чиновной верхушке страны, пугая будущих нарушителей порядка, установленного верховным «шутником». В тот раз принципиальный вождь, не обращавший внимания на мародерство высших армейских и чекистских начальников в Германии, зачеркнул в подписи на документе слово «генерал» и в углу размашисто начертал резолюцию: «Оставить майору рояль!»…

Но вернемся к Серову, для того чтобы составить представление о моральном облике главного чекиста страны, протеже, друга, соратника и несколько позже, в момент первого кризиса власти Хрущева, спасителя тогдашнего первого секретаря Коммунистической партии страны от партийных друзей — заговорщиков против него. Факты, характеризующие Серова и его ближайших сотрудников по МВД, настолько вопиющи, что мне придется цитировать документы, поскольку если их просто излагать, то большинство людей, привыкших к историческим штампам, просто не поверят в реалии верхушки коммунистической системы [13].

Итак, 6 февраля 1948 года министр госбезопасности Абакумов направил «товарищу Сталину И. В.» короткую записку с грифом «совершенно секретно», которая имела краткую преамбулу: «При этом представляю протокол допроса арестованного генерал-майора СИДНЕВА А.М., бывш. начальника оперативного сектора МВД в Берлине, о мародерстве и грабежах в Германии…»

На стол Председателя Совета министров СССР лег

«ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованного СИДНЕВА Алексея Матвеевича

от 6 февраля 1948 года

ВОПРОС: Какой период времени вы работали в Германии?

ОТВЕТ: С 1945 по 1947 год я работал начальником оперативного сектора МВД гор. Берлина. В ноябре 1947 года я

получил новое назначение и из Германии уехал в Казань.

ВОПРОС: После вашего отъезда из Берлина были вскрыты крупные хищения ценных вещей и золота, в которых вы принимали непосредственное участие. Показывайте об этом.

ОТВЕТ: …Как известно, частями Советской Армии, овладевшими Берлином, были захвачены большие трофеи. В разных частях города то и дело обнаруживались хранилища золотых вещей, серебра, бриллиантов и других ценностей. Одновременно было найдено несколько огромных хранилищ, в которых находились дорогостоящие меха, шубы, разные сорта материи, лучшее белье и много другого имущества. О таких вещах, как столовые приборы и сервизы, я уже не говорю, их было бесчисленное множество. Эти ценности и товары различными лицами разворовывались.

Должен прямо сказать, что я принадлежал к тем немногим руководящим работникам, в руках которых находились все возможности к тому, чтобы немедленно организовать охрану и учет всего ценного, что было захвачено советскими войсками на территории Германии. Однако никаких мер к предотвращению грабежей я не предпринял и считаю себя в этом виновным.

ВОПРОС: Вы и сами занимались грабежом?

ОТВЕТ: Я это признаю. Не считаясь с высоким званием советского генерала и занимаемой мною ответственной должностью в МВД, я, находясь в Германии, набросился на легкую добычу и, позабыв об интересах государства, которые мне надлежало охранять, стал обогащаться… Отправляя на свою квартиру в Ленинград это незаконно приобретенное имущество, я, конечно, прихватил немного лишнего.

ВОПРОС: Обыском на вашей квартире в Ленинграде обнаружено около сотни золотых и платиновых изделий, тысячи метров шерстяной и шелковой ткани, около 50 дорогостоящих ковров, большое количество хрусталя, фарфора и другого добра. Это, по-вашему, «немного лишнего»?

…

ВОПРОС: Вам предъявляются фотоснимки изъятых у вас при обыске 5 уникальных большой ценности гобеленов работы фламандских и французских мастеров XVII и XVIII веков. Где вы утащили эти гобелены?

ОТВЕТ: Гобелены были обнаружены в подвалах германского Рейхсбанка, куда их сдали во время войны на хранение какие-то немецкие богачи…

ВОПРОС: Но этим гобеленам место только в музее. Зачем же они вам понадобились?

ОТВЕТ: По совести сказать, я даже не задумывался над тем,

что я ворую. Подвернулись эти гобелены мне под руку, я их и забрал…

ВОПРОС: Шестьсот серебряных ложек, вилок и других столовых предметов вы также украли?

ОТВЕТ: Да, украл.

ВОПРОС: Можно подумать, что к вам ходили сотни гостей. Зачем вы наворовали столько столовых приборов?

ОТВЕТ: На этот вопрос я затрудняюсь ответить…

ВОПРОС: Как получилось, что вы стали мародером?

ОТВЕТ: …В 1944 году, являясь заместителем начальника Управления «СМЕРШ» 1-го Украинского фронта, я на территории Польши встретился с СЕРОВЫМ, являвшимся в то время Уполномоченным НКВД по указанному фронту. Под его руководством я проводил работу в Польше, а затем, когда советские войска захватили Берлин, СЕРОВ добился моего перевода на работу в НКВД и назначил начальником берлинского оперсектора.

На этой работе СЕРОВ приблизил меня к себе, я стал часто бывать у него, и с этого времени началось мое грехопадение.

Полностью сознавая свою вину перед партией и государством за преступления, которые я совершил в Германии, я просил бы только учесть, что надо мной стоял СЕРОВ, который, являясь моим начальником, не только не одернул меня, а, наоборот, поощрял этот грабеж и наживался в значительно большей степени, чем я.

Вряд ли найдется такой человек, который был в Германии и не знал бы, что СЕРОВ являлся, по сути дела, главным воротилой по части присвоения награбленного.

Самолет СЕРОВА постоянно курсировал между Берлином и Москвой, доставляя без досмотра на границе всякое ценное имущество, меха, ковры, картины и драгоценности для СЕРОВА. С таким же грузом в Москву СЕРОВ отправлял вагоны и автомашины.

Надо сказать, что СЕРОВ свои жульнические операции проводил очень искусно. Направляя трофейное имущество из Германии в Советский Союз для сдачи в фонд государства, СЕРОВ под прикрытием этого большое количество ценностей и вещей брал себе.

Следуя примеру СЕРОВА, я также занимался хищениями ценностей и вещей, правда, за часть из них я расплачивался деньгами.

ВОПРОС: Но ведь и деньги вами тоже были украдены?

ОТВЕТ: Я денег не крал.

ВОПРОС: Неправда. Арестованный бывш. начальник

оперативного сектора МВД Тюрингии БЕЖАНОВ Г.А. на допросе показал, что вы присвоили большие суммы немецких денег, которые использовали для личного обогащения. Правильно показывает БЕЖАНОВ?

ОТВЕТ: Правильно. При занятии Берлина одной из моих оперативных групп в Рейхсбанке было обнаружено более 40 миллионов немецких марок.

Примерно столько же миллионов марок было изъято нами и в других хранилищах в районе Митте (Берлин).

Все эти деньги были перевезены в подвал здания, в котором размещался берлинский оперативный сектор МВД.

ВОПРОС: Но этот подвал с деньгами находился в вашем ведении?

ОТВЕТ: Да, в моем…

ВОПРОС: Какое вы имели право держать у себя такое количество денег, не сдавая их в советский государственный банк?

ОТВЕТ: Хранение такого количества денег, конечно, было незаконным, но сделано это было по указанию СЕРОВА.

Когда я ему доложил об обнаружении в Берлине мешков с немецкими марками, СЕРОВ сказал, что эти деньги будут для нас очень кстати, и приказал их в банк не сдавать, а держать у себя.

ВОПРОС: За счет этих денег вы и обогащались?

ОТВЕТ: Да. Значительная часть захваченных денег пошла на личное обогащение.

ВОПРОС: Кого?

ОТВЕТ: Больше всего поживились за счет этих денег СЕРОВ и я. Попользовались этими деньгами также КЛЕПОВ и БЕЖАНОВ, работавшие начальниками оперативных секторов МВД в Германии.

ВОПРОС: Как вы разворовывали миллионы находившихся у вас немецких денег?

ОТВЕТ: Это делалось очень просто. СЕРОВ присылал мне так называемые заявки начальников оперативных секторов со своими резолюциями о выдаче им денег…

Наряду с этим СЕРОВ раздавал ежеквартально каждому начальнику оперативного сектора так называемые безотчетные суммы, определяемые в несколько десятков тысяч марок, которые в большей части использовались ими на личные нужды…

Таким путем каждый из начальников секторов получил из моего подвала по нескольку миллионов рейхсмарок, а я лично, с разрешения СЕРОВА, взял для расходов по берлинскому сектору более 8 миллионов марок, часть которых использовал на личные нужды, но сколько именно, я сейчас указать не могу…

У моего бухгалтера НОЧВИНА хранились лишь записи на выданные деньги, но и их впоследствии забрал к себе СЕРОВ.

ВОПРОС: В связи с чем?

ОТВЕТ: В связи с передачей оперативной работы в Германии в ведение МГБ СССР. В октябре 1946 года меня вызвал СЕРОВ и предложил отправить ему все имеющиеся записи о расходовании немецких марок, а также сдать остаток имеющихся немецких денег…

Из этого я понял, что СЕРОВ серьезно обеспокоен возможностью вскрытия всех преступлений…

ВОПРОС: Вам известно, где находятся сейчас все записи по расходованию немецких марок?

ОТВЕТ: Как мне рассказывал НОЧВИН, папки с отчетными материалами об израсходованных немецких марках, собранные со всех секторов, в том числе и записи на выданные мною деньги, были по указанию СЕРОВА сожжены…

ВОПРОС: А куда вы девали отчетность об изъятом золоте и других ценностях, находившихся у вас?

ОТВЕТ: Эта отчетность так же, как и отчетность по немецким маркам, была передана в аппарат СЕРОВА и там сожжена.

ВОПРОС: Вы это сделали для того, чтобы скрыть хищение золота и других ценностей?

ОТВЕТ: Я сдал эти документы СЕРОВУ потому, что он их у меня потребовал.

О расхищении ценностей с моей стороны я уже дал показания. Присваивал ценности также и СЕРОВ, поэтому, очевидно, была необходимость уничтожить эти документы, чтобы спрятать концы в воду.

ВОПРОС: Не отделывайтесь общими фразами, а говорите, что вам известно о расхищении СЕРОВЫМ золота?

ОТВЕТ: Наряду с тем, что основная часть изъятого золота, бриллиантов и других ценностей сдавалась в государственный банк, СЕРОВ приказал мне все лучшие золотые вещи передавать ему непосредственно. Выполняя это указание, я разновременно передал в аппарат СЕРОВА в изделиях примерно 30 килограммов золота и других ценностей… Помимо меня, много золотых вещей давали СЕРОВУ и другие начальники секторов…»

Полагаю, что комментарии нормального вменяемого человека к этой части официального юридического документа излишни. Мародерство, воровство, коррупция названы своими именами. Чтобы не тратить слишком много места на публикацию отрывков из документа, изложу его завершающую часть вкратце своими словами.

Так, из допроса выяснилось, что жена Серова и его секретарь Тужлов неоднократно приезжали на склад берлинского сектора МВД и отбирали в большом количестве ковры, гобелены, лучшее белье, серебряную посуду и столовые приборы, а также другие вещи и увозили их с собой. Секретарь Серова Тужлов и адъютант представителя МВД Хренков разъезжали по Германии и отбирали для своего шефа ценные вещи. Награбленное Серовым имущество отправлялось к нему в Москву, и даже генерал-мародер Сиднев не мог представить себе, где можно было разместить такое огромное количество награбленного.

«Великий» контрразведчик Серов, как оказалось, много своего драгоценного служебного времени потратил в Германии на поиски глубокого старика Зауэра — владельца оружейного завода в городе Зуль. Через тюрингского начальника МВД Бежанова и на награбленные сотни тысяч рейхсмарок он заказал Зауэру более десятка ружей, часть из которых была изготовлена с особой отделкой. Многие охотники знают, что такие ружья, производства Зауэра, обладают не только великолепными стрелковыми качествами, но и несут на своем металле высокохудожественные гравюры с золотой и серебряной резьбой, чернением по серебру и золоту, украшены особым искусством резьбы охотничьих сцен и фауны по драгоценным сортам дерева на прикладах и ложах ружей. Каждое такое охотничье ружье стоило и тогда, стоит и сейчас, как в России, так и на Западе, целого состояния.

По приказу Серова изготовлялись специальные, с уникальными техническими данными, радиолы, на заводе Цейса в Йене заказывались самые совершенные по тем временам фотокамеры, на одной из фарфоровых фабрик в Тюрингии, производившей в весьма ограниченных количествах по музейным моделям и подлинной технологии производства фарфор XVIII–XIX веков, приобретались отделанные золотом сервизы…

Коррупция опасна не только в ограниченном виде. Таковой она никогда не остается. Главное, она разрастается как раковая опухоль и поражает все новые и новые руководящие клетки. Следователь Путинцев, допрашивавший генерала-мародера, закономерно спрашивает его:

«ВОПРОС: Кому СЕРОВ дарил изготовленные им по заказу ружья, радиолы, сервизы и фотоаппараты?

ОТВЕТ: Мне известно, что одну из радиол СЕРОВ подарил маршалу ЖУКОВУ, несколько радиол было отправлено кому-то в Москву. Для кого им были изготовлены ружья, сервизы и фотоаппараты, я не знаю…

…СЕРОВ же, помимо того что занимался устройством своих личных дел, много времени проводил в компании маршала

Жукова, с которым он был тесно связан. Оба они были одинаково нечистоплотны и покрывали друг друга…

…СЕРОВ и ЖУКОВ часто бывали друг у друга, ездили на охоту и оказывали взаимные услуги. В частности, мне пришлось по поручению СЕРОВА передавать на подчиненные мне авторемонтные мастерские присланные ЖУКОВЫМ для переделки три кинжала, принадлежавшие в прошлом каким-то немецким баронам.

Несколько позже ко мне была прислана от ЖУКОВА корона, принадлежавшая по всем признакам супруге немецкого кайзера. С этой короны было снято золото для отделки стека, который ЖУКОВ хотел преподнести своей дочери в день ее рождения».

В этом документе весьма показательно то, что, как только в допросе по уголовному делу по фактам мародерства, воровства и коррупции появился новый, еще более, чем генерал Серов, могущественный фигурант — маршал Жуков, на страшной бумаге появляется предпоследняя запись: «(Допрос прерван)»!

Однако из других исторических документов, которые по неисповедимой случайности остались не сожженными генералом Серовым в бытность его председателем КГБ при Совете министров СССР, вытекает, что такими же беспардонными мародерами в Германии были маршал Жуков и его ближайшее окружение — генерал-лейтенант Телегин, приставленный к Жукову в качестве политкомиссара надзирать за его девственной партийной чистотой; генерал-лейтенант Крюков, также воровавший в Германии добро эшелонами и содержавший в своем кавалерийском корпусе подпольный бордель для начальства в форме советского госпиталя, и его жена — эстрадная певица Русланова, по совместительству скупщица краденого; и любимый адъютант маршала Жукова Минюк, ставший его генералом для поручений.

Мародерствовал в Германии и тогдашний министр госбезопасности Абакумов. Интересно, что пауки на верхушке лубянской банки внимательно следили друг за другом. Так, протокол допроса приближенного Серова Сиднева лег на стол Сталина с сопроводиловкой Абакумова 6 февраля 1948 года. Буквально через два дня, 8 февраля, главный фигурант этого документа Серов направляет «товарищу СТАЛИНУ И.В.» донос на Абакумова, в котором среди прочих политических и деловых обвинений пишет:

«Мне неприятно, товарищ Сталин, вспоминать многочисленные акты самоснабжения АБАКУМОВА во время войны за счет трофеев, но о некоторых из них считаю нужным доложить.

Наверно, АБАКУМОВ не забыл, когда во время Отечественной войны в Москву прибыл эшелон более 20 вагонов с трофейным имуществом, в числе которого ретивые подхалимы АБАКУМОВА из „СМЕРШ“ прислали ему полный вагон, нагруженный имуществом с надписью „АБАКУМОВУ“.

Вероятно, АБАКУМОВ уже забыл, когда в Крыму еще лилась кровь солдат и офицеров Советской Армии, освобождавших Севастополь, а его адъютант КУЗНЕЦОВ (ныне „охраняет“ АБАКУМОВА) прилетел к начальнику Управления контрразведки „СМЕРШ“ и нагрузил полный самолет трофейного имущества… Сейчас АБАКУМОВ свои самолеты, прилетающие из-за границы, на контрольных пунктах в Москве не дает проверять, выставляя солдат МГБ, несмотря на постановление Правительства о досмотре всех без исключения самолетов».

Хорош же был наш вождь, который, прочитав все эти и многие другие следственные документы и описи награбленного высокопоставленными мародерами и ворами имущества, золота, драгоценностей, произведений искусства, оставил трех главных фигурантов — маршала Жукова, генералов Абакумова и Серова, от которых и шло разложение их подчиненных, становившихся банальными уголовниками, — при званиях и должностях. Наверное, Коба, бывший грабитель банков в Тифлисе и организатор бандитских эксов (экспроприаций), продавец за рубеж в 20-х и 30-х годах сокровищ Эрмитажа, других музеев, бриллиантовой кладовой и других российских хранилищ ценностей, только умиленно улыбался в усы и цокал от изумления языком, восхищаясь мародерской ловкостью своего маршала и генералов.

Чуть-чуть Сталин тряхнул только Жукова. Маршал поехал из Москвы командовать Одесским военным округом. И не за мародерство, а за то, что позволил себе приписывать славу главного победителя Германии в Великой Отечественной войне, на которую претендовал сам Верховный главнокомандующий генералиссимус Иосиф Сталин.

Кремлевские игры мародеров продолжились и в начале 50-х годов. В 1951 году, еще при жизни Сталина, был арестован министр госбезопасности Абакумов. В 1953 году арестован с помощью маршала Жукова и расстрелян за то, что слишком много знал о преступлениях других кремлевских сидельцев и некоторых армейских маршалов и генералов, маршал от госбезопасности Берия. В 1954 году за те же грехи был расстрелян генерал Абакумов. Тогда же, в 1954-м, Хрущев сделал председателем КГБ при СМ СССР Ивана Серова. Первым заместителем министра обороны Булганина, а затем и министром

обороны Хрущев назначил маршала Жукова. По приказу этого фигуранта мародерских дел конца 40-х годов были немедленно вызволены из тюрем его сообщники-генералы Телегин, Крюков и подельница Крюкова, его жена артистка Русланова.

Жуков и Серов хорошо отблагодарили Никиту Хрущева за покровительство. Они спасли его в 1957 году от свержения во время попытки государственного переворота, которую предприняли высшие партийные иерархи. После этого Жуков еще больше раздулся в своем бонапартизме. Его друг Иван Серов неосторожно начал поддерживать маршала с диктаторскими замашками.

В кремлевской берлоге никогда не было места для двух медведей. В подковерной драке за власть между Хрущевым и Жуковым победил хитрейший, первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев. Он отправил своего соперника, министра обороны маршала Жукова, с визитом далеким кружным путем, на крейсере, в Югославию. Пока Жуков надувал щеки перед маршалом Тито, в Москве был созван Пленум ЦК. Он снял маршала Жукова с поста министра обороны и уволил на пенсию. Этому не смог помешать или хотя бы заранее предупредить дружка-маршала его старый сообщник Иван Серов. Маршалы и генералы, присутствовавшие на Пленуме ЦК 1958 года, выкидывавшие Жукова из состава правительства и ЦК, хорошо полили грязью своего хама-начальника. Хитрый Хрущев имел зуб за поддержку Жукова и на своего бывшего протеже Серова. Поэтому в том же 1958 году генерала Серова сняли с КГБ и в утешение назначили начальником ГРУ генштаба. То есть поставили его под надзор тех маршалов и генералов армии и ее Главного политического управления, которые с таким удовольствием сбросили со своей шеи несостоявшегося бонапартика Жукова.

После директивной речи Хрущева с трибуны Клуба имени Дзержинского в 1954 году Серов начал упразднять райотделы, сокращать городские и областные отделы и управления, чистить центральный аппарат. За два года Серов уволил более 16 тысяч человек, несколько тысяч перевел на работу в милицию, что всегда считалось у обитателей Лубянки серьезным наказанием. Он заменил почти всех руководителей главных управлений, управлений и отделов, получив взамен старых профессионалов и заплечных дел мастеров новое руководящее пополнение из цековских работников среднего звена. Он громил не только внутренние спецслужбы, но и запустил внешнюю разведку.

Серов выполнил еще один заказ Хрущева. В его бытность на Лубянке он провел физическую чистку архивов госбезопасности.

Сжигались сотни тысяч архивных дел, особенно по Украине и Москве, связанных с санкциями Хрущева на расстрел и заключение «врагов народа», членов их семей в концлагеря и тюрьмы. Бумаги, компрометирующие соперников Хрущева по верхушке партии, а все его коллеги были такими же преступниками, как и новый вождь, передавались в тайный архив первого секретаря ЦК для последующего воздействия на неугодных.

Худшего времени для архивов, чем во времена Хрущева, в России и Советском Союзе не бывало. Вместе с бумажным пеплом исчезли целые пласты истории советского общества, связанные с репрессиями и спецслужбами.

В Главном разведывательном управлении, куда Серова перевели в 1958 году, генерал армии прослужил только до 1962 года. Он «сгорел» в результате разоблачения одного из крупнейших американских шпионов в спецслужбах Советского Союза, полковника Пеньковского.

Серов покровительствовал Пеньковскому, не позволил выгнать его с военной службы, когда тот проштрафился, будучи сотрудником военного атташата в Турции. За склоки Пеньковского все-таки удалили с оперативной работы в ГРУ, но перевели в так называемый действующий резерв с сохранением воинского звания, зарплаты и других мелких льгот. Как бывшего разведчика, Пеньковского устроили на работу в Управление международных связей Государственного комитета по науке и технике Совета министров СССР.

Слуга двух разведок — американской и английской, Пеньковский сохранил с Серовым личные и семейные связи, которые старательно укреплял, когда Серов стал начальником ГРУ. Как тогда было принято, подчиненные из зарубежных командировок привозили дары своим начальникам и их женам. Надо ли говорить, что, чем щедрее были подношения, тем лучше жены начальников относились к подчиненным своих мужей. А мужья, в свою очередь, помогали карьере дарителей.

Серов был косвенным шефом Пеньковского. Как выяснилось, за счет британской разведки Пеньковский одаривал членов семьи Серова. Когда при расследовании дела Пеньковского стало известно, что начальник ГРУ имел личные отношения с крупным агентом спецслужб противника, который благодаря ему питал эксклюзивной информацией ЦРУ и МИ-5, гневу Хрущева не было предела.

Иван Серов был разжалован из генералов армии в генерал-майоры, его лишили звания Героя Советского Союза, которое ему было дано по особому представлению его друга маршала Жукова,

многих орденов и отправили служить помощником командующего провинциальным военным округом в Среднюю Азию. Когда ему исполнилось шестьдесят лет, Серова отправили на генеральскую пенсию. Она и тогда была довольно высокой. Так что Серов пострадал больше морально, чем материально. Он был соседом одного из моих знакомых-профессоров, которому в наследство от отца-маршала достался коттедж в элитном военном поселке под Москвой — Архангельском. Земельные участки были там в полгектара. На участке Серова стоял такой же каменный двухэтажный коттедж, как и тот, куда в гости приехал я. Это был конец 70-х годов, и мой знакомый издалека, через забор, показывал мне бодренького низкорослого старикашку, бывшего жестокого и вороватого главу спецслужб. Часть наворованного он, очевидно, сумел сохранить, поскольку в тот момент руководил строительством дорогостоящей капитальной оранжереи возле своей дачи.

Вместо Серова Хрущев назначил председателем КГБ молодого и энергичного Александра Шелепина. Чекисты любовно называли всегда отца-основателя ВЧК Дзержинского «железным Феликсом». В комсомоле, которым руководил Александр Шелепин, его прозвали по аналогии с Дзержинским «железным Шуриком». Выше я уже писал о том, что Серов и Шелепин создали в советском обществе, и особенно в спецслужбах, культ Феликса Дзержинского. Во времена «железного Шурика» была поставлена в центре площади имени Дзержинского бронзовая фигура Дзержинского. Но если «железный Феликс» всячески укреплял ВЧК и другие спецслужбы, понимая их значение в борьбе за власть, то «железный Шурик» действовал по указанию Хрущева в прямо противоположном направлении. Грубый и резкий по натуре, властный и жесткий по опыту своей работы в ЦК ВЛКСМ, Шелепин продолжал разгром КГБ, начатый было, а затем приостановленный Серовым.

От ветеранов КГБ я никогда не слышал ни одного доброго слова в адрес Шелепина. Однако они ругали его не за то, что он убирал палачей и «костоломов», сформировавшихся в годы сталинщины и бериевщины в органах. Тогда это было бы вполне естественно. Но вместе с ними он выгонял без пенсии и пособия честных профессионалов разведки и контрразведки, не принимавших участия в репрессиях. Шелепин заменял их молодыми выдвиженцами из комсомола. Но новые кадры по своему духу ненамного отличались от старых. Они тоже воспитывались партией в сталинские времена, человеческая личность для них ничего не значила, и ради продвижения в чинах они не только работали по доносам, но и писали доносы друг на

друга. Карьеризм комсомольский был ничем не лучше партийно-энкавэдэшного.

Шелепин не только сократил оперативный состав КГБ на много десятков тысяч человек. Он также громил «тылы» главной спецслужбы страны. «Железный Шурик» передавал профсоюзам и разным гражданским ведомствам кагэбэшные санатории и дома отдыха на Черноморском побережье и в других престижных районах СССР, росчерком пера «избавлял» КГБ и его территориальные органы от госпиталей и поликлиник. Особые сельскохозяйственные предприятия — совхозы, которые снабжали по себестоимости столовые и буфеты в зданиях КГБ высококачественной молочной, мясной и овощной продукцией, — были также переданы им из хозяйственного управления КГБ в Министерство сельского хозяйства.

По сути, это было правильно, поскольку всех этих первоклассных объектов медицины, отдыха, питания было непропорционально много на «душу» чекиста по сравнению с потребностями населения страны. Особенно пришелся по душе Хрущеву, который считал себя большим знатоком и покровителем сельскохозяйственного производства для народа и демократом, отказ Шелепина в пользу населения от старых продуктовых привилегий ВЧК, возникших почти сразу после Октябрьского переворота, когда в стране царили голод и разруха. Этим «железный Шурик» заработал новые очки во мнении первого секретаря.

Личность Шелепина была противоречива, а сам он был честный человек. При этом нельзя забывать, что именно он совершил выдающееся благое дело. Шелепин упразднил в КГБ тюремный отдел и сократил число тюрем, которые принадлежали спецслужбе. Впервые стала пустовать внутренняя тюрьма на Лубянке. Количество политических заключенных и осужденных по этим мотивам в годы руководства Шелепина с подачи Комитета госбезопасности несколько снизилось и составило около двух тысяч человек.

Шелепин так понравился Хрущеву своей решительностью в борьбе с кадрами сталинских спецслужб, что менее чем через три года начал стремительный взлет в партийном аппарате. В конце октября 1961 года Пленум ЦК избрал его секретарем ЦК. А еще через три года, в октябре 1964-го, на таком же Пленуме ЦК в результате заговора, душой которого был Шелепин, был снят главный покровитель бывшего комсомольца и чекиста Никита Хрущев. Шелепин и его команда рвались к власти… Вместе с тем кагэбэшные критики Шелепина, как и наследовавшего пост на Лубянке его лучшего друга, руководителя комсомола

Семичастного, отмечали личную честность и принципиальность перед другими власть имущими в Кремле этих двух выходцев из ЦК ВЛКСМ. Они не были замешаны в коррупции, хотя протекционизм своим комсомольцам им был не чужд.

Тем не менее Хрущев совершил большую ошибку, когда после выдвижения Шелепина в 1961 году в руководство партии отдал его кресло на Лубянке также молодому и такому же энергичному деятелю второй партийно-комсомольской шеренги Семичастному. Секретарь ЦК Шелепин уже располагал своей командой, занимавшей многие ключевые посты в партии и государстве. Семичастный в этой команде сразу же выдвинулся на одно из главных мест. Внешне он тоже продолжал чистку пятен сталинизма и бериевщины на плаще спецслужбы. Но кинжал он еще не оттачивал, хотя шире привлекал на руководящую и оперативную работу в КГБ выходцев из комсомола. При этом нельзя не отметить, что и оставшиеся в КГБ старые кадры, и новые, «комсомольские» приняли самое активное участие в свержении Хрущева.

Мне рассказывали, что, в отличие от Шелепина, Семичастный все же проявлял некоторое уважение к профессионалам разведки и контрразведки, хотя так же, как и Шелепин, был грубым и властным человеком. Именно во времена Семичастного хрущевская «оттепель» окончилась и началось новое завинчивание гаек, борьба за чистоту идеологии. Именно в бытность Семичастного председателем КГБ произошло восстание рабочих в городе Новочеркасске, во время которого войска стреляли по демонстрации рабочих, несших портрет Ленина. Массовые беспорядки возникли на почве повышения цен на мясо и снижения расценок на производстве для квалифицированного рабочего труда. Однако КГБ и партийным деятелям удалось тогда утаить от страны и всего мира тяжесть этих событий, во время которых погибло двадцать пять человек, среди них и женщины, а около ста пятидесяти демонстрантов были арестованы. Несколько месяцев спустя после неправедного суда организаторы рабочей демонстрации были расстреляны.

Именно при Семичастном началась борьба КГБ под руководством КПСС против художников и писателей, которая приобрела постепенно масштабы массовых судебных наказаний «за особо опасные государственные преступления». Первыми жертвами слежки и суда стали писатели Синявский и Даниэль, начались гонения на Солженицына. Тогда же в СССР стала формироваться и так называемая судебная психиатрия, то есть объявление людей, протестующих против тоталитаризма и несвободы в Советском Союзе, психически больными. Так что это отнюдь не изобретение Андропова, как это иногда пытаются представить его противники.

В 1964 году, при Семичастном, был брошен в психушку вольнодумный генерал Григоренко. Тогда функционировали уже

две психиатрические специальные больницы. Карательная идеология этих психушек была проста, и придумал ее сам Хрущев. В одной из своих речей он дал ей почти научное обоснование. «Только сумасшедший может выступать против советской власти!» — заявил первый секретарь ЦК правящей Коммунистической партии… Семичастным и его кадрами это было воспринято как указание.

После октября 1964 года, когда на Пленуме ЦК генеральным секретарем был избран Леонид Ильич Брежнев, многие шелепинцы стали неосторожно говорить в своем кругу о том, что Брежнев — слабая личность и всего лишь промежуточная фигура, что его должен вскоре заменить на посту лидера партии и государства «железный Шурик». Поскольку во главе КГБ стоял друг Шелепина Семичастный, информация о таких разговорах приходила к Брежневу не из спецслужбы на Лубянке, а из других источников. Ведь среди бояр, приближенных к царю, всегда есть любители пошептать на ушко хозяину сплетню про престолонаследников.

Брежнев знал о таких разговорах среди сторонников Шелепина и стал постепенно «отщелкивать» их с влиятельных партийных и государственных постов. Особенно он боялся председателя КГБ и тайных возможностей этой мощной организации. Он долго искал подходящего случая, чтобы снять Семичастного с должности так, чтобы это не выглядело необъективной расправой. Брежнев не хотел, чтобы его считали самоуверенным сатрапом, боялся открытого бунта шелепинцев и всегда ратовал за стабильность в кадровых вопросах.

Случай представился только через три года, когда генсек уже имел прочное большинство в политбюро. Дочь Иосифа Сталина Светлана Аллилуева получила официальное разрешение властей СССР на выезд в Индию для погребения по индийским обычаям праха своего третьего мужа, коммуниста и гражданина Индии, работавшего и умершего в Москве.

Ни советское посольство в Индии, включая посла, ни резидент КГБ и представители советских спецслужб в Индии не оказали дочери диктатора Светлане Аллилуевой достаточного человеческого внимания, хотя именно в те дни, в начале марта, исполнялась очередная годовщина смерти ее отца. Психика Светланы из-за перманентной кампании десталинизации в СССР была в возбуждении. Она выполнила свой долг по отношению к покойному мужу, хотела спокойно пожить в деревне, где было его поместье. Светлана попросила в советском посольстве продления визы на свое пребывание в Индии. Но партийные, кагэбэшные и дипломатические чиновники Страны Советов долго тянули с

ответом. Тогда возмущенная хамским молчанием наследников Сталина дочь советского диктатора отправилась просить политического убежища в посольстве страны, которую Сталин считал своим злейшим врагом, — Соединенных Штатов Америки. Такое убежище она получила. Американцы немедленно переправили ее через Швейцарию в США.

В конце 90-х годов в книге «Возле вождей» писателя Сергея Красикова, бывшего офицера Управления правительственной охраны и знавшего много тайн Кремля, был обнародован малоизвестный, но совершенно убийственный факт.

«По мнению экспертов-финансистов, — пишет бывший телохранитель высших лиц Советского Союза, — в одном из швейцарских банков она получила довольно-таки значительную сумму, лежавшую с 1905 года…

Великий конспиратор И. В. Джугашвили-Сталин на всякий случай передал дочери свой партийный банковский шифр, который на этот раз ей очень пригодился. Без уверенности в получении этих денег она вряд ли рискнула бы эмигрировать. Этих денег вполне бы хватило беженке на безбедное существование, не будь она в Америке новичком и по-советски наивно-доверчивой. Большая часть их осела в руках домовладельцев, издателей и адвокатов» [14].

Именно побег Светланы Аллилуевой в США и боязнь членов политбюро того, что дочь диктатора разоблачит самые темные стороны жизни кремлевских обитателей, вызвали отставку молодого председателя КГБ, который не сумел предотвратить бегство. За это Семичастного сослали в Киев, на второстепенную должность заместителя Председателя Совета министров Украины. Брежнев еще долго опасался друга «железного Шурика». За ними обоими велась слежка, их телефонные разговоры прослушивались…

Леонид Ильич Брежнев со времен довоенной партийной работы в Днепропетровске развивал и обострял свой природный инстинкт на людей. Он сразу видел и чувствовал, как относится к нему человек, которого он встретил в первый раз. Затем у него складывалось мнение, которое под влиянием инстинкта самосохранения могло изменяться в широких пределах. Он опирался не только на собственное впечатление, но и на обширную информацию, которую, как высокий руководитель, получал по самым разным каналам. Он сделал безошибочный выбор, назначая Андропова председателем КГБ.

Брежнев точно знал, что Андропов, как секретарь ЦК, не входил в группу партийных и кагэбэшных деятелей, организовавшихся для свержения Хрущева. Но и сам Брежнев

довольно долго был в стороне от заговора, колебался и только под сильным давлением Подгорного и других согласился стать новоизбранным лидером вместо Хрущева. Он оценил осторожность Андропова и его нежелание вступать в драку, а затем высокую работоспособность Юрия Владимировича и его организаторские способности, его преданность новому генсеку. Брежнев твердо знал о нежелании Андропова ввязываться в интриги, закрученные теперь Шелепиным и его сторонниками, хотя Юрий Владимирович и был человеком скорее их поколения, чем сверстником старших товарищей из верхушки политбюро. От своих людей в аппарате ЦК генсек получал информацию о личной психологической несовместимости интеллигента без высшего образования Андропова и имевшего диплом блестящего Института филологии и литературы, но хамоватого и агрессивного Шелепина. А так как главной опасностью для Брежнева были теперь Шелепин и Семичастный, их люди на ключевых постах в партии и государстве, то кабинет Семичастного на Лубянке занял Юрий Владимирович Андропов.

По крайней мере, четырнадцать с половиной из своих пятнадцати лет во главе КГБ Юрий Владимирович оставался верен Брежневу.

Как я понимаю, Андропов принял Комитет госбезопасности не в самом лучшем состоянии. Три реорганизации за двенадцать лет и трое председателей, из которых каждый по-своему громил весьма разветвленную спецслужбу, так что ее главный инструмент работы, агентура, сократился с 1951 года до середины 60-х годов в десять раз, привели к плачевным для тоталитарного государства результатам.

Как верный адепт системы, Андропов вынужден был исправлять положение и строить органы госбезопасности по-новому, хотя до начала 70-х годов он не был еще убежден до конца в том, что стране нужна огромная, единая спецслужба, а не несколько отдельных, строго специализированных и самостоятельных подразделений. Когда же он пришел к такому выводу, то со всей своей энергией взялся за восстановление утраченного при Хрущеве государства в государстве — КГБ. После того как в апреле 1973 года Андропов был избран членом политбюро и перед ним открылась сначала гипотетическая, а затем и вполне реальная дорога к вершине власти, процесс укрепления и расширения КГБ принял хотя и скрытый, но масштабный характер.

В конечном итоге к тому моменту, когда Андропов вернулся в ЦК КПСС и вплотную приблизился к заветной цели — креслу генерального секретаря, Комитет государственной безопасности

достиг пика своего могущества и численности кадровых и внештатных сотрудников. Как подсчитала в начале 90-х годов Евгения Альбац и другие российские публицисты «демократической» волны, в КГБ служило чуть более полумиллиона сотрудников, из которых 220 тысяч человек составляли пограничные войска. К этой огромной силе следует присовокупить десятки, а может быть, и сотни тысяч офицеров так называемого действующего резерва, сидевших в первых отделах предприятий, научных и учебных институтов, министерств, ведомств, «под крышей» газет, журналов, издательств, внешнеполитических и внешнеторговых учреждений, — одним словом, там, где имелся хоть какой-нибудь завалящий секрет. А поскольку в Советском Союзе почти каждая цифра или факт, научная разработка или иностранные газеты и журналы в библиотеке считались секретными, то все эти сотни тысяч офицеров «оперативного резерва», или, проще говоря, кагэбэшников, «под крышей» имели неплохо оплачиваемую работу.

Кроме чекистов-профессионалов, рассчитала Е. Альбац, на КГБ работало 2,9 миллиона «добровольных помощников», многие из которых, как, например, содержатели явочных квартир или наиболее активные агенты, получали некоторую денежную оплату их услуг. Как это принято во всем мире, штатные работники спецслужб вербовали агентов самыми разнообразными способами. Большинству внушали, что они должны доносить КГБ о всех сомнительных личностях, или высказываниях, или нарушениях режима секретности и т. д. Считалось, что члены партии и беспартийные таким образом должны выполнять свой гражданский долг. Многим помогали в карьере, в переходе на лучше оплачиваемую или интересную работу, разумеется, если новое место службы агента создавало дополнительные возможности в оперативной деятельности КГБ. Иных привлекали к сотрудничеству, поймав на каком-либо криминале или мелких правонарушениях.

Движения человеческой психики поистине неисповедимы! Когда я занял кабинет на руководящем этаже Лубянки, ко мне вдруг стали захаживать без приглашения и без выписывания по их заявкам строго оформлявшихся пропусков в здание КГБ некоторые мои старые знакомые по Совинформбюро, агентству печати «Новости» и другим журналистским и научным организациям. Они бывали «по своим» делам у ведущих их офицеров и генералов и оказались высокопоставленными агентами КГБ, которые хотели «представиться» новому помощнику председателя. Они явно не знали, что я никакого

отношения к КГБ не имею, а являюсь формально работником Общего отдела ЦК КПСС. К моему удивлению, среди них были мои приятели и сослуживцы. Я знал, что многие из них регулярно работали с иностранными делегациями, выезжали с журналистскими заданиями за границу, пробивались с низших ступенек к высоким редакционным должностям и гонорарам. Бог им судья, да многие из них и смущались своей тайной ролью, говорили о ней сквозь зубы, как будто я обязательно должен был знать или интересоваться их скрытой жизнью. Но особенно поразила меня одна дама, которую я к тому времени знал лет двадцать, еще со времен Советского информбюро. Она была дочкой высокопоставленных родителей, ей не надо было подличать, чтобы пробиться в жизни. Таких «персон» при всех правителях страны запрещалось вербовать. Она «стучала», видимо, только для удовольствия и от собственного змеиного характера. Естественно, советская система ее очень высоко подняла, и до сих пор ее утомленное жизнью лицо мелькает иногда в каких-то тусовках…

Расширение поля деятельности и кадровых рядов в КГБ при Андропове проявилось и в том, что на спецслужбу пролился дождь генеральских звезд. Многие полковничьи должности стали генеральскими с соответственным звездным восхождением полковников, их занимавших. Даже во времена Сталина в конце победоносной Великой Отечественной войны не было столь щедрой раздачи генеральских званий, которую организовал Юрий Владимирович. Пользуясь хорошими отношениями с Брежневым и любовью вождя к звездам на погонах и на груди, Андропов часто подавал генсеку списки на возведение в генеральское звание. Особенно это коснулось внешней разведки. До Андропова работники ПГУ обижались на то, что в Главном разведывательном управлении Генштаба было значительно больше генеральских должностей при одинаковом примерно объеме закордонной работы. Юрий Владимирович этот недостаток исправил.

Андропов, который в течение первых десяти лет своей деятельности в КГБ негативно относился к погонам и звездам, получил сам, по настоянию Брежнева, сначала звание генерал-полковника, а затем и генерала армии. Такие же звезды легли на бесславные плечи Цинева, Цвигуна и, слава богу, единственного награжденного ими по достоинству начальника Главного управления погранвойск Героя Советского Союза генерала Вадима Александровича Матросова. Вадим Александрович был выдающимся пограничником, который прошел всю трудную пограничную службу от солдата, офицера-начальника погранзаставы до главнокомандующего погранвойсками.

Но рядом с ним за пару лет начальник секретариата председателя КГБ, бывший цековский аппаратчик-канцелярист, без расширения его функций и объема работы, превратился из полковника в генерал-лейтенанта. Еще один бывший чиновник из партаппарата, не нюхавший никогда «оперативного пороха», а промышлявший в секретариате КГБ доносами и интригами, также из полковника за два года превратился в генерал-лейтенанта.

Андропов продолжил линию Серова, Шелепина и Семичастного на мобилизацию партийных и комсомольских работников в Комитет государственной безопасности. При этом те сотрудники спецслужб, которые считали себя профессионалами, проявляли большое недовольство таким методом пополнения их рядов и преимуществами, которые получали по сравнению с ними партийные и комсомольские функционеры.

Так, например, если партийный работник нижнего или среднего звена приходил по партийно-комсомольскому набору в органы безопасности, то получал сразу майорские или подполковничьи погоны и выслугу лет, по числу годов, проведенных им в райкоме или обкоме. В то же время молодые военные или гражданские лица, закончившие высшие и средние учебные заведения КГБ, получали только звания лейтенантов. Им требовалось 12–15 лет, чтобы в возрасте около тридцати пяти лет получить майорские погоны, а уж о звании подполковника или полковника приходилось только мечтать. А их молодые, до тридцати лет, партийно-комсомольские конкуренты, умевшие только говорить с трибун громкие речи и размахивать руками, призывая к движению вперед, к высотам коммунизма, сразу получали фору в должностном и «звездочном» продвижении. Если они оканчивали двухмесячные курсы по своей чекистской специальности, то начинали считать себя профессионалами, получали следующую должность и звездочку на погоны. После этого они еще активнее и злее начинали учить своих коллег и профессии, и политике…

А что же сам Андропов, также пришедший в КГБ по «партийному набору»? Был ли он профессионалом спецслужб или остался только партийным политиком, парторганизатором чекистских масс?

На этот счет есть разные точки зрения, причем диаметрально противоположные. Так, генерал Кеворков, на которого я уже ссылался, утверждает, что Юрий Владимирович отнюдь не был профессионалом спецслужб, а оставался в кресле председателя КГБ лишь политиком. Я не могу согласиться с таким утверждением, тем более что Вячеслав Кеворков в своей книге

много страниц уделяет тому, как Юрий Владимирович тонко и совершенно профессионально учил генерала контрразведки, как надо вести тайный канал связи с Вилли Брандтом, и организовал это дело столь изощренно, словно с юношеских лет только и занимался что разведывательной деятельностью.

Полагаю, что и те генералы КГБ, кто в своих мемуарах отмечает уникальный, высочайший профессионализм разведчика и контрразведчика, организатора электронной и нелегальной разведок и антитеррористической группы «Зенит», упорного, но не жестокого борца с диссидентами Юрия Андропова, впадают в другую крайность. Истина, как и полагается, лежит где-то посредине. Андропов был и оставался в качестве председателя КГБ и члена высшего руководства партии политиком, которому равных в послесталинском Советском Союзе не было. И тот же Андропов, начиная со своих партизанских лет, через будапештские события, секретарство и руководство отделом социалистических стран в ЦК, а затем и деятельность во главе спецслужб, все время учился и самосовершенствовался как профессионал в весьма специфической сфере человеческой деятельности, которую иной раз называют в числе первых древнейших профессий.

Теперь, спустя два десятилетия после его смерти, можно легко подсчитывать его ошибки и как политика, и как профессионала спецслужб. Они стали историей, тесно переплетаются и составляют с ней единую ткань. Но в 70-х и в середине 80-х годов все это было не так очевидно. И виноват в них был не только он один, но и его товарищи по политбюро, члены триумвирата Андропов — Громыко — Устинов, руководители подразделений КГБ, которых он выбрал и которым полностью доверял. Среди этих последних я поставил бы на первое место в качестве главного источника фатальных ошибок Юрия Владимировича начальника его секретариата, а затем внешней разведки, ставшего впоследствии заместителем председателя и председателем КГБ Владимира Александровича Крючкова. Несколько ниже я подробнее поясню эту мысль. А сейчас только напомню оценку бесспорным и обладающим энциклопедическими знаниями и опытом в сфере тайных войн крупнейшим профессионалом спецслужб генералом Судоплатовым деятельности, в частности, простого канцеляриста Крючкова, воздевшего на свои плечи тяжелые погоны генерала армии. Я полностью с ним согласен и пришел к такой же оценке независимо от признанного патриарха советской госбезопасности: «Феномен ГКЧП явился результатом того, что на этапе исторического перелома органы госбезопасности, силовые

структуры возглавлялись людьми, не прошедшими настоящей школы политической деятельности, не приученными принимать самостоятельно ответственные решения. Почти все гэкачеписты, будто специально отобранные Горбачевым на роль опереточных путчистов, пришли на высокие должности из помощников и референтов, из категории аппаратных руководителей. В руководстве КГБ появился Крючков, введенный в политическую игру лично Горбачевым. Возможно, этого требовали обстоятельства».

Добавить к этому можно лишь то, что Крючкова ввел «в политическую игру», как и другого разрушителя Системы — Горбачева, сам Андропов.

Теперь же мне хотелось вспомнить некоторых других персон из состава коллегии КГБ в те времена, когда я работал рядом с Юрием Владимировичем, и хотя бы вкратце высказать те впечатления, которые каждый из них у меня оставил. Я встречал этих людей на заседаниях коллегии КГБ, в приемной и секретариате председателя, на совещаниях и в кинозале, перебрасывался словом в коридорах при встречах.

Все они вместе и каждый по-своему оказывали влияние на Андропова и подвергались воздействию его личности. Сумма этих влияний и сделала Андропова таким, каким он был к концу 70-х годов, — твердокаменным большевиком снаружи и не всегда уверенным в своей правоте либералом глубоко внутри. Повторюсь, но замечу еще раз, что Андропов, по моему мнению, до середины 1977 года был совсем другим человеком и деятелем, после этого рубежа он стал другим…

Первым заместителем председателя КГБ не только по должности, но и по положению в ведомстве был генерал-полковник, затем генерал армии Георгий Карпович Цинев. Цинев слыл большим профессионалом военной контрразведки, еще до Андропова возглавлял в КГБ 3-е управление, занимавшееся контршпионажем и охраной секретов в Вооруженных силах. Он был неглупым и волевым человеком, хорошо понимавшим и охотно показывавшим на людях свое главное достоинство — родственную связь с генеральным секретарем. Но в отношениях с сотрудниками КГБ, даже в генеральских званиях, он был жесток и груб. Его жена была родной сестрой супруги Брежнева. Родственники часто встречались домами. Леонид Ильич со свойственным ему добродушием любил не только свояка, но и его дочь, свою племянницу. Естественно, что зять Цинева, так сказать, племянник генсека по маме своей жены, работавший в ПГУ, очень быстро получил генеральскую звезду.

Цинев был главным «государевым оком» в КГБ, присматривал

за Андроповым и довольно нахально вел себя в присутствии Юрия Владимировича. Он часто, не сообщая об этом председателю, как следовало бы по субординации, заходил к Леониду Ильичу или созванивался с ним по прямому телефону. Было известно, что Цинев стремился «обскакать» председателя КГБ и доложить свояку генсеку какие-либо «жареные факты» раньше, чем это сделает в более достойной форме Андропов. Цинев предлагал Брежневу многие решения и не соглашался с мнением Юрия Владимировича нарочно, в пику председателю. Первый зампред КГБ по военной контрразведке был в весьма близких и дружеских отношениях с министром внутренних дел Щелоковым. Цинев с удовольствием кляузничал своему родственнику на Юрия Владимировича, хотя, что уж там можно было «стучать» на Андропова генсеку, я и представить себе не могу — настолько преданным Леониду Ильичу был Юрий Владимирович. Однако оба раза, когда над головой Юрия Владимировича сгущались тучи — первый раз в 1977 году и во второй раз — в 1982-м, — и когда Андропов был на грани удаления из политбюро, возникали разговоры о причастности воеводы Георгия, верного слуги и ока государева, к опале на «ближнего боярина» Юрия. Во всяком случае, весной 1982 года, когда Андропова перевели на работу в ЦК просто секретарем, но не вторым, как некоторые деятели хотели это представить, место председателя КГБ осталось вакантным всего на несколько часов. Цинев в резкой форме отверг мысль Брежнева и Черненко о назначении Чебрикова, которого предлагал себе в преемники Андропов, и посадил на это место давнего приятеля, тогдашнего председателя КГБ Украины Федорчука.

Я связываю все неприятности, возникшие у Андропова весной 1982 года, именно с тем, что Юрий Владимирович дал в 1981 году команду расследовать по полной программе многие коррупционные дела. Его сближение с Сусловым, возникшее на основе борьбы с коррумпированностью московской верхушки, напугало и Цинева, и московского первого секретаря, члена политбюро Гришина, и Председателя Совета министров старца Тихонова, и насквозь коррумпированного шефа МВД Щелокова, и Черненко, претендовавшего на роль второго секретаря. Суслов был по характеру таким же аскетом, как и Юрий Владимирович, а генсек и его клеврет Цинев не могли простить обоим, Суслову и Андропову, расследование делишек клана Брежнева. Хотя Суслов и выступал иногда покровителем некоторых партийных коррупционеров, вроде Медунова, первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС, но и он, видимо, больше не мог терпеть разложение, грозившее серьезной общественной

компрометацией его идола и кумира — правящей Коммунистической партии Советского Союза.

Я тогда уже не работал у Андропова, но складывающейся ситуацией, естественно, весьма интересовался. До меня доходили сведения из надежных источников, что Федорчук не лучшим образом относился к Андропову и попытался начать с помощью Цинева серьезную чистку КГБ от андроповских кадров. Но они не успели. В ноябре Брежнев умер, а Андропов стал генеральным секретарем. Буквально на следующий день Федорчук вылетел с Лубянки и приземлился на улице Огарева, 6, где находился главный кабинет министра внутренних дел. Он появился в нем вместо Щелокова, который также был снят в одночасье.

В то же утро Виктор Михайлович Чебриков занял кабинет шефа КГБ. Вместе с Федорчуком ушел в МВД, заместителем министра по кадрам, генерал Лежепеков, главный кадровик КГБ. Лежепеков не принадлежал к числу врагов Андропова в ведомстве на Лубянке. Более того, этот внешне довольно мрачный и раздражительный из-за своих желудочных болезней человек явно получил персональное задание от нового генсека Андропова в тандеме с Федорчуком устроить в руководстве органов внутренних дел подлинное побоище кадров, приведенных туда и воспитанных Щелоковым. Федорчук, видимо, хотел реабилитировать себя перед Андроповым за те несколько месяцев, которые он провел на Лубянке. Он и Лежепеков уволили кого за злоупотребление служебным положением, кого якобы по несоответствию занимаемой должности на пенсию, а многих прямо на улицу. Всего пострадало от нового министра и его зама по кадрам несколько десятков тысяч сотрудников органов внутренних дел. Некоторые исследователи даже называют цифру в 200 тысяч человек.

Это было похоже на разгром НКВД, который проводил с сентября 1936 года по ноябрь 1938-го назначенный после Генриха Ягоды наркомом внутренних дел Николай Ежов. Правда, никого не расстреливали. Среди уволенных при генсеке Андропове милиционеров было немало коррумпированных «стражей порядка», однако большинство офицеров внутренних дел честно несли свою службу. И не их вина, а беда в том, что Брежнев шестнадцать лет держал во главе Министерства внутренних дел и ограждал от всякой критики своего приятеля Щелокова, насквозь фальшивого и коррумпированного человека. Как я уже писал выше, надсмотрщик за Андроповым в КГБ Цинев был большим другом Щелокова. Вполне вероятно, что министр внутренних дел поставлял ему какой-то липовый компромат на Андропова, его сторонников в политбюро и руководстве КГБ, полученный или

сконструированный в недрах МВД.

Цинев оказывал, по моему мнению, своим консервативным напором негативное влияние на Андропова. Через него также действовал самым реакционным образом друг его и Леонида Ильича начальник Главного политического управления Министерства обороны генерал армии Епишев. Господь Бог не дал Епишеву ума, а потому начальник Главпура демонстрировал грубость и напористость. Говорили, что именно Епишев, будучи советским послом в Румынии, завел в полный тупик межпартийные и межгосударственные отношения СССР с этой страной, грубо указывая румынскому руководству, что именно ему следует делать, чтобы понравиться Епишеву и политбюро ЦК КПСС.

Вторым, более ласковым по отношению к Андропову, чем Цинев, «глазом» Брежнева в КГБ был генерал-полковник, затем генерал армии Семен Кузьмич Цвигун. Рослый, обширный мужчина, он заметно полысел и пополнел за 70-е годы, когда я регулярно встречал Семена Кузьмича в коридорах и на совещаниях. На губах Цвигуна часто можно было видеть добродушную улыбку, он охотно выполнял личные просьбы своих подчиненных. Семен Кузьмич писал романы о партизанах и консультировал художественные и публицистические фильмы о КГБ под псевдонимом генерал Мишин. В частности, он был главным консультантом создателей замечательного фильма «Семнадцать мгновений весны» и некоторых других лент о чекистах. Он очень помогал съемочным группам в организации их бесперебойной работы. Вся его творческая деятельность создала ему не только широкую литературную славу в узких кругах верхушки КГБ и правления Союза писателей, падкого на связи с высокими кагэбэшными чинами, но и мнение о нем среди читателей как о выдающемся партизане и разведчике Великой Отечественной войны. Эта слава широко культивировалась в окололитературных кругах, а чекисты только посмеивались. Они-то знали, что Семен Кузьмич не имел отношения к партизанским делам во время войны. «Наш писатель!» — беззлобно иронизировали даже те, которые, вроде Героя Советского Союза генерала Прудникова, были настоящими героями-партизанами Великой Отечественной войны и написали об этом интересные книги. Пожалуй, более способным литератором была супруга Цвигуна, женщина исключительной красоты и обаяния. Она публиковала, также под псевдонимом, свои рассказы в журнале «Огонек» и держала великосветский литературный салон.

Семен Кузьмич служил в Молдавии в бытность там первым секретарем ЦК Компартии республики Леонида Ильича Брежнева.

Несмотря на довольно большую разницу в возрасте, они дружили домами. Оттуда, видимо, и идет легенда о том, что Брежнев и Цвигун женаты на сестрах. На самом деле они не родственники. Когда Брежнев стал генсеком, Цвигун уже был председателем КГБ Молдавии. При назначении Андропова шефом Лубянки Брежнев не усомнился в том, что вторым хорошим его наблюдателем в КГБ станет генерал Цвигун. Я думаю, что Семен Кузьмич, в отличие от Цинева, не причинял много вреда Андропову.

В свое время, после того как в конце января 1982 года генерал Цвигун якобы застрелился на заснеженной дорожке у себя на даче, ходило много версий этой трагедии. Особенное внимание досужих комментаторов вызывали те обстоятельства, что генсек Брежнев не подписался под некрологом Семена Кузьмича, а буквально через несколько дней после смерти Цвигуна скончался второй человек в КПСС, главный идеолог и секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов. Сразу же пошли слухи о том, что смерти Цвигуна и Суслова произошли после того, как Семен Кузьмич был приглашен к Суслову и у них вышел крупный разговор. Темой разговора якобы была Галина Брежнева, дочь генсека, и так называемое «бриллиантовое дело», которое как раз в то время начало разворачиваться и принимать очень громкий характер. Суслов, как говорили некоторые, пенял Цвигуну на то, что тот допустил вовлечение дочери генсека в громкое дело. Другие шли дальше и утверждали, что Цвигун вел какое-то собственное расследование крупных коррупционных дел и вышел на Галину Брежневу. «Бриллиантовое дело» висело над ним, ему запрещено было им заниматься, и он из-за этого пустил пулю себе в голову.

Генерал Бобков высказал версию о том, что Семен Кузьмич был болен раком мозга, не операбелен, страдал от сильных болей и в минуту депрессии покончил с собой. Но чистыми фактами является только то, что Семен Кузьмич погиб в январе 1982 года, а Суслов умер в кремлевской больнице «после тяжелой и продолжительной болезни» в феврале того же года.

Я много лет собирал книжные и газетные материалы о 1982 годе, как об одном из определяющих повороты в истории СССР, беседовал с разными политиками, функционерами, дипломатами, работниками спецслужб, журналистами… И только к марту 2003 года, когда подходило к концу редактирование второго варианта рукописи этой книги, анализ всей суммы фактов, версий и высказываний вдруг дал довольно неожиданную гипотезу. Это, разумеется, не истина в конечной инстанции, но кое-какую пищу для размышлений историков она может дать. Вкратце моя версия такова.

В конце 1981 — начале 1982 года экономический и политический кризис советской Системы вызвал острейший пароксизм борьбы за власть в Кремле. Брежнев уже преступил окончательно черту, за которой фатально усиливались его дряхлость, болезни и распад личности. Перед ним и его «днепропетровской мафией» остро встал вопрос о выборе наследника на кремлевский трон, который сохранил бы полную «стабильность» брежневских кадров, то есть неприкосновенность его друзей-коррупционеров, дальнейшее замещение всех ключевых постов в партии и государстве ставленниками черненковско-щелоковской группировки во власти. Андропов по своим деловым и личным качествам, непримиримому отношению к коррупции вообще не вписывался в число наследников Брежнева на посту генсека. Претендентов было навалом из ближнего окружения и Брежнева, и Черненко.

Хотя в конце 1981 года, в связи с некоторым усилением оперативных мероприятий андроповского КГБ против коррупции, и стали распространяться глухие слухи о том, что Андропов якобы бурно включился в борьбу за власть, это было чистейшей дезинформацией, пущенной из черненковско-щелоковского окружения. На самом деле Брежнев в минуты просветления мозгов стал называть кандидатуры лишь двух своих преемников — Черненко и Щербицкого, первого секретаря ЦК Компартии Украины и члена политбюро КПСС и КПУ, поскольку Украина оставалась единственной из республик СССР, где функционировало наряду с московским украинское политбюро. При этом кандидатуру Черненко, такого же старого и больного человека, Брежнев называл явно для того, чтобы «друг Костя» не снижал своих усилий в его поддержку и еще активнее противодействовал в интригах всем врагам генсека.

Андропов для кремлевских старцев был абсолютно неприемлем. Антиандроповские силы стали запускать в общество различные дурацкие слухи. Например, о том, что жена Щелокова Светлана, жившая в том же московском доме на Кутузовском проспекте, что и Андропов, стреляла из дамского пистолетика в председателя КГБ, но промахнулась. На самом деле и Андропов, и Щелоков только были прописаны в этом доме, а жили круглый год на дачах. Андропов — по Рублевскому шоссе, а Щелоков — в Серебряном Бору. Затем пошел слух о том, что якобы на том же Кутузовском проспекте произошла перестрелка между бравым спецназом МВД под командованием генерал-полковника и первого заместителя министра внутренних дел Юрия Чурбанова и охраной-спецназом Андропова. Причина — якобы генсек Брежнев отдал приказ своему зятю Юрию арестовать другого Юрия —

Андропова, но бравые чекисты одолели милиционеров и отбили своего шефа.

Конечно, в этих слухах как-то отражались настроения в кремлевской верхушке против Андропова. Вся брежневская рать была уверена, что Андропов, если только его пропустят к власти, немедленно выгонит их с теплых и насиженных мест. Единственный, кто мог его поддержать, был принципиальный второй секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов. К числу тех членов политбюро, которые наверняка выступили бы в нужный момент за кандидатуру Андропова на высший пост, были, пожалуй, только могущественный министр обороны Устинов и министр иностранных дел Громыко. Но весь этот расклад сил был чисто условным и довольно проблематичным. Андропов явно не числился в фаворитах гонки за первый приз. Западные кремленологи также никогда не включали Андропова в число деятелей, могущих претендовать в КПСС на главный пост в СССР, в силу того что глава спецслужбы был всегда персона нон грата для правящей партийной верхушки.

Полагаю, что эта гонка «с выбыванием», причем физическим, началась в 1978 году. В одной из предыдущих глав я писал о неожиданной и загадочной гибели энергичного, активного, блестящего организатора, секретаря ЦК и члена политбюро Кулакова. У меня зрела тогда версия о том, что Кулаков, вероятно, в тесном кругу своих сторонников проговорился о том, что хочет организовать смещение Брежнева по аналогии с отставкой Хрущева в 1964 году. У него было очень много сторонников в верхушке партии, и в местных партийных органах Кулакова любили. Пожалуй, даже больше, чем Брежнева. Поэтому Кулаков стал крайне опасен для генсека. Он мог пойти на смещение Брежнева, становившегося помехой для развития страны. Кстати, Андропову такой исход дела в тот момент был совершенно невыгоден, и он никак не мог принимать участие в заговоре против Брежнева.

Но генеральный секретарь получил от кого-то очень острую и опасную информацию о настроениях Кулакова. Вполне возможно, что Черненко передал ее Брежневу не только от какого-либо супервысокопоставленного «стукача» из окружения Кулакова, но и от спецслужбы Щелокова, которая наверняка располагала возможностями прослушки и агентурно-оперативной работы не меньшими, чем Лубянка. В итоге того раунда борьбы за власть Кулаков был найден на даче мертвым, с пулей в голове…

…Откроем снова книгу энциклопедиста в делах советских спецслужб, генерала Судоплатова. И что мы читаем?

«Только совсем недавно стало документально известно о

существовании с 30-х годов в недрах политбюро комиссии по судебным вопросам. Репрессивные мероприятия, проводимые спецслужбами, а также нацеленные против самих органов госбезопасности и их номинальных руководителей, направлялись не узкой группой кураторов секретных служб, а всем политбюро. Но последнее слово всегда принадлежало Хозяину — Сталину, Хрущеву, Брежневу, Горбачеву» [15].

Исторический подход к проблеме, высказанный генералом Судоплатовым, который очень хорошо понимал толк в подобных делах, наводит на мысль о том, что в особенно близком окружении Брежнева, например, Константином Устиновичем Черненко и Щелоковым или еще кем-то, но не Андроповым, было принято в конце 1981 года решение, направленное… против Андропова, становившегося опасным для брежневского клана, поскольку КГБ и генеральная прокуратура начали расследовать крупные коррупционные дела.

В рамках заговора против Андропова Цвигун мог получить от Черненко или самого Брежнева такой же намек на физическое устранение Юрия Владимировича, какой Брежнев сделал в 1964 году Семичастному относительно убийства Хрущева. Семен Кузьмич оказался, как и Семичастный, порядочным человеком и, возможно, предупредил об опасности Юрия Владимировича. Эта «измена» хозяину вызвала такой гнев Брежнева и Черненко, что они приказали ликвидировать ослушника. При этом генсек нарушил все партийные приличия и не подписал некролог своего старого друга. Не подписали траурный документ также Суслов и Кириленко. Отсутствие их подписей сигнализировало общественности о том, что хозяин и два следующих за ним партийных босса недовольны покойным и, вполне вероятно, шефом ведомства, где ему позволили так нелепо распорядиться своей жизнью. Разумеется, мнимое или действительное «самоубийство» Цвигуна бросало тень на председателя КГБ. Даже таким подлым образом черненковцы уже начали готовить уход Андропова с Лубянки, где он был пока чрезвычайно могущественным и опасным соперником Щербицкому или промежуточной фигуре — Черненко, которым Брежнев хотел отдать власть.

Совершенно неожиданно в апреле 2003 года я получил косвенное подтверждение гипотезы о не случайной и совершенно не связанной с расследованиями громких дел Андроповым гибели Семена Кузьмича Цвигуна.

За пару недель до Пасхи 2003 года в Москву приехал на побывку из США мой старый приятель, посол Олег Гриневский. Мы с ним в 1949 году поступили в МГИМО и учились на одном

факультете. Олег с блеском окончил это элитарное высшее учебное заведение, благодаря талантам и трудолюбию попал на близкую к Хрущеву дипломатическую орбиту, затем сделал высокую карьеру в МИДе, побывав в кресле заведующего отделом стран Ближнего Востока, членом и руководителем некоторых важных советских делегаций, послом по особым поручениям. Несколько лет Гриневский прослужил чрезвычайным и полномочным послом Российской Федерации в Швеции. Когда он вышел на пенсию, Стэнфордский университет в Калифорнии пригласил его, как известного советского дипломата, в свой Институт проблем войны и мира, избрав его профессором-исследователем.

Только за последние годы Олег издал несколько историко-публицистических книг, среди которых в 2000 году внимание публики привлек его труд «Тайны советской дипломатии». В 2002 году вышла новая книга Гриневского «Сценарий для третьей мировой войны».

Приехав в Москву, Олег позвонил нам, и мы с женой пригласили его в гости. За столом мы обсуждали, среди прочего, разные творческие дела, в том числе и его свежевышедший «Сценарий для третьей мировой войны». Я рассказывал ему о том, как идет редактура этой книги об Андропове, и, поскольку был увлечен только что пришедшей мне на ум новой версией гибели в 1978 году секретаря ЦК Кулакова, поделился с ним некоторыми мыслями из своей версии о существовании в недрах узкой верхушки ЦК КПСС подразделения, которое Судоплатов назвал «комиссией по судебным вопросам» (см. чуть выше).

Гриневский высказал свои сомнения, поспорил, отстаивая в отношении смерти Цвигуна общепринятую точку зрения о связи трагической истории Семена Кузьмича с «бриллиантовым делом» и неприличным поведением в нем Галины Брежневой. Он повторил мне известные версии гибели Цвигуна, происшедшей якобы после крупного разговора первого зампреда КГБ со вторым человеком в СССР — Михаилом Сусловым и последовавшей через три дня загадочной смерти второго секретаря ЦК партии Михаила Андреевича Суслова. Олег рассказал, что его осведомленность о Цвигуне, которую он изложил в «Сценарии…», основана на том, что в то время, когда происходили все эти события, он возглавлял в МИДе ближневосточный отдел. А в этом отделе под его руководством как раз в январе 1982 года работал сын Семена Кузьмича Миша, скромный и трудолюбивый молодой дипломат.

В тот день мы просидели втроем несколько часов, наслаждаясь беседой и обсудив, как говорят дипломаты, «широкий спектр вопросов» — от семейных и культурологических

до международных и внутриполитических. Когда Олег распрощался и уехал домой, я открыл его книгу, чтобы еще раз прочитать страницы с его аргументацией версий гибели Семена Кузьмича Цвигуна, к которому мы с женой относились с большим уважением. Буквально на второй странице главы восьмой книги «Сценарий для третьей мировой войны» я прочитал абзац, который полностью подтверждал мою гипотезу и опровергал все дезинформировавшие общественность слухи о «самоубийстве» Цвигуна. Вот что произошло 19 февраля неподалеку от Москвы, в поселке Калчуга по Рублевскому шоссе:

«Примерно в пять часов вечера сына Цвигуна Михаила, который трудился в отделе стран Ближнего Востока МИДа, срочно вызвали на дачу. Там он обнаружил мертвое тело отца, над которым тщетно трудились врачи. Через несколько часов, как рассказывал М. С. Цвигун, подъехал Ю. В. Андропов. Он был в мрачном расположении духа и только пробормотал загадочную фразу:

— Этого я им никогда не прощу…»

К этому можно добавить еще один реальный факт: Цвигун никак не мог встречаться с Сусловым во второй декаде февраля и крупно поговорить с ним о Галине Брежневой и бриллиантах хотя бы потому, что две недели до своей смерти второй секретарь ЦК находился в зимнем отпуске и пребывал на диспансеризации в Центральной клинической больнице на улице Грановского. Разумеется, во время пребывания в больнице второго человека в партии к нему никакого Цвигуна, да еще с неприятным, волнующим докладом, никогда бы не пустили.

Юрий Владимирович, очевидно, сразу понял, от какого выстрела и почему погиб Семен Кузьмич…

…В недрах КГБ у Брежнева был еще один личный надзиратель за председателями главной спецслужбы страны. Это был старый партийный аппаратчик с Украины генерал Виктор Иванович Алидин. Он пришел в органы госбезопасности в 1951 году и занимал ключевые должности на Лубянке до 1986 года. Во времена Хрущева и Семичастного Алидин был начальником Седьмого управления, ведшего слежку за объектами разработки, так называемое «наружное наблюдение», или, на профессиональном жаргоне, «наружка». Как выходец с Украины, Алидин был близок и к Хрущеву, и к Брежневу. Но его партийная принципиальность не помешала ему принять участие в заговоре против Хрущева в 1964 году, о чем он сам вскользь пишет в своих мемуарах. С удивительным простодушием этот генерал-чекист пишет и о том, что в 1967 году, уже после прихода Андропова в КГБ, Виктор Иванович в обход своего председателя напросился на

прием к старому знакомому Брежневу. Леонид Ильич с удовольствием провел с Алидиным инструктивную беседу, в которой, не называя фамилий, рассказал о своих сложных отношениях с некоторыми членами политбюро. Виктор Иванович, конечно, прекрасно знал, о ком говорит Брежнев. Внял он и призыву генсека, довольно ясно выраженному:

— Виктор Иванович, если что понадобится, звони, приходи ко мне. Всегда помогу, чем могу.

В 1971 году Алидин был назначен начальником Управления КГБ по Москве и Московской области. Московское управление, по сути дела, было по структуре повторением КГБ в миниатюре на просторах Московии. В нем были отделы и внешней разведки, и контрразведки, и «пятой», «седьмой», и других служб комитета. Кладезь его информации был неисчерпаем, тем более что московская парторганизация, то есть вся верхушка СССР, во главе с членом политбюро Гришиным, оперативно «обслуживалась» Московским управлением. А по долгу службы Алидин «дружил» не только с членами коллегии КГБ, но и с членом политбюро Гришиным. По сути, Виктор Иванович был не менее острым «оком государевым» из-за спины Андропова, чем Цинев и Цвигун. Причем не только в Москве и области, но и на всех этажах Лубянки.

К чести Виктора Ивановича следует сказать, что он был и остался верным и надежным союзником Юрия Владимировича в борьбе против коррупции и персонально против Щелокова. Это было особенно ценно, когда в 1981 году Черненко, Гришин, Щелоков и другие близкие к Брежневу деятели ужесточили борьбу за власть и вытеснение Андропова с его мощных позиций. Поддержка Андропова Алидиным сыграла далеко не последнюю роль в противостоянии Юрия Владимировича со Щелоковым, коррумпированными брежневцами и гришинцами.

Еще одним представителем «днепропетровской мафии», как называли приближенных к Брежневу деятелей с берегов Днепра, был Виктор Михайлович Чебриков. Секретаря Днепропетровского обкома КПУ назначили, почти одновременно с Андроповым, на ключевую для всякого генсека должность начальника Управления кадров госбезопасности.

Чебрикова за его манеру говорить редко и осторожно кагэбэшники окрестили «молчуном». Но он был исполнительным и четким работником. Всем на удивление, Виктор Михайлович не стал злым «оком государевым» в КГБ, а занял вполне дружественную и верную позицию по отношению к Андропову. Таким он и оставался все пятнадцать лет председательствования Андропова и еще несколько лет после него, уже шефом Лубянки.

Однако ушлый интриган Крючков подсидел Чебрикова, будучи его заместителем, накляузничав Горбачеву о якобы нелояльности к нему Чебрикова. Дело в том, что не очень расторопный Чебриков признал своим хозяином после смерти Андропова нового генерального секретаря Черненко, хотя тот был тяжело болен и ему оставалось «лежать» у руля государства меньше года. Но дисциплинированный Виктор Михайлович продолжал поставлять Черненко всю полноту информации, собираемой комитетом.

В то же время расторопный первый заместитель председателя КГБ Крючков сделал ставку на растущего демагога и интригана Горбачева. Крючков стал носить второму секретарю ЦК КПСС не весь массив информации, которая иногда бывала и непереваривaема, а лишь самые интересные документы, особенно добытый КГБ из «прослушки», от агентуры и другими оперативными методами компромат на членов политбюро, секретарей ЦК и вообще всех сколько-нибудь значительных деятелей СССР. У помощника Горбачева Болдина целый сейф был набит этим компроматом, который частенько требовал на просмотр Михаил Сергеевич.

Из-за болезней Черненко все более отходил от дел, а Чебриков, как нормальный человек консервативных привычек, не отступал от своей традиции передавать всю информацию в главный кабинет страны. Крючков набирал все больше очков в закулисной схватке с председателем КГБ. Чебрикову почему-то не смог открыть глаза и помочь против двух высоких интриганов другой первый заместитель председателя КГБ, генерал армии Филипп Бобков.

В результате тихой подковерной борьбы злопамятный и мстительный Горбачев, когда был избран после смерти Черненко генеральным секретарем не без помощи Чебрикова, очень быстро снял Виктора Михайловича с его поста на Лубянке и так же, как Брежнев Андропова, сделал «простым» секретарем ЦК. На освободившееся место новый генсек, обожавший подхалимаж, выбрал из двух первых замов председателя КГБ не настоящего профессионала и тонкого политика Филиппа Бобкова, а хитрого и неверного льстеца Владимира Крючкова. Новый шеф Лубянки в конце концов и показал Горбачеву свое истинное лицо, сколотив против него наспех собранную из безвольных политических недоумков, как и он сам, команду ГКЧП. Крючков останется в истории как единственный из всесильных глав спецслужб обладавший неограниченной властью, но не сумевший подготовить и провести примитивный дворцовый переворот…

Я познакомился с этим человеком на одном из закрытых

банкетов в ресторане «Прага» в 1969 году. Он был тогда начальником секретариата Андропова. Но до этого слышал о нем много как о любимом сотруднике Юрия Владимировича еще со времен антикоммунистического восстания в Будапеште. После завершения дипломатической службы в Венгрии Крючков был взят Андроповым в отдел социалистических стран ЦК КПСС и стал первым помощником заведующего отделом, а затем секретаря ЦК КПСС. Когда в 1967 году Андропов пришел на Лубянку, то Крючков снова стал его первым помощником по КГБ. В 1972 году Юрий Владимирович перевел его во внешнюю разведку, ЛГУ, первым заместителем ее начальника, бывшего крупного функционера ЦК Федора Константиновича Мортина. Мортин не был человеком Андропова, не стал он и профессионалом разведки. Он был мягкотел, боялся телефонных звонков с самого «верха», мог невольно повредить председателю КГБ. Он сам знал, что не вполне соответствует своей должности, и чувствовал себя неуютно в кресле начальника ЛГУ. Поэтому Юрий Владимирович и «подсадил» под него Крючкова, чтобы в кратчайший срок сделать своего любимца начальником внешней разведки — одного из двух главных направлений в деятельности КГБ.

По характеру Крючков был совсем другим человеком, чем генерал Федор Мортин, даже своей речью производивший впечатление деревенского простака 30-х годов. Во внешней разведке Мортин был человек случайный и казался беспомощным, особенно после своего предшественника Александра Михайловича Сахаровского. Он также длительное время работал начальником внешней разведки, и я слышал о нем положительные отзывы с юношеских лет. Александр Михайлович сначала тоже не был профессионалом зарубежного шпионажа. Он пришел на свой пост из территориальных органов КГБ в 1956 году. Но руководил Сахаровский советской разведкой пятнадцать долгих и успешных лет — до 1972-го. После 1973 года я иногда заходил побеседовать с ним в его кабинет на седьмом этаже лубянского здания — Александр Михайлович еще долгое время оставался на должности консультанта председателя. Но старый человек, Сахаровский так и не смог преодолеть пагубного влияния на Андропова и деятельность советской разведки со стороны упертого партийного чиновника Крючкова.

Сам Сахаровский в бытность начальником ПГУ не связывал руки активным разведчикам-агентуристам. При нем советская политическая разведка действовала наступательно, проводила много вербовок зарубежных деятелей, завела из числа иностранцев, симпатизирующих СССР, большое число источников

информации и агентов влияния. ПГУ стало считаться чуть ли не сильнейшей разведкой в мире.

Фактический шеф политической разведки с 1972 года, Владимир Александрович Крючков, в противовес Мортину, просидевшему в кресле формального руководителя шпионажа всего два года, был хитер, коварен, искушен в партийных и кагэбэшных интригах, но труслив и непрофессионален даже после десятка лет пребывания на посту главы ПГУ. При нем советская разведка потеряла бойцовские, наступательные качества и превратилась в чиновно-партийную службу. Во время генеральских застолий, на которых он любил присутствовать, Крючков подпаивал своих соседей по столу и провоцировал на негативные высказывания об Андропове, чтобы тут же доложить их шефу. Он любил выделять своих фаворитов и подхалимов, одаривал их должностями, выгодными командировками и наградами не по делам и разуму. К сожалению, он не был творческой личностью, хотя хотел казаться таковой. Он часто ходил в театр, свободно знал трудный для изучения мадьярский язык и любил сообщать каждому новому собеседнику о том, что читает венгерского поэта Шандора Петефи в подлиннике.

Крючков очень заботился о своем здоровье. Так, например, в плавательном бассейне, имевшемся в новом административном и штабном городке ПГУ в Ясеневе, за Московской кольцевой автодорогой, определенные часы рано утром отводились только для Крючкова, и никто не смел входить туда во время разминок начальника. Чтобы вести здоровый образ жизни и ночевать только в чистой загородной атмосфере, Крючков приказал построить поблизости от городка ПГУ специальный дачный поселок для руководителей своего управления. Стоимость круглогодичной аренды этих дач для генералов была смехотворно низкой. Для начальника ПГУ, кроме экологии, было еще одно неоспоримое достоинство такого сожительства: генералы и их жены и в неслужебное время оставались под наблюдением и «прослушкой».

Ветераны разведки, которые составляют ее славу, говорили мне, что Крючков своим приходом в ПГУ развалил внешнюю разведку. Он принес чиновничий аппаратный дух, когда лучше не проявлять инициативу, если она сопряжена с риском. Крючков создал такую атмосферу в спецслужбе, когда разведчик, направляемый на оперативную работу за границу, старался мирно и тихо просидеть за рубежом, набить чемоданы и вернуться домой спокойно, без риска засветиться на острых вербовках или других серьезных делах. Тогда он получал повышение в должности, и его посылали в следующую

заграничную командировку, тоже с повышением. Если он засвечивался в какой-либо острой зарубежной операции, то его безжалостно выгоняли из ПГУ, в лучшем случае «под крышу», где он хотя бы мог применить свои знания иностранного языка. Впрочем, эти мои наблюдения и впечатления касаются только службы легальной разведки, то есть работников, действовавших под прикрытием советских заграничных учреждений и корпунктов за рубежом. Они, вероятно, далеко не полны. Я думаю, что значительно больше критических деталей уже много раз сообщали в книгах многие беглые советские шпионы типа Гордиевского или Лялина.

Как всегда и везде на злачных местах, при Крючкове в ПГУ процветали интриги и доносы. В частности, начальник разведки поощрял обвинения сотрудников отдела по связям с социалистическими странами, которые московские чиновники часто бросали в адрес руководителей представительств КГБ в этих странах. Как только эти опытные разведчики, десятилетиями приобретавшие опыт оперативной работы на других участках, начинали сближаться с руководителями «своих» стран, получать исключительную информацию от «друзей», показывать факты в истинном, критическом для Советского Союза и КПСС свете и оказывать на «друзей» влияние, их немедленно обвиняли в «ополячивании», «омадьяривании», «чехомании» и других неправедных, с точки зрения завистливых пуристов из ПГУ, дружеских чувствах к руководителям и народам этих стран.

По инициативе Крючкова, боявшегося всякого риска, неизбежного в разведке, Андропов всегда вводил мораторий на острые мероприятия ПГУ на время визитов Брежнева в разные страны, во время встреч на высоком уровне в СССР или других государствах, на время крупных конференций, сессий, типа Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки. В то же время «главный противник» КГБ — ЦРУ США — не опускался до таких «мелочей» и работал всегда так активно, как ему было нужно.

Эти привычки партийных функционеров, боящихся «как бы чего не вышло», снижали, разумеется, накал деятельности советской разведки, ее информативную ценность для руководства СССР. Не случайно поэтому в дни каких-либо мировых кризисов, начала локальных войн и восстаний, вспышек национально-освободительных движений и выборов в странах «главного противника» — НАТО информация к председателю КГБ поступала не из ПГУ, а снималась с перехвата лент мировых информационных агентств — Ассошиэйтед Пресс, Ажан Франс Пресс, Рейтер, ДПА и др. Она была быстрой, точной, объективной.

Для этой цели были даже установлены телетайпные аппараты в соседней с приемной председателя комнате на третьем этаже, на каждом из которых круглые сутки выстукивалась на листах информация соответствующих агентств.

Если бы председатель дожидался сообщений ПГУ по экстренным вопросам, то он наверняка терял бы минимум сутки. Ведь резидентам надо было свою информацию получить, зашифровать, оперативно передать, затем, в Москве, расшифровать и, наконец, разметить, в какие руководящие адреса ее пустить. А учитывая, что во времена Крючкова многие руководители зарубежных точек при этом старались так обобщить информацию, чтобы она понравилась Москве, то они явно проигрывали в скорости, точности и объективности…

По своим политическим воззрениям Крючков был скорее «ястребом», чем «голубем». Именно с «ястребиных» позиций он подавал информацию разведки Андропову. Так, практически Крючков втянул страну в афганскую авантюру. Если в марте 1979 года Андропов решительно выступал против ввода советских войск в Афганистан и призывал решать споры между халькистами и парчамистами — двумя крыльями революционной партии — миром, то уже к концу того же года, под влиянием разведывательной информации, окраску которой придавал Крючков, он склонился в сторону «ястребов» на политбюро.

Однако не буду повторять эту историю, поскольку более подробно описал ее в предыдущей главе — «Тайная дипломатия Андропова».

Второй главной линией деятельности КГБ была контрразведка, то есть борьба с иностранными шпионами. Поэтому 2-е Главное управление, занимавшееся такого рода деятельностью, было одним из крупнейших подразделений Лубянки как по численности состава, так и по влиянию на другие управления, которые обслуживали в основном его. Элита КГБ из внешней разведки называла своих коллег и конкурентов из контрразведки «костоломами». Командовал 2-м главком генерал Григорий Федорович Григоренко. Он был выходцем из ПГУ и служил во время венгерских событий 1956 года в представительстве КГБ при МВД ВНР. Но, став начальником контрразведки, довольно негативно относился к своим бывшим коллегам по ПГУ. Он явно недолюбливал Крючкова и конкурировал с ним за внимание Юрия Владимировича. Коренастый, крепкий, с пронзительным взглядом темных глаз и крепкими челюстями бульдога, Григоренко по характеру был напорист, жесток, агрессивен и до конца старался раскрутить любое дело, которое попадало в его руки. Но не всегда ему это

удавалось по не зависящим от него причинам.

Г. Ф. Григоренко пользовался особым благоволением Андропова, поскольку Юрий Владимирович видел его в деле во время событий в Будапеште. Но мне казалось, что ВГУ, хотя и работает с большим напряжением, достигает не очень заметных результатов. Может быть, я не имел достаточной информации и мое впечатление происходило из того, что 2-й главк отличался особой конспирацией, но я слышал только об одном действительно крупном шпионском деле, раскрученном самим ВГУ. Мой друг Конрад Смирнов рассказывал мне еще до того, как я пришел на работу к Юрию Владимировичу, о том, что внутри Комитета государственной безопасности был разоблачен молодой иностранный нелегал. Он сумел проникнуть в аппарат КГБ по контракту, пройдя множество сит. Его легенда и документы были безупречны, он получил одну из низших должностей для вольнонаемных сотрудников и звание прапорщика. Но даже и в таком мелком качестве иностранный шпион получал много совершенно секретной информации и имел неплохие перспективы для роста. Надо сказать, что с советских времен главной целью контршпионажа в СССР всегда было разоблачение шпионов-нелегалов. Но происходили такие разоблачения настоящих нелегалов в основном во время Великой Отечественной войны и несколько лет после нее.

Я не спрашивал позже у Юрия Владимировича подтверждения тому факту, который мне стал известен ранее, памятуя, что шеф указал мне не совать нос в комитетские дела. Но другой аналогичный случай разворачивался уже при мне. Столько времени, сколько я работал на Лубянке, то есть около шести лет, 2-й главк, другие оперативные и территориальные управления вроде «семерки» (наружное наблюдение), Оперативно-техническое управление, Московское и Ленинградское управления, в тесном контакте со службами Министерства внутренних дел, искали какого-то нелегала. Следы его были размытые, почти невидимые, как симпатические чернила на двух-трех открытках, посланных им в свой Центр и перехваченных на границе. Поиски этого шпиона, о котором не было даже известно, чей он, с полной интенсивностью продолжались много лет.

Выявлению этого нелегала был посвящен даже специальный пункт повестки дня одного из заседаний коллегии КГБ. Юрий Владимирович очень сердился, требовал интенсифицировать поиски, обязал все службы объединиться для решения этого вопроса, но прямого результата получено не было. Может быть, я не компетентен в этом вопросе и проблема давно решена. В

спецслужбах иногда бывает и так, что нелегала ловят, пытаются перевербовать и затеять с противником оперативную игру, если он идет на сотрудничество. Если отказывается, то его тихо, без саморекламы, убирают. Такие угрозы были, например, в адрес советских нелегалов Мартыновых, семью которых арестовали аргентинские контрразведчики. Чтобы заставить их говорить, следователи обещали «подвергнуть пытке их детей на глазах родителей, а затем и их самих». Советскому нелегалу аргентинцы неоднократно заявляли, что, если он будет продолжать упорствовать, они «изувечат их детей, а затем и самих родителей и обезображенные трупы выбросят на помойку». В конце девятимесячного пребывания в аргентинской тюрьме Мартыновы увидели, что даже американцы начали опасаться того, что советских нелегалов просто убьют и ЦРУ потеряет добычу. После переговоров американцев с аргентинским правительством Мартыновых в июле 1972 года отпустили в США. А затем семья нелегалов с двумя маленькими детьми сумела бежать в советское посольство в Вашингтоне…

Что же их ожидало на Родине? Да чисто сталинско-бериевская партийная встреча. Разведкой, в том числе нелегальной, уже фактически руководил Крючков, а шефом КГБ был Андропов. Для начала Мартыновых изолировали на специальной даче и несколько месяцев строго допрашивали, выжимая из них признание, что они хотели стать невозвращенцами на Западе и поэтому якобы засветились. Партком ПГУ и Крючков фактически выбросили бывших нелегалов с какой бы то ни было работы в столице, лишив их профессии переводчиков, которой они владели в совершенстве. Жестокость их коллег по внешней разведке и руководства ПГУ в отношении Мартыновых просто поражает. Были нарушены все их человеческие права. Никто в КГБ не собирался их реабилитировать.

Только спустя много лет, самостоятельно проанализировав обстоятельства своего провала, семья нелегалов пришла к выводу, что они были преданы каким-то «кротом» западных спецслужб в центральном аппарате советской разведки. Но эта элементарная мысль, которая на сто процентов подтвердилась в 1985 году, когда британская разведка прямо из-под носа Крючкова вывезла за границу своего давнего и суперуспешного «крота» в Ясеневе Гордиевского, привела в священную ярость все руководство КГБ, а также большую часть партийной организации управления «С», которое вело нелегальные операции. Вместо того чтобы спокойно проанализировать все обстоятельства провала, найти его источник, тем более что Мартыновы прямо указывали на

предательство, их еще раз сурово наказали. Коллеги исключили супругов на партийном собрании из партии. Главе семьи и руководителю нелегальной ячейки Мартынову сохранили только половину пенсии, которая ему полагалась по закону. Но главный беззаконный акт, на который пошел Крючков и его люди, докладывавшие всю историю Мартыновых председателю и под которым подписался и сам Андропов, по ходатайству ПГУ и его парторганизации, был вопиюще аморален. Семью дважды преданных нелегалов бессудно выслали из Москвы в маленький провинциальный городок, где иностранцам бывать было запрещено.

Когда Гордиевский был в 1985 году разоблачен, Мартыновы по многим признакам поняли, что именно он их предал, и обратились в КГБ с заявлением о реабилитации. Но холодные головы руководящих чекистов в Ясеневе не посетили запоздалые мысли о восстановлении справедливости, а в пламенные сердца не проникло сочувствие к людям, которым чистые руки на Лубянке подписывали репрессирующие приказы. Даже после 1985 года Мартыновым пришлось долго бороться и глотать унижения от старых соратников, чтобы хоть в чем-то получить реабилитацию [16].

Здесь я хотел бы воспользоваться случаем и рассказать неискушенному читателю о разных категориях разведчиков, которые действуют внутри страны и за ее рубежами. Нелегал среди них — это высший класс. Кандидатов на нелегальную работу в чужих странах долго и тщательно отбирают. Исследуют при этом здоровье, устойчивость психики, таланты к языкам, реакцию на различные ситуации и многое, многое другое. Затем нелегалу готовят легенду, то есть придумывают биографию, снабжают под эту биографию подлинными или слегка скорректированными документами стран, где ему предстоит работать, дают несколько профессий, которые позволят ему как специалисту проникнуть в те организации и службы, где он сможет получить наиболее полную информацию, интересующую Центр. Затем, через много ступеней, а возможно, и стран его вводят в те круги, где он может начинать работать.

Классическими примерами нелегалов являются Рихард Зорге, Вильям Генрихович Фишер, известный всему миру как Рудольф Абель, и Конон Трофимович Молодый, послуживший прообразом героя замечательного фильма «Мертвый сезон». Но если обратиться к судьбе даже этих известных бойцов нелегальной разведки, имевших несчастье «засветиться» и с большим трудом возвратившихся на Родину, то она имеет вполне общую негативную черту. Настроение их успешных коллег,

формировавшееся парткомами и руководителями разведки, сводилось к недоверию, отстранению от оперативной работы, ограничениям в любой деятельности, связанной с иностранными делами.

Хотя нелегальная разведка является святая святых любой спецслужбы и ее деятельность покрыта непроницаемой тайной, за последние годы в России вышло несколько книг, принадлежащих перу высоких профессионалов в этой области. Это, например, записки начальника нелегальной разведки генерала Юрия Ивановича Дроздова «Вымысел исключен». О своей многолетней практической работе на поприще нелегальной разведки рассказал Владимир Мартынов в книге «Явка в Копенгагене».

Специалисты считают, что в Советском Союзе нелегальная разведка находилась на исключительно высоком уровне. Об этом свидетельствует также большой массив литературы по этой теме, появившийся в последнее десятилетие на русском языке. Издано много книг и о советской контрразведке. Это не только историческая публицистика или мемуары. Есть среди них много томов и художественной литературы, сюжеты которых построены на вполне конкретных контрразведывательных операциях.

Об одном из самых громких дел такого рода я узнал, можно сказать, из самого главного источника — от Юрия Владимировича. Однажды он вызвал меня и протянул рукопись средней толщины.

— Прочитай до завтрашнего утра и напиши мне коротко твое мнение об этом произведении… — распорядился он. Потом добавил: — Мы раскрутили одно шпионское дело — работника МИДа Огородника, дали кое-какие материалы из него Юлиану Семенову, ты знаешь его, и он быстро написал об этом книгу. Речь идет о том, нужно ли его поправлять или можно рукопись передавать прямо в издательство…

Возвращаясь в свой кабинет, я припомнил, что Юлиан как-то рассказывал мне, что был одним из тех молодых писателей, кто встречался время от времени с самим Юрием Владимировичем, пользовался поддержкой его и многих генералов КГБ, в том числе и Бобкова. Он получал для своего творчества многие, недоступные другим литераторам, подлинные архивные дела ВЧК, НКВД и КГБ. Писал он быстро и интересно. Я не пропускал ни одного его романа и считал Юлиана чрезвычайно одаренной и яркой личностью. Тут же я погрузился в чтение. Оно было увлекательно, тем более что и до меня доносились отголоски этого дела. Я закончил читать роман Юлиана Семенова «ТАСС уполномочен заявить…» буквально к концу моего рабочего дня.

Новая «нетленка» Юлиана, как называли в среде журналистов

и публицистов удачные сочинения, мне очень понравилась, и я с удовольствием изложил свои впечатления на бумаге, рекомендовав рукопись к немедленному изданию. Андропов, как оказалось на следующее утро, уже успел и сам прочитать новое произведение Юлиана Семенова. Оно ему также очень понравилось. Может быть, именно тогда у него родилась мысль создать в КГБ для саморекламы и пропаганды достижений спецслужбы через средства массовой информации особое подразделение, так называемое пресс-бюро. Оно было очень быстро создано, и в его задачи входили связь с авторами, которые могли бы своими произведениями пропагандировать успехи КГБ, а также информирование общественности через прессу о конкретных операциях разведки и контрразведки, с которых специально для этого снимался гриф «совершенно секретно». Но таким близким к КГБ авторам, как Юлиан Семенов, и некоторым писателям, бывшим сотрудникам спецслужб, секретные архивные материалы давались и до создания пресс-бюро.

Семенов, разумеется, не мог использовать в романе «ТАСС уполномочен заявить…» весь объем оперативной информации, который получил от Юрия Владимировича. В частности, он изменил некоторые фамилии героев и факты их деятельности. Так, например, он не пустил в ход версию, согласно которой чекисты, пришедшие арестовывать шпиона, вовсе не по недосмотру, а вполне сознательно, по приказу свыше, дали ему покончить жизнь самоубийством. Произошло это потому, что Огородник ухаживал за дочерью одного очень высокопоставленного партийного деятеля и уже стал фактически ее помолвленным женихом. Его очень полюбила мама невесты. Оглашение имени этого деятеля на следствии или судебном процессе могло вызвать эффект разорвавшейся бомбы, сопоставимый с падением генерала Серова из-за связи с Пеньковским.

В то же время этот деятель, которому очень тактично разъяснил ситуацию Юрий Владимирович, получил, таким образом, косвенную поддержку от КГБ и должен был впоследствии оставаться вечно благодарным Андропову и всячески его поддерживать.

Дело Огородника стало одним из самых громких в череде разоблачений иностранных агентов в СССР. На КГБ пролился в связи с этим дождь наград. В приемной Андропова я однажды стал свидетелем почти базарной ссоры между двумя генералами, занимавшимися этим делом. Начальник ВГУ Григоренко ругался с начальником Московского управления КГБ генералом Алидиным. Поводом для ссоры стало завышенное мнение

каждого из них о собственной первостепенной роли в разоблачении американского шпиона. Они спорили о том, кто из них первым разоблачил Огородника и должен получить за инициативу его поимки орден Ленина.

«Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно», — как сказал поэт. Ведь на самом деле никто из них не был первым. Исходный сигнал о том, что американский шпион работает в важном подразделении Министерства иностранных дел СССР, пришел от одного из агентов разведок братских социалистических стран. Он был немедленно передан во 2-й главк генералу Боярову. Зная нравы начальства на Лубянке, я не уверен, что, повесив ордена на грудь генералам и офицерам КГБ за поимку опасного шпиона, первоисточнику информации сказали хотя бы спасибо…

…Андропов был назначен председателем КГБ, когда хрущевская «оттепель» уже тихо скончалась. Да и в тот период в советском обществе происходило такое, что никак не назовешь «весной социализма». Очень мало кто знал, что при демократизаторе Хрущеве и по его приказам армия и органы безопасности стреляли из пушек и стрелкового оружия по людям, выражавшим недовольство, в Тбилиси (1956), Темир-Тау (1959), Новочеркасске (1962) и в других местах. Весьма умеренные «инакомыслящие» получали при предшественниках Андропова, Шелепине и Семичастном, до десяти и даже до пятнадцати лет заключения! В том числе и студенческие группы. При этом такие суды проходили в сугубо секретном порядке, дабы «оттаивающая» общественность не стала возмущаться и протестовать. Так, при начале «оттепели» в 1957 году было сразу три закрытых процесса над группами диссидентов — Льва Краснопевцева (Москва), Револьта Пименова (Ленинград), Виктора Трофимова (Ленинград). В 1958 году осудили Сергея Пирогова (Москва), Михаила Молоствова (Ленинград). В 1960 году подошла очередь Александра Гинзбурга (Москва), в 1961-м — Владимира Осипова (Москва) и Левко Лукьяненко (Львов). В 1962 году были осуждены Виктор Балашов (Москва), Юрий Машков (Москва), в 1964-м — Николай Драгош (Одесса)… Все обвинительные документы по этим делам и оперативную подготовку осуществлял главк контрразведки КГБ.

Сразу после своего прихода на Лубянку в 1967 году Андропов стал инициатором создания управления, которое могло бы в полном объеме, но более деликатно заниматься «сопровождением» идеологической работы партии. Это подразделение сконцентрировало в себе и острые вопросы культуры, в том числе такие, какие, казалось бы, были весьма

далеки от интересов секретной службы, — музыка и живопись. Родоначальником послевоенных репрессий и борьбы с музыкантами, которые не отвечали понятиям Сталина и серых партийных аппаратчиков о музыке, были сам вождь и Жданов. Они яростно громили современное им искусство Дмитрия Шостаковича, Арама Хачатуряна и даже соплеменника Сталина Вано Мурадели, как «сумбур вместо музыки».

В 50-х годах роль ниспровергателя современного искусства взял на себя Никита Хрущев. Будучи абсолютно некомпетентным в вопросах живописи и скульптуры, глава партии и государства повел себя на печально знаменитой выставке в Манеже как примитивный громила и хулиган. Он посетил 20 декабря 1962 года выставку всех художественных направлений как раз в День чекиста. На втором этаже Манежа располагалась экспозиция нонконформистов. Здесь Хрущев разбушевался. Он срывал со стен полотна советских художников-модернистов и бросал их на пол, валил скульптуры… Затем в гневе начал горячий спор со скульптором Эрнстом Неизвестным. Сам Эрнст рассказывал своим почитателям, в том числе и мне, собравшимся в его мастерской в переулке рядом со Сретенкой, об этой беседе. В бурном диалоге Хрущев и Неизвестный матерно лаяли друг друга. Если для первого секретаря ЦК КПСС такая манера выражать свое недовольство была нормой, то скульптору Неизвестному потребовалось мужество разъяснять главе Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства словами ненормативной лексики уровень его представлений об искусстве. Но Эрнст служил в десантных войсках, был отчаянно храбр и необычайно силен физически из-за постоянной тяжелой работы с бронзой и камнем. Ростом он был невысок, крепок, как дубовый кряж. От него исходила огромная сила, которую теперь бы назвали экстрасенсорной энергетикой.

Эта беседа велась в студии Неизвестного спустя несколько лет после выставки в Манеже, но его глаза, когда он поминал тот случай, горели желтым огнем атакующей пантеры. Эрнст вспомнил, как в конце разговора, при всей холуйской свите Хрущева, он от души послал Никиту к известной матери, но не к кузькиной, к которой любил направлять своих врагов Никита Хрущев во время зарубежных вояжей. Как ни странно, но Эрнста за публичное оскорбление его величества первого секретаря не посадили в тюрьму. Хрущев уважал сильных противников…

Андропов выбрал в руководители 5-го управления, как стало называться это подразделение КГБ по борьбе с так называемыми «идеологическими диверсиями», одного из самых крепких профессионалов советских спецслужб за все время их

существования, умнейшего и энергичнейшего Филиппа Денисовича Бобкова. Я уверен, что он был истинным сторонником либерализации деятельности КГБ, ограничения вмешательства в литературу, театр и другие сферы культуры. Многие факты показывают, что Бобков активно положительно влиял на этом направлении на Юрия Владимировича.

Генерал Бобков еще до прихода Юрия Владимировича на Лубянку служил в контрразведке и имел товарищеские отношения со многими деятелями культуры и искусства. Я думаю, что если бы не Бобков возглавлял 5-е управление, то советские руководители, включая Андропова, наделали бы значительно больше ошибок, чем их было, и погубили бы не сотни, а многие тысячи творческих людей.

Мало кто знает, что именно работники КГБ, по долгу службы надзиравшие за толпой в Манеже, после разнузданной экскурсии первого секретаря по выставке собирали разбросанные им картины, рисунки и скульптуры, возвращая их авторам после немедленного закрытия раздела современного искусства. Но Эрнста Неизвестного с Никитой Хрущевым примирила только смерть персонального пенсионера, бывшего главой КПСС и СССР. По просьбе родственников Хрущева, имевших значительно более прогрессивные взгляды, чем старый партиец Никита, гениальный Эрнст создал надгробный памятник своему ругателю на Новодевичьем кладбище в Москве.

Мне посчастливилось, хоть и не очень близко, быть знакомым с Эрнстом Неизвестным и бывать в его мастерской, находившейся в полуразрушенном доме в переулках возле старой московской улицы Сретенка. После посещений Эрнста и бесед с ним за рюмкой водки я не то чтобы перешел на позиции модернизма в искусстве, но стал больше уважать его творцов. Появились у меня и друзья среди художников-неформалов.

В бытность мою на Лубянке произошло почти аналогичное хрущевской эскападе в Манеже событие в московском художественном мире. Тогда группа художников-модернистов устроила в московском пригородном парке Беляево выставку своих картин. Позже она получила название «Бульдозерной» оттого, что в разгар выставки появилась колонна бульдозеров и стала сносить экспозицию, ровняя ее с землей. Художники, защищая свои творения собственными телами, могли погибнуть под ножами бульдозеров. Среди художественной общественности и интеллигенции Советского Союза сразу пошли слухи, что бульдозеры были посланы андроповским 5-м управлением.

На самом же деле оказалось, что и в этой истории самую пагубную роль сыграл вовсе не КГБ, сотрудники которого по

приказу Бобкова бросились спасать из-под бульдозеров художников и их произведения, а московское партийное руководство. Приказ об атаке бульдозеров на полотна и их авторов дал первый секретарь Новочеремушкинского райкома КПСС Б. Чаплин. Он сделал это с санкции своего патрона — первого секретаря Московского горкома партии, члена политбюро Гришина, который после смерти Брежнева числился несколько часов кандидатом на роль генерального секретаря ЦК КПСС. Не знаю, была ли в атаке бульдозеров на художников-нонконформистов интрига: Гришин мог просчитать, что разгром выставки будет приписан КГБ и это нанесет удар по престижу его председателя. В любом случае при закрытости деятельности КГБ от общественности так оно и оказалось. На Западе поднялся скандал. Андропов получил булавочный укол от своего соперника.

Что же касается отношения самого Андропова к художникам-нонконформистам, то не буду поддерживать слухи о том, что он якобы коллекционировал полотна модернистов. Но о его вкусах могу привести достаточно выразительный факт. У меня среди художников-неформалов, которые объединились в клуб вокруг выставочных залов авангардистской живописи на Малой Грузинской улице в Москве, был старый друг живописец Володя Афонин. Кстати, именно по настойчивым просьбам 5-го управления КГБ при полной поддержке Юрия Владимировича, который ради этого специально побеседовал с Гришиным и Демичевым, тогдашним министром культуры и кандидатом в члены политбюро, московские власти разрешили открытие и существование этого салона. В него сразу же устремились иностранцы, которые до этого скупали полотна авангардистов нелегально, за большие деньги и независимо от их качества — ведь запретный плод сладок. Теперь они получили возможность легально изучать стили неформалов и выбирать себе картины без спешки и ужаса быть накрытыми КГБ на месте «преступления»…

За месяц до шестидесятилетия Юрия Владимировича, 15 июня 1974 года, Володя подарил мне на мой день рождения, 20 мая, свою картину. Это было полотно сантиметров шестьдесят на девяносто, на котором в технике пуантилизма, то есть сочетанием точек разных цветов, был изображен зимний пейзаж. Центром композиции служил знаменитый архитектурный памятник Карелии — церковь в Кижах. Мельчайшие точечные мазки в сине-голубой гамме лежали на холсте так, что казалось, будто метель мягко укрывает шедевр мировой архитектуры. В багетной мастерской Союза художников мне сделали подходящую картине строгую раму, белого багета с тонкой золотой полоской,

«отбивавшей» бело-синий-голубой пейзаж от дерева.

Андропов сначала очень рассердился, когда я в его день рождения принес ему в подарок эту картину. Юрий Владимирович совершенно не терпел подношений, и я знал это. Но я просчитал, что самый знаменитый памятник старины Карелии, где в годы Великой Отечественной войны Андропов возглавлял партизанское движение, несколько ослабит его гнев. К моему большому удовольствию, картина Володи Афонина ему понравилась. Я рассказал шефу о том, что Володя является одним из лидеров нонконформистов. Юрий Владимирович принял этот подарок. Однако, по своему обыкновению, он не унес его домой, как это сделали бы 999 из 1000 его подчиненных. Он распорядился повесить картину Володи в комнате отдыха, где стояли его кровать для дневного сна и парикмахерское кресло. Позже он говорил мне, что этот карельский пейзаж удивительно умиротворяюще действует на него…

Значительную часть работы 5-го управления занимала борьба с диссидентами. И хотя инакомыслящих не прибавилось значительно по сравнению с хрущевскими временами, когда по политическим мотивам было репрессировано, по моим подсчетам, около двух тысяч человек и впервые открылись психиатрические лечебницы для принудительного заключения в них здоровых людей, не согласных с советской властью, в КГБ появился значительный штат офицеров, занимавшихся только вопросами диссентства. Помимо отдела студенческой и неорганизованной молодежи, который наблюдал за хиппи, панками и начинавшими появляться советскими фашистами, отдела по работе с творческой интеллигенцией, куда входила вся агентура в Союзах писателей, художников, композиторов, архитекторов и подобных профсоюзов, групкомов и прочих, был сформирован специальный отдел, который вел борьбу с известными инакомыслящими, такими как академик Сахаров, его жена Елена Боннер, писатель Солженицын, и другими литераторами, учеными, имевшими собственную авторитетную точку зрения на развитие гражданских прав и свобод в Советском Союзе, отличную от взглядов ЦК КПСС и его политбюро. Это было позорно для страны, рекламировавшей свою «социалистическую демократию».

За диссидентами так плотно следили, что знали, например, в какой сугроб в Рязани прятал Солженицын свои рукописи, чтобы «бесконтактно» передать их через западных корреспондентов в Москве на Запад. Велось грубое прослушивание всех телефонных разговоров диссидентов не только друг с другом, но и отслеживались все их абоненты и устанавливались дальнейшие

связи знакомых…

Вместе с тем, имея довольно широкие взгляды на мир, Юрий Владимирович слишком упрощал проблему инакомыслия в Советском Союзе. Он не хотел видеть в ней тягу людей к свободе, борьбу против полнейшей регламентации жизни в советском казарменном коммунизме. Несколько раз, и не только с глазу на глаз со мной, но и публично, он заявлял, что если бы государство могло обеспечить население колбасой, то в стране не существовало бы никаких диссидентов. Будучи материалистом-ленинцем, он переводил таким образом вопрос из сферы духовной в плоскость желудочно-кишечного тракта. При этом он почему-то не учитывал, что, когда в годы хрущевской «оттепели» было значительно больше колбасы в магазинах, чем в 70-х годах, появились сотни инакомыслящих. А во время работы Юрия Владимировича в КГБ и участия в заседаниях политбюро, когда из окрестных областных городов вокруг Москвы в столицу выезжали на автобусах и электричках десятки тысяч людей за колбасой и сливочным маслом, которые еще можно было найти в центральных московских магазинах, в стране насчитывалось не более сотни известных диссидентов.

Однажды беседуя с Юрием Владимировичем о материалах очередного заседания политбюро, я рассказал ему свежий, только что услышанный мной анекдот об инакомыслящих. В шутке говорилось о том, что общественность делит население на три категории: «досиденты», «сиденты» и «отсиденты». Юрий Владимирович терпеть не мог анекдоты вообще, а антисоветские в особенности. Он наморщился от «новинки» как от зубной боли. Потом принялся в который раз объяснять мне, что диссиденты особенно опасны сейчас, когда страна испытывает большие материальные трудности. А открытость информации и упразднение цензуры для населения будут возможны через две-три пятилетки, когда у людей повысится культура отношений, самодисциплина и придет материальное благополучие.

Впрочем, тогда проблему инакомыслия я воспринимал несколько отстраненно, как и множество советских людей, зомбированных коммунистической пропагандой. Я верил тому, что писалось в советской прессе и говорилось в КГБ о Сахарове, Щаранском, Солженицыне. Читал с интересом подготовленную Управлением «А» (дезинформация) и выпущенную издательством АПН по его заданию и под именем чешского публициста Ржезача книгу «Спираль измены Солженицына». Пожалуй, только бури гласности в конце 80-х годов и передачи радиостанции «Свобода» серьезно подорвали мои идеологические устои. Подлинные факты о Ленине, Сталине, Дзержинском, Хрущеве и других партийных

вождях, подлинные, а не фальсифицированные, тенденциозно отредактированные и сокращенные документы из архивов по истории тоталитарного государства, развеяли мои иллюзии, которые относились, в частности, и к Андропову, и к Горбачеву. Особенно стыдно мне было видеть на экране телевизора, как Горбачев, ведший заседание Съезда народных депутатов СССР, грубо прервал выступавшего с его трибуны замечательного гуманиста и ученого Андрея Дмитриевича Сахарова. И как ужасно было думать о том, что это хамство Горбачева могло стать столь сильным потрясением для Сахарова, что у великого гражданина и правозащитника буквально на следующий день после окрика Горбачева остановилось сердце…

Кстати, в ПБ Андропов и Брежнев ставили вопрос о возможной поездке академика Андрея Дмитриевича Сахарова в Норвегию для получения им Нобелевской премии мира за 1975 год, присужденной ему Нобелевским комитетом в Осло. Юрий Владимирович и 5-е управление не боялись того, что великий ученый и общественный деятель останется в эмиграции на Западе. Но эксперты министра обороны Устинова этого не допустили. Они заявили о том, что гениальный мозг ученого, создавшего первую водородную бомбу, может быть, в политической борьбе с Системой чуть утративший научную остроту, способен в свободных условиях придумать еще нечто такое, что перевернет все понятия о современном оружии. Вполне возможно, что так и было бы, если б Сахаров освободился от бесчеловечного, всеподавляющего тоталитаризма.

Времена после «оттепели» постепенно менялись. О гражданском обществе в СССР мечтали только самые светлые умы. И возможно, что снижение числа репрессированных или высланных из страны инакомыслящих объясняется тем, что в бытность Андропова на Лубянке старались меньше сажать людей. Но не из-за роста либеральных идей в самих карательных органах, а чтобы не раздражать Запад крайне негативным положением с правами человека в СССР. Бобков, а с его подачи и Андропов, старались провести с новыми и новыми бунтарями для начала так называемые профилактические беседы. Многие, боясь грядущих репрессий, на таких беседах «ломались», и тем самым число упорных и открытых критиков советской Системы росло не очень быстро, но все-таки росло. Колбасы становилось все меньше и меньше, а членов политбюро, требующих более строго наказывать за диссидентские мысли, — все больше. Андропову, чтобы не демонстрировать Западу лицо сурового полицейского государства, приходилось апеллировать к Брежневу как к руководителю, не заинтересованному в славе сатрапа, чтобы

саботировать выполнение самых жестких указаний политбюро о борьбе с инакомыслием. «Добренький» Брежнев тоже не хотел оставаться в истории злым тираном. Он поддерживал Андропова и КГБ в деятельности по некоторому сокращению числа преследовавшихся за инакомыслие…

При Андропове начали обостряться и национальные проблемы в СССР. Опять-таки первым послесталинским деятелем, который подлил масла в огонь национальных отношений в Советском Союзе и КПСС, был родоначальник «оттепели» Никита Хрущев. Он произнес на XX съезде КПСС свой знаменитый доклад о культе личности Сталина, а затем на пленуме ЦК приоткрыл кое-какие факты о масштабах сталинских репрессий, назвав их исполнителей и вдохновителей из числа членов сталинского политбюро и президиума партии. Естественно, он забыл назвать себя в числе инициаторов чисток, особенно массовых под его руководством на Украине. Хрущев догадывался, что украинский народ никогда не простит ему сотен тысяч загубленных жизней. Именно поэтому он заискивал перед украинцами, вставлял в свою речь украинские словечки, носил вышитые украинские рубашки, незаконно «подарил» Украине Крым и совершил множество других благоглупостей и преступлений.

Но самое трагичное, что он сделал, была мина замедленного действия, заложенная им в межнациональные отношения на всем поле СССР.

Однажды Хрущев прибыл в Киев для участия в работе Пленума ЦК Компартии Украины. По этому случаю собрали несколько тысяч человек — ведь Никита так любил помпезность и торжественное многословие. Как всегда во время словопрений, Хрущев прерывал ораторов, шутил, грубил, грозил пальцем… Когда один из местных партийных деятелей начал свое выступление по-русски, Хрущев грубо прервал его:

— Разве вы не знаете украинского языка? Ведь работаете вы на Украине!

Сама постановка вопроса была правомерна. Руководящие кадры в национальных республиках должны были или владеть основным местным языком, или хотя бы стремиться к этому. Но решать проблему следовало бы не в такой грубой и хулиганско-ультимативной форме.

Реплика Хрущева в Киеве нашла отклик не только в сердцах украинских националистов, тайно боровшихся за «незалежность Украйны», но и дала сигнал всем партийным комитетам, которые существовали в национальных республиках, всем так называемым национальным кадрам: не рекомендуется говорить на языке межнационального общения, каким был в Советском Союзе

русский язык, а переходить надо на язык господствующей в республике нации. Так, в Грузии, Армении и некоторых других республиках СССР посыпались требования отменить русский язык как государственный. Более того, в Грузии, например, решили сделать государственным только грузинский язык, а в автономных республиках Грузии — Абхазии, Аджарии, Южной Осетии — запретить официально общаться не только на русском языке, но и на языках этих малых народов.

Хрущев пошел еще дальше. Он изменил порядок изучения языков в школе. До его новации в средних школах союзных республик изучали два языка. В качестве государственных выступали русский язык, как язык межнационального общения в СССР, и местный язык, которым не всегда владело даже большинство коренного населения республики. Хрущев потребовал сделать в школах основным язык коренной национальности, а русский язык преподавать факультативно, то есть только по желанию родителей. Тем самым он противопоставил язык межнационального общения языкам крупных народов, входящих в СССР, а национальные культуры общесоюзным культурным отношениям.

Первыми откликнулись партийные руководители республик СССР. Они стали тайно поддерживать националистические движения, изгонять или принижать русские кадры. А ведь эти кадры во многих национальных республиках, бывших еще недавно на уровне феодализма, принесли им знания и на основе русского языка возможности выхода в мировую культуру и науку.

Что же делал ржавый паровоз, стоящий на Старой площади в Москве? Он шипел, пускал пары и свистел в поддержку своего импульсивного и непредсказуемого машиниста — первого секретаря ЦК КПСС, но ничего не предпринимал против националистических проявлений в партии и государстве. Видимо, именно во времена Хрущева начался все расширяющийся паралич в организме правящей партии. Он продолжался и при Брежневе. В докладах и речах высших руководителей КПСС звучали соловьиные трели о морально-политическом единстве советского народа, о великой дружбе народов и взаимообогащении культур.

В то же время конкретные факты межнациональной розни и ущемления прав малых народов не находили осуждения в ЦК КПСС. Местные партийные князья чувствовали себя в полной безнаказанности. Из-за этого к концу 60-х годов обострились и продолжали усугубляться проблемы армяно-азербайджанских отношений, немцев Поволжья, турок-месхетинцев, крымских татар, евреев, желающих уехать на постоянное жительство в Израиль.

К сожалению, Андропов, хорошо знавший всю опасность положения, не сумел добиться от ЦК КПСС, Суслова, Брежнева и политбюро в целом принятия внятных и хотя бы ограниченных первоначальных решений национальных проблем. Ему активно мешали и местные партийные князьки, которые дешевым националистическим популизмом желали укрепить свою власть в республиках. Так, например, в рамках партийных и государственных решений о реабилитации целых сосланных при Сталине малых народов, под давлением Москвы, Украина согласилась принимать в Крым двести — триста семей крымских татар. Руководители совхозов и колхозов Крыма радовались тому, что получили приток трудолюбивой и квалифицированной, непьющей рабочей силы.

Но тут партийное руководство Украины приняло ни с кем не согласованное решение: через Керченский пролив крымских татар снова стали насильно вывозить в Краснодарский край РСФСР. Начавшийся рост доверия к власти после встречи Андропова с представительной делегацией крымских татар было подорвано партаппаратчиками Украины. Экстремистские лидеры крымских татар вновь обратились за помощью к Западу.

Другая проблема возникла с большой группой немцев, так называемых немцев Поволжья. На Волге, в регионах нынешней Саратовской и Волгоградской областей, до войны существовала их автономная республика. После начала наступления Гитлера на СССР 22 июня 1941 года Сталин приказал всех русских немцев, в том числе и из таких городов, как Москва и Ленинград, силой переселить в Казахстан и Сибирь. Но после войны, когда были восстановлены права многих народов, выселенных с мест постоянного проживания, — чечено-ингушей, карачаевцев и других, — этнические немцы почему-то были исключены из списка пострадавших от произвола. Тем не менее многие немцы, но не те, которые жили до войны в Поволжье, а городские жители больших городов, в явочном порядке вернулись к своим прежним очагам. Однако в Казахстане оставалось еще более миллиона немцев Поволжья, которые даже не учитывались советской статистикой как национальная группа на территории Казахстана и Алтайского края. Вопрос об автономии немцев в Поволжье так и не решался, как не решен он и до сих пор. Главная часть вины за это лежит на тупоголовых партийных руководителях как в ЦК КПСС, так и Волгоградской, Саратовской областей и Казахстана. Так, партийный босс Казахской союзной республики Кунаев, личный друг Брежнева, всячески саботировал принятие решения о возвращении немцев Поволжья на Волгу. Кунаев боялся, что с отъездом миллиона немцев Казахстан лишится на целине самых

трудолюбивых работников. А партийные руководители в Саратовской и Волгоградской областях не хотели отдать хотя бы часть земли старательным немцам-хлеборобам потому, что тогда в условиях соревнования с местными колхозами и совхозами всем станет очевидна слабая организация, низкая культура труда и быта того населения, которое распространилось на земли бывшей республики немцев Поволжья и не хотело чуть потесниться ради восстановления справедливости в отношении репрессированных людей. Более того, партийные боссы и советские начальники даже подстрекали местных жителей против желавших возвратиться в родные места русских немцев, используя приемы чуть ли не антифашистской спецпропаганды военных времен.

Такая недальновидная позиция советских руководителей привела к тому, что среди немцев поднялись массовые требования о выезде из СССР в ФРГ и ГДР. Теперь вопрос был поднят на международный уровень, а национальная политика правящей партии в Советском Союзе сводилась к постоянным повторам заявлений о «морально-политическом единстве советского народа» и «расцвете наций при социализме». В КПСС перестала существовать политика в отношении наций и народностей в том виде, в котором должна была проводиться, то есть при анализе реальной ситуации, принятии принципиальных решений, предвосхищающих негативные проявления. Ее разрушили Хрущев, Брежнев и политбюро. Когда Андропов писал записки в ЦК КПСС, в которых предлагались кардинальные решения для проведения в рамках национальной политики конкретных мер в пользу репрессированных народов, предотвращения массовых отрицательных явлений, «добряк» Брежнев, его верный слуга Черненко и друзья-маразматики в политбюро, партийные бонзы на местах игнорировали предложения Андропова и КГБ. Так политическим карликам было легче жить.

Вместо принятия решений Центральный комитет мариновал аналитические записки КГБ по национальным проблемам и требовал от спецслужб усиления карательных мер против наиболее острых националистических проявлений и недовольных людей в национальных республиках. В этом было не только отсутствие политики, но и банальная партийная интрига. Многие в ЦК КПСС очень хотели компрометации Андропова, превращения его из политика в жандарма, спихивая на КГБ решение тех проблем, которые повседневно рождали сами.

К еще более страшным последствиям — политическому терроризму на националистической почве с многочисленными и кровавыми жертвами — привела «куриная слепота» ЦК КПСС и

ЦК Компартии Армении, не желавших видеть в упор подрывную деятельность экстремистов из подпольной во времена СССР партии дашнакцутюн. В 1977 году в Москве произошли события, которые на двадцать с лишним лет предвосхитили действия чеченских взрывников-террористов: были подорваны три взрывных устройства. Два из них — на Никольской улице, тогда улице 25-го Октября, и в магазине на площади Воровского. Третий фугас бандиты взорвали в метро между станциями «Измайловская» и «Первомайская».

От рук террористов погибло 29 человек, было множество раненых. КГБ начал следствие, и следователям удалось восстановить по осколкам металла емкость, в которой было заключено одно из взрывных устройств. Это была гусятница. Начался активный поиск взрывников по металлическим осколкам взорвавшегося предмета. В результате весьма трудоемкой работы следователи предположили, что может готовиться еще одна такая акция. Они не ошиблись, через несколько месяцев на Курском вокзале было обнаружено точно такое же взрывное устройство, но оно еще не сработало. Немедленно были разысканы и опрошены пассажиры, которые могли видеть преступников. Такие люди нашлись. Они вспомнили владельцев сумки со взрывным устройством и сделали их словесные портреты. Сразу возникло предположение, что террористы были армянами, и их поиски начались прежде всего в Армении.

Разыскники получили команду встречать в Ереване все самолеты и поезда, прибывавшие из Москвы. В первом же московском поезде, пришедшем на вокзал армянской столицы, оказались двое, вполне соответствовавшие приметам, определенным с помощью свидетелей на Курском вокзале. Они были задержаны и оказались жителями Армении Степаняном и Багдасаряном. Возглавлял эту группу, готовил их к теракту и благословил на массовое убийство ни в чем не повинных людей некто Затикян. Все трое были членами нелегальной националистической партии, которая сделала своей целью борьбу против Москвы и русских. Злобные преступники решили мстить народу, который так много помогал Армении в ее борьбе против Турции, спасал армян от турецкой резни, способствовал созданию Армянской Республики в составе СССР…

Террористы были полностью изобличены. У Затикяна на чердаке нашли точно такую же гусятницу, которую чекисты восстановили из осколков после теракта в московском метро. Были предъявлены и другие вещественные доказательства, собраны свидетели. Надо было начинать судебный процесс над преступниками. Но тут-то ржавый паровоз КПСС на Старой

площади показал свою полную недееспособность. Андропов считал, что террористов должны судить сами армяне, в Ереване. Тогда процесс мог бы хоть что-то исправить в националистических искривлениях в Армении и способствовать развитию дружбы армянского и русского народов.

Первый секретарь ЦК Компартии Армении Демирчан категорически отказался от суда над преступниками в Ереване. Брежнев и ЦК КПСС полностью приняли сторону Демирчана и решили проводить процесс в Москве. Мнение Андропова проигнорировали, никаких принципиальных выводов и решений в связи с националистическим терактом в ЦК КПСС политбюро принято не было.

Не было никаких выводов и тогда, когда Демирчан запретил республиканским газетам Армении публиковать сообщение о кровавом теракте в Москве и суде над националистическими бандитами. О судебном процессе над Затикяном, Степаняном и Багдасаряном был снят документальный фильм. Демирчан и ЦК республиканской Компартии запретили его демонстрацию на экранах Армении. После этого националистические настроения в республике стали нарастать. Следуя примеру армянских националистов и в результате полного отсутствия национальной политики, которую должен был проводить Центральный комитет КПСС, в других республиках Закавказья стали поднимать голову национал-экстремисты.

В итоге все это привело спустя несколько лет к кровавым трагедиям в Карабахе, Сумгаите, Баку, войне в Абхазии, Южной Осетии…

Андропов яснее других деятелей партии видел опасность разгула национализма на территории СССР. Но в официальных речах и выступлениях перед избирателями, в различные торжественные даты он, как и все деятели КПСС, благостно талдычил о морально-политическом единстве советского народа, о нерушимой дружбе народов СССР. Только тогда, когда он стал генеральным секретарем ЦК КПСС, Юрий Владимирович в своем первом публичном выступлении в качестве первого лица партии и государства в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1982 года, в докладе о 60-летии СССР, осмелился сказать несколько конкретных слов по национальному вопросу. Да и сам повод для его доклада — 60 лет существования многонационального Союза Советских Социалистических Республик — требовал от нового генсека здравого взгляда на «…основные итоги осуществления в нашей стране ленинской национальной политики», требовал наметить «…задачи, которые предстоит решать в этой области на этапе развитого социализма».

Что же сказал Андропов в своем докладе? Начал он во здравие, а кончил все-таки за упокой.

«Каковы же наиболее значительные итоги нашего развития? — вопрошал с трибуны КДС генсек ЦК КПСС и отвечал: — Вместе с социальными антагонизмами ушли в прошлое национальная рознь, все виды расового и национального неравноправия и угнетения».

Докладчик должен был понимать, что этот тезис — сплошная фантазия.

«Убедительно показано, что руководящей, направляющей силой в социалистическом решении национального вопроса, гарантом правильности этого решения является Коммунистическая партия, ее научно обоснованная политика».

Докладчик точно знает, что в действительности у правящей Коммунистической партии нет не только научно обоснованной политики по национальным проблемам, но вообще никакой.

«Исчезли отсталые национальные окраины, в которых зачастую преобладали еще феодально-патриархальные и даже родовые отношения…»

Докладчик только-только сам начал жестокую борьбу в республиках Средней Азии, Кавказа, в обкомах и крайкомах КПСС с насквозь коррумпированными феодально-патриархально-коммунистическими верхушками и кланами.

«Полноправными советскими гражданами являются и миллионы немцев, поляков, корейцев, курдов, представителей других национальностей, для которых Советский Союз давно стал родиной…»

Но докладчик-то знает из своего пятнадцатилетнего опыта председательствования в КГБ, что все, о чем он говорит, — это ложь! В реальной жизни все выглядит совершенно наоборот. В союзных республиках унижается и дискриминируется русское население и малые народы, не относящиеся этнически к титульной нации. Ведь он сам подписывал записки об этом в ЦК КПСС, когда был председателем КГБ.

В Чечне и Ингушетии физически вырезаются русские. В Грузии, под прикрытием партбосса и бывшего чекиста — шефа МВД Шеварднадзе, изгоняются и подавляются турки-месхетинцы и греки, унижаются абхазы, осетины и аджарцы. В Крыму преследуются украинскими властями крымские татары. Немцы Поволжья, полностью разочарованные «ленинской национальной политикой партии», требуют восстановления своей автономии, не получают ее и стремятся покинуть Советский Союз, который «давно стал им Родиной», жаждут переселиться в капиталистическую страну-«мачеху» — ФРГ. Армяне хотят

захватить у Азербайджана Нагорный Карабах, азербайджанцы угнетают в своей республике армян…

Все это Андропов даже и не комментирует. Весьма сдержанно он лишь призывает: «Успехи в решении национального вопроса отнюдь не означают, что исчезли все проблемы, которые порождает сам факт жизни и труда в рамках единого государства множества наций и народностей… Жизнь показывает, что экономический и культурный прогресс всех наций и народностей сопровождается неизбежным ростом их национального сознания. Это — закономерный, объективный процесс. Важно, однако, чтобы естественная гордость за достигнутые успехи не превращалась в национальную кичливость или зазнайство, не порождала тенденции к обособленности, неуважительного отношения к другим нациям и народностям. А такого рода негативные явления еще встречаются. И было бы неправильно объяснять это только пережитками прошлого. Их питают порой и наши собственные просчеты в работе. Здесь, товарищи, нет мелочей. Здесь важно все — и отношение к языку, и к памятникам прошлого, и то, как мы преобразуем села и города, воздействуем на условия труда и жизни людей…» [17]

Приводя эту цитату, можно утвердительно сказать, что новый генсек был вынужден признать рукотворное происхождение роста национализма и экстремизма. Но, увы, только этого признания было теперь недостаточно. Жизнь уже настолько бушует тайфунами и ураганами партийной лжи, национализма и коррупции, что ржавый паровоз ЦК КПСС почти пригнало к пропасти, в которую рухнул весь бронепоезд коммунизма.

Справедливость требует сказать, что не только Андропов был озабочен национальной проблемой. По-своему ее предлагал решить и антагонист председателя КГБ министр внутренних дел Щелоков.

Я припоминаю характерную сцену. В простом белом конверте пришла как-то из общего отдела ЦК записка министра внутренних дел, члена ЦК КПСС Николая Анисимовича Щелокова. В ней шеф органов внутренних дел предлагал провести паспортную реформу. В числе прочих мер он считал одной из главных целесообразность изъятия из общегражданских паспортов СССР пункта, в котором фиксировалась этническая национальность гражданина. На трех-четырех страницах излагалась аргументация в пользу мнения министра.

Я прочитал эту записку и обработал ее, то есть выделил главное подчеркиванием самых важных строчек красным карандашом. Поскольку на документе стоял штампик «срочно», я немедленно отнес его Юрию Владимировичу. Услышав, что это

записка Щелокова, Андропов чуть не вырвал ее у меня из рук и немедленно прочитал. Почему-то он сильно возмутился постановкой вопроса. А может быть, само имя его злейшего врага — министра внутренних дел — подействовало на него как красная тряпка на быка. Иногда у него вспыхивали эмоции. Вероятно, его взрывчатость в узком кругу, а в широком он был всегда сдержан, происходила от множества южных кровей, которые текли в его жилах.

Он даже не стал тратить время на извлечение из стола листа чистой бумаги. Сильно нажимая на перо, Юрий Владимирович написал поверх конверта свое резко отрицательное мнение к предложению Щелокова. Там было пять кратких и четких тезисов, почему сейчас мы еще не созрели для такой реформы. К сожалению, я не могу привести их на память, а искать документ с автографом Андропова в «особых папках» политбюро мне, обычному пенсионеру, никто не позволит. Может быть, какой-нибудь историк в будущие времена найдет в партийном архиве контрзаписку Юрия Владимировича Андропова. Ведь тогда я немедленно отдал в перепечатку этот исторический документ, принес его на подпись шефу и отправил в общий отдел ЦК Черненко. Теперь я очень сожалею, что, когда уходил от Юрия Владимировича на другую работу, не утащил этот конверт-черновик в свой личный архив. Такая возможность была — ведь конверт нигде не был зарегистрирован. Теперь я был бы обладателем бесценного автографа…

И еще одна национально-интернациональная проблема остро стояла в те времена в Советском Союзе. Ее по указаниям из ЦК КПСС также пытался решать Андропов с помощью 5-го управления КГБ. Это было массовое желание многих еврейских семей воссоединиться после ужасов Второй мировой войны. Сотни тысяч людей, прежде всего выходцев из Прибалтийских республик, Западной Украины, Белоруссии, Молдавии, были оторваны от своих близких, пройдя через немецкие и венгерские концлагеря и депортации. Много евреев хотело эмигрировать из Советского Союза под влиянием сталинского антисемитизма, проявившегося в репрессиях против Еврейского антифашистского комитета, тайном убийстве великого артиста Михоэлса и репрессиях против деятелей советской медицины и еврейской культуры. С конца 40-х до начала 70-х годов проблема все обострялась. Память о «деле врачей» и борьбе с космополитизмом, возбуждавшей бытовой антисемитизм среди широких слоев населения Советского Союза, негативное отношение властей к еврейским культурным ценностям, выражавшееся в запрете на изучение иврита, закрытии центров

еврейской культуры, а также ограничении в приеме на работу в такие организации, как КГБ, МИД, ЦК КПСС, МВТ и некоторые другие, порождали у многих евреев желание покинуть СССР и перебраться на историческую родину.

Я не собираюсь вдаваться в историю этого деликатного вопроса. Скажу лишь то, что мне известно о позиции Андропова. Несмотря на крайне негативную, я бы сказал, даже антисемитскую позицию большинства членов политбюро и секретариата ЦК в вопросах эмиграции евреев из Советского Союза, Андропов решительно высказывался за воссоединение семей. Брежнев поддерживал позицию Андропова, хотя его ближайшее окружение — Черненко, Цинев и Щербицкий — и политбюро Компартии Украины, многие деятели из Министерства обороны, особенно ГлавПУРа, придерживались прямо противоположной точки зрения. Они аргументировали свою позицию тем, что необходимо охранять государственные и военные секреты страны, а эмиграция будет способствовать массовой утечке секретов и «мозгов» секретоносителей.

Чиновники в союзных республиках, партийные и государственные, также всячески препятствовали выезду евреев. Председатель КГБ Украины Федорчук, на которого сильное влияние оказывали Щербицкий и Г. К. Цинев, прислал в Москву даже записку, в которой предлагал резко сократить выезд из СССР лиц еврейской национальности, а прочих не выпускать вообще. Только в самом конце 60-х годов Андропову удалось добиться разрешения на воссоединение нескольких тысяч семей. К 1974 году вопрос в целом был решен положительно. Но сразу посыпались мелкие проблемы, связанные с ним. Начался торг с американцами почти за каждую семью, кого-то из «отказников» надо было выпускать, если американские или европейские высокопоставленные визитеры ехали с государственными визитами в СССР или советские лидеры отправлялись в официальные поездки на Запад.

Но как выражался один современный деятель: «процесс пошел…» И слава богу, что Андропову и КГБ удалось выдержать атаки противников как со стороны Старой площади или других учреждений извне Лубянки, так и внутри ее и не дать разгореться антисемитизму в Советском Союзе из-за массовой эмиграции евреев. Еврейская эмиграция прокладывала между тем дорогу к свободному выезду для всех граждан СССР.

Завершая тему «Андропов и КГБ», хотел бы отметить энергию и настойчивость, с которыми Юрий Владимирович развивал службы электронной разведки, шифровального дела и взламывания чужих шифров и кодов. На этом перспективном

направлении работали сотни выдающихся ученых — математиков, физиков, материаловедов и др. Среди них были кандидаты и доктора наук, действительные члены и члены-корреспонденты Академии наук. Многие из них становились лауреатами Ленинской и Государственных премий, естественно, по совершенно секретным представлениям, подписанным Андроповым.

Кремль, разведка и контрразведка, внешнеполитические ведомства СССР получали ценнейшую информацию благодаря творчеству этих людей.

Борец с коррупцией

Одной из волн, которая вынесла Юрия Владимировича Андропова в главный кабинет страны на Старой площади, была принципиальная борьба председателя КГБ с раковой опухолью коррупции, поразившей Систему, особенно верхушку КПСС и государственного аппарата СССР. Брежнев и политбюро не давали Андропову и КГБ ударить по национализму, разъедавшему Союз Советских Социалистических Республик и Систему. Юрию Владимировичу оставалось только сконцентрировать силы комитета и оставшихся порядочными людей в органах партийной и государственной власти, в народе — для борьбы с другой тяжелейшей болезнью Советского государства, которая тесно переплетается с национализмом, — коррупцией. Я полагаю, что эти смертельные для общества болезни — ложь, национализм и коррупция — в конце концов стали тремя источниками и тремя составными частями гибели Системы, которые и обрушили великую державу. Они бурно развивались в брежневские времена, особенно коррупция. К сожалению, нынешняя Россия стоит на тех же трех китах, что и прошлая номенклатурная Система, — на лжи, коррупции и национализме. Поэтому у меня складывается весьма пессимистический прогноз будущего нашей страны.

Конечно, и до Брежнева в те годы, когда страной правили Сталин, а затем и Хрущев, многие партийные и государственные бонзы в центре и партийные князьки на местах не отличались чистотой нравов. Мы уже узнали о грязных руках заместителя Сталина, главы СМЕРШ генерала Абакумова, первого председателя КГБ при СМ СССР Серова и его генералов-холуев, маршала Жукова и его генералов-мародеров. В стране с нищим населением номенклатурные привилегии — «авоськи», столовые, заказы, ателье, поликлиники, машины и дачи — были официальными взятками от Системы тем, кто должен был поддерживать ее, работать ради ее сохранения, оберегать и защищать от врагов внутренних и внешних. Однако какая-то управа на казнокрадов, взяточников и воров иногда имела место. Но начиная с хрущевских времен, когда партийные и государственные чиновники почувствовали безнаказанность, они стали потихоньку погрязать в коррупции, мздоимстве и кумовстве: ведь вся советская Система была построена по принципу: «ты мне, я тебе». Особенно быстро процесс коррупции стал развиваться в союзных республиках.

Я не побоюсь сказать, что Андропов вошел в отечественную историю как один из трех правителей России, который жестко

боролся с коррупцией. Петр Великий, Иосиф Сталин и Юрий Андропов стоят в одном ряду первых борцов со взяточничеством, казнокрадством, использованием служебного положения для личного обогащения. К сожалению, ни Петр, ни Сталин, ни Андропов, лишь приступавшие к благородному делу, — не могли выкорчевать это зло в России хотя бы частично.

Еще в конце сталинского периода в СССР начинала действовать теневая экономика. Она базировалась на коррупции и паразитировала на казарменной, госплановской экономике. С ней пытались бороться, но Система партийного лицемерия и закрытости общества приводила к тому, что, когда у дракона теневого бизнеса отрубали одну голову, у него отрастали две новые. При Хрущеве стали вырастать взамен одной сразу три головы. А сколько их плодилось при «добреньком» Брежневе?

Времена общественного и экономического хрущевского сумбурного и бесплодного волюнтаризма, брежневского застоя, в которых страна жила с 1954 по 1982 год, когда генеральным секретарем КПСС стал Андропов, стали периодом особенно бурного расцвета коррупции и взяточничества. При этом почти вся партийная и государственная элита была крайне заинтересована в «кадровой стабильности», которую насаждали Брежнев и его ближайшие соратники. Поэтому растущее число фактов коррупции всячески скрывалось. То есть включался источник краха Системы, которым была ложь. Брежнев покрывал коррупционеров до своих последних дней и никому не давал наводить порядок в партии и стране.

Андропов в аппаратной среде был настоящей белой вороной. Он сам был кристальной чистоты человек, и у него долгие годы, пока его руки были связаны Брежневым и кремлевскими карликами из политбюро, копилась буквально пламенная ненависть к коррупционерам. Владея, благодаря КГБ, почти полной информацией о казнокрадах и взяточниках в особо крупных размерах, Юрий Владимирович смог осторожно приступить к чистке фасада Системы лишь тогда, когда в его руках сконцентрировалось достаточно власти, то есть к самому началу 80-х годов. Но тогда, когда Андропов еще был председателем КГБ и лишь чуть-чуть затронул верхний слой взяточников и воров, близких к клану Брежнева, он едва не вылетел из обоймы политбюро. К счастью для страны, он лишился лишь поста председателя КГБ и занял второстепенный пост секретаря ЦК. Я думаю, что только спустя три-четыре месяца после избрания секретарем ЦК ему удалось стать в партии вторым человеком и уже тогда начать борьбу с коррупцией на самом верху. Реально это произошло незадолго до смерти

Брежнева. Андропов смог удержаться в седле и не вылететь из политбюро и ЦК только благодаря мощнейшей поддержке его друга, министра обороны и члена политбюро Дмитрия Федоровича Устинова. Министр обороны СССР, как и Андропов, оставался все десятилетия, которые провел во власти, честнейшим и порядочнейшим человеком. Надо отдать должное и Константину Устиновичу Черненко. Хотя он и боролся за первенство с Юрием Владимировичем, лично он был не очень коррумпированным человеком и отнюдь не поддерживал жуликов типа Щелокова.

У Дмитрия Федоровича Устинова был другой страшный грех перед страной и народом. Как руководитель он сформировался в жестокие сталинские времена и по своим политическим воззрениям и отношению к Западу был настоящим «ястребом». Устинов увлеченно разорял страну, вел ее экономику к краху с помощью Андропова и Громыко, поддаваясь резонам той гонки вооружений, которую целеустремленно навязывали Советскому Союзу Америка и НАТО. Он тратил на оружие и расширение армии, на авантюры по поддержке пестрых национально-освободительных движений и диктаторских режимов, которые на словах объявляли себя социалистами и марксистами, миллиарды рублей в год, а один доллар тогда стоил шестьдесят копеек. Но лично себе Дмитрий Федорович не взял и ломаного гроша. Андропова и Устинова, видимо, объединяла не только взаимная поддержка во власти, но и абсолютная честность. Они оба тогда противостояли Семье, как на современный манер можно было бы назвать коррумпированный клан родственников и ближайших друзей тогдашнего главы государства — Брежнева.

Примеры взяточничества, казнокрадства и спекуляции членов Семьи генсека теперь широко известны. Можно только назвать несколько новых ярких криминальных эпизодов, причем из жизни и других генсеков. К ним надо прибавить еще такое национальное явление, которое в России развивается со времен Ивана Грозного, как щедрость подарков за казенный счет. В кремлевских музеях выставлены дары иноземных государей русским царям — столовое серебро, позолоченные и золотые произведения искусства, которым нет цены. Российские великие князья и самодержцы, в свою очередь, через своих чрезвычайных послов и посольства, также не ударяли в грязь лицом, посылая в виде даров королям и другим монархам связки соболей и другой драгоценной пушнины, серебряную и золотую столовую посуду, богато украшенное золотом и самоцветами оружие…

Однако эпоха щедрости за счет казны в принципе почти во всех европейских государствах закончилась в XIX веке. Везде

были приняты законы, ограничивающие стоимость подарков, которые государственный деятель имеет право оставить в своем личном владении. Все, что дарится стоимостью выше лимита, сдается в казну. Лимит этот в цивилизованных странах составляет обычно небольшую сумму, в пределах пятидесяти долларов. Такой порядок был установлен и в Советском Союзе. Однако он начал нарушаться уже во времена Хрущева. Так, например, «дорогой Никита Сергеевич» во время своего государственного визита в Швецию в 1964 году получил в подарок от фирмы «Хассельблад», производящей одни из самых дорогих в мире комплектов фотокамер под пленку широкого формата, шесть на шесть сантиметров, набор ее произведений — сменные фотокамеры, фотообъективы и различные принадлежности, упакованные в специальный кожаный кейс-футляр.

Качество фотоаппаратуры «Хассельблада» настолько эксклюзивно, что американские астронавты работали в космосе только ею. Широко использовалась она учеными и высокооплачиваемыми рекламными фотографами, для которых была орудием производства. В самых дорогих фотомагазинах Стокгольма, где ее можно было приобрести, комплект «Хассельблада», состоящий из двух камер, трех-четырех сменных кассет для широкоформатной фотопленки, пистолетной рукоятки, спусковых тросиков и трех-четырех объективов, стоил в те годы примерно столько же, сколько автомобиль не из дешевых — «бьюик» или «мерседес». Хрущев нарушил закон и не сдал этот подарок в фонд государства. Думаю, что, изгнанный в том же 1964 году своими партийными соратниками на пенсию, Хрущев, имея на руках такую прекрасную дорогую игрушку, совсем не случайно увлекся фотографией…

Полной противоположностью Хрущева и Брежнева были Косыгин, Суслов, Андропов, Устинов. Когда Косыгину в Соединенных Штатах Америки подарили автомобиль «кадиллак», то он отправил его на Горьковский автозавод для того, чтобы советские автомобилестроители могли его разобрать и поучиться у американских коллег уму-разуму.

В этой связи в мои журналистские времена рассказывали забавную историю.

В опытном цеху Горьковского автомобильного завода определили сначала на испытательном стенде мощность двигателя дареного «кадиллака». Она достигала у семилитрового V-образного мотора с восемью цилиндрами 345 лошадиных сил. Затем двигатель разобрали, сделали его полный чертеж и по этому чертежу изготовили один к одному новый двигатель. Тщательно собрали его, поставили на стенд и пытались завести.

Двигатель не заводился. После этого собрали родной двигатель «кадиллака» и завели его. Но как его ни вертели, ни регулировали, больше 150 лошадиных сил снять с него не могли. Опытные механики, призванные с авиазавода решить эту загадку, сказали, что даже простая сборка требует жесткого выполнения технологических условий, заключающихся, в частности, в том, с каким усилием следует заворачивать ту или иную гайку, на сколько витков ввертывать тот или иной болт или шпильку. Мощность двигателя автомобиля зависит от точного соблюдения технологии производства и квалификации рабочей силы…

С автомобилями, которые дарились Брежневу главами государств, к которым он приезжал с визитами, таких курьезов не происходило, ибо они оставались в личной собственности генерального секретаря. В московском правительственном гараже особого назначения (ГОН) за государственный счет стояли и обслуживались собственные авто Леонида Ильича. Ко времени его кончины их число составляло ровно десять уникальных экземпляров. После смерти генсека его дети и внуки получили из этого числа в наследство четыре автомобиля дорогого представительского класса. Они стали пользоваться этими машинами без уплаты какого-либо налога и платы за аренду места для стоянки и обслуживания в правительственном гараже особого назначения. Остальные шесть машин поделили по-братски Управление делами ЦК КПСС и 9-е управление КГБ, которому и принадлежал ГОН…

Сам Леонид Ильич больше всего любил «мерседес», подаренный ему в Западной Германии канцлером Вилли Брандтом в 1973 году. Он чудом не разбился на нем еще в день вручения этого подарка. Неожиданно для хозяев и специалистов, объяснявших высокому гостю — любителю бешеной скорости назначение приборов, кнопок и рычажков на торпедо, Брежнев уселся за руль, дал газ и помчался по крутой горной дороге, идущей к Рейну с горы Петерсберг, где была его резиденция. Его остановили только две полицейские машины охраны, стоявшие внизу и перегородившие путь на оживленную трассу.

В другой раз он едва не погиб, когда на скорости свыше ста сорока километров в час за рулем помчался из Москвы по Ленинградскому шоссе на этом же «мерседесе» на охоту в Завидово. Его водитель, который сидел рядом с ним, увидел вдруг, что траектория движения автомобиля отклоняется от середины дороги, специально расчищенной для генсека от прочих автомашин службами «девятки» и ГАИ. Опытный шофер сумел чуть вывернуть руль в руках безответственного автолюбителя и вывести машину из неизбежного столкновения со столбом. Когда

генсек осознал происшедшее, то извинился. Оказалось, Брежнев просто задумался и на мгновение отключился от дороги. Тогда он еще был способен задумываться…

Как писал в своей книге воспоминаний начальник охраны Леонида Ильича генерал Вадим Медведев, пагубная страсть к дорогим подаркам стала развиваться у генсека с 1974 года. Если до этого он обожал дорогие ружья и автомобили, приносимые в дар главами государств во время обмена визитами, то постепенно совесть руководителя КПСС и социалистического государства стала засыпать, как иногда и его сознание. Он полюбил драгоценные «сувениры», которые стал получать от партийных соратников-подчиненных в союзных республиках, типа золотого перстня с самоцветом или самовара из чистого золота. Эта бесконтрольность, коррупция стали в увеличивающейся прогрессии разлагающе действовать и на его семью, и на подхалимов, занимавших посты первых секретарей республиканских и краевых, областных партийных организаций, других коррумпированных деятелей вроде министра внутренних дел Щелокова.

…После Октябрьского переворота 1917 года было создано Государственное хранилище золота и драгоценностей — Гохран. В его сейфы бурным потоком текли драгоценности и золотые изделия, которые большевики конфисковывали у богатых людей — аристократов, купцов, промышленников, не успевших забрать их из своих хранилищ в частных банках, ибо эти банки были национализированы большевиками и разграблены. Пострадала тогда, судя по семейным легендам, и одна из двоюродных бабок моей жены. В сейфе купеческого банка Москвы богатая купчиха хранила свои семейные драгоценности. Чтобы узнать, где находятся ключ и код к ее ящику с сокровищами, чекисты Дзержинского заперли больную астмой женщину в тесную и душную камеру тюрьмы, где теснилось десятка три человек. Ее держали в духоте до тех пор, пока она не начала умирать от приступа болезни и не сказала пароль хранилища. Ее освободили для того, чтобы купчиха показала тайник в доме, где был спрятан ключ от сейфа. Ювелирные украшения забрали без всякой описи и расписки. И на том спасибо, что хоть не убили!

Много золота, драгоценных камней и ювелирных произведений, часто совершенно уникального характера и ценности, было изъято и во дворцах великих князей, в особняках богатых коллекционеров, в ризницах церквей и монастырей.

Пока правительство Ленина не было уверено в том, что оно удержится у власти, специальные курьеры, подчас родственники видных большевиков, перевозили бриллианты, другие

драгоценности, золотые монеты царской чеканки, золотые портсигары с драгоценными камнями чемоданами в банки Швейцарии, Франции и Швеции, создавая личные фонды каждому видному члену коммунистического руководства. Это делалось для того, чтобы в случае краха большевистских вождей, необходимости перехода их на нелегальное положение и бегства из страны они были бы и сами обеспечены материально, и могли бы вновь продолжать финансировать революционные авантюры в других странах [18].

Эти чемоданы набирались в сейфах и шкафах Гохрана. Из таких же ценностей Государственного хранилища при Министерстве финансов СССР делались впоследствии щедрые выдачи деятелям Коммунистического интернационала для стимулирования подрывной деятельности в их странах. Было проще отсыпать чемоданчик драгоценностей, чем возиться с переводом валюты, которую враждебные Советам спецслужбы могли и отследить.

Не всегда кожаные мешочки с бриллиантами доходили до своих новых хозяев. «Честные» курьеры Коминтерна «теряли» их, иногда только ополовинивали в личных целях, иногда этому мешали другие обстоятельства. Так, в начале 30-х годов хозяйственники Кремлевского дворца случайно нашли на складе бывшего коменданта Кремля Малькова в подвале, среди поломанной мебели, старый письменный стол, принадлежавший за десятилетие до этого первому главе Советского государства Якову Михайловичу Свердлову. Одна из тумб этого стола была личным сейфом Свердлова. Ключи от него не были нигде найдены. С 1917 по 1919 год Свердлов был секретарем большевистской партии и Председателем Всероссийского центрального исполнительного комитета, то есть, переводя на современный язык, президентом. Именно он отдавал приказ о расстреле царской семьи в Екатеринбурге в июле 1918 года. В 1919 году Яков Свердлов быстро сгорел во время эпидемии испанки, скосившей тогда десятки тысяч жителей Москвы и Питера. Версия этой смерти изложена выше, в пятой главе. Письменный стол с сейфом из кабинета Свердлова после его смерти отправили на склад мебельного старья.

Когда стол Свердлова спустя почти полтора десятилетия был случайно найден и дверца сейфа взломана, управляющий делами Совета народных комиссаров — правительства СССР, который делал рутинный обход подвала со старой списанной мебелью, немедленно поставил около него часовых и побежал к Сталину с докладом. При вскрытии личного сейфа пламенного революционера и честного главы ВЦИК Свердлова оказалось, он

был заполнен золотыми монетами царской чеканки на сумму 108 525 рублей, золотыми изделиями с драгоценными камнями — 705 предметов, семью чистыми бланками царского образца, кредитными царскими билетами на 750 тысяч рублей. Кроме того, в сейфе хранились заграничные паспорта, выписанные на разные фамилии мужского и женского пола, а также замшевые мешочки с бриллиантами во много каратов каждый.

Может быть, это были те самые камни, которые палачи сняли с убитой царицы и ее дочерей? Ведь драгоценности царицы и ее четырех дочерей были зашиты в лифы. Есть свидетельства, что, когда убийцы стреляли в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге по жертвам из револьверов, пули отскакивали от них, как будто от современных бронежилетов.

Все было приготовлено к бегству. Сталин не удивился. Он сам был очень предусмотрительный человек. Вождь распорядился передать все мешочки в Гохран.

В 30-х годах многое из того, что составляло собрание Алмазного фонда, Гохрана, других Аладдиновых россыпей драгоценностей, лежавших в банковских и иных сейфах, продавалось ленинско-сталинским режимом за бесценок за границу. Многие миллионерши Европы и Америки в 20-х и 30-х годах XX века скупали самые роскошные бриллианты, щеголяли в них на балах и приемах, не желая задумываться над тем, что сокровища эти, по сути дела, ворованные и награбленные. Таким образом, светские дамы выступали в пошлой роли скупщиц краденого. На этой почве на Западе до Второй мировой войны даже случались судебные процессы, когда русские эмигрантки узнавали на фото западных светских львиц в журналах и газетах, живописующих балы и другие события из жизни богачей, свои собственные украшения, конфискованные у них большевиками.

«Законное» разбазаривание Гохрана, а иначе это назвать нельзя, продолжалось и при других советских вождях — от Хрущева до Горбачева. В Управлении делами ЦК КПСС, недалеко от кабинета генсека, был особый зал, куда собирали ценные подарки, намечаемые для вручения во время государственных визитов иностранным лидерам и их женам. Были там картины, палехские шкатулки огромных размеров, скульптуры, альбомы с редкими марками, множество изделий из полудрагоценного камня, охотничье оружие с художественной насечкой из серебра и золота.

На время Андропова драгоценные подарки из этого склада были убраны. Но после него ассортимент ценностей не только вернулся, но и стоимость подарочных произведений возросла. Помощник Горбачева Валерий Болдин пишет в своих мемуарах о

том, что он в середине 80-х годов обнаружил среди этих очень дорогих художественных ценностей предметы из Гохрана. В частности, антикварный серебряный самовар с чашками и блюдцами из того же металла работы XIX века. Помощник генерального секретаря рекомендовал управляющему делами ЦК Николаю Ефимовичу Кручине, хранителю склада подарков, сдать этот комплект назад в Гохран. Кручина выполнил его просьбу в отношении сервиза. Болдин пишет, что управляющий делами ЦК КПСС был честным человеком, он тщательно хранил все описи и накладные на подведомственные ему ценности, но в Гохране давно следовало бы провести жесткую ревизию, поскольку кое-что из царских подарков и других сокровищ могло прилипать к нечистым рукам прежних «хранителей». Уже в последние годы XX века руководители Гохрана и их покровители в правительстве Российской Федерации выдали международному аферисту Козленку алмазов, бриллиантов и золотых монет царской чеканки для вывоза из России в качестве залога для получения кредита на 180 миллионов долларов. Ценности отправились в США, на фирму Козленка, и исчезли. Доллары в Россию так и не пришли. До сих пор суд не может разобраться, куда делись эти сокровища и кто должен нести уголовную ответственность за кражу драгоценностей, равной которой не знала европейская криминальная история.

Как свидетельствуют очевидцы, не всегда и другие художественные произведения из фондов Гохрана оставались в России. Подобные изделия из золота, серебра, платины, старинные золотые карманные часы с тяжелыми золотыми цепями, другие уникальные произведения ювелирного искусства из этого хранилища, формально отнесенного к Министерству финансов, если их выбирали вожди на подарки во время государственных визитов своим будущим высоким хозяевам или гостям, оформлялись в накладных по цене килограмма лома этих металлов, а золотые старинные часы считались по стоимости в 30–50 рублей за штуку. При этом цены не пересматривались со времен сталинской послевоенной денежной реформы. Тогда десять рублей времен войны менялись на один новый рубль.

Московские коллекционеры художественного серебра Попов и Александрова, которых я интервьюировал для своего журнала в конце 60-х годов, рассказывали, что в одном из крупнейших ювелирных магазинов Москвы, в Столешниковом переулке, в 1945–1947 годах стеллажи огромного подвала в несколько сот квадратных метров буквально ломились под тяжестью уникальных произведений из этого металла, всех мыслимых размеров — от скульптур и фигурок, сервизов, подносов до

огромных серебряных чаш и позолоченных блюд. Все это было вывезено в качестве военных трофеев из Германии после 1945 года. Многие вещи имели музейное значение. Каждая вещь, независимо от ее художественной ценности, продавалась по цене лома серебра за килограмм. Этот «лом» стоил 900 дореформенных рублей килограмм, то есть чуть меньше одного старого рубля за один грамм!..

Подарки отбирались из Гохрана не только для вручения их главам государств и их супругам, но и деятелям из их окружения, то есть обычной иностранной челяди. Когда речь шла о поездках генсеков по Советскому Союзу, то со времен Брежнева ценные подарки вручались не только первым лицам в республиках и краях, но и их прихлебателям. Расчет был простой: каждый, кто получил дорогой подарок от московского руководства, в свою очередь отдарит его не менее ценным подношением. И тоже за казенный счет…

Бывший помощник комбайнера Миша Горбачев, верный ленинец и генсек Коммунистической партии, после прихода к власти очень скоро почувствовал вкус к аристократическим подаркам своим новым заграничным друзьям в президентских, премьерских и королевских креслах. Советская первая леди тоже хотела поразить своих коллег за рубежом шиком и роскошью. Болдин пишет, что как-то он, видя, что намечается подарить довольно дорогой подарок, спросил генсека: «А надо ли уж так тщательно отбирать все это? Ведь за рубежом существует практика сдачи подарков». На это Горбачев усмехнулся и сказал, что эта практика касается официальных подарков, а личные — дело другое. Из этой реплики следует, что «великий реформатор» считал все добро Гохрана и кладовой Управления делами ЦК своей личной собственностью.

Привычка к щедрости была у него застарелой и сформировавшейся в брежневские времена. Горбачев много лет был «курортным секретарем», который руководил краем, где концентрировались многочисленные и знаменитые еще с царских времен курорты минеральных вод. Пятигорск, Минеральные Воды, Кисловодск, Железноводск славятся своими целебными источниками на всю Европу. Советские лидеры и их жены очень любили отдыхать во время своего отпуска в прохладе горных лесов и терренкуров, лечиться минеральными водами ото всех болезней. «Хозяин» Ставропольского края, первый секретарь крайкома КПСС Горбачев, обязательно встречал лично каждого из самых высокопоставленных гостей, старался выполнить все их пожелания, развлекал пикниками на лоне природы, провожал, а склонных к дорогим подаркам не отпускал без ценного

подношения. Некоторые жены членов политбюро, руководителей правительства заранее прозрачно намекали жене «курортного секретаря» Раисе Максимовне, какой именно подарок они хотели бы получить: дорогой фарфор, серебряную чеканку или что-либо еще. Желаемое дарилось за счет бюджета крайкома партии или советских учреждений…

Именно на Кавказских Минеральных Водах, на правительственной даче в Кисловодске, молодой лысеющий секретарь с отметиной на лбу познакомился с председателем КГБ и членом политбюро Андроповым. Юрий Владимирович в 70-х годах почти каждый сентябрь, хоть на две недели, приезжал в Кисловодск лечить больные почки. Горбачев очень старался понравиться Андропову и несколько преуспел в этом деле. Во всяком случае, именно председатель КГБ устроил в 1978 году его смотрины генсеком и Черненко на станции Минеральные Воды.

Не хочу возвращаться к многократно описанным коррупционным делам дочери Брежнева Галины, его соратников Медунова и других, героев скандалов по «сочинскому делу», делу концерна «Океан» и пр. Хотел бы добавить только два мазка в отвратительную картину коррупции в 70-х и 80-х годах. Они показывают, что на самом верху КПСС стали усиленно претворять в жизнь слова из старой колхозной песни: «Все вокруг народное, все вокруг мое!» Подобный подход к жизни был не только у папы и дочери Брежневых, но и у других членов Семьи.

…Однажды во время отпускного автотура по социалистическим странам мы с женой сняли гостиничный номер в гарнизонном отеле на территории главной советской военной базы Центральной группы войск в городке Миловицы, неподалеку от чехословацкой столицы Праги. Начальник отдела военной контрразведки штаба ЦГВ, который забронировал этот номер по просьбе моих друзей из Москвы, рассказал нам вопиющий факт. Дело было так.

Примерно за месяц до нашего приезда в ЧССР на знаменитый чешский курорт Карлови-Вари прибыла на отдых и лечение по приглашению чехословацкого правительства супруга генерального секретаря ЦК КПСС Виктория Петровна Брежнева. В качестве карманных денег гостеприимные хозяева — Управление делами президента ЧССР Гусака — вручили гостье 30 тысяч крон. В то время курс кроны к рублю составлял 10 к 1. Но покупательная способность 30 тысяч крон в Чехословакии была значительно выше, чем трех тысяч рублей в СССР. Возможно, у Виктории Петровны были с собой еще кроны, обменянные в Советском Союзе. Обычному гражданину разрешалось тогда менять пятьсот рублей на валюту любой социалистической

страны.

В один из дней своего отдыха супруга генсека пожелала посетить магазин Военторга в Миловицах для покупки в нем сувениров для всей семьи — детей и внуков. Она знала, что в этом магазине был специальный «генеральский зал», где можно было купить товары, представлявшие собой дефицит даже в богатых по ассортименту пражских магазинах. Чехословацкое внешнеторговое объединение «Экспортскло», поставлявшее в Европу и США все производимые им товары, со своих складов выдавало некоторое количество их для Военторга в Миловицах. В этом зале продавались чешские хрустальные люстры, хрусталь, произведения из знаменитого чешского цветного стекла, фарфор, сделанный на маленьких чешских заводах в бывших немецких землях, где производство сохраняло все формы и приемы XVIII века. Число мастеров на этих заводах оставалось таким же, как и два века назад, — по 200–300 человек. По старинным образцам они выпускали продукцию так же, как и их предки, — только вручную. Это были вазы, декоративные тарелки и сервизы, фарфоровые фигурки. Хитрые чехи продавали почти все их произведения за твердую валюту на Запад, где она шла как антиквариат. В Военторге Миловиц можно было приобрести знаменитую чешскую бижутерию и ювелирные изделия с темно-красным камнем — гранатом, которые тоже редко можно было сыскать в магазинах страны, поскольку они также шли в основном на экспорт. Все это стоило в «генеральском зале» Военторга не дешево, по обычной розничной чешской цене.

И вот супруга советского генсека прибыла в Миловицы на правительственной машине «татра», выделенной из спецгаража для обслуживания высокопоставленной дамы. За «татрой» следовал пустой микроавтобус РАФ. Хоть и не по протоколу, поскольку визит был частный, Викторию Петровну встречал у шлагбаума базы главком Центральной группы войск. Он сопроводил машину «татра» к магазину Военторга, где на ступенях уже ждал начальник этого торгово-воинского подразделения.

Виктория Петровна вышла из машины и очень бодро, с горящими глазами, как всякая женщина в магазин за добычей, отправилась в «генеральский зал» универмага. Это было помещение метров под двести квадратных, заставленное, завешанное, уложенное всеми видами дефицита. Как пелось в старинной детской песенке: «Ленты, кружева, ботинки — что угодно для души!» Первая дама начала спокойно обходить прилавки, вешалки, стенды, полки. В почтительном отдалении следовал главком и начальник Военторга. За Викторией

Петровной шли двое солдат. Брежнева показывала пальцем на товары и говорила: «Детское белье? Две дюжины… Дамские колготки? Пять дюжин… Мужские рубашки? Три дюжины, размеры 42, 43, 44… Спортивные тренировочные костюмы? Дюжину разных расцветок… Дамские блузки? Три дюжины разных расцветок, фасонов и тканей… Свитера? Две дюжины разных…» И так далее. Солдаты принимали быстро пакуемые продавщицами тюки и относили их в рафик. Затем настал черед хрусталя, цветного стекла и фарфора. Здесь отбиралось не все подряд, а только самое крупное, яркое, дорогое. И тоже упаковывалось и относилось в РАФ. Несколько коробок с хрустальными люстрами, из самых дорогих образцов, висевших под потолком, также отправились в микроавтобус.

Сотрудник генконсульства СССР в Карлови-Вари, также сопровождавший жену генсека и знавший о сумме, выданной чехами первой леди Советского Союза «на булавки», начал постепенно приходить в ужас. Он прикинул, что все, отобранное Викторией Петровной, давно перевалило за 30 тысяч крон. А супруга генерального все показывала и показывала пальчиком на товары, понравившиеся ей. Продавщицы с восторгом смотрели на высокую особу и с удовольствием помогали ей. Как она узнала, что рафик был заполнен под самую крышу, — неизвестно. Но именно в этот момент первая леди мило попрощалась с генералом, с начальником Военторга. Улыбки достались даже продавщицам. Потом Виктория Петровна села в «татру» и укатила в Карлови-Вари лечиться и отдыхать дальше. А главком ЦГВ и начальник Военторга остались почти что в позиции гоголевского городничего из «Ревизора»…

История имела недолгое продолжение. Начальник Военторга подсчитал стоимость взятого Викторией Петровной и выписал счет на огромную сумму, многократно превышавшую «карманные расходы», предусмотренные чехами. С этим счетом главком поехал к советскому послу в Прагу. Тогда им был некий М., друг Брежнева. Генерал вошел в кабинет посла и в деталях поведал о визите первой леди в Военторг Миловиц, последствиях для военной казны ее пребывания там. Он положил на стол послу счет и спросил, что ему делать в этой ситуации. Может быть, у посла есть какие-то суммы на представительские или чрезвычайные расходы, которыми можно было бы покрыть покупку Виктории Петровны? М. ответил категорическим отказом. Он сообщил генералу, что бюджетом посольства такие выплаты не предусмотрены.

— Но что мне делать? — вопрошал главком.

— Пошли этот счет Леониду Ильичу!.. — ехидно ответил

посол. — Может быть, он напишет резолюцию, чтобы его оплатили…

Генерал несолоно хлебавши возвратился в Миловицы. Даже военторговские интенданты, составлявшие себе небольшие состояния во время службы в разных зарубежных Группах советских войск, не могли сразу осилить сумму стоимости товаров, забранных супругой генсека как бы при коммунизме, к которому партия, руководимая ее мужем, шла семимильными шагами. Вероятно, недостача была покрыта либо уменьшением пищевого и вещевого довольствия солдат и офицеров на много месяцев вперед, либо еще одним способом, который процветал в Группах советских войск в Германии, Польше, Чехословакии и Венгрии. Некоторые командиры полков и дивизий сдавали своих солдат… внаем в качестве батраков руководителям сельскохозяйственных и промышленных предприятий «братской» страны пребывания. Заработанные солдатами деньги, естественно, не оприходовались, а в лучшем случае становились «черной кассой». В худшем — они просто присваивались отцами-командирами. Может быть, таким батрацким трудом и были заработаны деньги на недостачу в Военторге?

В зарубежных Группах войск практиковался также метод казнокрадства, когда с армейских баз горюче-смазочных материалов бензин по дешевке продавался офицерами и прапорщиками местному населению канистрами, а интендантскими генералами дружественным организациям — бензовозами. Делалось это иногда цинично и коллективно. Военные контрразведчики доносили о таких фактах по службе в 3-е управление КГБ. Но благодаря чуткому руководству Георгия Карповича Цинева, не желавшего обижать генералов, которые знали и покрывали это явление, конкретные факты клались под сукно. Слава богу, что в те времена с военных складов еще не продавались оптом танки, бронетранспортеры, ракеты, стрелковое оружие и боеприпасы. Все это появилось на международном рынке оружия спустя полтора десятилетия, при Павле Грачеве, «самом лучшем министре обороны», как его называл первый президент России Борис Ельцин. Но это была уже следующая Семья…

Рыба воняла с головы. Сильное зловоние распространялось из Москвы по всей стране. Однажды во время отпуска, который я проводил в маленьком доме отдыха на Южном берегу Крыма, рядом со мной оказался известный деятель из Средней Азии. Это был очень умный и обаятельный человек, весьма демократических и прогрессивных взглядов, которые сильно мешали его служебному продвижению в годы застоя. По

менталитету он был скорее европейцем, чем азиатом. Мы сблизились с ним. В минуту откровения на пляже, где наши лежаки стояли рядом, он рассказал, как ежегодно к ним в республику приезжал кто-нибудь из женской половины семьи Брежневых. Кроме Виктории Петровны, у доброго папочки были еще сын, дочь и невестка. Сам по себе Юра Брежнев был довольно скромный малый. Его жена значительно лучше мужа, еще со шведских времен, когда Юра был завотделом торгпредства, а Леонид Ильич стоял в толпе царедворцев за спиной Хрущева, уже знала, кто такой Председатель Президиума Верховного Совета СССР Брежнев. Она не сомневалась, что ей позволено больше, чем другим равным в правах гражданам СССР.

В богатой и нищей среднеазиатской республике, о которой шла речь, был установлен своего рода ритуал. Он действовал до самой кончины генерального секретаря. Республика производила на экспорт какой-то особенно драгоценный коричневый каракуль. На Западе в те годы шуба из такого каракуля стоила несколько тысяч долларов. Так вот, ежегодно «посыльная» Семьи увозила по нескольку щедро подаренных ей шуб, сделанных специально в ожидании приезда гостьи для женщин семьи Брежневых, из самых отборных шкурок и самых модных фасонов.

— И зачем им было столько манто?.. — удивлялся мой собеседник. — И куда они девали прошлогодние, позапрошлогодние, позапозапрошлогодние?..

Я не очень удивился рассказу соседа по пляжу, поскольку еще во времена моей учебы в АОН слышал много подобных историй от аспирантов, приехавших получать ученые степени в Москву с путевками своих республиканских ЦК. Почти за каждым из них стоял высокий партийный или государственный руководитель республики, который готовил таким образом «своих» людей и затем пытался как можно выше продвинуть их в Москве или по возвращении в республику в своем ЦК. Молодые партийцы были хорошо осведомлены о взаимосвязях в руководящем звене своих республик, отношениях верхушки с московским аппаратом, о махровой коррупции, расцветавшей на местах. Иногда они делились со мной информацией. Примерно за год до нашей встречи в академии, в августе 1969 года, в Азербайджане прошел Пленум ЦК Компартии, и смрад от этой битвы еще не рассеялся.

Тогда первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана был избран Гейдар Алиевич Алиев. До этого он был председателем КГБ республики, хорошо знал теневую сторону деятельности партийных, государственных и научных организаций, тщательно отбирал наиболее вопиющие факты коррупции и докладывал о них Цвигуну и Андропову.

Семен Кузьмич Цвигун до своего назначения в Москву замом к Андропову был председателем КГБ Азербайджана и лично знал всю глубину болезни не меньше своего тогдашнего зама Алиева. В качестве председателя КГБ Азербайджана после Цвигуна Алиев довольно часто встречался с Андроповым, информировал его о безобразиях, творящихся в закавказской республике. В конце концов, к августу 1969 года Андропов и Цвигун сумели уговорить Брежнева убрать с высшего республиканского партийного поста глубоко коррумпированного Ахундова и избрать на его место Гейдара Алиева.

Новый первый секретарь ЦК АзССР принялся железной кагэбэшной рукой наводить порядок среди партийных и государственных функционеров, в органах внутренних дел республики, которые также были поражены взяточничеством, в высшей школе и научных учреждениях. Мои друзья в 1970 году очень хвалили годовую деятельность Гейдара Алиевича и рассказывали, как ужасно было существовать простому человеку в республике, где продавалось все и вся, где в недели и месяцы взяточники во власти составляли себе состояния, а уровень жизни населения неуклонно падал и был почти в два раза ниже, чем в полунищей Москве. Они рассказывали мне о своеобразном «прейскуранте» цен на различные должности и привилегии в своей республике.

До Алиева весь Азербайджан был поделен верхушкой на сферы влияния, как в феодальные времена. Начнем с того, что вступление в партию и обладание партбилетом, который в некоторых случаях мог служить крепким щитом его обладателю, стоило 3 тысячи рублей. К концу эры Брежнева такие же расценки на партбилет появились и в столице нашей Родины Москве. Многие деятели рядового и среднего звена советской торговли особенно охотно обзаводились членством в партии, словно заблаговременной индульгенцией.

В Азербайджане пост первого секретаря райкома стоил 200 тысяч рублей, должность второго секретаря шла за 100 тысяч. Избрание председателем колхоза стоило 50 тысяч рублей, назначение директором совхоза — 80 тысяч. В промышленности расценки были более дифференцированы ввиду разного уровня прибыльности предприятий — от 10 до 100 тысяч рублей за кресло директора. Продавались и покупались звания академиков республиканской Академии наук — 50 тысяч рублей, директора научно-исследовательского института — 40 тысяч рублей. За кресло директора театра — оперного, драматического, юного зрителя — требовалось выложить соответственно от 30 до 10 тысяч рублей.

Размер взяток за поступление в высшее учебное заведение в республике Азербайджан в 1971 году был следующим: в Бакинский государственный университет — 20–25 тысяч; в Институт народного хозяйства — 30–35 тысяч; в медицинский институт — 30 тысяч; в Институт иностранных языков — 10 тысяч рублей.

Цены на министерские кресла котировались в зависимости от того, сколько взяток можно было собрать на этом месте. Так, когда министра торговли Азербайджана Кафарова сменил Баширзаде, он заплатил первому секретарю ЦК Компартии Азербайджана Ахундову 250 тысяч рублей. Министру коммунального хозяйства Топчиеву его кресло обошлось в 150 тысяч, министру социального обеспечения Сеидмамедовой — «всего» в 120 тысяч.

Третий человек в Азербайджане был председатель Президиума Верховного Совета АзССР. Ежегодно своей властью, как президент, он «дарил» помилование нескольким уголовникам-рецидивистам — кому по старости, кому по болезни. Этот «дар» оплачивался по строгому тарифу: 100 тысяч рублей за свободу…

Уже тогда, за тридцать лет до наших дней, когда платная медицина завоевала в России и на просторах бывшего СНГ в коммерческих клиниках господствующее положение, а врачи государственных медицинских учреждений продолжают прозябать на нищенскую зарплату, жители Азербайджана по полной программе должны были в 60-х и 70-х годах много платить за «обслуживание» в системе государственного здравоохранения советской социалистической республики. Тогда гонорар врачу назывался проще — взятка.

Если, например, больной хотел сделать операцию в клинике какого-либо ведущего медицинского института Азербайджана, то он должен был заплатить азербайджанцу — директору этого учреждения, почтенному доктору медицинских наук, профессору, три тысячи рублей, что составляло стоимость автомобиля «жигули». При этом больные заранее договаривались, чтобы операцию делал не сам «выдающийся» врач республики, который, как правило, купил свои титулы, а хирург из славянской части населения, который по-настоящему учился в медицинских высших учебных заведениях и аспирантурах вне солнечной республики и имел настоящую профессиональную практику. Тогда у больного сохранялось неизмеримо больше шансов остаться в живых, чем если бы его лечил и оперировал сам директор или его азербайджанские выдвиженцы, получавшие ученые звания и зарплаты согласно оплаченной ими графе

коррупционного «прейскуранта».

Кстати, очень многие аспиранты моей альма-матер — Академии общественных наук при ЦК КПСС, — прибывшие в Москву из национальных республик, для того чтобы самим не тратить время на написание диссертации для защиты на ученую степень кандидата наук, частенько заказывали ее московским ученым-специалистам в соответствующей отрасли науки — кандидатам и докторам наук. Они получали, конечно, более качественный «товар», чем тот, который могли изготовить сами. Текст такой диссертации, писанный нормальным русским языком, которым хорошо владели не все молодые партийные работники из националов, стоил по «прейскуранту» в 70-х годах три тысячи рублей.

В личном плане Гейдар Алиев, назначенный первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана в 1969 году, был честным и порядочным человеком. Он был кадровым офицером госбезопасности, по своим деловым качествам и ненависти к коррупции весьма близким к Андропову. Он с младых лет служил в КГБ, окончил Высшую школу этого ведомства, которая возведена теперь в ранг академии. По склонностям своим он был международником, работал в резидентурах КГБ в Иране, Турции, Пакистане и Афганистане. Во внешней разведке он дослужился до высокой должности резидента в одной из этих стран. Скромного, серьезного и тонкого разведчика послали на укрепление органов безопасности в Азербайджан, заместителем к председателю КГБ республики Семену Цвигуну. Как только победил заговор партийной верхушки против Хрущева и генсеком стал Брежнев, поток его друзей хлынул в Москву со всей периферии Советского Союза. Семен Цвигун был назначен заместителем председателя КГБ СССР. В этом качестве он патронировал Алиева. Андропов, зная высокие деловые и личные качества Гейдара Алиевича, также помогал ему…

Годы основной чистки, которую Алиев проводил в Азербайджане, совпали со временем моей учебы в академии. Друзья-азербайджанцы, приезжая после каникул в Москву, с горящими глазами рассказывали, как Гейдар Алиевич чистит республиканский аппарат. Сначала он взялся за партийных функционеров сверху донизу. Затем прошелся по наиболее коррумпированным «хлебным» местам — от МВД до Министерства местной промышленности. В общей сложности он заменил более двух тысяч партаппаратчиков и высокопоставленных государственных чиновников. Только высших чинов республиканского Министерства внутренних дел и милиции было уволено около четырех сотен.

Для замены прогнивших насквозь стяжателей и взяточников требовались честные люди. Где взять таких в восточной республике, насквозь коррумпированной? Естественно, что Алиев черпал кадры из единственного контингента советских служащих, затронутого в наименьшей степени коррупцией, — из аппарата республиканского КГБ. А на освобождающиеся вакантные места в спецслужбе он сажает еще не успевших прогнить функционеров молодежной организации — комсомола.

В одном из наших обменов мнениями с Юрием Владимировичем он сказал, что даже чекистская жесткость Алиева за четыре года не смогла дать удовлетворительных плодов: уже в 1973 году Гейдару пришлось исключить из партии и отдать под суд за коррупцию двенадцать новых ответственных работников аппарата, которых он в 1969 году поставил на место прежних. Двое из них — Н. А. Ахмедов и С. Н. Брызгалин — были лично рекомендованы Алиевым в высшие партийные органы республики. Вообще-то процент проштрафившихся из общего «алиевского призыва» невелик — менее одного. Но Гейдар Алиевич признался Андропову, что спустя всего четыре года он может дать гарантии относительной чистоты лишь новому аппарату ЦК АзССР и республиканскому КГБ…

Весь остальной Азербайджан Система продолжала крепко держать в объятиях двух своих китов, на которых стояла, — коррупции и лжи. Андропов в первое десятилетие своего «сидения» на Лубянке, то есть до конца 70-х годов, не набрал еще столько силы, чтобы бороться с верхней частью «вертикали коррупции», которая уходила с мест в высшие эшелоны партийной и советской власти в Москве. Единственное, что он мог делать с помощью всей структуры КГБ, — это собирать информацию и совершать партизанские наскоки на коррупцию по ее средней горизонтали — в руководстве национальных республик, где она расцветала махровыми цветами зла. На нижнюю горизонталь — мелких чиновников, партфункционеров, деятелей теневой экономики — даже у столь мощной спецслужбы, какой стал КГБ под водительством Андропова, не хватало кадров, сил и средств. Тем более что Брежнев постоянно брал под защиту не только своих друзей-взяточников, но и вообще всех партаппаратчиков. Комитету госбезопасности было официально запрещено брать в оперативную разработку любых штатных работников партийных комитетов — от районных до высших, равно как и всех номенклатурных лиц. Тем не менее, когда комитетчики начинали расследовать крупнейшие коррупционные дела, нити от которых или, точнее, денежные потоки тянулись вверх, в партийный и государственный аппарат,

сыщики и следователи не останавливались, но продолжали работать. Только становились они более осторожными.

Следующим объектом для удара по горизонтали стала соседняя с Азербайджаном, тоже солнечная республика — Грузия. Здесь на вершине пирамиды коррупции также находился первый секретарь партийной организации Мжаванадзе. Жена тогдашнего грузинского коммуниста номер 1, тезка знаменитой в грузинской истории царицы Тамары, очень любила бриллианты, золото и валюту. Она действовала в паре с другой Тамарой — женой второго секретаря ЦК Компартии Грузии Альберта Чуркина. Жен двух партийных вождей их окружение почтительно называло «царицами Тамарами». Именно они вели всю кадровую политику в Грузии, через посредников, бывших членами бюро ЦК Компартии Грузинской ССР, в том числе и председателя Совета министров республики. На своеобразном аукционе они торговали министерскими и другими высокими постами, типа первого секретаря райкома партии. Цены в прейскуранте их аукциона, поскольку число желающих было больше, чем вакансий, начинались от 100 тысяч рублей за должность министра социального обеспечения и 150–300 тысяч рублей за кресло министра торговли или легкой промышленности.

Руководящие «царицы Тамары» получали свой «бакшиш» с аукционов не в рублях, а драгоценными камнями, ювелирными изделиями, золотом и валютой. Кроме того, жена первого секретаря ЦК КПГ и кандидата в члены политбюро ЦК КПСС Мжаванадзе была связана с жуликами и бандитами, поставлявшими ей драгоценности. Нити от нее вели в Москву, к одному из высших государственных чинов Советского Союза — секретарю Президиума Верховного Совета СССР, тоже грузина по национальности, Георгадзе. Секретарь и руководитель аппарата Президиума Верховного Совета СССР, председатель которого официально считался главой Советского государства, был весьма влиятельной персоной. Он хорошо знал, кому в Москве и какого размера нужно давать взятки не только от себя, но и от своего главного земляка в Тбилиси. Но у него не было прочных корней в Москве. Он опирался только на Мжаванадзе, грузинское землячество и взятки, которые щедро раздавал на своей высокой «горизонтали» коррупции. Андропов его быстро снял, и теперь его имя кануло в Лету.

Примерно в то же время Андропов сумел убедить Брежнева снять и Мжаванадзе. Был назначен вместо него министр внутренних дел республики Эдуард Шеварднадзе. Как и в Азербайджане Алиев, новый первый секретарь республиканской парторганизации был генералом спецслужб. Но он, в отличие от

Алиева, был не деятелем, а пустым болтуном и конъюнктурщиком. Юрий Владимирович в разговоре со мной сразу после XXV съезда КПСС издевался над изощренным лакейским подхалимажем Шеварднадзе в адрес Брежнева, выраженным им в речи с трибуны партийного форума. «Своей сладкой слюной он переплюнул всех лизоблюдов», — брезгливо поморщился Андропов… Практически Шеварднадзе ничего с коррупцией в своей республике поделать не мог, хотя, может быть, и хотел. Руководителем он был слабым, а в силу этого особенно коварным. При нем в Грузии начал бурно развиваться национализм. Видимо, не без подначки его жены, активной грузинской националистки Наны, в Тбилиси произошли волнения студентов-грузин, требовавших в многонациональной республике установления статуса грузинского языка как единственного государственного.

Одновременно и сам Шеварднадзе тайно поддерживал великогрузинский шовинизм, стремился подавить национальные чувства и языки других народов, живших в своих автономных республиках в границах союзной республики Грузии, — абхазов, аджарцев и южных осетин. В частности, в столице Абхазии Сухуми произошли при его попустительстве массовые беспорядки на почве того, что из столицы Грузии пришли в столицу маленькой Абхазии директивы, предписывающие абхазам вести в средней и высшей школе учебу не на абхазском, а только на грузинском языке. Первыми взбунтовались студенты Сухумского университета. Потребовалось резкое вмешательство Москвы, чтобы занятия в школах и высших учебных заведениях Абхазии продолжались на абхазском языке. Так что война грузин и абхазов началась не в 90-х годах XX века, а на два десятилетия раньше.

Среди среднеазиатских республик самой коррумпированной в СССР была Узбекская. Подавляющее большинство ее населения жило в полной нищете и бесправии, как, впрочем, и в других союзных республиках Средней Азии. У некоторых председателей колхозов в Узбекской республике были даже собственные подземные тюрьмы — зинданы, для наказания непокорных декхан-рабов, работавших на хлопковых полях.

Правил Узбекистаном первый секретарь ЦК компартии республики Шараф Рашидов. Он просидел на своем партийном кресле двадцать четыре года. Рашидов обрел путем подкупа партийных и государственных бонз в Москве такую силу, что ни КГБ, ни председатель КГБ и член политбюро Андропов не могли сковырнуть этого матерого взяточника и казнокрада до того момента, когда Андропов стал генеральным секретарем ЦК. Тогда

Рашидов, поняв наконец, что ему не отвертеться от уголовной ответственности за свои преступления и он может получить высшую меру наказания за взяточничество в особо крупных размерах, «скоропостижно скончался» 31 октября 1983 года, по официальной версии. По неофициальным данным, он покончил с собой или его прикончили сообщники, чтобы он не заговорил после ареста. Даже похороны первого секретаря Узбекской компартии были скандальными. Рашидова, как видного члена политбюро КПСС, пламенного коммуниста и атеиста, похоронили в красном гробу с красными гвоздиками и траурными церемониями в центре столицы республики Ташкенте. Однако той же ночью неизвестная группа мусульманских фанатиков перехоронила коммунистического вождя Узбекистана по религиозным обычаям. Труп Рашидова извлекли из красного гроба, закутали в саван и вернули в могилу в сидячем положении и лицом обращенным в сторону Мекки. Так после смерти Рашидова выяснилось, что коммунистом и атеистом он был только на словах и по партбилету, а на самом деле всегда оставался правоверным мусульманином.

Почему же уровень коррупции в Узбекистане был выше, чем в других южных республиках СССР? По словам нашей подруги в АОН, узбечки по прозвищу «Звезда Востока», размеры взяток в Узбекистане, как наиболее богатой «хлопковой» республике Средней Азии, выкачивавшей значительно большие средства из бюджета СССР, были выше, чем в других южных республиках Советского Союза. Так, пост первого секретаря райкома богатого района стоил до одного миллиона рублей. Высшее гражданское почетное звание, которое давалось вместе с орденом Ленина, — Герой Социалистического Труда — ценилось также в один миллион рублей. Оно открывало для его носителя дорогу к выгодной должности директора хлопководческого совхоза или председателя колхоза. Сами по себе эти посты ценились также в один миллион рублей.

Основой экономики Узбекистана был хлопок-сырец. Республика поставляла его на текстильные предприятия Советского Союза. На экспорт он шел только в очень непритязательные страны, поскольку был коротковолокнистым и сильно замусоренным. При этом Рашидов и правительство УзССР приписывали к фактическому урожаю хлопка, поставляемого на предприятия других республик СССР, сотни тысяч тонн. Так, например, в 1977 году официально Узбекистан собрал 5,7 миллиона тонн хлопка и сполна получил за все собранное из бюджета Советского Союза соответствующее количество миллиардов рублей. Но в 1983 году, когда у власти в Москве

стоял Андропов, выяснилось, что ежегодно приписывались 600–700 тысяч тонн к урожаю. Сотни миллионов рублей ежегодно переводились в Узбекистан за этот фиктивный хлопок-сырец, то есть за «воздух», из Министерства финансов СССР. Главным распорядителем этих ворованных денег был Рашидов.

Кроме того, все руководители республики, начиная с ее первого секретаря, либо раз в год, либо раз в два года получали высокие государственные награды СССР — звания Героев Социалистического Труда, ордена Ленина, Трудового Красного Знамени и другие ордена и медали, почетные звания. Рашидов, например, каждые два года получал по высшему ордену СССР — Ленина. За свой «тяжелый» труд он успел получить 10 орденов Ленина (!) и две «Золотых Звезды» Героя Социалистического Труда. Решения о всех его наградах, как указы на награждение орденами и медалями остальных высокопоставленных воров в Узбекистане, с удовольствием подписывались Брежневым и утверждались политбюро. Жуликам особенно нравилось носить на груди сделанный целиком из золота с эмалью, с золотым профилем вождя мирового коммунизма знак ордена Ленина.

Когда Андропов начал в 70-х годах через КГБ Узбекистана войну с коррупцией в этой республике, то чуть не лишился главы своей спецслужбы в Ташкенте. У Рашидова были и силы, и средства, чтобы физически уничтожить председателя КГБ УзССР генерала Нордмана. Первому секретарю Компартии Узбекистана подчинялись все в республике: МВД, прокуратура, Верховный суд. Очень просто они могли устроить любую провокацию против генерала КГБ, МВД могло его арестовать, прокуратура — подготовить обвинение, а Верховный суд республики — осудить на многие годы тюрьмы. Кроме того, руки Рашидова тянулись далеко вверх по вертикали — в Москву, в высшие партийные и государственные органы. В Москве, разумеется, нашлись бы деятели, которые через голову Юрия Владимировича санкционировали расправу с неугодным Рашидову Нордманом, — те же Брежнев, Черненко, Щелоков. В самой верхушке аппарата республиканского КГБ сидели люди Рашидова, которые еще в 1977 году получили от него задание замарать грязью героя-партизана и честного чекиста Нордмана. В Москву заведующему отделом административных органов ЦК КПСС Савинкину пошла анонимка. Андропову пришлось спасать своего генерала и срочно эвакуировать его из Узбекистана, переведя на другое место работы. Причем это место работы за рубежом было выбрано не случайно. Внутри СССР Рашидов и его банда коррупционеров с влиянием и миллионами рублей первого секретаря республики, кандидата в члены политбюро, одного из любимцев Брежнева,

вполне могли дотянуться до любой точки. Поэтому генерал Нордман был направлен Андроповым в ГДР начальником Управления КГБ СССР. Он проработал в Карлсхорсте близ Берлина, где была штаб-квартира этого управления, с 1978 по 1983 год.

Из сотен миллионов рублей, добывавшихся из фиктивных сотен тысяч тонн хлопка, приписанных к урожаю и якобы переработанных на хлопкоочистительных заводах республики, Рашидов направлял миллионы рублей на взятки партийным и государственным чиновникам в Москву, на приобретение дорогих подарков «нужным» людям в советской столице. В частности, Брежневу на его семидесятилетие глава Узбекистана преподнес самовар, сделанный из чистого золота.

Выше я приводил рассказ моего соседа по пляжу правительственного дома отдыха в Крыму о том, как ежегодно в Ташкенте дарились шубы из драгоценного каракуля женщинам из Семьи генсека. Жена и дочь друга Брежнева, секретаря ЦК и члена политбюро Кириленко, во время поездки в Узбекистан также получили по шубе из особого коричневого каракуля…

Были и другие финансовые ручейки коррупционерам в солнечной республике за «воздух» от сотен тонн несуществующего хлопка, которые текли уже не из бюджета СССР, а прямо от хлопкоперерабатывающих предприятий других регионов Советского Союза. Некоторые хлопкоочистительные фабрики Узбекистана дополняли приписки на бумаге вполне материальными булыжниками в каждой кипе хлопка, которую они отправляли за пределы республики, — для увеличения ее веса. Говорят, в текстильной столице России, городе Иванове, несколько улиц вымощены такими «дарами» узбекских «хлопкоробов»…

Статус второго секретаря ЦК республиканской Компартии, независимо от территории — на западе, юге или востоке СССР, призванного быть контролером положения в партийной организации и в республике, хотя и грозен, но неопределен. Номинально второй секретарь представляет Москву, ему подчинена госбезопасность, декларированы чрезвычайные права. Но на деле стать первым он не может, поскольку в традициях КПСС утверждать первыми секретарями только партийцев из коренного населения. Таким образом, он полностью зависит от первого. Начиная от Хрущева и кончая Горбачевым, любое письмо из республики о нежелании местной элиты иметь вторым секретарем имярек приводило почти автоматически к переводу этого человека в Москву или в другую республику, но без повышения. При вынужденном, льстиво-благосклонном и

всепрощающем отношении к местным кадрам роль второго секретаря сводилась к формальной декорации. Поэтому все вторые держали свой рот на замке от Бреста до Владивостока. Они не боролись ни с национализмом, ни с коррупцией.

Единственный государственный орган, который передавал объективную информацию в Москву о действительном положении в республике или крае, был местный Комитет государственной безопасности, который не подчинялся местным властям.

Коррупция и казнокрадство затронули почти всю государственную верхушку Советского Союза, независимо от того, имела она отношение к материальному производству или нет. Я уже писал об одном из председателей правления АПН. Изощренно грабили государство даже некоторые высокопоставленные деятели из Министерства иностранных дел СССР, где, казалось бы, кроме промокашек, и украсть-то было нечего. Но находили.

В коррупции был замешан и сам глава внешнеполитического ведомства, член политбюро ЦК КПСС, суровый и неприступный любимец Сталина Андрей Андреевич Громыко. Он брал «борзыми щенками», как выражался русский сатирик XIX века, от тех, кому покровительствовал в продвижении по службе или в выгодных командировках, но не сам. Вместо него взятки брала его жена Лидия Дмитриевна. Как вспоминал заместитель начальника службы безопасности МИДа полковник Перетрухин, супруга министра «многие десятилетия оказывала серьезное влияние на расстановку дипломатических кадров в министерстве своего мужа. К тому же она была большой любительницей принимать различного рода подношения, особенно при поездках за границу».

Сын перебежчика с самым высоким дипломатическим рангом в СССР — чрезвычайного и полномочного посла, бывшего заместителем генерального секретаря ООН Аркадия Шевченко, — Геннадий, сообщил в газете «Совершенно секретно», что своим назначением в Организацию Объединенных Наций в 1975 году его отец был обязан тому, что жена посла подарила супруге министра А. А. Громыко Лидии Дмитриевне брошь с 56 бриллиантами [19].

Семья Шевченко дружила с семьей министра иностранных дел СССР. Они часто бывали в гостях дома у министра, когда Аркадий, оставаясь самым близким советником Громыко, работал в секретариате министра в паузах между командировками в США, пребывая на Смоленской площади. Шевченки, как свои люди, запросто приезжали на дачу Громыко, устраивали там совместные пиры. Полковник Перетрухин во время следствия по делу Шевченко докладывал Андропову о том, что жена перебежчика Лина, по данным контрразведывательной службы резидентуры

КГБ в Нью-Йорке, всегда водила супругу министра, когда она приезжала вместе с Андреем Андреевичем на многодневные сессии Генеральной Ассамблеи ООН, по дорогим магазинам и покупала ей дорогие подарки на деньги своего мужа. В глазах многих высокопоставленных дипломатов Лина считалась подругой Лидии Дмитриевны, несмотря на большую разницу в годах. В те годы Шевченко уже работал на ЦРУ.

В КГБ у Шевченко были какие-то высокопоставленные друзья и покровители, если и не агенты, то сообщники на коррупционной основе. Во всяком случае, когда резидент уже в 1975–1976 годах начал подозревать, что один из трех самых высокопоставленных чиновников СССР в ООН является «кротом», он доложил свои соображения в Центр и прямо назвал фамилию Шевченко. Но из руководимого Крючковым Центра, то есть ПГУ, резидента генерала Дроздова одернули и запретили ему разрабатывать предателя. Резидент наплевал на это указание и продолжал следить за Шевченко. Компрометирующие Шевченко материалы докладывали двум заместителям министра иностранных дел, но они всякий раз вступались за будущего перебежчика. Перед тем как под благовидным предлогом вызвать шифровкой Аркадия Шевченко в Москву, спросили и самого Громыко, кого он подозревает в измене. «Шевченко вне всяких подозрений», — гласил ответ министра. Несмотря на такое заявление, КГБ послал в Нью-Йорк телеграмму заместителю генерального секретаря ООН от СССР, но глупую. В качестве предлога для выезда в Москву в ней называлось совещание, которое не было на самом деле назначено. Шевченко узнал о ложности этого предлога случайно, от одного из прибывших накануне командированных в Нью-Йорк советских дипломатов. Посол запаниковал. В ту же ночь Шевченко бежал из своей квартиры в жилом доме советских дипломатов, и его работа на ЦРУ открылась. Его жену Лину резидентура КГБ быстро вывезла в Советский Союз. Сына, работавшего в Женеве экспертом советской делегации в Комитете по разоружению, под присмотром сотрудника советского представительства, профессионального разведчика, отправили первым же самолетом в Москву, якобы с совершенно секретным пакетом диппочты. Судьба и здесь сыграла злую шутку с Системой. Честного советского парня Геннадия, атташе МИДа, чтобы он не убежал к капиталистам и своему отцу-изменнику, охранял работник ГРУ Резун, который сам вскоре стал перебежчиком…

При Андропове близкие родственники беглецов не подвергались преследованию. Сын и дочь Шевченко не были ни в чем ущемлены. Но жена Лина, доставленная нью-йоркской

резидентурой КГБ в Москву, так сильно переживала побег мужа и его алкоголизм в последние месяцы, что покончила с собой, наглотавшись снотворных таблеток.

Много дней ее труп пролежал в глубине большого платяного шкафа размером с гардеробную комнату, буквально забитого меховыми шубами и дубленками, пока его не обнаружил сын. Он вызвал милицию и врачей из кремлевской поликлиники. Шевченко принадлежал к высшей советской номенклатуре и был прикреплен к 4-му Главному управлению при Минздраве, то есть к «кремлевке». В этом контингенте даже умершему необходимо было ставить диагноз и делать вскрытие только кремлевским врачам. Случайно мы с женой узнали об этой трагедии из первых рук. В тот день у Вероники был гипертонический криз, и мы вызвали скорую помощь. Бригада врачей 1-й поликлиники 4-го управления, вскоре после вызова появившаяся у нас, приехала потрясенной. Они прибыли с Фрунзенской набережной, где десять минут назад констатировали смерть Лины Шевченко. Их психика была настолько возбуждена, что, нарушив врачебную тайну, они все-таки рассказали помощнику Андропова о всем том ужасе самоубийства, свидетелями которого они стали. Труп Лины пролежал в шкафу несколько дней. Она в день самоубийства просила свою мать уехать на несколько дней на дачу. Дальний угол гардероба, куда она заползла перед смертным концом, был засыпан, как и все шубы и дубленки, нафталином. Поэтому запах разлагающегося тела долго мешался с нафталиновым. Ко многому привыкшие врачи попросились у нас в ванную комнату, чтобы смыть с лица, волос и рук страшный запах, засевший даже в их привычной к страшным запахам медицинской памяти…

Узнав об измене Шевченко первым, Юрий Владимирович позвонил Андрею Андреевичу и сообщил о побеге его любимого помощника. Громыко растерялся. Он стал отпираться от близкого знакомства с Шевченко и сказал, что не знает его и не помнит такого своего помощника. Только на следующий день, когда оперативники и начальство 2-го главка КГБ, занимавшегося контрразведкой, произвели обыск и выемку документов в московской квартире перебежчика, появились доказательства дружбы семьями министра и его первого советника. Замначальника ВГУ Федор Алексеевич Щербак положил на стол Андропова, среди прочего, выразительные фото совместного поедания шашлыков и других развлечений Андрея Андреевича, Лидии Дмитриевны, Аркадия и Лины на даче у министра иностранных дел.

В те дни, когда начинался этот скандал, потрясший весь МИД, я спросил как-то Юрия Владимировича о том, какие

последствия чрезвычайное происшествие будет иметь для Андрея Андреевича.

«В этом деле есть и наша вина… Кое-кто у нас оказался бесхребетным перед авторитетом Громыко и его замов… Вообще-то всех надо было бы выгнать в отставку… Но Андрея Андреевича трогать не будем…» — сказал председатель КГБ.

Немного поразмыслив, я понял, что стоит за «добротой» шефа. Это было чисто политическое решение. Страной в 1978 году уже фактически правил триумвират членов политбюро — Андропов, Громыко, Устинов. Отправлять министра иностранных дел в отставку за измену его ближайшего помощника, как это сделали в ФРГ с канцлером Вилли Брандтом, когда его секретарь Гийом оказался агентом разведки ГДР, Андропов не желал. Ведь в таком случае триумвират мог потерять власть, председатель КГБ — поддержку члена политбюро, министра иностранных дел, пробрежневская группировка в политбюро и секретариате была бы ослаблена. Наконец, усилия Брежнева, Андропова и Громыко в проведении политики разрядки международной напряженности могли быть блокированы консерваторами-сталинистами в верхушке партии.

Вместе с тем коррупционные делишки с подарками ради продвижения по карьерной лестнице и «самообеспечением» за государственный счет в МИДе носили весьма разнообразный характер. Вот, например, одним из чрезвычайных и полномочных послов СССР в Чехословакии в 70-х годах был в течение нескольких лет некий М., друг генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева, бывший министр сельского хозяйства страны. Так же как и Брежнев, он был страстный охотник и даже браконьер. М. был готов стрелять всегда в те живые существа лесов, гор, полей и болот, которые лежат, сидят, идут, бегут или летают, причем не обязательно в законные сроки и соблюдая этику и нормы охоты. Для дорогого гостя и важного представителя главной братской социалистической страны правительство Чехословакии выделило старинные охотничьи угодья, где с XVIII века стоял роскошный охотничий дом и разводились фазаны, благородные олени, косули, кабаны. Охотничий дом стал считаться дачей советского посла, почти что его личной собственностью, как это было принято в СССР.

Ничтоже сумняшеся М. вскоре затеял ремонт этого дома силами хозяйственников советского посольства. В результате этой операции художественные кафельные плитки XVIII века, которыми были облицованы печи и камины старинного коттеджа, и кое-что еще из современной им мебели оказалось на даче М. под Москвой. Чехи узнали об этом только после отъезда посла на

Родину. Видимо, история с кафелем заставила чехословацкие власти подсчитать и другой материальный ущерб, который нанес профессиональный советский друг Чехословакии. Служащие охотничьего поместья, егеря, сосчитали, сколько оленей, кабанов, фазанов и другой дичи убил представитель братского государства. Оказалось, что это было какое-то совершенно немыслимое количество: одних оленей было убито несколько сотен штук, чуть ли не по одному на каждый день пребывания этого товарища послом. Было известно, что вырастить каждого оленя в этом охотничьем хозяйстве до оптимального убойного возраста стоило около 30 тысяч крон. Человек, который был прекрасно осведомлен об этой и других историях посла М. и из первых рук сообщал мне о них, сказал, что чехословацкое правительство исчислило стоимость только этих охотничьих трофеев совпосла в сумму около трех миллионов крон. Чехи даже подумывали предъявить соответствующий счет Москве и включить в него дополнительно стоимость пропавших фаянсовых облицовочных печных плиток и мебели XVIII века.

Но высокопоставленный советский дипломат со связями с Брежневым и другими бонзами-охотниками в высшем партийном эшелоне КПСС не ограничился банальным похищением каких-то кафельных плиток. У него, видимо, был особый вкус к произведениям «золотого» XVIII века. А советское посольство в Праге как раз и располагалось в старинном двухэтажном по фасаду особняке именно этого века. В парадный зал за входными дверями здания спускалась широкая мраморная лестница с коваными золочеными балясинами и узорами под перилами, изготовленными как раз в XVIII столетии.

Посол, любитель барокко, затеял ремонт и этого дворца. И где после этого оказались антикварные украшения лестницы? Вы правильно угадали — на подмосковной даче посла…

Весьма поражает высокий искусствоведческий зуд многих советских послов, которые пришли в дипломатию по призыву партии от сохи и станка. Почти все они в своих мемуарах, как и генералы-мародеры, другие коррумпированные по самую лысину деятели КПСС и Советского государства, в своих автобиографиях обязательно сообщают, что родились в убогой деревне или на далеком полустанке, куда их тянет в отпуск понюхать родной атмосферы, в том числе и живого навоза от любимой коровы. В голодные годы, которые, по-моему, никогда не кончались для народа нашей страны, эта корова, почему-то забытая быть реквизированной комиссарами из продотряда, спасала жизнь многочисленным братьям и сестрам мемуариста. Только после подобного вступления автор продолжает свой рассказ о том, как

он с юных лет защищал своей грудью любимую советскую власть… Но материальные и художественные ценности, которые на словах так презирали номенклатурщики, принадлежавшие народу, жившему под этой самой властью, весьма активно ими расхищались.

В 20-х и 30-х годах XX века, когда по миру прокатился вал дипломатического признания СССР и во многих странах стали открываться миссии Советского Союза, для украшения их помещений Народный комиссариат иностранных дел посылал в большом числе картины старых мастеров европейской живописи, фарфор и антикварную мебель. Эти вещи тогда очень легко брались из бывших царских и великокняжеских дворцов, особняков знати и купечества. Авторы полотен принадлежали обычно не к первому ряду художников, чьи творения известны наперечет, выставлены в Эрмитаже или Русском музее, Третьяковке или в Пушкинке. Они относятся ко второму или третьему ряду живописцев, картины которых и теперь хранятся в запасниках первоклассных галерей. Лишь иногда они видят свет на специализированных выставках или одалживаются музеям других городов. Если стоимость первого ряда картин в денежном выражении тогда составляла сотни тысяч или около миллиона долларов, а после Второй мировой войны резко подскочила вверх, то произведения художников второго или третьего ряда стоили на порядок меньше.

Кража ценностей у государства при Сталине могла кончиться расстрелом. Поэтому до наступления эры Хрущева материальные «шалости» высокопоставленных деятелей были исключены, хотя иногда и происходили. Но «оттепель» принесла в хозяйственную базу дипломатии слякоть, грязь и распутицу. Брежневская «осень патриарха» развитого социализма еще добавила грязи. Видимо, тогда в некоторых посольствах Советского Союза и была отработана нехитрая схема казнокрадства. Алчный глава советского дипломатического представительства, услышав от «культурных» гостей на своих приемах похвалы картинам и разговоры об уникальности и высокой стоимости полотен, вывешенных в залах и салонах, созывал из хозяйственных работников и приближенных «комиссию по сломанным и поврежденным предметам обстановки и украшениям представительских помещений». Затем во главе этой комиссии обходил кабинеты, залы и салоны посольства, где висели картины и стояли антикварные предметы. В основном, как более транспортабельные, он заранее отбирал картины и показывал их комиссии. Составлялся список «на списание поврежденных или утративших товарный вид предметов обстановки помещений и

украшений».

Вдохновенная рука полуграмотного завхоза выводила в акте примерно следующие формулировки: «Картина живописная на стене курительного салона. Получена из НКИД в 1932 году. Размер 100×150 сантиметров. Подпись автора неразборчива или отсутствует. Сверху живопись потемнела и потрескалась. У рамы от времени отвалился кусочек облицовки… Балансовая стоимость — 100 руб… Предложение: списать и снять с баланса…»

Что и говорить! Признаки старой живописи довольно характерные — потемневший красочный слой, кракелюры (трещинки от времени), чуть облупившаяся позолоченная сусальным золотом рама… Но сколько таких полотен в первоклассных музеях и городских сокровищницах под присмотром искусствоведов служат предметом научных исследований ученых и наслаждения экскурсантов. А в посольствах любителями художеств и «искусствоведами» выступали малограмотные завхозы и «шибко грамотные» представители общественности, пришедшие на дипломатическую службу через так называемый «рабочий факультет» от сохи или станка. Предметом же их «научных» выводов являлась широта кармана посла и его покровителей.

Акт о списании и большая часть от числа списанных картин направлялись диппочтой в Москву, на Смоленскую площадь. Начальство благосклонно подписывало этот акт, делило добычу и направляло утвержденный документ назад в посольство. Похоже на то, что не безгрешен в этих делах был и сам министр…

По аналогичному пути пошел и глава советского диппредставительства в Италии в 70-х годах. Резиденция посла СССР в Риме находилась в старинной роскошной вилле под названием «Абамелек». Эта вилла в позапрошлом веке принадлежала владетельному русскому князю и была завещана им Российскому государству. С княжеских времен в залах этого дворца висели полотна выдающихся старых итальянских и русских мастеров. С ведома советского посла и не без намеков кого-то из верхушки МИДа почти все полотна, под предлогом необходимости реставрации художественных ценностей были отправлены в Москву. Чтобы закрыть невыцветшие пятна на шелковых обоях, оставшиеся от украденных произведений искусства, на их место повесили копии. Воровская операция готовилась, видимо, достаточно долго, чтобы изготовить копии, не резавшие глаз итальянских гостей, часто бывавших и до того в стенах «виллы». Подлинники бесценных полотен осели в домах «новомидовских коллекционеров» из верхушки дипломатического ведомства.

Один из моих друзей-дипломатов, с которым я дружил со студенческих времен, как-то рассказал мне, что один из крупнейших номенклатурщиков в Министерстве иностранных дел и бывший в некие времена членом секретариата ЦК КПСС, а затем заместителем министра иностранных дел, утверждая акты на списание, приходившие вместе с картинами из советских посольств, собрал таким образом первоклассную коллекцию, вполне достойную богатого европейского музея. Но он хоть перед смертью проявил некоторую порядочность, завещав свое художественное собрание музею родного города.

Юрий Владимирович знал об этой тотальной системе коррупции и ненавидел ее. Но поскольку формальная власть в стране принадлежала Центральному комитету КПСС и его генсеку Брежневу, которые не желали ничего слышать о взяточниках и лихоимцах, Андропов не мог ничего поделать. Особенно его бесила коррупция в Министерстве внутренних дел, которое возглавлял Николай Анисимович Щелоков.

В принципе Николай Анисимович был хорошим работником. Он очень много сделал для органов внутренних дел, особенно для милиции и Государственной автоинспекции. Он повысил уровень зарплаты офицеров, служащих в кадрах МВД, до соответствующих званиям и должностям офицеров армии и госбезопасности. До Щелокова в милиции и других подразделениях МВД заработная плата по должности, различные добавки вроде выслуги лет и прочие, размеры государственных пенсий были значительно ниже, чем в армии и КГБ. Одно это повышение денежного довольствия было выдающимся делом, поскольку до него сотрудники МВД, от участкового или постового милиционера до заместителей министра и генералов, получали значительно меньшую зарплату и добавки за выслугу лет, чем их коллеги в органах госбезопасности, занятые примерно такой же работой на внутреннем фронте.

До 1966 года, когда Щелоков был назначен министром внутренних дел, он работал вторым секретарем ЦК Компартии Молдавии. Именно в этой солнечной республике он познакомился и подружился с Леонидом Ильичом Брежневым. Он и его жена, одна из первых красавиц Молдавии, сблизились с семьей будущего генсека, а тогда первого секретаря ЦК республики. В отличие от Раисы Максимовны Горбачевой, которая терпеть не могла красивых женщин в обслуживающем персонале и близком окружении Михаила Сергеевича, Виктория Петровна безразлично относилась к внешним данным знакомых женского пола своего мужа.

Назначению в Москву союзным министром внутренних дел

Николай Анисимович был обязан целиком Брежневу, и он рьяно отстаивал его интересы на этом посту. Щелоков старался сделать МВД таким же мощным и всевидящим оком, как КГБ. Ему удалось с помощью Брежнева значительно повысить численность кадров и должностной уровень офицеров. Министр внутренних дел интересовался вопросами культуры, гуманитарных и специальных наук. Он создал Академию МВД, расширил сеть милицейских школ и повысил в них уровень образования.

Щелоков любил встречаться с деятелями культуры, науки. Он завел обычай на День милиции, 10 октября, устраивать в Кремле торжественный вечер в честь профессионального праздника. Лучшие и популярнейшие артисты приглашались в этот день на сцену, получали высокие по тем временам гонорары. Щелоков хорошо понимал значение творчества писателей-детективщиков для пропаганды среди общественности милицейской работы и создания положительного имиджа органов внутренних дел, на которые обыватель обычно возлагает все свои неприятности и беды. Он всячески стимулировал в этом направлении творчество писателей. Одним из первых среди министров он создал пресс-службу своего ведомства, которая успешно занималась связями с общественностью. В эту службу были отобраны одаренные литературным талантом офицеры МВД. Они не только снабжали журналистов и писателей интересными оперативными материалами, но и сами занимались литературным творчеством. Я думаю, что пресс-бюро КГБ Андропов создавал по образу и подобию действовавшей уже тогда рекламной пресс-службы МВД.

Щелоков создал штаб МВД, который занимался аналитической работой. Министр понимал значение профилактической деятельности по предупреждению преступлений, выступал за смягчение наказаний. Он даже вносил в ЦК КПСС записку о необходимости советским органам внутренних дел вступить в Интерпол, но суровые и идеологически зашоренные политические карлики в политбюро сняли вопрос с обсуждения, закрыв тем самым его.

Один раз я видел Щелокова вблизи на каком-то совещании. Это был человек невысокого роста, в хорошем темно-сером костюме без звенящих регалий на груди. Не толстый, с нормальным цветом лица и без признаков облысения в густых сизых волосах. На первый взгляд его лицо мне показалось добрым, хотя и с нахмуренными бровями, а глаза — умными. Но через несколько минут в Николае Анисимовиче проявилось вдруг нечто волчье. Может быть, он улыбнулся, а рот с крепкими зубами и чуть выпирающими клыками принял волчий оскал. Двое моих старых знакомых — полковников милиции, один из которых

служил в пресс-службе министра, рассказывали мне, что Николай Анисимович действительно довольно добродушно относился к подчиненным, не терроризировал их, а если наказывал, то не злобно и давая возможность исправиться. Щелоков принадлежал к тому типу руководителей, которые в беседах со своими работниками слушают не самого себя, а стараются узнать мнение и аргументацию подчиненного. Министр ввел порядок, согласно которому ему лично докладывалось о каждом умышленном убийстве в СССР. В то же время при нем началось в милиции массовое искажение криминальной статистики — в сторону ее уменьшения.

При некоторой схожести характеров Андропова и Щелокова — внешней открытости, доброжелательности, умении ценить способных людей и продвигать их — уровень моральных устоев был у них диаметрально противоположным. Если Юрий Владимирович всю жизнь был и оставался даже на вершине власти аскетом и честнейшим человеком, Николай Анисимович не выдержал в Москве испытание медными трубами славы. Только несколько лет его репутация оставалась незапятнанной, но к началу 70-х годов пошли по Москве слухи о коррумпированности министра внутренних дел, то есть лица, призванного бороться со взяточничеством, похищением частной и общественной собственности, другими криминальными деяниями.

Нет сомнения, что КГБ и МВД, а также их шефы остро соперничали между собой в том, что касается информирования Брежнева и политбюро о негативных проявлениях в Советском Союзе, о преступности. Если Щелоков докладывал Брежневу о преступниках и уголовщине весьма спокойно и даже оптимистически, чтобы не нервировать маразмирующего генсека, то Андропов, наоборот, докладывал Леониду Ильичу об общественной, экономической жизни и коррупции все без прикрас. Своей правдивостью он добился только того, что Брежнев просил челядь не допускать в течение нескольких месяцев к нему председателя КГБ потому, что «у него от страшных известий, приносимых Юрой, слезы наворачиваются на глаза».

Щелоков, как и Цинев, как иногда и Цвигун, делали свои сообщения о жизни в стране, обществе и армии с глазу на глаз генеральному секретарю в духе, специально направленном против Андропова. Юрий Владимирович неведомыми мне путями все равно узнавал из окружения Брежнева даже детали этих наветов. Было видно по его плохому настроению и задумчивости, возникавшим вдруг во время доклада документов ЦК, когда он на

мгновение отключался и начинал барабанить ножом для разрезания бумаг по глади стола, что эти доносы причиняют ему сильный психологический дискомфорт. В такой момент я часто вспоминал сообщенную им любимую поговорку Сталина: «Если нэ можешь свалить — нэ царапайся».

Верхов вообще не бывает без грязных интриг и «стукачества» друг на друга. Надо ли говорить, как он «любил» их обоих. Однако на словах, а особенно при встречах с Циневым и Щелоковым, он был всегда вполне корректен по отношению к ним.

В свою очередь, Юрий Владимирович располагал полной информацией о коррумпированности министра внутренних дел, его окружения и начальников многих территориальных органов МВД. Что касается местных управлений МВД, то они были вполне прозрачны для управлений и отделов КГБ на местах. В Москве, очевидно с помощью агентуры и «прослушки», было то же самое. Тем не менее Андропов ставил несколько раз перед Брежневым вопрос о том, что КГБ должен организовать «оперативное обслуживание МВД». Это означало внедрение офицеров главной спецслужбы страны во внутреннюю спецслужбу — МВД — для выявления в ней проникших туда якобы шпионов. На самом деле Андропов хотел получать еще более достоверные факты о милицейской коррупции. Но генсек не только отказал в этой просьбе председателю КГБ, но и запретил ему вообще докладывать о делах, связанных с МВД. Хитрый старец до последних дней регулировал систему «сдержек и противовесов», которые позволяли ему прочно удерживать бразды правления страной в своих руках.

Лишь тогда, когда Андропов буквально перед смертью Брежнева сумел утвердить себя на позиции второго секретаря ЦК, он смог начать настоящую охоту на коррупционеров. Первыми из них оказались друзья покойного генсека министр внутренних дел Щелоков и первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Медунов. К тому времени я уже не работал рядом с Юрием Владимировичем и не мог питаться информацией из первоисточников. Но в 70-х годах, когда я пребывал еще под крышей Лубянки, до меня доходило много слухов о взяточничестве и казнокрадстве, а также о мародерстве, а иначе это назвать нельзя, в отношении задержанных, арестованных и подследственных людей в системе МВД.

Следователи и работники милиции, проводившие обыски при аресте подпольных теневиков-миллионеров, валютчиков, коллекционеров картин и антиквариата, еще до начала юридических действий по задержанным подозреваемым вывозили

особенно ценные произведения искусства и целые библиотеки редких книг на особый склад МВД. Затем эти вещи объявлялись конфискованными. Недавно писатель и публицист Млечин высказал мысль, что гонения на коллекционеров, их аресты «с конфискацией» в 70-х годах, кампания против антикваров в СМИ и на экранах кинотеатров в детективных фильмах были вызваны вовсе не политикой или борьбой с мелкими нарушениями валютного законодательства, а жаждой наживы и мародерством у арестованных, бушевавших в душе министра внутренних дел и его клики. На службе у Щелокова были оценщики-искусствоведы, которые особым образом оценивали картины, скульптуры, ювелирные изделия и прочий антиквариат, редкие книги, конфискованные у якобы преступников. Оценки эти были в десятки и сотни раз занижены по сравнению с подлинной рыночной стоимостью вещей.

Один из моих знакомых в МВД рассказывал, что эти оценщики действовали примерно так. Берется из кучи, вываленной из книжного шкафа, редкая книга, инкунабула, которая стоит за рубежами СССР десятки тысяч долларов. Внутри страны, из-за закрытости границ, ее стоимость составляет десятки тысяч рублей. Искусствовед-букинист с интересом рассматривает иллюстрации, выполненные от руки мастером ряда Дюрера, в лупу разглядывает толстый деревянный переплет, обтянутый кожей с золотым тиснением, пробует застежки, украшенные золотом или серебром с драгоценными камнями. Затем он тяжело вздыхает, как человек, в руки которого попала какая-то дешевка, и проставляет карандашом на внутренней стороне задней стенки переплета свою цену: «10 рублей», скрепляет ее закорючкой подписи и ромбиком штампа, как в букинистическом магазине.

Внешне все законные формальности соблюдены, адъютант министра вносит в кассу десять рублей и увозит драгоценную инкунабулу, стоящую десятки тысяч долларов, в личную библиотеку министра…

Точно так же оценивались полотна Айвазовского, Саврасова, Куинджи, Бенуа и других первоклассных русских художников, по так называемой балансовой стоимости, то есть по максимально заниженной государственной цене якобы амортизированного, то есть бывшего в употреблении, имущества. Таковых было обнаружено при обыске в квартире министра 124 картины!

А вот еще одно, вполне конкретное и криминальное деяние министра внутренних дел. О нем рассказал уже в наши дни в своих мемуарах бывший начальник Московского управления КГБ генерал Виктор Иванович Алидин. Тогда до меня донесся только отголосок этого эпизода, о котором с возмущением, но вскользь

как-то поведал Юрий Владимирович. Генерал Алидин рассказывает о нем весьма подробно.

Московское управление КГБ вело следствие по делу о контрабанде. Был арестован человек, относившийся к этому делу лишь косвенно. Оказалось, что он был хорошо известен МВД. Но после его ареста оперработниками КГБ один из руководящих деятелей Министерства внутренних дел мошенническим образом вывез с мебельной фабрики, занимавшейся реставрацией антиквариата, принадлежавший подследственному гарнитур мебели XVIII века. Эта мебель стоимостью более 47 тысяч рублей (легковой автомобиль ВАЗ стоил тогда три тысячи рублей) была доставлена на квартиру Н. А. Щелокова.

Об этом факте генерал Алидин доложил Андропову. Юрий Владимирович все выслушал, разволновался и сказал Алидину:

— Виктор Иванович, ты ставишь меня в тяжелое положение. Ну что я могу сделать по этому делу? Поговори сам со Щелоковым, ведь ты его знаешь давно, еще по работе на Украине…

Алидину ничего не оставалось, как согласиться. Но встречу со Щелоковым мудрый генерал обставил как товарищескую. Он рассказал министру о некоторых известных КГБ фактах сращивания работников милиции с криминалитетом, о необходимости выявления преступных элементов, действовавших в самом МВД. А затем генерал Алидин неожиданно сказал министру:

— Николай Анисимович, ваш подчиненный незаконно вывез с московской мебельной фабрики антикварную мебель, принадлежащую лицу, находящемуся у нас под следствием, и доставил мебель к вам на квартиру. Я прошу, желательно к вечеру, вернуть мебель по принадлежности, в противном случае мы вынуждены будем принять меры к вашему подчиненному.

Щелоков растерялся и обещал все вернуть. К вечеру он позвонил Алидину и доложил, что мебель сдал. Естественно, что начальник Московского управления сообщил о беседе и ее результатах Юрию Владимировичу…

Особенно отличался в незаконных деяниях начальник Хозяйственного управления МВД генерал Калинин. Он был организатором многих так называемых спецмагазинов по продаже «конфиската», где продавались отобранные у богатых преступников вещи — сервизы, хрусталь, картины, антикварная мебель и т. п. — по явно заниженным ценам. Словно феодал, министр СССР имел в этих магазинах «право первой ночи». Он сам или его прихвостни отбирали для Щелокова самые ценные предметы. Затем право покупки получали следующие за

министром на служебной лестнице чины.

Не брезговал высокопоставленный мародер с погонами генерала армии и тем, что ему доставляли изъятые при обыске милицией вещественные доказательства преступлений и ценные вещи, которые «исчезали» из протоколов обысков, хотя их владельцам не было предъявлено обвинение. Мой товарищ из МВД, честный офицер, был настолько возмущен таким поведением своего министра и его прихлебателей, что не захотел работать дальше в этом «гадючнике», как он называл центральный аппарат министерства. В знак протеста он досрочно вышел в отставку. Таких порядочных людей в МВД было немало, но, к сожалению, не они делали погоду в органах внутренних дел при Брежневе.

После того как Андропов пришел к власти, одним из первых его поручений Военной прокуратуре стало задание расследовать коррупцию в МВД и причастность к ней министра Щелокова. Перед военными прокурорами, которые только и могли вести это дело в силу секретности многих министерских дел, ведущихся с участием главы ведомства, открылись совершенно потрясающие факты казнокрадства, использования служебного положения в личных целях, финансового мошенничества. Главная военная прокуратура, ведшая «дело Щелокова», так подвела «личные» итоги деятельности министра внутренних дел, проходившей под покровительством Брежнева:

«Всего преступными действиями Щелокова государству причинен ущерб на сумму свыше 560 тысяч рублей. В возмещение ущерба им и членами его семьи возвращено, а также изъято органами следствия имущества на сумму 296 тысяч рублей, внесено наличными деньгами 126 тысяч рублей.

Таким образом, Щелоков Н. А. систематически, из корыстных побуждений злоупотреблял своим ответственным служебным положением, причинив государству существенный вред…»

Неизвестным осталось только, по какой цене — рыночной или балансовой — оценивался общий финансовый ущерб и стоимость имущества на сумму 296 тысяч рублей, изъятого у бывшего министра и членов его семьи.

В этой истории трагично все — от начала до конца. Постепенное разложение самого высокого чиновника социалистического государства в правоохранительных органах. Бессовестная коррупция его самого и близкого окружения, печальный конец его жены Светланы. Она застрелилась в феврале 1983 года, поняв, что начавшееся следствие по делу ее мужа обязательно приведет к краху благополучия и позору всей семьи. Николай Анисимович Щелоков также покончил самоубийством на

даче 13 декабря 1984 года, несколько месяцев спустя после смерти своего ненавистника, ставшего генеральным секретарем ЦК КПСС Андропова. Новый генсек Черненко не помог Щелокову. Может быть, потому, что министр слишком много знал о таинственных «самоубийствах» Кулакова, Папутина, Цвигуна, Иноземцева и кое-кого еще? Помилованный и освобожденный от ответственности, он мог шантажировать Черненко тем, что распустит язык в «райской группе», как называлась группа советников министра обороны. В эту группу вместо отправки на пенсию назначали маршалов, генералов армии и некоторых генерал-полковников, отслуживших все разумные пенсионные выслуги лет. Им сохранялась полная зарплата, адъютант, автомобиль с водителем, кабинет в главном здании Министерства обороны. Щелоков был на время следствия «посажен» вместо тюрьмы в эту «райскую группу».

За день до того, как он нажал пальцем ноги на спусковой крючок охотничьего ружья, выстрелив себе в голову (сам ли?), он получил известие о том, что Президиум Верховного Совета СССР лишил генерала армии Щелокова Николая Анисимовича звания Героя Социалистического Труда, всех наград и званий, кроме полученных на войне. Наградной отдел Президиума Верховного Совета уведомил его о том, что необходимо сдать награды, которых он был лишен. Бывший министр внутренних дел понял, что скоро его арестуют. Он не хотел идти в тюрьму…

По сравнению с Министерством внутренних дел в КГБ работали бессребреники. Даже инакомыслящий академик Андрей Сахаров публично признал, что коррупция в наименьшей степени из всех советских институтов власти затронула КГБ. Непредвзятым взглядом изнутри Лубянки было видно, что только редких чекистов коснулось крыло коррупции. Наибольшее число таковых, по моим наблюдениям, оказалось во внешней разведке. Возможно, так было потому, что под руководством партбюрократа Крючкова, разложившего, как я уже писал выше, советскую разведку, в 1-м Главном управлении стал появляться дух стяжательства и всепрощенчества. Именно при Крючкове по советской внешней разведке прокатился девятый вал измен, побегов и случаев казнокрадства. Но поскольку Владимир Александрович принадлежал к числу ближайших сотрудников Андропова, никакое наказание его не постигло.

Что касается увеличения и без того безмерных расходов на разведку, Крючков весьма преуспел. Он пользовался хорошим отношением к нему Андропова и выпрашивал у шефа то разрешение на строительство небоскребов в Ясеневе для непомерно раздутого им аппарата разведки, то на строительство

роскошных дач для руководителей ПГУ и вилл для иностранных «гостей». Кстати, одно из первых организационных собраний ГКЧП происходило именно на подобном «объекте».

…Однажды Крючков приехал из Ясенева на доклад к Андропову и в ожидании его в кабинете начальника секретариата стал похваляться тем, что теперь ездит на «мерседесе», в котором ему якобы очень удобно работать. Оказалось, что начальник ПГУ убедил председателя КГБ в том, что разведчики, особенно готовящиеся стать нелегалами, должны учиться управлять автомобилем любой иностранной марки. Юрий Владимирович разрешил Крючкову израсходовать на эти цели — приобретение за границей «мерседесов», «пежо», «вольво» и чего-то там еще — 100 тысяч долларов. Но оперативный и учащийся состав ПГУ эти машины в деле, для которого они приобретались, так никогда и не увидел. Зато по утрам они привозили к первому подъезду главного дома ПГУ в Ясеневе высокопоставленных начальников разведки.

Сейчас импортными иномарками в качестве служебных машин пользуются и мелкие клерки из властных структур. «Слугам народа» не подходят кареты нашего, деревенского изготовления. Но тогда, в 70-х годах, это был публичный разврат, который следовало бы осудить. К сожалению, у своего любимца Крючкова Андропов его не замечал…

О случаях казнокрадства и разложения в среднем руководящем звене и военной, и политической разведки мне рассказывали и во время моей работы в АПН, и когда я пришел на Лубянку. С одним фактом я сам столкнулся во времена пребывания в Швеции. Пострадав от коррупционеров, я постарался побольше узнать об этом явлении у моих коллег в АПН, по каким-либо причинам, чаще всего из-за ненужной начальству активности в оперативной работе, интриг сослуживцев и конкурентов, уволенных «под крышу» из ГРУ и ПГУ.

Один из моих товарищей в отделе Северной Европы АПН, офицер с необыкновенно развитым чувством чести, был уволен из ГРУ после того, как он закончил Военно-дипломатическую академию Советской армии и немного поработал за рубежом. Какой-то кадровик по секрету сообщил ему формулировку причины увольнения в запас. Оказалось, военного разведчика, офицера, коммуниста, убрали с оперативной работы за «правдоискательство и излишнюю принципиальность». Мой редактор рассказал кое-что и о методологии казнокрадства, бытующей у нечистоплотных работников разведки. Она целиком покоится на секретности и полном доверии оперативному

сотруднику и резиденту со стороны руководства. Исполняется такой трюк следующим образом. Например, на связи у работника резидентуры в какой-то стране находится агент Х. Оперативник встречается с ним, и они договариваются о продаже агентом конкретного секретного документа за сумму, допустим, в 20 тысяч долларов. Вернувшись в резидентуру, этот оперработник сообщает своему шефу, что агент «Х» требует за документ 40 тысяч долларов, которые необходимо передать ему через две недели на личной встрече. Резидент запрашивает Центр о разрешении на подобный гонорар, получает оное и вручает перед встречей всю сумму оперативнику. Тот кладет в один карман упаковку с 20 тысячами долларов для передачи агенту, а в другой — конверт с оставшейся половиной полученной суммы.

Как правило, для казнокрада-разведчика все сходит благополучно. Весьма редко, на основании очень весомых подозрений, резидентура устраивает своему сотруднику тайную проверку или даже провокацию с помощью кого-то другого из агентуры своих сотрудников. И тогда, конечно, песенка казнокрада бывает спета. Его немедленно вывозят в Москву и… чаще всего отпускают с миром на все четыре стороны, чтобы не позорить коллектив и руководство. Иногда, впрочем, дело может кончиться и трибуналом.

Однажды среди руководства секретариата председателя стал предметом обсуждения случай, происшедший в Вене. Венский резидент, приехав в рядом расположенную словацкую Братиславу, где был советский телефонный аппарат засекреченной связи ВЧ, позвонил в секретариат и попросил срочно вызвать его в Москву. Здесь он рассказал о том, что у его заместителя по контрразведке, находившегося под прикрытием должности заместителя торгпреда и отдыхавшего в те дни в отпуске в Москве, обнаружена в личном сейфе при «случайной» проверке крупная сумма денег. Она значительно превышала всю его возможную зарплату за годы пребывания в Вене. После «находки» в сейфе замрезидента работники резидентуры устроили негласный обыск в квартире подозреваемого в коррупции, а возможно, в еще большем грехе — связи со спецслужбами противника. Во время этой проверки они выявили настоящий оптовый склад изделий легкой промышленности и ювелирных украшений. Сотни джемперов, кофточек, юбок, меховых шапок находились в этой квартире.

Чтобы не вызывать подозрения у объекта разработки и не спугнуть его, коррупционера выпустили из Москвы к месту службы, в Вену, и продолжали следить за ним. Замрезидента по контрразведке был направлен в столицу Австрии не из ПГУ, а из

2-го, контрразведывательного, управления КГБ. И — о, ужас! — «прослушка» установила, что объект наблюдения находится в частом телефонном общении с начальником ВГУ Григоренко и другими руководителями этого контрразведывательного подразделения. Более того, он отправляет на квартиры этих руководителей щедрые дары, состоящие из иностранного барахла.

Учитывая тяжелый вес московских покровителей замрезидента в Вене, его «персональное дело» слушалось не в трибунале, а на парткоме КГБ. Подпольный «миллионер» объяснял членам парткома, что за границей, да еще через торгпредство, куда множество фирм предлагают на продажу свои товары, можно по дешевке скупить массу прекрасных вещей. А относительно десяти тысяч неучтенных долларов, которые нашли у него в сейфе, им было сказано, что он скопил эту сумму «непосильным трудом и воздержанием». Партком ограничился тем, что исключил его с формулировкой «за стяжательство» из партии, а генералу Григоренко и другим «подельникам» было высказано порицание. Затем Андропов подписал приказ об увольнении контрразведчика. В ближайшие после этого решения дни в ПГУ и ВГУ прошли партийные собрания, резко осудившие разложившихся чекистов, позорящих КГБ в глазах партии и работников зарубежных совучреждений… Была, кроме уголовной, и другая подоплека того факта, что скандалу дали разгореться и слушали его вплоть до парткома КГБ, хотя и не передали в трибунал. Дело в том, что начальник ПГУ Крючков, первым получивший сигнал о жулике в венской резидентуре, конфликтовал с начальником ВГУ Григоренко, откуда и прибыл на службу в Вену коррупционер. Крючков задолго до этого случая старался спихнуть с кресла начальника контрразведки профессионала Григоренко, который замечал много ошибок, а может быть, и еще чего у начальника ПГУ. В тот раз одному фавориту Андропова не удалось убрать другого любимца председателя — начальника контрразведывательного главка из центрального аппарата КГБ. Другой случай представился Крючкову спустя пару лет.

Как видим, достижение карьеристских целей с помощью подарков не только процветало в верхушке партии и руководства организаций и учреждений, но имело место и в КГБ. Таким и стал другой вопиющий случай коррупции, который начальник ПГУ — конкурирующего с ВГУ подразделения — не упустил. Мне рассказывал о нем надежный источник, мой отец, уже после того, как я ушел с Лубянки назад в АПН. Речь шла тоже о коррупционном скандале, крайне возмутившем Юрия

Владимировича. Дело в том, что у одного из самых высоких чинов контрразведки был молодой и любимый заместитель в генеральском звании. Этот контрразведчик дружил с одним из ученых, работавшим в военно-промышленном комплексе страны. Ученый этот, как говорили тогда, был «секретоносителем», возможно лишь по формальным признакам. По национальности он был евреем.

Когда друг генерала КГБ подал прошение о выезде в Израиль на постоянное местожительство, то получил полный отказ. У семьи этого человека была довольно приличная дача под Москвой. Он очень хотел уехать из СССР на историческую родину и придумал обходной путь. Он встретился со своим другом, заместителем начальника ВГУ, отдал ему ключи от дачи и сказал: «Если ты добьешься того, что меня и мою семью выпустят в Израиль, то дача станет твоей».

Молодой генерал был нахален и самоуверен. Он считал, что его всесильный шеф поможет ему снять запрет на отъезд «секретоносителя». Однако просчитался. Такой запрет в то время мог быть снят только личной резолюцией председателя КГБ, а шеф молодого генерала не решился идти к Андропову с этим неформальным вопросом.

Прошло изрядно времени, а «отказник» — владелец дачи — никак не мог получить положительного ответа на свои заявления о выезде. Тогда он попросил встречи со своим другом, молодым генералом, и сказал ему, чтобы тот вернул ключи от дачи хозяину. Гонористый генерал, привыкший уже к даче, как к своей, пошел на приятеля в атаку. «Знаешь ли ты, что я с тобой сделаю?! — орал он на беззащитного человека так, как это практиковалось его коллегами в 1937 году. — Ты у меня поедешь в Сибирь, а не в Израиль!»

Бедный еврей, в свою очередь, также страшно возмутился. Он написал обо всей этой истории личное письмо Юрию Владимировичу и сдал его в приемную КГБ. Оно дошло очень быстро. Финал истории наступил через несколько дней. Генерал-коррупционер был разжалован и уволен из органов безопасности. Его высокий покровитель, пытавшийся защитить своего любимца и бормотавший у Юрия Владимировича в кабинете что-то о том, что, дескать, автор письма клеветник и какой хороший человек и профессионал его молодой заместитель, был также выброшен с оперативной работы. Насколько я знаю, такое простое наказание, как перевод работника «под крышу», является для чекистов чрезвычайно болезненным. Я думаю, что этот старый генерал еще легко отделался. Юрий Владимирович был абсолютно беспощаден к коррупционерам и их покровителям. Видимо,

сыграло свою роль то обстоятельство, что Андропов его знал еще со времен будапештского восстания 1956 года, когда Юрий Владимирович служил послом, а чекист — в представительстве КГБ.

Повторюсь, что, кроме отдельных и редких случаев взяточничества и казнокрадства, массовой коррупции в главной спецслужбе страны не наблюдалось. Практически только Андропов и КГБ начали в конце 70-х годов настоящую борьбу с казнокрадством, взяточничеством, лихоимством партийных и государственных чиновников, хозяйственных руководителей. Но в авгиевых конюшнях коммунистической Системы было столько навоза, сколько никакой Геракл за отпущенное ему время не смог бы вычистить потоками всех великих рек мира.

Самый загадочный генсек?

Об Андропове писали как о самом загадочном вожде КПСС за всю историю этой правящей партии. Краткость его пребывания у власти и яркий след в народной памяти, несбывшиеся надежды на него и желание видеть в новых правителях России черты его характера — ненависть к коррупции, преданность делу, необходимую строгость или даже жесткость руки и твердость воли в руководстве государством — все это осталось в истории на виду. Никаких загадок в этом нет. Так был ли он действительно загадочной личностью, как все великие люди? Думаю, что да. В феномене Андропова скрыта некая тайна. Она — в противоречивости его характера, пределах трансформации взглядов под влиянием времени и объективных реалий политики. Наконец, в неясности облика той страны, которую он хотел сделать из СССР. Он столь быстро ушел из жизни, что, так же как и Петр Великий, не успел досказать на смертном одре фразу: «Отдайте все…» Кому и что?

Я не совсем уверен, что в предыдущих главах удалось нарисовать объемный портрет Юрия Владимировича. Рискуя, может быть, в чем-то повториться, хотел бы вновь вернуться не к различным сторонам деятельности Андропова и фона, на котором она проистекала, а к его личности, привычкам, характеру и даже — болезням. Но это в целом довольно сложно сделать, поскольку он был весьма замкнутым человеком, не терпевшим ни малейшего вмешательства в свою личную жизнь. Он не позволял проявлять никакого интереса к его юношеским и молодым годам не только в силу конспирации, присущей столь секретной персоне, как председатель Комитета государственной безопасности, но и по свойствам характера.

Позволю себе высказать одну гипотезу, возможно приоткрывающую завесу над таинственностью, которой окружены его молодые годы.

Судя по его собственному высказыванию, сделанному в начале 80-х годов начальнику 4-го Главного управления при Министерстве здравоохранения СССР академику Чазову, с которым Юрий Владимирович был очень близок, его дед по матери был богатым купцом. Отец Юрия Владимировича, как известно из официальных материалов, был телеграфистом, то есть хотя и мелким, но все-таки царским чиновником. Мать была учительницей музыки, то есть опять-таки выходцем из богатой среды, где серьезно учили музицированию на рояле и скрипке, но не гармошке и балалайке, чем отличались многие советские и

нынешние российские деятели. Между тем в самом конце 20-х — начале 30-х годов, когда Юрий Андропов должен был после семилетки учиться в средней школе, техникуме или высшем учебном заведении, в Советском Союзе господствовал ярый классовый подход к образованию. Его могли свободно получать только дети рабочих и крестьян, молодые рабочие и крестьяне — прямо от станка или сохи. Все остальные юноши и девушки, особенно родственники царских чиновников, богатых купцов, интеллигентов, были лишены в правах. Им требовалась определенная социальная мимикрия, то есть некоторый стаж работы на самых примитивных рабочих местах на заводах, фабриках, транспорте, в коллективном сельском хозяйстве, чтобы «приобщиться» к рабочему классу-гегемону и получить право поступать в училища, техникумы и высшие учебные заведения.

Может быть, поэтому столь яркая личность, как Юрий Андропов, с глубокой внутренней культурой, в шестнадцать лет сначала становится грузчиком, помощником киномеханика, затем рабочим телеграфа в городишке Моздоке на Северном Кавказе, где получает первичный статус рабочего. Здесь же он вступает в Коммунистический союз молодежи. Но он не остается в тех местах, где было много людей, знающих о его «неправильных» социальных корнях. В восемнадцать лет он — матрос на Волге, то есть совсем в другом регионе. Это весьма романтическая рабочая профессия. Еще через год он оседает на Верхней Волге, в городе Рыбинске, курсантом техникума водного транспорта.

Не его ли бурная, бродячая молодость способствовала тому, что будущий хранитель очага большевизма и коммунистических устоев так любил, хорошо знал и с удовольствием цитировал лучшие плутовские романы советской литературы «12 стульев» и «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова? Ведь ни суровый Сталин, ни балаболка Хрущев не позволяли с конца 30-х и почти до 70-х годов переиздавать их, усматривая в похождениях Остапа Бендера некий антисоветский душок. Чего стоят только тексты некоторых объявлений на страницах произведений Ильфа и Петрова: «Пиво отпускается только членам профсоюза», «Оставляй излишки не в пивной, а на сберкнижке», или «Заговор „Меча и Орала“» и любовь к беспризорным детям, которая явно пародировала сладкие подвиги главы ВЧК на ниве борьбы с детской беспризорностью, приписываемые тому, кто осуществлял массовые репрессии против родителей этих детишек и делал их сиротами, — Феликсу Дзержинскому. Для председателя КГБ и будущего генсека такая любовь к «12 стульям» и «Золотому теленку» была несколько странновата. А в глазах некоторых его престарелых коллег на Лубянке — весьма предосудительна. Но

для волжского матроса и «лишенца» Юры Андропова вполне естественна.

В Рыбинске начинается политическая карьера Юрия Андропова. После окончания техникума его — теперь дипломированного специалиста, судового техника — не отпускают снова плавать по Волге, а избирают освобожденным секретарем комсомольской организации Рыбинской судоверфи. По тем временам это была такая большая организация ВЛКСМ, что ей был дан статус райкома. Юрий стал соответственно секретарем райкома комсомола.

Я думаю, что уже тогда в характере Юрия Владимировича проявились большие организаторские способности и он был ярко выраженным общественным лидером. В 1984 году, после смерти генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Президиума Верховного Совета СССР Юрия Владимировича Андропова, городок Рыбинск Ярославской области назвали в его честь — Андропов, но с началом демократических преобразований в России в 90-х годах город Андропов снова превращается в Рыбинск…

Морозным декабрем 1976 года Юрия Владимировича посетила в его кабинете на Лубянке делегация Рыбинского речного техникума. У меня сохранилась короткая запись беседы на этой встрече, состоявшейся по инициативе рыбинцев как раз в дни сорокалетия со дня окончания Андроповым этого техникума. Делегацию составляли Сергей Попов, начальник техникума, Юрий Шумаев, замполит, Алексей Воронин, секретарь партбюро, и Алексей Конюхов, курсант-отличник. Одеты они были в строгие, хорошо пошитые черные форменки речников. На рукавах — золотые шевроны речных командирских званий, даже у курсанта-отличника какая-то загогулина. Пред очами грозного председателя КГБ и члена политбюро ЦК КПСС гости нисколько не тушевались. Чувствовали они себя вполне комфортно и независимо, словно перед ними был не один из вождей СССР, а секретарь комсомольской организации техникума. И Юрий Владимирович был совершенно раскован, по-человечески рад встрече с земляками. На большой стол заседаний, за которым все сидели, принесли чай, кофе, печенье, конфеты. Разговор сразу принял непринужденный, доброжелательный характер.

Сначала он поинтересовался профилем сегодняшней подготовки курсантов родного учебного заведения. Ему назвали среди прочих модное современное направление учебы — электрику, электронику. Юрий Владимирович с сожалением сказал, что в его времена таких сложных отдельных факультетов не было, учились на судоводительском, судомеханическом и

судоремонтном отделениях. Начальник техникума передал Андропову несколько фото 30-х годов с портретами преподавателей и курсантов, современные фотографии Рыбинска и памятных исторических мест города.

Разглядывая фото, Юрий Владимирович спросил о своих старых преподавателях Цветкове и Виноградове. Оказалось, оба давно ушли из жизни. Вспомнил Андропов и капитана парохода Михаила Ивановича Штыркина, с которым он когда-то ходил по Волге.

— Он у меня в гостях был, лет девять назад… — сказал Юрий Владимирович. — Лет за семьдесят ему было. Я его чайком попоил, и вспомнили мы, где было междуречье Мологи и Волги, где Молога в Волгу впадала, — до затопления Рыбинского моря, — в большую воду ходили поперек, прямо в Шексну… Так Михаил Иванович, оглядев столик с телефонами, вроде этого, — Андропов показал на огромный телефонный пульт возле своего письменного стола, — мне сказал, вроде критикуя: «Ну и туз ты стал! А какой парень был!..»

Андропов вздохнул, вспомнив, видимо, каким он был парнем.

— Бывали и юмористические ситуации, — продолжал Юрий Владимирович, улыбаясь, — особенно когда вода падала быстро. Был старый такой капитан Фуабер на шекснинском пароходе «Волжин». Так вот у этого «Волжина» был крен постоянный на правый борт. Однажды, когда после половодья вода быстро уходила, он сумел напороться так: две трети парохода на земле, а одна треть висит на высоком берегу над рекой…

С удовольствием рассказал гостям и о довоенной волжской эскадре колесных тихоходов, о которых гости и не знали.

— Помню, как скот у нас возили пароходы серии «драгоценных камней» — «Изумруд», «Алмаз»… Как маленькие пароходики, «Гаршин», «Чернышевский», ходили с мая по большой воде, а потом, когда река мелела до сорока сантиметров глубины на перекатах и из Осташкова делали попуски воды, они «шлепали» и по маловодью…

— А вы на Волге-то бываете? — спросил с характерным волжским говорком замполит Юрий Шумаев.

— Дальше Завидова не бываю, — со вздохом сожаления ответил Юрий Владимирович. Вспомнил тут же о Белом озере и что нигде так не укачивало, как на его просторах…

Беседовали, наверное, около часа. Гости рассказали о современном Рыбинске, пригласили побывать в техникуме, совершить прогулку по городу. Андропов вспомнил, что в его бытность население старинного города на Волге составляло 100 тысяч человек. Обещал подумать и, может быть, следующим

летом побывать в городе своей юности.

— Теперь у нас 241 тысяча жителей… — сообщили земляки.

На прощание на листке блокнота Юрий Владимирович написал от руки короткое приветствие коллективу техникума. Как водится, сфотографировались на память. Рыбинцы ушли воодушевленные теплым дружеским приемом. Столь высоко поднявшийся в чинах земляк не зазнался, не задрал нос. Для людей это было очень важно само по себе. Меня удивило, что они ничего не просили, просто пообщались со своим бывшим комсомольским секретарем. Приехали они по собственной инициативе. Он тоже хлебнул глоток воздуха из своей молодости. Ведь тогда никто не думал об играх с электоратом…

Характеры прирожденных лидеров, за которыми идут соратники и массы, тоже бывают разными. Если Леонид Ильич Брежнев был внешне открыт и контактен, как говорится, рубаха-парень или, скорее, мягко стелет, да жестко спать, то Юрий Владимирович был вежливо улыбчив, тверд и жёсток. Именно жёсток, а не жесток. Со своими коллегами в верхушке партии он не сближался, не катался вместе с ними на охоты и застолья, не упивался вином на днях рождения. Это давало повод некоторым членам политбюро в своих позднейших мемуарах осуждать его за сухость, нежелание контактировать в дни отдыха. Он старался дистанцироваться и от «курортного секретаря» Горбачева, когда лечился в Кисловодске, а первый секретарь Ставропольского крайкома со своей женой постоянно навязывался в «дружбу» к нему и всем другим высокопоставленным курортникам.

Наряду с жесткой хваткой, организаторским талантом, сильной волей и целеустремленностью я хотел бы отметить определенную трусливость, которую Андропов проявлял в отношении Брежнева, свойство теряться в некоторых сложных ситуациях, когда было трудно найти мгновенный выход из положения, не вредивший делу и не затрагивающий его собственное высокое личное положение. Он всегда подчеркивал в беседах с соратниками, что надо оберегать Брежнева, особенно когда вождь стал очень больным и почти недееспособным человеком. Юрий Владимирович считал, что именно тогда его надо было особенно беречь, поскольку его уход на пенсию повлек бы за собой столь ощутимое изменение баланса сил в политбюро, вспышку личных амбиций и претензий на пост генерального секретаря совершенно неподходящих претендентов, как Кириленко, Щербицкий, Гришин, Черненко. За каждым из них стояла своя группировка политиков, деятелей ВПК, экономики…

Он не плел никаких заговоров против Брежнева, как пишут некоторые авторы, а верно служил ему и охранял его власть. Но

когда политическая ситуация в стране потребовала от него жестких действий в борьбе с коррупцией, он не постеснялся затронуть на принципиальной основе родственников и ближайших друзей генсека. В свою очередь, слухи о заговорах против самого Андропова, бытующие в некоторых публикациях о нем, сильно преувеличены.

Врожденная, а возможно, и благоприобретенная скрытность Юрия Владимировича не позволяла никому что-либо знать о его семье, вернее о двух семьях. Я лично, будучи с ним рядом в течение десяти лет, не знал о том, что он расстался с первой женой и уехал в Петрозаводск еще перед войной, когда его перевели туда на работу из Ярославля, где он уже был первым секретарем обкома комсомола. Впервые я прочитал об этом только в двух биографических романах, написанных о нем после смерти. Но даже если бы я и знал об этой драме его личной жизни, то никогда не позволил себе копаться в ней и давать комментарии.

Вторую жену, Татьяну Филипповну, я никогда не видел, а только слышал о ней, что она хронически больна, ее болезнь носит нервный характер и она заболела после того, как из окна советского посольства в Будапеште, во время венгерского восстания, увидела жестокие казни коммунистов-мадьяр, сторонников Москвы, и работников венгерской госбезопасности. Банды провокаторов ловили этих людей, вешали их за ноги, жестоко издевались над ними и вырезали еще на живых людях ножами кровавые звезды…

Юрий Владимирович любил жену и жалел ее. Как юноша, он посвящал ей стихи. По большим праздникам ядро старой «команды Андропова» — Крючков, Плеханов, Лаптев, Карпещенко, пришедшие вместе с ним в КГБ из аппарата ЦК в мае 1967 года, — посылало Татьяне Филипповне роскошные букеты роз. Я не был допущен в это ядро с первых дней работы у Юрия Владимировича. Возможно, потому, что сам не стремился к этому сближению, памятуя, что мне никто не может давать указания, кроме него самого. А в ядре, как и в любой группировке при дворе властителя, есть своя субординация. Я не сближался со старыми генералами КГБ, друзьями и врагами моего отца, человека, который учился вместе с ними в школе нелегалов и имел более чем за сорок лет выслуги свои служебные, дружеские и враждебные отношения. Кроме того, с генералами моего круга общения на третьем, руководящем этаже была большая разница в годах. Я принадлежал по возрасту и взглядам совершенно к другому поколению. Мне было неинтересно, ради того чтобы «сплачиваться» с ними, на что они упорно намекали, ездить на

уик-энды в маленький, но роскошный дом отдыха для руководства КГБ на Рублевском шоссе, где они все регулярно собирались. Мне не нравились и циничные взгляды некоторых начальников в КГБ, сложившиеся у них еще в сталинские времена. Увы, и идейных сталинистов среди них было еще довольно много…

О детях Юрия Владимировича от второго брака — сыне Игоре и дочери Ирине — мы почти с ним не говорили. Впрочем, из того немногого, что мне доверил знать о них Юрий Владимирович, было понятно, что он любил их и очень гордился ими. Сын Андропова окончил Московский государственный институт международных отношений, входивший в систему МИД СССР. Он хорошо знал английский язык, о чем мечтал также его отец. Но у Юрия Владимировича было слишком мало времени на изучение языка, и второй том учебника для языковых вузов известного автора Бонк лежал у него на столике в комнате отдыха скорее как декорация, чем орудие изучения английского. Может быть, в силу великолепной памяти Андропов и мог связно и грамматически правильно говорить по-английски, однако я этого никогда не слышал.

Юрий Владимирович не стал устраивать сына по окончании им МГИМО на дипломатическую службу в престижное Министерство иностранных дел, а согласился на его работу в НИИ США и Канады Академии наук. Директором этого института, который в свое время был создан по инициативе Юрия Владимировича, был довольно близкий знакомый, в прошлом сотрудник Юрия Владимировича в аппарате ЦК Георгий Арбатов. Впрочем, Игорь Андропов был все-таки переведен, но по инициативе Арбатова, несколько позже на работу в МИД и стал профессиональным дипломатом. Он получил в свое время на дипломатической службе генеральский ранг посла, но не перескакивал через должности, как это бывало с другими отпрысками самых высокопоставленных родителей…

В этой связи мне хотелось бы особенно отметить, что Юрий Владимирович выступал решительным противником так называемых блатных работников, престижных династий, вроде дипломатических, кагэбэшных, внешторговых. При этом, отвечая как-то на мой недоуменный вопрос относительно какого-то кадрового решения не в пользу высокородного генеральского сынка — выпускника 101-й школы, называвшейся также Краснознаменной и готовившей сотрудников внешней разведки, он сослался на один из самых ранних декретов высшего органа власти в послереволюционном Советском государстве — ВЦИК РСФСР — «О недопустимости совместной службы родственников

в советских учреждениях». В то же время он не был против династий шахтеров, моряков, рабочих и тому подобных профессий. Но в КГБ он издал строгий приказ, запрещающий отцу, сыну или другим родственникам одновременно работать в близких по профилю подразделениях спецслужб. Он был прав, поскольку блатные сотрудники разведки или контрразведки получали от щедрот друзей родителя более скорое продвижение по службе и особенно лакомые зарубежные командировки. До прихода Юрия Владимировича на Лубянку нечто вроде этого приказа существовало формально. Многие работники КГБ тем не менее устраивали своих деток в высшие учебные заведения ведомства или МГИМО, а затем подыскивали им теплое местечко в ПГУ, откуда молодому специалисту легче всего было отправиться за рубеж. Однако после того как кадровики стали пунктуально выполнять приказ Андропова о запрещении семейственности, в МИДе и КГБ начался своеобразный процесс «перекрестного опыления». Сыновья ушлых генералов КГБ шли на работу в МИД, а отпрыски высокопоставленных чиновников МИДа поступали на работу в ПГУ и ВГУ КГБ…

Юрий Владимирович особенно гордился дочерью. Ему было приятно, что она очень хорошо окончила музыкальное училище и великолепно играла на рояле. Кроме того, Ирина неплохо разбиралась в теории и истории музыки и работала редактором в музыкальном журнале. Когда мы спорили с Юрием Владимировичем о современной музыке, он ссылался иногда не только на свой собственный вкус, но и на мнение Ирины. А предметом наших дискуссий была вся палитра современных композиторов-симфонистов — от Шнитке до Свиридова. Юрий Владимирович твердо стоял за Свиридова и отстаивал его величие. Надо признать, что мои вкусы тогда не устоялись. Я называл ему имя моего приятеля Славы Овчинникова. Только теперь я готов присоединиться к восторженному мнению Андропова о классике современной русской музыки Свиридове.

У Андропова была память великого человека — почти абсолютная. Такой памятью на тексты и лица обладали лишь немногие деятели в истории — Наполеон, Николай II, Черчилль, Сталин… Андропов читал книги и документы сразу целыми страницами. Помнил он все, что прочитал и что ему говорили. Он мог спустя лет пять после того, как видел какой-то документ, воспроизвести почти текстуально все его тезисы, вспомнить мнение, которое высказывал когда-то его собеседник. Все это позволяло ему просматривать и переваривать сотни страниц в день, принимать по многу людей и решать с ними самые разнообразные вопросы. Минуты отдыха в будни он посвящал

чтению художественной литературы и общественно-литературных ежемесячников — «Нового мира», «Октября», «Знамени», «Иностранной литературы» и других. Читал он и произведения Александра Солженицына, но не все из них оценивал положительно. Так, он признавался, что «Август 14-го», «Архипелаг ГУЛАГ», кое-что еще из произведений мятежного писателя показались ему скучными. Но «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор» он очень высоко ценил.

В субботу и воскресенье его развлечение, кроме пеших прогулок, составляли новые и старые кинофильмы, которые ему возили на дачу. По его примеру эти кинофильмы смотрел весь руководящий состав КГБ. Иногда не без последствий для их проката в СССР. Фильмы крутили в особом зале на третьем, руководящем этаже после обеда по четвергам, когда Юрий Владимирович обычно уезжал на заседание политбюро. В кинозале собиралось 15–20 генералов, которые не только коротали время в ожидании возвращения председателя из Кремля, но и осуществляли своего рода цензуру. Каждый кинофильм, новый советский или иностранный, подвергался пристрастному обсуждению.

Так, однажды был показан самый свежий тогда французский боевик «Шакал» — об организации покушения одиночки на президента Франции де Голля. Фильм этот был сделан впечатляюще профессионально. Именно поэтому после его демонстрации в зальчике возникла короткая дискуссия. В результате ее генералы пришли к выводу, что кинолента в деталях показывает, как надо готовить оружие для покушения, как террористу следует выбирать маршрут и уходить от опасности… Один из зампредов предложил обратиться в Госкино и рекомендовать запретить демонстрацию этого фильма в СССР на том основании, что он может служить учебным пособием для потенциальных террористов в нашей стране.

Хотя некоторые авторы книг об Андропове сообщают, что он часто ходил в театр, я об этом почти не слышал. Театральные постановки, в отличие от книг, которые он читал, мы практически не обсуждали. Конечно, он интересовался театром, но интерес этот был весьма специфичен. Театр всегда был самым острым и публицистичным видом искусства. Андропов хорошо понимал всю силу общественного воздействия театра на зрителей. Поэтому председатель КГБ знал о всех новых постановках на московских, ленинградских и других сценах страны от рецензентов в погонах. Для таких «наблюдателей» во всех московских театрах, в том числе и музыкальных, на все спектакли, независимо от того, старые или новые они были, Министерства культуры СССР и

РСФСР выделяли квоту по два билета на хорошие места, не далее четвертого ряда. Она называлась «политконтроль». Но поскольку во всех театрах хорошо знали эти места, где сидели кагэбэшники, для оперативных целей приобретались совершенно другие, отнюдь не определенные места.

Разумеется, пользовались благами «политконтроля», особенно на яркие и сенсационные спектакли, в основном большие начальники. В частности, Семен Кузьмич Цвигун был большим театралом и к тому же пользовался как первый зам правом «первой ночи», заказывая в секретариате КГБ билеты. Ежемесячно каждый из зампредов и членов коллегии КГБ получал книжечку-репертуар. В ней отмечались спектакли, которые хотел бы посмотреть за месяц обладатель книжечки. Если его желание вдруг совпадало с заказом Цвигуна или другого зампреда, то заказ низшего по рангу отменялся, о чем его ставили в известность заранее.

К счастью, такое посещение театра на местах «политконтроля» не требовало никакого отчета — ни письменного, ни устного. Только иногда, на следующий день после острого спектакля, во время общего обеда, потреблявшегося в спецбуфете, раздавалось какое-либо резкое высказывание в адрес режиссера или актеров, адресованное самому главному рецензенту — начальнику 5-го управления Филиппу Денисовичу Бобкову: «Филипп! Ты посмотри эту, как ее называют-то, одиозную постановку и прими меры!..»

Бобков часто не соглашался с генеральским мнением, отстаивал высокие качества спектакля и разъяснял сомневающимся идеологическую безвредность или даже пользу спектакля.

За шесть лет мне удалось таким комфортным образом посмотреть весь репертуар московских сцен — драматических и музыкальных. Особенно нам с женой нравился Театр на Таганке. Мы по многу раз видели спектакли этой труппы во главе с великим режиссером Юрием Любимовым. Однажды это дало свои положительные плоды.

Как-то для голосования членов политбюро опросом пришли документы Министерства культуры СССР с представлениями деятелей театра и кино к различным наградам, начиная от ордена Ленина и кончая какими-то медалями. На каждом листе было только по одной кандидатуре с кратким описанием заслуг перед отечественной культурой. Юрий Петрович Любимов был представлен к высокому ордену Трудового Красного Знамени.

Я подчеркнул имена и главное в перечне их заслуг красным, то есть положительным, карандашом, вложил документы в

красную сафьяновую папку с надписью «Голосования по политбюро» и отнес ее Андропову. Юрий Владимирович почему-то не мог при мне поставить в уголке каждого документа словечко «За» и свою подпись. Я оставил папку у него.

Через час по домофону он вызвал меня и сказал: «Забери голосования!» Я пришел к нему в кабинет, взял красную папку и понес ее к себе на проверку. Когда открыл ее буквально через пять минут и проверил все листы с автографами Юрия Владимировича, то похолодел. На странице с именем очень уважаемого мной Юрия Любимова я увидел вместо слова «За» выведенное синей ручкой убийственное «Против!».

Я успел вернуться в кабинет Андропова до того, как туда вошел кто-то из зампредов, вызванный им.

— Что тебе? — довольно неласково сказал он мне.

Я положил перед ним на стол его голосование по Любимову.

— Ну и что? — спросил опять-таки неласково Юрий Владимирович. — Я разве не могу быть против?

— Нет, по этому режиссеру не можете! — твердо ответил я шефу.

— Он может нравиться тебе, а я не в восторге от его деятельности в целом, — заявил Юрий Владимирович, продолжая настаивать на своем. — Я считаю, что он в некоторых постановках сильно перехлестывает в плане критики…

Незадолго до этого разговора я как раз видел в Театре на Таганке спектакль «Деревянные кони» по Федору Абрамову. Постановка и игра артистов просто потрясли меня. С горячностью я стал настаивать на изменении голосования в пользу Любимова. Юрий Владимирович упирался, может быть, это был его своеобразный способ проверки взглядов и мнений своих сотрудников.

Но я быстро сломил его сопротивление уже не художественным, а чисто политическим аргументом.

— Юрий Владимирович! — сказал я ему. — Не нравится вам Любимов — и дело ваше… Но подумайте о том, что через полчаса результаты вашего голосования лягут на стол Черненко. Еще через полчаса о вашем «Против!» будет знать Демичев. Уж он-то постарается обидеть Любимова по полной программе от вашего имени и тут же растрезвонит через своих клевретов об этом по всей Москве. Станут говорить, что «добрые» Черненко и Демичев представили Любимова к высокой награде, а «злой» Андропов продемонстрировал свое негативное к Любимову отношение… Нужна ли вам такая «реклама»?

Кажется, я попал в точку. Юрий Владимирович считал Демичева туповатым чиновником и малокультурным деятелем

для такого поста, как министр культуры. Он подумал минуту, а потом сказал в адрес Любимова: «А режиссер он все-таки хороший…» Я обрадовался, когда Юрий Владимирович наконец стал густо зачеркивать той же ручкой, которой написал «Против!», это слово и свою подпись, чтобы никакого первичного мнения его на листе голосования не было видно. Затем заново красным остро отточенным карандашом твердо поставил «За!», расписался и отдал мне бумагу. Я испытал большое удовольствие от этой маленькой победы над Юрием Владимировичем.

К числу тайных человеческих страстей Юрия Владимировича относилось коллекционирование. Он собирал револьверы и пистолеты, притом не современные, а старых образцов начала XX века. Однажды Женя Калгин показал мне великолепный длинноствольный и никелированный револьвер «кольт», принадлежавший Юрию Владимировичу. Женя возвращал его хозяину из починки.

Многие генералы в КГБ, как мальчишки, любили ручное огнестрельное оружие, но далеко не все получали разрешение или осмеливались его коллекционировать. Одним из самых заядлых собирателей пистолетов и револьверов был бывший начальником ПГУ до Федора Мортина Александр Михайлович Сахаровский. В мое время на Лубянке он оставался в должности консультанта председателя КГБ и имел кабинет на этаже, занимаемом в старом здании 1-м Главным управлением.

Александр Михайлович был самым долгим по времени работы начальником внешней разведки. Он руководил ею пятнадцать лет — с 1956 по 1971 год. Сахаровский был весьма опытным, строгим и умным шефом спецслужбы. Авторитет его в ПГУ стоял на чрезвычайно высоком уровне, особенно по сравнению с Мортиным и Крючковым. Но он не был чистым политиком, как Юрий Владимирович или Крючков. Сахаровский оставался профессионалом и не замеченным в интригах аппаратных кругов работягой. Я иногда навещал его и раскрыв рот слушал его рассказы, рассматривал холодные вороненые и никелированные стволы, которые он доставал из сейфа и показывал гостю. Ко мне он относился очень хорошо, поскольку мой отец проработал под его началом все пятнадцать лет и был с ним довольно близок.

Когда Александр Михайлович окончательно покидал службу из-за плохого состояния здоровья, он пригласил к себе своих друзей — любителей оружия и раздаривал им экспонаты из своей коллекции. К сожалению, я не воспользовался его предложением и не получил ни одного пистолета из его сейфа. Я не был «под крышей» Лубянки военнослужащим. И хотя в моем удостоверении

личности стояла стандартная фраза — «имеет право на хранение и ношение огнестрельного оружия» — и мне при поступлении на работу к Юрию Владимировичу был выдан табельный пистолет «макаров», я не хотел рисковать и приобретать себе дополнительные хлопоты при оформлении регистраций и разрешений на нарезное оружие. Я не знал, как к этому отнесется Юрий Владимирович. Даже свой новенький «макаров» я сдал, переходя на работу в АПН.

Еще одной чертой характера Андропова как человека была любовь к спорту. Юрий Владимирович был страстным болельщиком футбольной и хоккейной команд «Динамо». Он не пропускал ни одной телевизионной трансляции матчей динамовцев, но редко мог выезжать, как это делал Брежнев, на стадион или в Ледовый дворец. Андропов не только болел за «Динамо», но он много помогал ведомственному спортивному обществу в целом, футболистам и хоккеистам в особенности. Председатель КГБ находил время для того, чтобы встречаться и основательно беседовать о спорте с генералом Богдановым, председателем Центрального совета общества «Динамо». Он выспрашивал его о нуждах спортсменов, молодых и старых, стремился сделать физическую культуру важной составной частью жизни всех работников спецслужб. Он даже нарушал ради спортсменов «Динамо» свой священный принцип абсолютного неиспользования служебного положения в посторонних целях.

Во всяком случае, Евгений Иванович Чазов рассказывал, как однажды в беседе с Андроповым он поведал ему о новых методах стимуляции функций организма, в том числе и центральной нервной системы. Эти методы, о которых говорил Чазов, не были тогда отнесены к классу допинговых и вполне могли применяться в арсенале спортивных врачей.

Я думаю, что Евгений Иванович интересовался этими методами, имея в виду новые подходы к лечению недомоганий Брежнева. Но Андропов подумал о них и с точки зрения помощи своему спортивному обществу. То ли в шутку, то ли всерьез он сказал Чазову: «Посвятили бы вы во все эти тонкости руководство „Динамо“… Может быть, играть стали бы лучше… — а потом добавил: — Думаю, даже при этом они ЦСКА не обыграют!..»

Свою идею о такой оригинальной помощи командам «Динамо» в разных видах спорта Юрий Владимирович на ветер не бросил. Вскоре к Чазову, в его 4-е Главное управление при Минздраве СССР, прибыли руководящие силы «Динамо», в составе которых были и тренеры, и спортивные врачи. Евгений Иванович прочитал им лекции о скрытых возможностях организма человека, дал ряд средств, не числящихся еще в разряде

допинговых. Теперь, как и тогда, наблюдая за хоккейными и футбольными баталиями с участием команды «Динамо», болея за то, как отвратительно они играют, я не могу сказать, что вмешательство Андропова помогло спортивному обществу серьезно улучшить свои показатели во всех спортивных дисциплинах.

К числу человеческих качеств Юрия Владимировича необходимо отнести и абсолютную, кристальную честность. Он никогда не занимался «обустройством» жизни своей или своих детей за счет государства, как это делали другие члены политбюро. Сначала член политбюро и министр культуры Фурцева построила за казенный счет дачу для своей дочери в поселке советских «новых аристократов» на Рублевском шоссе. Ее за это критиковали в ЦК, и такое «хозяйственное самообеспечение» способствовало ее падению с высокого поста. В 70-х годах партийный секретарь Москвы, член политбюро Гришин построил для двоих своих детей по коттеджу на территории общественного парка, который огородили затем как их личную собственность, в дачном поселке на станции 43-й километр Ярославской железной дороги.

Андропов, как и два его предшественника на посту председателя КГБ, Шелепин и Семичастный, резко выступал против «хозяйственного обрастания чекистов». Семичастный, обосновывая свою негативную позицию по этому вопросу, говорил, что строительные усилия будущих дачевладельцев — сотрудников КГБ будут отвлекать их от напряженной служебной деятельности, а попытки доставать правдами и неправдами строительные материалы и рабочую силу при острейшем дефиците в СССР на то и другое будут вовлекать его людей в коррупционные отношения с торговой сетью и строителями. Поэтому все три председателя неутомимо боролись с естественным желанием своих офицеров получить участки земли и построить дачные домики, приобрести автомашины…

Процесс отвода земли под дачи чекистов все-таки потихоньку шел. Полковники, большинству которых никогда не давали снимать на лето служебные дачи, добивались от начальства и Моссовета получения небольших массивов подмосковной земли для деления ее на мелкие участочки. Но иногда этот процесс приобретал кощунственные формы. Так, во времена Шелепина — Семичастного под дачи была выделена земля на территории так называемого полигона НКВД в подмосковном Бутове. В конце 30-х и в 40-х годах там производились массовые расстрелы. Уже четыре с лишним десятилетия стоит рядом с полигоном дачный поселок пенсионеров НКВД и КГБ. Теперь недалеко от дачного

поселка чекистов, который был возведен когда-то поблизости от глухого, посеревшего забора с колючей проволокой поверху, находятся ухоженные братские могилы, поставлены памятные доски погибшим, возведена церковь и монумент в память жертв репрессий. Как себя чувствуют сегодня старые владельцы и новые наследники этих дач? Неизвестно. Но для бывшей и нынешней номенклатуры, для Системы и ее современного продолжения это явление такого же уровня человеческого и общественного безразличия, как и устройство рок-концертов и танцев выпускников школ на Красной площади. Ведь главная площадь советской и российской столицы остается до сих пор смешанным кладбищем для порядочных людей, как летчик Валерий Чкалов, первый космонавт Гагарин, и государственных преступников, как Ульянов и его присные…

Когда Андропов стал генеральным секретарем ЦК КПСС, он волевым решением прекратил так называемое «разбазаривание земли», остановив массовое предоставление небольших садовых участков трудящимся в размере шести соток на семью, начавшееся было при «добром» Брежневе. При этом такие крошечные участки получала отнюдь не номенклатура, а рабочие и служащие. Вместе с тем многим высокопоставленным сотрудникам КГБ удалось объединиться в кооперативы и получить в Подмосковье под строительство дачные участки. Однако Юрий Владимирович отнюдь не помогал этому процессу, скорее мешал, поскольку считал, что возня в саду и строительство летних домиков будет отвлекать чекистов от выполнения ими прямых служебных задач, заставит меньше думать о своей работе и ее тонкостях. Я и тогда полагал, что это был примитивный большевистский подход к проблеме летнего отдыха простых людей и такому человеческому понятию, как «свой дом». Тем более что вся правительственная и чиновная верхушка вовсю пользовалась дачами. Некоторые, вроде секретаря ЦК КПСС Бориса Пономарева и членов политбюро, имели на своих дачах помещичьи подсобные хозяйства, в которых были заняты десятки сотрудников 9-го управления КГБ.

Но когда я пытался говорить Юрию Владимировичу что-то положительное о мелких дачных собственниках и производстве ими дополнительной сельскохозяйственной продукции для разнообразия стола в условиях скудной социалистической торговли, то натыкался на какой-то упрямый коммунистический фанатизм, с которым, вероятно, партийцы и чекисты 30-х годов загоняли маузерами людей в колхозы, а несогласных лишали земли, имущества, орудий труда, а иногда и самой жизни…

Возвращаясь к вопросу о феноменальной честности и

бессребреничестве Андропова, не могу не вспомнить празднование его шестидесятилетия 15 июня 1974 года. Рабочий день его начался, как обычно, в девять часов утра. Но к полудню Юрий Владимирович пригласил зампредов и своих ближайших сотрудников осмотреть выставленные в зале коллегии подарки к его дню рождения. Подарки были в целом весьма скромные: фарфоровые вазы с портретами юбиляра, сувениры, сделанные руками пограничников на погранзаставах, модели пограничных катеров и кораблей, модель речного судна, на котором в 30-х годах ходил матросом Юра Андропов. Ее сотворили ребята из Рыбинского речного техникума, и она привлекла теплое внимание новорожденного. Подарили и пейзажи, писанные самодеятельными художниками в пограничной глуши.

Единственным дорогим подарком, возвышавшимся в центре одного из столов, была огромная хрустальная ваза ручной работы прославленных чешских мастеров, не менее метра высотой, в которой стояли шестьдесят алых гвоздик. Рядом с вазой сверкали алмазной резьбой хрустальные стакан, фужер, большая, средняя и малая рюмки, грушевидный коньячный бокал, две малюсенькие, мал мала меньше, рюмашки для водки и ликера. Это были образцы из громоздкого гарнитура по 48 единиц каждого из представленных сосудов. Хрустальные грани вазы и сервиза искрились в лучах полуденного солнца, как бриллианты. Юрий Владимирович со всей своей свитой подошел к дорогому подарку, который оказался от президента Чехословакии Густава Гусака.

Чешский хрусталь, стоявший перед Юрием Владимировичем, был красоты необыкновенной. Андропов подошел ближе, пощелкал ногтем по краю вазы и бокалов — они издали чистый звон на разные тона, в зависимости от формы и размера предмета. Юрий Владимирович наклонил голову и послушал. Пощелкал еще раз. Снова раздался малиновый звон. Потом он повернулся к сопровождению и сказал:

— Какие замечательные руки у чешских мастеров! Какое же это великолепное искусство!..

Затем его взгляд уперся в заместителя председателя КГБ по хозяйственной части Ардалиона Николаевича Малыгина. Андропов подозвал его поближе, кивнул на хрусталь и сказал:

— Но это подарок не мне, а моей должности… Ардалион Николаевич, отдайте всю эту роскошь в спецбуфет!..

Тут, видимо, самое время пояснить, что такое спецбуфет. Вообще-то это столовая для высшего руководящего состава КГБ. Такие же спецбуфеты существовали во всех министерствах и ведомствах Москвы, высших государственных и партийных учреждениях республик и областей, то есть там, где процветала

номенклатура. В эти «столовые», где блюда ресторанно-диетического типа готовили из продуктов, поставлявшихся со спецбаз, приходили и садились на свои определенные места за столиками только работники самого высшего звена. Цены в меню стояли, как в самой дешевой диетической или вегетарианской столовой, а исполнение находилось на самом высоком вкусовом и качественном уровне, то есть вполне добротного ресторанного типа. До обеда и после него из спецбуфета официантка в накрахмаленном переднике и таком же хрустящем кокошнике на голове могла принести в кабинет клиента спецбуфета чай или кофе, сок, молоко, творог, сметану, выпечку, печенье, сушки и бутерброды с колбасой или сыром, произведенными в особых цехах мясомолочных комбинатов. В день получения зарплаты, а в КГБ ее выдавали ежемесячно двадцатого числа, что дало повод называть день выдачи зарплаты Днем чекиста — по аналогии с профессиональным праздником 20 декабря, — в спецбуфете клиенту предъявляли счет. Я платил рублей семьдесят — восемьдесят в месяц, с учетом стоимости взятых за этот срок для подарков коробок конфет и импортного спиртного. Жена, конечно, всегда ругала меня как «растратчика», но с удовольствием дарила большие коробки конфет подругам и врачам.

Генералы платили раза в два меньше, поскольку они как военнослужащие получали так называемые пайковые деньги на питание, а я, как единственное гражданское лицо, прикрепленное к этой «малой кормушке», выплачивал полную стоимость блюд и буфетной продукции.

Помимо спецбуфета для руководящего состава КГБ, но в должностях ниже, чем члены коллегии, действовала другая небольшая столовая. Она весьма неаппетитно, хотя и просторно, размещалась в корпусе посреди двора, который был всего за несколько лет до этого внутренней тюрьмой ВЧК — ОГПУ— МГБ — КГБ. Помимо этого в разных зданиях КГБ были еще буфеты и столовые для всех остальных сотрудников. Качество пищи в них и цены ничем не отличались от городских предприятий общественного питания. Только иногда в общедоступных буфетах, главным образом перед праздниками, появлялись хорошая колбаса и конфеты в коробках.

Спецбуфет на третьем этаже находился в особой зоне, неподалеку от кабинета председателя. Ежедневно туда привозили в особых запломбированных термосах и ящиках пищу для Юрия Владимировича как члена политбюро. Для столующихся здесь были два небольших зала. В одном из них, главном, стоял большой круглый стол, за которым обедали председатель и его

заместители. Сюда вел отдельный ход.

В другом зале довольно тесно стояло около десятка столиков на четыре человека каждый. Члены коллегии КГБ, начальники самостоятельных управлений и отделов комитета, имели каждый свое, закрепленное за ним место. За двумя столиками пустовало одно-два свободных места, куда подсаживались столоваться гости соответствующих рангов, в частности прибывавшие в Центр с мест председатели Ленинградского и республиканских комитетов, начальники областных управлений. Столик секретариата стоял в углу, возле стойки с образцами конфет и спиртных напитков, в том числе грузинских и молдавских легких вин. Выглядела эта стойка весьма соблазнительно и к концу недели быстро пустела. Сверток с отобранными конфетами и вином официантка приносила обычно в кабинет клиента, а его стоимость заносилась в ежемесячный счет.

За нашим столиком, где сидели Лаптев, Карпещенко и я, оставалось свободное место для Крючкова, когда он задерживался после доклада на Лубянке и не мог возвратиться к обеду к себе, в Ясенево. У Крючкова в городке ПГУ была создана точно такая же система спецбуфета. Разговоры за обедом генералы вели самые разные, обычно неслужебного характера. Хотя изредка они заканчивали здесь споры, начатые в зале коллегии или на совещании у председателя.

Однажды в спецбуфете случился казус, касающийся моего литературного творчества. В конце 1977 года в издательстве «Молодая гвардия» тиражом в 200 тысяч экземпляров вышел и мгновенно разошелся мой первый роман «Негромкий выстрел». Сюжетом для него стало «дело полковника Редля» — опаснейшего русского шпиона, действовавшего перед Первой мировой войной в Австро-Венгерской империи. Я специально взял тему из истории дореволюционной российской разведки Генерального штаба, чтобы никто из коллег-писателей не мог бросить упрек руководителям пресс-службы КГБ в том, что они-де дают интересные материалы о советской разведке только сотрудникам или литераторам, связанным со спецслужбами СССР. А моя тема, считал я, сугубо историческая.

К тому же я решил укрыться под псевдонимом, чтобы в случае резко критических статей по поводу моего романа, которые могли появиться после его выхода в свет, не требовалось бы подавать в отставку, как критикуемому публично работнику аппарата ЦК КПСС. Псевдоним я выбрал себе дурацкий — Егор Иванов. Глупее нельзя было придумать, поскольку в справочнике Союза писателей СССР Ивановых — прозаиков, поэтов, драматургов, публицистов, критиков и т. д. — было полных шесть

страниц. Многие писатели, настоящие Ивановы, чтобы не затеряться в толпе однофамильцев, наоборот, брали себе в качестве псевдонимов другие фамилии.

Не зная всего этого и желая взять псевдонимом фамилию матери, я сообщил в издательство, что буду выступать под именем Егор, как меня звали в детстве дедушки, и девичьей фамилией матери — Иванов. Но когда я принес первую книжку, еще теплую, прямо из типографии своему отцу, он очень удивился псевдониму, красующемуся на обложке.

— Откуда такая глупая идея? — спустив очки на нос, удивился он.

Оказалось, что он сам был тому виной. Когда я за три десятилетия до выхода романа заполнял в приемной комнате первого отдела МГИМО анкеты на двадцати четырех листах для поступления в институт, то ответов на многие вопросы из биографии родителей, как оказалось, не знал. Я понятия не имел, в частности, были ли раскулачены и на каких кладбищах покоятся останки моих дедов и дядьев, служили ли они в Белой армии или в крестьянских повстанческих отрядах Тамбовской губернии, хотя все были родом со Смоленщины. Не знал я тогда, по поветрию безбожных времен, и девичью фамилию матери.

Если с дедами и дядьями по линии отца я еще как-то мог выплыть, то, убей меня бог, не способен был ответить на простейший вопрос о семье матери. Она была сирота и воспитывалась у тетки совсем не московской, а из другого городка. Мне пришлось из института набрать по телефону номер отца и ознакомить его с этой проблемой. Он буркнул в трубку: «Пиши Иванова!..» — и отключился. Так я тридцать лет считал, что девичья фамилия матери Иванова, пока не пришел в ужас оттого, что Ивановых в российской словесности как нерезаных собак. Отец, сообщая мне заведомо ложные сведения о родственниках, мог, при определенном интересе органов к моей персоне, невольно подставить меня. Ведь моя юность проходила в худшие сталинские времена…

Буквально через несколько дней после выхода романа в спецбуфете во время обеда вдруг встал со своего места генерал Толмачев, начальник Управления правительственной связи и, потрясая в руке моей книжкой, громко и злобно обратился к Филиппу Бобкову, словно на партсобрании при слушании персонального дела.

— Филипп! — грозно заявил он начальнику 5-го управления. — Ты читал, какую бомбу подорвал под нами какой-то безответственный писака Иванов?! Кто пропустил его книгу в открытую печать, да еще таким огромным тиражом? Ведь он

раскрыл все методы нашей работы!.. Его надо немедленно поймать и допросить, откуда он взял совершенно секретные материалы?..

— Успокойся, Юра, — ответил ему Бобков, хитро косясь в мою сторону. Кроме него, еще пара генеральских голов повернулась ко мне, свидетельствуя, что эти читатели уже раскрыли мой псевдоним. — Ты книжку-то эту дочитал до конца? — ехидно спросил Филипп Толмачева.

— А как же… — важно ответил начальник УПС, — очень даже внимательно!

— Что же ты не обратил внимания, о каком времени рассказывает автор? — продолжал вопрошать Бобков.

— Да обратил я внимание на все! — по-прежнему злился Толмачев.

— Но книжка-то о дореволюционных временах! — улыбнулся Филипп. — Тогда же еще КГБ не было…

— Ну и что, что не было! — огрызнулся начальник УПС. — Ведь мы и теперь работаем теми же методами!.. Никто ничего нового и лучшего не придумал!

Выпустив пар недовольства, лысый, толстый и важный генерал уселся на свое место. Он все-таки продолжал пыхтеть, пока поданная ему горячая котлета не заткнула его рот и не отвлекла внимание от крамольного автора.

Полемика двух генералов оставила во мне неприятный осадок. Доев свой обед, я запил компотом этот осадок и отправился к себе. Прошло около получаса. Бобков и Толмачев, видимо, созвонились по телефону после обеда, и Филипп открыл начальнику УПС мой псевдоним. Я сделал такой вывод, когда после робкого стука в дверь показалось румяное и смущенно улыбающееся лицо генерала Толмачева. Как оказалось, он пришел извиняться за то, что в сердцах, не зная настоящего имени автора, обозвал его «безответственным писакой». Теперь его мнение о книге, которую написал помощник председателя по политбюро, оказалось весьма восторженным. Он с удивлением узнал при этом, что никакими секретными материалами автор не пользовался, а единственным источником некоторых тонкостей, которые тогда еще не были открыты в печати, послужил старый, 20-х годов, учебник по разведке царского офицера Звонарева, основанный на архивных делах разведочного отделения генштаба Российской императорской армии и статьи из периодических сборников «Красного архива» того же времени. Он издавался в 20-х и 30-х годах в отделении Госиздата в Ленинграде. Правда, обнаружены они были мною самостоятельно в оперативной библиотеке КГБ, куда ни широкая, ни узкопрофессиональная

историческая общественность доступа не имела. В специализированных книгохранилищах и читальных залах для студентов, аспирантов истфаков и ученых это издание хранилось, но выдавалось не всем, а только «допущенным».

Вся секретность этих выпусков состояла в том, что в ранних из них хвалебно упоминались товарищи Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Каменев, другие революционеры и старые большевики, ликвидированные Сталиным…

На следующий день генералы в спецбуфете разделились на два лагеря. Один, среди которого были весьма уважаемые мной главком погранвойск Вадим Александрович Матросов, начальник Инспекторского управления Сергей Васильевич Толкунов, начальник 3-го управления Николай Алексеевич Душин и генералы-математики Николай Николаевич Андреев и Игорь Васильевич Маслов, высказывали книге «Негромкий выстрел» похвалу.

В другом лагере оказались мои бывшие тайными, а теперь проявившиеся враги, среди которых был могущественный начальник контрразведки генерал Григорий Федорович Григоренко и начальник Управления кадров генерал Василий Яковлевич Лежепеков. Основной их негативный тезис сводился не к критике самой книги, а поведения ее автора, который позволил себе отрывать от своего служебного времени, которое составляло все двадцать четыре часа в сутки, по нескольку часов за полгода по субботам и воскресеньям для написания романа. Что не предусмотрено никакими инструкциями о прохождении службы.

Кстати, это и стало предметом нашептывания Юрию Владимировичу со стороны этих, а возможно, и других генералов о недостаточном служебном рвении и отсутствии воинской дисциплины у его штатского помощника по политбюро. По большому счету они, видимо, были правы. Начиная работу над романом, я допустил страшную для всякого бюрократа ошибку. Я не испросил разрешения Юрия Владимировича на литературное творчество. Инстинктивно я чувствовал, что Андропов косо посмотрит на это дело. Он, например, весьма ехидничал над Цвигуном и говорил ему, перефразируя слова Горького о писательском труде: «Семен, если можешь не писать — не пиши!..» Зная это, я боялся его начальственного эгоизма — он будет ревновать к тому, что я не все свои мысли отдаю ему, а часть из них кладу на бумагу для будущих читателей. Хотя, когда он приглашал меня к себе на работу, я просил разрешения, как многие аппаратчики на Старой площади, продолжать вести научную работу «под крышей» АОН и быть научным руководителем аспирантов, готовя из них кандидатов наук. Его

согласие я получил и успел подготовить парочку кандидатов, доведя их до защиты диссертации. Но то была партийная академия, высокоавторитетный центр общественной науки в его глазах.

Что касается независимого литературного творчества, ни с кем из начальства не согласованного, то это было, конечно, слишком и для генеральского общественного мнения, и для самого шефа.

Никто из ядра его команды никогда не осмелился бы на это. Они просили разрешения на каждый свой шаг или движение. Иногда даже на то, чтобы чихнуть. А мое вольнодумство и своеволие не влезали ни в какие аппаратные рамки.

Причиной ошибки было и то, что я всерьез не собирался писать роман. Его идея родилась спонтанно. Дело в том, что к началу 1977 года мне до предела обрыдли цековские документы, которые я должен был обрабатывать с девяти утра до девяти вечера. Скулы сводило от их дифирамбов и пустоты. Заранее было ясно, что, даже принятые политбюро, они едва ли будут выполнены когда-либо. Корпеть над ними было абсолютно непродуктивно, и я завидовал своему коллеге Карпещенко, который работал над исходящими документами КГБ. В них и была действительная жизнь страны, бился пульс наших социалистических союзников, проглядывали реалии международного положения. К сожалению, мне не давали даже смотреть на это документальное детективное чтиво. Я мог знакомиться только с выдержками из него в виде приложений к постановлениям политбюро по этим вопросам, поступавших обратным ходом из ЦК КПСС мне на стол.

Но журналистская жилка, видимо, искала выхода из серятины и скуки партийных документов. В своем распорядке дня я сократил время обработки документов политбюро для Юрия Владимировича на два часа и занимался ими только до девятнадцати часов, то есть до той поры, пока не кончался ежедневный забег в мой кабинет фельдъегерей с большими красными конвертами. После этого и до утра уже не надо было давать на стол Юрия Владимировича срочные материалы из ЦК, но присутствовать на рабочем месте следовало, ибо в любую минуту мог прозвучать звонок от председателя по домофону и его запрос по какой-либо проблеме или просьба принести определенный документ политбюро из числа хранившихся в моем сейфе.

И вот в относительно свободные два-три часа, остававшиеся после семи, а также по субботам и воскресеньям до отъезда Юрия Владимировича на дачу я стал почитывать старый учебник

Звонарева по истории и методам работы царской разведки, переводные книги 20-х и 30-х годов о спецслужбах, произведения эмигрантов всех волн, попадавшиеся мне в оперативной библиотеке КГБ. Кстати, два зала, где хранилась эта литература, располагались в бывшей внутренней тюрьме ВЧК — НКВД— МГБ. Не знаю отчего — от сознания ли вечной генетической вины гражданина нашей страны перед карательными органами и партией, или от мрачной энергетики этих бывших в недавнем прошлом застенков, — меня всегда трясло, когда я входил в библиотеку. Быстренько схватив с полки какую-нибудь занятную книжицу или номер интереснейшего эмигрантского издания «Новый журнал», я старался скорее уйти из-под страшных сводов.

Под влиянием книг Звонарева, австрийского контрразведчика Урбанского, преемника Редля на посту шефа Эвиденцбюро в Вене, российского разведчика графа Игнатьева, мемуаров генерала Самойло сам собой вызрел замысел повестушки об офицере российского генерального штаба, действовавшем в канун Первой мировой войны в германоязычных странах. К тому же я сделал маленькое открытие, которое показывало, насколько глубоко русская разведывательная сеть проникла в высшие военные структуры дунайской монархии. В «Красном архиве» я нашел подтверждение тому, что в Вене и после «самоубийства» полковника Редля действовал внутри генерального штаба австро-венгерской императорской и королевской армии еще более высокопоставленный русский шпион. Почему-то это открытие до сих пор игнорируют многочисленные историки российской разведки, в изрядном количестве появившиеся теперь на поверхности нашей открытой для общественности историко-публицистической литературы. А ведь соответствующие документы опубликованы в 20-х годах на страницах периодического издания «Красный архив». Теперь оно полностью открыто для читателей, как и «Архив русской революции» в 22 томах, издававшийся в 20-х годах в Берлине российским общественным деятелем Гессеном, успевшим эмигрировать сразу после 1918 года из Петрограда. В оперативной библиотеке КГБ были многие тома этой серии. Я смог их изучить. В других московских книгохранилищах книги Гессена давно, с 20-х годов, считались секретными и не выдавались даже аспирантам и кандидатам наук.

Говоря о российской разведке начала XX века на австро-венгерском направлении, современные авторы все мусолят имя несчастного Альфреда Редля, якобы покончившего с собой выстрелом в голову из маленького пистолета. О том, так ли это или нет, существует много версий. Одна из них говорит о том,

что полковника Редля застрелили его бывшие коллеги из Эвиденцбюро, чтобы не доводить дело до суда, на котором могли вскрыться компрометирующие материалы на верхушку офицерского корпуса дунайской монархии. Но никто из историков царской, советской и российской разведок не упоминает об австрийском документе, пришедшем в здание генштаба на Дворцовой площади Петербурга спустя две недели после «самоубийства» полковника Редля в Вене. В этом документе еще более высокопоставленный агент России в австро-венгерской столице, явно из высших военных кругов, подробно сообщает о расследовании «дела Редля». Он доносит в Петербург о совещании в Вене с участием германских генералов, где происходила настоящая свара между союзниками по поводу вредоносности русских шпионов. Генштабисты Германии грубо ругали своих австрийских коллег за допущенные проколы. Какого же служебного уровня должен был быть этот русский агент, если он мог лично участвовать в столь секретном совещании и знать все о расследовании крупнейшего шпионского скандала накануне Первой мировой войны?

Все накопленные знания требовали выхода, и я стал делать наброски повести о приключениях персонажа, которого мы сконструировали из разных разведчиков того времени вместе с моей женой Вероникой, полковника Соколова. Были яркие прообразы этого героя, например реально существовавший полковник, а затем и генерал царской армии А. А. Самойло.

Появлению относительно свободного времени для писания повести способствовало и то, что с начала 1977 года у Юрия Владимировича стало ухудшаться здоровье. Он чаще стал уезжать на неделю-другую в Центральную клиническую больницу в Кунцеве для так называемой профилактики. В такое время у меня было еще меньше дел, чем обычно. Я позволял себе тогда отдыхать в субботу и воскресенье. Но в свободные дни складывалась парадоксальная ситуация. Организм, видимо, так привык к высокому темпу работы, что в безделье я начинал себя плохо чувствовать физически. Поднималось кровяное давление, начинало барахлить сердце. Однако если я садился дома за пишущую машинку и начинал стучать, как дятел, сцены из повести, то недомогания уходили. На определенном этапе к этому литературному труду подключилась и Вероника. Но мы не афишировали ее соавторство по многим причинам. Главная была та, что даже и в поздние времена советской власти идеологические цензоры очень негативно относились не только к появлению в художественных произведениях героев из офицерского корпуса царской России, но и вообще ко всякому

позитивному упоминанию фактов жизни, быта армии Российской империи. Всякое упоминание имени Ленина в рассказе, повести или романе требовало представления произведения не только в Главлит, то есть цензуру при издательствах, редакциях газет и журналов, но и в орган высшего идеологического подавления и цензуры — в Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК КПСС, пресловутый ИМЭЛ.

В 90-х годах, когда я работал в Берлине, мне посчастливилось познакомиться с талантливой австрийской писательницей, историком, переводчицей и очень обаятельной и красивой женщиной Элизабет Хереш. Некоторые ее книги изданы в России 90-х годов. Когда она в Вене прочитала все три романа трилогии о царском полковнике Соколове, то позвонила мне в Берлин и все удивлялась, как же так нам с женой удалось миновать при нашем авторском настрое красный большевистский фильтр цензуры ИМЭЛ. Я уж не стал ей говорить о том, что издательство воспользовалось моим служебным положением и не стало давать в идеологическую цензуру книгу, одним из авторов которой был помощник члена политбюро. Видимо, правы были те генералы КГБ из спецбуфета, которые уловили душок крамолы в произведении «безответственного писаки»…

Между тем писалось нам быстро. Когда набросков накопилось листов на шестнадцать издательских, я отдал черновик нашему большому другу, профессору русской истории Анатолию Филипповичу Смирнову, с просьбой прочитать и высказать его мнение. А недели через две после встречи с Анатолием, пока «пан профессор», как его звали друзья, любившие смотреть по телевидению юмористическую передачу «Кабачок „Тринадцать стульев“», где одним из персонажей выступал ученый-обществовед, внешне похожий на нашего друга, еще не отдал назад мою рукопись, раздался звонок из издательства «Молодая гвардия». Директор Валерий Ганичев сообщил мне, что профессор Смирнов, член редакционного совета издательства и многолетний рецензент рукописей на исторические темы, рекомендовал, не сказав ничего автору, мою книгу для издания. Директор спрашивал согласие на публикацию, заявил, что по жанру и объему рукопись тянет не на повесть, а на историко-детективный роман, и просил приехать заключить договор. Для меня это была приятная неожиданность, но я позвонил Толе и выбранил его за то, что он не поставил меня в известность о своей инициативе.

Не скрою, я немного побаивался реакции Юрия Владимировича на мое несанкционированное творчество. Было ясно, что Юрий Сергеевич Плеханов, шеф «прослушки», наверняка засек телефонные разговоры на эту тему мои и «пана

профессора», а также директора издательства, доложив обо всем Андропову. Может быть, и копия моей рукописи уже побывала на столе у шефа, но он ни словом не дал мне понять об этом. Андропов был хитер и в волчьем окружении соперников постоянно контролировал не только их, но и своих сотрудников, проверяя их дела и связи. Если бы книга ему не понравилась, он запросто мог одним словом или намеком остановить ее издание. Но роман «Негромкий выстрел» был напечатан сначала тиражом 200 тысяч экземпляров, а вскоре вышло еще 150 тысяч…

Распорядок дня Андропова был насыщенный, но однообразный. К девяти часам утра его тяжелый ЗИЛ-114 пересекал площадь Дзержинского и вставал у первого подъезда. Эта машина, как и все ЗИЛы, была штучной работы и весьма комфортна внутри. Такой автомобиль полагался только членам политбюро. Как правило, он не был бронирован. Кандидатам в члены политбюро гараж особого назначения подавал укороченный вариант ЗИЛа. Секретари ЦК КПСС — не члены ПБ, а также заведующие отделами ЦК КПСС, министры СССР — имели право на «чайку». Эта автомобильная иерархия строго соблюдалась. Машины членов политбюро были очень высокого качества. На моей памяти лишь однажды ЗИЛ Андропова испортился, как всегда, в самый неподходящий момент.

Случилось это в тот вечер, когда рядом с Кремлем загорелась гостиница «Россия». Я стал невольным свидетелем этого события, поскольку около восьми вечера приехал туда в гости к своему другу и однокашнику по АОН Рамизу Ахметову. Он работал в ЦК Компартии Азербайджана и приехал в Москву по партийным делам. Когда я поднялся в номер к Рамизу, то почувствовал сильный запах дыма. Мы даже не стали начинать бутылку коньяку, а, забрав документы и маленький чемоданчик, спустились по лестнице с десятого этажа на улицу. В коридорах дым уже заметно стелился по полу. Мы не стали ждать лифта, чтобы не задохнуться потом в лифтовой шахте, которая могла стать дымовой трубой.

С улицы через арку в западном корпусе, откуда мы вышли, было видно через двор, как горит помещение ресторана наверху северного корпуса гостиницы и верхние этажи того же корпуса. На всякий случай по телефону-автомату я позвонил дежурному по КГБ и сообщил ему о чрезвычайном происшествии. Оказалось, что мой звонок был первым сигналом, после которого дежурный уведомил председателя и его замов. Юрий Владимирович и его заместители немедленно выехали в комитет, а Виктор Михайлович Чебриков — к самому месту пожара.

В горячке первых минут и часов была неясна причина

возникновения огня. Что это? Диверсия или террористический акт, техногенная катастрофа или просто наше исконное русское разгильдяйство? Потом оказалось, что последнее было главной причиной.

Андропов только-только приехал на дачу, не успел отпустить машину, как ему пришлось мчаться назад в Москву. Он должен был спешить потому, что мог позвонить Леонид Ильич и спросить о происшествии. Юрию Владимировичу было бы крайне неприятно, если б первым Брежнев узнал детали от Щелокова, а не от него. ЗИЛ Андропова на повышенной скорости промчался по Рублевскому шоссе, Кутузовскому проспекту и вдруг встал, не доезжая сотни метров до Новоарбатского моста. У машины что-то сломалось в автоматической коробке скоростей, и она могла идти только задним ходом. По радиотелефону был вызван из ГОНа резервный автомобиль. Он пришел минут через семь, и еще через пять минут Юрий Владимирович был на Лубянке. Эту тревожную паузу Андропову пришлось заполнять разговорами о пожаре из автомашины по телефону с Чебриковым и другими зампредами, почти в пределах прямой видимости американского посольства в Москве.

ЗИЛы были оборудованы правительственной связью, и из машины абонент мог соединиться с любой точкой планеты, где был советский аппарат ВЧ-связи или обычный телефонный. Хотя связь была и защищена от подслушивания, американское Агентство национальной безопасности, занимающееся расшифровкой разговоров по всему миру, добралось, видимо, и до кодированных телефонных сигналов, идущих из ЗИЛов. С «чайками» это было сделать еще проще, поскольку в них устанавливались обычные радиотелефоны.

Однажды американцы в прямом смысле этого слова погорели на своем подслушивании правительственных автомашин и линий связи в центре Москвы. На крыше американского посольства и на его чердаке стояло много антенн и электронной аппаратуры. Все эти приборы потребляли так много электрической энергии, что внутри стен посольства США в Москве раскалилась и стала гореть электропроводка. Морские пехотинцы, охранявшие здание и персонал посольства, не сумели самостоятельно справиться с огнем. Но только тогда, когда пожар принял угрожающе катастрофические размеры, на помощь были вызваны советские пожарные. Их машины уже стояли в готовности на улице возле посольства, ожидая просьбу американцев о помощи. Второй главк успел внедрить в пожарную команду советского МВД своих оперативников. На следующий день после пожара генерал Григоренко хвастался, что его людям удалось внутри здания кое-

что стащить у американцев…

Продолжу рассказ о распорядке дня Андропова. Утро он начинал с чтения шифровок резидентов, послов и из управлений КГБ в республиках и областях СССР. По возникавшим вопросам он тут же спрашивал зампредов и начальников управлений по домофону, а то и вызывал их с разъяснениями к себе. Ближе к двенадцати Юрий Владимирович либо принимал какого-либо высокопоставленного гостя, например советского посла из ведущих капиталистических или развивающихся стран, либо устраивал совещания с ограниченным количеством приглашенных. Он вел эти совещания четко, быстро, ясно. Задавал вопросы и требовал исчерпывающего, но краткого ответа на них, спрашивал о конкретных предложениях участников совещания, обобщал эти предложения и подводил итог. В заключение он ставил четкую и ясную задачу каждому генералу, бывшему у него в кабинете.

Все встречи и совещания заканчивались ровно в час дня, без исключения из этого правила. К этому времени в приемную уже подтягивался личный врач Юрия Владимировича Валентин Архипов со своим черным кейсом. Валентин был всегда одет, словно на дипломатический раут. Строгий черный костюм, крахмальная белая рубашка, темный галстук. Архипов был полноватый, невысокого роста, черноволосый и черноглазый улыбчивый человек лет тридцати пяти от роду, от которого исходила доброта. Андропов пригласил его к себе на работу из Института скорой помощи имени Склифосовского, ибо чрезвычайно высоко ценил универсальную квалификацию медицинского персонала этого лечебного и научного учреждения. Что касается врачей 4-го Главного управления при Минздраве СССР, то Юрий Владимирович считал их слишком узкими специалистами, а потому чересчур осторожными и послушными начальству, несколько пришибленными общением с супервысокопоставленными пациентами и пациентками.

Ровно в час дня Валя Архипов входил в кабинет Юрия Владимировича, и офицеры приемной переключали на себя все линии связи, ведущие к Юрию Владимировичу, кроме одной — от Леонида Ильича Брежнева. С часу до двух никто не смел тревожить Андропова, кроме генсека. Но поскольку Брежнев и сам отключался ровно в час дня на предобеденный отдых и обед, а возможно, и послеобеденный сон, то никакого беспокойства в этот час в приемной не возникало.

По некоторым данным, Архипов давал Юрию Владимировичу в час дня легкое снотворное, и Юрий Владимирович спал до двух часов дня. Ровно в четырнадцать часов дверь кабинета

председателя открывалась, и он выходил на обед в спецбуфет. Там уже в зависимости от хода разговоров с зампредами, которые обязательно подтягивались к этому времени на свои обеденные места, Юрий Владимирович оставался от получаса до сорока — сорока пяти минут. Затем — снова на рабочее место, где Юрий Владимирович трудился до девяти — девяти тридцати вечера. По четвергам, если было заседание политбюро, Андропов уезжал в Кремль и заседал там с четырех до семи-восьми вечера, в зависимости от того, как долго длилось это мероприятие. Но года с 77-го, со времени начала серьезных болезней Брежнева, политбюро проводилось не каждый четверг и не столь долго. Тогда Юрий Владимирович оставался на месте. Изредка и ненадолго он «отъезжал», как это говорилось в приемной, к Громыко или Устинову. Он не ждал, когда эти горы подойдут к Магомету, как гласит восточная пословица, а сам подходил к горам, ибо боярское местничество ему было чуждо. Под этим словом «отъехал» подразумевались и его встречи на служебных квартирах с теми интересными людьми, которых он не хотел засвечивать в коридорах КГБ и приемной председателя.

Вторая половина дня протекала у Андропова весьма бурно и насыщенно. Он встречался с людьми, проводил расширенные совещания и все делал четко, ясно, быстро. У психологов есть такое мнение, что хороший руководитель может управлять семью подчиненными. Гениальный деятель способен эффективно руководить двенадцатью соратниками. Таким был, к примеру, Наполеон Бонапарт. Подсчитав количество заместителей председателя КГБ, начальников главных управлений, самостоятельных управлений и отделов в структуре комитета, которые могли выходить прямо на Андропова, минуя промежуточные инстанции, и решать с Юрием Владимировичем важнейшие оперативные вопросы, я не могу не прийти к выводу, что Юрий Владимирович был одним из самых выдающихся правителей за всю историю России. На мой взгляд, император французов Наполеон — только кадет-приготовишка по сравнению с генералом армии Андроповым. Правда, и тот и другой потерпели в своих государственных трудах историческое поражение. Однако после Бонапарта созданная им Система окрепла, а полученная Андроповым в наследство от Ленина, Сталина, Хрущева и Брежнева социалистическая Система быстро развалилась.

…За шесть лет, которые я работал вблизи Юрия Владимировича, несколько раз выпадали авральные недели. Это случалось тогда, когда Юрий Владимирович получал от Брежнева и политбюро задание выступить с речью на каком-либо

торжественном мероприятии, вроде вручения орденов городам Таллину и Петрозаводску, или с докладом по случаю очередной годовщины Ленина, Дзержинского и т. п. Такие решения политбюро о предоставлении тому или иному «выдающемуся деятелю партии и государства» высокой трибуны Дворца съездов в Кремле или республиканской кафедры чуть пониже считались высокой честью. Они вызывали резонанс не только у партверхушки, которая по своим признакам высчитывала, в очередь или вне очереди дано такое ответственное поручение. По речам и докладам оценивались умственные способности и физическое состояние, а также дальнейшие перспективы карьеры докладчика, независимо от того, сколько его собственных мыслей было вложено в его публичный труд.

Творческие запарки у Юрия Владимировича случались и во времена предвыборных кампаний в Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР, где его официальные должности влекли за собой обязательное депутатство. Тогда надо было хорошо «показаться» конкретному народу, избирателям, не только верхушке в Кремле. Но слишком хорошо и ярко выступить было опасно, поскольку это могло вызвать ревность генерального и наветы его клевретов на автора доклада.

Вопреки расхожему мнению о том, что за Андропова, как и за всех вообще генсеков, секретарей ЦК, членов политбюро, речи и доклады писали референты, помощники, ученые, хочу подчеркнуть, что с Юрием Владимировичем дело было совсем не так. Он сам был полноценным автором своих публичных выступлений. Подготовку к ним он начинал по крайней мере за месяц до даты появления на трибуне.

Тому кругу сотрудников Юрия Владимировича, который привлекался им в помощь для подготовки доклада, а это были П. Лаптев, Е. Карпещенко, я, консультанты В. Шарапов и И. Розанов, заранее объявлялся повод, место и время события. В названный час мы входили в кабинет Юрия Владимировича и рассаживались за длинным полированным столом для заседаний. С нами вместе приходили две замечательные стенографистки, имена которых до сих пор надо держать в секрете, потому что они знают в несколько раз больше государственных тайн из «особых папок», чем самые осведомленные чекисты, секретари ЦК, члены политбюро и генсеки, вместе взятые. Эти молодые дамы могли записывать, стенографировать или синхронно печатать на машинке быстрее, чем у среднего человека проворачивались в голове мысли. Они опережали любого начинавшего говорить, и, когда оратор только начинал фразу, они ее уже дописывали.

Юрий Владимирович выходил из-за своего рабочего стола,

держа в руке листок с тезисами, и усаживался на председательское место у длинного стола.

— Я бы хотел сказать вот что… — начинал он и далее, без передыха или остановок, произносил речь минут на тридцать. Было видно, что он долго думал над ней, прикидывал и так и эдак, а теперь излагал уже нечто выношенное. Закончив говорить, он с минуту как бы прислушивался к сказанному, а потом командовал: — Теперь критикуйте кто во что горазд!

Никто из слушателей не возникал с льстивыми оценками того, как все было хорошо продумано и сбалансировано в первом наброске шефа. Андропов этого терпеть не мог, как мы видели это на заседаниях коллегии. Некоторые выступавшие там после доклада председателя бурно начинали восторгаться и изливать подхалимаж. Юрий Владимирович резко обрывал льстецов и требовал обсуждать вопрос по существу.

Мы старались найти трещинки в его аргументации, слабость логических переходов от раздела к разделу. Что-то всегда находилось. Он говорил тогда стенографисткам: «Обязательно поточнее запишите это!»… А нам: «Продумайте аргументацию еще раз и обсудите друг с другом…»

Затем шеф начинал делить на куски свою речь и предлагать нам их для дальнейшей обработки.

— Ты, Паша, — говорил он Лаптеву, — возьмешь такой-то раздел… Ты, Игорь, поработай над другим разделом… Ты, Женя, посмотри вот эту часть… Ты, Витя, такую-то… Ты, Иван, следующую…

Получалось по пять-шесть страничек текста на брата. Затем Юрий Владимирович определял каждому, по каким темам следует выбрать приличествующие месту цитаты из Ленина, Маркса, Брежнева. Давался и срок исполнения работы — обычно три-четыре дня, назначалась сдача страничек, подготовленных каждым, в секретариат Лаптеву для передачи «частей для сборки» будущему автору выступления. При этом Юрий Владимирович многократно подчеркивал, что надо обязательно весомо употреблять такие ключевые слова, как «партия», «большевизм», «большевики» и «чекисты». Сотрудников КГБ в своих официальных выступлениях и служебных документах, записках и прочих деловых бумагах он не называл иначе, как громким словом «чекисты», приобретавшим в его устах значение высшей добродетели. Больше всего он любил слово «большевики», которое, видимо, в наибольшей степени отвечало его воззрениям и характеру.

Через полчаса после первого сеанса работы над докладом стенографистки вручали каждому полный текст того, что было

сказано в кабинете Юрия Владимировича, и те его части, которые предназначались конкретным исполнителям.

Начиналась работа, в которой каждый не только шлифовал мысли Юрия Владимировича и подбирал подходящие, но не заезженные цитаты из классиков и генсека, но и старался чем-то блеснуть, вставить «отсебятину», которая корреспондировалась бы с высказанными Юрием Владимировичем пожеланиями. Иногда получалось так, что кто-то формулировал совершенно новый тезис к теории «развитого социализма». Все написанное вручалось Лаптеву для передачи Юрию Владимировичу. Через день Андропов собирал нас для коллективного обсуждения наших отрывков. Большинство теоретических новаций, придуманных нами, он, подумав, отвергал. При этом он высоко оценивал почти каждую выдумку, но говорил: «Это положение я не могу формулировать — не мой это уровень. Оно слишком нестандартное… Его может высказать в докладе только Леонид Ильич… Ты, имярек, не возражаешь, если я передам твою мысль помощникам генсека для его следующего выступления?..» Отказа, разумеется, не поступало, но очень редко следы нашей работы попадались нам в речах и докладах Брежнева. Его помощникам наши инициативы были ни к чему.

Еще через пару дней Андропов раздавал членам бригады первый вариант собственноручно написанного им доклада. При этом он требовал как можно больше критики, пусть и обидной. И снова каждый давал свои замечания и пожелания к тексту, которые Юрий Владимирович опять сводил воедино.

Второй вариант он медленно и с расстановкой зачитывал бригаде и снова требовал критики, критики и еще раз критики. Не скрою, второй вариант было уже трудновато разгромить, настолько все его части были увязаны в целое, укреплена аргументация, а русский язык был безупречен. Но все-таки какие-то «блохи» еще выскакивали. Их дружно ловили и изымали из текста на месте.

Затем Юрий Владимирович садился на несколько дней в кабинете, отключался от всех телефонов, кроме прямого к Брежневу, не назначал совещаний и встреч. Иногда он выносил на последний суд бригады совершенно новый вариант текста, призывая опять подвергать его самой разрушительной критике. Как правило, это было очень интересное по тем временам выступление, с новыми поворотами старых обязательных формулировок. Обсуждая этот вариант, Андропов бывал совершенно неуступчив, если речь шла об отдельных словах. Чувствовалось, что он прикипал душой к своей работе и ему трудно было что-то менять в ней. Однажды в одной из

ответственных речей он написал что-то вроде: «Наш народ идет вперед, несмотря на писки из подворотни…» Он относил эту часть к критике диссидентов, но мы с Шараповым одновременно прыснули от еле сдерживаемого смеха. Юрий Владимирович очень обиделся на нас. Нам пришлось объяснять ему, что мы восприняли слово «писки» не как слабые звуки, а как детсадовское название дурно пахнущей жидкости. Он засмеялся сам, но мнения своего не изменил и оставил это выражение в окончательном тексте доклада.

Это торжественное чтение было своего рода пробой материала на слух. Затем речь снова перепечатывалась и рассылалась на рецензию зампредам. Как правило, у них не бывало никаких замечаний, кроме хвалебных. За этим этапом следовала еще одна перепечатка, и первый экземпляр готового текста выступления Андропов направлял Леониду Ильичу через Черненко. Я очень сомневаюсь, что Брежнев прочел хоть одну страницу творчества своего любимого «Юры». Но его помощники, к которым попадал этот документ, всячески старались как-то зацепить или опровергнуть хоть какую-либо формулировку или просто фразу из материала, присланного Андроповым. Не могу припомнить случая, когда бы им это удалось. Все, что делал Юрий Владимирович, отличалось добротностью и правильностью.

После этих заходов и шагов начинался обычный аппаратный этап, завершающий работу члена политбюро над докладом или речью. По сложившейся традиции, которая якобы подчеркивала «коллегиальность» партийного руководства, Черненко рассылал проект документа членам политбюро с припиской, что «материал направляется на консультацию и для сведения». Это означало, что всякий старец из высшего ареопага страны может его либо критиковать и рецензировать, либо просто поставить подпись, что читал… Я не слышал ни об одном случае, когда бы из общего отдела ЦК КПСС вернулись красные конверты с текстом Андропова, на котором были хотя бы единичные поправки или пометки членов ПБ. Мне нечего было докладывать, хотя Юрий Владимирович, как и всякий самолюбивый автор, часто спрашивал меня, не поступили ли какие-либо отклики на его проект.

Когда я получал аналогичным образом из общего отдела проекты выступлений генсека или членов политбюро, направляемых на такую же рецензию Андропову, как и другим членам ПБ, у меня иногда рождались критические соображения по тексту. В таком случае возбранялось делать пометки на тексте документа, независимо от того, был ли он хорош или никуда не годен. Это мог отмечать лишь сам Юрий Владимирович, но он

никогда этого не делал. Я же упрямо писал свою отдельную рецензию на материал и вместе с проектом доклада передавал ее Юрию Владимировичу. Иногда он меня вызывал по этому поводу, улыбался, протягивая мой текст, и говорил: «Опять ты нахулиганил!.. Нельзя так обращаться со старшими… Уничтожь свою критику». Текст коллеги Юрия Владимировича по политбюро шел через Черненко к автору девственно чистым.

В моем личном архиве сохранилось несколько первоначальных надиктовок Юрия Владимировича к его предстоящим выступлениям. Окончательные официальные стенограммы его речей и докладов можно прочитать в однотомнике Ю. В. Андропова (Избранные речи и статьи. М., 1983). А здесь, на страницах воспоминаний, хотел бы дать лишь несколько цитат из заметок, связанных с подготовкой речи перед избирателями Ступинского округа по выборам в Верховный Совет СССР 22 февраля 1979 года, чтобы показать ход мысли Андропова.

На втором совещании по этому выступлению, после того как он прочитал «болванку», сотворенную нами по его первой краткой прикидке, Юрий Владимирович среди прочего сказал:

— Первые десять страниц нуждаются в коренной правке… Пустословие… Вы тут написали «сердца людей…» и так далее. Красивости убрать, не надо их употреблять — это дурной тон… Пусть Марков (первый секретарь Союза писателей СССР в 1979 г.) так говорит… …

— Относительно новой Конституции… Сказать, что весь советский народ был творцом… Более широко используются права, но есть и обязанности… Реализуя права, люди реализуют и обязанности…

…

— Нельзя не сказать о недостатках… Не мельчить… По-крупному…

…

— О взяточничестве я бы сказал. Борьбу эту надо показать… Я по своему опыту знаю, что если эту работу будут вести… если остальные будут только возмущаться, то дела очень долго будут идти к порядку… Просто надо сказать, сколько есть случаев, что жулик ворует, а рядом десятки честных людей… Но они жулика не разоблачают…

…

— Не давать речь в железобетон!..

Со времен работы Андропова в аппарате ЦК КПСС вокруг него сплачивалась большая и дружная команда. Я знал некоторых из них, или был знаком с иными не очень близко, но глубоко уважал их всех. Г. Арбатов, А. Бовин, О. Богомолов, Н. Иноземцев, Ф. Бурлацкий, Г. Герасимов и другие были сугубо творческими личностями. Особенно хорошо знаком я был с Геннадием Герасимовым, вместе с которым много лет проработал в группе политических обозревателей АПН. Все они искренно помогали Юрию Владимировичу во времена хрущевской «оттепели» и сразу после нее. Их труд и способности, безусловно, сыграли свою роль в его возвышении.

Когда Андропов стал председателем КГБ, в круг его друзей и сотрудников вошел Евгений Иванович Чазов, глава 4-го Главного управления при Минздраве СССР. Оно было «при» потому, что оставалось независимым от правительства и Министерства здравоохранения. Некоторые авторы негативно оценивают дружбу и сотрудничество Андропова и Чазова, углядывая в этом некую интригу со стороны Юрия Владимировича. Но они не хотят принимать во внимание, что председатель КГБ официально отвечал за охрану и здоровье членов правительства, высших партийных деятелей, которые в ранге членов политбюро получали бытовой статус «охраняемых». Чазов был независим от Андропова по службе, но в отношении здоровья «охраняемых» на нем лежала такая же ответственность, как и на председателе КГБ. Андропову подчинялось 9-е управление КГБ, занимавшееся охраной и бытовым обслуживанием верхнего эшелона партийной и государственной власти. 4-е Главное управление при Минздраве, то есть Чазов, имело свой огромный отдельный бюджет, но работало на уровне рабочих хозяйственных звеньев в тесном контакте со структурами 9-го управления. Я часто видел Евгения Ивановича в приемной Юрия Владимировича, дожидающегося, когда из кабинета шефа выйдет засидевшийся посетитель.

Я могу утверждать, что Андропова и Чазова соединяли не только официальные отношения. Я видел, что между ними была

хорошая мужская дружба. Более того, Евгений Иванович, вероятно, был единственным человеком, с которым Юрий Владимирович по-дружески разговаривал совершенно откровенно и доверительно, несмотря на сложность и закрытость своего характера. Андропов высоко ценил в Чазове его человечность, гуманизм, талант ученого и хирурга, высочайшие организаторские способности, остроту политического мышления.

Учитывая то обстоятельство, что Брежнев не выпускал из виду ни одного из своих соперников и ближайших сотрудников, вместе с их чадами и домочадцами, которые тоже лечились и отдыхали в системе учреждений 4-го управления, рабочая связь Андропова с Чазовым, превратившаяся в теплые личные отношения и доверительную откровенность с обеих сторон, отнюдь не представляется мне излишней или сомнительной. А что касается заботы о здоровье Леонида Ильича, то Чазов и Андропов были в этом вопросе безупречны. Кроме того, все соображения Евгения Ивановича о здоровье высшего эшелона власти доходили до генсека не по «испорченному телефону» многих ступеней, а только от одного человека, который умел держать тайну, — Юрия Владимировича.

Чазов обычно появлялся в приемной Юрия Владимировича по субботам, когда бешеный ритм работы Андропова несколько спадал. Появлялась возможность поговорить по душам. К тому же Евгений Иванович и Юрий Владимирович не любили «засвечивать» свои близкие отношения, а в субботу по третьему этажу почти никто из начальства не ходил. Тем не менее за Чазовым, его появлениями у Андропова наблюдала не одна пара глаз. Даже по субботам, не говоря уже о буднях, пока Евгений Иванович ждал несколько минут приглашения в кабинет Андропова, в приемную, будто случайно, приходили Цинев и Цвигун, чтобы, пользуясь своим правом беспрепятственного прохода в кабинет председателя, войти туда вместе с Чазовым и послушать, о чем пойдет разговор…

Состав команды Юрия Владимировича, когда он пришел на Лубянку, несколько сузился и изменился. В ее широкий круг вошли Чебриков и Бобков, Кеворков и Шарапов, начальник Высшей школы КГБ генерал Иван Розанов. Ядро команды оставалось прежним. Его составляли Крючков, как бывший помощник секретаря ЦК КПСС, Плеханов — бывший при Юрии Владимировиче в ЦК секретарь секретаря ЦК КПСС, Лаптев — бывший работник отдела соцстран аппарата ЦК, ведавший в нем вопросами Албании и знавший албанский язык. Карпещенко — бывший сотрудник того же Отдела, занимался в отделе ЦК КПСС Румынией и знал румынский язык. Были еще очень доверенный

сотрудник Андропова, без которого команда была бы значительно слабее, — это Евгений Иванович Калгин, бывший водитель, бывший охранник, бывший офицер приемной председателя, бывший референт, и, наконец, начальник особо секретного, чрезвычайно потаенного 12-го отдела — подслушивания, — которым до него руководил один из самых доверенных, если не самый близкий Андропову человек — Юрий Плеханов. Зная все тайны советской верхушки, Плеханов закономерно стал в конце концов начальником 9-го управления.

Все выходцы из ЦК КПСС поднаторели в аппаратном искусстве, партийных интригах и беззаветной осторожности. Особенно близким Юрию Владимировичу считался Владимир Александрович Крючков. Я уже сообщал некоторые штрихи к его портрету, но, чтобы дополнить картину, сошлюсь на мнение академика Чазова, который считал, что все председатели КГБ после Андропова были на голову ниже Юрия Владимировича. Внешне Крючков был действительно ростом чуть ниже Андропова, довольно бесцветной внешности, поджарым и лысеющим человеком, с пустым взглядом за стеклами очков. Но его внешность была обманчива. По характеру, неожиданности нападения на выбранную жертву он очень походил на рысь, которая разит налево и направо не от голода, а от жажды крови. Ему не хватало только кисточек над ушами. Если бы ему это было выгодно, не сомневаюсь, он куснул бы и руку хозяина, а может быть, и вцепился ему в горло, как он это сделал с Горбачевым и хотел проделать с Ельциным.

Главное, что у Крючкова не было широты мышления и самостоятельного анализа, который столь необходим начальнику разведки, а затем и главе всего КГБ. Именно поэтому в его характере, когда он стал шефом ПГУ, стал быстро развиваться фаворитизм. В то же время Владимир Александрович был супердисциплинированным исполнителем пожеланий своего патрона. Он подхватывал на лету любые мысли и высказывания Юрия Владимировича, не продумывал их сам или обсуждал с узкими специалистами своего дела, а начинал всю информацию разведки подгонять под то настроение, в котором в данный момент находился Андропов. Это его качество было особенно пагубным для страны потому, что с конца 70-х годов здоровье Юрия Владимировича стало ухудшаться и особенно резко пошло на спад после секретной поездки Андропова в Афганистан в январе 1980 года. Вместе с ухудшением здоровья у Андропова стала развиваться мнительность, подозрительность. Он стал чаще раздражаться. Но чего же еще ждать от тяжелобольного человека, который должен был выносить жуткие мучения гемодиализа и

других медицинских процедур, чтобы хотя символически оставаться в строю?! Эти бурно развивавшиеся в последние три года жизни негативные черты характера Андропова, тщательно скрывавшиеся от посторонних, видимо, влияли и на Крючкова.

Его поручения разведчикам передней линии огня становились все более пагубными для страны. Так, он не только раздувал в начале 1979 года политический пожар вокруг Афганистана и его руководителя Амина, даже после того, как Юрий Владимирович стал высказывать сомнение в целесообразности военного решения, Крючков своей информацией подталкивал шефа, а через него и все руководство СССР к опрометчивым шагам в Кабуле.

На американо-европейском направлении работы внешней разведки он поднимал панику насчет подготовки Соединенными Штатами Америки и их союзниками по НАТО первого ядерного удара по СССР. Тем самым он подыгрывал авторам различных американских планов экономического разорения Советского Союза посредством гонки вооружений. Если Андропов вынужден был поддерживать военно-промышленную активность министра обороны маршала Устинова, который еще в большей степени, чем шеф КГБ, сформировался в сталинские агрессивные времена, то Крючков усугублял их союз, питая его все более обостряющейся информацией внешней разведки. Он сам не был способен оценить негативное значение такой информации на перспективу и не давал сделать этого своим сотрудникам.

К очень опасным чертам его характера для государства, в истории которого Крючков сыграл весьма пагубную роль, последовательно развалив внешнюю разведку, КГБ и Советский Союз, относились коварство и интриганство. Чтобы не быть голословным, приведу лишь один факт, обнародованный в телевизионной программе писателя и публициста Андрея Караулова «Момент истины». Сюжет, о котором пойдет речь, передавался первый раз по каналу ТВЦ Московского телевидения 15 июня 2003 года. Начало программы было в двадцать часов. Эпизод, связанный с Крючковым, пошел на тридцать пятой минуте передачи. В нем говорилось о закулисных обстоятельствах не санкционированного властями СССР полета молодого немецкого пилота Руста на одномоторном легком самолете марки «Цессна» 28 мая 1987 года над территорией Советского Союза и его сенсационной посадки на Красной площади.

Привожу расшифровку беседы из «Момента истины» Андрея Караулова с генерал-майором Сергеем Мельниковым, дежурным генералом войск ПВО СССР 28 мая 1987 года:

«Караулов: Полет Руста позволил Горбачеву отправить в

отставку всю верхушку Министерства обороны…

Мельников: В 14 часов 55 минут появилась цель 8255 над нашей территорией. Я даю команду привести в боевую готовность ПВО Ленинграда, поднять в воздух дежурный истребитель.

К.: Вы были дежурным генералом?

М.: Да, я был дежурным генералом войск ПВО. А цель продолжает лететь.

К.: На какой высоте летел?

М.: На высоте 300–200 метров. При подходе к московской зоне я включил все дежурные силы Московского округа ПВО, поднял истребитель МиГ-25.

К.: А кто же сказал, что это птица летит?

М.: Командующий 6-й отдельной армией ПВО Тулов принял решение, что это птица.

К.: Но он ошибся или специально?

М.: Нет, поле меняется через сутки — радиолокационное поле. А в тот момент, 28 мая, поле сменили радиолокационное через пять суток. К.: А это что означает?

М.: Поле радиолокационное меняется раз в сутки. Это разрабатывает Главный штаб, рассылается в соединения, в части… 28 мая это поле сменили не через одни сутки, а через пять суток.

К.: А что это дает?

М.: Знание Рустом этого поля…

К.: Раньше так не было никогда?

М.: Раньше этого никогда не было.

К.: Как, значит, еще раз? Значит, меняют? Каждый день новая обстановка?

М.: Новые станции поле меняют.

К.: Работают новые станции, поле меняют?

М.: Так точно…

К.: А тут пять дней одно и то же поле было?

М.: Он знал это поле…

К.: И он их облетал?

М.: Да! Я разговаривал с Крючковым в доверительной обстановке, и Крючков сказал, что „я лично готовил эту операцию по указанию Горбачева“.

К.: Владимир Александрович Крючков был тогда уже в КГБ?..

М.: Да, он был председателем…

К.: Горбачев посадил Руста на Красной площади, чтобы снять маршала Соколова, министра обороны…

(Беседу на экране ТВ продолжает маршал Язов, бывший министром обороны в 1991 году, во времена ГКЧП, душой которого был Крючков.)

Язов: Но там не только Соколова сняли, но и Колдунова, Константинова и командующего 6-й армией…

К.: То есть разгром такой произошел?

Я.: Да!»

Очевидно, афера Крючкова с Рустом была не единственной его грязной интригой на верхушке советской власти в роли председателя КГБ. Она была настолько закручена Горбачевым и Крючковым, что Русту следовало бы задать вопрос: кто вы, товарищ Руст?..

Самым осведомленным человеком в андроповской команде, знающим, может быть, даже больше секретов КГБ, партии и Советского государства, чем сам Андропов, был Пал Палыч Лаптев. Он занял кабинет начальника секретариата КГБ сразу после Крючкова, переведенного Андроповым в ПГУ для задуманной им замены тогдашнего начальника разведки Мортина. На стол Пал Палыча стекались все самые важные бумаги с государственными тайнами извне КГБ, которые он докладывал Андропову. Он фильтровал и всю бумажную продукцию КГБ, которая в виде записок, справок, руководящих указаний, запросов, информаций и других бюрократических жанров исходила из стен Лубянки вовне. Он был аппаратчик до мозга костей, обладал выдающейся памятью и мог надиктовать стенографистке без минутного перерыва самый пространный документ из цековской, кагэбэшной, общественной и государственной деятельности, с проектом постановления по данному вопросу на многих страницах, да так, что бумага после него не требовала никакого редактирования или правок. Он почти сутками сидел на своем месте, даже тогда, когда Юрий Владимирович отсутствовал в здании, находился в отпуске, командировке или на лечении в ЦКБ. Мне казалось, что Пал Палыч был хорошим щитом для Юрия Владимировича, прикрывая его спину, отражая все нежелательные звонки, визиты деятелей к председателю КГБ, разгадывая интриги, которые плелись вокруг Андропова. Он был способен, в отличие от Крючкова, к глубокому анализу документов и ситуации, предвидел развитие событий и был, по моему мнению, хорошим советчиком Юрию Владимировичу в интригах на высшем кагэбэшном, партийном и государственном уровнях.

Так же как и Андропов, Лаптев был глубоко больной человек. Вероятно, у него развивались те же болезни почек, что и у Юрия Владимировича. Я мог сделать такой визуальный вывод потому, что под глазами Пал Палыча всегда чернели широкими разводами тяжело набухшие мешки.

Третьим «пишущим» членом ядра андроповской команды был

Евгений Дмитриевич Карпещенко. До Отдела ЦК КПСС он работал в Румынии, неплохо знал эту страну и хорошо изучил ее язык. Еще одним редким его достоинством было совершенное владение стенографией, что само по себе, даже без других талантов, могло высоко поставить его в аппарате. Стенография позволяет чиновнику записывать в точности мнение начальства, что позволяет иметь фору перед другими, вынужденными разбирать после совещаний свои каракули.

У Карпещенко было еще одно редкое достоинство. Не секрет, что многие разведки мира держат в своих кадрах немых людей, которые издалека, по движению губ, способны записывать чужие высказывания. Опыт референтского сидения рядом с советскими высокопоставленными участниками встреч, международных совещаний коммунистических и рабочих партий и необходимость суфлировать начальству нужные тексты или передавать визуальные наблюдения выработали у Карпещенко способность говорить или шептать, совершенно не двигая губами и не напрягая мускулы лица. Эта привычка вошла у него в плоть и кровь, усугубилась длительной работой в КГБ. Ни один иностранный шпион издали никогда бы не угадал того, о чем говорит Карпещенко. Иногда на совещаниях в кабинете Пал Палыча было удивительно слышать высказывания, сделанные голосом Евгения Дмитриевича, но при этом видеть, как под его крючковатым носом узкая щель рта остается совершенно недвижимой.

В отличие от Пал Палыча, который старался общаться с человеком деликатно и часто раздвигал губы в какой-то полусмущенной улыбке, обнажая два больших резца на верхней челюсти и одновременно поглаживая ладошкой хохолок на затылке, Карпещенко любил поехидничать и поострить.

Сначала непостоянным членом команды Андропова, а затем довольно быстро признанным ее старейшинами и влившимся в ее ядро был Виктор Шарапов. Он хорошо ласкался и к начальникам, и к равным ему по положению. Юрий Владимирович обратил на него внимание, когда Виктор еще работал в газете «Правда» и несколько лет провел в Китае в качестве ее собкора. Он прилично знал китайский язык и был назначен консультантом председателя. Несколько ранее Шарапова, почти одновременно с самим шефом, из аппарата ЦК пришел в ПГУ Федор Мочульский, также китаист. Оба они принадлежали к группировке «ястребов» в советско-китайских отношениях и в таком направлении «консультировали» Юрия Владимировича.

Две группировки, «ястребов» и «голубей», сложились в верхушке высоких политических кругов Советского Союза сразу

после того, как неумный Хрущев начал ссору с амбициозным Мао Цзэдуном. Самым вздорным шагом Хрущева был внезапный для китайцев и подлый по существу отношений между двумя коммунистическими сверхдержавами отзыв всех советских специалистов, помогавших строить китайскую экономику. В 60-х и 70-х годах отношения между СССР и КНР обострились до того, что на советско-китайской границе начались вооруженные столкновения. На Западе злорадствовали, строя не только теории, но и наблюдая на практике возможность войн между странами социализма.

В руководстве СССР большинство деятелей принадлежали к клану «ястребов». Их главное гнездо было свито в отделе соцстран, откуда вышел в КГБ Андропов. Юрий Владимирович не был специалистом по китайским делам, и ему требовались частые консультации по различным синологическим проблемам. В отделе соцстран на Старой площади таким экспертом оставался первый заместитель заведующего отделом Олег Рахманин. Ввиду важности советско-китайских отношений он был избран членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР. Это были самые высокие регалии для партийного функционера. Даны они ему были потому, что он был влиятельным предводителем стаи антикитайских «ястребов» в партийных и государственных структурах Советского Союза. Шарапов и Мочульский были далеко не последними «птенцами гнезда Рахманина». Они часто навещали его на Старой площади и были переносчиками влияния «ястребов» на Андропова и Крючкова. Были «ястребы» и среди военных руководителей, которые весьма опасались ракетно-ядерной программы КНР. «Ястребы» считали неизбежным обострение конфронтации СССР и Китая, крайне опасались намечавшегося тогда стратегического союза Пекина и Вашингтона.

В то же время во внешней разведке сохранялось еще много «голубей», которых «ястребы» не успели «съесть». Равно и в Министерстве иностранных дел большинство видных профессиональных дипломатов сохраняли трезвый подход к стратегии отношений СССР и Китая, пытались своей информацией несколько сбить синофобские чувства большинства партаппаратчиков.

В политбюро не было единства по отношению к Китаю. Брежнев, в силу ограниченности своего внешнеполитического мышления, не хотел прилагать усилия для формулирования собственной позиции по китайскому вопросу. Он колебался и чаще поддерживал ястребиный клекот на политбюро. Председатель Совета министров СССР Косыгин, напротив, был

твердым сторонником «голубей». Именно он предпринял попытку разрядить обстановку советско-китайского спора и встретился для этого в Пекинском аэропорту с китайским руководителем Чжоу Эньлаем. Косыгин летел тогда через китайскую столицу с визитом в одну из азиатских стран и воспользовался случаем, чтобы провести долгую и дружескую беседу со вторым человеком в китайской иерархии.

К сожалению, эта попытка замирения успеха не имела. Она только еще больше воодушевила «ястребов» в их наскоках на возможную дружескую линию Москвы в отношениях с Китайской Народной Республикой.

Несмотря на «ястребиный» подход Мочульского и Шарапова к советско-китайским отношениям, в ПГУ, особенно в его Аналитическом управлении, которым командовал тогда молодой генерал Николай Леонов, господствовал «голубиный» курс по отношению к КНР. Особенно твердо стояли на подобных позициях сам Леонов и его аналитики-китаеведы, которые были коренными кадрами внешней разведки, а не пришлыми варягами из ЦК КПСС. Мне это было особенно заметно, когда по моей просьбе накануне заседаний политбюро, если в каком-либо из вопросов повестки дня отмечалась китайская проблематика, Аналитическое управление готовило для Юрия Владимировича материалы, справки, предложения для возможных его выступлений на партийном ареопаге. Я соглашался с заметками, подписанными Леоновым, вкладывал их в красную сафьяновую папку с надписью золотом «Политбюро». После соответствующих четвергов, когда я напрямую вкладывал «китайские записки» Леонова в папку для подготовки Юрия Владимировича к заседаниям политбюро, ко мне раза два заходили порознь Шарапов и Мочульский. Оба весьма деликатно просили консультировать у них как главных специалистов по Китаю перед ПБ бумаги Леонова, но я продолжал делать по-своему. Я не специалист в китайских или дальневосточных делах, но инстинктивно чувствовал, что стратегия ссоры с великим Китаем, проводимая Олегом Рахманиным и его сторонниками, не отвечает широким глобальным интересам Советского Союза и всего так называемого социалистического лагеря.

Видимо, в силу своего журналистски простодушного характера и идеалистических взглядов, отвращения к интригам я не сумел органически влиться в старое ядро команды Юрия Владимировича. Еле уловимыми флюидами они мне дали сразу понять, что я нежеланный пришелец, тем более что Юрий Владимирович до начала 1978 года относился ко мне по-отечески и слишком хорошо. Наверное, кое-кого в его старом окружении

это беспокоило, и они начинали его ревновать ко мне. Так продолжалось четыре с половиной года. К концу 1977 года Юрий Владимирович несколько изменился в худшую сторону. Он стал суше, осторожнее, еще более закрылся. Может быть, к началу 78-го он решил, что я перестал представлять для него ценность в виде свежей головы, поскольку его взгляды внешне стали сильнее «большевизироваться» и приобретать демонстративно-показной характер преданности партии, восторга перед марксизмом-ленинизмом и лично выдающимся деятелем мирового коммунистического движения Леонидом Ильичом Брежневым.

Мои же позиции оставались либерально-«оттепельными» и если и трансформировались, то в сторону критики аппаратной Системы. Каюсь, я не стал столь вольнодумным, как диссиденты, но пороки коммунистического режима начинали все более проступать из тумана «развитого социализма» и для меня. Во всяком случае, Юрий Владимирович перестал делать пометки на моих записках и предложениях, и они возвращались ко мне девственно чистыми. А задушевных бесед, которые иногда случались раньше, почти не происходило. Что касается кагэбэшных дел, то меня к ним по-прежнему не подпускали, хотя активность в этом направлении андроповской команды стала значительно возрастать.

Не сомневаюсь, что какие-то нюансы нового отношения Андропова ко мне донеслись и до его самого близкого окружения. Во всяком случае, в середине 1978 года произошел один крайне неприятный для меня инцидент.

Однажды вечером, когда рабочий ритм несколько затих, Юрий Владимирович вызвал меня к себе. Он почему-то сидел не за рабочим столом, а сбоку стола для совещаний, что создавало атмосферу доверительности. Перед ним лежал лист бумаги.

— Садись… — сказал он мне и жестко добавил: — На тебя пришла анонимка… Читай!

Я похолодел, он подвинул мне листок и впился в меня глазами. У меня мелькнула мысль, что в анонимке написано что-то страшное, вроде того, что я в юности убил старуху-процентщицу или воровал с чужих огородов морковку, чем и занимаюсь сейчас в свободное время.

Но мои грехи, согласно анонимке, оказались значительно более легкими, с точки зрения нормального человека. Меня обвиняли в том, что я использую служебное время не по назначению (имелось в виду, что моим отдыхом было литературное творчество), что я слишком часто заказываю театральные билеты «политконтроля», а когда не могу идти сам в театр, передаю их посторонним лицам, не связанным с КГБ. В

кляузе было также, что я использую свое положение, чтобы помогать многим знакомым людям по их первой просьбе, например покупая им лекарства в кремлевской аптеке, звонками по «кремлевке» в разные организации, где годами маринуют жалобы граждан. Очевидно, имелась в виду и моя работа с избирателями Юрия Владимировича, которая велась по его поручению, но в которой я не всегда спрашивал разрешения самого депутата при обращении в какие-либо учреждения для помощи его избирателям, то есть проявлял наказуемую инициативу. Но я гордился тем, что в мои часы приема по поручению Юрия Владимировича, который происходил раз в две недели в задних комнатах бюро пропусков КГБ на Кузнецком Мосту, за помощью к Андропову через меня обращалось все больше и больше избирателей, и не только из двух «его округов». Прослышав о том, что в приемной Андропова можно получить помощь, ходоки приезжали не только из Тульской области и Ступинского района Подмосковья, но и из многих городов и весей нашей страны. Доносчик инкриминировал мне и то, что среди людей, которым я помогал, далеко не все являлись сотрудниками КГБ или избирателями Юрия Владимировича. Наконец, был помянут и такой «страшный» грех, что, уходя на учебу в Академию общественных наук, я не все книги вернул в библиотеку АПН, а часть их потерял или зажал…

Я сразу понял, что анонимку писал кто-то из своих, из «дружных ребят» команды Андропова. Каждая фраза была точно рассчитана применительно к его ухудшающемуся характеру, в том числе и на проявлявшиеся у него все больше мнительность и подозрительность. Кроме того, некоторые факты были почерпнуты явно из «прослушки», а кто мог позволить себе подслушивать «кремлевский» аппарат и городские телефоны помощника члена политбюро? И вообще, кому из посторонних надо было вбить клин между Юрием Владимировичем и мною?

Я подумал и о том, что это, может быть, была неожиданная проверка, которые иногда любил устраивать своим сотрудникам Андропов и внимательно наблюдать при этом реакцию «подозреваемого».

Как раз в те годы ЦК КПСС принял очень правильное, но не исполнявшееся постановление о том, что анонимки аморальны и рассматривать их нельзя.

Все это за мгновение промелькнуло у меня в голове, и я решительно заявил Юрию Владимировичу, подвинув бумажку к нему, что все написанное в ней — чушь собачья.

— Ну что? — спросил он у меня, внимательно глядя в глаза. — Будем создавать комиссию по проверке?

— Воля ваша! — оскорбленным тоном сказал я ему. — Можете создавать хоть десять комиссий… А если вы не доверяете мне, то я сейчас же готов положить заявление об уходе! Тем более что листок, на котором это дерьмо написано, явно из запасов вашего секретариата…

Юрий Владимирович был несколько обескуражен. Может быть, это была только игра. Он встал, взял с рабочего стола папку с секретариатскими бумагами и принялся сравнивать анонимку с ними. Листы бумаги, на которой печатались документы секретариата КГБ, имели некую условность — они были чуть уменьшенного формата и цвета не чисто-белого, а отдававшего в слоновую кость. Так было придумано, видимо, в антишпионских целях.

— Смотри-ка, чего углядел! Ну, не кипятись, не кипятись! — сказал мне уже другим, более спокойным тоном Андропов. Он смял анонимку и швырнул ее в корзину для бумаг, стоявшую чуть поодаль. — Иди спокойно работай! Никакой комиссии создавать не будем, — твердо сказал он мне. — Но ты учти, как это выглядит в нашей жизни, — то ли у него шубу украли, то ли он шубу украл, ну его на хрен, лучше держаться от него подальше!..

В тот раз я вышел из его кабинета с горьким осадком в душе. Я не хотел даже и думать о том, что столь любимый мною человек мог так подло проверять меня или сразу поверить клеветническому навету. Да и в доносе этом, по существу, не было настоящих, «порочащих меня фактов», как писал про Штирлица Юлиан Семенов. Это было довольно мелко для Андропова, но, как я слышал потом, со временем стало учащаться по отношению к тем, кого невзлюбили Крючков, Лаптев и Карпещенко.

Вторую проверку он явно учинил мне года через полтора, когда я уже не работал у него, а был политическим обозревателем АПН. Но об этом чуть ниже. А теперь я хотел бы рассказать, как мы с ним расстались.

После эпизода с анонимкой я стал ощущать в секретариате какой-то холодок по отношению ко мне. Карпещенко ехидничал больше обычного, Пал Палыч как-то уел меня, сообщив, что я не так обрабатываю документы ЦК к заседаниям политбюро. Могущественный генерал Григоренко, сильно приблизившийся в последнее время к Андропову и бывший старым врагом моего отца, вдруг торжествующе стал посматривать на меня в приемной при случайных встречах и на совещаниях. Я относил это к тому, что он выражал мнение генеральских кругов КГБ, крайне недоброжелательных к моему «писательству». Ведь даже своего прямого начальника Цвигуна они презрительно за глаза называли

«писателем». Я думал, что Григоренко со товарищи усиленно кляузничает на меня Андропову по поводу того, что я не только не прекратил писать беллетристику после первого романа, но взялся и за его продолжение. Тем самым я подтверждал, что не желаю отдавать все свое время службе шефу, а имею еще какие-то амбиции.

Я ощущал, что вокруг меня зреет интрига, но разрушить ее я не умел и не хотел, ибо для этого надо было выбрать унижение и смирение. О том, что эта интрига становится очень опасной для меня, я понял из якобы случайного высказывания в моем кабинете одного из офицеров группы «Особая папка», который ко мне, как я чувствовал, неплохо относился.

Володя М. вдруг ни с того ни с сего рассказал мне, как враждующие между собой сотрудники КГБ расправляются друг с другом. Нет, они не стреляются на дуэли из табельных пистолетов «макаров», не бьют врагу в спину кинжалом из-под плаща. Рыцари «железного Феликса» действуют чекистскими методами 1937 года. Они тихонько крадут у ненавистного им человека, при подходящем случае, служебный документ с грифом «секретно». Иногда это делают, взяв у него по якобы служебной необходимости такую бумагу почитать, и «забывают» расписаться в соответствующей амбарной книге, где она по-прежнему числится за ненавистным соперником или коллегой. Разумеется, такую операцию тщательно готовят, иногда не один месяц, но всегда с крайне плачевным для врага результатом. При первой же проверке секретчиков — хранителей бумаг оказывается, что документ «висит» не на том, кто его взял почитать, а, например, на его шефе. Сразу убиваются два зайца: человек, расписавшийся за секретную бумагу и не представивший ее из своего сейфа по первому требованию, идет под трибунал и получает несколько лет тюрьмы за утрату документа с грифом «секретно» или «совершенно секретно». За словечко «совершенно» судьи добавляют пару-тройку лет. Приговор обжалованию не подлежит.

Второй убитый заяц — это вполне конкретная вакансия, освободившаяся после ареста того, кто «утратил бдительность».

Я тогда не сразу сообразил, почему Володя рассказывает мне о такой грязной технологии чекистско-мафиозной вендетты. Понял я это лишь спустя несколько месяцев, когда ушел от Андропова подобру-поздорову. Очевидно, офицер из группы «Особая папка», который носил документы в самые высокие кабинеты на Лубянке, слышал что-то о готовящейся мне западне и решил столь неформальным способом предупредить о ней. Хотя я тогда этого и не понял, но бдительность усилил и перестал давать коллегам по секретариату даже под расписку в особой

книге почитать материалы ЦК КПСС из моего сейфа. Третий звонок перед возможной драматической развязкой моей работы «под крышей» Лубянки прозвучал из уст самого Юрия Владимировича в конце февраля 1979 года. Он вызвал меня к себе в кабинет и был довольно мрачен. Место мне было предложено возле рабочего стола, за приставным столиком, что означало формальный характер беседы.

— Я хочу, чтобы ты перешел на другую работу… — без предисловий начал он сухим тоном. — На меня давят члены коллегии и некоторые генералы в связи с тем, что ты в служебное время пишешь романы…

Я молчал и не считал нужным доказывать ему что-либо. Видимо, он принял решение, и суровый тон при слабости его аргументации говорил, что он сердится сам на себя.

— Я предлагаю тебе для начала надеть полковничьи погоны, которые тебе может утвердить коллегия по моему представлению, — продолжил он, отводя глаза в сторону, — поучиться на двухмесячных курсах повышения квалификации работников ПГУ, которые проходят партийные работники, съездить затем куда-либо резидентом на генеральскую должность, получить генерала и стать заместителем начальника разведки с большой перспективой, — предложил он мне.

Зная ревнивый и подлый характер Крючкова, который, конечно, постарается задвинуть меня куда-нибудь подальше от Андропова, и не желая вместе с погонами надевать хомут военной дисциплины, я отказался от этой высокой чести.

Юрий Владимирович помрачнел и насупился. Он не любил, когда ему отказывали. С минуту он подумал и сделал другое предложение.

— Хочешь, я позвоню Громыко, и мы пошлем тебя советником-посланником в приличную страну? — спросил он и добавил: — Получишь высокий дипломатический ранг. Я сам начинал восхождение с такой должности, а тебе сейчас только сорок шесть лет…

Я поблагодарил его за интересное предложение, но сказал, что совсем не рвусь за границу, что хотел бы остаться дома и заниматься творчеством. Тем более что у меня дочь учится в институте, и не хотелось бы лишать ее родительского присмотра.

— Я знаю, — сказал Юрий Владимирович. — Мне все доложили… Она хорошая девочка, и тебе не надо беспокоиться… Но раз ты не хочешь за границу, то другое тебе может предложить только Иван Капитонов. При этом учти, что в нынешних условиях я не могу добиваться для тебя места, соответствующего твоему статусу заместителя заведующего отделом аппарата ЦК. Как

только я выскажу что-либо подобное, все помощники членов политбюро, которые внимательно следят за перемещениями своих коллег, начнут нашептывать своим шефам, что Андропов хочет взять власть и начинает расставлять свои кадры…

Я заочно знал секретаря ЦК КПСС по кадрам Ивана Васильевича Капитонова, поскольку дружил с его помощником Павлом Александровичем Смольским, и решил отдать свою судьбу в его руки.

Андропов снял трубку телефона АТС-1 Кремля, набрал номер Капитонова, поздоровался с ним и сообщил, что его помощник по политбюро Синицин хочет перейти на другую работу.

— Иван Васильевич! Посмотри, что у тебя там есть подходящего… — любезно сказал он Капитонову, — Синицин зайдет к тебе…

Я знал, что отношения Капитонова и Андропова складывались не лучшим образом. Юрий Владимирович считал Капитонова дураком и почти не скрывал этого. Во всяком случае, когда Юрий Владимирович стал генсеком, он взял секретарем по кадрам Лигачева, отправив Капитонова на пенсию. После разговора с Иваном Васильевичем Андропов постарался несколько оправдаться в моих глазах:

— Но ты выбирай у Ивана только то, что тебе понравится… Если надо, я поддержу…

Капитонов предложил мне сначала должность заместителя министра высшего образования. Но когда я узнал, что вакансия эта — по техническим вузам, то отказался наотрез, не будучи технарем или партийным организатором, который может взяться за любое дело. Я был журналистом, историком, кандидатом философии и хотел стать профессиональным писателем. Поэтому стал ждать, когда появится какая-либо работа, связанная с журналистикой или литературой.

Секретарь ЦК по кадрам не замедлил проявиться снова. Примерно через неделю он позвонил мне и сообщил, что, оказывается, в загашнике ЦК есть две очень симпатичные для меня должности. Одна — политический обозреватель в ранге члена правления АПН, а другая — также политобозреватель высшего ранга, но в «Правде». По тем временам это была самая желанная для любого журналиста работа. Во-первых, политобозреватель был подчинен прямо председателю правления АПН или соответственно главному редактору «Правды». Иметь только одного начальника всегда в России было большой удачей. На Лубянке такая удача мне сопутствовала. Во-вторых, по этой должности полагались все блага, даваемые номенклатуре. В-третьих, в год предоставлялись две-три творческие командировки

за рубеж и сколько угодно по нашей стране.

Поскольку я уходил на учебу в Академию общественных наук из агентства печати «Новости», проработал там до этого пятнадцать лет, хорошо знал коллектив, я выбрал АПН, хотя «Правда» была престижней. Но мне не нравился восторженно-партийный стиль газеты. Для меня он был одиозным, особенно после почти шестилетней ежедневной работы с документами ЦК КПСС. Кроме того, я не знал почти никого из редакции и не хотел попадать в круг неизвестных мне отношений между людьми в руководящей верхушке. Каждый из них был связан прочными незримыми нитями с кем-то из аппарата ЦК КПСС, и вообще «Правда» считалась чуть ли не отделом этого аппарата.

Итак, весной 1979 года Юрий Владимирович крепко пожал мне на прощание руку и просил звонить, а также заходить. Сказал, что если я потребуюсь, то он пригласит меня сам.

Такое приглашение поступило примерно через год, весной 1980-го. Я до сих пор не могу понять, действительно ли Андропову потребовались мои соображения по Польше, куда я успел съездить за тот год раза три в журналистские командировки. Именно в начале 80-го года стала зарождаться «Солидарность», которая очень беспокоила КГБ. Я был в Гданьске сразу после открытия там памятника рабочим, погибшим в день столкновения забастовщиков с силами безопасности. Памятник впечатлял своей мощной силой. Даже его материал, нержавеющая сталь, служил образом потенциальной мощи людей, расправивших свои плечи и сбросивших гнет аппарата и государственных чиновников, в том числе и из госбезопасности. Видел я и Леха Валенсу, обратил внимание, как какие-то люди в толпе вокруг него дирижировали его жестами и суфлировали ему речи. Но он рос на глазах и становился ярким политиком.

С другой стороны, думаю, это могла быть проверка моих настроений, которую решил учинить Андропов. Возможно, ему продолжали обо мне наушничать недоброжелатели в КГБ. Кое-кто считал, что я обижен на Юрия Владимировича и могу высказывать недовольство, а также делать критические замечания в его адрес. Такая критика из уст бывшего политического помощника Андропова, да еще если ее распространять в высоких кругах, где у Андропова было в тот момент особенно много недругов, могла негативно повлиять на его продвижение к власти, которое началось уже тогда. Анализируя некоторые вопросы знакомых и «друзей», я понимал, что ко мне и моей семье подсылали агентов, которые выспрашивали о наших настроениях по отношению к Юрию Владимировичу. В АПН я «просек» несколько провокационных вопросов «секретных

сотрудников» на эту тему. Продолжалась активная возня вокруг моей персоны. Отдельные сигналы об этом поступали от моих приятелей, оставшихся на Лубянке и в Ясеневе.

Во всяком случае, весной 1980 года в мой кабинет в АПН позвонил Женя Калган и сообщил, что Юрий Владимирович хотел бы встретиться в субботу вечером.

— Свою «Волгу» ты можешь оставить у первого подъезда, — сказал Калган, — прапорщики будут предупреждены…

В назначенный час я поднялся в кабинет Андропова и тут же был к нему впущен. Он сидел за рабочим столом в глубине комнаты и был плохо виден из-за слабого освещения. У Юрия Владимировича были больные глаза диабетика, и даже в помещении он носил темные очки, предохраняясь от сильного света.

Я приблизился к письменному столу и увидел, что из-за него мне навстречу еле-еле поднимается какой-то незнакомый человек. Но это был Юрий Владимирович, и как же он изменился за минувший год!

Он протянул мне для пожатия руку. Раньше, еще год тому назад, его ладонь была крепкой, он энергично сжимал ладонь того, кого приветствовал. Теперь его ладошка была слабой, потной и горячей. Такую руку было страшно сильно сжимать, и он благодарно взглянул на меня, когда я только прикоснулся к ней, а не пожал крепко, как делал это раньше.

Он очень сильно похудел, и его темно-синий костюм, всегда такой элегантный, висел теперь на нем как на вешалке. Лицо было нездорового желтого цвета, щеки ввалились. На голове осталось значительно меньше волос, чем было раньше, а на пергаментной коже, обтягивающей череп под ними, пошли большие старческие коричневые пятна. Голос его был тих и слаб.

— Что-то ты забыл меня, Игорь… — почти прошептал он и, опираясь на руки, тяжело сел за стол для совещаний. Было видно, что каждое движение давалось ему с трудом. Но глаза за очками все так же блестели, как у молодого. Ладони он спрятал под стол. За много лет до этого он рассказывал мне о каком-то деятеле и дал выразительную деталь: пальцы рук у того сильно дрожали, «паркинсонили», то есть демонстрировали симптомы болезни Паркинсона, как определил Юрий Владимирович, от неуемного желания власти.

«Господи, — подумал я. — Эк тебя скрутило, дорогой мой человек… И пальцы, наверное, „паркинсонят“, раз ты их так спрятал…»

Юрий Владимирович уловил мое душевное сочувствие его болячкам и решил немного пооткровенничать. Он, видимо, уже

получил подробную информацию о том, что я не сплетничал о нем со своими друзьями, не проявлял недовольства тем, что выпал из чиновничьей обоймы, а наслаждался своей творческой работой.

Андропов поведал мне, что его состояние резко ухудшилось после секретной поездки в Афганистан, где он побывал с инспекцией в январе 1980 года.

— Со мной возили туда, как ты знаешь, и воду, и еду, и повара… — рассказывал он тихим голосом, словно и говорить ему было трудно. — Но не уберeглись… Наверное, какой-то ядовитый аэрозоль впрыснули в атмосферу комнат, где я жил… Я упал без сознания и несколько дней находился в таком состоянии… Еще и теперь не пришел в себя окончательно…

Мне было очень жалко шефа, я порекомендовал ему какие-то настои трав. Он пропустил мои рекомендации мимо ушей и перешел к делу. Действительно, его интересовали мои личные впечатления о Польше, Валенсе. В один из разов я ездил туда на семинар газеты «Политика», где встречался и беседовал с польским публицистом и политиком, главным редактором этой газеты Мечиславом Раковским. Он был известен Москве тем, что тайно поддерживал бунтарский профсоюз «Солидарность» и в этом же духе воздействовал на первого секретаря ЦК ПОРП Эдварда Герека, министра обороны генерала Войцеха Ярузельского. Ситуация в Польше явно накалялась. В августе — сентябре того же 1980 года в стране разразился острый социально-политический кризис. Андропов, разумеется, имел подробную, но, я думаю, не совсем объективную информацию от Крючкова, хотя в Варшаве работал представителем КГБ очень опытный и умный старый разведчик генерал Виталий Григорьевич Павлов. Но Крючков не доверял Павлову, по-своему подавал и комментировал шифровки представителя КГБ председателю, будучи весьма оптимистично настроен по поводу положения в ПНР. Так хотелось Андропову, и начальник разведки подстраивался к желанию Юрия Владимировича видеть польскую партию сплоченной и крепкой, чего на самом деле не было.

Я мог нарисовать польскую картину шефу только с точки зрения политического обозревателя, не получая конфиденциальной информации, а основываясь на открытых источниках и беседах с друзьями — советскими корреспондентами в Варшаве. Беседа с Андроповым длилась около часа, что само по себе было редко для вечно занятого Юрия Владимировича. Я снова почувствовал его отеческое отношение к себе.

Он поблагодарил меня за встречу, снова просил звонить и

заходить, но больше живым я его не видел. Только один раз после этого посещения Лубянки мне удалось поговорить с ним по «кремлевке». Это было в те дни, когда по всей Москве милиция и «общественность» ловили в банях, кинотеатрах, магазинах «отлынивающих» от работы трудящихся, прогульщиковстудентов и прочую свободную публику. Я тогда позвонил ему и сказал, что это не политика, а скверный анекдот. Он спросил, о чем я говорю. Я рассказал. Юрий Владимирович заявил, что он впервые об этом слышит и что даст команду устранить перегибы. Говорил он вроде искренно, но я боюсь, что информация об этом безобразии у него все-таки была и он ждал реакции народа. Она была возмущенной и недоумевающей…

В тот день, когда я последний раз вышел из его кабинета, меня пригласил в свою комнату Лаптев. У нас с ним было одно незаконченное дело. Когда я уходил от Андропова, то сдавал Лаптеву по описи комнаты «Особая папка» все документы политбюро, числящиеся за мной. Но до этого я несколько раз сообщал начальнику секретариата, что из всей огромной груды бумаг в моем сейфе и в комнате «Особая папка» две или три находятся у Юрия Владимировича. Андропов брал их у меня посмотреть, и, естественно, я не взял у него никакой расписки в получении. Он мне их так и не вернул — забыл или сделал это сознательно. Я вспомнил при той передаче дел генералу Лаптеву рассказ Володи М. о способах наказания противников в КГБ. Но тогда я не мог предположить, что Андропов или Пал Палыч сделали это вполне преднамеренно, ибо это было бы очень подло.

Теперь начальник секретариата, смущенно улыбаясь, сообщил мне, что не надо беспокоиться, он получил эти документы из личного сейфа Юрия Владимировича и снял мою «потерю» с контроля. Я буркнул ему что-то вроде «А я и не беспокоился…». На самом деле я действительно не боялся, хотя и не был уверен в Пал Палыче. Но у КГБ, разумеется, если бы была выражена санкция Андропова наказать меня, были и без того длинные руки. Так что эти бумаги погоды не делали, хотя поводом к преследованию могли послужить.

Но когда я, выйдя из первого подъезда здания на Лубянке, осознал, что произошло, то понял: целый год Лаптев по поручению Юрия Владимировича держал меня на крючке. Если бы я стал негативно высказываться о шефе в кругу знакомых и портить его реноме, то агентура немедленно донесла бы это до Лаптева и он послал бы меня под трибунал, зная, что «пропавшие» бумажки спокойно лежат в сейфе председателя КГБ…

Мысленно я еще раз пожалел Юрия Владимировича. Ведь не

только он воздействовал на свое окружение характером и личным примером, но и команда влияла на него. Портился его характер, обратной связью усиливалось давление на него негативных сторон характеров людей, его окружавших. Было ясно, что он очень тяжело болен и, по сути дела, стал инвалидом. Я не знал тогда, что за полгода до смерти у него отказали почки, плохи были сердце и сосуды, которые разъедал диабет.

Я помнил его еще крепким и относительно здоровым. Правда, у него на письменном столе всегда стояли два кувшинчика сока — клюквенного и лимонного — и трехсотграммовая бутылочка минеральной воды с курорта Трускавец, где успешно лечились почечные больные со всего Советского Союза. Это Валя Архипов пользовал его природными лекарствами. Ему долго удавалось держать Юрия Владимировича в почти здоровом состоянии. Во всяком случае, он каждый вечер по возвращении на дачу делал десять тысяч шагов по парку. Его личный врач совершенно резонно считал, что энергичная пешая ходьба поддерживает организм лучше, чем бег трусцой, который разбивает суставы, или плавание в бассейне, вызывающее попадание воды в нос и соответствующие этому болезни. Кстати, и нос Юрия Владимировича был также не совсем здоров. В нем было что-то не так устроено, и из-за этого его речь до 1973 года была несколько гнусавой. Но он храбро сделал болезненную операцию на носовой перегородке, для того чтобы, выступая публично, что ему теперь предстояло делать весьма часто как члену политбюро, не вызывать насмешки широкой партийной, кагэбэшной и беспартийной публики невнятной речью в нос. Операция прошла хорошо, и Андропов после нее заговорил звучным и ясным голосом.

Но выскажу еще раз свое мнение об общей картине его здоровья. До конца 70-х годов Юрий Владимирович был полностью, даже чрезмерно, не по годам, работоспособен. Отдыхал он как вполне нормальный человек — поздним летом две недели в Крыму и две недели на Кавказских Минеральных Водах. Приезжал он с курорта загорелым, посвежевшим, очень бодрым.

Свой зимний отпуск — две недели ближе к весне, полагающиеся ему как члену политбюро, — Андропов проводил в особом отделении Кунцевской больницы, где проходил диспансеризацию и принимал некоторые лечебные процедуры. Я регулярно отвозил ему туда самые важные документы политбюро и видел вполне крепкого и румяного человека. Каких-либо следов тяжелых недугов у него не было видно. Когда я приезжал к нему туда в 70-х годах, он принимал посетителей и работал с

документами в кабинете, одетый в обычный костюм, белую рубашку с галстуком. Только на ногах были закрытые домашние кожаные тапки.

Его личные апартаменты находились в первом трехэтажном корпусе, стоящем по левой стороне проезда от главных ворот Кунцевской больницы. Симметрично, через клумбу, располагался второй такой же корпус, в котором было детское отделение. На третьем этаже все было так, как в городской квартире, но оформлено безвкусно, по-казенному. За первыми тремя комнатами — гостиной, столовой и кабинетом с телефонным пультом — была белая больничная палата-спальня с капельницей и какими-то медицинскими приборами. Далее шли медицинские помещения для процедур, аппаратов и врачей.

О том, что было с Юрием Владимировичем после 1980 года, когда я ужаснулся, увидев его, судить не могу. Однако во время работы в ГДР в конце 80-х годов, когда Андропова уже не было на этом свете, из первых уст слышал рассказ видного немецкого медика, пытавшегося заочно помочь генсеку Андропову. Профессор Мебель, шеф урологической клиники широко известной берлинской больницы «Шарите», был сыном немецких антифашистов, бежавших в 30-х годах из гитлеровской Германии в Советский Союз. Мальчик окончил десятилетку в Москве. Когда началась Великая Отечественная война, юноша пошел на фронт и вернулся после Победы живым и здоровым. Он окончил медицинский институт в советской столице, поучился в адъюнктуре и защитил кандидатскую диссертацию по урологии.

Еще в молодых годах он стал главным врачом республиканской больницы в Таллине и пользовался большим весом в медицинских кругах. Однако именно в это время формировалась наука, в том числе и медицинская, в недавно созданной Германской Демократической Республике. Советские власти, желая укрепить свои позиции в ГДР, решили помочь молодой республике кадрами, особенно теми, кто вырос в новом поколении антифашистов, детьми старых немецких коммунистов. Профессора Мебеля решили отправить в Германию. Но там его никто не ждал с распростертыми объятиями. Он много трудился, вел научную работу по своей специальности и добился признания в мировой медицине.

Как-то накануне Дня Победы я получил из АПН задание подготовить очерк или интервью с каким-нибудь видным немцем, принимавшим участие в войне на нашей стороне. Немецкие друзья вывели меня на профессора Мебеля, и я явился по его приглашению в гости. Мы разговорились. Я рассказал этому симпатичному человеку, что когда-то работал с Андроповым.

Реакция Мебеля была неожиданной.

— А я пытался его лечить… — сказал вдруг профессор урологии.

Далее он сообщил, как было дело.

Примерно за год до смерти Юрия Владимировича шеф урологической клиники «Шарите» получил из Москвы, через советского посла, запечатанный сургучом и с грифом «совершенно секретно, вскрыть только лично адресату» толстый пакет. В пакете было письмо от руководства 4-го Главного управления при Минздраве СССР с просьбой заочно поставить диагноз и предложить стратегию лечения человека, который был обозначен как «неназываемый пациент». В пакете также была пухлая книжка истории болезни. Такое бывает в случаях, когда медики какой-то страны хотят тайно проконсультироваться у своих зарубежных коллег по поводу очень высокопоставленных персон, как правило глав государств.

Профессор Мебель рассказал, что он мгновенно вычислил «неназванного пациента». Это был Андропов. Немецкий уролог с мировым именем, прочитав историю болезни, пришел в ужас от негодных, по его мнению, методов лечения. Хорошо зная верхний слой своих московских коллег, профессор Мебель предположил, что урологом, назначившим определенно, по его мнению, негативный для Андропова курс лечения, был главный уролог 4-го Главного управления профессор Л. Профессор «Шарите» предложил лечащим врачам «неназванного пациента» свою, совершенно другую, чем у профессора Л., методику лечения.

— В нежелании принять мои предложения, — горько сетовал немецкий профессор, — было видно бюрократическое упрямство главного уролога лечебного учреждения Кремля. Даже начальник Лечсанупра, как раньше называлось 4-е Главное управление, при всей его власти, не мог отменить рекомендации профессора Л., хотя, может быть, и чувствовал их ошибочность. Кондовое недоверие к иностранцам, возможно, перевешивало сомнения в правильности методов, предложенных многократно проверенными, своими доморощенными специалистами.

Берлинский профессор хорошо знал, что говорил. У него было множество друзей из числа советских коллег-урологов. Он получал от них достоверную информацию об уровне развития урологии в СССР, спорах представителей различных школ в науке, господстве одной из них, глава которой был главным урологом правительства, и сопоставлял все это с достижениями урологии в Германии и других странах. У меня самого перед командировкой в ГДР в 1986 году было резкое столкновение с профессором Л. Я воочию узнал его грубость, упрямство и

мстительность. Поэтому я целиком поверил профессору Мебелю. Но это уже другая тема…

— Я очень хотел бы ошибиться, — подвел итог своему рассказу немецкий профессор, — но боюсь, ваша бюрократическая Система убила своего самого выдающегося представителя…

Как и многие люди моего поколения, я иногда задаюсь вопросом: что было бы, если Андропов умер не так рано?

История не терпит сослагательного наклонения. Смертью Андропова она поставила траурную точку в развитии советской супердержавы, псевдореального социализма на одной шестой части суши. Неясность контуров общества, которое было построено в СССР, отмечал сам Андропов в статье, опубликованной незадолго до смерти в теоретическом органе ЦК КПСС «Коммунист». Все остальное после него — потуги аппарата во главе с Черненко и Горбачевым — было только агонией коммунизма. Никакие Горбачевы, Крючковы, Янаевы, Стародубцевы и Шенины не могли удержать падения Системы в пропасть. А Андропов? Что он предполагал сделать со страной и народом? Был ли он последним большевиком или первым провозвестником настоящей социалистической весны?

Андропов был убежден в том, что нельзя резко перекладывать руль государственного корабля. Это нужно делать медленно и постепенно, иначе корабль будет опрокинут ветром перемен. Старый волжский матрос, встав у руля Советского Союза, прикидывал, что курс можно менять не более чем на три румба (около десяти процентов) в год. Он догадывался, что судьбой ему отпущено немного времени. Сколько? Не знает никто. Фактически ему удалось поработать на высшем посту в стране только десять из пятнадцати месяцев после избрания его генсеком. Я думаю, что последние пять или шесть месяцев были временем мучительного физического умирания. Хотя его мозг и продолжал в таком состоянии работать, но реально руководить партией и страной он уже не мог. Круг его делового общения сузился до трех-четырех человек.

Посмотрим, в каком направлении вели решения, принятые по его указаниям. Это закон «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями». Постановления о мерах по ускорению научно-технического прогресса; о дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений; о соблюдении договорных обязательств по поставкам продукции; о ходе подготовки экономического эксперимента по расширению прав предприятий в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их

ответственности за результаты работы… В этом курсе явно просматривается тенденция к повышению дисциплины и ответственности снизу вверх и сверху вниз. А это всегда было первоначальным условием успеха.

Став генсеком, Юрий Владимирович попытался начать серьезную борьбу с пьянством, примерно в том скандинавском духе, о котором мы с ним не раз говорили. Он даже дал особое поручение по этому вопросу главе Комитета партийного контроля. Тот должен был всесторонне рассмотреть эту проблему и подготовить проект решения Секретариата и политбюро. Но партийные аппаратчики, сами не большие противники зеленого змия, практически замотали это указание нового генсека. Только после смерти Андропова и его наследника Черненко Горбачев и Лигачев по-дурацки провели антиалкогольную кампанию, только скомпрометировав коренное для Советского Союза дело.

Результаты наведения Андроповым только элементарного порядка в стране не замедлили сказаться. В 1983 году объем промышленного производства вырос на 4 процента против 2,9 за предыдущий, 1982-й. Производительность труда возросла на 3,5 процента, национальный доход — на 3,1 процента по сравнению с предыдущим годом…

Я думаю, что Андропов до последних дней конструировал модели социализма, подходящие Советскому Союзу. Перед ним были достоинства и недостатки югославского социализма, чехословацкого социализма «с человеческим лицом», венгерского «гуляшного социализма». Тогда еще не было великолепных плодов экономической политики правящей Коммунистической партии в Китае…

В этой связи я хотел бы обратить внимание на тесные дружеские отношения Юрия Владимировича с президентом Чехословакии Густавом Гусаком и главой Венгрии Яношем Кадаром. Великий конспиратор Андропов и в этом показал себя. Одна из последних его встреч с зарубежным деятелем была совершенно конфиденциальной. Он долго беседовал с глазу на глаз с Яношем Кадаром в присутствии только переводчицы венгерского руководителя. О факте этой встречи сообщала печать, но не было ни одной строчки о том, что обсуждали друзья и соратники. Учитывая особую любовь Андропова к Венгрии и венгерскому опыту, его старую личную дружбу с Яношем Кадаром, беседа эта имела явно не протокольное, а принципиальное значение для будущего всего социалистического содружества наций.

Если мы вспомним, что в Венгрии было великолепно поставлено сельское хозяйство, в стране работали мелкотоварные

частные производители, существовал частный банковский сектор, была развита сеть услуг, основанная на частной инициативе, был почти свободный выезд граждан за рубеж, то беседа Андропов — Кадар наводит на серьезные размышления… К тому же я не могу не отметить, что Юрий Владимирович постоянно прикрывал от нападок на советском политбюро и в консервативных СМИ СССР венгерский опыт реформ. Он явно намеревался вести и Советскую страну в том же направлении. У Андропова вызревали далеко идущие намерения в общественной и экономической сферах, политике и международных отношениях. Но тяжелая, давящая инерция движения огромного государственного корабля под названием «СССР» не дала осуществиться его главной мечте — изменению жизни народа в лучшую сторону.

Андропов — умер. Черненко — умер. Последний генсек Горбачев и председатель КГБ Крючков вкупе с президентом Ельциным успешно погубили и похоронили Союз Советских Социалистических Республик. Потом было двенадцать лет реформ, превративших в руины все стороны жизни государства и духа народа. Тремя источниками и тремя составными частями гибели Советской империи стали ложь, коррупция и национализм.

Многие сейчас с глубоким пессимизмом смотрят в будущее новой России. Ибо три названных главных порока коммунистической Системы, уничтожившие ее изнутри, не только не преодолены, но еще более усугублены всеми ветвями нынешней российской власти. Ложь продолжается. Коррупция растет. Национализм приобретает экстремистские и террористические формы. Полностью оправдывается емкая формула Сталина: «Кадры решают все!»

Действительно, все решает засаленная и истрепанная за пятнадцать «демократических» лет колода руководящих, бывших номенклатурных карт, перекладываемых в виде пасьянса «власть и бизнес в России». Здесь и коррумпированные чиновные «шестерки», и красные коммунистические валеты-перевертыши, и короли нефти, газа, стали, химии, и финансовые тузы-олигархи, и даже джокеры, один из которых известен в обществе под кличкой «Миша — два процента», а другой — «Береза»…

Никто не выпадает из этой колоды, изначально истрепанной игроками по имени «Семья».

Только сейчас подул свежий ветерок, который слегка шевелит карты этого пасьянса.

Глядя на старых картежников, возникает сакраментальный вопрос: не *когда* мы будем жить лучше, а *сколько* еще продержимся?..

Приложение
(Вместо биографической главы)

Связной младшего допризывного возраста

В середине теплого, но дождливого июля 1939 года в подмосковную Немчиновку, куда обычно «засовывали» меня родители на лето под крыло двоюродных бабушек и тетушек, в будний день на черной эмке с шофером вдруг приехал мой отец, велел собрать нехитрый скарб и попрощаться с родственниками. Для меня и всей родни как гром с ясного неба прозвучало сообщение о том, что его, начинающего работника Наркомата иностранных дел, назначили консулом во Львов и что через несколько дней мы должны быть уже в Польше. Автомобили были тогда мальчишеской страстью. Прокатиться семнадцать километров до Москвы представлялось просто мечтой.

Оставшиеся несколько дней до отъезда омрачились только одним обстоятельством. Обычно через дом от нас, на углу 3-й Тверской-Ямской улицы, днем появлялся мышиного цвета «форд» V8 1934 года выпуска на колесах с красными спицами. Все мальчишки с окрестных дворов сбегались к нему, споря до хрипоты о сравнительных достоинствах «фордов» и «бьюиков», «линкольнов» и «паккардов», проплывавших иногда посреди соседней улицы Горького в жидком потоке ЗИСов и эмок. Только после XX съезда, где Хрущев сделал секретный доклад о сталинских репрессиях, я догадался о том, что мышиный «форд» не случайно исчез со своей стоянки. Его хозяин, вероятно, сгинул в океане сталинских чисток…

Не подозревал я тогда и о том, что отец вовсе не был молодым дипломатом, а ехал в Польшу заместителем резидента внешней разведки того самого страшного НКВД, которое внутри страны было орудием этих чисток. Правда, и тогда внешняя разведка не занималась репрессиями, а скорее сама была объектом чисток. Не догадывался я и о том, что мальчишеский интерес к различным маркам автомобилей и умение их запоминать принесет впоследствии определенную пользу в конспиративных делах отца в Хельсинки и Стокгольме в 1939–1944 годах.

…В дождливый день наш поезд дальнего следования отвалил от дебаркадера Белорусского вокзала, проскочил родную Немчиновку и на всех парах устремился на Запад. Таким же мрачным утром наш «спальный вагон прямого сообщения» Москва — Варшава прибыл на недалекую от Минска пограничную станцию Негорелое. Непривычные для глаза конфедератки польских офицеров пограничной стражи, два пальца у козырька, непонятные слова «пршепрашем… пршепрашем!», и за окном

вагона та же Белоруссия, только Западная. В Варшаве следующее утро встретило нас солнцем и теплом. Такси французской марки «рено» доставило к многоэтажному дому советского полпредства неподалеку от Маршалковской улицы, охранник впустил во двор-колодец.

Родители вошли в главный подъезд, а меня оставили во дворе глазеть на роскошный «бьюик», в моторе которого копался крепкий дядечка с бритой наголо головой. Чего-то у него не ладилось, и он подозвал меня.

— Малец, подержи это коромыслице! — велел он мне взяться за какую-то железку, а сам полез за руль. Несколько секунд спустя мощный мотор взревел, я бросил железку и отскочил от машины.

— Чего же ты испугался? — удивился дядечка. — Ведь ты — будущий солдат, а новая война будет войной моторов… Меня зовут Павел Семенович, — протянул он крепкую, измазанную маслом руку. — А ты, наверное, на новенького? — кивнул он в сторону подъезда, где скрылись родители.

— Гоша, — назвал я себя и попросил разрешения влезть внутрь «бьюика», поскольку видел такие роскошные машины только снаружи на улице Горького.

Павел Семенович закончил возиться с мотором и вытер руки ветошью как раз тогда, когда родители вышли из здания и подошли вытаскивать меня из машины.

— Елисей Тихонович Елисеев, — как младший старшему представился отец Павлу Семеновичу и представил мать. Начиная с этой первой командировки за границу и следующие два десятилетия лейтенант госбезопасности (что соответствовало тогда армейскому званию капитан) Синицын работал под псевдонимом Елисеев в дипломатическом паспорте.

— Так вы — новый консул во Львове, — проявил свою осведомленность дядечка и, заговорщицки улыбнувшись, назвал свое звание и имя: военный атташе полковник Павел Семенович Рыбалко.

Коллеги скрепили знакомство крепким рукопожатием, и Павел Семенович предложил показать Варшаву. Для начала он пригласил в знаменитую кондитерскую Блекле на улице Краковское предместье. Улица, на которой стоял настоящий королевский дворец, была сказочно красива. Кондитерская была полна, но нашелся столик на улице под зонтиком. Пробираясь к нему, Павел Семенович сердечно приветствовал высокого и тощего, с большим носом господина, приподнявшегося из-за своего столика.

— Это военный атташе Франции в Варшаве полковник де

Голль, — сообщил Рыбалко нам. — Он большой любитель произведений Блекле и регулярно бывает здесь…

Уместно, видимо, уточнить, что полковник Павел Семенович Рыбалко спустя шесть лет стал маршалом бронетанковых войск СССР, а генерал Шарль де Голль основал во время войны движение «Свободная Франция», в 1944–1946 годах был премьер-министром своей страны, а в 1958–1969 годах — президентом Франции, осуществившим поворот к советско-французскому сотрудничеству.

Мой отец, который в 60-х годах снова работал в Польше, рассказал мне позже занятную историю, связанную с великолепной кондитерской Блекле, сохранившей весь свой шарм и в послевоенной социалистической Варшаве. Когда де Голль стал президентом Франции, старый кондитер проявил к постоянному довоенному клиенту особое почтение. Долгие годы в каждую ночь с субботы на воскресенье Блекле выпекал любимый торт полковника де Голля, посыльный доставлял его к утреннему воздушному рейсу Варшава — Париж. Адъютант президента Франции получал в аэропорту Орли от командира экипажа коробку с тортом и доставлял ее к утреннему кофе своего генерала…

На весь жаркий август мы оказались во Львове, где никак не могли привыкнуть после нашей тринадцатиметровой комнаты на 2-й Тверской-Ямской улице к просторной квартире консула на втором этаже особняка представительства, стоящего на тихой улочке богатой окраины галицийской столицы. Контрасты центра и окраин красивого старинного города поражали не только меня, семилетнего обитателя двора на 2-й Тверской-Ямской, но и моих более развитых родителей. Удивительны были аппетитнейшие запахи в мясных и хлебных лавках, ароматы галантереи, кожи и тканей в многоэтажных универмагах центра, сверкающие хрустальные витрины, хорошо одетые дамы и господа на тротуарах, многочисленные автомобили и автомобильчики на улицах. Особенно удивляло, что при всем этом богатстве в городе было много нищих в тряпье и лохмотьях. Но изредка можно было видеть и нищих евреев-скрипачей, одетых в потертые концертные фраки и игравших печальные мелодии на скрипках. Подле них стояли настоящие шляпы-цилиндры, куда редкие прохожие иногда бросали грошики…

Русской школы во Львове не было, поэтому утром 1 сентября 1939 года я оказался не за школьной партой, а на одной из центральных площадей Львова вместе с мамой, вышедшей за покупками.

Мы стояли на улице, на нежарком с утра солнце, когда на

бреющем полете, в грохоте моторов над домами пронеслись несколько польских истребителей-бипланов с красно-белыми шашечками на крыльях. Масса людей появилась вдруг на улицах, балконах и в окнах домов. Вслед польским истребителям промчались серые монопланы с крестами на фюзеляжах, а высоко-высоко в небе появились крестики, напоминающие клин журавлей. От крестиков стали отделяться черные точки, которые падали где-то в районе вокзала. Оттуда загремел гром, как во время грозы, и повалил черный дым.

Людей из окон, с балконов и улицы как будто сдуло этой грозой. Мать неожиданно затолкала меня в какую-то подворотню, дождалась свободного извозчика и наняла его ехать к нам на окраину.

У ворот консульства отец заводил большой представительский «олдсмобиль».

— Гитлер напал на Польшу, это — война! — пояснил он ситуацию. — Я еду смотреть результаты бомбежки… Садитесь быстрей в машину.

Щедро расплатились с извозчиком и поехали снова в центр города, к вокзальной площади. Там все было оцеплено полицией. Пожар уже потушили, и машину с дипломатическим номером пропустили внутрь оцепления.

На улице валялись убитые лошади. Лежали на боку трамвайные вагоны с разбитыми вдрызг стеклами. Убитых и раненых людей увозили кареты скорой помощи. Самое страшное, что мне запомнилось тогда, был дом, словно разрезанный бомбой на части. Издали он казался игрушкой-макетом из дорогого магазина. Но когда подъехали поближе, то увидели, что на уровне третьего этажа, зацепившись за водопроводные трубы и ножкой за пол, висела и качалась белая эмалированная ванна, из которой летели брызги воды и какой-то красной жидкости. Это была первая кровь начавшейся мировой войны. Тело погибшего, видимо, покоилось под развалинами, которые разбирала команда солдат и полицейских.

В тот же вечер в парке за нашим домом появились зенитки. На следующий день продолжились бомбежки. Пушечные выстрелы по немецким самолетам перемежались разрывами бомб. Стеклянная галерея, закрывавшая почти весь второй этаж консульского особняка, очень противно дребезжала, и ее всю оклеили бумажными полосками крест-накрест. Мрачный аккомпанемент бомбежкам не прекратился, только сделался чуть глуше.

Недели через две, когда немецкие войска уже приближались к Варшаве, отец отправил жен и детей малочисленного персонала

консульства, поместившихся в семиместный «олдсмобиль», на польско-советскую границу, а через нее — в Киев. На нашей стороне мы увидели массы танков, артиллерии и грузовиков с красноармейцами. Оказалось, что товарищ Сталин был уже давно готов начать освободительный поход Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию. Но о секретном протоколе к пакту Молотова — Риббентропа еще ничего не было слышно…

Отец вернулся в Москву в конце сентября. Примерно через месяц он объявил нам, что вскоре предстоит ехать в Финляндию, а полетим мы туда для скорости на самолете. Кроме автомобилей, мои сверстники и я грезили тогда авиацией. Естественно, что я не мог дождаться дня, когда черная эмка доставит нас в Центральный аэропорт на бывшем Ходынском поле. Редкие пассажирские рейсы уносили оттуда немногих счастливцев в разные города на планете. Советских пассажирских многоместных самолетов того времени я припомнить что-то не могу. Во всяком случае, мы летели в Хельсинки через Таллин на трехмоторном «Юнкерсе Ю-52/ 3 м» немецкого производства. Характерными приметами этой машины было то, что ее фюзеляж был обшит гофрированным, для дополнительной жесткости, алюминиевым листом, а центральный мотор в носу был закрыт огромным круглым кожухом. Вмещал «юнкерс» десятка два пассажиров, кресла были не столь удобные, как в современных воздушных лайнерах, но бесплатные конфетки и лимонад давали словно при коммунизме — каждому по потребности.

В Хельсинки мы прилетели в самом начале ноября. Столица Суоми была явно неприветлива к советским гостям и дипломатическому персоналу. Так, самым страшным и обидным ругательством в довоенной Финляндии было слово «рюсся» — «русский». Если горячий финский парень обзывал за кружкой пива своего собутыльника этим словом, то обиженный немедленно хватался за свой финский нож — пукко, висевший на поясе почти всякого финна старше двенадцати лет. Меня эта деталь финской национальной одежды, разумеется, весьма восхищала.

Ноябрьская 1939 года атмосфера все холодала и сгущалась вокруг советского полпредства. Более чем за год до этого тогдашний резидент в Хельсинки полковник Борис Рыбкин (он действовал под псевдонимом Ярцев и числился первым секретарем полпредства), по прямому указанию Сталина, в обход полпреда, начал тайные переговоры с финскими руководителями. В беседе с премьер-министром Каяндером и министром Таннером Ярцев заявил, что в Москве абсолютно уверены в нападении Германии на СССР через финскую территорию. Поэтому Москва

готова согласиться на строительство финских военных укреплений на демилитаризованных Аландских островах, если СССР будет принимать в этом участие и контролировать оснащение их военным оборудованием. От Финляндии потребовали также разрешить строительство советской военной базы на финском острове Гогланд, контролировавшем дальние подступы к Ленинграду. Ответ финского правительства был резко отрицательным.

В марте 1939 года Ярцев продолжил секретные переговоры с финнами. На этот раз Сталин хотел получить в аренду на тридцать лет несколько островов в Финском заливе, а в обмен Финляндии отходили ли бы территории в Восточной Карелии. Министр иностранных дел Эркко вновь отказал посланцу Сталина в резкой форме. Тем временем на Карельском перешейке неподалеку от Ленинграда спешно возводилась мощная укрепленная система, которая получила название «линия Маннергейма».

Сталинско-молотовское давление на Финляндию осуществлялось в предгрозовой обстановке за несколько месяцев до начала Второй мировой войны. Когда 23 августа в Европе разорвалась дипломатическая бомба — министры иностранных дел Германии и Советского Союза подписали в Москве Пакт о ненападении, а к нему — секретный протокол о разделе сфер своего влияния, по которому Финляндия, Прибалтика, восточные области Польши и Бессарабия были отданы Гитлером Сталину, — дипломатия Суоми оказалась в весьма тяжелом положении.

17 сентября Красная армия вошла в Западную Украину и Западную Белоруссию. В конце сентября — начале октября СССР вынудил Эстонию, Латвию и Литву согласиться с созданием советских военных баз на их территориях и заключить договоры о взаимной помощи. Это были примерно те же условия, которые предъявлялись Ярцевым финнам в 1938 — начале 1939 года.

5 октября правительство Финляндии получило из Москвы настоятельное приглашение прислать делегацию для обсуждения «конкретных политических вопросов». Как только это предложение было получено, военный лидер страны маршал Маннергейм решил перебросить регулярные части финской армии на Карельский перешеек и приказал начать чрезвычайные учебные сборы резервистов. Эти меры означали, по сути, мобилизацию армии. Маршал Маннергейм, генерал-лейтенант бывшей российской императорской армии, проявил мудрость и дальновидность. Он предвидел развитие событий и направление главного удара Красной армии. В отличие от «красных кавалеристов» Ворошилова, Буденного, Кулика, Тимошенко,

малограмотных не только в военных науках, но и в государственных делах, «белый кавалерист-генерал» был талантливым офицером-географом, окончившим кадетское училище и сдавшим приемный экзамен для поступления в Николаевское кавалерийское училище в Петербурге в объеме тогдашнего университетского курса. Это училище он окончил с отличием и получил право служить в гвардейском кавалергардском полку. Офицерское собрание одобрило его кандидатуру, но вакансий не оказалось, и ему пришлось встать в строй обычного кавалерийского полка на границе с Германией. Он выступал в 1939 году в правящих кругах Финляндии в пользу принятия некоторых условий Сталина и непровоцирования Советского Союза на локальную войну. К сожалению, к его аргументации не прислушивались в социал-демократическом правительстве, поскольку очень надеялись на помощь в столкновении с СССР со стороны Англии, Франции и Германии, не зная того, что Гитлер дал карт-бланш Сталину в Северной Европе и Прибалтике.

И снова на переговоры в Москву отправился опытный политик Ю. К. Паасикиви, хорошо знавший Россию. 12 октября он встретился со Сталиным и Молотовым и узнал, что теперь требования СССР возросли: под предлогом обеспечения безопасности Ленинграда Сталин хотел получить в аренду полуостров Ханко под военно-морскую базу, значительную часть Карельского перешейка и часть принадлежавшего Финляндии полуострова Рыбачий на севере в районе Петсамо. В качестве компенсации финнам были обещаны в два раза большие территории в почти необжитой Восточной Карелии.

Согласно инструкциям своего правительства, Паасикиви отверг все требования Сталина и возвратился в Хельсинки. Но 21 октября финский политик вернулся в Москву на переговоры с мелкими уступками. Сталин при новой встрече с ним жестко заявил, что требования Москвы минимальные и не стоит торговаться. Паасикиви вновь вернулся в Хельсинки с надеждой, что правительство пойдет на некоторые территориальные уступки СССР. Он знал, что Маннергейм был того же мнения, поскольку считал, что война в тех условиях могла означать конец независимости Финляндии. Маршал, видимо, хорошо представлял себе образ мыслей своего противника — Сталина.

Но правительство Финляндии снова не уступило. Министр иностранных дел Эркко и министр обороны карел Ниукканен выступили особенно резко, возлагая надежды на помощь Швеции и воюющих с Германией Франции и Англии. Москва ждала ответа. Отправляя 31 октября Паасикиви и Таннера в советскую

столицу, Эркко напутствовал Паасикиви словами: «Забудь, что СССР — великая держава!»

В Москве Сталин неожиданно отказался от требований на Ханко и изменение границы на Карельском перешейке. Вместо этого он потребовал якорную стоянку для советского ВМФ возле полуострова Ханко и один из близлежащих к нему островов. Паасикиви и Таннер были вынуждены отвергнуть, в силу данных им Эркко инструкций, и эти предложения Москвы. Последняя встреча финских представителей со Сталиным и Молотовым состоялась 9 ноября, а еще четыре дня спустя переговоры были окончательно прерваны…

Естественно, что в ноябре 1939 года, когда мне было чуть менее восьми лет от роду, подобные исторические факты меня совершенно не интересовали. Лишь полтора десятилетия спустя, когда я начал свой профессиональный путь журналиста-международника в отделе стран Северной Европы Советского информбюро, мне было особенно интересно изучать новейшую историю Финляндии и Скандинавских стран, осмысливать некоторые ее эпизоды, коснувшиеся меня в детстве — с 1939 по 1945 год. Поэтому в дальнейшем изложении отразятся не только детали, оставшиеся в памяти мальчишки военных лет, но и сведения, почерпнутые из книг по истории, рассказов отца и его друзей-разведчиков, а также моих коллег-скандинавистов по Совинформбюро и АПН. Особенно важным для меня источником в этом ряду стали теперь мемуары отца — «Резидент свидетельствует…», которые я его заставил написать в конце 80-х — начале 90-х годов и принимал участие в их создании, а также воспоминания его коллеги по Финляндии и Швеции полковника Рыбкиной, ставшей известной под именем писательницы Зои Воскресенской.

Итак, 3 ноября мы прилетели в столицу Суоми и в прямом и переносном смысле оказались под крышей полпредства СССР. Это было солидное пятиэтажное здание на углу улиц Булеварди и Альбертинкату, напротив оперного театра. Для финнов оно оставалось мрачным по форме и содержанию как до, так и после Октябрьского переворота в Петрограде. Это было здание бывшего царского жандармского управления в Великом княжестве Финляндском, и какой-то остроумец учредил именно в этом доме при установлении дипломатических отношений между СССР и Финляндией полпредство Советской России. Хотя Ленин вроде бы и подписал Декрет о независимости Финляндии в последний день 1917 года, многие финны догадывались, что он сделал это отнюдь не из альтруистических побуждений. Ленин знал, что в Финляндии формируется по примеру Петрограда Красная

гвардия, левые социал-демократы, и среди них Отто Куусинен, хотят взять власть и на новой основе присоединиться к революционной большевистской России.

Но в гражданской войне, которая началась и в Суоми, красные проиграли, хотя и не были столь радикально настроены, как большевики: они только хотели рабочей парламентской республики. Белые под командованием генерал-лейтенанта Маннергейма и при помощи германского экспедиционного корпуса одержали победу. Правительство Ленина не решилось вызвать гнев кайзеровской Германии, с которой был подписан Брестский мир, и не осмелилось оказать «интернациональную помощь» финляндской Красной гвардии.

В 1938–1939 годах, по моему мнению, Сталин явно готовился исправить ошибку Ленина и на штыках Красной армии принести мировую революцию в страну Суоми, как он это сделал чуть позже в Прибалтийских странах. В Кремле намеревались использовать для этого и Финскую компартию. Отто Куусинен пытался руководить своими финскими товарищами по линии Коминтерна, секретарем которого он был в Москве, а его дочь Херта Куусинен также была убежденной коммунисткой и, оставаясь в Финляндии, была членом руководства Финской коммунистической партии.

В 30-х годах в Европе стало считаться неприличным, если коммунисты часто посещали советские полпредства. Чтобы легализовать контакты с Хертой Куусинен и передачу ей кое-каких средств от ВКП(б), новый резидент, то есть поверенный в делах советник Елисеев, придумал нехитрый трюк. Херту официально пригласили в полпредство давать частные уроки немецкого языка сыну Елисеева. Моя учительница была очень милая и добрая женщина, но видел я ее не очень много. Приходя в здание полпредства на урок, она обычно заходила сначала в кабинет поверенного в делах побеседовать об обстановке в стране. Поскольку ситуация в межгосударственных отношениях обострялась и такие беседы стали занимать все больше времени, несколько дипломатов также изъявили желание «заниматься немецким языком».

Полицейская слежка за сотрудниками советского полпредства день ото дня усиливалась. Отец стал часто брать меня с собой покататься во время своих выездов в город. Зная мою любовь к автомобилям, он затеял «игру в машинки». Я садился на заднее сиденье и, поглядывая в заднее окно «форда», должен был называть ему марки, цвет и желательно номера машин, которые следовали за нами в пределах моей видимости. Потом игра была усложнена и требовалось запоминать и

сообщать ему данные о тех машинах, которые следовали за нами в прошлые дни. Спустя два десятилетия, начитавшись детективов, я понял, что «игра в машинки» была способом разведчика вычленить автомашины наружного наблюдения. Лично я на этом выиграл: после нескольких точных ответов за один выезд отец останавливал свой «форд» возле кондитерского киоска и вручал мне приз — мороженое или леденец на палочке.

К сожалению, эта игра продолжалась не очень долго. Резидента вызвали в конце ноября в Москву. На перроне Ленинградского вокзала молодого дипломата встретил человек в шляпе, что означало тогда принадлежность к высшим государственным слоям общества, посадил в ЗИС и доставил на Кузнецкий Мост в Наркоминдел к Молотову. Дальнейшие события известны мне по изустным рассказам отца и опубликованным мною в Финляндии в 1995 году его мемуарам. Предоставляю слово резиденту Елисею Елисееву:

«Предложив мне сесть, нарком продолжал рассматривать географическую карту Скандинавии. Вид у него был усталый и какой-то тусклый… Повернувшись ко мне, Молотов сказал:

— Доложите, что вам известно о военной и политической ситуации в Финляндии.

Я начал с изложения содержания ранее посланных в Наркоминдел телеграмм, затем подробно рассказал о положении в стране после разрыва переговоров, о военной подготовке финнов к войне с нами. Но о результатах своей поездки на Карельский перешеек не доложил… Когда я закончил свое сообщение, Молотов вышел из-за стола, протянул руку и сказал:

— Вы свободны и можете идти к товарищу Берии.

Через десять минут я был уже у Фитина (тогдашний начальник внешней разведки) и заметил, что он чем-то взволнован.

— Где ты ходишь и почему сразу не пришел в наркомат? — зло спросил он.

Я начал объяснять, почему это произошло, как вдруг по домофону послышался резкий не голос, а бич:

— Явился ли этот дурак к тебе?

На этот голос Фитин как ужаленный вскочил со стула и ответил:

— Явился…

— Вместе с ним — ко мне, — послышалось из домофона.

Когда вошли в кабинет, Берия полулежал на кожаном диване и угрюмо, через пенсне, молча осматривал нас. Перебравшись затем к столу и тяжело усевшись в кресло, неожиданно выкрикнул, глядя на меня:

— Ты знаешь, кто ты? — Через короткую паузу добавил: — Ты большой дурак.

Я молчал.

Видимо, ему показалось, что я слабо реагирую на его замечание, схватил карандаш и еще резче выкрикнул:

— Ты большой ноль с точкой.

При этом на листе бумаги начертил ноль, карандаш от большой силы нажима сломался, и он резко бросил его на стол в мою сторону. Я сразу понял, что причиной такой выходки наркома явился мой доклад Молотову, и хотел сказать, почему это получилось. Но Фитин, наступив мне на ногу, просигналил молчать. Я не считал правильным молчаливо выслушивать брань Берии и, улучив минутку, когда он замолк, сказал, что товарищу Молотову мною не были доложены важные сведения, лично полученные позавчера, о положении на Карельском перешейке и о новом оружии в финской армии.

Берия как-то странно, вопросительно посмотрел на меня и резко выкрикнул:

— Рассказывай все, о чем не говорил Молотову. Прежде всего я рассказал о новой форме теплой одежды, введенной в финской армии, о новом автоматическом оружии вместо винтовки и подробно описал его. Доложил о своих личных наблюдениях в двух укрепленных районах на линии Маннергейма на Карельском перешейке. Внимательно выслушав сказанное мною, Берия удовлетворенным голосом проговорил:

— Запомни, у тебя один нарком!

Мы вышли из кабинета… Вскоре в кабинете начальника разведки из домофона раздался голос Берии:

— Пришли ко мне Синицына.

Когда пришел в приемную, нарком выходил из кабинета уже одетым и буркнул:

— Пойдем, — и стал спускаться к выходу.

У подъезда стояла его автомашина, он молча сел на переднее сиденье, я прыгнул, без его приказания, на заднее. Поехали, как оказалось, в Кремль. Войдя в приемную комнату, Берия, снимая макинтош, вслух стал перечислять, глядя на вешалку:

— Молотов тут, Каганович, и Ворошилов тоже здесь.

Раздевшись, он направился к двери, около которой за столом сидел дежурный офицер. Я тоже пошел за ним, но мне быстро перегородил дорогу этот дежурный и вежливо сказал:

— Вам надо подождать, — и указал на другую дверь.

Тут я понял, что нахожусь в приемной Сталина и, возможно, буду принят им. Ожидание длилось около сорока минут…

Войдя в кабинет, увидел Сталина стоящим в конце длинного

стола, за которым сидели члены политбюро ЦК ВКП(б).

На одно мгновение я все же растерялся. Когда я сказал генсеку, что моя фамилия Синицын, он, видимо, заметил мое смущение и, чтобы рассеять его, обратился к Ворошилову:

— Ты помнишь, Климент Ефремович, как мы в Царицыне национализировали пароходы у купца Синицына? — и, повернувшись ко мне, спросил, чуть улыбнувшись: — Не ваш ли это был родственник?

Я спокойно ответил, что таких родственников у меня не было и нет. Что я сын батрака и в детстве был подпаском. Что родился на Смоленщине…»

После этих слов Сталин предложил разведчику садиться… Генсек, продолжая ходить около стола, глуховатым голосом сказал:

— Товарищ Синицын, расскажите нам о положении в Финляндии и о ваших личных наблюдениях и впечатлениях об этой стране.

— По данным надежного источника НКВД, — сказал резидент, — финское правительство свою армию привело в боевую готовность. В стране закончена мобилизация резервистов. Солдаты и офицеры обмундированы в теплые ватные куртки, чуть ниже колен, чтобы не застревать в снегу, покрытые тканью цвета хаки. На голове — шапки-ушанки…

Сталин остановился возле Ворошилова, хотел что-то спросить, но промолчал. Елисеев продолжал:

— Третьего дня мне удалось проехать на автомашине вдоль Карельского перешейка к советской границе. Примерно в тридцати километрах от Выборга я попал в укрепленный район линии Маннергейма, пересекающий перешеек от Финского залива до Ладожского озера. Глубина этого укрепрайона не менее 20–30 километров. Дороги, ведущие от советской границы к Выборгу, в этом укрепленном районе защищены мощными дотами. Некоторые районы подготовлены к затоплению. В лесу — непроходимые завалы из крупных деревьев. На открытой местности, вправо и влево от дороги, в три ряда шахматным порядком расставлены конусообразные надолбы большого веса из базальтового камня.

В этом месте его прервал Ворошилов и громким голосом сказал:

— Эти надолбы мы раскидаем снарядами тяжелых гаубиц, — и замолк.

Разведчик, видевший их воочию, не мог согласиться с таким утверждением наркома обороны и заметил, что каждая надолба весит не менее двух-трех тонн и гаубицами их трудно разбросать.

Сталин подошел к Ворошилову и спросил:

— А у вас есть такие гаубицы?

Ворошилов ответил утвердительно, но резиденту показалось, что Сталин не был удовлетворен ответом, и спросил его:

— С какого расстояния вы видели эти глыбы?

— Я подходил к ним вплотную. Расчистить проход между ними, по-моему, можно только взрывом большой силы.

Таким ответом Сталину резидент поставил в затруднительное положение Ворошилова, но нарком промолчал.

…Продолжая информацию, Елисеев доложил, что финны ввели в армии новое оружие. Вместо обычных винтовок солдаты вооружены автоматами, и он дал описание таких пистолетов-пулеметов. Ствол длиною примерно 40–50 см, покрытый ячеистым металлическим кожухом для отвода тепла, вмонтирован в небольшого размера приклад, снизу которого к стволу подведена круглая патронная коробка диаметром около 15 см и толщиной около 4–5 см. По нашей прикидке в коробку должно входить до 30–40 патронов, напоминающих патроны маузера, но только чуть толще…

Когда рассказ подошел к концу, Сталин, слушавший внимательно, обратился к Ворошилову и недовольным голосом спросил:

— Что вам известно о новом оружии в финской армии?

— У нас имеется несколько экземпляров этих автоматов, — нетвердо ответил Ворошилов.

— К концу заседания политбюро доставьте один автомат для ознакомления всех нас с этим оружием, — строго сказал Сталин.

Резидент был крайне удивлен тем, что генсек, да, наверное, и члены политбюро впервые услышали о новом оружии в финской армии только на этом заседании. А что же военные коллеги, кто особенно должен был охотиться за образцами нового оружия?

Продолжая рассказ о положении в стране, Елисеев подчеркнул, что в нынешнем году в Финляндии был плохой урожай, введены карточки на хлеб и другие продукты питания. Вместо хлеба финн может получать: пиво из расчета один килограмм хлеба — литр пива или 150 граммов кофе в день, хотя с кофе у них весьма плохо. Это сообщение заинтересовало генсека. Обращаясь к Микояну, он спросил:

— Анастас, можем ли мы из нашего запаса кофе помочь финнам?

Анастас Иванович быстро ответил:

— Мы можем поставить им турецкий кофе в зернах. На это Сталин иронически проговорил:

— Турки не производят кофе на продажу, «турецким» кофе

называется только по способу его приготовления.

Замечание Сталина сразило наркома пищевой промышленности СССР. Он сидел бледный, изменившийся в лице, мало похожий на обычно бравого Микояна.

…Наблюдения резидента прервал Сталин.

— Возьмите карандаш и запишите несколько фамилий финнов, которым надо срочно выехать в Швецию, — сказал он и стал называть имена.

Все названные финны были разведчику известны, и он сказал, что хорошо их помнит…

…После этого Сталин пригласил на заседание политбюро Отто Вильгельмовича Куусинена, представил дипломата и деятеля Коминтерна друг другу. Резидент поднялся, уступив свое место Куусинену, и вышел. Вслед за ним вышел Берия и сказал, чтобы Синицын был у него в 22 часа, затем распорядился отвезти его в наркомат на своей машине.

С тяжелым сердцем выехал отец из Кремля. Ему стало ясно, что война стоит уже у порога нашего и финского домов. Тридцатилетний резидент, в отличие от советских вождей, понимал, что много крови прольется с той и другой стороны. Правоверного молодого коммуниста крайне удивило поведение членов политбюро на заседании в Кремле. Микоян, Жданов, Каганович, да и Ворошилов вели себя как ученики-недоумки перед строгим учителем, а вернее, как амбициозные манекены.

Ровно в 22 часа Елисей Синицын зашел в кабинет Берии, где уже были Отто Куусинен и председатель Госбанка СССР Н. А. Булганин. Увидев его, Берия, обращаясь к Булганину, сказал:

— Это тот человек, которому надо выдать деньги. Булганин, раскрывая большой брезентовый мешок, спросил резидента:

— Сколько вам?

За него ответил нарком:

— Дайте ему миллионов десять, у него будут большие расходы, связанные с переправкой финнов в Швецию.

Когда Булганин начал отсчитывать пачки по одному миллиону финских марок, которые были довольно объемными, разведчик смог разместить по карманам только шесть пачек, то есть шесть миллионов. Берия подошел к нему и доброжелательным голосом, как будто утреннего злого разговора и не было, сказал:

— Ты верно поступил, что три недели в Хельсинки не просидел дураком, а сделал полезное дело, — и запихнул во внутренний карман пальто поверенного в делах еще один миллион.

Целый мешок денег получил Куусинен. Он спросил Синицына, через кого он намерен передать полученные деньги. Тот ответил, скорее для Берии, чем для него, что самым подходящим для этого дела человеком является Херта Куусинен, с нынешнего года — она член ЦК КПФ…

Прощаясь, Куусинен пригласил его в свой вагон, в котором он уезжал в 24 часа в Ленинград. Когда он и Булганин ушли, Берия жестом показал резиденту на стул, а сам пересел на диван и спросил:

— Все ли ты усвоил, о чем шла речь на политбюро и что тебе говорил Сталин?

— Все понял, товарищ нарком. Если финны навяжут нам войну, будем защищаться. Но не могу ли я узнать, каким временем буду располагать для выполнения задания?

Берия подумал, прикинул на пальцах и сказал:

— Если ты приедешь в Хельсинки послезавтра, то у тебя будет еще три дня.

Когда он вышел от Берии, в приемной ожидал начальник разведки Фитин. На его машине со спецсигналами они еле успели к поезду. В вагоне, прицепленном к поезду «Красная стрела», уже был Куусинен и несколько мужчин…

Далее отец вспоминал:

«…Когда я вошел в салон, Куусинен подошел ко мне и сказал:

— Хочу представить вам министров правительства Финляндии, сформированного мною в Москве из числа финских граждан и финских эмигрантов, проживающих в Советском Союзе. На днях в Москве будет объявлено о признании моего правительства Советским Союзом, и через два-три дня последует сообщение о подписании с правительством Демократической Республики Финляндии, то есть с моим правительством, договора о сотрудничестве и взаимопомощи.

Я поздравил Отто Вильгельмовича Куусинена с назначением его премьер-министром и его министров, которых было человек восемь. Все они были примерно одного возраста — около пятидесяти лет, физически крепкие. Говорили они, соблюдая такт, но не страдали излишней скромностью…

К концу ужина я почувствовал доброе расположение к себе со стороны Куусинена. Когда мы остались вдвоем, я подробно рассказал ему о своем сообщении на политбюро ЦК ВКП(б) и осторожно спросил:

— Какая была необходимость создавать правительство, когда на Карельском перешейке к настоящему времени не осталось гражданского населения? Ведь уже к середине ноября все жители были эвакуированы в центральные районы страны?

Куусинен не торопился с ответом, размышлял и, отпив немного вина, сказал:

— В начале сентября 1939 года, когда немецкая армия фактически без сопротивления заняла Варшаву, Сталин, пригласив меня к себе, где уже был нарком обороны Ворошилов, сказал, что в Европе сложилась кризисная военная ситуация, угрожающая безопасности Советского Союза, а наши северо-западные границы слабо защищены от нападения потенциального агрессора. В случае, если Финляндия добровольно не согласится на обмен территориями, нам придется применить военную силу. Проведение такой операции Сталин поручил Ворошилову и мне.

Такое сообщение взволновало меня, и я спросил:

— Неужели, чтобы отвоевать небольшой кусочек финской территории, надо было создавать правительство Демократической Республики Финляндии? Это, как мне кажется, сильно напугает народ Финляндии, и он, опасаясь «советизации», будет всеми силами сражаться против нас. Кроме того, к такому же выводу могут прийти Германия, Англия, Франция. Тогда не избежать их военного вмешательства на стороне Финляндии против Советского Союза…

Куусинен вопросительно взглянул на меня, помедлил с ответом… и довольно четко сказал, что такой ход событий принимался во внимание при обсуждении этого вопроса у Сталина. Он тогда пояснил, что при подписании в конце августа 1939 года Молотовым и Риббентропом советско-германского договора о ненападении они тогда же договорились, что Германия не будет вмешиваться в наши отношения с Прибалтийскими государствами и Финляндией. Что касается Англии и Франции, то Сталин, повернувшись к Ворошилову, приказал ему военные действия провести быстро, в две-три недели, пока Запад еще не успеет опомниться от случившегося.

После такого откровенного ответа собеседника я осмелел и, чтобы понять цели правительства Куусинена, спросил:

— Если наши войска смогут так быстро отвоевать Карельский перешеек с городом Выборгом, то что будет делать ваше правительство? Останется без работы?

— Сейчас мне трудно ответить, — сказал Куусинен. — Этот вопрос будет решаться советским правительством с учетом политической ситуации как в самой Финляндии, так и вокруг нее. Мне известно, однако, что Сталин хотел бы видеть Финляндию развивающейся по сценарию для Прибалтийских государств…»

Я нарочно дал такой большой, хотя и несколько сокращенный отрывок из мемуаров резидента советской внешней разведки в Финляндии. Дело в том, что ни в одном историческом

исследовании проблем Зимней войны, а их в последние пару лет вышло несколько, я не нашел никаких признаков знакомства с этим документом. Может быть, историки в принципе не доверяют мемуарам разведчиков? Внимают только воспоминаниям бравых военачальников, честных дипломатов и других чиновников и партийных деятелей, которые глубокомысленно ссылаются на архивные документы? Но в скрижалях подлинной истории вдумчивые, незашоренные исследователи часто видят, как якобы «подлинные документы» являются фальсифицированными бумажками, тенденциозными фальшивками. А настоящую правду истории можно вычислить иногда только по косвенным признакам.

Так, один мой немецкий друг-историк, прочитав в рукописи отца вышеприведенные страницы, сказал мне, что он знакомился с архивами ЦК ВКП(б) и никакого протокола заседания политбюро 27 ноября 1939 года не обнаружил. Этот разговор состоялся в 1995 году, накануне публикации мемуаров резидента в Хельсинки крупнейшим издательством Финляндии «Отава». Презентация книги, на которую издательство пригласило меня (отец за несколько месяцев до этого умер), и последовавшая за ней моя пресс-конференция стали сенсацией в Финляндии и Швеции. В журналистских и ученых кругах Суоми начались тогда споры, в которых выражались сомнения в точности некоторых фактов, приведенных генералом Синицыным, в том числе и о пресловутом заседании политбюро ЦК ВКП(б) 27 ноября 1939 года. Но совсем недавно мне попался на глаза четвертый номер журнала «Исторический архив» за 1998 год. В нем опубликованы «Журналы записи лиц, принятых И. В. Сталиным в 1924–1953 годах в Кремле».

Там фигурирует на странице 69-й побывавший у генсека в течение полутора часов резидент НКВД в Финляндии Елисеев (Синицын Е. Т.). В том же журнале 27 ноября отмечено присутствие у Сталина Берии, Ворошилова, Жданова, Куусинена, Микояна, Молотова. Может быть, формального заседания политбюро не объявлялось. Как теперь стало известно, «великий вождь» всех народов в конце 30-х годов выделял из политбюро совещательную верхушку и очень не любил оформлять протоколами свои черные дела, хотя встречи этой верхушки часто назывались «заседаниями политбюро». Протокол ПБ от 27 ноября 1939 года не велся, видимо, потому, что попытка развязать войну ради «советизации» Финляндии, да еще с помощью провокации у деревни Майнила, то есть начало осуществления задуманного еще Лениным плана продвижения мировой революции к границам Швеции и Норвегии, явно не укладывалась в рамки

«мирного» строительства социализма в СССР и «обороны» двухмиллионного тогда Ленинграда от страны, все население которой составляло три миллиона шестьсот пятьдесят тысяч человек. Тем более что коалиция Англии и Франции, об угрозе интервенции которой через Финляндию в СССР предупреждал еще в 1938 году «великий вождь и учитель», была занята войной с Германией, только что заключившей со Сталиным Пакт о ненападении…

Отец вернулся в Хельсинки 29 ноября. Он сказал, что через три дня для нас снова начнется война. В середине того же дня в постпредство позвонила Херта Куусинен и, узнав от дежурного, что советник Елисеев утром приехал из Москвы, немедленно назначила мне «пропущенный урок немецкого языка». В вечерних сумерках 29 ноября она пришла в постпредство, но, естественно, занятий так и не было, чему я был очень рад.

Спустя много десятилетий отец рассказал мне, что Херта, уходя, смогла взять с собой в сумочку только семьсот тысяч марок из семи миллионов, отпущенных Булганиным Финской компартии на переезд ее лидеров сначала в Швецию, а затем в Москву — для расширения «териокского правительства» Отто Куусинена. В тот вечер с членом ЦК КПФ была достигнута договоренность о том, что остальную сумму Херте передадут в полночь на конспиративной встрече в условленном месте. Когда совсем стемнело, укрыв Херту на заднем сиденье огромного представительского «бьюика», отец с матерью выехали в город «в кино». Им удалось незаметно высадить ее неподалеку от дома, где жил еще один доверенный член ЦК КПФ, которому Херта передала деньги на хранение. Условный сигнал о благополучной встрече двух членов ЦК был затем принят в постпредстве, и в 23 часа на том же «бьюике» с дипломатическим знаком CD резидент выехал на новую встречу с Хертой Куусинен. Шесть миллионов триста тысяч марок были уложены в пакет дипломатической почты с сургучными печатями — на случай, если дипломатов остановит финская полиция и поинтересуется содержимым их портфеля. Но на эту встречу Херта уже не вышла.

Предчувствуя самое печальное развитие событий, отец решил все же пробовать запасной вариант на следующее утро. Он рано поднял нас, чтобы всей семьей, да еще с подругой матери, к восьми часам утра приехать на знаменитый рыбный рынок Хельсинки в порту перед дворцом президента республики. В мою небольшую корзинку, с которой я помогал взрослым при походах в магазины, уложили на дно тяжелый пакет и закрыли его сверху какой-то фирменной упаковочной бумагой.

Поехали на «форде» тоже с овальным знаком CD на переднем

и заднем бамперах, обозначавшим экстерриториальность транспорта и дипломатическую неприкосновенность его пассажиров, с одним из сотрудников отца за рулем. Меня с корзинкой притиснули на заднем сиденье. Машину поставили неподалеку от рынка, оставили меня с сотрудником и корзинкой в «форде». Отец велел, когда водитель мне даст сигнал, что он увидел тетю Херту, выйти из машины и отдать моей учительнице корзинку с «московским подарком».

Ждать пришлось долго. Херта так и не появилась, зато родители и подруга матери вернулись с полными корзинами рыбы, которой хватило бы для пропитания на целый месяц… Когда мы прибыли в полпредство, оно оказалось оцепленным полицией. Нас пропустили внутрь, но потом уже никого не выпускали. Оказалось, что в восемь часов утра Красная армия перешла границу Финляндии и начала боевые действия. Херта была арестована финской полицией, вероятно еще в прошлый вечер, и поэтому не смогла прийти ни на ночную встречу 29-го, ни на запасную — 30-го.

Ближе к вечеру раздался сигнал воздушной тревоги. Со стороны западной гавани, которая находилась в полукилометре от нашего дома, послышалась стрельба зениток. Это «сталинские соколы» на два дня раньше, чем Берия обещал резиденту, начали бомбежку Хельсинки. Они не попали ни в портовые сооружения, ни в вокзал или другие военные объекты. Зато неподалеку от советского полпредства и других дипломатических миссий, расположенных в этом районе, разорвались две мощные бомбы. Оконные стекла нашего дома разлетелись на куски и ранили двух советских дипломатов, погасло электричество.

Так мировая война во второй раз догнала меня бомбами, на сей раз — советскими.

Из Москвы пришел приказ — оставить для охраны здания на 10–15 дней двух работников хозяйственной группы, а остальным вернуться на Родину. Видимо, нарком иностранных дел Молотов всерьез полагал, что война с финнами продлится не больше двух недель.

Поверенный в делах СССР несколько дней вел переговоры со ставшим «союзным» германским посольством о помощи советской миссии в эвакуации из Хельсинки. Была достигнута договоренность, что нас переправят на немецком пароходе «Донау», стоявшем в западной гавани, в Таллин. Вскоре мы оказались в Москве.

Зимняя война, негативные подробности ведения которой советской стороной скрывались от советских граждан вплоть до середины 90-х годов, показала полную стратегическую нищету

Сталина и его упрямую самоуверенность, бездарность и даже тупость наркома обороны Ворошилова, профессиональную слабость и профнепригодность большинства советских маршалов и генералов, примитивно низкую подготовку командиров среднего и низшего звена армии, ВВС, ВМФ. Думается, что общая слабость Красной армии, ее полная неподготовленность к ведению войны, несмотря на храбрость и героическую выносливость красноармейцев и командиров в тяжелейших природных условиях финской зимы, были вызваны не только сталинскими чистками высшего командного состава РККА в канун Второй мировой войны и слабой, формализованной подготовкой командиров и красноармейцев. Очевидно, как и разгром, учиненный НКВД, сомневающейся в вожде верхушки Красной армии в 1937–1938 годах, все предыдущие волны репрессий, уничтожившие или загнавшие в ГУЛАГ большую часть самых деятельных представителей интеллигенции, предприимчивых, энергичных и хозяйственных крестьян, обруганных Лениным и Сталиным новым ругательством — «кулак», а также самых развитых рабочих, лишили Красную армию действительно широкой народной базы инициативных и организованных мобилизационных резервов, из которых только и возможно было государству черпать кадры перспективных низших и средних командиров. Остававшаяся на свободе активная часть населения была настолько запугана и деморализована, что от этой «сталинской» болезни Красная армия не излечилась и в первые два года Великой Отечественной войны.

Тех читателей, кто хочет подробнее узнать то, что происходило в ходе военных сражений в 1939–1940 годах, отсылаю к документальной книге Бориса Соколова «Тайны финской войны», вышедшей в Москве в 2000 году…

Немецкий пароход «Донау» благополучно доставил нас через сутки из Хельсинки в Таллин. Мы изрядно оголодали, поскольку немецкий капитан «союзной» Германии не кормил своих русских пассажиров. Зато советское полпредство в Эстонии накормило и обласкало нас прямо на пристани. Еще через день мы были дома, в Москве.

Когда отец писал эту главу своих мемуаров, он рассказывал, что даже начальник разведки Фитин не знал о переносе даты нападения Советского Союза на Финляндию на три дня ранее, чем было запланировано. Но факт этого переноса оправдывал Фитина и резидента, не выполнивших задание «самого хозяина» — Сталина, который приказал перевезти руководителей КПФ через Стокгольм в Териоки. Срыв задания не повлек за собой оргвыводов, хотя резиденту пришлось переволноваться,

возвращая в казну шесть миллионов триста тысяч финских марок. Финуправление его Наркомата отказалось принимать деньги, которые оно не выдавало. В Госбанке также ответили отказом, поскольку получателем этих миллионов НКВД не числился. После долгих уговоров только Фитин взял на себя смелость принять эти деньги в кассу разведки по приходной ведомости…

Весь позор для Советского Союза Зимней войны хорошо описан в современной литературе. Поэтому я хотел бы подчеркнуть только еще одно: позиция нейтральной Швеции, отказавшейся пропустить англо-французский экспедиционный корпус для участия в советско-финской войне на стороне финнов, и давление шведского правительства на финляндское в пользу скорейшего заключения мира была поистине ключевой к тому, чтобы разгоравшаяся мировая война не сожгла своим огнем Финляндию и не опалила всю Скандинавию весной 1940 года.

…В середине марта 1940 года резидент Елисеев вновь прибыл в Хельсинки в качестве поверенного в делах и начал практически восстанавливать дипломатические отношения Суоми и Москвы. Одним из первых его шагов стало освобождение из финского лагеря для военнопленных двух хозяйственников советского полпредства, оставленных «на две недели» в начале декабря для присмотра за зданием миссии. Они рассказали, что в одном из бараков своего лагеря видели Херту Куусинен и нескольких товарищей, приходивших до войны на приемы в полпредство.

Вскоре, не без давления советского правительства, выпустили из заключения и членов ЦК КПФ. Я вновь получил свою учительницу немецкого языка тетю Херту и снова радовался, что занятия с ней были очень короткими и необременительными. Возродилась и «игра в машинки» с отцом. Теперь я выступал в ней почти как эксперт. Этому способствовали два обстоятельства.

Во-первых, среди вывезенных отцом из Хельсинки книг оказался какой-то немецкий ежегодник, в котором несколько страниц занимали рисунки и описания легковых автомобилей всего мира, то есть европейских и американских моделей 1938–1939 годов. Отец перевел мне текст, который вместе с изображениями машин прочно осел в моей памяти.

Во-вторых, благодаря этим «теоретическим» познаниям и практическому знакомству с несколькими марками, типа «бьюика», «рено», «форда», я сделался «авторитетом» не только среди юных автолюбителей нашего двора в Москве, но и всей округи. Частые дискуссии на эту тему, как говорят педагоги, закрепили пройденный материал. Теперь в Хельсинки я практически не ошибался, но, как часто бывает в жизни, мои

призы от этого сначала значительно сократились, а затем иссякли окончательно.

Не возродились они и тогда, когда в Финляндии в сентябре 1940 года появился совершенно новый материал. Под предлогом транзита в Норвегию Германия стала вводить части вермахта в Финляндию. Некоторые из них высаживались с немецких пароходов в западной гавани и затем следовали по улице мимо нашей миссии.

Окна квартиры на четвертом этаже, где мы жили, и квартиры на третьем этаже, где размещалась наша маленькая школа, выходили на улицу. Немецкая военная техника, с шумом проходившая из порта мимо здания миссии, вероятно, интересовала не только меня, но и кое-кого из взрослого персонала. У меня конечно же возникли по поводу этой техники многочисленные вопросы к отцу. Выглянув как-то вместе со мной из окна, он показал мне немецкие штабные «мерседесы», мотоциклы БМВ с колясками и пулеметами, разные артиллерийские установки, в том числе зенитные, грузовики фирмы «Опель» с солдатами… К моему необыкновенному счастью, он подарил мне старенький цейсовский бинокль, с которым ездил на охоту, и затеял новую игру «для развития моей памяти». Теперь я должен был запоминать номера немецких машин, которые видел из окна нашей квартиры или в городе, во время прогулок и походов на рыбный рынок или воскресных поездок за город. Вечером я диктовал цифры ему, и он сверял их с какими-то своими записками.

Незаметно пролетели осень 1940 и зима 1941 годов. Из того периода в голове осталось только важное событие: благодаря умению читать, писать, считать и довольно хорошо развитой памяти я проучился в первом классе только один месяц и был переведен во второй класс. За эти «заслуги» я получил в подарок ко дню рождения подростковый велосипед и осваивал его все начало июня.

В субботу 14 июня отец отвез меня с мамой на советскую военную базу Ханко, где ее командующий генерал Кабанов предоставил семье советника полпредства один из пустующих финских домов на все лето. К моему сожалению, велосипед почему-то с собой не взяли, и отец обещал привезти его в следующую субботу, 21 июня, когда приедет на воскресенье к нам на Ханко. Вообще-то последнюю неделю он ходил какой-то озабоченный и печальный, на субботу и воскресенье с нами не остался, а, просидев несколько часов в штабе у генерала Кабанова, умчался в Хельсинки. Причину его печали, начиная от второй недели июня 41-го года, мне открыл полтора десятилетия

спустя, в 1956 году, когда меня приняли на работу в Совинформбюро, один из друзей-сослуживцев отца, работавший «под крышей» этой почтенной правительственной организации.

Он рассказал мне тогда, а сорок лет спустя это было опубликовано в четвертом томе Истории советской разведки и в мемуарах генерала Синицына, что за одиннадцать дней до 22 июня один из самых ценных источников информации резидента, имевший прочные связи в высших правительственных и военных кругах, по телефону, условным кодом, обговоренным на случай самых срочных и важных сообщений, в среду 11 июня вызвал советника Елисеева на встречу. Финский друг и соратник, законспирированный псевдонимом Монах, буквально выбежал навстречу резиденту из кафе.

— Беда! Елисей Тихонович, беда! — задыхаясь от волнения, прохрипел он. — Сегодня утром в Хельсинки подписано тайное соглашение между Германией и Финляндией об участии финских вооруженных сил в предстоящей войне Гитлера против Советского Союза, которая начнется 22 июня, то есть через 12 дней… Об этом сообщил мне мой хороший друг (Монах назвал его имя), который лично присутствовал при подписании документа. Он никогда еще меня не подводил, и я верю ему как себе… Поспешите, пожалуйста, передать это сообщение в Кремль, Сталину… Еще можно что-то предпринять… И извините за нарушение конспирации и прямой звонок в миссию… Но иного выхода не было…

Через час шифровка с грифом «вне очереди» ушла в Москву, в адрес наркома Берии. Это был кратчайший путь доставить информацию до главного адресата — Сталина. Три дня не было ответа, а 14-го, когда резидент запросил наркома о том, доложена ли его шифровка «товарищу Иванову» (под этим псевдонимом в телеграммах проходил Сталин), в Хельсинки от Берии пришел лаконичный ответ: «Номер такой-то доложен. Не суетитесь». В тот же день телеграф принес беспокойным разведчикам еще и публичное разъяснение их неправоты. ТАСС опубликовал печально знаменитое заявление, в котором советское правительство категорически отвергало все слухи о предстоящей вскоре войне между СССР и Германией, нахваливало верность германского союзника.

Я узнал от друга отца еще и то, что объясняло готовность Военно-морского флота Советского Союза к войне, которую он продемонстрировал в ночь с 21 на 22 июня, отбив неожиданное нападение люфтваффе на свои базы. Оказывается, 14 июня привезший свою семью на Ханко резидент из Хельсинки не просто болтал несколько часов с командующим базой. Он предупредил

генерала Кабанова и двух его замов, что на рассвете 22 июня ожидается нападение гитлеровской Германии и ее союзников на СССР. Конечно, он не имел права делиться с кем-либо совершенно секретной информацией, тем более что Москва восприняла ее негативно. Но резидент, в отличие от Сталина, верил финским друзьям Советского Союза и понимал, что заблаговременная подготовка к обороне спасет сотни, если не тысячи, жизней командиров и краснофлотцев. Он сильно рисковал, и, если бы война не разразилась в намеченный Гитлером день, Берия стер бы своего строптивого подчиненного в лагерную пыль.

Естественно, что генерал Кабанов шифровкой доложил наркому Военно-морского флота адмиралу Кузнецову об откровенном сообщении резидента в Финляндии. Кузнецов был тогда одним из самых ярких и талантливых советских руководителей Вооруженных сил. К тому же предупреждение Елисеева из Хельсинки полностью совпало с шифровкой военно-морского атташе в Берлине капитана 1-го ранга Воронцова. Сталин не хотел верить и Воронцову, как и многим другим разведчикам. Но нарком ВМФ поверил и приказал объявить на флоте к 21 июня «готовность номер 1»…

В субботу 21-го я вышел на дорогу, ведущую от границы базы с Финляндией в центр поселка. Больше всего я ждал приезда отца из-за того, что он обещал привезти мне велосипед. Сидеть на моем наблюдательном пункте пришлось долго. Я знал, что дома меня ожидает взбучка, но терпеливо ждал фордик. Когда он показался из-за поворота, я выскочил на дорогу, но отец, хоть и увидел меня, даже не притормозил, а помчался в сторону штаба. Я огорчился в основном оттого, что в салоне машины не заметил велосипеда.

Когда я приплелся домой, «форд» еще стоял у штаба, а мать из окна дачи беспокойно на него поглядывала. Слава богу, ее волнение не отразилось отрицательно на моей шкуре. Через некоторое время появился отец.

— Зоя, немедленно собирайся, завтра утром мы должны быть в Хельсинки, — без всякого приветствия резко сказал он.

Мать решила показать и свой характер:

— Что это такое! Мы неделю назад приехали на дачу!.. Здесь такой прекрасный морской воздух!.. Никуда я не поеду!..

— Завтра пожалеешь об этом! — не стал разъяснять ситуацию отец.

Вечером из штаба принесли и поставили на тумбочку радиоприемник, красноармеец с петличками связиста растянул по комнате антенну и подключил аппарат. Он настроил его на волну Москвы, и полились какие-то популярные веселые

мелодии. Когда ложились спать, то почему-то приемник не выключили, но сделали очень тихий звук.

Было восемь часов утра по местному времени, когда мы еще сидели за завтраком. Голос Левитана, сразу же усиленный колесиком приемника, объявил, что в двенадцать часов по московскому времени выступит Председатель Совнаркома товарищ Молотов.

Отец бросил загадочную фразу: «Монах был прав! Война началась!..» — и уехал в штаб. Вернулся он к десяти часам по местному времени, когда Молотов начал свою речь. Теперь и мы поняли, отчего отец вчера хотел собрать и уложить наши вещи.

Вместо спокойных сборов побросали в «форд» попавшиеся под руку тряпки и, когда Молотов закончил говорить, помчались к границе, за которой была Финляндия. По дороге отец объявил матери, что генерал Кабанов, в предвидении начала войны и зная о том, что резидент должен быть на своем боевом посту в миссии, предложил отправить нас с мамой в Ленинград вместе с семьями своих командиров на турбоэлектроходе «Сталин», стоявшем в порту Ханко. Но отец отказался, сказав, что вместе легче переносить все испытания. Как мы узнали после начала войны, своим ответом он спас нам жизнь.

Красавец турбоэлектроход, гордость пассажирского Балтийского пароходства, был потоплен в конце июня немецкой авиацией в двадцати километрах от берега Эстонии. С него спаслось только два человека, добравшиеся вплавь до Таллина и рассказавшие о гибели сотен женщин и детей. Советская военная база на Ханко так хорошо успела подготовиться к обороне, что держалась до 3 декабря 1941 года, когда ее оставшиеся в живых защитники были вывезены на Большую землю, то есть в Ленинград.

…Расстояние до границы мы промчались на «форде» за несколько минут. Надо было как можно скорее проскочить ущелье, вырубленное в скале для дороги на финской стороне, поскольку на вершине скал по сторонам дороги финны поставили два огромных валуна, которые небольшим усилием рычага первого рода могли быть обрушены на дорогу и закупорить ее напрочь.

Валуны стояли еще наверху, и мы успели проехать на финскую сторону. Очевидно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что Финляндия официально вступила в войну против СССР на стороне своего союзника Германии на четыре дня позже 22 июня. Тем самым Хельсинки хотел дать понять, что Финляндия как бы независима от Германии и сама начинает «войну-продолжение» Зимней войны. В течение всей «войны-

продолжения», или, как ее еще называли финны, «войны-искупления», в 1941–1944 годах правительство Финляндии придерживалось тезиса об «отдельной» войне: Финляндия, оказывается, не была союзницей Германии, но «соратницей по борьбе».

Однако какие бы семантические тонкости ни проповедовались финнами, советская авиация 25 июня нанесла жестокие бомбовые удары по объектам в Финляндии, спровоцированные действиями германского люфтваффе с финских аэродромов. На севере страны, где было много немецких войск, наземное наступление немцев началось 22 июня и через несколько недель захлебнулось.

На Карельском перешейке, возле Ленинграда, в июле — августе, где против Красной армии воевали только финны, сложилась довольно уникальная фронтовая ситуация. В конце августа генштаб Германии дважды просил финских «соратников по борьбе» принять участие во взятии Ленинграда, оказавшегося в блокадном кольце. Но финны дошли только до старой государственной границы 1939 года и остановились. Маршал Маннергейм, бывший генерал-лейтенант Российской императорской армии, наотрез отказался идти дальше, на соединение с немецкими войсками на берегах Ладожского озера, чтобы завершить полное окружение Ленинграда на суше. Понятно, что тогда советское командование не смогло бы организовать на Ладоге по воде, а затем ледовому покрову «Дорогу жизни» и проложить по дну озера топливопровод для снабжения горючим танков, автомобилей и флота. Маннергейм заявил президенту Финляндии Рюти и правительству, что возложил на себя обязанности главнокомандующего на том условии, что ему не придется «иметь дела с Петербургом». Может быть, такая его позиция спасла Ленинград от захвата гитлеровцами в самый острый момент его обороны?..

К слову сказать, в феврале 1917 года, на пике заговора генералов царской Ставки и командующих фронтами против своего Верховного главнокомандующего — императора Николая II, барон Маннергейм оказался среди небольшого числа русских генералов, не предавших присягу и своего царя. Вернувшись на Южный фронт в марте 1917 года, Маннергейм даже пробовал уговорить своего главнокомандующего генерала Сахарова возглавить поддержку Верховного главнокомандующего и сопротивление революционерам. Но русский генерал Сахаров отказал финскому барону, шведу по крови Маннергейму в исполнении присяги!

Искренний монархизм маршала Маннергейма сыграл,

видимо, позитивную роль в судьбе Ленинграда во время немецкой блокады города на Неве…

…В первые день-два войны советские бомбы на Хельсинки не падали. Потом ежедневно, до того дня, когда нас вывезли из Хельсинки для обмена на финскую миссию в Москве через шведские шхеры, Балтийское море, Германию, Австрию, Югославию, Болгарию на турецкую границу, где Международный Красный Крест должен был организовать такой обмен персонала советских миссий в странах-союзниках Гитлера на персонал миссий этих стран в СССР, — ежедневно объявлялась воздушная тревога и с неба сыпались советские бомбы. Но советские летчики, хотя и имели опыт Зимней войны, точному бомбометанию так и не научились. За десять дней, которые мы провели в здании блокированного финской полицией постпредства, ни одна бомба не попала в западную гавань, где стояли немецкие транспорты и эсминцы. Слава богу, хоть не попали и в нас.

Взрослые восприняли войну как трагедию нашего народа, они очень переживали за своих близких на Родине и мучились неизвестностью нашей судьбы, хотя через шведских дипломатов и Международный Красный Крест велись переговоры с финскими властями об обмене нас на персонал посольства Финляндии в Москве. Полпред Орлов выступил перед коллективом 22 июня с обращением твердо исполнять свой долг перед страной и Сталиным, но в тот же вечер его свалил тяжелый приступ стенокардии. Резиденту пришлось стать снова поверенным в делах. Среди тех вопросов, которые он решал, были и такие, кажущиеся сегодня анекдотическими, как уничтожение коллекции представительских вин в постпредстве, чтобы они не достались противнику.

Мы, дети сотрудников миссии, часто играли не только во дворе-колодце здания, бывшего до революции резиденцией жандармского управления, но и в его многочисленных подвалах, хотя взрослые и рассказывали нам страшные истории о замурованных в них революционерах, от которых остались одни скелеты. Хотя скелетов мы и не видели, в самых дальних камерах этих сводчатых коридоров мы находили раза два кандалы с остатками цепей, которые приносили единственной учительнице всех наших классов. А мимо запертых на замок железных дверей проходили все же с трепетом.

На пятый день блокады постпредства, когда бомбежки Хельсинки нашей авиацией происходили и ночью, и днем, весь персонал «заселил» свободные камеры, превратив их в бомбоубежище. Тут-то и произошел инцидент, который очень

развлек и взрослых, и детей.

Кто-то рассказал поверенному в делах, что двое приятелей, М. и К., с утра находятся в пьяном состоянии и балагурят. Тут же были проверены замки на железных дверях в подвале, где оказались отнюдь не скелеты, а коллекция старинных вин и коньяков, ящики водок, много лет присылавшихся еще из дореволюционных запасов щедрыми тогда хозяйственниками Наркоминдела для представительских целей. По этой детали я много позже понял, что дворянин Чичерин и другие вожди НКИД были людьми мало пьющими и не смогли за полтора десятилетия уничтожить накопления царских дипломатов. Теперь же замки оказались сбитыми — в винном погребе уже побывали пьянчуги.

Полпред Орлов и поверенный в делах Елисеев приняли такое же решение, как Николай II в начале Первой мировой войны, к временам которой восходили многие из вин и коньяков коллекции, — они объявили на российской территории «сухой закон» и распорядились слить в канализацию весь представительский запас, оставив для медицинских целей не более дюжины бутылок. Мы, детская часть населения подвала, с интересом наблюдали за тем, как здоровые дядьки со слезами на глазах выносили из подвалов корзинами тысячи бутылок к решеткам городской канализации, отбивали над ними горлышки сосудов, сливали какой-то немыслимый драгоценный коктейль, складывали битую посуду в те же корзины и уносили их назад в подвалы. Но никто больше не покусился на казенное добро…

Спустя еще несколько дней нас вывезли на автобусах из оцепленного полицией советского полпредства, посадили в специальный поезд и доставили в финский порт Турку. Там нас принял на борт небольшой шведский пассажирский пароход, который, пройдя через финские и шведские шхеры, пересек Балтийское море и прибыл в воюющую с СССР гитлеровскую Германию, в немецкий тогда порт Свинемюнде. Там у самого причала стоял под парами экстерриториальный экспресс, составленный из вагонов «Митропа», среди которых был и вагон-ресторан. Роль пломб в этом поезде, шедшем по обратному маршруту ленинского «поезда в революцию», выполняли чины какого-то подразделения СС, стоявшие на всех вагонных площадках в своей черной форме, с автоматами «шмайссер» на груди.

Под вечер «пломбированный» экспресс отправился из Свинемюнде. Резидент и его сотрудники всю дорогу глядели в окна и фиксировали немецкие воинские эшелоны, идущие навстречу или стоящие на станциях, аэродромы, другие военные объекты. Они пользовались случаем и, как

разведчики-«маршрутники», собирали информацию о воинских перевозках, которую пока не было кому передать. Ночью поезд прибыл на какой-то вокзал, оказалось, что берлинский Анхальтский, но началась бомбардировка английской авиации, и наш поезд быстро выдворили из нацистской столицы.

Наш маршрут лежал через Германию, Австрию, Югославию и Болгарию, где на границе с Турцией Международный Красный Крест должен был обменять персонал советских миссий из стран-сателлитов Гитлера на персонал представительств стран оси в СССР. В таком же поезде и таким же маршрутом следовали для обмена и сотрудники советских учреждений в Германии. Весь путь до турецкого города Эдирне, где на перроне должен был быть произведен обмен, был рассчитан на несколько дней. Однако в первые дни войны финны отказались присоединить к персоналу нашей миссии тринадцать советских инженеров, работавших на предприятиях Финляндии, и поверенный в делах начал резко протестовать против этого через посредников-шведов, направив со шведской помощью телеграмму в Наркоминдел. В ней он предлагал задержать в Москве точно такое же число финнов, подлежащих обмену.

Как вспоминал в своих книгах после войны дипломат полпредства СССР в нацистском Берлине Валентин Бережков, подобная история произошла также и в Германии, где немцы пытались задержать советских приемщиков на заводах, выполнявших заказы Советского Союза. Пока воюющие стороны через дипломатов нейтральной Швеции и Международный Красный Крест решали этот вопрос жизни и смерти для многих советских людей, немцы притормозили «экстерриториальные» составы в оккупированной ими Югославии и загнали их все на запасные пути во дворе огромной табачной фабрики в городе Ниш.

Когда наши поезда в середине июля прибыли на железнодорожный двор фабрики в Нише, поверх забора, отделявшего подъездные пути от парка, эсэсовцы натянули дополнительные витки колючей проволоки и установили посты на всех ходах и выходах. Июльское солнце Балкан нещадно палило железные вагоны. Немцы сначала никого из них не выпускали. За забором фабрики в парке шелестели тенистой листвой огромные деревья грецкого ореха, иногда слышались голоса гуляющих детей и взрослых, шумы города.

В первый же день стоянки температура на солнечной стороне вагонов достигла выше сорока градусов по Цельсию. Поверенный в делах немедленно пригласил в «штабное» купе шведского представителя, сопровождавшего от Международного Красного

Креста наш поезд, и гестаповца Вольфа, начальника охраны. Им был заявлен резкий протест против фактического установления тюремного режима в бесчеловечной форме, что противоречило международным правилам. Швед также поддержал этот протест. В результате после крепкого разговора, в котором Вольф прославлял успехи Гитлера и заявил о скором взятии Москвы, а советский поверенный в делах напомнил ему о надеждах Наполеона на захват Москвы и об окончании тогда войны русскими войсками в Париже, гестаповец не нашелся что ответить и объявил, что женщины и дети получат право на ежедневную прогулку в течение двух часов около вагонов, а о мужчинах он будет докладывать в Берлин. Через несколько дней и мужчинам было разрешено выходить из вагонов два раза в день по часу, но не приближаться к забору.

Нацистский лагерный режим для детей почти сразу же был ослаблен, и нам позволили бегать через дыру в заборе в парк, расположившийся за ним. Для нас настало почти приятное время. Выскальзывая в парк, мы ловили и отпускали черепашек, которых никогда до этого не видели на свободе, сбивали палками с деревьев грецкие орехи в зеленой кожуре, пачкавшей йодом руки, устраивали бег наперегонки и другие активные детские мероприятия, от которых я постоянно обдирал коленки на каменистой почве парка, и мне их регулярно бинтовали, как и другим моим сверстникам.

Однажды работница табачной фабрики перекинула из окна своего цеха, к нашему поезду, стоявшему рядом с бетонной стеной, отделявшей железнодорожные пути от многоэтажного производственного корпуса, пачку сигарет. В ней оказались заделанными в папиросную бумагу военные сводки и кое-какие предложения от югославских партизан.

На следующее утро отец отвел меня в «штабное» купе и усадил там. Невесть откуда взявшийся наш полпредский врач разбинтовал мою сбитую коленку, поколдовал над ней, а затем снова забинтовал. Потом отец вывел меня к лесенке, ведущей из вагона в том месте, где почти никогда из-за жаркого солнца не было эсэсовца-часового, и вполголоса сказал, чтобы я погулял немного в парке, а потом, улучив минуту, когда немецкая охрана перестанет обращать на меня внимание, вышел на улицу через самую дальнюю парковую калитку, расположенную под горой, прошел шагов сто вниз по улице до кондитерско-фруктовой лавки и получил там два пакета конфет для наших детей.

— Если сербы в лавке захотят перебинтовать коленки, то не отказывайся, — предупредил отец и добавил: — Когда будешь возвращаться из лавки, погуляй немного в парке, а потом принеси

к нам в «штаб» пакеты с конфетами. Мы их разделим на всех детей.

Я сделал все так, как сказал отец. Сербы действительно стали охать, когда увидели мои коленки, меня усадили тут же на стул, вручили блюдо с конфетами и черешней, а пока я услаждал свою душу их дарами, перебинтовали снова мои колени. Выпив на дорогу еще и стакана три лимонада, с двумя большими пакетами конфет я отправился назад.

Таскать по жаре тяжелые пакеты и не попробовать то, что в них лежало, было мучительно, но я решил даже отказаться от своей доли, поскольку в лавке наелся сластей до отвала. Почти сразу же я потащился из парка в жаркий и душный вагон, где отец одобрил мое решение отказаться от горсти конфет, которая мне причиталась. Однако наш врач снова полез перебинтовывать мои коленки. Я было дернулся бежать назад в парк, но отец так посмотрел на меня, что я тихонечко уселся на то же место, где мне час назад начали эту дурацкую процедуру, которая все не прекращалась…

Лет через двадцать, начитавшись шпионских историй, я уловил, наконец, смысл моих хождений в кондитерскую лавку в городе Ниш. Оказывается, отец использовал меня «втемную» как связного. Я немало возгордился тем, что столь оригинальным образом принял участие в Великой Отечественной войне, и однажды, улучив момент, спросил отца, почему он выбрал для передачи разведданных с маршрута поезда и установления контакта с югославскими партизанами именно меня.

Не скрою, я ожидал от него услышать похвалу моей быстроте, сообразительности и другим мальчишеским достоинствам. Но он ответил мне совсем по-другому:

— Ты знаешь, я мог рисковать только своим ребенком…

…Во второй раз роль связного «втемную» мне пришлось выполнять спустя три года в Стокгольме. Отца командировали в столицу нейтральной Швеции в конце 1943 года и назначили, как я узнал, когда помогал ему готовить мемуары, заместителем резидента в этой невоюющей стране по финской линии, для осуществления идеи выхода Финляндии из войны. После крупнейшего поражения вермахта в Курской битве летом 1943 года, которая стала своего рода водоразделом в ходе Второй мировой войны, в умах некоторых финских прогрессивных деятелей, советского посла в Швеции Александры Коллонтай, крупнейших банкиров Швеции братьев Якоба и Маркуса Валленбергов, имевших экономические интересы в соседней Суоми, а главное — в Москве стала созревать мысль о необходимости скорейшего заключения сепаратного мира

Финляндии с СССР.

Редкие воздушные тревоги в Москве во второй половине 1943 года уже почти не звучали, зато после сражения под Курском небо над затемненными окнами все чаще стало озаряться фейерверками и орудийными залпами торжественных салютов в честь побед Красной армии. В декабрьскую стужу 1943 года мы выехали по этой причине из Москвы в переполненном пассажирском поезде, чтобы через два дня достигнуть Архангельска. Там, по сведениям Наркоминдела, формировался в обратный путь в Англию через Белое, Баренцево и Норвежское моря смешанный англо-американо-советский конвой.

Дело в том, что попасть в нейтральную Швецию во время войны было весьма сложно. Ее окружали оккупированные гитлеровцами Норвегия и Дания, Балтийское море, в котором господствовали германские кригсмарине. От Мурманска до Ленинграда тянулся наш Северный фронт, на котором вместе с немцами воевали и финны. Только из Англии летали в Швецию военные самолеты с пассажирами, рискуя быть сбитыми немецкими истребителями над Северным морем или Норвегией.

В Англию из СССР во время войны вели три пути. Первый был несколько безопаснее, но занимал много недель. Он начинался во Владивостоке, вел через Тихий океан, Северо-Американский континент и через Атлантический океан, также с конвоем торговых и военных судов в западные порты Великобритании. Второй проходил через Иран, Индийский океан, Южную Африку в Гибралтар, а затем морем в те же порты Англии. Самый короткий и быстрый маршрут шел из Архангельска или Мурманска с морским конвоем через приполярные моря Северного Ледовитого океана в северо-западные гавани Британии. Но здесь на всем пути от советских к английским берегам морские конвои подстерегали стаи немецких подводных лодок, эскадры надводных кораблей кригсмарине с флагманом, самым большим линкором мира «Тирпицем», эскадры самолетов-торпедоносцев и бомбардировщиков, базировавшиеся, как и «Тирпиц», в Северной Норвегии. Все они рыскали под водой, на воде и в воздухе, нападая на конвои и отдельные суда, отбившиеся от конвоев.

Последним уроком в московской школе около площади Маяковского, откуда меня взяли прямо на поезд в Архангельск, была география. И сразу же начался практический урок этой науки, длиной в полтора года, причем довольно опасный во время войны. Правда, в одиннадцатилетнем возрасте я никакой опасности не ощущал.

Когда мы прибыли в город на Северной Двине, оказалось, что последний конвой только что ушел, а Белое море замерзло.

Пришлось с пересадками, во время которых попасть в нужный поезд помогал только дипломатический паспорт отца, вызывавший благоговение военных комендантов, добираться до Мурманска, с его незамерзающим портом на Баренцевом море. Там мы успели попасть на последний корабль последнего конвоя 1943 года. Новый, 1944-й мы встречали на английском корабле в шторм, которому очень радовались британские моряки. Оказывается, в шторм не летали немецкие торпедоносцы и бомбардировщики, бездействовали подводные лодки. Но где-то на полпути, между Нордкапом и островом Медвежий, океан успокоился. Там нас и догнала стая немецких пикирующих бомбардировщиков Ю-87 «Штука» и устроила над нашим конвоем довольно жуткую карусель с воем, пулеметной стрельбой и взрывами бомб в воде возле нашего борта. Одно из судов, идущее поблизости от нашего, серьезно пострадало во время этой бомбежки, а зенитными эрликонами с кораблей конвоя был сбит немецкий самолет. Весьма эффектно он задымил, рухнул вниз и погрузился в серо-зеленую пучину океана.

В результате мои представления о настольной игре «Морской бой», которой тогда увлекались на уроках почти все сверстники, приобрели вполне реальные очертания…

На землю Великобритании мы ступили в Кардиффе и оттуда поездом направились в Лондон. После московских и мурманских морозов поражали зеленые луга, огороженные стенками из камня, зеленые газоны, люди, разгуливающие без головных уборов. Еще больше удивило после голодной военной Москвы отсутствие карточек на некоторые сорта хлеба, копченую рыбу, рыбные консервы и шоколад.

В первый же день в Лондоне, погуляв по узким улочкам Сити, окрестных кварталов и оглядев собор Святого Павла, мы набрали в лавках всех бескарточных яств и отправились в Гайд-парк искать свободную скамейку для второго завтрака. Парк был почти пуст. Редкие прохожие с сочувственным интересом наблюдали двух взрослых и одного ребенка, одетых в меховые шапки и тяжелые зимние пальто, с аппетитом поглощающих продукты из разных кулечков и запивающих их молоком.

Все пять ночей, которые мы провели в столице Великобритании, звучали сирены воздушных тревог. Четыре ночи мы спускались в бомбоубежище, но на пятую нам это надоело, и мы остались в комнате пансионата. Именно в эту ночь немцы запустили на Лондон несколько своих ракет «Фау-1». Сначала тряхнуло землю, как при землетрясении, а затем раздались чудовищные взрывы. Наутро мы отправились на север, в Шотландию, где неподалеку от Эдинбурга находилась военно-

воздушная база, с которой переделанные в грузопассажирский вариант двухмоторные бомбардировщики «армстронг уитли» доставляли немногочисленных пассажиров и суперсрочные грузы по ночам в нейтральную Швецию. Полет длился четыре с лишним часа над Северным морем и Норвегией, где базировались немецкие ночные истребители, вылетавшие на охоту за английскими самолетами.

На базе нам объявили, что полетит два самолета с интервалом в один час и мы должны встать в очередь на посадку. При этом требовалось переодеться в английский летный комбинезон, нацепить пробковый жилет со свистком и фонариком на случай приводнения, если самолет будет подбит, а поверх всего застегнуть парашют.

Мой московский опыт толкания и пролезания в очередях позволил нам занять место почти рядом с раздачей комбинезонов на первый самолет. Но оказалось, что детский размер на этот вылет не припасли, и, возможно, это сохранило нам жизнь или здоровье. С первого «армстронга уитли» нас перевели на второй и к его отлету нашли подходящую для меня экипировку.

Какой мальчишка военных лет не возносился в мечтах в поднебесье на военном самолете! Романтика действительности превзошла все мои ожидания, особенно когда на высоте пять тысяч метров командир экипажа приказал нам надеть кислородные маски, и голова закружилась то ли от восторга, то ли от глотка главного компонента жизни. Я бы мог лететь еще дольше, но часа через три из кабины пилотов вышел штурман и объявил, что скоро уже Стокгольм.

Шведский аэропорт Бромма в десяти километрах от столицы являл собой разительный контраст с московским и британским затемнением. Он был весь залит светом, и в прожекторных лучах мы увидели на летном поле вылетевший раньше нашего английский бомбардировщик «армстронг». Возле него стояла толпа людей, санитарные машины. Люди в белых халатах вкладывали носилки с недвижными телами людей в санитарные машины.

Работник консульского отдела советского полпредства, который приехал в Бромму, чтобы встретить семью Елисеевых, увидев нас, принялся обнимать от радости, что мы летели вторым самолетом. Он рассказал, что первую машину из Англии обстреляли над Норвегией два ночных «мессершмитта». Британский самолет не был сбит, но от пуль немецких пулеметов погибли штурман и два пассажира, а трое других тяжело ранены.

По дороге в город в посольском «бьюике» советский дипломат рассказал, что за несколько дней до нашего прилета все

посольство вот так же, как и нас, ожидало семью военно-морского атташе Алексея Ивановича Тарадина — жену и двоих детей, и семью его помощника в таком же составе. Обе семьи пережили ленинградскую блокаду, и советское полпредство готовилось к их приезду, как к празднику. Отцы накупили сластей, велосипедов и цветов своим долгожданным.

Немецкие асы расстреляли их самолет уже над нейтральной шведской территорией, и погибли все, находившиеся в этой машине.

Шведы близко к сердцу приняли гибель двух семей — в советское полпредство на улице Виллагатан тянулась бесконечная цепь жителей шведской столицы. Они шли выразить соболезнование русским, и получилась стихийная демонстрация против фашистского варварства. Еще долго Алексей Иванович, которого наша семья знала по Хельсинки 1940–1941 годов, со слезами на глазах вспоминал обстоятельства этой трагедии…

Несколько дней мы прожили в гостинице «Король Карл» в самом центре Стокгольма, около площади Стюреплан. Меня больше всего поражали в первые недели залитые огнями реклам Королевская улица — Кунгсгатан и другие центральные площади и улицы. Еще более было удивительно обилие товаров в витринах, о которых мы уже в Москве и забыли. Фруктовые и другие лавки ломились от всего того, что через Германию могло быть доставлено в Швецию. Вся поверженная Гитлером Европа, от Португалии до Болгарии, от Норвегии до Греции, «нейтральные» в пользу Германии Турция, Швейцария — все поставляли потребительские товары в богатую, тоже «нейтральную» Швецию. Среди собственных шведских товаров мое воображение больше всего поражали прекрасные велосипеды и разные спортивные принадлежности.

О войне напоминали только две огромные витрины, в которых германское и наше посольства выставляли фотографии и другие информационные материалы с фронтов военных действий. Германская, на Кунгсгатан, была увенчана громадным гилеровским орлом со свастикой в когтях. Под свастикой в витрине красовалась карта Европы, на которой немецкие пропагандисты до Сталинградской битвы закрашивали почти ежедневно территории, куда доходил сапог вермахта. Там же были и немецкие фотографии с фронтов, о «счастливой» жизни депортированных иностранных рабочих в Третьем рейхе и в странах-сателлитах. После Сталинграда и Курска пропагандисты Геббельса из германского посольства умерили свой пыл и вынуждены были «спрямлять» в пользу Красной армии линию фронта на Востоке.

Наша витрина Совинформбюро у вокзала Сентрален, когда ее устроили по инициативе Александры Михайловны Коллонтай, становилась с каждым новым наступлением Красной армии все более популярной. Вагоновожатые трамвайных маршрутов, проходивших через вокзальную площадь, и без просьбы пассажиров стали останавливать свои трамваи у советской витрины, чтобы шведы могли получить объективную информацию.

Естественно, что все мальчишки и юноши из советской школы при посольстве, около семи человек, дружно гоняли на велосипедах сначала к немецкой витрине, где демонстративно плевали в сторону исчадия Геббельса, а затем спешили к нашей. Там мы внимательно рассматривали героические фотографии, и каждый надеялся найти своих родственников или знакомых…

Посол Александра Михайловна Коллонтай внимательно относилась к каждому члену маленькой советской колонии, даже несовершеннолетнему. Когда мы прибыли в Стокгольм, она пригласила к себе всю нашу семью, чтобы познакомиться. Ей был тогда 71 год. В августе 1942-го ее разбил тяжелый инсульт, после которого она могла передвигаться только в коляске. Инсульт поразил левую сторону лица, левую руку и ноги.

…Из маленького кабинета в такую же крошечную гостиную к нам выехала маленькая старушка. На ее лице сияли ясные голубые глаза, она могла говорить только правой стороной рта и двигать правой рукой. Она очень любезно поговорила с моими родителями, поинтересовалась и моими успехами в школе, спросила о впечатлениях от перелета из Англии в Швецию. Потом обещала сказать своему внуку Володе, который учился в маленькой посольской школе в десятом классе, чтобы он ввел меня «в шведские дела».

Вообще-то воспитывали меня дома строго, видимо, по образу и подобию воспитания рабоче-крестьянского контингента в школе нелегалов, которую кончал отец, будучи мобилизован с химического завода, и где от будущих закордонных разведчиков добивались умения достойно вести себя в приличном обществе. Чтобы закрепить во мне правила хорошего тона, отец принес несколько дней спустя из полпредства собственноручно составленную послом Коллонтай для затопивших после сталинских чисток советскую дипломатию рабоче-крестьянских выдвиженцев памятку, как вести себя на приемах.

Благовоспитанная генеральская дочь по происхождению и страстная революционерка и феминистка по призванию, Александра Михайловна, разумеется, не начинала свою инструкцию с того, что запретила всему составу посольства

прочищать нос на пол при помощи пальца, зажимающего одну ноздрю, хотя в советских диппредставительствах попадались еще долго подобные «чистюли» не только среди обслуживающего персонала, но и в оперативном составе. Для всех советских выдвиженцев разных рангов было довольно ясно сказано:

«На коктейлях или чаях в совмиссии члены совколонии не должны:

1. подходить к накрытым столам и угощаться раньше гостей;

2. садиться группами и разговаривать, забывая гостей;

3. брать с подноса рюмку и передавать ее гостю. Напротив, передать чистую тарелку гостю, чтобы он мог взять торт или бутерброды, вполне допустимо;

4. оставлять недоеденные бутерброды прямо на скатерти.

…Нельзя плевать на пол, кашлять, не отвернувшись от другого, тушить папироску, бросая ее на пол и притоптывая ногой.

…Перед тем как отправиться на прием, в гости, а также перед приходом гостей рекомендуется принять душ. Несоблюдение этого правила будет замечено и даст основание вынести неправильные суждения о культуре в нашей стране…

…Не хлопать дверями, это производит впечатление некультурности».

Как старый и мудрый человек, Коллонтай прекрасно представляла себе ситуацию в Советском Союзе в 30-х и 40-х годах, бесконечные чистки партийных и военных оппозиций Сталиным, свое место в истории русской революции и наличие у нее опасных знаний о «великом вожде» и его некоторых соратниках.

Чувствуя постоянную угрозу от резидентов, которые не только выполняли разведывательные функции, но и по перманентному поручению Сталина, Менжинского, Ягоды и Берии «присматривали» за старой революционеркой, Коллонтай не втягивалась ни в какие обсуждения партийных дел в Союзе, «оппозиций» и «оппозиционеров», среди которых были ее друзья и бывшие мужья, всяческих партийных дел в Союзе. Более того, она предусмотрительно подчистила свои дневники 20-х и 30-х годов, убрав из них, видимо, негативные оценки Ленина и Сталина, но не Крупской, а новые вела так, что в них не содержалось не только каких-либо слов компромата против генсека, но даже было бы и видно ее восхищение «горным орлом» Кобой.

Коллонтай хорошо представляла себе характер Сталина, его злопамятность, мстительность и капризность, знала о тяжких для нее последствиях, если генсек вдруг «обидится» на нее. Фактически смирив свою революционную гордыню и

«отредактировав» старые дневники, она не только спасла свою жизнь и дело, которому служила, но и перехитрила самого Сталина.

Готовя свои мемуары, отец рассказывал мне, как предыдущий резидент в Швеции, воспользовавшись тяжелой болезнью Коллонтай в августе 1942-го, во время которой чемоданчик с ее дневниками верная секретарь Александры Михайловны Эмми Лоренсен принесла из ее кабинета и положила под госпитальную койку «мадам посла», выкрал дневники по приказу Москвы, шедшему, без сомнения, прямо от Сталина, и направил их в Центр.

В конце 1942 года отец был начальником скандинавского отделения внешней разведки НКГБ. Дневники Коллонтай поступили в его отделение со срочным поручением Берии: прочитать содержимое от первой до последней строчки и письменно доложить о прочитанном. Благожелательная записка начальника скандинавского отделения о дневниках и других документах, содержащихся в чемоданчике Александры Михайловны, попала сначала на стол начальника разведки Фитина, затем Берии и, наконец, Сталина. По слухам, особое удовольствие генсека вызвали отрицательные пассажи Коллонтай о Крупской, которая покровительствовала Инессе Арманд в ее близких отношениях с Ильичом и была в то же время весьма недоброжелательна к Александре.

Спустя несколько недель после прибытия в Стокгольм, когда Александра Михайловна начала заметно привечать советника Елисеева, он доверительно рассказал Коллонтай об этой истории с дневниками. Он не знал, что «мудрая Коллонтайша», как ее называли за глаза в коллективе полпредства, переиграла их всех, начиная от Сталина и кончая резидентами и стукачами. Я сделал такой вывод потому, что реакция Александры Михайловны на доверительное сообщение советника Елисеева была весьма трогательной.

— Она, волнуясь, протянула мне свою морщинистую руку, — вспоминал отец, — и сказала: «Спасибо за рассказ об архиве и за то, как вы доложили о нем Берии. Теперь я наконец буду спокойна! А то чего я только и не думала…»

…Первые месяцы пребывания в Стокгольме мы жили в одном из пригородов столицы — Росунде. Из-за войны и недостатка бензина основу городского транспорта на короткие расстояния составляли велосипеды, автобусы с газогенераторными установками и трамвай. Даже дипломатическим миссиям выделялись лишь небольшие лимиты на бензин, а высокопоставленные чиновники и богачи разъезжали на легковых

автомобилях, у которых перед радиаторной решеткой висел объемный бак газогенератора или такое устройство большей мощности было прицеплено на колесиках сзади, вроде полевой кухни. Водителям часто приходилось кормить газогенераторы березовыми чурочками, и в воздухе города днем стоял кисловатый дымок деревенских печек.

Велосипед именно тогда стал самым массовым национальным транспортным средством скандинавов. Я сам видел настоящего и живого короля Швеции Густава V, сухощавого и высокого старика, едущего на велосипеде по мосту возле своего дворца. Много раз доводилось видеть и премьера страны Ханссона, и ее министра иностранных дел Гюнтера, передвигавшихся по центру города на двухколесных машинах.

По утрам отец отвозил меня на трамвае из Росунды в школу, расположенную на другом конце города, в пригороде Ердет. Все маршруты вагонов и автобусов ходили строго по расписанию. В полупустом на конечной остановке трамвае мы часто садились рядом с обаятельным, широколицым и голубоглазым человеком с густой шевелюрой. Отец болтал с ним по-немецки, называя господином Франком. Я ничего в их разговорах не понимал, хотя в нашей советской школе нас рьяно учила немецкому языку невестка Коллонтай Ирина Романовна. Я понял только, когда этот милый человек, обратившись ко мне, сказал однажды, что я могу называть его «онкель Вилли» — «дядя Вилли». Лет через десять после того, когда я уже учил в Международном институте немецкий язык, отец привез мне из Германии для языковой практики книгу одного из лидеров западногерманской социал-демократии Вилли Брандта. С обложки на меня смотрело доброе лицо «дяди Вилли».

— Да, это он, — подтвердил мое воспоминание отец. — Во время войны Вилли Брандт скрывался от Гитлера в эмиграции в Швеции… Это очень прогрессивный человек! — добавил он, хотя сталинская пропаганда в те времена всячески ругала социал-демократов.

Из Росунды мы переехали в квартал поближе к центру и посольству, называвшийся из-за окраинного положения на севере столицы Сибириен, по аналогии с Сибирью. На улице Биргер-Ярлсгатан, 110, в старинной барской квартире было открыто советское консульство, в котором семье консула, то есть советника Елисеева, были отгорожены две комнаты, кухня и санузел. Судьба пошутила так, что, когда я приехал в Швецию в 1962 году на работу в качестве заместителя заведующего бюро АПН, консульство СССР находилось совсем в другом месте, а та квартира на Биргер-Ярлсгатан, 110 превратилась в служебное

помещение представительства сначала Совинформбюро, а затем, по наследству, агентства печати «Новости».

Случай свел меня в середине 60-х годов, когда я работал в Стокгольме, и с «дядей Вилли». Вилли Брандт регулярно приезжал в Швецию летом на так называемые неформальные Харпсундские встречи лидеров международной социал-демократии в загородном имении шведских премьер-министров Харпсунде. Как журналист я аккредитовывался на этих встречах и принимал участие в пресс-конференциях. Однажды по знакомству я ехал в Харпсунд в одной машине с Улофом Пальме, который был тогда министром просвещения и «наследником» премьера Таге Эрландера. Я восхищался этим умнейшим человеком своего времени, несколько раз встречался с ним для интервью, а когда он пал жертвой террористического акта — от всего сердца скорбел по нему и соболезновал шведской социал-демократии и шведскому народу, потерявшим великого лидера…

Тогда в Харпсунде я много раз бывал на расстоянии одного шага от «дяди Вилли», фотографировал его, но не осмелился напомнить ему о мальчике, который в его обществе добирался из Росунды в Стокгольм ровно за двадцать лет до этого. Причина моей застенчивости была еще и в том, что тот мальчик был сыном разведчика и дипломата, скрывавшегося под псевдонимом Елисеев, а тридцатилетний журналист АПН выступал под своей собственной фамилией — Синицин…

Но вернемся к моей деятельности «курьера» советской разведки в младшем допризывном возрасте. Видимо, на том же основании, что и в югославском городе Ниш, — невозможности рисковать чужими детьми, а только своим, — отец велел мне весной 1944 года брать уроки фортепиано и немецкого языка у учителя, к которому я ездил заниматься на велосипеде через половину Стокгольма. Консульство даже взяло напрокат пианино, которое торжественно установили в большой служебной гостиной для моих домашних занятий. Но я редко оскорблял слух консульских работников и соседей гаммами.

Моим преподавателем был чистейший немец и музыкант, плохо говоривший по-русски. Как и в Хельсинки с Хертой Куусинен, мои факультативные занятия немецким и музыкой оставались абсолютно не контролируемыми родителями, а следовательно, полностью безрезультатными, о чем в студенческие годы я сильно сожалел. С моим дорогим учителем Ф. два раза в неделю по два часа мы с упоением резались в шахматы. Иногда, «на десерт», я минут десять катался на огромном деревянном белом коне-качалке, который Ф. купил своему маленькому сыну.

Раз в две недели отец клал во внутренний карман моей куртки толстый конверт с деньгами — «гонораром педагога», тщательно закалывал его английскими булавками, чтобы не выпал по дороге, и в любую погоду рекомендовал мне ехать к Ф. на велосипеде, но ни в коем случае на трамвае, где пакет могут вытащить карманники. Я должен был обязательно привезти назад расписку о получении и какой-нибудь маленький конвертик, если Ф. попросит передать его ему. Еще он требовал строго соблюдать правила уличного движения и не попадать в руки полиции, которая, впрочем, являла собой в Стокгольме в те годы довольно редкое зрелище. Лишь спустя годы я понял, что толщина конверта с деньгами, который я передавал Ф. каждые две недели, во много раз превышала мыслимые пределы годовых профессорских гонораров, не только учительских, а в маленьких конвертиках для отца лежали не только расписки. К тому же Ф. извлекал из больших конвертов и писал мне расписку не только за пачки крупных купюр шведских крон, но и немецких рейхсмарок с гитлеровской символикой.

Резидентура продолжала меня использовать в качестве курьера «втемную» даже после того, как в сентябре 1944 года было заключено перемирие с Финляндией и отец срочно вылетел в Хельсинки для работы там резидентом и политическим советником главы союзной контрольной комиссии по Финляндии Жданова.

…Спустя двадцать лет в Стокгольме, на приеме в советском посольстве в честь очередной годовщины Октября, я столкнулся в толпе приглашенных носом к носу с Ф. Это был уже глубокий старец с седой как лунь головой. Видимо, он не узнал в тридцатилетнем советском журналисте двенадцатилетнего своего «ученика» в военные годы. Имя на моей визитной карточке — «Игорь Синицин, зам. зав бюро АПН в Швеции» — тоже ничего не сказало ему. Мы подошли к столу с напитками и взяли по рюмке водки.

Я поинтересовался его профессией.

— О, я много лет как пенсионер… — ответил он, и я понял, что ему за семьдесят, поскольку в Швеции пенсионный возраст для мужчин — шестьдесят семь лет.

Мы разговорились. Я узнал, что Ф. давно уже член легального и весьма активного Общества дружбы «Швеция — СССР».

«Значит, он благополучно вышел из игры разведок, поскольку среди членов Общества дружбы не бывает шпионов, которые могут при провале крепко скомпрометировать саму идею таких обществ…» — подумалось мне.

Затем я спросил, как поживает его сын. Старик насторожился,

не понимая, откуда незнакомый человек может знать о его сыне. Совершенно замкнулся он тогда, когда я по глупости задал ему вопрос о том, цела ли еще деревянная белая лошадь, на которой катался его сын, когда был совсем маленьким…

Мой учитель от этих вопросов несколько расстроился, я хотел было открыться ему, но тут кто-то из шведских гостей, его знакомых, подошел к нам и отвлек старика. Может быть, это было хорошо и для меня, и для него. Ведь прошло только двадцать лет после наших игр в шахматы. А шведская и советская контрразведки не дремали и могли нас наказать за нарушение «конспирации».

…Теперь, когда над Москвой 9 Мая гремят праздничные салюты, я вспоминаю моих дорогих «учителей немецкого языка» Херту Куусинен и Ф., игру с отцом «в машинки», которая продолжалась и в Швеции, угощение югославских партизан во фруктовой лавочке города Ниш, у парка при табачной фабрике. И думаю, что, может быть, заслужил хотя бы одну из самых маленьких среди сотен тысяч блесток от фейерверка, который рассыпается по мирному небу.

(Очерк опубликован в журнале «Международная жизнь». 2000. № 8–9)

Список источников

1. *Кара-Мурза С.* Советская цивилизация. Кн. 2. М.: Алгоритм, 2002. С. 30.

2. *Ле Карре Дж.* Секретный пилигрим. М.: ЭКСМО, 2002. С. 361.

3. *Медведев Ж., Медведев Р.* Неизвестный Сталин. М.: АСТ, 2002. С. 85.

4. *Семичастный В.* Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. С. 352.

5. *Аллилуева С.* Только один год. М.: Книга, 1990. С. 347–348.

6. *Свифт Дж.* Сказка бочки. Путешествия Гулливера. М.: ИХЛ, 1976. С. 271.

7. Телеканал НТВ, 14 июня 2004 г. Фильм Е. Киселева «Андропов». Фрагмент из высказываний М. Горбачева.

8. *Павлов Д., Петров С.* Полковник Акаси и освободительное движение в России (1904–1905 гг.) // История СССР. 1990. № 6. С. 53.

9. *Фельштинский Ю.* Вожди в законе. М.: Терра, 1999. С. 128.

10. Там же. С. 176, 333.

11. *Тишков А.* Дзержинский. М.: Молодая гвардия, 1977. С. 240.

12. Телеканал РТР, 19 мая 2004 г. Сериал «Исторические хроники» с Николаем Сванидзе. Часть под заголовком «1922. Дзержинский».

13. Военные архивы России. 1993. № 1.

14. *Красиков С.* Возле вождей. М.: Современник, 1997. С. 151.

15. *Судоплатов П.* Разные дни тайной войны и дипломатии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 177.

16. *Мартынов В.* Явка в Копенгагене. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998.

17. *Андропов Ю. В.* Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1984.

18. См.: *Фельштинский Ю.* Указ. соч. С. 176, 177.

19. *Шевченко Г.* // Совершенно секретно. 2003. № 5.

notes

Примечания

1

См. список источников в конце книги.

2

Фамилия моего отца пишется правильно — с буквой «ы» в конце. Мне же в шестнадцать лет, когда я получал первый паспорт, малограмотный милиционер-паспортист поставил в конце фамилии букву «и», а не «ы». С тех пор и идет различие в наших фамилиях.